

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева Владикавказского научного центра РАН
и Правительства РСО-Алания

Ф.Х. ГУТНОВ

ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ

Часть III

Северный Кавказ в XIII-XV вв.

Владикавказ 2014

ББК 65.5

Г 97

*Издаётся по решению Учёного совета
ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А*

Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Часть III. Северный Кавказ в XIII-XV вв.: монография [Текст] / Ф.Х. Гутнов – Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014. – 494 с.

ISBN 978-5-91480-217-9

Рецензенты: доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела археологии ФГБУН СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

Р. Г. Дзаттиаты;

доктор исторических наук, профессор
ФГБОУ ВПО МГИМО **В.В. Дегоев**

Третья часть «Горского феодализма» посвящена реконструкции общественного строя горских народов в т.н. «Темный период» их истории - XIII-XV вв. Показана роль опустошительных походов татаро-монголов и Тимура в существенных изменениях социально-политической карты всего региона. Именно в этот период на Северном Кавказе сложились две группы обществ – «аристократические» и «демократические». Эволюция общественного строя народов данного региона представляет значительный интерес для выявления специфики политогенеза у горцев мира вообще.

Таким образом, в деле определения специфики горского феодализма осталось немало нерешенных задач. Так и не удалось достичь единства взглядов по вопросам о механизмах классообразования, формирования государства, становления и развития относительно крупного землевладения. Между тем, эволюция общественного строя народов данного региона представляет значительный интерес для выявления специфики политогенеза у горцев мира вообще. Неоднократно отмечалось, что кавказский материал, как никакой другой, чрезвычайно важен для понимания общей проблемы генезиса феодализма.

Есть основания полагать, что в странах, покоренных Золотой Ордой, кроме непосредственных монгольских властей существовало промежуточное управленческое звено - местная феодальная аристократия, князья. Так было во многих земледельческих районах, в управление хозяйственной жизнью которых монголы почти не вмешивались. Города, сельскохозяйственные районы «попадали под двойной гнет местной и монгольской кочевой знати. Но непосредственным эксплуататором оседлых народов остались местные феодалы.

ББК 65.5

ISBN 978-5-91480-217-9

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2014

© Гутнов Ф.Х., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ИСТОРИОГРАФИЯ.....	33
I. Монгольские походы на Северный Кавказ.....	72
II. Северный Кавказ в золотоордынский период: основные проблемы экономики.....	127
III. Общества Северного Кавказа в золотоордынский период; основные проблемы социальной структуры....	194
IV. Северо-Восточный Кавказ в XIII-XV вв.	270
IV. 1. Дагестанские общества.....	271
V. Центральный Кавказ в XIII-XV вв.	343
V. 1. Алания	343
V.2. Кабарда	370
V. 3. БАЛКАРИЯ.....	395
VI. Западные адыги.....	422
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	435
БИБЛИОГРАФИЯ.....	440

ВВЕДЕНИЕ

По справедливому мнению историков¹, в отечественной науке «трудно найти событие, сыгравшее столь же значительную роль в судьбе страны, как нашествие монгольских войск... в XIII в. Вне зависимости от оценок этого события, большинство ученых считают его своего рода водоразделом в истории России» (*Диалог о книге* 2013, с. 3). Сказанное в полной мере относится и к средневековой истории народов Северного Кавказа. Расхождения в оценках и версиях событий XIII-XV вв. в регионе «со всей очевидностью» показали «необходимость дальнейшего изучения... динамики золотоордынского 'освоения' региона». Особую остроту данной проблеме придает то обстоятельство, что золотоордынская тематика является «своего рода 'ключевой' в процессе объективного осмысления ситуаций и процессов не только XIII-XV вв., но и последующего времени». Неверное толкование [или игнорирование] событий той поры, «влечет за собой опасность появления различных разработок... сомнительного характера» (*Нарожный* 1987, с. 55).

Основные термины² и понятия. Восстанавливая прошлое, невозможно обойтись без «интерпретации различных сторон жизни и тщательной реконструкции действительности»; причем, речь идет «о создании некоего микрокосма в терминах норм и категорий [курсив мой — Ф. Г.] изучаемого общества...» (*Ким* 2003, с. 140).

Однако решение данной задачи серьезно затрудняет *беспрецедентная запутанность* «в отечественном обществоведении всего теоретико-методологического инструментария и категориального аппарата» (*Кетов* 1998, с. 10). С. О. Шмидт писал в свое время по этому поводу: «Большинство источниковедческих категорий, понятий и терминов, общепринятых и наиболее употребительных в современной исторической литературе, мы встречаем в обобщающего типа трудах более чем полустолетней давности». Разумеется, многое в них не соответствует современным представлениям о самих категориях познания и их взаимозависимости. «Естественно, что формирующимся новым

представлениям становится тесно в рамках прежней терминологии. Пересмотр терминов... — потребность всякой развивающейся науки и едва ли не наиболее заметный внешний показатель этого развития» (*Шмидт* 1997, с. 24). Хотя эти «слова сказаны» еще в советское время, своей актуальности они не потеряли до наших дней. На протяжении почти всего XX в. в СССР еще в период разработки теоретической схемы под самыми различными названиями — «варварское», «полуфеодальное», «полупатриархальное», «дофеодальное», «прафеодальное» и др. — специалисты фактически пытались ввести в нее новую стадию всемирно-исторического процесса. Речь шла об обнаруженной на разных континентах универсальной общественной структуре. Ее отличительными чертами являлись сохранение массой непосредственных производителей личной свободы, экономической самостоятельности, и вместе с тем — наличие социального неравенства и эксплуатации. Причем, последние связаны не с различным отношением к средствам производства и условиям труда, а с различиями в социальном статусе и выполняемых общественных функций. Природа и происхождение социальной стратификации здесь совсем иные, чем в рабовладельческом или феодальном обществах (*Неусыхин* 1967; 1968; *Данилова* 1968, сс. 44-45).

Еще в ходе дискуссии 20-30-х гг. XX в. выяснилось, что принятые в советской историографии *понятия* рабовладельческой и феодальной формации не охватывали все многообразие форм докапиталистических классовых обществ. Многие древние и средневековые общества не подходили под установленный стандарт. В частности, на основе изучения германских племен I-го тысячелетия н.э. А.И. Неусыхин достаточно убедительно показал, что их общество не относилось ни к первобытным, ни к рабовладельческим, ни к феодальным социумам. Первобытное равенство здесь уже утрачено. Но контроль господствующего класса над условиями и средствами производства еще отсутствовал.

Напомним содержание терминов «горы», «горные районы», и «феодализм», чтобы в самых общих чертах определить какие

основные элементы жизни и быта горцев включает в себя понятие *горский феодализм*.

Понятие «горы». До сих пор, как это ни парадоксально, общепринятого определения понятий *горы* и *горные районы* нет. Как отметил Дж. Д. Айвз, «любая попытка определить, что такое *горы*, будет заключаться в комбинации *высоты* и *крутизны* [курсив мой — Ф. Г.] склона» (*Горы* 1999, с. 57).

Существует лишь ряд критериев, отличающих «горную» территорию от «не горной»: абсолютная высота над уровнем моря; уклон склонов; вертикальная поясность растительности и ландшафтов; изменчивость, контрастность и суровость климатических условий; повышенный риск природных и стихийных явлений; и т.д. Если использовать расширенное толкование, под которое попадают горы средней высоты, то тогда горцами в настоящее время можно считать около 10% населения Земли (*Баденков, Транин* 1997, с. 55; *Горы* 1999, с. 15).

Горные районы в социальных, экономических и культурных процессах Кавказа играли и играют особую роль. Северный Кавказ в европейской части России представляет собой регион, наиболее полно отвечающий всем хрестоматийным критериям горных стран: по высоте, расчлененности рельефа, ландшафтно-климатическому и этнокультурному разнообразию, особенностям хозяйства и расселения. При этом у подавляющего числа народов региона горы занимают значительную [и нередко большую] часть территории. Так, например, площадь современной Северной Осетии составляет около 8 тысяч кв.км, из которых 5,2 тысяч кв.км приходится на горную часть. Предки народов Кавказа в целом давно освоили ущелья к северу и югу от Главного Кавказского хребта. По какой же причине их предки оказались в этом регионе?

Гипотеза *рефугиума* [убежища в горах или отступления в горы под натиском врага] разнообразие горских народов считает следствием расчлененной и фрагментарной структуры гор, где каждая долина или бассейн реки могут формировать свой собственный особый мир. Другое широко распространенное мнение интерпретирует разнообразие культур горских наро-

дов как следствие долго продолжавшегося уединения и изоляции горских обществ, что было вызвано и усилено ограниченной доступностью (*Горы* 1999, 20). В этой связи становится понятным почему общественный строй народов Кавказа во все времена поражал исследователей разнообразием форм. Как отмечал Г.Ф. Чурсин, здесь «можно наблюдать самые разнообразные формы хозяйственного быта и материальной культуры, разнообразные типы социального строя и общественных взаимоотношений... Разнообразие форм быта и культуры кавказских народов имеет свои корни частью в особенностях исторического прошлого, частью в своеобразии условий природы, служившей материальной базой, на которой слагались хозяйство и быт местных народов» (*Чурсин* 1926, с. 202).

Экономика. Странники теории «убежища» считают, что горы [в сравнении с равниной] обычно имеют менее благоприятные условия для ведения хозяйства, поэтому менее подходят для расселения человека. Считается, что это обусловлено наличием суровых природных условий — низкой температуры, дефицита обрабатываемых земель, неудобных транспортных коммуникаций и т.д. Однако, если горы действительно так неблагоприятны, то они теоретически должны были превратиться в заброшенные экозоны. Следовательно, во всех случаях, когда в горах обнаруживается значительное оседлое население, это может рассматриваться как результат каких-то войн, действий центрального правительства или независимых от человека обстоятельств. Но почему тогда так много конфликтов в неблагоприятных для жизнедеятельности человека местах?

Возможно, горы действительно принадлежат к беднейшим регионам мира. Но и на равнинах также есть исключительно бедные районы. С другой стороны, хотя некоторые горы довольно пустынные, особенно там, где скудные осадки и отсутствие лугов не позволяют прокормиться даже пастбищным животным, есть также и относительно богатые горные территории. Последние исторически были и сейчас остаются плотно заселенными благодаря их сельскохозяйственным и лесным ресурсам, а не

потому, что население было силой вытеснено с равнины (*Горы* 1999, сс. 110-111).

Напомним тезисные оценки некоторых европейских горных территорий.

Альпы (Франция, Италия, Швейцария, Лихтенштейн, Германия, Австрия, Словения) — представляют собой «настоящие горы» с типичными проблемами эрозии почв, оползнями, и т.д. Характерен и широкий спектр социально-экономических различий. Серьезной проблемой остается снижение сельскохозяйственной активности в высокогорьях и связанная с этим проблема депопуляций, особенно в районах, где слабо развит туризм.

Пиренеи разделяют Испанию и Францию. Проблема депопуляции является доминирующей.

Аппенины (Италия); для южной части характерны водные и социально-экономические проблемы.

По словам экспертов, *«Европейское горное население представляло в прошлом и представляет собой сегодня ценнейшее человеческое достояние с богатейшими традициями, культурой, трудолюбием и мастерством, которые являлись источником благополучия и без которых невозможно представить историю континента».*

Существует, и это необходимо подчеркнуть, твердое убеждение [не только среди экспертов, но и в общественном мнении], согласно которому проблема горных территорий — это прежде всего проблема горного населения, тесно связанного с окружающей средой и ресурсами. Корни причин, породивших горную проблему, лежат в историческом прошлом.

В Документе «Европа 2000» констатируется, что в странах Евросоюза 27% его территории приходится на горные районы. Здесь проживает 25 млн человек [7,5%] при плотности населения от 42 чел/кв.км до 2-3 чел/кв.км. Население горных районов имеет более низкий уровень жизни, чем другие жители Евросоюза. По меньшей мере в половине из них индекс экономического развития составляет 35-75% от среднего в Евросоюзе. *Наименее развитыми* горными территориями призна-

ны: северная часть Шотландских гор, горные районы Греции и южной Италии, северо-запада Португалии, Кентерберийские горы Испании.

Около 70% Австрии занято Альпами, где расположено более 50% постоянных населенных пунктов и проживает 42% населения.

Отдаленные горные районы имеют низкую плотность населения, низкие доходы, стареющее население.

Интегрированные районы имеют хорошо зарабатывающее население. Развиты туризм и фермерское хозяйство. В сельских районах выделяется три группы коммун: 1) горные районы [1.256 коммун, 58,11% используемых с/х земель Австрии]; 2) менее благоприятные [160 коммун, 5,9%] и 3) маленькие районы [188 коммун, 4,62%].

Горы и возвышенности Болгарии занимают около 47% ее территории, где проживают 2,5 млн человек (28,8%). Здесь сосредоточено около 3000 населенных пунктов (56%). В горах формируется 80% всего водного стока.

Румыния — горы занимают около 2/3 горного массива Карпат и 1/3 территории страны. Площадь — 74 тысячи кв.км. 40% с/х земель. Здесь расположено 720 коммун, имеющих 3706 деревень и 92 города. Из 3 млн 814 тысяч чел. 2 млн — фермеры, владеющие 1 млн частных хозяйств. Фермерское хозяйство малорентабельное.

Две трети территории Швейцарии занимают горы. На оставшейся трети — равнинных районах — работает 80% населения и производится 80% ВВП, 90% всех инвестиций сосредоточено именно здесь.

Традиционная система хозяйства практически у всех горцев мира была нацелена на использование естественных пастбищ в различных высотных поясах: сезонным выпасом отар овец вне зон поселения людей. Земледелие в структуре хозяйства горных территорий занимало второе место после скотоводства. Однако система высокогорного сельского хозяйства никогда не могла дать требуемых излишков на черный день. Поэтому годы неурожаев [независимо от причин] весьма существенно затруд-

няли и без того сложную жизнь горцев и ставили их буквально на грань жизни и смерти (*Горы* 1999, с. 20).

По мнению Айвза, высота и крутизна склонов «вливают либо на ограниченность доли обрабатываемой земли, либо на увеличение нестабильности почвы на склонах, а следовательно, на уменьшение уровня доступных для людей продуктов питания... из-за снижения продуктивности». Такое снижение биомассы, безусловно, усугубляется типичным для всех гор снижением температуры. Изложенное характеризует горные районы как маргинальные по уровню благополучия и достатка людей.

Для горных районов характерны также природные катаклизмы: землетрясения, оползни, лавины и наводнения. Перечисленные явления существенно увеличивают размеры затрат к стоимости жизни и использованию ресурсов либо за счет затрат энергии людей для своего существования, либо в виде чистого вкладывания денег (*там же*, с. 57).

Жизнь и ведение хозяйства в горах существенно отличаются от таковых на равнине. Для горного населения эти условия характеризуются большими трудностями, что выражается в существенном отставании экономического и социального развития горных территорий по сравнению с равнинной. Наличие такой диспропорции всегда ставило перед государством и обществом вопрос: в чем причина этого разрыва и какими средствами его можно сократить?

В процессе адаптации людей к горной окружающей среде особую роль играло т.н. «вертикальное измерение», ибо оно «влияет на многие другие аспекты жизни, зависящие от уменьшения температуры с высотой». Последняя влияет на сельское хозяйство, т.к. эффективность землепользования с высотой уменьшается. Самый высокий пояс используемых угодий занят пастбищами.

Адаптация людей к географическим условиям в виде высотной стратификации их поселений и землепользования, наиболее ярко проявляется в горных районах, занятых традиционными обществами. В них представлены разнообразные типы сельского хозяйства, в частности комбинация земледелия и

скотоводства, особенно в условиях ограниченных средств существования. В горных условиях необходимость использования всего потенциала окружающей среды привела население к необходимости вертикального устройства их земельных участков. «Это является *одной из всемирно распространенных* [курсив мой — Ф. Г.] характеристик культуры сельскохозяйственного производства в горных регионах» (*там же*, с. 21).

Использование земли на различных высотах географы называют *ступенчатыми системами землепользования*, при этом выделяются два их типа: 1) в тропиках участки земли на больших высотах могут использоваться в течение всего года, т.к. там нет температурных сезонов [или они слабо выражены]; 2) в остальных горных регионах годовая изменчивость температуры позволяет лишь сезонное использование высокогорных уступов [ступенчатых систем]. С весны до конца лета сельскохозяйственная деятельность и выпас скота шаг за шагом поднимаются вверх, а осенью — опускаются. Зимой из-за снега верхние уступы пустуют. Системы второго типа интенсивно развивались на Кавказе, в Альпах, горных комплексах Западной, Центральной и Южной Азии (*там же*).

Материальные затруднения в некоторых горских обществах компенсировались контролем над перевальными путями. Так, афганский Гиндукуш является одним из наименее развитых районов мира. До сих пор здесь все еще очень сильны старые традиции. Этот район — самая западная часть горной системы Центральной и Южной Азии; с доисторических времен он был местом транзитной торговли между жителями равнин Инда [современный Пакистан] и Туранской низменности. Несколько относительно легких для прохода перевалов пропускали основной транзитный поток. Караваны на вьючных лошадях пользовались многочисленными мелкими торговыми тропами. Однако на протяжении многих веков нестабильная политическая обстановка в регионе подавляла эту торговлю. В такие времена местные правители или сообщества перехватывали контроль над перевалами и взимали дань с купцов и даже грабили их. Давление населения на ресурсы было отражением оттока рабо-

чей силы в оазисы и города на равнинах (*там же*, с. 25).

Торговые маршруты в течение многих веков также приспособлялись к местности. Дороги прокладывали, делая обходные пути, минуя узкие долины и теснины, предпочитая террасы, склоны и перевалы. Интенсивность коммуникаций в горах зависит не только от рельефа и климатических препятствий. Скорее всего, большее значение имеет фактическая потребность и потенциал экономического и культурного обмена между равнинами по обе стороны гор, либо между равнинами и внутренними горными территориями (*там же*, сс. 24-25). Эти свойства гор представляют «собой эффект расчлененности местности, в которую трудно проникнуть, и поэтому горы дают укрытие тем, кто в них поселился». Несмотря на важность данного аспекта, его не следует абсолютизировать.

Гипотеза о роли гор как убежища при отступлении широко распространена. Однако «она не является ведущей. История дает ограниченный круг примеров: в Западной Азии лесные горы [Понтийские горы, Тавр, Ливан] на протяжении веков были убежищем для оседлых крестьян, тогда как на открытых пространствах страны — окружающих засушливых равнинах и холмах — доминировали кочевники». Давление на оседлое население страны значительно возрастало, если они отличались от соседей по религии, языку или расе. Примером могут служить христиане и друзы в Ливане и Сирии; группы индейцев, бежавших от конкистадоров в наиболее удаленные части Анд, Перу и Боливии; «Горы являлись также районами, используемыми для укрытия войск и организации сопротивления, как, например, Кавказ и афганский Гиндукуш» (*там же*, с. 26).

При изучении традиционных горских обществ обычно внимание обращается на роль экологических условий, расчлененного рельефа и на их влияние на социокультурное развитие. Несмотря на «всеобщую схожесть горных народов во всем мире», отметим и значительные различия, которые, возможно, обусловлены действием исторических факторов. Это, например, — «особенно *разительный контраст* [курсив мой — Ф. Г.] между эволюцией швейцарских альпийских крестьян и их

французских соседей в районе Бриансон». До Французской революции названные социумы имели много общих черт. Наряду с частным землевладением в их систему производства входили общественно-управляемые и поддерживаемые ресурсы, такие, как пастбища, леса и вода. Равное право наследования вело к дроблению частных владений, тогда как правила пользования общим достоянием препятствовали образованию класса крупных землевладельцев. «Деревни имели корпоративную индивидуальность и политическую автономию».

Весте с тем, установлено важное различие между французскими и швейцарскими системами. Малочисленные элитарные группы во французских сообществах горцев, выкупив государственные должности у «Королевской Короны», приобрели «состояние и власть». Аналогичных социальных различий, основанных на прочных связях с центральной властью, в сильно централизованной швейцарской политической системе, не существовало (*там же*, с. 26).

В конечном итоге мы можем присоединиться к мнению швейцарского исследователя Э. Вейгандта: «Для выяснения уязвимых мест и достоинств в жизни населения горных районов мира наряду с уникальными природными характеристиками необходимо анализировать политические и экономические различия, которые зачастую играют чрезвычайно важную роль». Два приведенных случая различаются не по воздействию окружающей среды, «а по их историческому развитию», демонстрируя влияние институтов на различия между социальными системами (*там же*, сс. 26-27).

Тироль — горная область, по характеристике экспертов — пример «области, частично страдающей от бедности». Как относительно автономный социум, он сформировался к XIII в. С древнейших времен был транзитной территорией; в средневековый период представлял собой «полунезависимое государство на перевалах, которое управляло обеими сторонами Бреннерского перевала [1372 м], обеспечивающего наиболее легкую связь между Центральной Европой и Италией». Вплоть до недавнего времени источником существования основной

массы населения служило сельское хозяйство. «Для обеспечения существования всего населения ограниченных сельскохозяйственных ресурсов было недостаточно». Падение добычи серебряных и медных руд в позднем средневековье вызвало в Тироле локальный кризис. Поиски иных занятий привели к развитию малых домашних кустарных промыслов, наряду с торговлей и отходничеством ставших существенным подспорьем в семейных бюджетах. Выходом из данной тупиковой ситуации стали доходы, не связанные с сельскохозяйственной деятельностью. Речь идет о добыче полезных ископаемых.

По мнению экспертов, критическое положение сложилось на западе Тироля; здесь на протяжении многих поколений практиковалась дробление фермерских хозяйств, связанное с принципом наследования. «Сезонная нехватка еды была обычным явлением»; и это — несмотря на использование практически всех ресурсов. В качестве сенокосов использовались даже горные луга, настолько крутые, что сено можно было косить исключительно с помощью захватов и веревок (*там же*, с. 29).

Помимо социально-политических и экономических факторов, исключительное значение для горных территорий имеет *экология*. Слишком интенсивная эксплуатация и/или неправильное использование угодий может привести к постоянному и быстрому снижению продуктивной деятельности человека. «В традиционном сельском сообществе в горных районах осознание вышесказанного привело к возникновению определенных и широко распространенных регламентированных норм поведения». Само существование горных социумов зависело от объема годового урожая. Относительно небольшой резерв пространства также уменьшал запас продовольствия. Подъем и спад урожайности напрямую влиял на численность населения. Сельскохозяйственное использование горных территорий являлось «результатом непрерывного процесса адаптации к природным условиям и экологии гор [курсив мой — Ф. Г.]. Такой адаптации способствовали система ценностей и норм, вынужденно выработанные вековым опытом совместного проживания». Пользование землями регулировалось строгими прави-

лами, которые *гарантировали* социальное воспроизводство и сохранение природной основы жизни (**Мессерли, Брюггер** 2000, сс. 19-20).

Демография. За исключением некоторых тропических нагорий с благоприятными географическими условиями [например, в Эфиопии, отдельных частях Центральной Америки и в Андах], горные территории принято считать районами с малой или очень малой плотностью населения.

Удручающие показатели увеличатся, если учесть не все пространство, а лишь территорию, пригодную для жилья и занятиями хозяйством. В этом случае «можно понять величину нагрузки населения на землю, по крайней мере, для тех горных районов, которые в основном зависят от сельского хозяйства». Это относится к большинству горных территорий. В некоторых районах Тибета, высокогорья Гималаев и наиболее засушливых ущельях Анд арифметическая плотность составляет лишь несколько жителей на квадратный км, тогда как физиологическая плотность достигает нескольких сотен жителей на квадратный км. Не исключена возможность использования только орошаемых участков, остальная земля с малым числом поселений отводилась под пастбища. Многие горные районы кажутся малонаселенными, тогда как реально они «являются [или являлись] чрезвычайно перенаселенными по сравнению с их ограниченными сельскохозяйственными ресурсами» (**Горы** 1999, с. 15).

Перенаселение проявляется в виде хорошо известных явлений: 1) постоянный раздел малых владений, что в крайних случаях приводит к парадоксальному коллективному владению отдельных фруктовых деревьев [афганский Гиндукуш]. 2) дефицит продовольствия, несмотря на огромный трудовой вклад в сельскохозяйственное производство, как следствие — необходимость поддержки семейного бюджета за счет мелкого кустарного промысла, торговли, сезонной работы за пределами своего общества, службы наемником в армиях сопредельных государств, эмиграции, и т.д. Высокий уровень неполной занятости и безработицы, усиленная нагрузка на окружающую среду усугубляют ситуацию. Из этого критического положения можно вы-

йти лишь при помощи массовой миграции, развитием занятий, не связанных с сельским хозяйством в горах, либо снижением численности населения. «Однако во многих ситуациях выезд населения может оказать весьма отрицательное воздействие, поскольку первыми покинуть сообщества... горцев, по крайней мере на начальной стадии этого процесса, будут наиболее молодые и образованные мужчины» (*там же*, сс. 15-16).

Культура. Еще одно качество, присущее горцам всего мира — стремление сохранить свои культурные традиции. Обычно это связывается с продолжительной изоляцией от внешнего мира. Но и здесь, «тщательное исследование показывает, что это объяснение не отражает сложной реальной картины, даже в прошлые времена». Дискуссионным остается вопрос: «была ли культурная индивидуальность этих групп результатом их прежней изолированности или они уединялись от соседних народов, для того чтобы сохранить свою индивидуальность или автономию. Изолирующий эффект окружающей среды является решающим только под воздействием экстремальных условий рельефа и климата. Такие экстремальные случаи обнаруживаются в горах восточного Кавказа, южных частей Гиндукуша и в горах Новой Гвинеи...» (*там же*, с. 27).

Вопросы методологии. В советской науке доминировала пятичленная схема исторического процесса, хотя она все-таки не являлась единственной. Теория ОЭФ подвергалась критике с разных направлений, основными из которых являлись: 1) отрицание возможности свести все многообразие исторического процесса к определенным и четко очерченным стадиям развития человечества и 2) неприятие конкретных типов ОЭФ, принятых марксистской наукой. Попытки подкорректировать фундаментальные основы теории ОЭФ привели к признанию неравномерности социально-экономического развития, многоукладности в каждой формации, необходимости разработки типологии каждой ОЭФ (*Жуков* 1969, сс. 11-13; 1975, сс. 9, 12-13). В частности, подчеркивалось, что «вопрос о типологии уже сложившегося развитого феодализма [в том числе и применительно к Западной Европе XI-XV вв.] еще почти не разработан, а глав-

ное, в нашей науке еще не сложилось общей точки зрения об основных принципах и критериях типологизации феодальных обществ» (*Гутнова, Удальцова* 1975, с. 109).

Еще одним недостатком формационного подхода стала невозможность объяснения целой исторической эпохи, наступившей за первобытностью. Она отличалась, с одной стороны, наличием социального неравенства и государства [в его первоначальной, примитивной форме], а с другой — отсутствием общественных классов, характеризовавшихся различным отношением к средствам производства (*Данилова* 1968, сс. 28-30).

В попытках найти выход из создавшегося тупика некоторые историки предложили идею полупатриархальных-полуфеодальных обществ. Одни историки усматривали переходный характер данной стадии в сочетании различных укладов: первобытнообщинного, рабовладельческого и раннефеодального [в СССР наиболее последовательно эту точку зрения отстаивал *С. В. Юшков* (1946)], другие — в наличии институтов и отношений, отличных от известных в первобытном, рабовладельческом и феодальном обществах. Второй подход с точки зрения теоретического анализа ставил перед сторонниками пятичленки серьезные препятствия. Конкретная характеристика подобных обществ противоречила тезису об их переходном состоянии. По сути, вновь ставился вопрос о необходимости вывести эту стадию за пределы феодализма.

Таким образом, в СССР еще в период разработки теоретической схемы под самыми различными названиями — «варварское», «полуфеодальное», «полупатриархальное», «дофеодальное», «прафеодальное» и др. — специалисты фактически пытались ввести в нее новую стадию всемирно-исторического процесса. Речь шла об обнаруженной на разных континентах универсальной общественной структуре. Ее отличительными чертами являлись сохранение массой непосредственных производителей личной свободы, экономической самостоятельности, и вместе с тем — наличие социального неравенства и эксплуатации. Причем, последние связаны не с различным отношением к средствам производства и условиям труда, а с раз-

личиями в социальном статусе и выполняемых общественных функций. Природа и происхождение социальной стратификации здесь совсем иные, чем в рабовладельческом или феодальном обществах (**Неусыхин** 1967; 1968; **Данилова** 1968, сс. 44-45).

Еще в ходе дискуссии 20-30-х гг. XX в. выяснилось, что принятые в советской историографии понятия рабовладельческой и феодальной формации не охватывали все многообразие форм докапиталистических классовых обществ. Многие древние и средневековые общества не подходили под установленный стандарт. В частности, на основе изучения германских племен I-го тысячелетия н.э. **А. И. Неусыхин** (1967; 1968) достаточно убедительно показал, что их общество не относилось ни к первобытным, ни к рабовладельческим, ни к феодальным социумам. Первобытное равенство здесь уже утрачено. Но монополия господствующего класса на условия и средства производства еще отсутствовала.

Различия между представителями общественных слоев в раннеклассовом социуме были не столько экономическими, сколько социально-правовыми, связанными с происхождением и статусом лица, точнее, той группы, к которой оно принадлежало. Например, знатный мог быть и не богаче незнатного, но статус их оставался различным. Различия в происхождении знати и рядового свободного населения осознавались как сакральные: божественной родословной королей и [военной] аристократии противопоставлялось отсутствие таковых у рядовых соплеменников. Иными словами, права конкретного человека устанавливались на основе его происхождения, родословной (**Гуревич** 1968, сс. 413-415).

В ходе конкретных исследований все больше и больше становилось очевидным, что рабовладельческие и феодальные общества не выросли непосредственно из первобытного общества. Стало также очевидным, что монополия собственности господствующего класса на землю [в любой форме — светском, церковном, частном, государственном, условном или безусловном землевладении] складывается на довольно позднем этапе, когда уже существовало социальное неравенство и государство с достаточно сложными и разветвленными функциями. По

мнению некоторых отечественных историков, в Древней Руси зачатки крупного землевладения вряд ли можно отнести ко времени ранее второй половины XI в., а классовое общество и государство, получавшее от массы населения дань, налоги и повинности, возникли гораздо раньше. В Западной Европе процесс возникновения государства также опережал по времени формирование крупной земельной собственности (*Корсунский* 1963; *Данилова* 1968, сс. 41-43).

Конечно, в советской историографии сторонники не однолинейного развития исторического процесса составляли явное меньшинство. Жесткой критике подвергалась сама идея «предфеодальной» формации. Ее выделение как особого этапа всемирной истории считалось неоправданным методологически. Стадия развития, когда общество уже переставало быть социально однородным, а лично свободные крестьяне-собственники снабжали «верхи» продуктами питания, трактовалась как «ранний феодализм». Взимание налога с общинников понималось как «форма коллективной эксплуатации непосредственных производителей господствующей верхушкой». При этом сторонников «пятичленки» не смущало то, что существование первых «королей» и их дружины держалось на приношениях соплеменников и военной добыче. Например, А.Ф. Колесницкий, признавая бытование в прошлом раннеклассовых структур, в то же время отмечал: «Если не связывать себя представлением о феодализме как о сеньориальном строе, то описанный тип отношений вполне укладывается в начальную стадию феодальной формации. Феодализм существовал и в 'государственной' форме, при которой вовсе не обязательно лишение крестьян личной свободы или экспроприация их собственности... между частновотчинной и государственной формой эксплуатации населения не существовало коренных отличий». Считая все виды изъятия прибавочного продукта в докапиталистических обществах эксплуатацией, ученый утверждал: «государственные повинности [налоги, натуральные службы] являлись начальной, а частновотчинные [рента] — последующей формой эксплуатации одного и того же типа» (*Колесницкий* 1968, с. 636).

Феодализм. Так сложилось, что изначально теоретическими проблемами средневековья занимались европейские ученые. Во второй половине XIX — начале XX вв. в науке доминировала точка зрения, согласно которой классической формой феодализма являлся общественный строй средневековой Франции, точнее — её северных территорий.

Феодалными признавались формы отношений, основанные на принципе условного земельного пожалования. Эту черту французские историки XIX в. считали главной чертой феодализма. Под условным землевладением прежде всего понимался *феод*. Ф. де Куланж отмечал по этому поводу: «земля находится в такого рода обладании, что владелец ее не есть, собственно говоря, ее собственник... Пользование землею условно, т.е. подчинено или оброкам или службам, словом, известным обязанностям, и неисполнение этих обязанностей влечет за собою утрату владения».

Цитируя данный сюжет, Н.П. Павлов-Сильванский заметил: «это — старое воззрение на феодализм, развитое еще юристами XIII века». Такое определение феодализма далеко «от реальных оснований строя. Единообразная, все охватывающая сеть феодальных контрактов существовала только в теории; единообразие ей придавал только термин *феод* или *фьеф* [курсив мой — Ф. Г.], покрывавший собою глубоко различные по существу права». Павлов-Сильванский призывал «провести резкую разграничительную черту между настоящими феодами, или благородными и *феодами людскими* [*roturier*], которые противопоставались одни другим уже первыми феодальными теоретиками. Эти людские феоды представляли собою пожалования хозяйственным слугам, промышленникам и ремесленникам, какого-либо угодья, рыбной ловли, виноградника, мельницы, с обязательством платить доходы натурой или деньгами господину». Данные виды феода ученый называл «мнимыми феодами». «Из собственно феодальных договоров необходимо выделить также *феод-должность* и *феод-деньги* [курсив Н. П.]». В конечном итоге, утверждал российский исследователь, «оброчные держания, с одной стороны, и феоод-должность и феоод-деньги,

с другой, только *приравнивались* к настоящему феоду-земле. Существо феода состояло во владении землею, под условием службы, или в службе с земли» (**Павлов-Сильванский** 1924, сс. 79-80).

В современной западной медиевистике основой феодального общества считается вассально-ленная система, либо феодальная раздробленность; преобладание «личных связей», господство частной вотчины или натурально-хозяйственных отношений. В последней трети XX в. усилилась тенденция своеобразия феодализма сводить к его субъективному восприятию людьми того времени, к их социальной психологии [менталитету] и мотивам поведения (**История Европы** 1992, с. 10).

Зарубежные специалисты в области древней и средневековой истории Кавказа и Средней Азии признавали существование феодализма; последний в их понимании являл собой общественный строй, основанный на системе службы, вассалитета, земельной и служебной иерархии. В отличие от советских ученых, они не придавали приоритетного значения способу эксплуатации в определении того или иного этапа развития общества и находили феодализм в древней Ассирии, в Ахеменидском Иране, при Аршакидах, Сасанидах и позднее (**Новосельцев** 1972, с. 25).

Г.И. Диснер, рассматривая администрацию вандалского королевства, отметил ее сложную структуру. Возглавлял ее «препозит империи» [*praepositus regni*], которому подчинялись министерялы [*referendarius, notarius* и *primiscrinarius*]. В рамках военной карьеры наибольшей значимостью обладали *millenarii* [тысячники], «которым также были доверены задачи управления поселениями, соответствующие тысячам». При королевском дворе находились функционеры с названием должностей: *baiuli, ministri reges* [королевские чиновники], *domestici* [служители] или *comites* [комиты]. Последние, подобно графам каролингской эпохи, очевидно, занимали очень высокое положение. Особенно существенным немецкому ученому показалось «часто высказывавшееся предположение, что служилая знать во многом демонстрирует зачатки дофеодальной и феодаль-

ной системы. Для такой системы характерны тесные личные отношения подчинения и верности королю и принцам», за что последние «наделяли леном», оказывали покровительство и поддерживали служилых людей. Нередко служилая знать не наделялась «земельными ленами», но в таких случаях она обеспечивалась денежным и натуральным вознаграждением. «Эти формы натурального хозяйства также напоминают феодализм; правда, невозможно определить, насколько феодальным стал и способ производства» (*Диснер* 2002, сс. 144-145).

Р. Фрай период истории Ирана при Ахеменидах и Сасанидах считает «феодальным». Основание для такого заключения американский ученый видит в том, что «царь теоретически считался, по-видимому, верховным собственником всей земли, а народ держал ее в качестве лена». Данная трактовка «ведет к весьма широкому толкованию термина 'феодализм', поскольку социальная структура средневековой Европы, несомненно, очень сильно отличалась от социальной структуры древнего Ирана». Тем не менее, продолжает Фрай, имеется немало черт, напоминающих привычное для нас понимание общественного строя, обозначаемого понятием «феодализм». Централизованная держава Ахеменидов была в то же время «государством иерархическим, и нет ничего неожиданного в том, что мы находим некое подобие феодализма у народа с кочевническими традициями, завоевавшего оседлые народы» (*Фрай* 2002, с. 156).

Одной из основных черт феодализма Фрай считает право царя, стоявшего «над всеми законами», даровать своим верноподданным землю. «Лены даровались обычно не отдельным лицам, а целым семьям... Создавая военные поселения в покоренных странах и раздавая земли гражданским и военным служилым людям, Ахемениды тем самым способствовали развитию феодализма». Исследователь обратил внимание на бытование в аккадских документах двух терминов, обозначающих, по его мнению, феодальные отношения: *ilku* и *qasti*. Первый является старовавилонским обозначением вассальной службы или лена. При Ахеменидах, начиная со времени правления Дария I, в документах появляется термин *qasti*, ранее в значении «надел» не

засвидетельствованный. Изначальное его значение — «лук», «земельный налог для содержания лучника» — стало применяться для обозначения пожалования за несение военной службы царю (*там же*, с. 157).

Среди советских историков аналогичную позицию занимал Г. А. Федоров-Давыдов. Согласно его концепции, для средневековья в целом характерна феодальная собственность [в том числе и для кочевников], тогда как для античного и нового времени — частная. *Не частная*, а именно *феодальная* собственность «способствовала подъему, возвышению господствующего класса». Нечетко оформленная юридически и территориально, феодальная собственность у кочевников заключалась во власти над кочевым населением кочевого сеньора, определении им маршрута передвижения, перераспределения между подвластным населением пастбищ, колодцев и т.п.» (**Федоров-Давыдов** 1996, с. 216).

Как видно, и в данном случае под феодализмом понимается общество, для которого характерна иерархическая структура привилегированных слоев, связанных вассальными отношениями, закрепленными «дарами» сюзеренов: земельными ленами, денежными и натуральными вознаграждениями. Важным фактором феодального общества назван и «феодальный способ производства».

В советской историографии феодализм определялся как общественный строй, основанный на господстве мелкого натурально-замкнутого хозяйства непосредственных производителей — крестьян и ремесленников, эксплуатируемых внеэкономическими методами. Даже при крепостничестве, когда крестьянин юридически был совершенно лишен прав собственности, он оставался ее фактическим владельцем. В период становления советской исторической науки приоритетной считалась именно эта черта феодального строя. Однако после дискуссии конца 20-х — начала 30-х гг. от нее отказались и на первый план вышло мнение о монопольной собственности на землю. Правда, как отмечала Л. В. Данилова, во многих обществах, оцениваемых в нашей науке как феодальные, «крупное землевладение [ни в форме частного, ни даже в форме государственного] не

обнаруживается» либо вовсе, либо в течение длительно периода. «Тем не менее крестьянство и там подвергалось такого же рода эксплуатации, как и при манориальном режиме. Это обстоятельство всегда служило источником нескончаемых споров среди специалистов» (*Данилова* 1968, сс. 50-51).

А. И. Неусыхин (1968, сс. 612-616) генезис феодализма связывал с рядом процессов: вместо широкого слоя свободных равноправных общинников возникает *класс крестьянства*; часть непосредственных производителей разными путями попадает в социально-экономическую и личную зависимость от землевладельцев; вместе с тем общинники в какой-то мере еще сохраняли остатки своей аллодиальной собственности и былой свободы. Место родовой и дружинной знати занимают светские и церковные, крупные и мелкие вотчинники раннефеодального типа. Ученый обратил внимание и на различия в темпах социальной дифференциации, изменения других сторон дофеодального общественного строя в одном и том же «варварском королевстве», а именно — рост имущественной дифференциации, правового оформления социальных статусов разных групп, возникновение зачатков государственной власти и т.п.

Еще дальше пошел **И. Я. Фроянов** (1974; 1980), массированная критика взглядов которого шла со страниц всех центральных изданий. Отстаивать же свои взгляды Фроянов мог лишь на узком «поле», ограниченном рамками исторического факультета Ленинградского университета. Дискуссия в столь политизированной гуманитарной науке как история велась жестко. От противников официальной линии [пятичленной теории формаций] требовалось немало мужества, чтобы выдержать такой пресс.

Фроянов не смог «по многим основаниям» принять «точку зрения» о статусе князя Киевской Руси конца X в. — в официальной историографии — «раннефеодальный монарх, осуществлявший волю господствующего класса феодалов». Русь X — начала XI в. «к феодализму еще не пришла». Княжеская власть в то время «была ограничена советом родоплеменной знати, скрывавшихся под именем старцев градских». Особенно важно то, что князь, помимо совета старейшин, должен был считаться

с вечем — народным собранием. Социально-политическая мобильность рядового населения Руси той эпохи «была выше, чем принято думать»; ни одно мало-мальски значимое общественное дело «не решалось без участия народа». Все это не укладывается в рамки раннефеодальной монархии (**Фроянов** 1980, сс. 31-32).

Оспаривая позицию академика Л.В. Черепнина относительно боярского вассалитета X в., возникшем будто бы из пожалования даней, Фроянов отмечал: «Мы не считаем киевских князей X в. ни феодальными монархами, ни верховными земельными собственниками. По нашему глубокому убеждению, князья наделяли своих вассалов не территориальными владениями, а правом сбора даней, никак не связанных с поземельной ответственностью. В этом вассалитете *нет и зерна феодализма*» [курсив мой — Ф. Г.]. Позднее на смену вассалитету, основанному на пожаловании даней, пришел вассалитет, основанный на пожаловании кормлений. Но и в этом случае передавалась не территория, а право сбора доходов с жившего на ней населения. Лишенный земельной основы, вассалитет в виде кормлений не имел феодального содержания (**там же**, сс. 87-89).

Отрицая наличие феодализма в Киевской Руси, Фроянов затруднялся с определением ее формационной принадлежности. Эту же стадию развития Ю.И. Семенов характеризует как *политаризм* [от греч. *полития* — государство] (**Семенов** 1993, № 2, с. 70). Политарный способ производства, согласно Семенову, это не что иное, как «азиатский способ производства». Чиновники госаппарата являлись «верховными собственниками земли и личности непосредственных производителей материальных благ» (**там же**, № 1, сс. 56-57). Однако доказать бытование в Древней Руси X-XI вв. верховной собственности не только на землю, но и на непосредственных производителей материальных благ, пока никому не удалось.

В попытке найти выход из тупиковой ситуации истории предлагали другие системообразующие факторы феодализма. «Средневековое феодальное государство, — отмечал А.Я. Гуревич — это прежде всего союз сеньоров и их непосредственных

подданных, подчинивших себе остальное население». В числе основных характеристик феодальной формации назывались противоречия между крупной собственностью на землю и мелким производством крестьян, внеэкономическое принуждение, условный характер феодальной земельной собственности и ее иерархическая структура, равно как и иерархия господствующего класса. К характерным признакам не только феодального, но и всякого докапиталистического классового общества отнесена и многоукладность (**Гуревич** 1970, сс. 7, 18, 58).

К присущим раннефеодальным государствам Западной Европы институтам некоторые советские ученые относили частную «власть магнатов над населением». Государственный аппарат еще только складывался (**Корсунский** 1963, сс. 148, 150, 152).

Далеко до полной ясности и в понимании самого процесса феодализации. **Л. В. Черепнин** (1972, сс. 143, 145) отмечал большие расхождения в понимании генезиса феодализма, принципов его периодизации и темпов; «трудно определить... грань, с которой можно было бы начинать историю феодальной формации». Под последней он понимал «систему социально-экономических отношений и соответствующих им политико-юридических форм». Однако, за этим общим определением невозможно определить специфику феодализма по отношению к другим формам и типам социально-экономических отношений.

Высказывалось суждение о том, что, достигнув определенной «стадии внутреннего размежевания, социальная система варваров далее не развивается сама по себе». Обособленность между отдельными социальными группами могла возрасти, но «в классовое деление оно так и не переходит, пока не получает достаточно мощного толчка извне, способствующего разрушению всей системы». Отметив это, Гуревич вместе с тем подчеркивает: «Генезис феодализма — если взять наиболее кардинальную линию этого процесса — не в складывании крупного поместья [роль которого в системе феодальной эксплуатации не приходится оспаривать], а в таком положении крестьянства, при котором оно становится объектом эксплуатации со стороны господствующего класса, каковую бы специфи-

ческую форму эта последняя не принимала...» (*Гуревич* 1967, сс. 19, 27).

С.Д. Сказкин процесс феодализации рассматривал как формирование феодальной собственности с одной стороны, постепенного закрепощения непосредственных производителей — с другой. Конечно, процесс «собираения» земель будущими феодалами не имел своей целью экспроприацию угодий и сгон крестьян со своих земель. Высшие слои были заинтересованы не в отделении крестьян от основного средства производства, а, наоборот, в обеспечении земель непосредственных производителей. Достижению этой цели способствовала вотчина, которая сочетала в себе «и собственность, и государство». К специфическим чертам феодального способа производства Сказкин относил: 1) внеэкономическое принуждение как средство получения «прибавочного продукта от экономически самостоятельного хозяина», и 2) личную зависимость — как средство внеэкономического принуждения. В основе же самого феодального способа производства лежала «феодальная собственность на землю и вытекающая из него необходимость передачи земли во владение непосредственных производителей» (*Сказкин* 1973, сс. 72-75, 77, 80).

Формирование политической власти феодалов-вотчинников проявлялось в их административной и судебной власти над зависимым населением (*Корсунский* 1963, с. 142). Иными словами, характерной чертой феодального строя считалось «слияние личности государя [императора, царя, короля, князя, герцога, графа и т.д.] и земельного собственника, публично-правовых и частнопровых функций. Землевладельческие права феодала были тесно связаны с политическим господством. Каждый крупный сеньор выступал в своей вотчине или поместье как правитель, судья и военный страж» (*Данилова* 1968, с. 63).

Вопросы методологии. Как известно, формационный подход к всемирной истории в советской науке утвердился после дискуссии конца 20-х — начала 30-х гг. XX в. В последующие время потребовалось уточнение схемы, особенно постперво-бытных докапиталистических структур.

Прежде всего, отпало положение об универсальности рабовладельческой формации. Уже один этот факт существенно менял представления о ходе исторического процесса. В результате конкретных исследований было также установлено, что докапиталистические структуры у европейских народов заметно отличались от соответствующих структур социумов, спонтанное развитие которых не привело к капитализму. В частности, форма феодализма в Европе редко встречалась за ее пределами. Отклонений и исключений от «магистральной линии развития человечества» оказалось больше, чем случаев, подходящих под правило.

В попытках найти выход из создавшегося тупика некоторые историки предложили идею *полупатриархальных, полуфеодальных* обществ. Одни историки усматривали переходный характер данной стадии в сочетании различных укладов: первобытнообщинного, рабовладельческого и раннефеодального [в СССР наиболее последовательно эту точку зрения отстаивал **С. В. Юшков** (1946)], другие — в наличии институтов и отношений, отличных от известных в первобытном, рабовладельческом и феодальном обществах. Второй подход с точки зрения теоретического анализа ставил перед сторонниками пятичленки серьезные препятствия. Конкретная характеристика подобных обществ противоречила тезису об их переходном состоянии. Под самыми различными названиями — «варварское», «полуфеодальное», «дофеодальное», «полупатриархальное», и др. — специалисты фактически пытались ввести в нее новую стадию всемирно-исторического процесса. Речь шла об обнаруженной на разных континентах универсальной общественной структуре. Ее отличительными чертами являлись сохранение массой непосредственных производителей личной свободы, экономической самостоятельности, и вместе с тем — наличие социального неравенства и эксплуатации. Причем, последние связаны не с различным отношением к средствам производства и условиям труда, а с различиями в социальном статусе и выполняемых общественных функций. Природа и происхождение социальной стратификации здесь совсем иные, чем в рабовла-

дельческом или феодальном обществах (**Неусыхин** 1967; 1968; **Данилова** 1968, сс. 44-45).

Еще в ходе дискуссии 20-30-х гг. XX в. выяснилось, что принятые в советской историографии *понятия* рабовладельческой и феодальной формации не охватывали все многообразие форм докапиталистических классовых обществ. Многие древние и средневековые общества не подходили под установленный стандарт. В частности, на основе изучения германских племен I-го тысячелетия н.э. А.И. Неусыхин (1968) достаточно убедительно показал, что их общество не относилось ни к первобытным, ни к рабовладельческим, ни к феодальным социумам. Первобытное равенство здесь уже утрачено. Но контроль господствующего класса на условия и средства производства еще отсутствовал.

В советской науке доминировала пятичленная схема исторического процесса, хотя она все-таки не являлась единственной. Теория ОЭФ подвергалась критике с разных направлений, основными из которых являлись: 1) отрицание возможности свести все многообразие исторического процесса к определенным и четко очерченным стадиям развития человечества и 2) неприятие конкретных типов ОЭФ, принятых марксистской наукой. Попытки подкорректировать фундаментальные основы теории ОЭФ привели к признанию неравномерности социально-экономического развития, многоукладности в каждой формации, необходимости разработки типологии каждой ОЭФ (**Жуков** 1969, сс. 11-13; **его же** 1975, сс. 9, 12-13).

Еще одним недостатком формационного подхода стала невозможность объяснения целой исторической эпохи, наступившей за первобытностью. Она отличалась, с одной стороны, наличием социального неравенства и государства [в его первоначальной, примитивной форме], а с другой — отсутствием общественных классов, характеризовавшихся различным отношением к средствам производства (**Данилова** 1968, сс. 28-30).

В результате конкретных исследований все больше и больше становилось очевидным, что рабовладельческие и феодальные общества не выросли непосредственно из первобытного общества. Стало также очевидным, что монополярная соб-

ственность господствующего класса на землю [в любой форме — светском, церковном, частном, государственном, условном или безусловном землевладении] складывается на довольно позднем этапе, когда уже существовало социальное неравенство и государство с достаточно сложными и разветвленными функциями. По мнению некоторых отечественных историков, в Древней Руси зачатки крупного землевладения вряд ли можно отнести ко времени ранее второй половины XI в., а классовое общество и государство, получавшее от массы населения дань, налоги и повинности, возникли гораздо раньше. В Западной Европе процесс возникновения государства также опережал по времени формирование крупной земельной собственности (**Корсунский** 1963; **Данилова** 1968, сс. 41-43).

С другой стороны, феодал нуждался в получении доходов с населявших его землю крестьян — без них «он не мог бы исполнять рыцарскую службу». Боевое снаряжение рыцаря в ту пору стоило чрезвычайно дорого. В разных странах выработалась «норма» земельного надела, доходы с которого позволяли рыцарю приобрести необходимое для войны снаряжение. В Англии такой нормой служили 5 гайд земли, а дружинник короля, имевший владение меньшего размера, считался «безземельным». У франков конную службу профессионального воина мог исполнять лишь человек, обладавший не менее чем 4 мансами (**Гуревич** 1970, с. 43).

Конечно, в советской историографии сторонники не однолинейного развития исторического процесса составляли меньшинство. Жесткой критике подвергалась сама идея «предфеодальной» формации. Ее выделение как особого этапа всемирной истории считалось неоправданным методологически. Стадия развития, когда общество уже переставало быть социально однородным, а лично свободные крестьяне-собственники снабжали «верхи» продуктами питания, трактовалась как «ранний феодализм». Взимание налога с общинников понималось как «форма коллективной эксплуатации непосредственных производителей господствующей верхушкой». При этом сторонников «пятичленки» не смущало то, что существование первых «королей» и их дружин держалось на

приношениях соплеменников и военной добыче. Например, Колесницкий, признавая бытование в прошлом раннеклассовых структур, в то же время отмечал: «Если не связывать себя представлением о феодализме как о сеньориальном строе, то описанный тип отношений вполне укладывается в начальную стадию феодальной формации. Феодализм существовал и в 'государственной' форме, при которой вовсе не обязательно лишение крестьян личной свободы или экспроприация их собственности... между частновотчинной и государственной формой эксплуатации населения не существовало коренных отличий». Считая все виды изъятия прибавочного продукта в докапиталистических обществах *эксплуатацией*, ученый утверждал: «государственные повинности [налоги, натуральные службы] являлись начальной, а частновотчинные [рента] — последующей формой эксплуатации одного и того же типа» (**Колесницкий** 1968, с. 636).

В последние годы резко увеличился интерес к нелинейным или многолинейным формам социальной эволюции [тезисный обзор ключевых работ по данной теме см.: **Claessen** 2000, P. 1-4].

Примечания

¹Из последних примеров на эту тему назовем обсуждение (**Диалог о книге** 2013, сс. 3-34) монографии **А. В. Белякова** (Чингисиды в России XV-XVII веков: просопографическое исследование. Рязань, 2011).

²Вопросы социально-экономической истории могут плодотворно изучаться при помощи анализа терминологии источников. Хорошие результаты дает анализ социально-политических понятий местного происхождения. По авторитетному мнению В. И. Абаева, «язык представляет [собой] первостепенный исторический источник... Каждое слово-понятие, если удается раскрыть его историческое содержание, представляет ценнейший документ» (**Абаев** 1949, с. 9). В целом, анализ терминологии источников — один из главных методов исследования социальных связей (**Новосельцев** 1985, с. 99)

ИСТОРИОГРАФИЯ

В течение длительного времени при обращении к социальной истории средневековых горских обществ авторы предлагали либо *описание* структуры, либо *перечень* основных институтов тех или иных социумов. Между тем концептуальный анализ моделей культурно-исторической специфики Северного Кавказа позволит определить требования «к способу построения современной обобщенной интерпретации культурно-исторической эволюции народов и обществ региона» (**Боров** 2012, с. 5).

С начала XIX в. среди исследователей горских народов здесь появляются офицеры русской армии на Кавказе: П. Г. Бутков, С. М. Броневский, А. П. Берже, А. Зиссерман, В. С. Толстой и др.

Особо следует отметить двухтомный труд Броневского «Норвежские географические и исторические известия о Кавказе», завершённый в 1810 г., но опубликованный в 1823 г. В первой части он дал общую характеристику общественного строя этносов региона, отметив, при этом, что горцам известны «три главных вида правления: монархическое, аристократическое и демократическое» (**Броневский** 1823, ч. I, с. 38). Во второй книге наш автор характеризует социальные отношения отдельных народов). Поэтому советская историография оценивала труд Броневского «как первую в истории науки попытку установить различные формы этого строя» (**Косвен** 1955, т. I, с. 348).

На начальном этапе [конец XVIII — первая треть XIX в.] изучение горских обществ представлено трудами военных историков, материалами экспедиций российской АН и путешественников. Однако не все социумы региона в одинаковой степени попали под внимание авторов той поры. Так, по признанию кавказоведов, «балкарская тема» лишь пунктирно намечена в этом широком внешнеполитическом и внутривнутриполитическом контекстах (**Муратова** 2007, с. 31).

К концу первого периода дореволюционной российской историографии положение меняется, правда незначительно. На фоне работ историко-этнографического характера, посвящен-

ных другим народам Северного Кавказа, «сведения о балкарцах выглядят весьма скромно» (*там же*, сс. 31-32). В какой-то мере та же картина наблюдается еще в 3-ей четверти XIX в. Например, один из 6 томов объемного труда академика Н. Ф. Дубровина, был специально посвящен описанию народов Кавказа [Т. I. Кн. 1. «Очерк Кавказа и народов, его населяющих»]. Однако и в нем Балкарка лишь упоминается: «Дигория... служит границей Осетии с Балкарской областью» (*Дубровин* 1871, т. I, кн. 1. с. 283).

На рубеже 60-70-х гг. XIX в. на Кавказе появились новые периодические издания: «Сборник сведений о кавказских горцах», «Сборник сведений о Кавказе», газета «Терские ведомости» и др. На страницах новых сборников публиковался **В. Б. Пфаф** (1870; 1871; 1872; 1894). Трижды совершив продолжительные путешествия по горным районам Осетии, он собрал «большое количество этнографического и исторического материала», Полевой материал Пфаф дополнил сообщениями римских, греческих, византийских, арабских, грузинских и армянских авторов.

Заслуживает внимания концепция феодализма Пфафа. В феодальных отношениях он видел «обязательный элемент в развитии цивилизации всех народов». Даже в США в середине XIX в., по его словам, феодализм играл «весьма важную роль... Феодализм в чистом виде — в южных штатах, и феодализм» капитала — в северных. И в России был свой феодальный век, рыцарь, царь, помещики, вотчинники-монополисты. «Русская история выработала даже совершенно особый вид феодализма — это местничество: феодализм в приложении к государственным должностям». Отмечая, что все народы в своем развитии прошли через феодализм, Пфаф стал на позицию признания его существования и в Осетии. Обращает на себя внимание тот факт, что он раньше М. М. Ковалевского рассматривал феодальный строй как универсальный этап в развитии всего человечества. Как и многие дореволюционные ученые, Пфаф феодализм понимал как совокупность определенных институтов. Исследователь дал схематичную периодизацию «феодального века» Осетии. Первый период — VII-IX вв. — время зарождения сословий, время «борьбы рыцарей с разлагаю-

щимся патриархальным обществом». Второй период — IX-X вв. — время борьбы рыцарей между собой, т.е. период феодальной раздробленности. Третий период — с XI в. — образование единого государства. В подчинении у царя находятся феодалы «в том порядке, как они постепенно возвышались». Землей они владели только «по милости старшего [бенефициум], на это они получали от него грамоту». С этих пор феодалы становятся вассалами «и обязаны беспрекословным повиновением». В данном случае Пфаф явно перенес некоторые феодальные институты Западной Европы на осетинскую действительность. По его мнению, Осетия той эпохи «была блеском минувшего века» (**Пфаф** 1870. Вып. IV, сс. 22-30). С XIV в. начинается четвертый этап феодализма в Осетии. Феодалы не повиновались царю, «соперничали с ним во власти», народ «восставал против своих владетелей», феодалы «начинали терзать друг друга». Все это привело к распаду царства (*там же*, с. 65).

Несмотря на очевидные недостатки, работы Пфафа еще долго оказывали влияние на последующих исследователей. К его бесспорным заслугам следует отнести первую в литературе широкую и разностороннюю характеристику социальных отношений у алан-осетин» (**Косвен** 1958, т. II, с. 264).

Значительным событием в развитии кавказоведения стало издание трудов **М. М. Ковалевского** (1883; 1885; 1886, т. I, II; 1890, т. I, II; 1975). Добротные исследования по истории горских народов еще при жизни принесли ему заслуженное признание как специалистов, так и рядовых читателей. А изыскания в области средневековья, феодализма, древнерусской общины, родовых отношений закрепили за ним славу «выдающегося русского ученого». Каким бы периодом всемирной истории не занимался Ковалевский, его интересовал «механизм» развития человеческого общества, «тесная взаимосвязь между ростом государственных учреждений и изменениями общественного уклада, в свою очередь вызванную эволюцией экономических порядков» (**Ковалевский** 1975, с. 264).

Важное место в сфере научных интересов Ковалевского занимали осетины. Многие стороны их бытия определили «ха-

рактар и план» одной из монографий ученого — «Современный обычай и древний закон». В ней он намеревался дать не простое описание права осетин, но «объяснить фактами из быта этого народа многие вопросы древнего права» (**Ковалевский** 1886, т. I, с. IV).

Восстанавливая раннесредневековую историю горцев Ковалевский, в основном, пользовался ретроспективным методом. Вместе с тем, он привлек многочисленные источники по прошлому народов региона: греческие, римские, арабские, византийские, древнеармянские, древнегрузинские и др. Если этого материала будет мало, подчеркнул ученый, любой историк, этнограф или юрист «в отчетах путешественников найдет обильную пищу для своей любознательности». Ковалевский показал качественное отличие исторического материала от этнографического. «Это превосходство... раскрывает перед нами порядок зарождения и рост отдельных институтов, а также... преемственную связь», существовавшую между различными стадиями развивавшегося общества. Такой подход позволил некоторым историкам обосновать специфику «эмпирико-компаративистской методологии ученого» [Ковалевского] (**Кузьминов** 2009, с. 98; **Левитский** 2009, с. 18).

В конце XIX в. «феодализм кавказских горских народов оставался вопросом совершенно неизвестным как общей, так и специальной исторической литературе» (**Косвен** 1963, с. 239). Некоторое исключение составляли труды Пфафа; но ему не удалось раскрыть специфику феодализма в Осетии, да и труды его оставались малоизвестными для медиевистов. Между тем, в то время еще имела сторонников [и не мало] шовинистическая концепция немецких историков, считавших феодальные отношения свойственными исключительно общественному развитию Германии. Генезис феодализма у немецких племен они объясняли завоеванием германцами Западно-римской империи и влиянием их «национального характера». Что касается концепции универсальности феодального строя, то она была только выдвинута. Эти моменты необходимо учитывать при оценке взглядов Ковалевского на природу «горского феодализма».

Многие специалисты отмечают безоговорочную поддержку Ковалевским теории универсальности феодального этапа общественного развития. Благодаря своим частым выступлениям с научными докладами внутри страны и за ее пределами, он опровергал установки немецких медиевистов, утверждал новую точку зрения. Такая постановка вопроса о феодализме уже сама по себе является заслугой русского ученого. Свои взгляды он отстаивал и на кавказском материале.

Вслед за Пфафом Ковалевский обратил внимание «на некоторые стороны общественного строя кавказских горцев, способных видоизменить ходячие представления о феодальном быте», как свойственном исключительно западноевропейским народам (**Ковалевский** 1886, т. I. с. 137). Возражая сторонникам теории родового строя у горцев, он писал: «на Кавказе перед ними воочию выступает тот сложный процесс, благодаря которому архаичный порядок родовых общинных отношений заменяется отношениями феодальными... У одних народов мы видим феодализм в зародыше, у весьма немногих — в законченном виде... Сопоставляя и сравнивая, мы получаем возможность отметить последовательность стадий, через которые проходил процесс феодализации» (**там же**, с. 138). Однако эта мысль осталась, к сожалению, только замечанием и не получила развития.

Общественный строй осетин Ковалевский в принципе считал феодальным, но в то же время отмечал, что из всех народов Северного Кавказа элементы феодального строя слабее всего развиты у них. Из «элементов» феодализма ученый особенно выделял два. Во-первых, чтобы землевладелец являлся вместе с тем «органом правительственной власти». Во-вторых, население «одной и той же территории» должно представлять «из себя ряд иерархически подчиненных групп» (**там же**, с. 45). Автор отметил эти две черты в Дигории и Тагаурии и считал их феодальными обществами.

По мнению некоторых исследователей XIX в., высшие сословия у осетин не пользовались политической властью в своих обществах и «не вмешивались в управление». В отличие от исто-

риков, разделявших это мнение, Ковалевский выделил такую черту феодального строя как обладание политической властью земельным собственником. «Алдар и баделят не только собственник земли, получающий со своих вечно наследственных арендаторов положенную обычаем ренту, он еще их политический глава, одинаково в военное и мирное время» (*там же*, сс. 45-46). Сосредоточение политических функций в руках отдельных алдаров и баделят не должно смущать, ибо в период феодальной раздробленности политические функции государства берет на себя вотчина (*Барз* 1970, с. 277). В мирное время все сферы экономики и общественной жизни находились под контролем феодалов. Им подчинялись даже уголовные дела, которые согласно обычному праву, разрешались при помощи посредников. Алдары и баделята «осуществляли свое право верховной юрисдикции путем взимания с уголовных преступников штрафов в свою пользу» (*Ковалевский* 1886, т. I, с. 46).

Заслуживают внимания выводы Ковалевского о степени развития феодализма в Осетии. При всем сходстве с феодальными порядками, «осетинская сословная организация отнюдь не может быть уподоблена той, какую представляет Западная Европа в эпоху завершившегося уже процесса феодализации» (*там же*, сс. 46-47). Стадиально феодализм в Осетии Ковалевский сравнивал с европейским XI в., «невыработанным» еще феодализмом. В одной из работ по обычному праву исследователь высказал интересную мысль: «одинаковость экономических и бытовых условий вызывает к жизни в разобщенных между собой местностях и разноплеменной народах сходные юридические нормы» (*там же*, с. 12-13). Интересны и его параллели между положением фарсаглагов в начале XIX в. и крестьянами средневековой Руси. «Подобно нашим крестьянам в эпоху, предшествовавшую отмене знаменитого Юрьева дня, — писал он, — фарсаглаги пользовались правом свободного перехода от одного узденя к другому». Существенным ограничением этой свободы переселения является то обстоятельство, что покидая прежнее место жительства, фарсаглаг свою недвижимую собственность оставлял хозяину аула (*там же*, сс. 39-40).

Исследования Ковалевского открыли новую главу в развитии исторической науки о горцах Северного Кавказа. «Несмотря на то, что его концепция феодализма у горских народов Кавказа не свободна от ошибок, она является первой в исследовании данной проблемы у горцев Северного Кавказа» (**Косвен** 1962, с. 240).

Оформившуюся к рубежу XIX-XX вв. проблематику общественного строя народов средневекового Северного Кавказа фактически напрямую унаследовала советская наука. Со временем марксистские методологические установки буквально подавили иные версии подходов в этой области. «Все авторы, — писал В.Г. Гаджиев, — касавшиеся этого вопроса, — в 20-х — начале 30-х годов представляли дореволюционный Дагестан, как и весь Северный Кавказ, краем где продолжали господствовать родо-племенные отношения» (**Гаджиев** 1988, с. 33).

В марксистском социоисторизме советской эпохи в 20-х гг. XX в. «доминировала установка на культурно-историческую унификацию предмета исторического кавказоведения с общим содержанием социально-исторического процесса. М.Н. Покровский, указав на языковые различия народов Северного Кавказа, отметил и другую особенность — они «не более походили друг на друга своим общественным строем». Ученый полагал, что в XVIII в. черкесы Северо-Западного Кавказа переживали эволюцию, аналогичную происходившую в недрах европейского «старого режима». По Покровскому, свержение господства дворян у шапсугов в конце XVIII в. стало «логическим завершением социальной эволюции» (**Покровский** 1923, сс. 197-198).

Вскоре была сформулирована «большая проблема» советского кавказоведения — проблема «своеобразия докапиталистических отношений у горцев. До самого конца советской эпохи ‘большая проблема’ стадийно-типологической характеристики общественного строя народов Северного Кавказа сохраняла свое ключевое значение» (**Боров** 2012, сс. 16-17).

Становление советского кавказоведения началось с усвоения результатов предшествующего периода. Характерным примером является первая монография **Г. А. Кокиева** (Ч. I. Вла-

дикавказ, 1926), основанная, главным образом, на исследованиях дореволюционных специалистов. Впервые вводились в научный оборот некоторые документы из Посольского приказа. В связи со спецификой цели, стоявшей перед автором — создание учебного пособия, работа представляет собой компактное изложение истории осетинского народа с древнейших времен до середины XIX в. Используя достижения дореволюционных кавказоведов, Кокиев повторил и ряд их ошибок. В частности, причиной генезиса феодализма он считал появление «общественного слоя абреков». Вместе с тем, по некоторым вопросам он занял принципиальную позицию. Так, возражая Ковалевскому, Кокиев указал на невозможность механического заимствования общественных форм; они являются результатом внутренних, а не внешних причин: «феодализм в Осетии обусловлен только внутренними причинами и вполне самобытен» (**Кокиев** 1926, сс. 69-70). Автор рассмотрел время заселения предками осетин северных и южных склонов Кавказского хребта, соотношение между этнонимами «алан» и «осетин». Если в данной работе Кокиев под аланами-асами видел исключительно предков осетин, то позднее он изменил свое мнение: все горские народы, за исключением кабардинцев, в той или иной степени являются потомками алан.

В другой работе ученый обратился к проблеме классового образования и генезиса феодализма в ущельях Осетии. Одной из причин, обусловивших выделение старшин в господствующий класс, явилось усиление их «как военных организаторов» походов. Другим важным фактором Кокиев считал появление «частной собственности на скот» (**Кокиев** 1940, сс. 44-45).

В 20-х гг. начала свою плодотворную научную деятельность **Е. Г. Пчелина** (1934; 1940; 1946; 1947; 1966), много сделавшая для изучения истории алан. Благодаря ее исследованиям, кавказоведы уточнили представления о социальном устройстве средневековой Алании.

Своеобразным катализатором развития краеведения на Северном Кавказе стало открытие горских Научно-Исследовательских институтов. В начале 30-х гг. они существовали во всех

республиках; в Ростове продолжал работу Северо-Кавказский краевой горский институт. Историческое отделение Северо-Осетинского НИИ в 30-х гг. планировало издать: «Хрестоматию по истории Осетии», «Материалы по феодализму и родовому строю в Осетии», «Очерки по истории Осетии» и др. (**Работа...** 1934, сс. 136-138). Весомый вклад в реализацию этих планов внес **Б. В. Скитский** (1930; 1933; 1947; 1949; 1952). В круг основных научных интересов ученого входили проблемы *общественного строя алан-осетин и соседних горских народов*, их взаимоотношений, связей с Русью и Византией.

В небольшой по объему работе «К вопросу о феодализме в Дигории» Скитский предложил свое видение генезиса феодализма у горских народов. «Начало феодального или алдаро-баделятского строя», просуществовавшего до Октябрьской революции, «восходит ко времени, когда дигорцы были ограничены в своей территории нагорной полосой, т. е. к XIV-XV вв. Предания феодалов-баделят склонны относить начало установления баделятского строя даже за 800-900 лет до XIX в.» (**Скитский** 1933, с. 6).

Исходным пунктом усиления баделят, превращения их в крупных землевладельцев была, якобы, охота за рабами, работоторговля и рабовладение, имевшие широкое распространение в горах Кавказа. «По крайней мере, карачаевский эпос ярко отражает начальную стадию становления феодалов — таубиев, как людей, богатых движимым имуществом, лошадьми, оружием, как охотников за рабами и как работоторговцев. Так и дигорские баделята, окруженные челядью, хорошо вооруженные, опиравшиеся на крепкие башни, державшие выходы из ущельев, ширили свое землевладение и личную власть над свободными людьми» (**там же**, с. 9).

К числу важнейших факторов, обусловивших выделение знати у западных осетин, Скитский отнес «заботу» предков баделят о «простом народе», обеспечение его безопасности, исполнение функций управления и др. (**там же**, сс. 9-13)

В одной из ранних работ Скитский выделил два фактора формирования классового общества в горных районах: разви-

тие относительно крупного землевладения и появление зависимого населения. Т.к. в хозяйстве горцев преобладало скотоводство, то феодальные отношения утвердились с появлением частной собственности на пастбища и сенокосы. Автор обратил внимание на роль патроната в классообразовании и его различную оценку знатью и крестьянами. Если первые акцентировали внимание на «заботе о народе» [особенно когда он «подвергался нападениям»], то вторые более реально подходили к оценке патроната, подчеркивая «момент платы со стороны покровительствуемых».

Ряд принципиальных вопросов общественного строя алан-осетин Скитский пересмотрел в первом томе «Истории Северо-Осетинской АССР» (М., 1959). Так, если прежде зарождение феодализма ученый относил к XIV-XV вв., то в «Истории» он датировал этот процесс IX-X вв. В ранних работах Скитский писал, что в отличие от Дигории и Тагаурии, в Куртатинском и Алагирском ущельях «феодальные отношения были несколько слабее и раньше разложились». В первом томе «Истории» ученый пришел к иному выводу: «во всех обществах Северной Осетии в той или иной мере развивались феодальные отношения».

В цикле работ о средневековой Алании **З. Н. Ванеев** (1935; 1955; 1959; 1989; 1990) рассмотрел разнообразные вопросы: этногенез и историческая этнонимия алан-осов, общественный строй, особенности религиозной системы, отношения с соседними странами и народами. В дискуссии о соотношении этнонимов «алан» и «осетин» он занимал последовательную, принципиальную позицию и на основе большого фактического материала доказывал идентичность алан сочинений римских и арабских авторов, осов грузинских хронистов, ясов древнерусских летописей. В целом, разыскания ученого по отдельным аспектам истории алан-осов стали заметной вехой в кавказоведении.

По свидетельству специалистов С. В. Юшков, «крупный советский ученый, юрист, историк», проблему «изучения феодализма в Дагестане значительно двинул вперед». Он полагал, что в наиболее удаленных от равнины районах, населе-

ние не могло поддерживать связь с внешним миром. Здесь невозможно было заниматься земледелием, а скотоводством — лишь в ограниченных объемах (**Юшков** 1938, сс. 10-11; **Гаджиев** 1988, с. 35).

Характерной чертой средневекового Дагестана являлась пестрота социально-экономического развития. Юшков связал это с расположением того или иного социума относительно приморских и предгорных зон. В своей концепции он наметил 6 основных и ряд промежуточных ступеней развития феодализма. Чем дальше в горы, тем примитивнее социальное устройство. Ученый обратил внимание на подать овцами с пастбищных гор. Это дало Юшкову основание говорить о «пастбищной» ренте как об одной из особенностей феодальной ренты в Дагестане (**Юшков** 1938, с. 10; 1946).

В довоенные годы генезис феодализма у балкарцев в исторических исследованиях затрагивался «крайне редко и поверхностно». Подчеркнув это, В. М. Батчаев отметил краткий экскурс в одной из статей *Б. Е. Дегена*¹. «Пожалуй, впервые в историографии балкарского средневековья интересующий нас вопрос [генезис феодализма — Ф. Г.] автор попытался рассмотреть — пусть и в самой общей форме — на основе имевшихся к тому времени представлений об особенностях всего предшествующего исторического развития Балкарии, Методологической удачей было уже то, что автор четко различал 'горский' феодализм в собственном смысле слова от феодализма предгорно-плоскостной зоны» (**Батчаев** 2006, с. 14).

Исторический процесс в двух выделенных зонах шел разными темпами. Причину отставания «горских обществ», к XIX в. сумевших «дойти лишь до ранних ступеней феодализма», автор видел «в узости производственной базы: высокогорные пастбища недостаточны... для расширенного воспроизводства как неперемного условия социально-экономического прогресса» (*там же*, сс. 14-15).

В 1944 г. Кокиев в «Кратком историческом очерке Кабарды» (**Кокиев** 2005, сс. 411-469) высказал парадоксальную идею: «Основным объектом феодальной эксплуатации в Кабарде были...

унауты». В состав последних входили «холопы и рабы... Унауты представляли собой домашних рабов, о чем говорит и само их название» (*там же*, сс. 437-438). По свидетельству Н. Н. Харузина, «на рабов смотрели как на младших членов семьи; нередко бывали случаи отпущения их на волю» (*Харузин* 1882, с. 117)..

В 1964 г. на научной сессии, посвященной различным вопросам феодализма [от генезиса до разложения], Кумыков критиковал Кокиева, полагая, что он «значительно преувеличил роль рабского труда в социально-экономической жизни Кабарды» позднего средневековья (*Кумыков* 1969, с. 191). Однако исследования историков примерно того же времени показали правоту скорее Кокиева, нежели его оппонентов.

На крупнейшем форуме советских кавказоведов [Махачкала 1980 г.] А. И. Робакидзе отметил: «*рабство* у народов горного Кавказа имело специфическую форму, ибо оно служило интересам развития не рабовладельческих, а *феодальных* отношений» (*Робакидзе* 1988, с. 16).

Грузинские исследователи, изучавшие историю Кабарды, выявили архивные документы, указывающие на постепенную трансформацию «рабов в крепостных» (*Боцвадзе* 1961, с. 127).

Как установила Е. Н. Студенецкая, внутри тюркоязычного населения горного Кавказа рабы «впоследствии были превращены их владельцами в крепостных, т.е. наделены землей и скотом» (*Студенецкая* 1937, с. 50).

Среди особенностей феодализма в Дагестане Юшков отметил и следующее: *чагары* «образовались из кулов и каравашей, отпущенных от ханского и бекского двора». Обзаводившись собственным хозяйством за счет своих владельцев, они первоначально «ничем не отличались от обыкновенных рабов», но постепенно «стали переходить в разряд крепостного крестьянства» (*Юшков* 1938, с. 181).

Таких примеров из истории некоторых горских народов, писал А. И. Робакидзе, можно привести и больше. Но «и эти дают основание говорить о наличии четко прослеживаемой тенденции постепенного перерастания раба в крепостного» (*Анчабадзе, Робакидзе* 1973, с. 121; *Робакидзе* 1988, с. 16).

Острая полемика [«горячая дискуссия» по оценке *Кумыкова*] вокруг «кабардинского феодализма» прошла в Нальчике в 1948-1953 гг. В тот период *местных* научных кадров среднего звена и специалистов высшей квалификации практически не было. В связи с чем в разработке различных вопросов прошлого, по просьбе руководства республики, помогали сотрудники Института истории АН СССР. В их число входил профессор Московского университета, заведующий сектором Института истории Академии Наук Г. А. Кокиев. В 1944 г. его назначили заместителем директора Кабардинского НИИ, а в 1946-1948 гг. по совместительству он возглавлял и сектор истории НИИ. Кокиев понимал, что подготовка местных научных кадров займет немало времени. В связи с чем для разработки различных вопросов прошлого Кабарды он считал целесообразным на первых порах проведение научных сессий с привлечением кавказоведов страны. Таких мероприятий Кабардинский НИИ в те годы провел около десяти. На них приглашенные ученые обменивались мнениями; здесь же апробировались различные гипотезы и т.д.

Первая научная сессия, организованная Каб. НИИ, состоялась в августе 1948 г. Обсуждалось 15 докладов, из которых шесть — по истории. Среди них: два доклада докторов наук [Г. А. Кокиева и Г. П. Сердюченко] и четыре — кандидатов наук [А. В. Мамонтовой, П. Г. Акритаса, Е. Н. Студенецкой, С. А. Комиссарова].

Необходимо отметить, что еще до прихода в Каб. НИИ Кокиев опубликовал около 15 статей, в которых поднимал вопросы истории средневековой Кабарды. Достаточно убедительно ученый показал немалую роль кабардинских князей в жизни всего региона. В какой-то мере это обуславливалось тем, что из всех социумов Северного Кавказа наиболее развитыми феодальные отношения были в Кабарде. С такой оценкой не согласилась Мамонтова. 17 августа 1948 г. на заседании секции истории НИИ она выступила с докладом «К вопросу о феодализме в Кабарде». По собственному признанию Мамонтовой, «штудирова работы по экономическому базису феодализма», она изучила «Краткий курс истории ВКП (б)», труды классиков марксизма-ленинизма,

работы И. В. Сталина. На столь «солидном» багаже она буквально обрушилась на Кокиева, отрицая все высказанные им идеи относительно структуры феодального общества, его роли в Кабарде и на всем Северном Кавказе. Мамонтова «настойчиво стремилась доказать, что в Кабарде не было частной земельной, тем более феодальной собственности, что кабардинцы вплоть до середины XIX в. были скотоводческим народом» и т.д. По справедливому замечанию кавказоведов, «концепция проф. Кокиева и его сторонников о феодализме в Кабарде» подверглась «безосновательной критике» (**Кумыков** 1969, сс. 189-190). Практически ту же оценку выступлению Мамонтовой дал Мамбетов. Участник заседания 17 августа 1948 г., Зевакин, возражая Мамонтовой, подчеркнул: «феодализм в Кабарде стал складываться не в конце XVIII — начале XIX в., а, как это видно из работы Г. Интериано, еще в XV в.» (**Мамбетов Г.** 2003, с. 13).

В 1953 г. в Нальчике состоялась очередная научная сессия, на которой тщательному анализу подвергся вопрос о феодализме в Кабарде. В конечном итоге «дискуссия показала отсутствие у сторонников господства родового строя достаточных аргументов» (**Кумыков** 1969, с. 190).

Различные проблемы с изучением феодального периода возникали и у других горских народов. Это касается и общей для всего региона задачи — выявление характерных черт и главных особенностей т.н. «горского феодализма». Ее успешное решение предполагает наличие локальных обобщающих исследований. Таковых, однако, имелось крайне мало; кроме того, в историографии средневековой социальной истории горцев сложилась резкая диспропорция. Если работ, посвященных общественному строю народов Северного Кавказа XVIII — середины XIX вв., накопилось относительно много, то становление первых классовых обществ в регионе до сих пор изучено слабо.

К концу 60-х гг. XX в. накопление конкретных результатов в изучении общественного строя горских народов сочеталась «с концептуальным застоем». В конце 70-х и в 80-е гг. «наметились две линии плодотворного развития подходов и концепций со-

ветского кавказоведения». Первая связана с концепцией «горского феодализма». Принципиальная новизна подхода состояла в построении данной модели, которая шла «не от системных категорий формационной теории к локальной специфике их воплощения, а от эмпирически фиксируемых черт хозяйственной и социальной организации к установлению их системной целостности». Признание вотчинного принципа основой социальной организации устраняет препятствия, в советской историографии мешавшие однозначному решению вопроса о стадийной характеристике феодализма у кабардинцев. Имеются ввиду «фамильный характер землевладения и включенность владельцев в систему общинных переделов пахотных участков» (**Боров** 2012, с.18).

Несмотря на некоторые подвижки, проблема генезиса феодализма на Северном Кавказе по сути оставалась нерешенной (**Виноградов** 1981, сс. 36-37).. Более того, был момент, когда средневековой историей кавказоведы практически не занимались. В 1964 г. на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР» А.К. Джанаев с сожалением отмечал «у нас [на Северном Кавказе — Ф.Г.] на местах историей народов феодальной поры почти перестали заниматься» (**Проблемы** 1969, сс. 220-221).

На работе упомянутой сессии необходимо остановиться подробнее. В конце 1963 г. в АН СССР была создана секция научного совета «Генезис и развитие феодализма». Среди актуальных задач, поставленных перед ней, одной из важнейших являлась организация научных совещаний по проблемам, вытекающих из названия секции. Новая структура научного совета свою работу начала с проведения «совещания по истории феодализма у народов СССР», что не случайно. «Эта тема более всего изучается историками страны, наметить какие-то итоги в этой области нужно было прежде всего» (**Щапов** 1969, сс. 302-303).

В январе 1964 г. информационные письма были разосланы практически во все структуры, где так или иначе изучались вопросы феодализма. В качестве адресатов выступили: «все институты отделений истории АН СССР и АН союзных

республик, научно-исследовательские институты при Советах Министров автономных республик, во все Университеты и педагогические институты, где есть исторические или историко-филологические факультеты, в другие вузы, имеющие исторические кафедры, крупнейшие музеи, наконец... обратились к отдельным специалистам по истории феодализма» (*там же*, с. 304).

В конечном итоге Научный совет «Закономерности исторического развития обществ и перехода от одной социально-экономической формации к другой» и его секция «Генезис и развитие феодализма» провели 14-16 июня 1964 г. в Москве «широкое научное совещание специалистов по проблеме перехода к феодальной формации» (*Проблемы* 1969, с. 6).

Работа научного форума была организована по 4 историко-географическим районам, в том числе — по «Народам Северного Кавказа, Закавказья и Средней Азии». На заседании, посвященном вопросам «перехода к феодальным отношениям у кавказских народов», с докладами выступили Е. Н. Кушева и Т. Х. Кумыков.

Тема выступления Кушевой — «О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа». Среди специфических черт этого процесса в регионе отмечены: «заторможенность... генезиса феодализма»; устойчивость «пержитков предшествующей, первобытно-общинной формации»; особенности исторического процесса у отдельных народов средневекового Северного Кавказа. В частности, в Чечне и Ингушетии условия хозяйственной жизни не давали возможности для сколько-нибудь расширенного воспроизводства, что служило «основной причиной медленности социально-экономического развития». В материалах русских посольств XVII в. среди вайнахов не отмечено «владельцев» [феодалов], а названы «начальные люди» и «выборные лутшие люди» — по мнению Кушевой, старейшины. Лишь с рубежа XVIII-XIX вв. после переселения на равнину наметились перемены в социальном строе. По свидетельству М. Броневского, у ингушей старшины выбирались из «богатейших родов» и «часто делались наследственны-

ми». Однако Кавказская война «прервала начавшийся процесс» (**Кушева** 1969, сс. 179-184, 188).

Особенно интересным Кушевой представлялось изучение генезиса феодализма у осетин. Его формирование, начавшись еще в аланский период, прервало татаро-монгольское нашествие, а затем продолжилось в горах в новых условиях.

По убеждению ученой, развитие феодализма у народов Северного Кавказа дальше всего зашло в Дагестане и Кабарде, хотя и здесь «не приняло законченных форм». Сложение феодальных государств и владений в Дагестане — шамхальства у кумыков, нуцальства у аварцев, казикумухского владения у лакцев, уцмийства Кайтагского у даргинцев, майсумства у табасаранцев — «уходит вглубь веков, в период еще до татаро-монгольского нашествия». Вместе с тем подчеркнуто, что источники XV-XVIII вв. «рисуют картину не завершившегося еще процесса феодализации». Принципиальным во взглядах Кушевой представляется дискуссионное положение о «верховой собственности фамилий и родов шамхалов, уцмиев, нуцалов и т.д.» на землю в XVI-XVII вв. Соответственно, на ранних этапах «рента и дань-налог с крестьян-общинников совпадали». Заострено внимание на «подати овцами с пастбищных гор» (**там же**, сс. 184-185).

Кумыков выступил с докладом «К вопросу о возникновении и развитии феодализма у адыгских народов». В своем выступлении ученый отметил: «Благодаря исследованиям Е. П. Алексеевой [«Очерки по истории черкесов в XIV-XVI вв.»], Е. И. Крупнова [«Древняя история Северного Кавказа»], Е. Н. Кушевой [«Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI-XVII вв.»] значительно расширились наши представления о феодальном строе в Кабарде». Выявленные позднее историками, археологами и этнографами материалы, стали основанием для пересмотра периодизации «истории адыгских народов. В частности уже сейчас [в первой половине 60-х гг. XX в.] можно говорить о раннем феодализме у адыгов примерно в XIV-XV вв., а для последующих трех столетий [XVI-XVIII вв.] характерен период феодальной раздробленности» (**Кумыков** 1969, с. 190).

Здесь же отметим еще один доклад, связанный с Кавказом — **Богверадзе А. А.** (1969, сс. 197-205). Возникновение феодализма в Грузии автор доклада рассмотрел с теоретических позиций т.н. «пятичленки» — марксистской теории пяти формаций (см., например: **Жуков** 1969; 1975; 1987; **Жуков Е. М., Барг М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И.** 1979).

По мнению Богверадзе, возникновение феодализма в Грузии *«имело ряд особенностей»*. Прослеживается «постепенный переход от изжившего себя рабовладения, не достигшего полного развития, к более прогрессивной феодальной формации. Грузинский феодализм вызревал изнутри без существенных воздействий извне... в связи с чем особо важное значение приобретает вопрос о распаде сельской общины» (**Богверадзе** 1969, с. 201). Основные черты процесса распада общины в Грузии установлены благодаря работам С. Н. Джанашиа, Н. А. Бердзенишвили, В. В. Дондуа, А. А. Богверадзе и др. Последний подчеркнул, что *«разложение общины — явление длительного характера, протекавшее не везде одновременно и не с одинаковой интенсивностью»* (*там же*, с. 202).

Считалось, что «переходный период в Грузии длился с IV по VI столетия». В качестве весомого аргумента в пользу обоснования отмеченных временных границ, Богверадзе ссылался на древнегрузинскую летопись «Мокцевай Картлисай» [*Летопись Картли*]. Летописец писал по этому поводу: после освобождения в конце VI в. части территории Грузии от персов, «собралась вся Картли и поставила князем Гурама» (*там же*, с. 203).

Как приведенный сюжет можно рассматривать в качестве показателя сложившихся феодальных отношений? — Никак. Во-первых, обратим внимание на собрание *«всей Картли»*. Представители населения [депутаты] всей страны собирались для решения важнейших вопросов, касавшихся всех жителей «царства». Во-вторых, депутаты *«всей Картли» поставили Гурама князем, но не царем. Поставили* — может означать только *избрали*. Тем не менее Богверадзе уверенно утверждает: «Замена рабовладельческой царской власти феодальной властью князя-эрисмтавари [буквально 'глава народа'], который выдвигает

гался на этот пост *знатью* в качестве исполнителя ее воли, означала установление власти феодального класса» (*там же*, с. 204). Но когда, где и почему произошла «замена» *рабовладельческой царской* власти властью *князя-феодала*? Эти, как впрочем и некоторые другие, вопросы остались без ответов.

Еще в ходе сессии ее участники отметили недочеты доклада Богверадзе. В частности, К. Н. Юзбашян отметил: доклад «Богверадзе смущает прямолинейностью постановки вопроса. Социальные категории в источниках только упоминаются, и трудно судить, кем были их представители». В связи с этим, «очередная задача историков, занимающихся проблемой, — параллельный терминологический анализ данных надписей [армянских и грузинских] и нарративных источников, а также данных сирийских и византийских памятников» (*Проблемы* 1969, с. 233).

Актуальность источников по социальной терминологии адыгов подчеркнул И. К. Кусикян: «такой материал мог бы оказать помощь исследователю феодализма среди адыгов» (*там же*, с. 222).

В. К. Гарданов коснулся вопросов, близких к его сфере научных интересов: «этнографии, истории и обычного права горских народов». Адаты «позволяют делать чрезвычайно интересные социологические выводы, имеющие общее принципиальное значение, которые можно с успехом применять при изучении феодального строя у любого другого народа, находящегося на аналогичной ступени развития». В связи с этим, обычное право горцев должно изучаться в двух аспектах: как один из важнейших памятников в реконструкции социальной истории обществ региона; и как базу для решения общесоциологических проблем феодализма (*там же*, с. 225). Никакой «другой материал в такой яркой и отчетливой форме не показывает генезиса феодализма... как кавказский материал». Адаты горцев, еще раз подчеркнул Гарданов, имеют первостепенное значение не только для решения конкретных вопросов социальной истории этих народов, но и для решения общеметодологических проблем», связанных с вопросами генезиса феодализма (*там же*, сс. 225-226).

В заключительном слове Кушева в рамках принятых в то время методологических установок отметила «*общий большой вопрос, который еще недостаточно изучен и понят. Это вопрос о замедленном ходе социально-экономического развития народов Кавказа и особенно [курсив мой — Ф. Г.] народов Северного Кавказа. Общие причины этого явления следует искать в развитии производительных сил, которые надо изучать конкретно, в хронологической последовательности*» (*там же*, с. 230).

Одной из проблем, стоявших перед советскими кавказоведами, было выявление характерных черт и главных особенностей т.н. «горского феодализма» (*Новосельцев, Пашуто, Черепнин* 1972; *Меликишвили* 1975; *Робакидзе* 1978; *ГФНСК* 1980; *РФНСК* 1988). Успешное решение этой задачи предполагает наличие локальных обобщающих исследований по средневековой истории народов Кавказа. Таковых, однако, имелось крайне мало; кроме того, в историографии средневековой социальной истории горцев сложилась резкая диспропорция. Если работ, посвященных общественному строю народов Северного Кавказа XVIII — середины XIX вв., накопилось относительно много, то становление первых классовых обществ в регионе до сих пор изучено слабо. Проблема генезиса феодализма на Северном Кавказе по сути оставалась нерешенной (*Виноградов* 1981, сс. 36-37).

Одной из особенностей средневековой истории горцев, как отмечалось выше, являлась разница в темпах общественного развития, асинхронность политогенеза. На рубеже I-II тысячелетий раннеклассовые отношения утвердились в равнинной и предгорной зонах (см.: *Народы* Кавказа. 1960. Т. 1, сс. 75-78; *История* Дагестана. 1867. Т. 1, сс. 131, 139-144; *История*. 1967. Т. 1, сс. 65, 77-79, 82-84, сл.; *Кузнецов В. А.* 1971, сс. 203-239).

Новую концепцию общественного строя средневековых обществ Северного Кавказа в 1975 г. предложил Г.А. Меликишвили. Ее суть состояла в отрицании существования феодализма у горцев. Социальное устройство народов Северного Кавказа отмеченного периода, подчеркнул грузинский академик, наиболее точно отражает понятие «протофеодальный».

Основной массой производителей «все время были свободные общинники», несшие лишь некоторые повинности в пользу «сильных родов» и правителей. Последние не являлись владельцами земли и «душ», осуществляли, главным образом, военные [защита или разбой] и управленческие функции, исполнение коих прокладывало путь в знать (**Меликишвили** 1975, сс. 50-52).

Дальнейшее развитие эта точка зрения получила в статьях **А. И. Робакидзе** (1978, 1988). Из двух возможных, по мнению ученого, путей становления феодализма — 1) в результате разложения общины или 2) деятельности уже возникшего государства — для народов горного Кавказа «характерным был именно первый путь — разложение общины» (**Робакидзе** 1978, сс. 19).

По мнению автора данной работы, формирование раннеклассового общества на Северном Кавказе связано не с «разложением общины» [это понятие не применимо к раннему средневековью; община сохранялась долгое время, менялся лишь ее тип (модель)], а с узурпацией общественно значимых военно-управленческих и культовых функций (**Гутнов** 1988, сс. 152-174; **его же** 1990, сс. 80-86; **его же** 1993, сс. 15-56).

Социальную природу ступени развития средневековых горских обществ Робакидзе вслед за Меликишвили также определял термином «протофеодализм» (**Робакидзе** 1978, сс. 19, 24).

С рядом докладов и статей в 70-80-х гг. XX в. выступили грузинские исследователи [Н. А. Бердзенишвили, Г. А. Меликишвили, З. В. Анчабадзе, В. Н. Габашвили, А. И. Робакидзе, Г. Д. Тогошвили и др.]. Они поставили вопрос «о специфике собственно кавказского горского феодализма». Особенности общественного устройства средневековых горцев Северного Кавказа, отличные от западноевропейской [точнее — северофранцузской] модели феодализма, побудили советских ученых «найти соответствующие дефиниции и определения». Одно из них — «горский феодализм» (**Меликишвили** 1975; **Робакидзе** 1978; **Тогошвили** 1980) — «подразумевает больше управленческий, чем владельческий [в смысле сплошного господства феодального землевладения] характер феодализма при сохранении для ос-

новой массы производителей личной свободы и прав на землю» (**Агларов** 1988а, с. 196).

Крупнейший за весь советский период форум кавказоведов прошел 11-12 июля 1980 г. в Махачкале. Заявлен он был скромно: «*региональная научная конференция*». Однако по составу участников и актуальности обсуждаемых вопросов конференция явно перешагнула «региональные границы». С докладами, сообщениями и выступлениями в прениях приняли участие ученые Москвы, Петербурга, Баку, Тбилиси, Ростова н/Д, Владикавказа, Махачкалы и других городов. Открывая конференцию, член-кор. АН СССР Г.Г. Гамзатов подчеркнул «чрезвычайную важность изучения общественно-экономического развития горских народов Северного Кавказа и давно назревшую необходимость в созыве... конференции» (**РФОНСК**, с. 3).

На пленарном заседании выступили член-кор. АН Груз. **А. И. Робакидзе** (1988, сс. 6-20); профессора **А. П. Пронштейн** (1988, сс. 21-29); **В. Г. Гаджиев** (1988, сс. 29-39); **Р. М. Магомедов** (1988, сс. 39-45); **Т. Х. Кумыков** (1988, сс. 45-53); **В. П. Невская** (1988, сс. 53-60).

Затем работу продолжили в двух секциях. 1) «Историография истории становления феодализма на Северном Кавказе»; и 2) «Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа». Уже из названия секций видна тематика выступлений участников конференции. Всего было выслушано и обсуждено 56 докладов и сообщений.

Итоги дискуссии показали, что далеко не все вопросы столь сложной проблемы, каковой является «генезис феодализма на Северном Кавказе», решены в равной мере. «Более того, к изучению ряда важнейших вопросов... кавказоведы по существу только приступают». Жаркие споры велись, например, об уровне социально-экономического развития в различные эпохи у разных народов, в особенности располагавшихся в высокогорной зоне. Дебатируются также вопросы, связанные с типологией горского феодализма, формой политического устройства и административного управления феодальных владений, союзов

сельских общин, спорят о статусе так называемых 'вольных' обществ и по многим другим вопросам» (**РФОНСК** сс. 3-4).

Для успешного решения возникающих вопросов необходимы периодические встречи и обсуждение кавказоведческих изысканий. На важность организации такого рода научных форумов указали большинство выступивших. «В связи с этим было признано целесообразным раз в 2-3 года созывать научные форумы в городах Северного Кавказа». С целью объединения научных сил признано также необходимым при Институте ИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР образовать научно-координационный совет «Генезис феодализма у народов Северного Кавказа» (**там же**, с. 4).

Своего рода продолжением данной конференции стал доклад В.Г. Гаджиева «Состояние и перспективы изучения истории феодализма у народов Северного Кавказа», заслушанный 9 апреля 1981 г. на бюро Отделения истории АН СССР. В обсуждении участвовали академики А.Л. Нарочницкий, Б.А. Рыбаков, Б.Б. Рыбаков, И.И. Минц, Ю.В. Бромлей; член-корреспонденты И.Р. Григулевич, А.П. Новосельцев; профессор В.И. Буганов и др. В специальном постановлении бюро Отделения истории рекомендовалось «обратить внимание на необходимость активизировать исследования сравнительно-типологического типа по проблемам истории феодальной формации» (**там же**, сс. 4-5).

Вкратце остановимся на материалах конференции, опубликованных с солидным отставанием лишь в 1988 г. [и это несмотря на многочисленные решения, принятые на разных уровнях].

К числу наиболее осведомленных в вопросах т.н. «горского феодализма», несомненно относится Робакидзе. Сам ученый, в свою очередь, к первым исследователям интересующих нас проблем отнес представителей формировавшейся интеллигенции Северного Кавказа. Так, еще в 1804 г. И. Атажуков писал о кабардинцах: «*Ленное правление существует между ними во всей своей силе* [курсив мой- Ф. Г.]. Первую степень власти имеют князья, в зависимости коих суть дворяне, делящиеся на три ступени и знаменующиеся неограниченной приверженностью

к своим князьям. Народ находится в совершенном узничестве дворян и князей» (**Робакидзе** 1988, с. 7).

Вопрос о характере горского феодализма является частью общей проблемы генезиса и типологии феодализма вообще. «В отношении Кавказа, — писал Робакидзе, — по моему глубокому убеждению, этот вопрос должен быть поставлен в принципиально иной плоскости. Отношения зависимости здесь возникли на почве, которая не укладывается в обычные представления о первобытно-общинном строе даже на последней стадии его разложения» (*там же*, с. 9). Напомним, что раннюю стадию общественного развития горцев Северного Кавказа академик **Меликишвили** (1975, с. 52) назвал *протофеодальной*. Она должна была «выражать и стадийную, и типологические особенности социальной организации народов горного Кавказа в начальной стадии классообразования». Однако «на нынешнем этапе [последней четверти XX в. — Ф. Г.] изучения ранних стадий... развития горцев Кавказа вообще, горского феодализма в частности, этот вопрос одним докладом не решить. Необходимо вывить *новые источники и новые подходы* [курсив мой — Ф. Г.]» (**Робакидзе** 1988, с. 9).

По принятой в то время терминологии, стадия развития, предшествовавшая раннефеодальной [раннеклассовой и др.], называлась «военной демократией». Робакидзе отошел от трафарета, и ввел еще одну ступень между первобытностью и раннефеодальным обществом: «процесс перерастания военно-демократического уклада в *военно-аристократический*» завершается узурпацией военно-аристократической элитой функции управления (*там же*, с. 14).

В связи с социальными процессами, Робакидзе в своем докладе обратил внимание на институт *абреков*. В различных формах он хорошо известен у всех народов и во всех языках Кавказа. Восходит к пехл. «арачак» в значении *грабеж, добыча*; и до сих пор употребляется в том же смысле (**Абаев** 1958, т. I, с. 25). «Этот общественный слой абреков, положивший основу осетинскому феодализму», образовался двумя путями: 1) через нужду и 2) изгнание из осетинского общества за то или иное

преступление» (**Кокиев** 2011, с. 71). Робакидзе поддержал Кокиева, по словам которого, абреки «отчасти напоминают собою средневековых рыцарей запада... с течением времени, абрек присваивал себе звание *военного организатора*, богател путем грабежа... бывший абрек, теперь военный организатор, выплывал на поверхность осетинского общества, подчинял себе бедноту и приобретал над нею полную власть» (*там же*, сс. 71-72).

«Сейчас едва ли кто будет оспаривать тезис о том, что все народы горного Кавказа без исключения когда-то и в какой-то степени пережили феодальную ступень общественного развития, однако *именно время* возникновения феодальных отношений, *степень их* развития, а также *характер* и являются спорными, вызывающими разногласия» (**Робакидзе** 1988, с. 8).

Еще в 1971 г. в Тбилиси, выступая на Всесоюзной сессии по итогам полевых исследований, тему о различиях в уровне общественно-экономического развития горских обществ в совместном докладе вкратце подняли Робакидзе и Анчабадзе. Они наметили три стадии в развитии феодальных отношений:

— К низшей ступени отнесены народы, господствующая верхушка которых еще не оформилась в самостоятельное сословие. Подавляющее большинство населения составляли свободные общинники, общественный быт насыщен сильными элементами доклассовых отношений.

— Средняя ступень характеризуется расширением позиций феодальной собственности, оформлением господствующей верхушки в виде феодального сословия, увеличением количества рабов и крепостных.

— Высшая ступень отличается безраздельным господством феодальной собственности, сложностью сословной структуры, подавляющим большинством крепостных [зависимых], сокращением удельного веса общинной собственности, а также тем, что элементы общественного быта и морали приобретают отчетливые классовые черты (*там же*, сс. 17-18).

Для решения проблемы общего и особенного в генезисе и структуре средневековых социумов Северного Кавказа, необходимо установить степень развития феодальных отношений,

определить их стадиальную характеристику. Робакидзе полагал, что «развернувшаяся в этом направлении работа, безусловно, приведет к определенной системе, в которой каждый из народов горного Кавказа займет свое место соответственно уровню развития феодальных отношений» (*там же*, сс. 19-20). Однако, как показало время, прогноз ученого был чересчур оптимистичным и не оправдался.

Элементы культуры и быта, составляя в типологическом отношении исторически сложившиеся общие черты, «в зависимости от локальных условий отдельных регионов, этнической принадлежности их населения и *уровня общественно-экономического развития* [курсив мой — Ф. Г.] характеризуются особенностями, составляющими их индивидуальность» (*там же*, с. 6).

Уже в ту пору, как отметил Робакидзе, «назрела необходимость более глубокого осмысления особенностей феодализма у народов горного Кавказа, постановки вопроса относительно его типологической характеристики. В этом направлении выявлены основные пути развития феодализма на Кавказе [имеется в виду кавказско-иберийский мир] и некоторые черты сходства, сближающие его с западным и восточным феодализмом [Н. А. Бердзенишвили, Г. А. Меликишвили, В. Н. Габашвили], создана почва для постановки вопроса о специфике собственно кавказского горского феодализма» (*там же*, сс. 19-20).

«Ответ на этот вопрос, — подчеркнул в заключение Робакидзе, — надо искать в особенностях путей образования зависимых сословий, ведущих непосредственно от общинного быта к феодальным отношениям, минуя рабовладельческую формацию, в значении военно-аристократических институтов в частности. Однако без учета особенностей хозяйственного быта картина оставалась бы не совсем ясной» (*там же*, с. 20).

Различные вопросы горского феодализма на конференции в Махачкале (1980 г.) поднял в своем выступлении А. П. Пронштейн. Разработка проблемы в целом заметно активизировалась «в связи с дискуссиями в марксистской исторической науке по теоретическим проблемам феодализма, сущности межстадиальных и межформационных переходов; в том числе с попытка-

ми определить стадияльно-типологическую характеристику так называемого горского феодализма» (**Пронштейн** 1988, с. 21).

Кавказоведы попытались «проследить соотношение естественно-географического, хозяйственного и политического факторов», их влияние на формирование и своеобразие феодальных отношений у горцев. В силу различных причин «становление раннеклассовых и феодальных отношений на Северном Кавказе не могло протекать одинаково». Для всего региона, согласно Пронштейну, типичен «сложный характер развития феодализма, его локальное многообразие. Изучение этого процесса значительно затруднено в связи с *ограниченностью источниковой базы*. К тому же среди имеющихся публикаций преобладают работы, либо рассматривающие указанные проблемы в узколокальных или хронологически ограниченных рамках, либо характеризующие феодальные отношения как статичный элемент местной структуры, что делает ряд их выводов недостаточно обоснованным». Особенно это видно на периодизации феодализма на Северном Кавказе. Некоторые авторы завышали уровень социально-экономического развития «своих» народов. «В работах советских историков» имели место явные неувязки по целому ряду вопросов. Это отразилось, в частности, на восстановлении генезиса и начального этапа феодальных отношений в регионе (**там же**, с. 22).

Серьезные затруднения вызывает и недостаточная разработанность ряда теоретических проблем. Пронштейн присоединился к мнению Л.И. Лаврова, согласно которому в тот период имелось «больше оснований говорить о существовании раннеклассового общества, чем доклассового». Причем, у многих народов Северного Кавказа — уже в античное время. Уровень социально-экономического развития народов был неодинаков: у горцев более низкий, чем у населения равнинной и предгорной зон. Однако различия эти, по словам Лаврова, не могли быть значительными.

Своеобразие общественных отношений у горцев Северного Кавказа большинство советских историков выводили, «прежде всего, из особенностей экономической жизни, скудности гор-

ской экономики, не имевшей благоприятных возможностей для увеличения прибавочного продукта, и усиления эксплуатации непосредственных производителей». В горных районах экономика сочетала развитое скотоводство с трудоемким, но интенсивным земледелием. Существенным, а иногда и единственным, подспорьем являлась добыча в результате набегов, а также участие в качестве наемников в военных структурах соседних царей и феодалов (*там же*, с. 25).

Особенностью генезиса «горского феодализма» считалась «его заторможенность, что отразилось на замедленности классообразования, неустойчивости форм личной зависимости и низкой степени эксплуатации. Феодалная собственность на землю не успела сложиться, или не была юридически оформлена». Большая часть населения сохранила личную свободу и права на землю. Верхи социумов осуществляли, главным образом, военно-управленческие функции. «Состав всех социальных слоев был неустойчив и постоянно изменялся». Локальное многообразие социальных отношений у народов Северного Кавказа долгое время сохранялось из-за отсутствия «преобладающего ядра в экономическом, политическом, этническом и культурном отношении». Говоря об этом, Пронштейн подчеркнул важное обстоятельство: «вывод о невозможности свести проблему особенностей феодализма у горских народов к отсталости и указание на специфический [курсив мой — Ф. Г.], но рациональный уровень форм культуры и быта» (*там же*, сс. 25-26).

Из бесспорных факторов, влиявших на темпы феодализации, Пронштейн назвал два. 1) *семейная община* [тухум], ее роль «в социальной жизни данной группы, *степень развития и разложения*» [курсив мой — Ф. Г.]. Налицо обратное соотношение этого фактора со степенью развития феодальных институтов в этих землях, что может указывать на консервирующую роль семейной общины. 2) «живучесть традиций военной демократии и как следствие этого — превращение некоторых черт военной организации в принципы общественной жизни: обязательная военная готовность каждого общинника, проводившиеся время от времени набеги, деление общин на 'вой-

ска' [в мирное время административные округа] и т.д.» (*там же*, с. 27).

Период XIII-XV вв., имеющий большое значение для понимания специфики феодальных отношений на Северном Кавказе, почти повсеместно слабо изучен. Исключения составляют работы дагестанских ученых (*Магомедов*, 1969; *его же*, 1971; *его же*, 1988; *Шихсаидов* 1975; и др.).

Средневековый Дагестан, отметил в одной из своих работ Р.М. Магомедов, «никак нельзя рассматривать как механическое скопление политических единиц [княжества, бекства, союзы сельских общин — джамааты и их федерации], объединяемых лишь территориальным соседством. Феодальный Дагестан имел весьма сложную структуру» и никогда не был оформлен в какую-либо федерацию. Не выявлены также свидетельства существования на Северо-Восточном Кавказе единой верховной власти, «ни одна из его земель [даже в периоды своего временного лидерства] не выступала в роли преобладающего экономического или политического ядра [основы] по отношению к остальным частям Дагестана» (*Магомедов* 1971, сс. 136-137).

Особенностью исторического процесса дагестанских социумов считается *разница* в темпах общественного развития. Она, подчеркнул в своем докладе [конференция, Махачкала, 1980 г.] Р.М. Магомедов, состояла в том, что, «во-первых, разные территориальные группы вступали на него... в разное время [в этом асинхронность]; во-вторых, исходные условия этого вступления у них были разные, что обусловлено особенностями их предшествующего исторического развития и географического положения; в-третьих, вступив раньше или позднее на путь феодализма, они развивались далее неодинаковыми темпами» (*Магомедов* 1988, сс. 41-42).

Лавров, опираясь на материалы погребального инвентаря кубанских могильников второй половины I-го тысячелетия н.э., пришел к выводу об углублении имущественного неравенства в местном обществе. В ряде мужских могил из оружия обнаружены только нож и несколько стрел, а в других — сабли, кинжалы, кольчуги и стрелы. Обращает на себя внимание значительное

сокращение в сопровождающем инвентаре золотых изделий. Своеобразное «обеднение» погребений исследователи связывают с превращением материальных ценностей из неотчуждаемого имущества в товар; после смерти их владельца они переходили в руки наследников. Таким образом, «обеднение» погребений «говорит скорее о прогрессе адыгской экономики, чем об ее упадке» (Лавров 2009, с. 96).

На примере традиционных балкарских и карачаевских обществ Лавров выступил против тезиса о монопольной собственности на землю горских феодалов. Он, в частности, отмечал: «Факты показывают, что в Карачае и Балкарии до XIX в. существовала не столько феодальная, сколько подворная собственность на пахотные и сенокосные угодья», а пастбища и леса составляли собственность отдельных обществ. Из того, что «во главе общества стояли феодалы, нельзя еще делать вывод, будто вся земля общества считалась их собственностью». Лавров обратил внимание и на отсутствие в обычном праве карачаевцев и балкарцев статей, позволявших феодалам отчуждать и распоряжаться всей землей по своему усмотрению. Это тем более относится к собственности отдельных крестьянских дворов. Лично свободные крестьяне, в Карачае и Балкарии составляли большинство населения, владели своими участками и могли ими распоряжаться по своему усмотрению (*там же*, с. 388).

«Кавказские материалы, — продолжил ученый, — склоняют к выводу, что существование или отсутствие частной собственности на землю зависело не только от уровня развития социальных отношений, но и от наличия свободного земельного фонда. Например, отчетливое представление о земельной собственности давно сложилось не только у большинства жителей Закавказья и не обеспеченных земель горцев Балкарии, но также и у населения 'вольных обществ' горной Чечни и Дагестана. Наряду с этим земельная собственность в XIX в. еще не успела окончательно оформиться у ногайцев и кабардинцев, обитавших на достаточно обширных степных просторах, а также в тех районах Адыгеи и Абхазии, где преобладало подсечное земледелие.

Говоря о повсеместном распространении на средневековом Кавказе земельной собственности [феодальной, общинной и частнокрестьянской], — подчеркнул Лавров, — мы обычно находимся под воздействием европейского варианта феодализма, породившем представление, будто главное в феодализме — это феодальная собственность на землю. Экономическая мощь господствующего класса в средние века не всегда и не везде базировалась на землевладении. Немалую роль играли военные трофеи, торговые пошлины [на важных путях сообщения, в портах] и особенно дань, которую взимали не только с землевладельцев, но и с ремесленников, купцов и других слоев населения... предстоит разобраться: позволяют ли кавказские материалы считать, что земельная рента являлась неременной формой присвоения феодалами прибавочной стоимости, и не свидетельствуют ли они, что эксплуатация нередко принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением» (*там же*, сс. 436-437).

Одновременно с выяснением специфики социальных процессов на Северном Кавказе шло выявление причин их асинхронности у различных народов региона. Основные причины замедленности классовообразования в ущельях Кавказа и «как бы консервации общественной жизни» ученые видели в особенностях хозяйственной жизни «в труднодоступных горных местах в условиях замкнутости и постоянной обороны от нападения извне», что вело к «устойчивости общины» (*Нарочницкий* 1979, сс. 15-16).

Виноградов среди причин замедленного развития социальных процессов у горских народов также назвал состояние экономики, обусловленное природными условиями, демографические тенденции и влияние внешнего фактора. К X в. он отнес оформление «раннефеодального государственного образования — Алании». Следующий период [XIII-XVII вв.], по мнению исследователя, характеризуется распадом Алании, включением равнинных районов Северного Кавказа во владения Золотой Орды, позднее — острым противоборством Турции, Ирана и России, почти полной изоляцией многих этнических

групп в горах. Полагая, что кавказские термины, обозначающие феодальную знать, «связаны с родоплеменной ситуацией, восходя к наименованиям старейшин», Виноградов формирование класса феодалов объяснял трансформацией «племенной верхушки». С этим трудно согласиться. Во всяком случае, приводимый им в качестве примера осетинский социальный термин *алдар* изначально применялся к представителям не родоплеменной, а военной знати, и обозначал не более как «военный предводитель». В венгерском слове, заимствованном у алан, получил значение «начальник охраны», «начальник сотни» (*Гутнов* 1993а, с. 33). Вместе с тем, Виноградов формирование знати связывал с исполнением «военных и управленческих функций». В конечном итоге генезис феодализма на Центральном Кавказе исследователю виделся как «чрезвычайно длительный процесс, так и не получивший завершения» (*Виноградов* 1981, сс. 35-50).

В целом, проведенный на рубеже 70-80-х гг. обмен мнениями продемонстрировал существование принципиальных разногласий о времени генезиса феодализма у горских народов. Если одни исследователи формирование феодализма, например в Дагестане, относили к V-X вв., то другие полагали, что этот процесс в регионе в целом вообще не завершился и для характеристики докапиталистических горских обществ целесообразнее использовать понятия «дофеодальный», «протофеодальный». По мнению третьих, проблема становления классовых отношений на Северном Кавказе не была поднята до уровня историко-социологических обобщений (*Лащук* 1977, с. 114).

В вопросе о путях возникновения классового общества доминировала точка зрения о связи этого процесса с «разложением общины», появлением слоя частных собственников и созданием ими аппарата управления.

Уже **в постсоветский период** кавказоведы обратили внимание на еще один важный момент в истории изучения общественного строя горских народов. В конце 70-х — начале 80-х гг. XX вв. «наметились две линии плодотворного развития подхо-

дов и концепций советского кавказоведения», правда не нашедших «законченного выражения» (**Боров** 2012, с. 18).

Первая из них связана с разработкой проблемы т.н. «горского феодализма». Построение «данной модели шло не от системных категорий формационной теории к локальной специфике их воплощения, а от эмпирически фиксируемых черт хозяйственной и социальной организации к установлению их системной целостности». Главным пунктом анализа теперь стало определение основной социальной единицей общества, территориально соответствующей сельскому поселению в качестве *вотчины*, а не *общины*. На примере Кабарды В. Х. Кажаров показал, что признание основой социальной организации вотчинный принцип устраняет преграды, затруднявшие прежде решение вопроса о стадийной характеристике кабардинского феодализма — «фамильный характер землевладения и включенность владельцев в систему общинных переделов пахотных участках» (**Кажаров** 1993; **Боров** 2012, с. 18).

Альтернативное видение социальной структуры и процессов довольно детально разработано на примере сельских [«вольных»] общин [обществ] Дагестана. Авторитетный исследователь сельских общин горного Дагестана М. А. Агларов пишет: здесь еще в древности, в период складывания террасных систем, сформировалась частная собственность на землю (**Агларов** 1988, сс. 74-75, 87-88, 133).

Ю. Ю. Карпов подчеркивает, что в вольных обществах горного Дагестана феодальная собственность складывалась через поглощение пастбищ, находившихся в общинной собственности, либо «ничейных», участков, находившихся в «пограничных» зонах (**Карпов** 2007, сс. 240-246).

На рубеже 80-х — 90-х гг. минувшего века «резко усилился общественно-политический резонанс выступлений профессиональных историков, произошла масштабная переоценка фактов, явлений и процессов исторического прошлого» (**Муратова** 2007, с. 52; **Дзамихов** 2001, с. 34). Негативные попытки кардинального пересмотра многих проблем кавказоведения

получили должную оценку специалистов (*Марковин* 1994; *Кузнецов, Чеченов* 2000).

«Большие расхождения историографических оценок» на примере балкарцев отметила Е. Н. Муратова. Разброс мнений весьма широк: от обществ с эгалитарной системой общественного строя, аналогичного тайповой системе вайнахов, до конструирования «сложной иерархической социальной лестницы, описанием многоуровневых политических институтов Балкарии» (*Муратова* 2007, с. 54).

В последние годы дискуссия об особенностях «горского феодализма», особенно остро ведется на балкарском материале. Полярные точки зрения наиболее принципиально представлены в работах В. М. Батчаева, Е. Г. Битовой и Е. Г. Муратовой. Четко и принципиально к вопросам социальной истории подходит Батчаев. Конечно, с его позицией по ряду вопросов можно не соглашаться, но не «замечать» — никак нельзя.

Начнем с того, что Батчаев не скрывает своих методологических пристрастий — он последовательный сторонник марксистской концепции общественно-экономических формаций [ОЭФ]. И в рамках этой концепции он создал одно из лучших исследований истории горцев средневекового Северного Кавказа.

Говоря о самой проблеме, ученый пишет: «черты своеобразия балкарского — да и любого другого — феодализма не должны заслонять то общее, на основе которого, собственно, и стало возможным выделение этой формации как особого этапа в социальной истории регионов Европы» (*Батчаев* 2006, с. 93).

Точки соприкосновения общественного строя горцев Центрального Кавказа и некоторых социумов Западной Европы подняли еще в дореволюционной историографии. В частности на осетинском материале — *В. Б. Пфаф* (1871; 1872) и, особенно — *М. М. Ковалевский* (1883; 1886; 1890), а на балкарском — *Вс. Миллер* и *М. М. Ковалевский* (1884). «На сегодняшний день эти параллели представляются уже куда более многочисленными и разнообразными». Среди них — многоукладность, неотъемлемая черта любой формации; сочетание различных форм эксплуатации [рабство, данничество, крепостничество];

малочисленность крепостного крестьянства; опосредованный характер верховной собственности феодалов на землю; подчинение общинников феодалу как необходимое условие обладания землей; «отсутствие независимых от феодала групп населения и вариативность форм самой зависимости; часто территориальная разобщенность отдельных феодальных владений; роль княжеских пиров, дарений и пожалований в становлении и укреплении иерархических связей; значительная роль внеэкономического принуждения; воспитание детей феодала в семье вассала; определенные обязательства господина перед подданными и т.д. — словом все, что выделено» медиевистами в качестве особенностей генезиса и ранних этапов феодализма в Европе. Все это «приложимо с поправками на местную специфику» к системе социальных отношений горцев Центрального Кавказа (**Батчаев** 2006, сс. 93-94).

По сути верной представляется высказанная Батчаевым идея о возможной длительности дискуссии по основным проблемам т.н. «горского феодализма», начиная «с этнографических границ подразумеваемого таким названием ареала». Применительно к Центральному Кавказу, продолжает балкарский ученый, «правомернее было бы ставить вопрос не о некоем 'горском' феодализме вообще, а феодализма двух конкретных ландшафтных зон — высокогорной и предгорно-плоскостной. При этом наиболее сложным всегда был [и остается — Ф. Г.] вопрос о феодальных отношениях в высокогорной районах края» (*там же*, с. 95).

«Пока же, на стадии предварительных обобщений, заслуживают внимания три немаловажных момента».

1. Достаточно «очевидный факт огромного — возможно, даже решающего — значения особенностей этнической истории в процессе классообразования. Формирование горских обществ с отчетливо выраженной социальной стратификацией — это преимущественно следствие притока в их среду инородных [ираноязычных и тюркоязычных] групп, у которых раннефеодальные отношения успели сложиться до этого в степной и предгорной зоне региона».

2. Столь же «очевидной» [по мнению Батчаева] «представляется *невозможность* [курсив мой — Ф. Г.] изолированного существования феодальной формации в условиях недостаточности наличной территории для полного оборота годового производственного цикла». Стабильность экономической базы «высокогорного феодализма — доступ к сезонным пастбищам на равнине». Отсюда — сложные отношения горских социумов с правящей элитой Кабарды.

3. «Отсутствие сложной многоступенчатой феодальной иерархии» чаще всего связывается с уровнем феодализации горских обществ» (*там же*).

Горная полоса Большого Кавказа — одна из тех экологических зон, «которые *исключают не только нормальное развитие, но даже эндогенное формирование феодализма* [курсив мой — Ф. Г.]. И в наибольшей мере это относится к Балкарии — самой высокогорной части Кавказа с ее чрезвычайно суровым климатом», природной средой, недостаточной даже для простого воспроизводства, неблагоприятной демографической ситуацией, с разобщенным на локальные, изолированные друг от друга группами населения (*там же*).

Автор данной работы выпустил двухтомник «Горский феодализм» (Владикавказ, 2007, 2008). Но еще в монографии «Средневековая Осетия» (Владикавказ, 1993) на примере алан рассматривались некоторые вопросы классообразования и становления государства, формирование господского двора и вотчины, формы синтеза в горной полосе Центрального Кавказа, социальная структура средневековых осетинских обществ.

В первом томе «Горского феодализма» реконструируется процесс классообразования и политогенеза у народов Северного Кавказа в I-ом тысячелетии н.э. В самом общем виде данный процесс представляет собой военно-аристократическую модель политогенеза и формирования [прото] государств в средневековых горских обществах. Генезис государства укладывается в рамках теории трех сменявших друг друга форм протестарно-политических структур, в разработку которых внесли вклад как зарубежные исследователи (из последних работ

см., например: **Carnero** 2000; **Classen** 2000; **Spencer Ch. S.** 2000 и др.), так и отечественные (**Васильев Л. С.** 1982; **Куббель Л. Е.** 1980, 1988; **Павленко Ю. В.** 1989; **Коротаяев А. В.** 1992, 1996, 1997, **Korotayev A. V.** 2000; **Крадин Н. Н.** 1994, 1995, 2001, **Kradin N. N.** 2000; и др.). Речь идет о схеме: *вождество* [ранжированное общество] — *раннее государство* [на базе стратифицированного (или раннеклассового) социума] — *зрелое государство* [в коем доминируют позиции господствующего класса].

В IX-X вв. в Алании, Хазарии и ряде социумов Дагестана сформировались раннеклассовые общества. В каждом из них имелись классы-сословия, аппарат управления; прибавочный продукт у общинников изымался посредством даней, налогов, «даров» и т.д. Следов ренты обнаружить не удастся. Некоторые советские историки данные этнополитические образования относили к раннефеодальным государствам, как представляется, только потому, что они уже не являлись родовыми и в то же время не были рабовладельческими.

На наш взгляд, процесс классовообразования, а позднее — генезис феодализма — у горцев Кавказа проходил через монополизацию военно-управленческих функций. «Занятие важных общественных должностей способствовало имущественному благосостоянию и в то же время служило самой прочной его гарантией. Усложнение социальных структур и производственных процессов приводили к обособлению организационно-управленческой деятельности от производственной. Расходы, которые община поначалу лишь эпизодически несла на содержание лиц, занятых организационно-управленческими функциями, постепенно превращались в фиксированный налог или даже становились формой эксплуатации. Следовательно, из двух возможных вариантов складывания классового общества: или путем непосредственного отчуждения прибавочного продукта, или путем монополизации общественной должностной функции, для народов Северного Кавказа характерен второй путь» (**Гутнов** 2008, сс. 200-201).

Во второй части «Горского феодализма» рассматриваются общее и особенное в генезисе и структуре раннефеодальных обществ Северного Кавказа.

В равнинной и предгорной зонах региона утвердились раннеклассовые отношения, ставшие по нашему мнению, исходной базой генезиса феодализма. Рассматривая структуру власти в социумах региона: Касахии, царстве Серир, Хазарском каганате, Алании, мы использовали различные источники. Наряду с традиционными письменными памятниками, привлечены титулатура правителей, данные археологии, обычного права, антропонимии, ономастики и др. В отдельную главу выделены такие вопросы, как *господский двор* и *вотчина*. Учитывая скудную базу письменных источников, особую значимость приобретают результаты поисков археологов. Усилиями В. А. Кузнецова, В. Б. Ковалевской, Г. Е. Афанасьева, В. М. Батчаева намечены подходы к реконструкции усадьбы алан раннего средневековья. Привлечены описания замков и усадеб более позднего периода, в том числе XIII-XV вв., сюжеты генеалогических преданий знати. Анализируя сведения этих памятников, мы пришли к выводу, что в «аристократических» обществах первоначально оформился княжеский домен. Вотчина возникла позднее, и не без влияния центральной власти. Утверждение господской вотчины стало маркером собственно феодальных методов эксплуатации (**Гутнов** 2008, сс. 154-186).

Изложение материала в данной работе разделяется на две части: сначала рассматриваются общие для всего региона вопросы социально-экономического устройства. Во второй части по отдельности характеризуются т.н. «аристократические» [раннефеодальные] общества. Прием этот не нов. Так, например, построено исследование С. М. Броневского, получившее высокую оценку советской историографии (**Косвен** 1955, т. I, с. 348).

Примечания

¹ Сборник, в котором опубликована данная статья Дегена, вышел в 1941 г. буквально накануне Великой Отечественной войны и не успел поступить в продажу. После переселения балкарцев в Среднюю Азию, весь тираж сборника «был утерян». «Обнаружили» его лишь в конце 50-х гг. Но известность он получил главным образом среди археологов, крайне редко обращающихся к проблеме горского феодализма (**Батчаев** 2006, с. 31 примеч. 14).

I. Монгольские походы на Северный Кавказ

Предварительные замечания. Оформление государственности у золотоордынских монголов имело свою специфику. До 60-х гг. XIII в. новое государство входило в состав общемонгольской империи, юридически подчиняясь каракорумскому правителю. Согласно ясе Чингисхана, «великий каан» имел право на получение части доходов с покоренных земель. Гильом де Рубрук во время своего пребывания на Кавказе [в конце 1254 г.] отметил: «Прежде чем добраться до Железных Ворот, мы нашли один замок аланов, принадлежащий самому Мангу-хану, ибо он покорил ту землю» (*Алемань* 2003, с. 220). Е. И. Нарожный склонен присоединиться к предположению В. Л. Егорова «о включении Северного Кавказа в состав личных владений [домена] каракорумского правителя. Однако, — подчеркнул Нарожный, — по-прежнему характер взаимоотношений джучидов с северо-кавказским населением продолжает оставаться неясным» (*Нарожный* 1987, с. 57).

Вопрос о структуре управления и эксплуатации на завоеванных территориях не имел однозначного решения среди высших слоев знати кочевников. Одна группа, в которую входил и сам Чингисхан, выступала, по сути, за постоянные войны, завоевание все новых и новых стран и народов. В данном случае на передний план выходил грабеж захваченных социумов. Другая группа монгольской военной аристократии считала целесообразным видеть в покоренных народах объект эксплуатации. Вторым вариантом гарантировал победителям постоянный доход в виде даней и налогов. Сторонники такого подхода считали, что эксплуатация местного населения, пусть и умеренная, принесет больше выгоды, чем его истребление и превращение завоеванных городов и сел в пастбища. Кроме того, во втором случае монголы несли гораздо меньше потерь, чем при постоянных войнах. Поэтому они считали необходимым ограничить походы, на покоренных землях вернуть крестьян и ремесленников в села и города; дать им возможность восстановить свое хозяйство, что позволило бы превратить их в объект постоянного налогообложения.

В 2006 г. на русский язык переведена книга талантливого монгольского журналиста Ч. Чойсамбы «Завоевательные походы Бату-хана». К моменту издания русского перевода 33-летний автор оригинала оказался носителем множества регалий: лучший молодой преподаватель МонГУ [2000], лучший молодой ученый Монголии [2003], лауреат премии АН Монголии [2005]. Его перу принадлежат более 10 монографий и учебных пособий, более 30 журналистских статей. Добавим к этому, что Чойсамба является членом Международного наполеоновского общества (*Почекаев* 2006, сс. 330-331).

Интерес к теме подогревается тем, что «в нашей стране практически не было работ¹, посвященных непосредственно Бату и его завоеваниям». Рецензенты, несмотря на все означенное, довольно резко отозвались об этой книге. Даже прощая автору, пишет один из них, «им самим отмеченное 'превалирование эмоций над здравым смыслом' и не акцентируя внимание на явном преувеличении полководческих дарований» монгольской военной аристократии [Чингисхана, Субэдэя, Батыя и др.], «приходится признать, что выход книги в России является преждевременным». Аналогичное впечатление сложилось и у монгольских историков. Они «вовсе не испытывали иллюзий относительно научной ценности книги», выход которой может принести «больше вреда, чем пользы» (*там же*, сс.331, 336).

Следующие замечания относятся не только к монгольскому автору, но и к отечественным исследователям. Историкографическим штампом стало применение к Бату титула *хан*. Тогда как Бату «никогда не носил ханского титула, и впервые упоминается с ним в источниках, появившихся спустя четверть века после его смерти». Правда, «упоминание Бату и других Чингизидов с ханским титулом является достаточно *распространенным заблуждением* [курсив мой — Ф. Г.]». К таким же «распространенным заблуждениям»² относится «объявление о создании Золотой Орды в 1243 г.» Улус Джучи «образован в 1224 г. и с тех пор только корректировались его границы»; термин «Золотая Орда» применительно к Улусу Джучи стал использоваться только с середины XVI в. Следовательно, Батый не мог в 1243 г. провоз-

гласить его государством, как не мог объявить его столицей Сарай-Бату, основанный лишь в 50-е гг. XIII в. (*там же*, сс. 332, 336).

I. 1. Структура общества и войска монголов в начале XIII в.

В 1206 г. разрозненные монгольские племена объединились под властью хана Темучина, которого с тех пор стали называть Чингисханом. Социальное устройство монголов той поры сопоставимо с обществом с военно-иерархической структурой. Основными функциями элиты кочевых социумов являлись организация: 1) более-менее длительных и многочисленных походов для завоевания какой-либо ближней или дальней территории; 2) эффективной защиты от агрессии извне; 3) небольших по составу мобильных групп [возможно, дружины или ее части] для кратковременных набегов за добычей на сопредельные территории. Быт и нравы кочевников также подчинялись военным целям.

Плано Карпини одним из первых европейских авторов обратил на это внимание: «хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы, поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не кушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели. Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда также терпят и чрезмерный зной. И эти люди не изнежены». Структура общества и армии кочевников, взаимоотношения между различными группами подчинялись строгой иерархии. «Раздоры между ними возникают или редко или никогда»; при этом *«татары более повинуются своим владыкам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире... [курсив мой — Ф. Г.]»* (Плано Карпини 2005, сс. 252-253).

Как в обыденной жизни, так и в походах монголы были неприхотливы в еде. «Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко... Зимой у них нет даже и кобыльего молока, если они не богаты. Они также варят просо с водою, размельчая настолько, что могут не есть, а пить. И каждый из них пьет по утрам чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вече-

ром каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, все, что можно разжевать, именно они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо... Хлеба у них нет, равно как и зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это» (*там же*, сс. 254-255).

Показательно, что мужчины у монголов «ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом... и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо они очень ловки, а также смелы» (*там же*, с. 256).

В специальной главе Плано Карпини рассказывает «о начале державы татар», ее князьях, о власти императора и князей. Консолидацию монгольских племен Карпини связывал с личностью «Чингиса», который «научил людей воровать и грабить добычу. Далее он ходил в другие земли и не оставлял пленять и присоединять к себе кого только мог, людей же своего народа он преклонял к себе, и они следовали за ним, как за вождем, на все злодеяния». Затем Чингисхан приступил к покорению *су-монгал*, или татар. После того как он «подчинил себе многих людей и убил их вождя, в продолжительной войне покорил себе всех татар», он пошел войной на *меркитов*³. Завоевав их, Чингис покорил и *мекритов*⁴. Процесс «собираения» родственных монгольских племен завершился (*Плано Карпини 2005*, сс. 257-258).

От сыновей Чингисхана произошли «все вожди монголов». Один из внуков, Бату [Батый], «наиболее богат и могущественен после императора». Среди прямых наследников первого великого хана монголов — Берке⁵, Джучи⁶, Бури⁷ Кадан, Менгу⁸. Старший сын Джучи, названный Плано Карпини Орду⁹, воевал в Польше и Венгрии. В списке военной знати — Хубилай и «старец Егулай». Знати еще «очень много, но имен их мы не знаем» (*там же*, с. 268).

Все источники единодушно отмечают доминирующую роль конницы в составе монгольского войска. «Они привычны не к

очень рослым, но очень выносливым коням, довольствующимся небольшим количеством корма, на которых сидят, крепко к ним привязавшись». Летучие отряды монголов «мчатся верхом на скакунах, за одну ночь покрывают расстояние трех дневных переходов» (*Матузова*, 1979, с. 50).

В Анналах Уэйверлейского монастыря [XIII в.] практически та же информация: «за войском следует 13 тысяч всадников, защищающих его. И кони у них хорошие, но злые, и много коней следует за ними без всадника, так что, когда скачет хозяин, за ним следует 20 или 30 коней. Панцири у них из кожи, и они прочнее, чем из железа, и [также] конская сбруя». Говоря о пехотинцах, тот же источник выделяет их как отличных лучников, «никто не сравнится с ними, и луки они натягивают более мощные, чем турки» (*там же*, с. 175).

Равным образом в Анналах Бертонского монастыря [конец XIII в.] утверждается: «Женщины [у монголов — Ф. Г.], наподобие мужчин, скачут верхом, сражаются и стреляют из луков. Доспехи у них сделаны из многослойной кожи, и они почти непробиваемые. Наступательное оружие — из железа. Есть у них разнообразные метко бьющие устройства. Спят они под открытым небом...» (*там же*, с. 182).

Некоторые информаторы, в частности «Петр, архиепископ Руссии», подчеркивают бытование у монголов т.н. женских отрядов. «Женщины [их] — прекрасные воины и особенно лучницы. Доспехи у них из кожи, почти непробиваемые; наступательное оружие сделано из железа и напоено ядом» (*там же*, с. 152).

Из оружия английские источники выделяют луки, которые «являются для них самым привычным оружием, наряду со стрелами и прочим метательным оружием, каким они [монголы — Ф. Г.] постоянно пользуются [отчего и руки их сильнее, чем у других людей]» (*там же*, с. 142). В другом сюжете говорится: «они без усталости и храбро сражаются копьями, палицами, секирами и мечами, но предпочтение отдают лукам и метко, с большим искусством из них стреляют» (*там же*, с. 150).

Разнообразные данные, в том числе и о социальном устройстве монголов, содержит Послание императора Фридриха II

королю Англии Генриху III: «народ этот дик и не ведает человечности и законов. Однако он имеет повелителя¹⁰, за которым следует, которому послушно повинуются и [которого] почитает и величает богом на земле... люди они низкорослые, но крепкие, коренастые и кряжистые. Они жилисты, сильны и отважны и устремляются по знаку своего предводителя на любые рискованные дела... они издают ужасные крики, созвучные [их] сердцам. Одеты они в невыделанные воловьи, ослиные или конские шкуры. Доспехи у них [сделаны] из нашитых [на кожу] железных пластин... Кроме того, [теперь] они владеют лучшими конями, вкушают изысканнейшие яства, наряжаются в красивейшие одежды. Эти тартары несравненные лучники...» (*там же*, сс. 143-144).

Непосредственный участник осады татарами некоего города писал в обращении к архиепископу Бордо: «правитель Далмации захватил восьмерых [монголов — Ф. Г.], один из которых, как узнал герцог австрийский, был англичанин [ом], из-за какого-то преступления осужденный на вечное изгнание из Англии». Этот же «английский» татарин, дал пространную характеристику монголам. «[Говоря] о нравах их и верованиях, о телосложении их и росте, о родине и о том, как они сражаются, он клятвенно заявил, что они превосходят всех людей жадностью, злобой, хитростью и бессердечием; но из-за строгости наказания и жестокости кар, назначаемых их властителями, они удерживаются от ссор и от взаимных злодеяний и лжи» (*там же*, сс. 148-149).

Проявление жестокости к сопротивлявшимся они не считают грехом. «А грудь у них крепкая и могучая, лица худые и бледные, плечи твердые и прямые, носы расплющенные и короткие, подборки острые и выдающиеся вперед, верхняя челюсть маленькая и глубоко сидящая, зубы длинные и редкие, разрез глаз идет от висков до самой переносицы, зрачки бегающие и черные, взгляд косой и угрюмый, конечности костистые и жилистые, голени же толсты, но [хотя] берцовые кости короче, [чем у нас], все они одинакового с нами роста, ибо то, чего не достает в берцовых костях, восполняется в верхних частях тела» (*там же*, сс. 149-150).

«Великая хроника» Матфея содержит «Послание» от 10 апреля 1242 г. некоего венгерского епископа парижскому епископу. Специалисты события, отраженные в послании относят к времени разорения Киева в декабре 1240 г. Данный источник представляет собой пересказ допроса двух пленных монгольских разведчиков. На вопрос о структуре пищи татар, они ответили: татары едят «лягушек, собак, змей и все [прочее] без разбора» (*там же*, с. 153).

«Услышать *точные сведения о них мы не можем* [курсив мой — Ф. Г.]», — честно признался венгерский епископ (*там же*, с. 154).

Другой церковный служитель — Петр, «архиепископ Руссии, бежавший от тартар», не пожалел красок, характеризуя монголов. Его рассказ Матфей Парижский поместил под 1244 г. Обращают на себя внимание эмоциональные оценки Петра в сюжетах об устройстве и быте кочевников. «Они... грубые, не признающие закона и дикие и воспитанные в пещерах и логовах львов и драконов, которых они изгнали». Наряду с такими фантастическими оценками «архиепископ Руссии» привел и заслуживающие внимание сведения. Татаро-монголы, «став многочисленными и более сильными, избирая из своего числа вождей, они стремительно нападали на самые отдаленные места и покоряли себе города, побеждая их жителей». Об образе жизни кочевников Петр сказал: «Они едят мясо лошадей, собак и других презираемых [обычно] животных, также, в крайних случаях, человеческое мясо, однако не сырое, а вареное. Пьют кровь, воду и молоко. Они сурово наказывают за преступления, прелюбодеяния, воровство, ложь и убийства, — смертной казнью. Многоженство не осуждают, [и] каждый имеет одну или много жен. Они не позволяют чужестранцам ни жить вместе с собой, ни вести торговые дела, ни участвовать в советах. Они разбивают лагерь обособленно, и если кто чужой замыслит проникнуть в них, того тотчас убивают» (*там же*, сс. 151-152).

В «Великой хронике» Матфея Парижского под 1238 г. содержится рассказ послов от сарацин к королю франков о монголах. Послы, «*правдиво* [курсив мой — Ф. Г.] излагающие..., что

с северных гор устремилось некое племя человеческое, чудовищное и бесчеловечное, и заняло обширные и плодородные земли Востока, опустошило Великую Венгрию... Их предводитель утверждает, что он — посланец всевышнего бога, [для того] чтобы усмирить [и подчинить] народы, восставшие против него... Они отличные лучники... Они сильны телом, коренасты, безбожны, безжалостны... Они владеют множеством крупного рогатого и мелкого скота и табунов коней. А кони у них чрезвычайно быстрые [и] могут трехдневный путь совершить за один [день]. Дабы не обращаться в бегство, они хорошо защищены доспехами спереди, [а] не сзади. У них очень жестокий предводитель по имени Каан... они, именуемые тартарами... весьма многочисленные, обитая в северных краях, то ли с Каспийских гор, то ли с соседних [с ними], словно чума, обрушились на человечество, и хотя они выходили уже не раз, но в этом году буйствовали и безумствовали страшнее обыкновенного» (*там же*, с. 136).

Слухи о жестокости монголов быстро распространились по Европе. Матфей Парижский писал по этому поводу: «люд сатанинский проклятый... бесчисленные полчища тартар, внезапно появился... словно саранча, кишели они, покрывая поверхность земли. Оконечности восточных пределов подвергли они плачевному разорению, опустошая огнем и мечом. Вторгшись в пределы сарацин, они сравнивали города с землей, вырубали леса, разрушили крепости, выкорчевали виноградники, разорили сады, убили горожан и сельских жителей... они обращались с пленниками своими, словно с рабочим скотом. Ведь они люди бесчеловечные и диким животным подобные. Чудовищами надлежит называть их, а не людьми, [ибо] они жадно пьют кровь, разрывают на части мясо собачье и пожирают [его]... Они владеют мечами и кинжалами, отточенными с одной стороны, являются удивительными лучниками [и] не щадят никого, невзирая на пол, возраст или общественное положение» (*там же*, сс. 137-138).

Даже внешний вид и быт монголов устрашал противника: «одеты в бычьи шкуры, защищены железными пластинами. Ро-

ста они невысокого и толстые, сложения коренастого, сил безмерных. В войне они непобедимы, в сражениях неутомимы. Со спины они не имеют доспехов, спереди, однако, доспехами защищены... У них большие и сильные кони... Они не знают человеческих законов, не ведают жалости, свирепее львов и медведей» (*там же*, с. 137).

Интересны наблюдения Карпини о социальной структуре татаро-монголов. «Император же этих татар, — подчеркнул он, — имеет изумительную власть над всеми. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники сотникам, сотники же десятникам. Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте... они повинуются без всякого противоречия» (*там же*, 1979, с. 268).

У монголов «все принадлежит императору, то есть имущество, вьючный скот и люди... Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно татары и другие распределены между вождями. Также и послам вождей, куда бы те их не посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам. Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам... И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что захотят и сколько хотят» (*там же*, 1979, с. 270).

Вместе с тем, великий хан [император] монголов обязан был одаривать своих вассалов. Марко Поло обратил внимание на дорогие одежды, которые одевали «двенадцать тысяч князей и рыцарей». Их одежду шили из шелка, украшенного золотом; каждый из 12 тысяч вассалов великого хана имел «большой золотой пояс. Одежду эту дарит им великий хан; а иная одежда по своим драгоценным камням и жемчугу стоит более двенадцати тысяч бизантов; и много таких. Этим двенадцати тысячам князей

и рыцарей великий хан дарит дорогие одеяния такие же, как его собственные, и очень дорогие... нет на свете другого государя, кто мог бы то же самое сделать» (*Книга* 2005, с. 394).

Новую для того времени информацию о монголах привел Роджер Бэкон. «А у тартар бесчисленное множество скота, а живут они в шатрах и не имеют ни городов, ни крепостей, разве только в редчайших случаях. И каждый предводитель со своим войском и стадами кочует меж двух рек... А с января они начинают продвигаться и в северные края за реки [и продолжают] до самого августа, а тогда отступают на юг из-за северного холода зимой. И на севере отделена Этилия от провинции Кассарии одним месяцем и тремя днями пути; так преодолевают [это расстояние] верхом тартары» (*Матузова* 1979, сс. 213-214).

В день рождения великого хана «*все татары на свете* из всех областей и стран, у кого *от великого хана земли и страны*, приносят ему великие дары, всякий, что ему следует по установленному [курсив мой — Ф. Г.]. С большими приносами приходят сюда и те, кому желательно, чтобы великий хан дал им земли в управление. А великий хан выбрал двенадцать князей; они раздают земли по заслугам» (*там же*).

Торжественно отмечали монголы и начало каждого года. «В этот день весь народ, все страны, области и царства и все, у кого *от великого хана земли в управлении* [курсив мой — Ф. Г.], приносят ему большие дары, золото и серебро, жемчуг и драгоценные камни» и т. д. Помимо этого, великому хану на новый год «дарят... более ста тысяч славных и дорогих белых коней. В этот же день выводят пять тысяч белых слонов... и многое множество верблюдов». Причем и те и другие нагружены разнообразными дорогими подарками (*Книга* 2005, сс. 394-395). Приближенных [вассалов?] великого хана в количестве 12 тысяч человек Марко Поло назвал «баронами», хотя здесь же перевел термин, которым они обозначались — «близкие и верные слуги государя» (*там же*, с. 397).

Черты социального устройства монголов той поры отразили некоторые элементы этнографии. Так, во время пиров стол великого хана находился «много выше других столов; садится он

на северной стороне лицом на юг; с левой стороны возле него сидит старшая жена, а по правую руку, много ниже, сыновья, племянники и родичи императорского роду; а головы их приходятся у ног великого хана; а прочие князья садятся за другие столы, еще ниже» (*там же*, с. 392). «Бароны и рыцари» место за столом занимали в строгом соответствии со своим социальном статусом, в первую очередь определяемом местом в структуре военной организации монголов. Плано Карпини в своей работе посвятил ей специальную, VI главу «О войне и разделении войска, об оружии и хитростях при столкновении, об осаде укреплений и вероломстве их против тех, кто сдается им, о жестокости против пленных». Судя по отчету, он получил от Папы задание не только передать великому хану письмо Иннокентия IV, но и разведать все возможное о военной организации монголов, их силах, тактике ведения войны, «разузнать об их дальнейших планах и, главное, куда они намерены двинуться». Помимо этого, Карпини должен был познакомиться с их общественным устройством, деталями быта, религии «и, если удастся, то попробовать склонить Великого хана к христианству». Хотя Карпини не смог обратить в новую веру ни великого хана, ни кого-либо из его окружения, как не смог выведать что-либо о дальнейших планах кочевников, «но остальные пункты задания он выполнил блестяще, описав не только войска монголов, их вооружение, стратегию и тактику, но и их внешность, жилища, одежду, пищу, обычаи, нравы, религию, похоронный обряд, двор Великого хана и т.п.» (*Фишман* 2003, с. 23).

В армии Чингисхана во главе десяти человек «поставлен один [и он по-нашему называется десятником], а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один, и это число называется у них тьма. Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному» (*Плано Карпини* 2005, сс. 275-276). Принцип ответственности одного воина из десяти, одной десятки из сотни и т.д. делал все войско монолитной [пусть и под угрозой не-

избежной казни в случае любого проступка в походе или бою] армией.

Оружие все монголы «должны иметь такое: два или три лука, по меньшей мере, один хороший и три колчана, полных стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые, у них есть также» скаковая лошадь, прикрытия для голеней, шлемы и латы. Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи» (*там же*, с. 276).

Среди оружия Карпини выделил «копья, и на шейке железа они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла». Довольно длинные стрелы имели железные наконечники, которые «весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел». Упомянутые наконечники имели «острый хвост длиною в палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью» (*там же*, с. 278).

Татаро-монголы были хорошо подготовлены к сражениям, быстротечному бою и длительной осаде. Вожди не вступали в бой, находились «вдали против войска врагов», имея «рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей». В первых рядах татаро-монголов шли пленные; «может быть с ними идут какие-нибудь татары. Другие отряды более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели противники, и таким образом они начинают сражаться со всех сторон» (*там же*, с. 280).

Если не удавалось взять с ходу какую-нибудь крепость или город, монголы приступали к осаде, и «если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землю входят в него в оружии». В другом случае они ограждали укрепленный пункт, и изо дня в день не прекращали атаки, так что «находящиеся в укреплении не имеют отдыха; сами же татары отдыхают... И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на

него греческий огонь». Если через осаждаемый город протекает река, «они преграждают ее или делают другое русло и — с внешней и внутренней — начинают штурм (*там же*, с. 281).

Карпини рассказал об осаде города Орнас, в котором «было очень много христиан [курсив мой — Ф. Г.], именно хазар [Gasari], русских, аланов и других, а также сарацинов. Сарацинам же принадлежала и власть над городом». Этот город «был полон многими богатствами», ибо располагался в устье реки, впадавшей в море. Являясь «как бы гаванью», Орнас служил для «других сарацинов» рынком, т.к. «они имели в нем огромный [курсив мой — Ф. Г.] рынок». Монголы долго не могли взять это город. В конечном итоге они «перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми» (*там же*, с. 271).

Монголы, как известно, весьма жестоко поступали с пленниками. Захватив тот или иной город «татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором;... людей благородных и почтенных не щадят никогда [курсив мой — Ф. Г.]» (*там же*, с. 282).

В другом сюжете Карпини вновь касается отношения монголов к знати покоренных народов. «Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых никогда больше не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем аланов и весьма многими другими» (*там же*, с. 284).

Походное снаряжение монголов состояло из самых необходимых вещей и запасов пищи. Очевидно, что в более или менее продолжительных набегах и походах воинам необходимо было чем-то питаться и в чем-то отдыхать во время привалов. Марко Поло писал по этому поводу: «Когда отправляются в дальний

путь, на войну [монголы], сбруи с собой не берут... Везут также только маленькую палатку, укрываться на случай дождя». Несколько иначе это отметил и Плано Карпини: «Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед застрельщиков, у которых нет ничего кроме войлоков, лошадей и оружия» (**Рубрук** 1957, с. 61). В данном случае, вероятно, имеется ввиду небольшая войлочная палатка. «Некоторые *ставки* [юрты; курсив мой — Ф. Г.] велики, а некоторые, небольшие... быстро разбираются и чинятся и переносятся»; при этом стены и крыши «покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока». Куда бы не шли кочевники, «на войну ли или в другое место, они всегда перевозят их с собой» (**Плано Карпини** 2005, с. 244).

А. В. Сальников поддержал гипотезу М. В. Горелика о наличии у монголов своего рода «интендантской службы», командиры которой назывались *черби*. Они занимались снабжением армии пищей, одеждой, оружием, жилищем и снаряжением (**Сальников** 2008, с. 26). Это тем более вероятно, что в некоторых случаях войско имело обоз, массу кибиток, сопровождавших конными отрядами.

Как видно, татаро-монголы на период военных акций, помимо лошадей и оружия, брали с собой и какие-то легкие, временные приспособления, позволявшие укрываться от непогоды, либо использовать их для отдыха на привалах (**там же**, сс. 21-22).

В рассказе о междоусобной войне между Алау [Хулагу — Ф. Г.] и Берке, Марко Поло описал лагерь противников непосредственно перед битвой. Хулагу первым прибыл на место будущего сражения перед Железными воротами на Каспии. Здесь он «расставил в порядке свой стан на этой равнине;... много было тут богатых ставок и много богатых палаток; видно было, что *стан богатых людей* [курсив мой — Ф. Г.]. Решил Алау здесь поджидать Берку с его войском. Тут он жил, поджидая врага» (**Книга** 2005, с. 423).

Узнав о подготовке противника к битве, Берке «немедля пустился в путь». Подойдя к месту расположения врага, «стал и он в порядке станом... Стан его был также хорош, как и стан Алау, и

также богат, были тут шатры из золотых тканей, богатые палатки; по правде, красивее и богаче стана не видано было прежде;... у Берки было тут более трехсот пятидесяти тысяч конных. Стали они тут станом и отдыхали тут два дня» (*там же*).

Упомянутый термин, *ставка*, несет различную смысловую нагрузку в источниках и имеет различное толкование среди специалистов. Так, Плано Карпини данный термин поместил в параграфе о жилищах монголов. «*Ставки* [курсив мой — Ф. Г.] у них круглые, изготовленные наподобие палатки, и сделанные из прутьев и тонких палок» (*там же*, с. 244), Как видно, в данном случае под «ставкой» имеется ввиду традиционное жилище кочевников — юрта.

В лексиконе средневековых европейских авторов под *ставкой* обычно подразумевается то, что восточные источники называют *ордой*. Например, Ибн-Батута в районе Пятигорья встретил *орду* [ставку] Узбек-хана. «Подошла ставка, которую они называют урду [орда — А. С.], и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями, в нем мечети и базары, да дым от кухонь взвивается по воздуху, они варят [пищу] во время самой езды своей, и лошади везут арбы с ними. Когда достигают места привала, то палатки снимаются с арб и ставят на землю, так как они легко переносятся..., подъехал султан и расположился в своей ставке отдельно» (цит. по: **Сальников** 2008 [рук. канд. дис.], с. 23).

Под *ставками* в стане Хулагу [Алау], возможно, имелись ввиду отдельные *станы*, принадлежавшие представителям кочевой аристократии. Построение походного лагеря, вероятно, соотносилось с принципом структуры войска: деление на *центр*, *правое* и *левое* крыло.

Плано Карпини также упоминает термин *ставка* в значении «палатка», «лагерь» [в данном случае — небольшой]. Когда послы Папы добрались до Коренцы, командовавшего западным крылом Золотой Орды и возглавлявшего, якобы, 60-тысячное войско, монгольский военачальник «приказал, — по словам Карпини, — нам поставить *ставки* [курсив мой — Ф. Г.] вдали от него...» (**Плано Карпини** 2005, с. 302). В данном случае «ставки» явно имеют значение «палатки». То же значение, *палатка*,

Карпини вкладывал в термин *орда*. «Взяв дары, они повели нас к *орде, или палатке* [курсив мой — Ф. Г.] его» (*там же*, сс. 302-303).

I. 2. Структура общества и войска в феодальных образованиях Северного Кавказа. К рубежу I-II-го тысячелетий социальные процессы в степях юга России и на Северном Кавказе привели к заметным переменам в общественном строе некоторых этносов.

Серьезные изменения в структуре верховной власти Хазарии начались после похода Мервана 737 г. Он разгромил хазар, взял их столицу, отбросил остатки хазарских войск далеко на север. Поражение хазар было настолько серьезным, что хакан даже согласился принять ислам, но все-таки не сделал этого. Авторитет верховной власти подорвала неудачная внешняя политика; в итоге на рубеже VIII-IX вв. *шад*, как полагал А. П. Новосельцев, выдвинулся на первый план и именно он оказался инициатором принятия иудаизма в качестве государственной религии. По-видимому, в это же время он принял новый титул *бек*, впервые фиксируемый источниками в связи с событиями 30-х гг. IX в. Анализ политических событий рубежа VIII-IX вв. привел Новосельцева к выводу о победе «иудаизма среди части хазарской знати во главе которой стоял шад-бек». Иными словами, период двоевластия у хазар в основном приходится на IX в., «когда шад [бек] постепенно оттеснил хакана на второй план». Ибн-Фадлан, побывавший в этих местах в 921/2 гг., писал: у хазар есть малик, называемый хаканом; он показывается [народу, знати?] раз в 4 месяца. У него есть *халифа* [«заменяющий в делах»], именуемый хакан-бех. Последний командует войском, управляет, руководит делами государства, и «ему подчиняются цари, находящиеся с ним по соседству». Как видно, по сути никакого двоевластия уже нет. Показателен и титул «хакан-бех». Его можно перевести как «хакан-государь», т.е. реальный хакан. Примерно также чуть позже описывают Хазарию Истахри и Ибн-Хаукаль. Таким образом, в X в. двоевластие сменилось властью бека, «лишившего хакана реальной власти и влияния» (*Новосельцев* 1990, сс. 134, 137-142).

Истахри и Ибн-Хаукаль приводят интересные данные о внутренней жизни хазар. «Источник доходов царя составляет взимание пошлин на заставах на сухих, морских и речных путях. На обитателях городских кварталов и окрестностей лежит повинность доставлять им всякого рода необходимый провиант, напитки и прочее». «Зажиточных и богатых» царь обязал «поставлять всадников, сколько они могут по количеству имущества своего и по успешности промыслов своих» [Ибн-Даста]. Войско [«конная гвардия»] царя по одним данным состояло из 7, по другим — из 10, по третьим — из 12 тысяч воинов. Согласно Ал-Истахри, за исключением военной добычи, «у них нет определенного постоянного жалованья», в то время как Ибн-Хаукаль говорит о том, что войску выдаются небольшие суммы. Господствующий слой составляли «лица одного класса с царем», военно-чиновничья аристократия, дружинники и «старейшины» родов (*Ибн-Даста* 1869, сс. 16-19; *Караулов* 1908, сс. 44-57). А. П. Новосельцев подчеркнул в этой связи, что на древнем и средневековом Кавказе понятие принадлежности к определенному сословию не полностью соответствовало имущественному положению того или иного лица (*Новосельцев* 1990, сс. 190-196).

Основные функции центрального управления сводились к руководству войском, судопроизводству, сбору налогов и пошлин, контролю над культурами. Царь через особое лицо — *сафира* [буквально «посредник»] ведал столичными делами. В центральное управление входили и судьи [«кади»] для людей разных вероисповеданий. Местное управление в Хазарии было двоякого рода, т.к. в Хазарию входили, во-первых, районы, управлявшиеся местными князьями, вождями и т.д., а во вторых, области, непосредственно подчинявшиеся центру и управлявшиеся наместниками хакана [царя]. Представители центральной власти на местах носили заимствованный через ираноязычные племена китайский титул *tu't'ung* «начальник гражданской администрации». В восточно-иранских языках он получил значение «близкий помощник». Возможно и у хазар тудуны — первоначально что-то вроде ближних людей прави-

теля. А. П. Новосельцев обратил внимание на начавшийся в X в. процесс децентрализации и усиление роли некоторых наместников, превращавшихся в самостоятельных правителей (*там же* сс. 143-144).

Некоторые исследователи хазарское общество IX-X вв. считают раннефеодальным (*Плетнева* 1976, сс. 57-59; *Магомедов* 1988, сс. 154-155). По оценке Б. Н. Заходера, «эксплуатируемое хазарское население находилось в значительно более тяжелом положении, чем крестьянство на мусульманском Востоке» (*Заходер* 1967, с. 148). Ю. М. Кобищанов полагает, что зависимое хазарское население «составляло класс феодально эксплуатируемого крестьянства» (*Кобищанов* 1995, с. 219). Такой подход представляется, по меньшей мере, спорным. Источниками доходов высших сословий являлись военная добыча, торговые и судебные пошлины, а также прибавочный продукт, изымаемый у населения путем налогов и «даров». Следует согласиться с оценкой авторов обобщающего труда по истории региона, отнесшими хазарское государство к «раннеклассовым» (*История* 1988, с. 131).

Сильным государством с единоличной властью, именуемой источниками «царской», предстает перед нами Алания X в. В документах еврейско-хазарской переписки той поры говорится: «царство алан сильнее и более жестоко, чем все [другие] народы, которые окружают нас». В тот момент, когда «возмутились все народы против» хазар, «только царь алан поддержал» хакана; многие «цари, [кто] воевали против Казар[ии]; но царь алан пошел на их землю и раз[громил] ее так, что нельзя восстано-вить» (*Глоб Н. и Прицак О.* 1997, сс. 140-141).

Важную роль Алании в международных делах отметил и Константин Багрянородный. «[Знай], что девять Климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и причинять великий ущерб и бедствия хазарам, ... [Знай], что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, но более предпочтительной считает дружбу василевса ромеев, он может сильно вредить им, и подстерегая на путях, и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к

Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать хазарам, то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты, ...» (**Константин Багрянородный** 1989, с. 53).

Формирование *раннефеодальных* обществ на Северном Кавказе приходится на середину XI-XII вв. У алан этот период отличается резким изменением социальной структуры. По археологическим материалам [могильников Змейской и Кольцо-Горы] по сравнению с рубежом I-II-го тысячелетий в предмонгольский период существенно увеличилось число обедневших общинников — 47% от всего населения. В то же время показатель среднего слоя уменьшился более чем вдвое — с 69,8% в X — начале XI вв. до 26,5% столетие спустя; аналогичный показатель в катакомбных погребениях Кольцо-Гора — 52,5% обедневших общинников и 23,8% — средний слой. Возросло и число «зависимых» — 7,1% и 8,6% в Змейской и Кольцо-Горе соответственно (**Гутнов** 1993, сс. 55-56).

Резкое увеличение числа обедневших общинников [более половины населения] и «зависимых» со второй половины XI в. свидетельствует о росте частнособственнической эксплуатации. Это являлось свидетельством распространения вотчин, в которых развились формы эксплуатации и зависимости между отдельными представителями знати и крестьянскими домохозяйствами. Утверждение господской вотчины, в свою очередь, стало показателем победы собственно феодальных методов эксплуатации.

С середины XI в. в истории Алании начинается период децентрализации. Распад единого государства и возникновение самостоятельных княжеств связано с возросшей политической и экономической активностью князей. Мощь последних определялась количеством вассалов, служба которых скреплялась «дарами» сюзерена, включая земельные дарения (**там же** с. 56).

Маркером сложившихся феодальных отношений считаются формы земельной собственности, лучше всего представленные на материалах Северо-Восточного Кавказа. Ее основными фор-

мами в Дагестане X-XIII вв. были: государственная, феодальная, вакуфная, общинная, мульки. Соотношение форм земельной собственности неоднократно менялось. В рассматриваемых хронологических границах общая тенденция развития землевладения заключалась в росте частных участков, как феодальных, так и крестьянских (*Гаджиев, Даевдов, Шихсаидов* 1996, сс. 270-271).

Одним из крупнейших владений средневекового Дагестана являлось Казикумухское шамхальство. Полагают, что еще в период арабского господства шамхалы контролировали значительную часть Дагестана и от имени арабов собирали дань со многих сопредельных обществ. В 1240 г. монголы разгромили Кумух и уничтожили род шамхала. На престол они возвели своего вассала; этот род правил до XIX в. Шамхал являлся одним из крупнейших собственников; «на правах мультка» ему принадлежали, некоторые лакские земли и «ряд других селений» (*Шихсаидов* 1975, с. 132).

Мощным владением феодального типа в рассматриваемый период предстает уцмийство Кайтагское. Господствующую социальную группу составляли беки трех родов: самих уцмиев, беков Карачи и аула Гимри. Два последних считались менее знатными, были малочисленнее и беднее первого.

Статус уцмия носил черты переходной эпохи, ибо он был не столько монархом, сколько главой социума. Его избирали из членов одного рода [еще в XVII в. уцмиями избирались поочередно старшие и *наиболее* способные]. На собрании представителей всех общин Кайтага избранника возводили на престол. Новый глава щедро одаривал знать оружием, скотом, деньгами, а для простолюдинов устраивал изобильный пир [отголосок престижной экономики?]. Власть уцмия ограничивало народное собрание, на котором решались важные вопросы. «Конкурентом» уцмия являлся избираемый одновременно с ним его наместник — *гаттин*, в распоряжении которого находилась дружина из 300 воинов. В сопровождении дружины гаттин собирал подати с общин (*Кобищанов* 1987, с. 197).

Таким образом, в социальном устройстве Кайтага причудливо переплелись элементы позднепотестарного общества и феодального.

Большой интерес вызывает сообщение арабского автора XII в. ал-Гарнати. «В стране Дербента» он отметил «народность, которую называют табарсарлан, у них двадцать четыре рустака, в каждом рустаке имеется большой военачальник, подобный эмиру». Из этнографических особенностей табасаранцев Гарнати выделил поклонение мечу (**Алимова, Сефербеков** 2001, с. 187).

Чаще всего в качестве феодального владения на территории Дагестана называется Серир. Его правитель опирался на свою дружину, основные функции которой **М. М. Амаев** (1989, с. 15) видит во взимании дани-налога, участии в обороне общества и внешних походах. Согласно Ибн-Рустэ и Масуди, в X в. дружина Серира жила со своим предводителем обособленно — в отдельном замке, расположенном в столице Дж.мр.дж [возможно Хунзах] (**Minorsky** 1958, pp. 155, 167-168). Вероятно, внутри дружины уже имелась определенная дифференциация. Напомним, что военная аристократия Дагестана в источниках той поры представлена несколькими терминами: тарханы, бактрики, раисы и др. Если тарханы и бактрики представляли, возможно, элиту военной аристократии, то раисы [«старейшины населения»] средний слой; они возглавляли военные отряды жителей одного или нескольких поселений (**Бейлис** 1963, с. 258). Можно предположить, что раисы возглавляли «молодшую дружину» — ополчение, в то время как тарханы и бактрики возглавляли дружину, состоявшую из представителей военной знати.

Резиденцией царей Серира являлся замок «на вершине горы, занимал площадь 4x4 фарсаха и был окружен каменной стеной. Царь владеет золотым тронem [*sarir*] и серебряным тронem. Все население замка — христиане, а все остальные жители страны — язычники. Царь владеет 20000 долин [*shi»b*] населенных разного рода [*sunuf*] людьми, имевших там поместья и деревни» (**Minorsky** Op. cit. P. 168).

Две группы обществ — «аристократические» и «демократические» — сложились в золотоордынский период у адыгских

народов. Архиепископ И. Галонифонтибус в 1404 г. в описании западных адыгов отмечал: «Страна, называемая Зикийей или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. Они не имеют царя и у них есть только несколько мелких феодалов, *многие* их села никогда *никем* не управлялись, и они не имеют собственных глав» (*Галонифонтибус* 1980, с. 17).

Однако к концу столетия ситуация кардинально изменилась. Д. Интериано, посетивший в это время земли черкесов, оставил интересные сюжеты, касающиеся общественного устройства ихов. «Есть у них знатные и вассалы и сервы, или рабы. Знатные пользуются среди прочих особым почетом и значительную часть времени проводят на коне». Знатные, «как и все они», живут грабежом. «Между знатными есть много таких, которые имеют вассалов и все живут без какой-либо зависимости друг от друга и не желают признавать над собою никакого владыки, кроме господ бога, и нет у них ни судей, ни каких-либо писанных законов» (*АБКИЕА*, сс. 47, 48).

В предмонгольский период у всех этносов Северного Кавказа изменилась структура и численность войска. Наиболее четко это прослеживается на примере алан. Конец I-го тысячелетия знаменуется появлением «сабли, сделавшей военное дело делом лишь специально подготовленных воинов-профессионалов. Возникает регулярное войско» — дружина; в необходимых случаях созывалось народное ополчение. Роль последнего в начале II-го тысячелетия падает. В предмонгольский период дружинники, профессиональные конные воины, «становятся единственной реальной военной силой» (*Сланов*, 2007).

1. 3. Поход Джебей и Субудая. С 1212 г. полчища Чингисхана стали систематически совершать набеги на соседние территории. Первыми от их вторжений пострадали районы Северного Китая.

В 1218-1219 гг. направление монгольской экспансии изменилось. После тщательной подготовки армия Чингисхана была брошена на покорение западных стран. Несмотря на упорное сопротивление под ударами татаро-монголов пали крупные государства Средней Азии, включая могучий Хо-

резм; были завоеваны значительные области Передней Азии и Закавказья.

Планируя новые завоевательные акции, Чингисхан решил провести разведку в районах будущих военных действий. Для этой цели он снарядил особый корпус из двух усиленных туменов под командованием своих опытных соратников, Джебе и Субудая. По версии Х.А. Хизриева, в 1221 г. монголы форсировали Амударью и, преследуя бежавшего хорезмшаха Мухаммеда, двинулись на запад. Перед корпусом стояла задача не только захватить хорезмшаха, но и пройти через северный Иран, Закавказье, Северный Кавказ, Дешт-и-Кипчак, Русь, Поволжье и, обогнув Каспийское море с севера, вернуться назад.

Достигнув Кавказа, кочевники громили города и поселения, а в 1222 г. разбили армянские и грузинские войска. Затем монголы направились к Дербенту, по пути захватив и разграбив Шемаху — столицу ширваншахов. Дербентскую крепость взять с ходу не удалось. Тогда Джебе и Субудай пошли на хитрость, предложив правителю Дербента заключить мир. Для этой цели они попросили прислать несколько человек. Дербентцы направили на переговоры 10 почетных старейшин, одного из которых монголы убили, а остальным под угрозой смерти приказали показать обходную дорогу для выхода на Предкавказскую равнину. Старцы, однако, не испугались угроз и завели врагов в горные теснины внутреннего Дагестана. В результате враги оказались в западне (**Хизриев** 1989, сс. 7-8).

В горном Дагестане кочевники действовали весьма жестоко, оставив после себя кровавый след. По словам арабского историка Ибн ал-Асира, монголы «ограбили и убили много лакзов мусульман и неверующих, и произвели резню среди встретивших их враждебно жителей страны» (см.: **Ичалов** 1980, с. 117).

Своеобразный «разведывательный» поход Джебе и Субудая своей жестокостью, масштабами разрушений и грабежей потряс сознание жителей тех стран и народов, через территорию которых прошли монголы. По оценке А. Ю. Якубовского, «поход Джебе и Субудая в Северный Иран, Кавказ и Юго-Восточную Европу [1222-1224 гг.] произвели на умы современников столь сильное

впечатление, что в 20-х и 30-х годах XIII в. о нашествии монголо-татар говорили во всех странах... как о величайшем несчастье, постигшем тогдашний мир» (*Греков, Якубовский* 1950, с. 52). Современники той поры писали: это «событие, искры которого разлетались [во все стороны] и зло которого простерлось на всех, которому подобного не производили дни и ночи и которое охватило все создание» (см.: *Ичалов* 1980, с. 118). По словам Киракоса Гандзакеци, «бедствия, которые постигли все стороны, превосходят все, что история может рассказать» (*там же*).

С походом Джеббе и Субудая связано и вторжение в Дагестан кыпчаков в 1223 г. Преследуемые монголами, они отошли к Дербенту и равнинной полосе Северо-Восточного Кавказа. Где бы не появлялись кыпчаки, они всюду «разбойничали и бесчинствовали», уничтожали пленных, либо [чаще] продавали их. Вслед за монголами и кыпчаками, в 1225-1231 гг. хорезмшах Джелал-ад-дин предпринял «опустошительные походы в кавказские страны». По словам персидского автора ан-Насави, войска хорезмшаха «стали разорять поселения Дербента вне его стены: последствия уничтожений и разрушений были таковы, что, казалось, здесь вчера не было ничего». Другой персидский автор, Рашид-ад-дин, в списке народов, восставших против Джелал-ад-дина, упоминает «сериров и лезгин» (*там же*, с. 119).

За движением монголов внимательно следили аланы. К моменту появления врага на Северном Кавказе они заключили союз с кыпчаками. Хотя в этом союзе были кровно заинтересованы обе стороны, он оказался непрочным. Рашид-ад-Дин пишет о первой встрече алано-кыпчакских войск с завоевателями: «Когда они [монголы] пришли в область алан, а жители тамошние были многочисленны, то они [аланы] сообщая с кыпчаками сразились с войсками монголов; никто не остался победителем. Тогда монголы дали знать кыпчакам: 'Мы и вы — один народ и из одного племени, аланы же нам чужие: мы заключим с вами договор, что не будем нападать друг на друга и дадим вам столько золота и платьев, сколько душа ваша пожелает, [только] предоставьте их [алан] нам'. Они послали много добра; кыпчаки ушли обратно, и монголы одержали победу над аланами, совершив

все, что было в их силах по части убийств и грабежей» (*Рашид-ад-дин* 1952, т. I, кн. 2, с. 220).

Из приведенного рассказа следует, что монгольские тумыны оказались в тяжелом положении. Аланы и кыпчаки, занимая выгодные позиции, сковывали действия противника. Ситуация складывалась в пользу союзников — они могли выиграть сражение. Однако монголы воспользовались передышкой и при помощи открытого подкупа кыпчакских ханов разрушили их союз с аланами. Предательством кыпчаков и объясняется постигшая алан катастрофа.

В Суздальской летописи под 1223 г. об этих событиях сказано: «слышахом бо яко многы страны поплениша. Ясы. Обезы. Касогы» (*ПСРЛ* 1928, т. I. Вып. 3, с. 504; *Алемань* 2003, с. 494, примеч. 22).

Разгромив аланское войско, монголы огнем и мечом прошли по восточной части страны. Затем, безжалостно истребив кыпчаков, они двинулись на северо-запад, в Крым, где разорили богатые приморские города. 31 мая 1223 г. на реке Калке монголы нанесли поражение славянам. После короткого отдыха часть монгольских войск двинулась на волжских болгар, но потерпев в столкновении с ними неудачу, монголы вынуждены были вернуться. По традиции, поход Субудая и Джебе 1222-1223 гг. в Восточную Европу принято считать глубокой разведкой в ходе подготовки кампании по покорению западных стран. Уже в то время существовал план создания мировой империи Чингисхана, куда должны были войти и все европейские страны, вплоть «до последнего моря». Предводителем монгольского похода в Восточную и Центральную Европу стал внук Чингисхана Бату [Батый].

В соответствии с одной из классификаций монгольских походов выделяются три этапа покорения Северного Кавказа. Трехлетний поход монголов состоялся в 1221-1223 гг. Его возглавляли Джебе и Субудай. Позднее к ним присоединился Джучи. «Затем в 1229-1233 годах под руководством Субудая, Кукдая и Тугай-Тимура проходил пятилетний поход, который слабо отражен в источниках». Наконец, третий, самый страш-

ный по своим последствиям, поход во главе с Батыем состоялся в 1236-1242 гг. «Все эти походы были общемонгольскими, общегосударственными и утверждались на военном совете или курултае» (Хизриев 1986, с. 6).

Общественное устройство монголов, по мнению английских авторов той поры, подчинялось одной цели — постоянным походам всего социума. «Они ведут с собой стада свои и жен своих, которые обучены военному искусству, как и мужчины».

В неурожайные годы великий хан из своих запасников выставлял на продажу разные продукты, в том числе хлеб, цена которого была в 4 раза меньше, чем у торговцев зерном.

Кибитки номадов были неразборными и перевозились на повозках, запряженными волами и верблюдами. Сзади к повозкам прицеплялись другие повозки с ящиками для перевозки имущества и утвари. Интересна трактовка Хизриева результатов походов Джебе и Субудая на Северный Кавказ. По мнению ученого, Чингисхан, приступая к покорению той или иной страны, организовывал трехлетний поход. Если не удавалось добиться поставленной цели, то предпринимался пятилетний поход. В случае неудачи войско направлялось в семилетний поход, в ходе которого речь шла уже не просто о завоевании, а о разрушении страны, покорении народа, уничтожении его военной организации. Этой же тактики, как отмечает Хизриев, придерживались и преемники Чингисхана.

Если первый поход достаточно полно освещен в специальной литературе, то второй, отмечает Хизриев, изучен слабо. В отличие от многих предшественников и современников, ученый первый поход монголов рассматривает не как «разведывательный», а как первый поход. Оспаривая эту точку зрения, Хизриев обратился к Посланию 1242 г. доминиканских и францисканских монахов о татарах. Учитывая большую значимость данного памятника в определении монгольского присутствия на Северном Кавказе и в Юго-Восточной Европе, приведем сюжеты, имеющие отношение к нашей теме.

Согласно гипотезе Хизриева, «Джучи в 1224-1227 годах, исполняя приказ Чингисхана, находился на Северном Кавказе и

Восточной Европе [в то время никто не смел ослушаться его]». Иначе, продолжает исследователь, трудно понять указание Махмуда ибн Вали, что местом гибели Джучи являлась «страна аланов». Персидский автор Джузджани рождение Берке отнес ко времени пребывания войска Джучи «в землях саксинских, болгарских и саклабских». Как считает Хизриев, эти два фактора свидетельствуют об отсутствии «перерыва между походами».

В начале 1229 г. Чормагун и Субудай подошли к Кавказу. Судя по свидетельству Ибн-Васыля, в прикаспийских степях «вспыхнуло пламя войны» между кыпчаками и туменами Субудая. Она продолжалась несколько лет. Практически одновременно Чормагун после осады вторично захватил восставший город Ганджу.

О надвигавшейся угрозе сообщалось в «весьма страшном послании, направленном архиепископу Бордоскому»; рассказе Петра архиепископа России; в «Донесении о татарах, сообщенное в Лионе доминиканцем Андре». В посланиях говорится:

«некоего венгерского епископа парижскому епископу»;

«Генриха Распе, ландграфа тюрингского герцогу Бранбургскому о татарах»;

«аббата монастыря Святой Марии в Венгрии»;

«Иордана, провинциального викария францисканцев в Польше»;

«доминиканского и францисканского монахов о татарах»;

«Вы [братья — Ф. Г.] слышали разные *слухи* от разных [людей] о проклятых татарах. Знайте же, что мы вам пишем в *высшей степени правдиво* [о, если бы это было ложно!]. Они — люди сильные и воинственные. Они многочисленны и достаточно хорошо вооружены. Они разорили многие земли, и знайте, что в их числе — большую часть Русции, разрушили город Риону и крепость, которая в нем была, [и] многих убили. *Рассказали* [курсив мой — Ф. Г.] нам беженцы из земли той... что землю ту с крепостями они атаковали с помощью тридцати двух осадных устройств. И с русценами они боролись [в течение] двадцати лет» (*Матузова* 1979, с. 158). Однако, единственный фрагмент из работы средневекового автора

не гарантирует точность хронологических границ [«в течение 20 лет»] сопротивления славян.

Существует мнение, по которому «во время первого похода не были оставлены в стороне и адыги, ибо русские летописи прямо отмечают касогов среди пленных и избитых монголами: 'Слышахом бо, яко многы страны поплениша — ясы, обезы, касоги и половеч безбожных множество избища'» (**Хизриев** 1986, с. 10).

Обычно основателем *Золотой Орды* [при всей условности данного термина применительно к тому периоду] считают Батю. Хотя данный социум источники нередко называют улусом Джучи. В этой связи вероятной, но не бесспорной, представляется попытка пересмотра характера [первого] похода. Традиционная точка зрения считает «его не просто походом, а крупной военной экспедицией, география которой охватывала огромную территорию — Северный Иран, Закавказье, Северный Кавказ, Дешт-и-Кипчак, Крым, Русь, Булгарию, Башкирию, Казахстан, Среднюю Азию». Еще раз отметим, что по убеждению Хизриева, «это был не разведывательный, а глубоко продуманный агрессивный акт». Средневековые памятники «Нигуча-Тобчиан» и «Алтан-Тобчи», ссылаясь на слова Чингисхана, основными задачами первого «западного» похода называют покорение одиннадцати стран и народов: племена современного Казахстана, башкир, кыпчаков, русских, болгар, Маджар, асов, сасанов, черкесов, финно-угорские племена Верхнего Поволжья, Киев (**там же** с. 11). Если отряд Джебе и Субудая обогнул Каспийское море с юга, то с северной стороны после взятия Ургенча в этом же направлении двигался Джучи (**Тизенгаузен** 1941, сс. 20-21).

Завоеванная территория, продолжает Хизриев, в частности, Предкавказье, сразу же подпала под монгольское военное управление [вообще с покоренной территории они бесследно не уходили]. Согласно «Алтан-Табчи», вместе с Джучи пришли 9 тысяч монгольских семей — наследство, доставшееся ему от отца, а еще 4 тысячи человек — из наследства Хукин-нойона. Такое решение было принято в 1224 г. на съезде нойонов и военачальников в Самарканде, где Чингисхан узаконил новые статьи

монгольской Ясы. Здесь же он отделил от себя Джучи, отправив его для управления страной кипчаков, а названного брата, Хукин-нойона, поставил *даругой* [наместником] Предкавказья и Руси (**Хизриев** 1986, с. 11).

В анонимной «Родословной тюрков» сообщается: «После завоевания Хорезма, по приказу Чингисхана, Хорезм и Дешт-и-Кипчак от границ Каялыка до отдаленнейших мест Саксина, Хазара, Булгара, алан, башкир, Урусов и черкесов, вплоть до тех мест, куда достигнет копыто татарской лошади, стали принадлежать Джучи-хану, и он в этих странах утвердился на престоле хана и на троне правления» (**Тизенгаузен** 1941, с. 204). Как рассказывает Эломари, «Чингисхан присоединил к улусу Джучи еще Арран (Азербайджан), Тебриз, Хамадан и Мерагу» (*там же*, с. 244). Об этом же сообщают средневековые авторы Джужджани, Вассаф, Хамдаллах Казвини и др.

По Хизриеву, так завершился первый поход монголов. После событий 1222-1224 гг. всякое движение «нужно рассматривать не только как оборонительную борьбу, но и как освободительное движение от ордынских феодалов». свидетельствуют о том, что Многие народы, судя по скупым сообщениям источников, следили за внутренними и внешнеполитическими переменами Монгольской империи. Хизриев с сожалением отмечает: «весьма важное движение, вызвавшее общемонгольской поход 1229-1233 годов для подавления восставших народов почти не исследовано [относительно Восточной Европы и Северного Кавказа]» (**Хизриев** 1986, с. 12).

В 1227 г. после смерти Джучи, по приказу Чингисхана, его брат Отчигин прибыл в Дешт-и-Кипчак и возвел на престол Батю. Это мероприятие сопровождалось большим пиром. С этого времени этот улус, якобы, стал называться Золотой Ордой — «по золотому порогу белой юрты», поставленной по приказу Чингисхана. После смерти последнего в том же 1227 г. по всей империи прокатилась волна городских и крестьянских восстаний. Сначала аланы, славяне, болгары, черкесы, жители Крыма и Азова «вследствие смерти Джучи-хана вышли из повиновения» (**Тизенгаузен** 1941, с. 205).

«Секретная история монголов» и Джувейни под 1228 г. повествуют о возведении на престол, согласно завещанию Чингисхана возмущения» (**Хизриев** 1986, сс. 12-13), Угедея. Одновременно на курултае решался вопрос о наступлении на пограничные территории империи. «Для подавления *восставших* [курсив мой — Ф. Г.] каан сразу же отправил в разные стороны крупные отряды. На Северный Кавказ в сторону кипчаков, Саксина и Булгара он отправил крупный 30-тысячный корпус под командованием известного Субудай-бахадур и Кукдая, в Иран и Закавказье — Чормагуна с таким же количеством войска». Сам же вместе с туменами Батыя и всадниками его братьев — Орду, Берке, Шибанна, Тангута, Джамбая, Беркечара — направился на Китай (**там же**, с. 13).

Древнерусские летописи сообщают о бегстве в пределы Волжской Булгарии половцев, саксинов и сторожевых отрядов болгар. Крупные силы монголов во главе с Тугай-Тимуром и отдельный 30-тысячный корпус Субудая и Кукдая Батый отправил в низовья Волги. В 1232 г. чингисиды «зимоваша не дошедшее Великого града Булгарского» (**там же**).

Дискуссионной, на наш взгляд, является интерпретация Хизриева сообщения католического миссионера доминиканца Юлиана об аланах. Ученый со ссылкой на неназванные источники говорит о военных действиях на Северном Кавказе в 1229-1233 гг., а также о том, что в 1233 г. «венгерский путешественник Юлиан», находившийся в пределах территории равнинных алан, «свидетельствует не только о феодальной раздробленности страны, но и о том, что аланы *в ожидании нападения монгольских феодалов* [курсив мой — Ф. Г.] на сенокос, на вспашку или для рубки дров 'идут все вместе и вооруженные'» (**там же**).

Из рассказа Юлиана, жившего среди алан в течение некоторого времени, видно, что в стране не было крепкой государственной власти. «Пришли в страну, которая называлась Алания, где жители представляют собой смесь христиан и язычников. Сколько местечек, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь *постоян-*

ные войны: князя с князем, местечка с местечком; во время пахоты все люди одного местечка, вооруженные, вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, и вообще, выходя за пределы своего местечка для рубки дров или какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные [курсив мой — Ф. Г.], а в малом числе не могут никак выйти безопасно из своих местечек за чем бы то ни было» (**Аннинский** 1940, сс. 78-79).

В переводе И. С. Зевакина: страна Алания; «жители ее представляют смесь христиан и язычников сколько местечек, столько и князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь *постоянная война князя с князем, местечка с местечком; во время пахоты все люди одного местечка отправляются вооруженными на поле, вместе косят на смежных участках и вообще выходя за пределы своего местечка для рубки дров или какой бы то ни было работы, всегда идут вместе вооруженными* [курсив мой — Ф. Г.], они не могут выходить в безопасности из своих местечек небольшими группами за чем бы то ни было с утра и до вечера» (**ОГРИП**, с. 12).

Этот же фрагмент в версии В. К. Гарданова: страна «Алания, где жители представляют смесь христиан и язычников, сколько местечек, столько князей, из которых никто не считает себя подчиненным другому. Здесь *постоянная война князя с князем, местечка с местечком; во время пахания все люди одного местечка вооруженные вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, и вообще выходя за пределы своего местечка, для рубки дров или для какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные* [курсив мой — Ф. Г.], а в малом числе не могут никак выйти безопасно из своих местечек зачем бы то ни было в течение всей недели, исключая воскресенье, от утра до вечера» (**АБКИЕА** с. 33).

Из приведенных вариантов одного сюжета никак не вытекает, что вооруженными аланы выходили за пределы своего «местечка», из-за опасений нападения *монгольских феодалов*.

Тем не менее, Хизриев полагает, что Золотая Орда была образована еще при жизни Чингисхана, а ее основателем являлся

его старший сын Джучи [1224 г.]. «Последующую борьбу народов Северного Кавказа, Руси и Поволжья, начиная не только с похода 1236-1242 годов, а с похода 1229-1233 годов... правильнее будет считать не только оборонительной, но и освободительной» (**Хизриев** 1986, с. 18).

Если все обстояло именно так, то зачем в 1236-1240-х гг. понадобилось вторично завоевывать ранее захваченные территории? Напомним в этой связи, что сами монголы на курултае 1235 г. решили начать поход на Запад и «обратить победоносный меч на голову вождей русских и асских за то, что они поставили ногу состязания на черту сопротивления» (**Тизенгаузен** 1941, с. 85). Джувейни [1226-1283 гг.], также выделил цели *новой военной кампании* монголов. «Состоялось решение завладеть странами *Булгара, асов и Руси*, которые находились *по соседству становища Бату*, еще не были окончательно покорены и гордились своей многочисленностью [курсив мой — Ф. Г.]» (**Хизриев** 1986, с. 22).

Как видно, курултай чингизидов основными силами на пути монгольской экспансии считал болгар, алан-асов и русов. Именно эти народы Восточной Европы оказали войскам Субудая и Джебе наиболее сильное сопротивление в начале 20-х гг. XIII в.

I. 4. Походы татаро-монголов на Северный Кавказ в 1236-1240 гг. Первыми жертвами новой монгольской экспансии, начавшейся в 1236 г., стали аланы-асы и проживавшие в низовьях Волги и прикаспийских степях кыпчаки; на их покорение были брошены большие силы под командованием Мункэ. Аланы и кыпчаки были разгромлены, а их предводители погибли в бою.

Как полагал **Л. И. Лавров** (1965, сс. 98-102), «к планомерному завоеванию Северного Кавказа монголы приступили одновременно с завоеванием славянских княжеств. Одна из группировок во главе с Бату выступила в поход на Русь, другая — на Северо-Западный Кавказ (**Bretschneider** 1876. **Абаев** 1978, сс. 21-22; **его же** 1982, сс. 82-83). По Рашид-ад-дину, осенью 1237 г. царевичи «Менгу-каан и Кадан пошли походом на черкесов и зимою убили государя тамошнего по имени Тукара».

После этого монголы приступили к выполнению главной задачи кампании — покорению части Алании, державшей в своих руках важнейшие ключевые позиции — перевальные пути в Закавказье [современные Военно-Сухумскую, Военно-Осетинскую и Военно-Грузинскую дороги]. Монголы спешили расправиться с аланами как можно скорее, так как затяжная война на Северном Кавказе могла сорвать их планы завоевания Западной Европы.

Бату придавал особое значение походу против алан-асов. «Об этом можно судить и по тому, что его войсками командовали Мункэ [будущий великий хан], Гуюк [сын и преемник великого хана Угедея], Кадан, Бури и другие видные военачальники. Целью похода был захват степной и предгорной зон Алании и ее столицы *м.к.с*, или Магас [точное название этого города-крепости и место его расположения остаются спорными]. Все источники свидетельствуют о том, что аланы оказали захватчикам ожесточенное сопротивление, а часть так и осталась непокоренной. Согласно Рашид-ад-дину, «в какаиле, то есть в год свиньи, соответствующий 636 г. [14. VIII.1238-2. VIII.1239] Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас и зимой, после осады, продолжавшейся 1 месяц и 15 дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши [637 г. хиджры — 3. VIII.1239-22. VII.1240 гг.]». В китайской хронике «Юань-ши» [«История монголов»] говорится, что хан Мункэ подступил к асскому [аланскому] городу Майкосе зимой в 11-м месяце 1239 г. и после трех месяцев осады овладел асской столицей (*Bretschneider* 1876. P. 83; *Иванов* 1914, с. 299).

Чтобы захватить город, монголы прибегли к хитрости. «Предводитель с 11 готовыми умереть храбрецами взобрался по осадным лестницам, впереди же были 11 пленников. Они громко кричали: 'Город пал'. За ними полезли... все остальные и город взяли» (*Иванов* 1914, с. 283). Монголы сожгли столицу алан, от которой осталось «только имя». Столь длительную осаду мог выдержать только сильно укрепленный город и гарнизон, готовый сражаться до последней капли крови. По свидетельству Шараф-ад-дина Йезди, «к городу *м.к.с*, куда вследствие множества

леса [даже] ветру трудно было пробраться... проложили дорогу такой ширины, что на ней могли двигаться 4 встречные телеги. Они осадили город и после взятия [его] отдали приказание об общем избиении и сказали, чтобы у убитых отрезали правое ухо и представляли его. Было насчитано 270000 [ушей]. Когда наступила весна и они управились с делами улуса кипчаков и аланов, то они с огромным войском двинулись на покорение [земли] келаров и башгирдов», — так писал хорошо осведомленный Шараф-ад-дин Йезди (*Тизенгаузен* 1941, сс. 145).

В. Минорский численность защитников аланской столицы дает, опираясь на фрагмент из работы Джувейни: «и насчитано было две тысячи семьсот ушей» (*НА СОИГСИ*, ф. I, д. I38, с. 3). Данная цифра, несомненно, представляется более вероятной, чем приводимая в издании В. Г. Тизенгаузена. Судя по длительности осады — по арабским источникам полтора месяца, а по китайским даже три — с применением стенобитных машин, Магас являлся крупным городом. Интересно, что из всех покоренных татаро-монголами городов Восточной Европы в монгольской и китайской хрониках упомянуты лишь Киев и Магас (*Хизриев*, 1979, с. 32).

Второй дагестанский поход монголов в 1239-1240 гг. для населения Северо-Восточного Кавказа также имел тяжелые последствия. В равнинной части Дагестана завоеватели опустошали пашни и сады, а в горной зоне — угоняли крупный рогатый скот, овец и лошадей. Киракос Гандзакети отметил по этому поводу: «Там, где проходили монгольские завоеватели, посевы, сады, огороды приходили в негодность, так как за монгольской армией всегда двигалось огромное кочевое хозяйство [мелкий и крупный рогатый скот, обоз, семьи и т.д.], которое уничтожило вокруг посевы, сады и т.д.» (*Ичалов* 1980, с. 121).

Весной 1239 г. пал и был разрушен Дербент. По свидетельству *Г. Рубрика* (2005, сс. 186-187), башни и крепостные стены города были сравнены с землей. Затем монголы опустошили приморский Дагестан, большая часть жителей которого вынуждена была покинуть равнину и укрыться в горах. Однако и горный Дагестан подвергся разгрому. В частности, в селении Рича совре-

менного Агульского района сохранилась куфическая надпись, в которой говорилось о разрушении селения монголами осенью 1239 г. [см. ниже]. Большинство сел современного Агульского района было разрушено, а население уничтожено. Аналогичная участь постигла и Кумух. Принято считать, что в 634 г. хиджры [1239/1240 г.] монголы, сломив сопротивление, заняли Кумух, «а правителем назначили своего ставленника вновь с титулом шамхал» (**Гаджиев** 1989, с. 28.).

Практически все свидетельства очевидцев, летописцев и авторов той эпохи единодушно отмечают жестокость монголов, уничтожавших большинство жителей захваченных территорий. В частности, Рашид-ад-дин писал: население областей и городов истреблялось до такой степени, что в редких случаях кто-либо оставался в живых (**Рашид ад-Дин** 1946, с. 309). Живыми оставались, как правило, ремесленники и мастера. С последних монголы взимали разнообразные налоги и подати. Особенно тяжело приходилось населению равнин. Рашид-ад-дин неоднократно отмечал, что хакимы [правители областей] ежегодно брали с покоренных жителей т.н. *кочур* [поголовный налог] по 10, а в иных районах и до 30 раз. В конечном итоге из-за злоупотреблений и разрухи крестьяне и ремесленники покидали насиженные места; деревни и города обезлюдили (**там же**, сс. 247-2560, 263-268).

Нашествие татаро-монголов на Северо-Восточный Кавказ, помимо письменных источников, подтверждается и эпиграфическими памятниками. Например, две надписи из Кумуха свидетельствуют о разрушении села в ходе монгольского похода 1240 г. В этих же эпиграфических свидетельствах сообщается о гибели большинства населения Кумуха (**Ичалов** 1980, с. 120).

В трех надписях упоминается монгольское присутствие в Риче [горный Дагестан]. Причем, во всех трех указывается одно и то же время появления монгольских войск в Риче. Но надписи дополняют друг друга, уточняют детали, несут различную смысловую нагрузку. Первая сообщает о сражении жителей села с кочевниками и продолжительности сопротивления. «Пришло войско татар... когда оставалось от месяца раби-ал-аввал де-

сять дней. Затем воевали с ними жители Риджи до середины раби ал-ахира шестьсот тридцать шестого года» (*Шихсаидов* 1984, с. 354). Эта надпись врезана в стену минарета. Ее основная часть гласит (в переводе Лаврова):

«Пришло войско татар, — да не будет им
от Аллаха большего предела!
в Баб ал-Кист Риджу, когда оставалось
от месяца
раби'аввал десять дней. Затем воевали
с ними жители Риджи
до середины раби'ал-ахира года тридцать семь
и шестьсот (т.е. шестьсот тридцать седьмого).
Потом построить эту крепость приказал Сабадж
б. Сулайман в месяце зи-л-хидджа, [одном]
из месяцев года
шестьсот тридцать восьмого» (*Лавров*, 1996, с. 81).

По Шихсаидову, вторая по времени создания надпись сообщает о разрушении селения и датирует это событие временем, «когда оставалось девять дней от месяца раби ал-аввал», т.е. через день после штурма, а именно 21 октября 1239 г. Третья надпись зафиксировала разрушение мечети вместе с селом «в месяце раби ал-ахир [одном] из месяцев шестьсот тридцать седьмого года». По одной из версий надпись на стене мечети гласит:

«Это то, что приказал построить эту крепость
эмир, прославленный, великий
ш [ейх?].
И-г-р-л-з б. Бек (?) в месяце мухарраме,
одном из месяцев
шестьсот сорокового года, после того как
была разрушена [Баб]
ал-Кист Риджа, когда оставалось девять
дней от месяца [раби'ал-аввал]
и сражалась Риджа в месяце раби'ал-ахир
[одном из месяцев] шестьсот тридцать
седьмого года» (*Лавров* 1966, с. 82).

Третья надпись в версии Лаврова выглядит так:
«Эту соборную мечеть Баб ал-Кист
Риджи разрушило
татарское войско [в то время], когда разрушило
[и] Курд-Риджу в месяце
раби'ал-ахир, [одном] из месяцев шестьсот
тридцать седьмого года. Потом, поистине,
эмир прославленный, великий, поддерживающий,
победоносный, борец за правое
дело, стоящий на страже, венец мира
и религии Адам б. 'Абд ал-Малик б. Мухаммад,
— да продлит Аллах
[его правление]! —
приказал построить эту мечеть в месяце
раби'ал-аввал, [одном] из месяцев года
шестьсот сорок восьмого, да благословит
Аллах Мухаммада и весь его род
и да помилует Аллах того, кто помолится
о милосердии к нему
после смерти его» (*Лавров*, 1965, с. 83).

Обратим внимание на то, что в приведенных эпиграфических памятниках названы две даты строительства крепости в Ричи: 1241 г. и 1242 г. Вместе с тем, эти же источники указывают на кратковременное пребывание монголов в этом районе Дагестана: через год-два после разрушения восстановилась относительно мирная жизнь. На это указывают активное строительство в Ричи крепости и восстановление соборной мечети (*Шихсаидов* 1984, сс. 354-355).

Рассмотренные ричинские эпиграфические памятники дополняют информацию исторической хроники «Тарих Дагестан», что помогает уточнить наши представления о средневековом периоде прошлого данного региона.

«[В это время] между ними [правителями Авар] и [эмирами] Гумука начались страшные войны и сатанинские распри. Аварский владыка [*малик ал-авари*] отправил послания и послов из красноречивых и мудрых людей к султану Кавтар-шаху, в страну

тюрок [*вилайат аи-турк*], жители которой [приняли ислам еще в правление амира правоверных ал-Омара ал-Фарука ан-Наки, 'различающего добро и зло, чистого']. Они обязались быть между собой в дружбе и добрососедстве, оказывать взаимную помощь в борьбе с врагами... Кавтар-шах взял в жены сыну своему Султан-Кайкаду благоразумную дочь аварского правителя, а прелестную дочь свою выдал за сына царя — Сиртана... Эти два брачных союза были заключены одновременно, и оба царевича стали посредством этого родственного союза как бы братьями, принадлежащими одним родителям, — во всех делах, как в совершении зла своим врагам, так и в совершении добра своим друзьям.

Затем пошел Кавтар-шах на Гумук с [войсками] тюрок с восточной стороны, а Сиртан с войсками вилайата Авар совместно с султанами Хайдака — с западной стороны, и дошли до Гумука в понедельник, в начале месяца рамадан, во время [правления?] Наджмаддина. И сражались [жители Гумука], и пали мучениками в крепости, что над мечетью ал-Кудали, *семьдесят юношей* [курсив мой — Ф. Г.], которые пожертвовали имуществом, душой и телом и поклялись сражаться на пути всевышнего Аллаха. И сражались юноши в крепости в месяце сафар, а они ['тюрки', войска аварских и хайдакских правителей] разрушили Гумук в субботу. Эмиры [Гумука], что из потомков Хамзы и Аббаса, рассеялись по частям света, по окраинам вилайатов, а султаны Хайдака снова обосновались на своих землях, на своих престолах. Гумук был взят руками недостойных по происхождению» (**Шихсаидов А. Р., Айтберов А. М., Оразаев Г. М.-Р.** 1993, сс.104-105).

Под «тюрками» некоторые исследователи понимают монголов, а описанные события относят к 1239 г., дате, отмеченной «в записи на одном камне в стене мечети Рича» (**Шихсаидов**, 1984, с. 355).

После захвата и разорения Ричи монголы через перевальную дорогу, ведущую к верховьям р. Казикумухское Койсу, вторглись в земли лакцев. В начале апреля 1240 г. штурмом взяли Кумух. В течение 4-х лет монголы предприняли ряд безуспеш-

ных попыток завоевать ключевые позиции в горах Северного Кавказа. То же самое относится и Центральному Дагестану. Его внутренние районы быстро освободились от власти завоевателей. Две надписи из Кумуха свидетельствуют о разрушении села в ходе монгольского похода 1240 г. В этих же эпиграфических свидетельствах сообщается о гибели большинства населения Кумуха.

Как уже отмечалось, у авторов той эпохи сложилось впечатление о подчинении общественного устройства монголов одной цели — постоянным походам всего социума. «Они ведут с собой стада свои и жен своих, которые обучены военному искусству, как и мужчины. Стремительные, как молния, достигли они самых пределов христианских [и], учения великое разорение и гибель, вселили во всех невыразимый страх и ужас. Вот почему сарацины возжелали заключить союз с христианами и обратились [к ним], чтобы объединенными силами они смогли противостоять этим чудовищным людям» (*Матузова* 1979, с. 138).

Тут же Матфей под 1241 г. приводит еще одно свидетельство: «это бесчеловечное и лютое, не ведущее законов, варварское и неукротимое, которое тартарами зовется, предавая безумным и неистовым набегом северные земли христиан ужасному опустошению, повергло всех христиан в безмерный страх и трепет» (*там же* с. 139).

О степени осознания угрозы свидетельствует «Послание» германского императора Фридриха II королю Англии. Фридрих сообщал: «всему христианскому миру грозит всеобщее уничтожение... не так давно с крайних пределов мира... вышел народ варварский по происхождению и образу жизни... называется [он] тартарами... нашествие принесло с собой всеобщее бедствие, опустошение всех королевств и гибель плодородной земли, по которой прошел народ нечестивый, не щадя [никого, не взирая на] пол, возраст или положение и намереваясь уничтожить весь род человеческий, считая себя единственными достойными править во всех землях благодаря своей великой и безмерной силе и численности. И вот, убивая и грабя все, что ни

попадалось им на глаза и оставляя за собой всеобщее опустошение...» (*там же* сс. 141-142).

Фридрих поведал и о разгроме, учиненном монголами венграм: «татарские передовые [отряды] стремительно ворвались в рассветном полумраке, и, быстро окружив венгерские укрепления и убив сначала прелатов и всю знать, которая выступила против них, погубил вражеский народ великое множество венгров, учинив неслыханное побоище...» (*там же* сс. 142-143).

Помимо этого, в *Анналах Бертонского монастыря* под 1245 г. сохранился перевод «Расследования о тартарах, проведенном в Лионе его святейшеством папой». К особым чертам монголов «Расследование» относит: использование в качестве пищи мяса коней и собак; суровое наказание за грабежи, воровство, прелюбодеяния, убийства — смертной казнью. «Они не допускают чужестранцев ни жить вместе с ними, ни вести торговлю, ни участвовать в тайных советах». В разделе «О мощи» подчеркнуто: «Женщины наподобие мужчин, скачут верхом, сражаются и стреляют из луков. Доспехи у них сделаны из многослойной кожи, и они почти непробиваемы. Наступательное оружие — из железа. Есть у них разнообразные метко бьющие устройства. Спят они под открытым небом, как бы не обращая внимания на неблагоприятную погоду». О соблюдении договоров сказано, что монголы «вполне соблюдают договоры с теми, кто немедленно им сдается, отбирая из них воинов, ремесленников для различных служб, нисколько не щадя тех, кто ожидает их натиска» (*там же* сс. 180-182).

Роджер Бэкон в «*Великом сочинении*» отмечая жестокость монголов, писал, что алан уже «не существует ибо тартары вторглись в эту землю и вынудили куманов бежать до самой Венгрии; а куманы — язычники, и такими же были и аланы, но они были истреблены... Тартары же населяют землю аланов или куманов от Дуная и далее, почти до самых отдаленных частей востока... есть какие-то племена в горах и наиболее защищенных местах, которые, хотя они [татары — В. М.] и соседствуют с ними, они не могут одолеть, ибо они непобедимы» (*там же* с. 213).

Реальную опасность угроз, связанных с появлением монголов в пределах Европы, осознали «сарацины». Поэтому они отправили послов не только «к королю франков», но и к другим европейским монархам. «Сарацинский вестник» уведомил «короля Галлии» о данном ему поручении «от имени всего Востока известить» всю Европу о страшном противнике, с которым можно справиться лишь объединенными силами. Другой «сарацинский вестник», направленный «к королю Англии», передал на словах: «если они [сарацины] не смогут сдержать такой натиск, то останется только одно: они [татары] и западные страны разорят, как говорится у поэта: 'Дело о скарбе твоём, стена коль горит у соседа'» (*там же* с. 136).

Часть населения Северного Кавказа продолжала оказывать захватчикам сопротивление, которое проявлялось в самых различных формах и охватывало все слои населения, в том числе и господствующие. Одна из форм — уход с захваченных территорий. «Картлис цховреба» сообщает, что «между 1257 и 1264 гг. пришли Осетины [в Грузию — Ф. Г.], преследуемые Беркаханом». Среди них находилась «удивительная женщина по имени Лимичав [вариант: 'две женщины Лим и Ачав'] она привела с собой малолетних детей родом *ахсарфкянов* [вариант: *ахсарпакинов* — искаженная форма осетинского *ахсартагата*]: Фареджана [вариант: 'сын овского царя'] и младшего Багатара и много князей» (см.: *Гутнов* 1993, сс. 80-83). Значительные контингенты алан во второй половине XIII — первой половине XIV вв. появились в Молдавии, на Балканском полуострове и в Венгрии (*Кузнецов* 1971, сс. 43-44). Часть алан нашла убежище в Византии, с которой на протяжении многих веков Алания поддерживала дружеские отношения. По сообщению Никифора Григора, аланы тайно послали посольство в Константинополь с предложением перейти на службу. «Император благосклонно принял их и более 10 тысяч алан прибыло в Византию с женами и детьми» (*там же* с. 44).

Народами Северного Кавказа продолжали вооруженную борьбу с завоевателями. Монголы неоднократно вынуждены были посылать сюда карательные отряды. Однако как и прежде,

аланы, черкесы и лезгины, не покорились татаро-монголам (**Пашуто** 1970, сс. 208-209)

Не затихла борьба с чингизидами и на равнине. Небольшие летучие отряды наводили страх на завоевателей. Рубрук и его спутники на пути от Сартаха к его отцу Батыю «ощущали сильный страх: русские, венгры, аланы, рабы их [татар]... собираясь зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают» своих врагов (**Кулаковский** 1899, с. 59). Вместе с тем он отметил, что в Предкавказских степях «он встречал алан в *разных местах* [курсив мой — Ф. Г.] в пределах татарского господства. Они оказывали ему радушный прием, уважая в нем его духовный сан». Рубрук выяснил, что вся равнина уже контролировалась татарами, а непокорные жили в горах. «Из расспросов у своих татарских проводников Рубрук узнал, что аланы, также как и лезгины, отстаивали свою независимость от татар и, опускаясь с гор в степи, грабили у татар их стада» (**Рашид ад-Дин** 1960, с. 38; **Тизенгаузен** 1941, сс. 24, 35-36).

По свидетельству Джувейни и Рашид-ад-дина, борьбу с захватчиками на равнине возглавили предводители черкесов [Тукар], алан-ассов [Качир-укулэ] и половцев [Бачман]. У них не было постоянного местопребывания — «днем на одном месте, ночью на другом». К ним присоединилось «скопище других беглецов», «бесчинство... увеличивалось со дня на день», «смута и беспорядки умножались». Менгу-хан снарядил 200 судов [с сотней воинов на каждом] для поимки Бачмана, скрывавшегося в лесах и на берегу Итиля. Сам же хан вместе с братом Бучеком «шли облавой по обоим берегам реки». Уходя от погони, Бачман скрылся на одном из островов. Но татаро-монголы, воспользовавшись отливом, ворвались на остров, истребили его защитников и схватили Бачмана. Позже его собственноручно казнил Бучек. Такая же участь постигла алана Качир-укулэ (**Очерки** Ч. II. 1953, с. 693).

Всякое мало-мальски широкое выступление монголы жестоко подавляли. С этой целью враждовавшие между собой джучиды Золотой Орды и хулагиды Ирана на рубеже XIII-XIV вв. объе-

динили свои силы. В Дагестана, «которые в давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в неприступных горах». Крупное восстание вспыхнуло в аланском городе Дедякове. Единственное известие об этом содержится в Воскресенской летописи. «В лето 6785 [1277]» пришли в Орду князь Борис Ростовский с братом Глебом и сыном Михаилом, князь Федор Ярославский. Князя с ханом «Менгутемиром поидоша на войну на ясы, и приступиша рустии князя [Характерно для политики чингизидов. Татарские ханы постоянно посылали отряды из жителей покоренных ими народов на войну. Если хан вынудил русских князей идти на Кавказ для штурма Дедякова, то среди туменов Мамаю в 1380 г. находились и представители горских народов — «черкесы» (*там же* с. 740)] ко ясскому городу ко славному Дедякову, и взяша его месяца февраля 8» (*Скитский* 1949, сс. 35-36). Таким образом, дата падения города известна, но начало восстания точно установить пока не удается.

Из других выступлений горцев Северного Кавказа необходимо упомянуть о восстании черкесов [возможно, и жителей города Маджары] в 1327 г., во время которого предводитель монгольского войска Хасан по одним сведениям был убит, по другим — смертельно ранен (*Тизенгаузен* сс. 92, 143).

Информация о сопротивлении горцев монголам распространилась по всей Европе и достигла берегов «туманного Альбиона». Роджер Бэкон в «Великом сочинении» среди народов Кавказа отметил алан и асов. «Они — христиане и принимают всех христиан, равно как латинских, так и греческих, то есть они — не схизматики. И они борются против тартар; также и аланы. За ними на восток живут сарацины, именуемые лелги (лезги, лезгины — Ф. Г.), ведущие войну с тартарами из-за плодородной земли» (*Матузова* 1979, с. 214).

В другом сюжете Бэкон вновь пишет: «И турецкий султан, и царь Армении, и государь Антиохии, и все государи на востоке, вплоть до Индии являются их подданными, за исключением немногих, живущих или слишком далеко, или в неприступнейших горных местах, которые они не могут одолеть» (*там же* с. 217).

Второй дагестанский поход монголов в 1239-1240 гг. для населения Северо-Восточного Кавказа также имел тяжелые последствия. В равнинной части Дагестана завоеватели опустошали пашни и сады, а в горной зоне — угоняли крупный рогатый скот, овец и лошадей. Киракос Гандзакецци отметил по этому поводу: «Там, где проходили монгольские завоеватели, посевы, сады, огороды приходили в негодность, так как за монгольской армией всегда двигалось огромное кочевое хозяйство, которое уничтожило вокруг посевы, сады и т.д.» (*Ичалов* 1980, с. 121) на уровне. Не случайно зерно стало одной из важнейших статей торговли с «причерноморскими итальянскими колониями. Напомним, в этой связи сюжет Венецианской хроники» Мартино Канале: в 1268 г. из-за наступившего голода «вздорожали продукты». Дожд Венеции Лоренцо Тьеполо «и благородные венецианцы разослали корабли всюду, даже к татарам и во многие другие приморские страны с повелением закупить хлеб и привезти в Венецию... Татары, аланы, зихи, русы, турки, армяне и греки дали в ту пору хлеб венецианцам» (*Зевакин, Пенчко* 2007, с. 395). В контрактах Кафы за 1289 и 1290 гг. постоянно идет речь о транспортах зерновых, направляемых в Трапезунд и Самсун. «Урожайи алан и черкесов также реализовывались в Крыму» (*там же*).

Оживление экономики равнинной и предгорной зон Северного Кавказа в первой половине XIV в. связано с деятельностью Узбек-хана [1312-1342 гг.]. Ханы Золотой Орды учитывали стратегическое значение северокавказского региона. Не случайно ставка Узбек-хана и владения крупнейших представителей татарской знати располагались в районе Пятигорья. Северный Кавказ стал второй по значению [после Поволжья] хлебной житницей Золотой Орды. Маркером экономического роста служат города с разноплеменным населением. В Сарае, Маджаре, Верхнем и Нижнем Джулате, Астрахани и других городах сложились целые кварталы из феодалов и ремесленников покоренных народов. Так, Ибн-Баттута [1304-1377 гг.] сообщает, что в Сарае живут представители асов [алан], кыпчаков, русских, византийцев. «Каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их» (*Тизенгаузен* 1884. СПб., с. 306).

I. 5. Тимур и Кавказ. Не успели народы Кавказа оправиться после поражения от монголов, как их ждал новый удар — нашествие Тимура. Причины его нового похода на Кавказ все еще дискутируются. Стремление Тимура окончательно сломить одного из сильнейших своих противников, хана Золотой Орды понятно. Но почему после победы над Тохтамышем он вместо Сарая повернул на Северный Кавказ? Якубовскому такой ход завоевателя представлялся неожиданным (*Греков, Якубовский* 1950, с. 370). Точку зрения известного востоковеда оспорил Ртвеладзе, по убеждению которого решение Тимура обусловлено причинами военно-политического характера. Ртвеладзе полагает, что отношения между некоторыми народами Северного Кавказа и Золотой Ордой времени правления Мамая и Тохтамыша вместо прежних военных стали тесными и мирными. Источники указывают на наличие в войсках Мамая ясов и черкесов, а у Тохтамыша — алан и черкесов. По мнению исследователя, тесные отношения с Сараем поддерживали также знати Дагестана и Балкарии. Все это побудило Тимура обрушиться на Северный Кавказ, дабы обезопасить тылы перед походом на Астрахань и Сарай (*Ртвеладзе* 1976, с. 124).

Такое объяснение представляется вероятным, но не бесспорным. Вряд ли можно говорить о радикальном изменении отношений между народами Северного Кавказа и Ордой в рассматриваемый период. В военной организации татаро-монголов находился определенный контингент из числа жителей региона. Причем, это были, преимущественно, представители *равнинных* районов. В 1388 г. золотордынцы, пишет Шереф-аддин, собрали огромное войско «из русских, черкесов, болгар, кипчаков, аланов, [жителей] Крыма с Кафой и Азаком, башкиров и м.к.с.» и совершили крайне неудачный набег на монгольскую империю Мавераннахра [Средняя Азия] (*Тизенгаузен* 1941, с. 156).

Однако другая часть знати Кавказа вместе с рядовым населением продолжала борьбу. Именно горная зона стала основным объектом похода Тимура на Северный Кавказ. Поэтому, на наш взгляд, вести речь о союзе — в полном смысле слова —

между народами Кавказа и Ордой не приходится.

Тимур искал повод для войны. С этой целью он отправил Тохтамышу письмо с мудрым посланником Шемс-ад-дином Алмалыки. Согласно Низам-ад-дину [«Книга побед»] хан «обласкал его [посла] и отправил обратно». Тем не менее, Тимур не обратил внимания на дружеские заверения противной стороны и выступил с войском (*там же*, сс. 118-119).

Иначе описывает указанные события Шереф-ад-дин. По его версии, Тохтамыш после встречи с послом хотел «от всей души поставить ногу повиновения на путь согласия и сделать так, чтобы пыль вражды между [ними] исчезла». Этому воспротивились его эмиры. Хан отослал посла «и в ответе своем на письмо Тимуру написал грубые выражения» (*там же*, с. 174).

Неважно, кто из двух хронистов прав в описании данного эпизода. Одно несомненно: Тимур искал повод для войны именно с Тохтамышем. О Северном Кавказе не упоминают ни Низам-ад-дин, ни Шереф-ад-дин. Поэтому в вопросе о причинах похода Тимура на горцев, видимо, более верной является точка зрения Хизриева. Анализ маршрутов повелителя Мавераннахра на Северном Кавказе позволил историку выявить в военных акциях его туменов не разрозненные удары, а последовательную систему по завоеванию всего региона (*Хизриев* 1982, с. 10).

В интересах монголо-тюркской знати Тимур пытался возродить могучую державу в границах империи Чингиз-хана и его потомков. Подготовка к походу велась тщательно. Тимур «обратил внимание на снаряжение армии, раздал воинам подарки» (*Тизенгаузен*, 1941, с. 174). Численность войска исследователи определяют в 200-300 тысяч (*Ртвеладзе*, 1976, с. 105; *Хизриев*, 1982, с. 9). Сознывая трудности предстоящих сражений, полководец отправил цариц Сарай-Мульк-ханум и Таман-агу вместе с детьми и обозом в Самарканд, а Чулпан-мелик-агу и «некоторых жен» в Султаню (Тизенгаузен 1941, с. 174).

Пройдя Дербент, армия вступила в предгорные районы, населенные кайтагами. Считая этот народ сторонником тата-

ро-монголов и стремясь «получить доброе предзнаменование началом дела», великий эмир «отдал приказание уничтожить и истребить этих неверных». Уцмийство подверглось такому разрушению, что «из тысячи не спасся ни один, всех ограбили, и деревни их сожгли» (*там же*, с. 175). В сражении 15-17 апреля 1395 г. Тимур разгромил Тохтамыша (*Хизриев* 1982а) и затем двинулся в область черкесов. Опасаясь прямой стычки с воинами среднеазиатского правителя, черкесы подожгли луга между Азаком и Кубанью. Из-за этого «множество скота победоносного войска погибло» Тимур потерял 7-8 дней. Повелитель отправил против западных адыгов мирзу Мухаммед-Султана, мирзу Мираншаха, эмира Джеханшаха и других полководцев. Тимур «настойчиво приказал им, чтобы они поскорее покорили эту область и вернулись обратно. Улус Черкесов» подвергся страшному погрому, царевичи «захватили большую добычу и, благополучно возвратившись, удостоились чести целования ковра» (*Тизенгаузен* 1941, сс. 122, 180-181).

С Западного Кавказа Тимур повернул в землю алан, во владения Буриберди и Буракана. Цель правителя Мавераннахра недвусмысленно выразил Шереф-ад-дин: «В намерении покорить неверных знамя, мир завоевывающее, направилось на Буриберди и Буракана, который был правителем асов». На пути монголов находились леса. Тимур оставил эмира Хаджи-Сейф-ад-дина с обозом и, прорубив дорогу, двинулся вперед. «В горных укреплениях и защищенных ущельях у него было много стычек... разорили их крепости», захватив несметную добычу (*там же*, с. 181). С этим походом Кузнецов связывает разрушение христианских храмов и гибель аланской епархии (*Кузнецов* 1964, с. 150).

Напомним, что после разгрома Буриберди и Буракана Тимур, дав воинам отдохнуть несколько дней, пошел против аланских князей Кулу и Тауса. Интересные данные о них сохранились у Низам-ад-дина и Шереф-ад-дина. «Кавказские горы называются Иритав... В окрестностях горы Эльбрус живут падишахи одиннадцати мелких земель. Они говорят на семидесяти разных наречиях» (см.: *Ртвеладзе* 1976, с. 93). Владения князей

находились на Центральном Кавказе. Пфаф и М. Джанашвили, обратили внимание на связь княжеств Кулу и Тауса с «областью Иркувун» (**Пфаф** 1871, сс. 65-66; **Джанашвили** История Осетии // НА СОИГСИ, ф. 1, д. 71, с. 88). Турецкий путешественник Э. Челеби отметил область Иритав на Центральном Кавказе. «Кавказские горы называются Иритав... В окрестностях горы Эльбрус живут падишахи одиннадцати мелких земель. Они говорят на семидесяти разных наречиях» (**Челеби** 1979, с. 93). Данные владения Якубовский локализовал в Дагестане (**Греков, Якубовский** 1950, с. 370). Это мнение разделили и некоторые кавказоведы. Ртвеладзе, разбивая этнический термин *Иркувун* на составные части, выводит его из самоназвания осетин «ир» и осетинского слова «хъау» селение. В конечном итоге этноним переводится как *Иронские селения* или в переносном смысле — *область Иров*. Данный топоним Гадло связывал с территорией, заселенной предками осетин (**Гадло** 1984а, с. 127).

Таким образом, Иркувун персидских авторов — «область осетин [иров]». Следовательно, владения Кулу и Тауса находились в горной Осетии. Затрудняясь ответить, где точно, Ртвеладзе допускает вероятность их локализации в Куртатинском ущелье. В нем обнаружены следы многих средневековых укреплений, в том числе у селения Гули, название которого созвучно с крепостью Кулу персидских источников. Исследователь не сомневается, что бытующие в Осетии предания о Тимуре являются отражением действительного пребывания здесь его воинов (**Ртвеладзе** 1976, сс. 114-115).

Если Гули — владение Кулу, то крепость Тауса должна находиться где-то рядом. Это может быть Дзвгисское наскальное укрепление, находящееся в 2-3 км от Гули. В древности Дзвгис представлял собой важный стратегический пункт, защита которого была заботой всего населения ущелья (**Кокиев** 1935, с. 234). Описание укреплений племени Иркувун, особенно крепости Тауса, находившейся «на третьем уступе горы», напоминают оборонительный комплекс «Дзвгисы фидар». В него входили основное крепостное сооружение, закрывавшее вход в пещеру, и шесть наскальных башен. Ходы сообщений представляли собой

систему деревянных креплений, крепко вбитых в скальные расщелины.

Крепость «Иркувун», т. е. «Дзвгисы-фидар», находилась в пещере. По свидетельству восточных хронистов, пройти к ней было чрезвычайно трудно. Укрепление находилось на такой высоте, что «у смотревшего мутился глаз и шапка валилась с головы, в особенности крепость Тауса». Она располагалась на отвесной скале; «пущенная стрела не долетала до нее». Тимур ввел в бой специальные отряды мекритов, вероятно, горцев, т. к. они «в ходьбе по горам были так ловки и искусны, что заберутся в любое место». Мекриты занялись поисками слабых мест и подходов к крепости. Но поиски оказались безрезультатными. «Сколько не ходили и не смотрели, совсем не нашли ни одной дороги, по которой можно было добраться до этой крепости».

Тогда Тимур изменил тактику. Он приказал изготовить длинные лестницы, поставить их на второй уступ, затем таким же образом взобраться на третий уступ горы, на котором находилась крепость. Одновременно другие воины, взобравшись на вершину горы и обвязавшись веревками, спустились до места напротив крепости. Оба отряда одновременно приступили к штурму. Защитники крепости сражались мужественно, истребив немало нападавших, но силы оказались неравными. Ворвавшись в крепость, воины Тимура «умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней». Руководители обороны — князь Кулу и Таус — попали в плен и были казнены.

Раскопки, проведенные здесь в 1982 г. Кузнецовым и Тменовым, дали богатый материал XIV-XV вв. Археологи обследовали храм, кладбище, культовые памятники и пришли к выводу, что в Дзвгисе обитали аланы-овсы, укрывшиеся здесь в середине XIII в. от татаро-монгольских завоевателей. Рядом с аулом находилась хозяйственная база — поляна Фаскау [11 га]. Поляна закрыта в глубине гор, защищена от ветров. Хорошо сохранились следы оросительного канала длиной около 200 м. В склеповом могильнике XIV-XV вв. обнаружено рекордное количество погребенных — 235 человек, преимущественно женщин и детей (**Кузнецов** 1982, д. 158; **Тменов** 1982, д. 159). Возможно,

это массовое захоронение связано с походами Тимура, ведь ворвавшись в крепость Тауса, его воины «умертвили множество людей из племени Иркувун». Как бы то ни было, Дзвгис вместе с наскальной крепостью и храмом предстает как центр феодального владения. После гибели Тауса аланское княжество у входа в Куртатинское ущелье распалось.

Существование самостоятельного общества восточных алан источники фиксируют с середины I-го тысячелетия. Район Дарьяла вошел в состав аланского этносоциального организма, в археологии представленного катакомбными могильниками и терско-сунженской группой городищ. Данный социум в «Дербенд-наме» назван «страной Ирхан». Согласно анализу Гадло, владельцы Ирхана в VII-VIII вв. возглавили борьбу горцев Центрального Кавказа с арабской агрессией (**Гадло** 1984, сс. 129-130).

Хорошо осведомленный о социальной структуре Алании начала X в. Константин Багрянородный особо говорит об «эксусиократоре Алании» и «архонте Асси» [на чьей земле расположены Каспийские ворота]». *Каспийские ворота* В. Ф. Минорским отождествлялись с Дарьяльским проходом, т.е. с территорией «страны Ирхан». Специалисты в «эксусиократоре» единодушно видят царя Алании. В определении же социального статуса «архонта» Ирхана и его отношениях с царем имеются расхождения. Византийские источники X в. отмечают «архонтов», «архонтов высшего ранга» и «архонта архонтов» (**Кучма** 1982, сс. 101-102).

Упорное сопротивление Тимуру оказал еще один аланский князь — Пулад.

Разгромив в апреле 1395 г. золотоордынского хана Тохтамыш, Тимур двинулся на владения аланской знати. Поводом для выступления против Пулада послужил его отказ выдать Тимуру Утурку — одного из полководцев Тохтамыш. Знатный монгол скрывался у аланского князя в крепости Кабчигаи. По мнению историков, это укрепление находилось в районе современного Владикавказа.

Прежде чем двинуться на Пулада, Тимур отправил ему письмо: «Пришли Утурку, укрывшегося у тебя, а то я приду с бесчис-

ленным войском, которое все состоит из львов, убивающих врагов». Ответ последовал не менее категоричный: «У меня хорошо защищенная крепость и средства для войны приготовлены; Утурку нашел у меня убежище, пока я жив, буду его защищать и оберегать». Разумеется, аланский князь понимал, что не сможет долго продержаться под натиском Тимура. Но гостеприимство у алан являлось неременным условием поведения по отношению к любому путнику; по нормам этикета, Пулад в границах своих владений обязан был защищать даже врага.

Местонахождение крепости Ртвеладзе устанавливает в Чегемском ущелье, в районе селения Верхний Чегем. Подтверждение этому он видит в названии Капчигай — скалы у северной окраины села. По одной из версий, войсками Аксак Тимура в древности разрушено городище у Верхнего Чегема. Развалины возле села Нижний Чегем называются «Аксак Тимур бодуркью» — стоянка хромого Тимура (*Ртвеладзе* 1976, сс. 115-116). Слабая сторона данной аргументации заключается в том, что топонимическая номенклатура всего Северного Кавказа содержит наименования, связанные с именем завоевателя. Нашествие Тимура нашло отражение и в фольклоре всех народов Северного Кавказа (*Жантиева* 1929, сс. 183-186).

Быстрым маршем Тимур подошел к крепости. Капчигай находился в труднодоступных местах; «тамошние жители, заняв вход в ущелье и отрекшись от жизни, отчаянно начали сражаться... После многих усилий» Тимур штурмом овладел крепостью, захватил большую добычу и сжег «дома их». Части защитников удалось бежать в горы. Скоро их настигли, «взяли... в плен и сожгли всех этих обреченных в ад». Скрывшегося Утурку схватили в местности Абаса (*Тизенгаузен* 1941, сс. 182-183), как полагает Ртвеладзе в верховьях Кумы и Подкумка (*Хизриев* 1982, с. 116). Другие исследователи [Хизриев, Санакоев] склонны видеть в Абаса древнее поселение Ларс в Дарьяльском ущелье (*Санакоев* 1983, с. 59).

После разгрома аланских князей Тимур в 1396 г. разорил Дагестан. Здесь, как и в других местах, захватчики столкнулись с упорным сопротивлением. Архиепископ Персии И. Галони-

фонтибус в 1404 г. писал по этому поводу: Тимур со 100-тысячным войском попытался проникнуть в лезгинские горы. Горцы встретили пришельцев «перед густым лесом и нанесли им такие потери, что Тимур-ленг приказал отступить» (*Галонифонтибус* 1980).

В Дагестане заканчиваются походы Тимура на Северном Кавказе. В некоторых случаях народы Кавказа против повелителя Мавераннахра выступали сообща. Так, по грузинским летописям, Георгий VII [1395-1402 гг.] во главе большого ополчения, состоявшего из грузин, осетин и других кавказцев, отбросил передовые отряды кочевников. Но вскоре выступил сам Тимур с главными силами и одержал победу (*Джанашвили* 1897, с. 33).

Примечания

¹ Правда, «не считая отдельных статей в труднодоступных сборниках и материалах конференций».

² В силу историографической *традиции* [по Почекаеву, *распространенного заблуждения*], некоторые из перечисленных терминов, в частности — *хан*, *Золотая Орда*, мы будем использовать «по старинке».

³ Одно из крупных монгольских племен, обитавших в бассейне р. Селенги. Меркиты отличались воинственностью.

⁴ Забайкальские племена, родственные монголам.

⁵ Сын Джучи, брат Бату. Впоследствии — хан Золотой орды. Выстроил вторую столицу золотоордынцев, «известную как Сарай-Берке».

⁶ По его имени, как выше уже отмечалось, Золотая Орда до середины XVI в. в источниках часто называлась «Джучиевым улусом».

⁷ Внук Чагатая, «участник походов 1235-1236 гг. [курсив мой — Ф. Г.] на русские княжества и в Юго-Западную Европу». Обратим внимание на датировку монгольских походов, предложенную Плано Карпини.

⁸ Сын Джучи, брат Бату [Батыя], после смерти которого занял его престол в Золотой Орде под именем Берке-хана [1256-1266 гг.] Принял участие в строительстве второй столицы Золотой Орды — Сарае-Берке.

⁹ Орду-Ичен участвовал в походах на русские княжества, Польшу и Венгрию. Основатель Белой орды.

¹⁰ Один из крупнейших монгольских военачальников, названных богатырями, как переводит Карпини термин *bahadur*. «Субэдей-бахатур возглавлял поход против кыпчаков, разбив русские и половецкие отряды на р. Калке [1223 г.]» (*Плано Карпини* 2005, с. 268 примеч. 2).

¹¹ *Матузова В. И.* Английские средневековые источники. IX-XIII вв. М., 1979. Бесспорное достоинство данного издания заключается в публикации документов на языке оригиналов с параллельным переводом на русский язык. За прошедшие 35 лет книга не потеряла своей актуальности и значимости. Тем не менее, отечественные историки крайне редко обращались к материалам, изданным Матузовой, а кавказоведам они практически не знакомы.

¹² Матузова приводит слова Р. Вона: «поистине, кажется, что для Матфея не существовало ненужной информации, несмотря на то, что он мыслил свою хронику прежде всего как историю Англии». При создании «Великой хроники» Матфей Парижский опирался не только на обширную историографию, но и на документы из английских и французских монастырей. Уникален материал, почерпнутый из королевского архива. Многие папские и императорские послания содержатся только в работе Матфея. Творение Матфея заслуженно считают своеобразной всемирной историей. В ней собрана обширная информация о событиях в Европе и на Ближнем Востоке.

¹³ Определенная часть каждого из названных памятников носит компилятивный характер. Так, в анналах Мельрозского монастыря использован материал «*Церковной истории английского народа*» Беда Достопочтенного, хроники Симеона Дургамского и Роджера из Ховедена, а также анналов некоторых английских монастырей.

¹⁴ Монастырь имел большой скрипторий и богатую библиотеку. Начиная с 1212 г. Хроника имеет самостоятельный, не основанный на других работах текст. Разумеется, эта часть Хроники имеет большой исторический интерес. Значимость данного памятника становится понятной, учитывая, что, по словам В. И. Матузовой, «других равноценных ей современных памятников не сохранилось».

¹⁵ Несмотря на имеющиеся неточности, *Анналы*, по мнению их первого издателя Г. Люарда, «должны рассматриваться как любопытный и ценный вклад в историю своего времени».

¹⁶ Специалисты отмечают научную концепцию Бэкона, «глубоко и творчески переработавшего сумму знаний, доступных средневековью, и давшего их синтез».

¹⁷ Албанией назывался социум, расположенный на каспийском побережье. В средневековых географических сочинениях нередко

смешивался с топонимом «Алания», равным образом путали этнонимы «аланы» и «албаны». В данном случае Бартоломей эти топонимы трактует независимо друг от друга (*Матузова* 1979, с. 88, примеч. 6).

¹⁸ Со ссылкой на Исидора автор Энциклопедии Гирканией называет область Скифии, очерченной границами: «на востоке ее — Каспийское море, на юге — Армения, на севере — Албания, на западе — Иберия» (*там же*, с. 88, примеч. 7).

¹⁹ Имеется ввиду Батый.

²⁰ Австрийский город Нейштадт, расположен вблизи Вены.

²¹ О. Л. Фишман присоединился к М. П. Алексееву, по мнению которого «отрезвление от суеверного ужаса перед монголами, 'по крайней мере в правящих кругах Европы, наступило очень быстро... у светских и церковных властителей возник план... пресечь завоевательные замыслы монголов обращением их в христианство и превратить их в военных союзников против ислама'» (*Фишман* 2003, с. 22 примеч. 1).

²² Из отчета Рубрука «выясняется, что 'Татары' — это воины Золотой Орды, а жителей собственно Монголии Рубрук называет 'Моалами'». Тогда как Плано Карпини «Татарами» именует «Монгалов» (*там же*, с. 32).

²³ Новый год у монголов начинался в феврале.

²⁴ Возможно, это завышенная цифра; но так же ясно, что табуны лошадей, входивших в состав праздничных даров великому хану, были немалыми.

²⁵ В сборе сведений об империи монголов Карпини повезло, т.к. в период его пребывания в ставке хана Гуюка практически одновременно с ним находились послы из всех частей Азии, завоеванных монголами. Все они прибыли на выборы нового великого хана, каковым стал Гуюк.

²⁶ Титул *шад*, согласно анализу арабской литературы А. П. Новосельцева, в Тюркском и Хазарском каганатах носило второе после хакана лицо. К шаду со временем перешли царские функции (*Новосельцев* 1990, сс. 138-140).

²⁷ Бытует версия, по которой титул *бек* принял сам шад. *Бак/бек* восходит к иранскому *баг* «господин», «владыка». Термин тюрки заимствовали у восточных иранцев [скифов, сарматов, согдийцев и т.д.]. У тюрков данный термин имел несколько значений: «правитель», «господин», «вождь», «князь» (*там же* с. 140).

²⁸ По другой версии, подобный случай имел место не в Дербенте, а в столице Ширвана, Шемахе. Причем, часть избранных для переговоров старцев, монголы казнили, а других вынудили указать им без-

опасный путь на север. Так, согласно Киракосу Гандзакеци, монголы, подойдя в 1222 г. к Дербенту, «убийствами и угрозами» узнали у местных жителей дорогу и вступили во внутренние районы Дагестана (см.: **Ичалов** 1980, с. 117).

²⁹ Порог юрты у монголов считался священным, спотыкавшийся о порог лишался головы.

³⁰ Нашествие монголов на Северо-Западный Кавказ Хан-Гирей назвал «знаменитейшей эпохой в происшествиях сей страны. Необъятная сила сих варваров истребила в 1237 году команов [половцев — Ф. Г.]; но кубанские чихи [зихи — Ф. Г.] противостояли им весьма упорно». Даже после разгрома «покорность черкесов всегда была сомнительной или [держалась] на крепких уговорах» (**Хан-Гирей** 2008, сс. 128-129).

³¹ Позднее он получил довольно лестную оценку со стороны Плано Карпини: «этот Бату наиболее могущественен по сравнению со всеми князьями татар, за исключением императора, которому он обязан повиноваться» (**Плано Карпини** 2005, с. 303). Впрочем, не только Карпини высоко оценил Бату. В нартовском эпосе в сказании о войне между Ахсартаггата и Бората фигурирует Сайнаг-алдар. Это имя представляет собой передачу монгольского почетного имени Батыя — Саин-хан «славный хан». Образ Сайнаг-алдара и его действия служат иллюстрацией политики ханов Золотой Орды: образование и срамливание группировок в стане своих противников. Сайнаг-алдар помогает одному объединению нартов в борьбе с другим, во главе с Хамыцем, которого он убивает» (**Абаев** 1978, сс. 21-22; **его же** 1982, сс. 82-83).

³² Монголы умело воспользовались трениями среди горской знати, послав, например, воинов аланского князя Матарша на Магас, а аварские отряды — на Кумух. Причем, Матарша был начальником авангарда у Монкэ, штурмовавшего Магас. В Матаршу «попало две стрелы, но, вооружившись храбростью, он овладел городом» (**Иванов** 1914, с. 299).

³³ Хулагу — монгольский «князь», внук Чингис-хана, завоеватель Ирана и Закавказья, основатель и первый правитель монгольской державы в Иране, ильхан [1258-1265].

II. Северный Кавказ в золотоордынский период: основные проблемы экономики.

Предварительные замечания. Летом 1240 г. чингизиды в основном закончили покорение Северного Кавказа. Какая-то часть знати местных народов перешла на сторону врага. За службу захватчикам феодалы получали подтверждение своих владельческих прав на уделы, награды и должности, дорогие подарки. Так поступила часть представителей аланской знати. Когда тумены Субудая, вступив в страну асов и пределы Булгара, дошли до Булгара Великого, «тамошние вожди Боян и Джикю изъявили царевичам покорность, были [щедро] одарены и вернулись обратно» (*Тизенгаузен* 1941, с. 35). Аналогичным образом поступила и часть представителей аланской знати. Китайская хроника «Юань-ши» прямо указывает на это: «асский правитель Хан-Ху-сы со своим народом подчинился Угэдэю», как только монголы достигли границ его владений. За это феодала возвели в звание «бадура», пожаловали золотую пайцзу и «оставили властвовать... над землей и народом». Вскоре по указу завоевателей он набрал «войско асов в 1000 человек», а его сын Атачи находился «в свите и сопровождал государя в походе». В 1283 г. Бодару пожаловали тигровую пайцзу, назначили командиром гвардии и главнокомандующим «отдаленных сторон». На службу татарам перешли Арслан, Илья-багадур, Юй-ва-ши, Негулай, Коу-эр-цзы, Фу-дэ-лай-сы, Бадур, Матарша, У-цзор-бу-хань и еще 20 знатных асов. Они также сохранили свои сословные привилегии, а богатства приумножили. Например, Менгу «выдал Арслану грамоту на управление народом асу». Упомянутому выше Атачи хан Хубилай «пожаловал 500 лан серебра и 3500 связок ассигнациями, а также 1620 дворов из числа усмиренных жителей» (*Иванов* 1914, сс. 281-300). В монголо-китайской империи аланы составили отборную пекинскую гвардию численностью, по преувеличенным, очевидно, данным И. Мариньоли, более 30 тысяч воинов.

По сообщению византийского историка второй половины XIII в. Георгия Пахимера, социальные верхи алан, зихов, готов,

русов и других, изучив язык, переняв обычаи и нравы татаро-монголов, стали их союзниками (**Кузнецов** 1971, с. 43). Вассалы Золотой Орды нередко собирали дань со своих соплеменников. Например, Менгу назначил некоего Аргуна главным сборщиком налогов в «западных странах», а в 1255 г. отправил вместе с другими чиновниками произвести перепись «покоренных народов», в том числе население Северного Кавказа. На службе у ханов находилось и духовенство захваченных районов (**Хизриев**, 1979, сс. 4-35).

Татаро-монгольская агрессия и сословная политика ханов нашли отражение и в устной традиции. В частности, в нартовском эпосе в сказании о войне между Ахсартагата и Бората фигурирует Сайнаг-алдар. Это имя представляет собой передачу монгольского почетного имени Батыя — Саин-хан «славный хан». Образ Сайнаг-алдара и его действия служат иллюстрацией политики ханов Золотой Орды: образование и стравливание группировок в стане своих противников. Сайнаг-алдар помогает одному объединению нартов в борьбе с другим, во главе с Хамыцем, которого он и убивает (**Абаев** 1978, сс. 21-22; 1982, с. 82-83).

Часть населения Северного Кавказа продолжала сопротивляться захватчикам, что проявлялось в разных формах и охватывало все слои населения, в том числе и господствующие. Одна из форм — уход с захваченных территорий. «Картлис цховреба» сообщает, что «между 1257 и 1264 гг. пришли Осетины [в Грузию — Ф. Г.], преследуемые Берка-ханом». Среди них находилась «удивительная женщина по имени Лимичав и она привела с собой малолетних детей родом ахсарфкянов: первенца Фареджана и младшего — Багатара и много князей» (**Гутнов** 1993, сс. 80-83). Значительные контингенты алан во второй половине XIII — первой половине XIV вв. появились в Молдавии, на Балканском полуострове и в Венгрии (**Кузнецов** 1971, сс. 43-44). В Венгрии они поселились в центре страны на плодородных землях, которые указом короля закрепились за ними (**Кузнецов** 1985). Солидная группировка алан нашла убежище в Византии, с которой на протяжении многих веков Алания поддерживала

дружеские отношения. По сообщению Никифора Григора, аланы тайно послали посольство в Константинополь с предложением перейти на службу. «Император благосклонно принял их и более 10 тысяч алан прибыло в Византию с женами и детьми»¹ (**Кузнецов** 1971, с. 44).

Аланы, осевшие в горных ущельях, вместе с другими народами Кавказа продолжали вооруженную борьбу с завоевателями. Степанос Орбелян в «Истории Сюника» повествует о выступлении против татар объединенного войска, во главе которого стоял «молодой грузинский царь Давид, сын Деметра». Он «завладел Аланскими вратами, которые в древности назывались Дариал,... оттуда он изгнал татарскую стражу» (**Армянские...** 1975, в. III, с. 26).

Всякое мало-мальски широкое выступление монголы жестоко подавляли. С этой целью враждовавшие между собой джучиды Золотой Орды и хулагиды Ирана на рубеже XIII-XIV вв. объединили свои силы. В 1301 г. монгольский правитель Ирана Газан-хан истребил многих повстанцев Дагестана, «которые с давних пор, бунтуя и восставая, скрывались в неприступных горах». Крупное восстание вспыхнуло в аланском городе Деякове. Единственное известие об этом содержится в Воскресенской летописи. «В лето 6785 [1277]» пришли в Орду князь Борис Ростовский с братом Глебом и сыном Михаилом, князь Федор Ярославский. Князя с ханом «Менгутемиром поидоша на войну на ясы, и приступиша рустии князя² ко ясскому городу ко славному Деякову, и взяша его месяца февраля 8» (**Скитский** 1949, сс. 35-36). Таким образом, дата падения города известна, но начало восстания точно установить пока не удастся.

Из других выступлений горцев Северного Кавказа необходимо упомянуть о восстании черкесов³ в 1327 г., во время которого предводитель монгольского войска Хасан по одним сведениям был убит, по другим источникам — смертельно ранен (**Тизенгаузен**, 1941, сс. 92, 143).

Информация о сопротивлении горцев монголам распространилась по всей Европе и достигла берегов «туманного Альбиона». Напомним, что Роджер Бэкон в «Великом сочинении»

среди народов Кавказа отметил *алан* и *асов*. Последние «христиане и принимают всех христиан, равно как латинских, так и греческих, то есть они — не схизматики. И они борются против тартар; также и аланы. За ними на восток живут сарацины, именуемые лелги [лезги, лезгины — Ф. Г.], ведущие войну с тартарами из-за плодородной земли» (*Матузова*, 1979, с. 214).

В другом сюжете Бэкон уточнил: «И турецкий султан, и царь Армении, и государь Антиохии, и все государи на востоке, вплоть до Индии являются их подданными, за исключением немногих, живущих или слишком далеко, или в неприступнейших горных местах, которые они не могут одолеть» (*там же*, с. 217).

В результате «кавказского» похода монголов жизнь в регионе была подорвана, но не прекратилась вовсе. Об этом можно судить хотя бы по свидетельству Плано Карпини. Выехав из Киева 4 февраля 1246 г. он за два месяца [4 апреля 1246 г.] добрался до Волги, где находилась ставка Батыя. По пути к хану Золотой Орды Карпини встречался с «иными варварскими народами». Первый привал он со своими спутниками провел в селении «по имени Канов, которое было под непосредственной властью татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан по имени Михей». 23 февраля 1246 г., когда посланцы Папы Римского остановились на ночлег, на них «ужасным образом ринулись вооруженные татары, спрашивая, что мы за люди. А когда мы ответили, что мы послы Господина Папы, то они тотчас удалились, получив от нас кое-что из съестного». Утром следующего дня навстречу итальянцам выехали «старейшины [монголов — Ф. Г.], бывшие на заставе». После разъяснения цели посольства, «дав подарки и получив для подвод лошадей, с которых слезли они сами, мы [члены посольства — Ф. Г.] поспешили с их провожатыми отправиться к Коренце». Последний, по словам Карпини, предстает как «вождь», являвшийся «господином всех, которые поставлены на заставе против всех народов Запада, чтобы те случайно не ринулись на них неожиданно и врасплох; как мы [послы] слышали [курсив мой — Ф. Г.], этот вождь имеет под свою власть шестьдесят тысяч вооруженных людей» (*Плано Карпини*, 2005, с. 300).

От Коренцы посольство «поспешно отправилось» к Батыю, «проезжая столько, сколько лошади могли пройти вскачь, так как обыкновенно у нас бывали свежие лошади три или четыре раза всякий день, мы ехали с утра до ночи, а, кроме того, весьма часто и ночью, но не могли добраться до него ранее Страстной недели. Ехали же мы через всю страну команов, представляющую собой сплошную равнину и имеющую четыре большие реки: первую Днепр [Nepř], возле которой, со стороны России, кочевал Коренца, а с другой стороны по тамошним степям кочевал Мауци, который выше Коренцы; вторую — Дон, у которой кочует некий князь по имени Картан, женатый на сестре Бату; третью — Волгу, эта река очень велика, у нее переходит с места на место Бату; четвертая называется Яик [Jaes], у нее переходят с места на место два тысячника...» (*там же*, сс. 302-304).

Сохраняет актуальность вопрос о веротерпимости ильханов и джучидов как одного из методов утверждения своей власти в покоренных землях. В этом отношении привлекает внимание рассказ Рубрука о посещении «дома Сартах». В присутствии католических посланцев Сартаху поднесли «Псалтырь, который тот усердно рассматривал, равно как и жена его, сидевшая рядом с ним. Затем Койяк принес Библию, и тот сам спросил, есть ли там Евангелие. Я сказал, что там есть [не только Евангелие], а даже все Священное Писание. Он взял также себе в руку крест и спросил про изображение, Христа ли оно изображает. Сами несториане и армяне никогда не делают на своих крестах изображения Христа... После того Сартах приказал удалиться всем окружавшим нас, чтобы иметь возможность полнее рассмотреть наше облачение». Затем Рубрук подал Сартаху папскую грамоту «с переводом по-арабски и сирийски... при дворе Сартахы были армянские [hermeni] священники, которые знали по-турецки и по-арабски, и... товарищ Давида, который знал по-сирийски, по-турецки и по-арабски». Послушав перевод грамоты, Сартах приказал принести хлеб, вино и плоды, а облачения и книги приказал нам отнести в наше помещение» (*Гильом де Рубрук*, 2005, сс. 340-341).

Рубрук резко критиковал несториан, упрекая их в распространении неверных сведений, иногда «вдесятеро больше, чем

согласно было с истиной». Несториане «из ничего... создают большие разговоры, поэтому они распространили и про Сартаха, будто он христианин; то же говорили они про Мангу-хана и про Кен-хана, потому только, что те *оказывают христианам большее уважение, чем другим народам* [курсив мой — Ф. Г.]; и, однако, на самом деле они не христиане» (*там же*, с. 342).

Возможно, с религиозным фактором связана подвижность границ между кавказскими владениями двух династий чингизидов. Данная гипотеза подтверждается миссионерской деятельностью Пимена Гареджийского в ряде районов горного Дагестана, и пропагандой католиков в районе Дарьяла (*Нарожный*, 1987, с. 59). В этой связи внимание исследователей привлек вопрос исторической атрибуции Нижнего Архыза. Как известно, здесь и после походов татаро-монголов жизнь продолжалась. На это указывают погребения XIV в., находки золотоордынской поливной керамики, упоминание в актах Константинопольской патриархии Аланской епархии и т.д. Из последней группы свидетельств обратим внимание на датированный 1365 г. акт № 152. В нем упоминается о синодальном низложении аланского митрополита Симеона — трапезундского грека. Этот факт Е. И. Нарожный рассматривает как начало охлаждения алано-византийских отношений. Отметив, что в XIII-XIV вв. Византия выступала союзницей ильханов, исследователь отстаивает спорную, на наш взгляд, идею. По его мнению, «получение Симеоном ярлыка от Золотой Орды, по видимому, надо расценивать как показатель начала активного проникновения джучидов в горную зону современной Карачаево-Черкесии, и прежде всего — на Нижне-Архызское городище...» (*там же*).

Однако, изменение ситуации, включая взятие Константинополья крестоносцами после штурма 1204 г., и распад империи, не прервали связи между Византией и Аланской епархией. Не прекращались попытки слияния кавказских кафедр и создания единой крупной церковной организации. Так, в 1347 г. решением Синода митрополия Вичины «была соединена с Аланией под греческим именем Сотириуполь, в результате чего митрополит Вичины остался без средств». Это событие подтверждено в

письме митрополита Алании того же года. В нем речь идет о «недавнем соединении» митрополий Алании и Сотириуполя. Аланский митрополит не знал, «кого из своих предшественников посвятить законно в патриархи» (*Кузнецов*, 1992, сс. 323-324).

Обращают на себя внимание смелые действия Симеона: самовольное рукоположение архиереев на Кавказскую митрополию и Сарай — столицу Золотой Орды, подчинение себе прихода Танаис на Нижнем Дону, незаконные поборы. Согласимся с Кузнецовым: Симеон беспрепятственно нарушал бытовавшие в Константинополе патриархальные порядки; в середине XIV в. сфера влияния Аланской епархии значительно расширилась. Какое-то время в нее входили значительная часть Северного Кавказа, некоторые районы Поволжья и Нижнего Дона. Очевидно, управление столь обширной территорией из малоазийского Сотириуполя было возможно лишь при наличии церковного аппарата на местах (*там же*, с. 325).

II. 1. Географический фактор. В историографии неоднократно отмечалась роль географического фактора в состоянии экономики того или иного региона. Поэтому мы лишь кратко, на примере Северо-Восточного Кавказа, остановимся на этом вопросе.

По М. Гаммеру, Дагестан [«Горная страна»] представлял собой «треугольник, стороны которого образуются Главным кавказским хребтом на юго-западе, Андийским хребтом на северо-западе и Каспийским морем на востоке. Внутренний или Нагорный Дагестан — это сплошные горы, высотой две-три тысячи метров с единственным выходом по глубокому и узкому ущелью реки Сулак». Эта область сложилась из «асимметричных, треугольных в сечении хребтов с заостренными гребнями и высоких... плато». Как правило, они обрываются в пропасти, чаще всего непроходимые, что придает этой стране «еще более дикий вид» (*Гаммер*, 1998, сс. 29-31). По меткому выражению Марлинского, «сам дьявол должен быть министром путей сообщения в Дагестане». Точность такой оценки подтверждает Дж. Бэддли, в 40-х гг. XIX в. писавший: Внутренний Дагестан представляет собой «хаотическое скопление утесов, чаще все-

го испещренных промытыми водой глубокими расселинами». Картину дополняли плоды деятельности человека «в виде дорог, скорее пригодных для горных козлов, чем для людей [курсив мой — Ф. Г.]; в виде террас, вырубленных на горных склонах ценой невероятных усилий для выращивания сельскохозяйственных культур». На севере и востоке Внутреннего Дагестана склоны хребтов покрыты широкими полосами лесов, особенно характерными для Кайтага и Табасарана. Территория предгорий «постепенно переходит в полупустынную Кумыкскую равнину» (*там же*, сс. 31-33).

Аналогичные характеристики природе Северо-Восточного Кавказа даются и другими авторами. «В самом центре Дагестана, — писал один из них, — в верховьях реки, известной у нас под названием Казикумухского Койсу, живет особое племя, называющее себя Лакъ или Лахъ... Страна лаков состоит из множества ущелий... от долины Самура она отделяется высоким хребтом, параллельным главному Кавказскому хребту... такие же хребты, но несколько ниже, отделяют лаков от соседей — кюринцев, даргинцев и аварцев. Через все эти горы есть только три тропинки, по которым... возможен доступ во внутрь страны». Причем, на каждом из трех направлений «встречается множество мест, удобных для упорной защиты и трудно обходимых» (*А. К.* 1869, сс. 3-4).

Краткую оценку водных ресурсов южных районов России привел Ибн Са'ид⁴. В его «Географии» несколько раз упоминаются река *Атил* и стоявшие на ней города. Ибн Са'ид приводит традиционные для арабской литературы сведения, согласно которым «*Атил* — это большая река, текущая с севера и впадающая в Каспийское море». Наряду с «Большим Атилом», собственно Волгой и ее притоками, называется и «Малый Атил», отождествляемый с Тереком (*Коновалова* 2004, сс. 226-227).

Еще одна крупная река *ал-Ганам*. Ее истоки находятся на «горе языков», а впадает она — «в Хазарское море к востоку от города Матраха. Это большая река, зимой [она замерзает и] вьючные животные переправляются через нее. К югу от нее [в море] впадает река Малый Атил, которая ответвляется от реки

Большой Атил и течет южнее реки ал-Ганам... Армия Хулавуна⁵ переправлялась через обе эти реки, для того чтобы сразиться с войском Берке⁶. На обратном пути воины Хулавуна утонули в реке ал-Ганам, а те, которые спаслись, затем утонули в другой реке: они переправлялись через нее по льду и провалились в воду⁷. Говорят, будто и сейчас в этих двух реках находят панцири и кольчуги» (**там же**, с. 228).

Гидроним *ал-Ганам* переводится как «Баранья [или «Овечья»] река». Спорной представляется идея В. А. Кузнецова, обратившего внимание на сохранившийся в бассейне Кумы гидроним с древнеиранским названием «Фисты» [ср. с осетин. *fysty/fusti* — «овечий»]. Так называется западный приток р. Подкумок, который, в свою очередь, является правым притоком Кумы. В конечном итоге Кузнецов приходит к выводу о том, что название реки *ал-Ганам* у Ибн-Са'ида относится не к Куме, а к Подкумку (**Кузнецов** 1971, с. 151). С таким выводом не согласилась **И. Г. Коновалова** (2004, с. 228-229), «поскольку у Ибн-Са'ида сказано, что это большая река, и что она впадает в море, т.е. совершенно очевидно, что имеется ввиду участок реки, включающий ее каспийское устье». Коновалова не согласилась и с предложенным **В. Ф. Минорским** (1963, с. 119) отождествлением р. *ал-Ганам* с р. Койсу. Последняя орошает центральные районы Дагестана и не имеет выхода к морю, в то время как у Ибн-Са'ида данная река впадает в Каспий. Этноним и ороним следует читать как *ал-Лакз*; последним термином в XIII-XIV вв. восточные авторы обозначали лазов и лезгин (**Коновалова** 2004, с. 233).

Среда обитания лакцев совершенно безлесна; «удобные для хлебопашества земли находятся только на дне ущелий и небольшими клочками разбросаны по ближайшим к ним уступам гор... обширные пастбища, находящиеся на вершинах хребтов», позволяли держать на них «летом значительные стада баранов, но недостаток зимних пастбищ и невозможность заготавливать на зиму достаточное количество сена не позволяют овцеводству развиваться... до такой степени, чтобы оно, вместе со скудным хлебопашеством, могло обеспечить существование значительного, по пространству, населения» (**А. К.** 1869, с. 4).

Невозможность прокормиться за счет собственной экономики, вынудила лакцев «добывать хлеб на стороне различными способами: они посылали постоянно партии для грабежа в Грузию и Ширван... занимались работой и торговлею почти во всех горных обществах Дагестана... в смутные времена охотно нанимались, за ничтожную плату, воевать с кем угодно» (*там же*).

Географическая среда наложила отпечаток на структуру хозяйства всех горских народов. Занятая ими территория — это «горы высоких и скалистых хребтов», удерживавших «малопродуктивный характер почвы... и только самое дно ущелий и прилегающие к нему низменные части боковых скатов представляют удобства для земледелия, но не иначе, как при тщательном удобрении земли, а местами и при искусственном орошении» (*Гаврилов*, 1869, с. 10).

Тот же автор отметил, что по «естественным условиям местности, для жителей горских обществ *единственным источником их богатства* может служить *только скотоводство* [курсив мой — Ф. Г.], ибо, при скудной, малопродуктивной почве занятых ими земель, они не могут существовать земледельческим трудом». Собранного в горах ячменя «в обыкновенные годы достает для горского населения только на два месяца». Пшеница попросту не успевала созреть (*там же*, сс. 11-12).

Из примеров более поздних времен, отметим описания природной среды и ее влияние на сельское хозяйство горцев. Так, в ходе экспедиции по горному Дагестану осенью 1867 г. Н.И. Воронову удалось «собрать значительное количество данных, касающихся экономической стороны... жизни». Причем, его поразило состояние коммуникаций горного Дагестана, представлявших собой узкие тропинки, крутые подъемы и спуски (*Воронов* 1868, с. 3, 5). Вместе с тем, «здесь природа далеко не так скудна и сурова, как она кажется на первый взгляд». Голых скал без всякой растительности «здесь совсем не видно; напротив, все вершины и скаты гор покрыты тучными лугами». По берегам горных рек «произрастают хорошие дровяные леса, нередко перемежаясь строевыми деревьями.

Тучный чернозем и обилие влаги дают здесь урожаи сам 15-20, так что дидойцы избыток хлеба сбывают в соседнюю Капучу». В окрестных горах обильный корм находят не только местные, «но и чужие стада, так что дидойцы получают известный избыток [сабалахо]. Суровые и продолжительные зимы ставят «дидойцев в постоянную зависимость от Алазанской долины», где большую часть года пасутся их стада. Территория Аварии, напротив, в значительной части относилась к т.н. «Черным горам», не приспособленных для хозяйственного использования (*там же*, сс. 21-22, 24).

Дидойцы сами себя называют *цеза* т.е. «орлы». Хотя «по виду они гораздо правильнее *цунта*, т.е. оборванцы, как их и величают неделикатные соседи». Угодья дидойцев — «альпийская, луговая полоса гор». Дидойцы жаловались на свою судьбу: «и хлеба у них своего на год не станет и овцы мало, и лес плох, и пастбищ не хватает... Словом, жить совсем плохо». Однако при ближайшем знакомстве выяснилось, что «дидойцы даже продают избыток хлеба от своих урожаев, и что овец у них вдоволь, и лес есть, и пастбищ не мало». Они сеяли ячмень, пшеницу, весьма редко — бобы; урожаи зерновых доходили до сам 15-20, стада их увеличиваются с каждым годом. По статистическим данным середины XIX в. за 10 лет поголовье скота «увеличилось примерно в 8 раз» (*там же*, сс. 12-14).

Гидатлинское общество располагалось в одноименной котловине. Поделенная на маленькие участки, она требовала больших усилий для ее сохранения в качестве сельскохозяйственной территории. Практически постоянно горцам приходилось собирать камни, которыми обрамлялись границы участков. В результате вся гидатлинская котловина представлялась «поделенною этими оградами на множество мелких участков, промеж которых белеют камнями же усеянные дороги и тропинки. Каждый такой участок осенен... несколькими фруктовыми деревьями...» (*там же*, с. 26-27).

Для определения «степени благосостояния такого близкого к природе, такого наивного общества, как Гидатлинское, довольно принять во внимание количество тех благ, которые служат

для удовлетворения самых первых, самых насущных потребностей. Количество скота, величина земельного надела, качество урожая — вот главные показатели народного довольства». За неимением статистических данных средневекового периода, воспользуемся материалами третьей четверти XIX в. При этом мы понимаем, что проецирование в прошлое более поздних данных, конечно, не даст полной картины интересующих нас процессов.

Самый богатый из Гидатлинских населенных пунктов — Орода — состоял из 272 дворов, «с населением слишком в тысячу душ». Площадь пахотных участков позволяла засеять 2600 саб или 285 четвертей зерна. При среднем урожае [сам 5] с полей собирается до 12-ти тыс. саб, т.е. более, чем по 40 саб на двор или по 12 саб на душу. Такое количество хлебных продуктов представляется «весьма недостаточным». Между тем, по официальной статистике, дневной рацион в два раза меньше вышеприведенного; «каждое семейство [среднее] обеспечено 40 сабами зерна, 5-ю штуками рогатого скота и 8-мью баранами» (*там же*, сс. 27-28, 29). Но и эти цифры не отражают реальную картину. Хорошо известно, как земская статистика подходила к экономическим выкладкам. «Средняя» цифра не учитывала существование нескольких групп, «экономический паспорт» которых в достаточной мере отличался от других. Причем, такие группы бытовали и среди феодалов, и среди крестьян.

Благоприятные природно-географические условия отличали территорию кумыков. «Представляя совершенную равнину, прорезанную в некоторых местах вытекающими из гор реками, Кумыкская плоскость покрыта наносною с гор почвою, плодородие которой делает эту местность одною из лучших на Кавказе. Умеренный климат... вполне благоприятствует не только обширному производству различных сортов хлеба, но и разведению других, почти тропических растений» (*Гаврилов* 1869, с. 37).

Однако в реальной практике не все обстояло так гладко. Под воздействием восточных ветров равнинные земли подвергались засухам. Из-за отсутствия искусственного орошения

значительная часть названной территории получила «степной характер» и использовалась «только под пастьбу скота или же оставалась вовсе в запустении». Использование же в некоторых местах орошаемого [«водопроводными канавами»] земледелия «всегда вполне вознаграждали и поощряли труд; но, тем не менее, состояние сельского хозяйства» у кумыков «*всегда* [курсив мой — Ф. Г.] находилось, несмотря на естественные богатства... далеко не в цветущем положении» (*там же*).

После различных по времени и мощи ударов кочевников характер экономического ранжирования на Северо-Восточном Кавказе претерпел заметные перемены. «Традиционные связи горных районов и равнины были разрушены». Это привело к существенным изменениям «в соотношении видов хозяйственной деятельности — скотоводства и земледелия — в пользу последнего». В дагестанской историографии данное явление связывают «с земледельческим освоением части земель, ранее занятых под пастбища». Значительно выросло число террасных участков. С этими же процессами историки связывают миграцию населения с земледельческими традициями из районов военных действий, особенно в XIII-XIV вв., в предгорные и горные районы. Это, в свою очередь, скорректировало роль земледелия в структуре хозяйства и демографическую ситуацию в горных районах. В конечном итоге все это сказалось на социальной и этнической структуре отдельных аулов, в возникновении новых населенных пунктов «по чисто территориальному принципу» (*Шихсаидов*, 1984, сс. 367-368).

II. 2. Структура хозяйства (на примере Северо-Восточного Кавказа). Татаро-монголы нанесли ощутимый удар по экономике Дербента и его округи. Весной 1239 г. город пал. По свидетельству *Гильома Рубрука* (1957, сс. 186-187), Дербент разрушили едва ли не до основания; башни и стены — сравняли с землей.

Мухаммед Рафи сообщает о Дербенте как о своего рода базе татаро-монголов. «Отсюда они совершали набеги в разные районы Дагестана». В населенных пунктах Табасарана и Кайтага большинство жителей было уничтожено, селения сожжены (*Ичалов*, 1980, с. 120).

Постоянный грабёж скота привел к резкому сокращению сельскохозяйственного производства. Кризисные явления в скотоводстве, в свою очередь, отразились на земледелии. Элементарное отсутствие тягловых животных привело к возврату ручной обработки земель, сокращению посевных площадей, и, как следствие, к резкому ухудшению положения самого народа (*там же*, с. 121). О масштабах людских потерь свидетельствуют практически все авторы той эпохи. Так, по свидетельству Рашид-ад-Дина, в период монгольских завоеваний население городов и областей истреблялось столь безжалостно, что редко кто-либо оставался в живых (*Рашид-ад-Дин*, 1946, с. 309).

В конечном итоге, подчеркнул Г. Х. Ичалов со ссылкой на Казвини [1275 г.], население равнинного и предгорного Дагестана, «вследствие притеснений и прохождения войск, прекратило заниматься хлебопашеством» (*Ичалов*, 1980, с. 126).

Хулагиды, совершая походы на Дербент, нередко нападали и на соседний Кайтаг, правитель которого был союзником Золотой Орды. Междоусобицы монголов отражались и на жителях дагестанских обществ. И. П. Петрушевский отмечал по этому поводу: «джучиды и хулагиды вели частые войны на территории стран Восточного Закавказья и подвергали их все новым и новым опустошениям» (*Петрушевский* 1970, с. 230).

Правда, Дагестан, как пограничная область, был весьма важен для татаро-монголов. Поэтому и джучиды, и хулагиды стремились заручиться поддержкой местной знати. С этой целью применялась практика раздачи ярлыков на владение. Один из них, выданный Батыем, сохранился у аварского хана. В 1727 г. он показал И. Н. Березину «письмо [ярлык? Ф. Г.], данное одному из его предков Батыем в XIII в. на ханство Аварское» (*Ичалов* 1980, с. 124).

К середине — началу второй половины II-го тысячелетия социально-экономическая жизнь равнинного Дагестана стабилизировалась. Здесь уже не было условий для интенсивного развития скотоводства⁸. Население равнины постепенно вернулось к традиционной форме деятельности — земледелию. Утверждение специализации хозяйства на производстве зерна

обусловило здесь рост поголовья крупного рогатого скота. Это, в свою очередь, вызвало перемены в структуре хозяйства горцев, которые увеличили размеры пастбищ, сократив площади обрабатываемых террас (*История Дагестана* 2004, с. 236).

Историки, археологи и этнографы Дагестана «проследили процесс забрасывания террасных участков в XIII-XV вв., превращения их в пастбища». Это связано «со специализацией отдельных естественно-географических зон на производстве зерновых или же на животноводстве по преимуществу» (*Шихсаидов* 1984, с. 396).

II. 3. Роль торговли. В хозяйственной жизни Дагестана XIII-XV вв. существенно возросло значение внешней и внутренней торговли. Напомним, что до XIII в. связи Востока с Западом нередко осуществлялись по стратегическим магистралям Северного Кавказа. Дагестан в этой торговле играл значительную роль. Информация Ибн-Са'ида позволяет уточнить некоторые детали состояния экономики и торговли на Северо-Восточном Кавказе. В своей «Географии» он писал о Трапезунде [*Атрабзунда*]: «Атрабзунда — известный порт, на *рынки* которого *стремятся иноземные купцы* [курсив мой — Ф. Г.] из [разных] стран. Большинство его жителей — [из народа] ал-лакр. Его называют Горой языков из-за множества наречий, распространенных там. Эта гора соединяется с горой ал-Баб ва-л-Абваб» (*Коновалова* 2004, с. 233).

Азовское море Ибн Са'ид назвал «Русским». Данный гидроним в X в. известен арабу Масуди, древнерусской «Повести временных лет», еврею [Вениамину Тудельскому]. С XIII в. этим названием пользуются и западноевропейцы, в первую очередь, те, кто с торговыми целями получил доступ к портам Северного и Северо-Восточного Причерноморья. В итальянских навигационных пособиях [морских картах и портоланах] «с конца XIII в. фиксируются многочисленные топонимы с корнем 'рос' в бассейне Азовского моря». И здесь следует неожиданный вывод: «По-видимому, с этой топонимикой, а не с более ранними арабскими источниками, и следует связывать название Азовского моря 'Русским' у Ибн Са'ида» (*там же*, с. 221).

Арабской географической традиции Каспийское море известно под названиями «Табаристанское», «Хазарское» или «Дербентское». К XIII в. относятся данные, приведенные Ибн Са'идом. «К востоку от него [города *ал-Баб* — *И. К.*] в море Табаристана [выступает] полуостров ал-Баб. Там множество лугов, где пасут скот жители [города]» (*там же*, с. 222).

Карпини обратил внимание на отношение монголов к ремесленникам: «они забирают *всех лучших ремесленников* [выделено мной — Ф. Г.]...» (*Плано Карпини* 2005, с. 287).

Основным центром ремесла и торговли оставался Дербент. Барбаро писал по этому поводу: товары из Дербента доставлялись в Тану, а оттуда на венецианских галерах — в европейские страны. Батый, Хулагу и их наследники в разное время владели Дербентом, чеканили свои монеты. Это указывает на сохранение столь крупным военно-политическим центром и торгово-экономических функций.

Еще одним торговым центром являлся средневековый Кумух. Эта функция сохранилась за ним и после включения Дагестана в состав Российского государства. Как отмечали современники той поры, «главное значение лаков в среде дагестанских горцев заключается в их торговой и промышленной предприимчивости. Главное селение их Кумухъ [Гумук] славится своими базарами и в народе величается городом [шагаръ]» (*Казикумухские*... 1868, с. 45).

Здесь же напомним, что во многих социумах Дагестана в золотоордынский период заметно укрепилась позиция ремесленников. «В Дербенте в объединениях, возглавляемых раисами, основную силу составляли ремесленники. В случае необходимости, торговый и ремесленный люд выступал в роли воинов». Наряду со своими основными функциями, купец и ремесленник «представляли собой... внушительную военную силу, часть... дружины города. Торговец и ремесленник становились одновременно и воинами» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 277).

При хане Узбеке [1312-1342 гг.] Золотая Орда достигла своего политического и экономического расцвета, оптимальной

внешнеторговой деятельности. Существенно выросло и значение Дербента. Генуэзские купцы в конце XIII-XIV вв. хорошо знали не только Дербент, но и все Каспийское побережье (**Зевакин, Пенчко** 1938, с. 90). Карта 1367 г., составленная итальянцами, братьями Франциско и Доменико Пиццигани, и «Каталонский атлас» 1375 г. свидетельствуют о хорошем знании итальянскими купцами территории Дагестана. Значительная часть из 40 городов, отмеченных на карте братьев Пиццигани, локализована по берегам Волги. На западном побережье Каспия располагалось несколько городов, включая Дербент (**там же; Егоров** 1985, сс. 134-135). На анонимной карте итальянских купцов, составленной в 1351 г., на относительно небольшом пространстве от Терека до Дербента обозначено 10 пунктов. К сожалению, их названия до сих пор не поддаются прочтению. То же самое можно сказать и о названиях поселений [за исключением Тарки], нанесенных на «Каталонский атлас» 1375 г.: Фабинаж, Кубене, Тарки, Башциай, Цицие, Кобасо, Бурх, Барса, Абскаих, Сасах. Все они располагались на пространстве от Аджитархама [Хаджи-тархан — Астрахань⁹] до Дербента.

Образование двух монгольских социумов — Золотой Орды¹⁰ и государства Хулагидов — отразилось на экономике народов Северного Кавказа. Многие районы, особенно равнинного Дагестана, страдали от постоянных набегов то одной, то другой стороны. В 1318 г. золотоордынский хан Узбек совершил опустошительный набег в пределы Южного Дагестана и Ширвана (**Тузенгаузен** 1941, с. 86). А в 1325 г. уже хулагиды напали на подконтрольные золотоордынцам земли Северного Кавказа, дойдя до Терека. Один из авторов XIV в., Казвини, писал: эмир Чупан во главе войска хулагидов, «разгромив Узбека и опустошив все на своем пути, дошел до берегов Терека, [ильханские] войска жестоко расправились с населением городов, деревень, убивая их, беря в плен, опустошая и грабя местность» (**там же**, с. 92).

II. 4. Природные аномалии. Эпидемии. Голод. Экономика Кавказа, впрочем как и любого другого региона, страдала от природных катаклизмов, стихийных бедствий и различных эпидемий. У европейских народов они отражены в письменных

памятниках. На Северном Кавказе аналогичных свидетельств очень мало. Тем значимей становится подборка Лаврова.

Изучение городища Лыгыт в Чегемском ущелье Балкарии показало, что начиная с рубежа I-II-го тысячелетий оно подвергалось ударам стихии. Первое разрушение произошло в X в. «в результате землетрясений, горных обвалов и сильных селей... Завершение селевого напластования относится к XII в.... По всем данным, селевые напластования происходили одновременно с землетрясениями и обвалами, которые... повторялись периодически [курсив мой — Ф. Г.]» (**Лавров** 1984, с. 66).

В арабской надписи на камне в сел. Ихрек [Рутул] говорится, что в 1240 г. был восстановлен минарет, «ранее разрушенный землетрясением». Надпись на персидском языке на соборной мечети Дербента сообщает о ее восстановлении в 1368/69 г. после «падения», возможно от землетрясения.

В письме начала XIII в. французского крестоносца Г. де Буа архиепископу Безансона Амедея де Тремеле упоминается «землетрясение силы никогда еще не слыханной [курсив мой — Ф. Г.]». По косвенным данным, это событие произошло в одном из районов современной Турции незадолго до «вигилия» [22 июня] святого Иоанна Крестителя [праздник в его честь отмечается 24 июня]. «Бедствия было столь сильным, что многие города и крепости обрушились, а два города и аббатство близ города по имени Финедельфа погибли со своими обитателями, поглощенные пропастью, да так, что от них одно ровное место осталось» (**Ватейшвили** 2003, с. 137).

Страшная эпидемия, названная «Черной смертью», неоднократно отмечена в письменных источниках и фольклоре. Например, в исторических преданиях жителей Чегемского ущелья говорится, что его население, «жившее здесь до прихода балкарцев, поголовно вымерло от моровой болезни» (**Лавров** 1982, с. 41). С 1290 г. и на протяжении всего XIV в. на Западе поддерживалась потребность в рабочей силе, вызванной эпидемией «Черной смерти» (**Алемань** 2003, с. 227). Последствия Черной смерти 1348 г. сказывались и спустя несколько лет. После возвращения в 1353 г. брата Иоанна из Мариньоли в Авиньон,

орден не смог удовлетворить просьбу папы Иннокентия VI об организации новой экспедиции в Ханбалык. Дело в том, что «Черная смерть 1348 г. произвела в Ордене такое опустошение, что было невозможно послать новую экспедицию до окончания 1369 г.» (*там же*, с. 229).

Аналогичная эпидемия отмечена в 1353 г. на Руси. Двое из трех сыновей Калиты, великий князь Семен и Андрей, «умерли от мора» (*Пчелов* 2008, с. 27).

В конце XIV в. эпидемия чумы поразила Азию и Европу, в том числе Кавказ. Русская летопись под 1346 г. писала: «бысть мор на бесермены, и на татары, и на ормены, и на обезы, и на жиды, и на фрязы, и на черкасы, и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати». Очевидно, к Северному Кавказу имеет отношение еще один летописный сюжет, датированный 1364 г. «Бысть на люди *мор велик*... Приде же сиа *казнь* [курсив мой — Ф. Г.]... снизу... к Новугороду к Нижнему» (*Лавров* 1984, с. 66).

Старинная арабская запись, найденная в Дагестане, сообщает о том, что в 1378/79 г. здесь свирепствовала «большая чума». В сел. Кубачи сохранилась надпись 1404/05 г. о сооружении там медресе «в дни поражения этой страны чумой». Согласно арабскому автору ал-Макризи, моровая язва распространилась «в землях Сарайских и Дештских», т.е. в Золотой Орде. Интересны показания русского путешественника [1436-1447 гг.] о Дербенте: «в первобытные лета бывал город и измер в моровое поветрие и запустел». Надписи на могильных камнях в Кумухе [1450 г.] и Табасаране [1471/72 или 1490/91 г. и 1497/98 г.] указывают на эпидемию, унесшею значительную часть населения (*там же*).

В августе 1500 г. великому князю московскому Ивану III писали о голоде в Крыму: «Орду сказывают в Пяти Горах под Черкасы, а голодну кажут и безконну добре». В июле 1501 г. снова сообщалось: «Орда нынече худа» и в поисках пастбищ перекочевала из Пятигорья к Дону (*там же*, с. 67).

Несмотря на серьезную «угрозу всему живому», люди иногда крайне беспечно относились к информации о «гневе Природы». Так, в «середине XIV в. слухи о чуме в Индии и Китае не вызвали в Европе пылких эмоций. Даже когда эпидемия проявилась

в Сирии, Египте и Малой Азии, европейцы были уверены, что это их не касается. Но люди стали умирать и в Крыму» (**Гумилев** 1997, с. 123).

Золотоордынский хан Джанибек в 1347 г., осаждая Кафу во время войны с генуэзцами, приказал перебросить через крепостную стену труп человека, умершего от чумы. «Так зараза проникла в неприступную твердыню». Генуэзцы срочно эвакуировались. По дороге домой, они останавливались в Константинополе и Мессине. В результате чума поразила Византию и Сицилию. В 1348-1349 гг. эпидемия опустошила Италию, Испанию, Францию, Венгрию, Англию, Шотландию, Ирландию, Данию, Норвегию, Швецию, Нидерланды, на кораблях была занесена в Исландию и Пруссию, после чего в Западной Европе затихла. Но уже в 1351 г. она отмечена в Пскове. В 1353 г., опустошив московское княжество, «злая зараза ушла на юг, в степи... Москва и Подмосковье на время запустели». В тот же год от чумы умер великий князь Симеон Гордый со всей семьей (**там же**, с. 124-125).

По непроверенным данным, гибель от эпидемии доходила до 30% населения. В Париже в 1349 г. ежедневно умирало до 800 человек. «На одном месте эпидемия продолжалась от четырех до шести месяцев, после чего уцелевшие могли считать себя в безопасности...» (**там же**, с. 124). На Руси для воспроизводства населения требовалось не менее четверти века (**там же**, с. 127).

В одном документе 1458 г. из итальянских колоний в Причерноморье сказано: «Огромное множество [курсив мой — Ф. Г.] народа уничтожено чумой» (**Зевакин, Пенчко** 2007, с. 433).

Из более поздних статистических данных приведем приписку на полях старинной арабской рукописи по которой в Дагестане в 1687/8 г «свирепствовала чума и в одном только Хукале [совр. Табахлу] было погребено 500 трупов» (**Лавров**, 1982, с. 149).

Эпидемии на Кавказе отражены в материалах католических миссионеров. В средние века Грузия начиная с татаро-монгольских походов практически постоянно подвергалась нашествиям внешних врагов. По свидетельству католических миссионеров и

данных переписки Теймураза, царя Картли и Кахетии, с папой Урбаном VIII, в Грузии «по причине чинимых там опустошений и грабежей, не осталось хороших врачей, а в стране распространились болезни». В другом месте приведена аналогичная информация: «в той стране, по причине имевших там место опустошений и грабежей, не осталось ни одного хорошего врача, а при дворе их государя бытуют некоторые болезни...» (**Жордания, Гамезардашвили** 1994, сс. 442, 443).

Из примеров более позднего времени приведем свидетельство Пьетро делла Валле. В «Информации о Грузии» он упомянул о своей встрече в 1615 г. с вернувшимся из Мингрелии в Константинополь иезуитом. Спустя три-четыре дня иезуит «был сражен большой чумой, которая тогда там свирепствовала» (**там же**, с. 353).

В документах фонда Кизлярского коменданта в переписке чиновников разного уровня неоднократно упоминаются опасные эпидемии, распространившиеся по Северному Кавказу. Так, посланный «для разведывания» к горцам полковник Давыдов 1 июня 1738 г. получил от некоего «Сулемана Резянова» письмо на турецком языке. В письме, переведенном на русский язык, говорилось, «что в Большой Кабарде имеетца моровое поветрие в двенадцати кабаках...» (**ЦГА РД**, ф. 379, оп. 1, д. 19, л. 62 об.). 20 августа 1739 г. с грифом «секретно» комендант Кизляра получил из Астрахани известие со ссылкой на указ императрицы. В нем говорилось «о появившегося вновь в Большой Кабарде морового поветрия... а сего августа 17 дня по указу ея Императорского Величества, присланной и с правительствующего сената велено, о предосторожности [неразборчиво] по сказанного появившегося в Большой Кабарде вновь морового поветрия» (**там же**, д. 30, л. 29). Буквально следом в другом документе вновь о том же: «подполковника Бынина доношение о получении из Малого Нога... Сулемана Резекова пише что в Большой Кабарде... имеетца моровое поветрие... и оттого Большой Кабарды владельцы из домов своих повыехали» (**там же**, л. 31). В Указе императрицы от 11 января 1740 г. говорится: «по письмам костяковского владельца князя Аляша Хамзина объявлено, что в

Андреевской деревне имеется моровое поветрие чего де ради, вы сверх прежде учрежденных там застав еще несколько застав же учредили... ся опасная болезнь... чтоб та злая болезнь в здоровые места нанесена быть не могла, накрепко смотреть и предостерегать во всем, без малейшего упущения» (*там же*, д. 31, л. 5).

В январе 1809 г. Ахвердов «получил... от Андреевского владельца Чиофи Темирова, что в Андреевской деревне после последнего его уведомления также слава богу чумной болезни не было... уже месяц тамо оной не появляется» (*там же*, д. 55, л. 22-22 об.).

В «Доношении» архимандрита Пахомия коменданту Кизляра генерал-майору Фрауендорфу сообщалось, «что в осетинской земле в горах сначала свету моровой поветрий не бывало [курсив мой — Ф. Г.]» (*там же*, д. 309, л. 43 об.). Чересчур оптимистичная оценка. Напомним хотя бы т.н. «мертвый городок» близ Даргавса, наземные склепы которого — немые свидетельства страшных эпидемий средневекового периода.

Летом 1792 г. комендант Кизляра получил «достоверное сведение от прибывших в Баку персиян, что в окружности тальзшой происходит моровая язва... прибывший на Бакинскую рейду с бригантинового флота лейтенант Куцук донес ему что действительно в Тальсшах происходит моровая язва от ленкорана разстоянием во ста верстах». В связи с этим, податель письма просил «приказать на учрежденном впереди Кизляра карантине умножить для выезжающих из Персии сухим путем все возможные предосторожности к недопущению сей заразы в пределы российские, с строжайшим наблюдением» за приезжающими персиянами (*там же*, оп. 3, д. 199, л. 5-5 об.).

В начале XIX в. Мариньи в сюжете о торговле турков с черкесами писал: «Эта торговля, которая приносит им [черкесам — Ф. Г.] чуму...» (*Мариньи* 2002, с. 21). В тот период, впрочем, как и прежде, «чума неоднократно заносилась в Черкессию из Турции и унесла... [за сто с небольшим лет — Ф. Г.] две трети населения» (*там же*, с. 79 примеч. 8). В разговоре с молодым черкесским князем французский путешественник воспользовался турецким

языком. И тут же заметил, что черкесы «весьма невзлюбили [турецкий язык — Ф. Г.] после опустошений, произведенных чумой, потому что из-за нее купцам было запрещено торговать на их берегах» (*там же*, с. 32). Другой черкес признался Мариньи: «Я потерял свою семью во время чумы; дом, в котором мы проживали, сожжен со всем добром, а на моих полях сегодня пасутся овцы и лошади моих прежних соседей. Лишенный всего, я сегодня имею только вот это оружие, эту лошадь и это седло» (*там же*, с. 64).

Из архивных материалов мы узнаем о случаях эпидемий среди горских народов. Так, в «Журнале заседаний Комитета министров за 1817 г. о состоянии Кавказской губернии» зафиксирована какая-то «болезнь» в районе Владикавказа (*ЦГИА РФ*, ф. 1263, ж.з. 1817, д. 119, лл. 378 об. — 380).

Нередко в различных районах Кавказа и сопредельных стран в силу ряда причин остро ощущалась нехватка продовольствия. Так, в «Книге» Марко Поло говорится о «помощи, которую Хубилай оказывает народу в голодные или неурожайные годы» (*Фишман* 2003, с. 43).

Напомним голод в Венеции 1268 г. По свидетельству очевидцев, «во время *большого голода* [курсив мой — Ф. Г.] в Италии, хлеб поступил именно из Черноморья». Тогда «дож и знатные венецианцы разослали корабли всюду, даже к татарам и во многие другие приморские страны, с повелением закупить хлеб и привезти в Венецию... Татары, аланы, зихи, русы, турки, армяне и греки дали в ту пору хлеб¹¹ Венецианцам» (*Самир Хатко* 1999, с. 169).

В 1343 г. во время конфликта между монголами, Венецией и Генуей возникла задержка с поставкой продуктов в Византию. В империи «ощущался *сильный недостаток* [курсив мой — Ф. Г.] ржи и соли». Как видно, даже *временная* «задержка с экспортом вызвала голод в Византийской империи» (*Зевакин, Пенчко* 2007, с. 395).

Материалы по истории итальянских городов свидетельствуют о серьезной зависимости рациона питания горожан от урожаев в Крыму и на Кавказе. Так, засуха 1454 г. привела к неурожаю, что создало серьезные проблемы. Об этом можно судить

по письму от 21 октября того же года консула Кафы протекторам: «мы опасаемся голода в будущем году по причине плохого урожая в окрестностях». Опасения консула подтвердились: «Город наш, — отмечали в письме проекторам жители Кафы, — не только *страдает от недостатка припасов*, но терпит *истинный голод* [курсив мой — Ф. Г.]... Урожая, собранного в Кампанье, недостаточно даже для посева» (*там же*, с. 396). В 1466 г. Генуя послала корабль с продовольствием на помощь голодающему населению колоний (*там же*, с. 399).

Голод и мор приносили немалые бедствия итальянским колониям. 6 сентября 1455 г. боргези доносили в Геную, что Каффа «не только страдает от недостатка продовольствия, но терпит истинный и *величайший* [курсив мой — Ф. Г.] голод, так что лишь с трудом удастся достать нам немного хлеба». В документе 1458 г. сказано: «*Огромное множество* народа уничтожено чумой» (*там же*, с. 433).

II. 5. Набеги. В разное время население разных этносоциальных организмов Евразии на грань жизни и смерти ставили опустошительные набеги противников. На средневековом Кавказе к таким результатам привели татаро-монгольское нашествие, а затем — острое противоборство между джучидами и хулагидами; несколько походов Тимура конца XIV-XV вв. перекроили этнополитическую карту региона. Аналогичные последствия имели набеги иранских шахов, турецких султанов и крымских ханов. В конце XVI в. грузинский царь Александр жаловался московским послам, что «он и его государство находятся в *великой нищете*» [курсив мой — Ф. Г.]. Александр отметил также, что «не взирая на обещания Царя [Бориса Федоровича], Иверия была опустошена ее врагами, поселяне пленены, монастыри и церкви разорены и пр.» (*Броссе* 1861, с. IX).

В 1638 г. русские послы отметили, что «Шah персидский так опустошил» многие районы царства Теймураза, «что необходимо было их оставить» (*там же*, с. XXXI). О степени разорения страны свидетельствует тот факт, что российские послы в течение нескольких дней находились без «стражи для их охранения» и без «съестных припасов для содержания». Теймураз

«извинялся в том перед ними [послами — Ф. Г.], что их недостаточно снабжали съестными припасами, по причине совершенного расстройтва его государства». Поэтому Теймураз просил «не оскорбиться худым продовольствием» (*там же*, сс. XXXVI-XXXVII). Сами же послы «худое» снабжение продуктами питания объясняли, «основываясь на совершенном разорении, опустошении и бессилии страны сей» (*там же*, с. XLII). В другом месте вновь отмечено: «страна сия совершенно разорена и многие места заросли лесом» (*там же*, с. XL).

Пьетро делла Валле писал о причинах массового принятия ислама местным населением: «что же касается знатных [nobili], кои мало привычны к страданиям, и солдат, *большая их часть*, вместе с *многими из народа*... меняют веру, дабы иметь какое-либо материальное благо [qualche cosa] от царя... часть же людей, *подавляемые нуждой, дабы не умереть с голоду* [курсив мой — Ф. Г.] делаются магометанами» (*Жордания, Гамезардашвили* 1994, с. 362).

О серьезных проблемах в экономике страны в письме от 5 января 1629 г. папе Урбану VIII сообщал царь Картли и Кахетии Теймураз. «Что же касается нынешнего положения, в котором мы и все наши [подданные] пребываем, то преподобные отцы видели разорение [нашей] земли [la desolatione della terra] и разрушение построек, от коих остались одни лишь доски да камни, а внутри церквей не осталось ни икон, ни серебряной утвари...» (*там же*, с. 426).

Пьетро делла Валле так прокомментировал это сообщение: «Истинно то, что в течение нескольких лет его страна была разорена турками [он имеет ввиду персиян, то есть солдат кизилбашей, которые по происхождению также являются турками [и турками зовут их грузины]]. Представители Урбана VIII «сами видели, что страна его [царя Теймураза] разорена, что в церквах не осталось ничего...» (*там же*, с. 441; см. также: сс. 442-444, сл.).

Из более поздних аналогий вспомним голодный 1833 г. на Северном Кавказе. В рапорте полковника князя Трубецкого, рассмотренного 17 октября 1833 г. на заседании Комитета Министров России, говорилось: Кавказская область «угрожаема

была по чрезвычайной засухе и сильным, свирепствовавшим с начала весны и все лето ветром, скудным урожаем и плохими травами, но найденное мною [состояние дел — Ф. Г.] превзошло еще всякую ожиданность. *Недостаток всякого рода жизненных припасов, как для людей, так и для скота, поразил* [курсив мой — Ф. Г.] *меня»* (**ЦГИА**, ф. 1263, оп. 1, д. 855, ж.з. 1833 г. 17 окт., лл. 488-488 об.).

Эта же ситуация 3 сентября 1833 г. обсуждалась на заседании управления Кавказской области. Рассматривались меры борьбы с голодом, отмеченном не только среди горцев, но и среди жителей многих губерний России. Еще 27 июля министр внутренних дел «извещал..., что по случаю худого урожая в нынешнем году во многих губерниях хлеба и трав и предвидевшегося от этого недостатка в продовольствии бедного класса людей, Высочайше утвержденном 25 минувшего июля положением Комитета Министров разрешено: дабы дать способы к пропитанию себя работою бедным жителям таковых губерний: 1-е) усилить и предпринять вновь следующие общественные в Новоросском краю работы: а) устройство в городе Одесса мостов и набережной; б) устройство дороги по Южному берегу Крыма и в) ломку и приготовление гранита у берегов Буга для одесских мостовых и тротуаров и проч. 2-е) к сим работам пригласить жителей означенных губерний... помещикам же дозволять в отношении к своим крестьянам вступать в обязательство с казною с тем, чтобы получив вперед половину платы, они обеспечивали сим в тоже время продовольствием идущих на работу и остающихся дома семейств их». По окончании заседания, начальник области предложил «немедленно распорядиться... о повсеместном извещении всех жителей Кавказской области о сем распоряжении Правительства, желающего сими средствами обеспечить их продовольствием при настоящем неурожае всех родов хлебов и трав в области» (**ЦГА РД**, ф. 379, оп. 4, д. 529, л. 157).

Несмотря на принятые меры, ситуация на продуктовом рынке Северного Кавказа оставалась прежней. В циркуляре от 23 января 1834 г. коменданту Кизляра подполковнику Широкому говорилось: «некоторые солдатские жены, у коих есть не по-

лучающие провианта дети, употребив все свое имущество на покупку хлеба, не имеют никакой более возможности снискать пропитание себе и детям трудами». Командир Кавказского корпуса, генерал-адъютант Розен 23 декабря 1833 г. распорядился хлеб таковым выдавать «заимообразно, с строжайшею однакож разборчивостью и с таким притом условием, чтобы при будущем урожае занятый хлеб непременно был возвращен в казну» (*там же*, д. 590, л. 57).

Как видно, на состояние экономики народов региона негативно влияли разнообразные факторы. Однако, признавая урон, нанесенный горцам Кавказа, признаем и другой факт: погромы в ходе завоевания региона, природные катаклизмы, различные эпидемии и т.д. не привели к исчезновению какой-либо отрасли хозяйства у местного населения. Напомним свидетельство арабского историка Эломари о дагестанских городах, «благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодовых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя, текут реки и добываются плоды» (*Тизенгаузен* 1941, с. 231). Производство хлебных злаков находилось на высоком уровне, а зерно стало важной статьей торговли с причерноморскими и итальянскими колониями. Через них в голодный для Италии 1268 г. венецианские купцы закупили хлеб у разных народов, в том числе у жителей Северного Кавказа. Об этом в «Венецианской хронике» писал Мартино Канале: в 1268 г. из-за наступившего голода «вздорожали продукты»; дож Венеции Лоренцо Тьеполо «и благородные венецианцы разослали корабли всюду, даже к татарам и во многие другие приморские страны с повелением закупить хлеб и привезти в Венецию... Татары, аланы, зихи, русы, турки, армяне и греки дали в ту пору хлеб венецианцам». В контрактах Кафы за 1289 и 1290 гг. постоянно идет речь о транспортах зерновых, направляемых в Трапезунд и Самсун. «Урожайи алан и черкесов также реализовывались в Крыму» (*Зевакин, Пенчко* 2007, с. 395).

II. 6. Экономика Северного Кавказа в XIII-XV вв. В черкесском княжестве [?] Кремух земли состояли из орошаемых «многими водами» плодородных долин. Поэтому земля их «изобилует хлебом». По другим сведениям, у черкесов «пшеницы нет

вовсе, зато много проса и других семян, из которых делают хлеб, разные кушанья и напитки и зовут его боза [буза]. Земледелие было пашенным и мотыжным». Кроме зерновых, черкесы разводили овощи и фрукты. По материалам XIV-XV вв. черкесы не выращивали виноград, «тогда как до прихода кочевников у них росли пшеница и виноград» (*Хизриев* 1982, с. 7).

Еще в предмонгольский период земледелие играло существенную роль в экономике населения Балкария и Карачая. Об этом свидетельствуют многочисленные находки зерен проса, ячменя, мягких сортов пшеницы, каменных жерновов, ручных мельниц, зернотерок, ступ, железных лемехов, тяжелых плугов, многочисленных зерновых ям на поселениях Гунделен, Заюково, Кызбурун, на городищах верховьев р. Баксан, Зеленчук, Кубань.

Вблизи поселений XIII-XV вв. на склонах гор видны оплывшие террасы. Балкарцы и карачаевцы буквально отвоевывали у природы каждый клочок земли, создавая искусственные участки, вырубали лес, очищали от камней и кустарников. Огромные усилия прилагались для сооружения оросительных систем. Из орудий труда выделим «сабан», (*Миусев* 1987, с. 65-66). Применяемый в земледелии железный лемех назывался «сабан-темир».

Как и другие народы региона, балкарцы и карачаевцы первый выход в поле отмечали специальным праздником — «сабан-той». Для этого устраивали жертвоприношения, пекли пироги, из всех возделываемых зерновых и бобовых варили специальную ритуальную кашу «геже» (*там же*, с. 66-67).

Однако из-за суровых условий высокогорья многие виды земледельческой культуры просто не успевали здесь вызреть. Своего хлеба балкарцам и карачаевцам хватало лишь на два-три месяца. Это обусловило преимущественно скотоводческий характер хозяйства. Судя по археологическим материалам, горцы разводили крупно- и мелко-рогатый скот, свиней; в меньшей степени занимались коневодством. Главное место занимало овцеводство. В горной полосе были открыты средневековые кошары с загонами для овец, в которых могло одновременно

разместиться свыше 1500 голов. Такие памятники открыты в верховьях Маруха, Тиберды, Уллу-кама (*там же*, с. 67).

«Наличие развитых ремесел и домашних промыслов указывает на создание условий для обмена и торговли»¹².

Тимур во время похода на Северный Кавказ в 1395 г. запасы продовольствия пополнил за счет местного населения. Шереф-ад-дин писал по этому поводу: «Так как у Тимурова войска оставалось мало продовольствия, то Тимур пошел вдоль реки [Терека] в область Джулат, чтобы воины запаслись провизией из тамошних зерновых продуктов» (*Тизенгаузен* 1941, с. 175). Под «зерновыми продуктами» алан следует понимать пшеницу, просо, овес, рожь, ячмень. Как выяснили археологи, землю на равнине жители Северного Кавказа пахали тяжелым плугом, в который впрягалось 8-12 пар волов. В предгорной полосе и в горах использовалась деревянная соха, а на искусственных террасах — мотыга (*Гутнов* 2007, сс. 26-33).

А. А. Ямсков, рассматривая структуру хозяйства ногайцев, живших на р. Куме, пришел к выводу о наличии у них земледелия. Е. И. Нарожный выступил с критикой данного тезиса. Сомнения вызвал и вывод о переходе части средневековых кумыков «от скотоводческого кочевого к оседло-земледельческому хозяйству, значительно усилившего складывание в XIV-XV вв. экономической специализации равнинных, предгорных, горных и высокогорных районов Дагестана и налаживание между ними регулярного товарообмена» (*Нарожный* 1987, с. 53).

Согласно хронике «Тарихи Дагестан», в начале XIV в. жители аулов Хунзах, Кадар, Аркас, Ирганай, община Тумал подать [харадж] своим владельцам платили пшеницей. Мололи ее на водяных мельницах. В районе Дербента землю пахали, сеяли пшеницу, ячмень, ярицу и полбу (*Шихсаидов* 1975, с. 36).

Источники, преимущественно археологические, показывают, что на Северном Кавказе разводили буйволов, коров, овец, коз, свиней, лошадей, верблюдов, кур, гусей и уток. В жизни населения региона важную роль играл домашний скот, обеспечивавший их мясом, молочными продуктами, кожей, шерстью. Лошади, быки, ослы и мулы использовались в качестве тягловой

силы в сельскохозяйственных и транспортных работах (**Хизриев** 1982, с. 9).

Плано Карпини отметил, что жители Дешт-и-Кипчака, включавшего и Предкавказье, «очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми». Специально для продажи разводили крупных быков, которых «вполне хватало даже на итальянские бойни» (**там же**, с. 8).

О состоянии скотоводства в ту эпоху свидетельствуют находки археологов, в первую очередь, скотоводческих построек [кошей] способных вместить от 1500 до 3000 голов овец. Здесь же отметим, что дагестанское название реки Койсу [Сулак] означает «Овечьи воды».

В структуре хозяйственных занятий алан значительное место занимало коневодство. Косвенно об этом писал Рамон Мунтанер¹³ [1265-1336 гг.]: «считается, что у алан лучшая конница в Леванте» (**Алемань**, 2003, с. 400).

Судя по свидетельствам очевидцев и археологическим находкам, у горцев в ту эпоху сложилось и продолжало развиваться ремесленное производство. Лаоник Халкокондил в разделе о Кавказе рассказал и об аланах. «С городами верхней Иверии граничат аланы, гунны и эмбы. Аланы, по-видимому, простираются до подножия Кавказа; они славятся как отважные воины, искуснейшие в военном деле и *делают превосходные латы...* из бронзы изготовляют оружие, называющееся аланским» (**там же**, сс. 301-302).

Дальнейшее развитие получили домашние промыслы, гончарное производство. По мнению археологов, в XIII-XV вв. технология изготовления посуды на гончарном круге достигла совершенства. Гончарные печи найдены в Нижнем и Верхнем Джулате, Аркаском городище Дагестана, у сел. Ишхой-юрт Чечено-Ингушетии.

Оживление экономики равнинной и предгорной зон Северного Кавказа в первой половине XIV в. связано с деятельностью Узбек-хана [1312-1342 гг.]. Монгольские ханы учитывали стратегическое значение северокавказского региона. Не случайно ставка Узбек-хана и владения крупнейших представителей татар-

ской знати располагались в районе Пятигорья. Северный Кавказ стал второй по значению [после Поволжья] хлебной житницей Золотой Орды. Маркером экономического роста служат города с разноплеменным, в том числе — аланским, населением. В Сарае, Маджаре, Верхнем и Нижнем Джулате, Астрахани и других городах сложились целые кварталы из феодалов и ремесленников различных покоренных народов. Так, Ибн-Баттута [1304-1377 гг.] сообщал, что в Сарае живут представители асов [алан], кыпчаков, русских, византийцев. «Каждый народ живет в своем участке отдельно, там и базары их» (*Тизенгаузен* 1884, с. 306).

II. 7. Восстановление и развитие торговли. На торговые направления указывают археологические находки на территории Северного Кавказа. Так, исследование трех курганов могильника Носовцева Поляна 1, расположенного в Адлерском районе г. Сочи, выявило среди сопровождающего инвентаря ряд предметов импортного производства. Речь идет о стеклянных сосудах. Они аналогичны сосудам из Белореченского могильника. Там же найдены венецианские изделия (*Василиненко* 2007, сс. 267-268).

Белореченский курганный могильник локализован в районе средневекового феодального владения Кремух. Последний, в свою очередь, расположен примерно в 25 км северо-западнее Майкопа, близ современной административной границы Адыгеи и Краснодарского края. Еще в 1896-1907 гг. Н.И. Веселовский вскрыл здесь 84 кургана, отличавшихся устройством гробниц и богатым сопровождающим материалом. В инвентаре ряда погребений «особо выделяются многочисленные, беспрецедентные по концентрации импорты: предметы ювелирного производства, китайские, иранские, венецианские ткани, венецианская посуда [например, стеклянный кувшин с изогнутой ручкой и цветной росписью], сирийское стекло». Внимание исследователей привлекли серебряные поясные гарнитуры ажурной работы, в XIII-XIV попавшие в данный район из Киликии (*Кузнецов* 2000, с. 32).

Поступление многочисленных и дорогих импортов в Кремух обусловлено наличием не только «социальной среды потреби-

телей», но и соответствовавшим этим импортам товарным эквивалентом. Таковым являлась сельскохозяйственная продукция и, особенно, доходная торговля рабами.

К числу наиболее важных материалов из Белореченска является могила внутри церкви под «большой плитой». Ее вскрыли 18 июля 1869 г. Под плитой оказался «тщательно выштукатуренный» склеп, а в нем — «костяк с разбитым черепом». Погребальный инвентарь оказался очень богатым: 25 золотых украшений, в том числе 19 пуговиц филигранной работы, серебряная чернильница, золотая парча и др.

В тот же день раскопан «близлежащий конический курган». В нем обнаружен деревянный гроб со скелетом, на котором «найлены остатки шелковой, затканной золотом одежды, кривой 'меч с эфесом длиной 7 четвертей' [сабля с перекрестием], нож, наконечники стрел, 15 филигранных серебряных пуговиц, два плоских золотых колечка» и др. Сопровождающий инвентарь позволяет датировать погребение XIV-XV вв. (*там же*, с. 35).

Из Маджар происходят находки нескольких ступок «аптекарского назначения, возможно армянского происхождения». Близкие к ним аналогии археологи нашли в Старом Архее Молдавии. В свою очередь, молдавскую находку рассматривают как тождественную ступке первой половины XIII в. «из армянского замка Аморел». (*Нарожный* 2004, с. 263). Еще одна случайная находка — бронзовая ступка из с. Эльхотово [Верхний Джулат] Северной Осетии. Специалисты не оспорили предложенную *Кузнецовым* (2003) версию о ее восточном происхождении. С другой стороны, часть находок, по определению археологов, аналогична не столько западноевропейским, сколько южноевропейским образцам. На Северный Кавказ они, скорее всего, попали через итальянские торговые фактории Черного и Азовского морей. Часть находок своим происхождением связана с представителями армянской диаспоры в регионе. Они, вероятно, занимались «врачеванием» в городах Степного Предкавказья. На территории Дагестана, в сел. Кубачи, встречались богато декорированные ступки золотоордынского периода (*Нарожный* 2004, с. 264).

В «Записке к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с перечислением кавказских народов и словарей их языков» [1788 г.] сообщается о состоянии торговли на средневековом Кавказе. «Город Астрахань, — говорится в одном из сюжетов, — еще в древние времена являлся огромным рынком сбыта товаров из Персии, Индии и Аравии. В XIV веке, когда торговлю в Черном море контролировали венецианцы, они покупали в Астрахани азиатские товары и перевозили их в южные европейские страны через порт Танаис. Торговля же с северной Европой в те времена проходила через русский город Ладогу, расположенный» на Ладоге. Отсюда «восточные товары перевозились на остров Готланд, а затем в город Висбю, откуда они расходились по всем северным странам» (*Записка* 2000, с. 27).

После «опустошительных набегов Тамерлана южный торговый маршрут между Европой и Азией постепенно переместился на юг: из Астрахани в Смирну и Алеппо» (*там же*, сс. 27-28).

Большую прибыль чингизидам приносили торговые пошлины. Они же были важнейшей статьёй доходов северокавказских «царей» и вождей. Следить за громадными территориями, иногда с полиэтничным населением, даже при эффективной налоговой службе проще, контролируя транзитные пути международной торговли. Этот «секрет» знали и ахемениды, и сасаниды, и Александр Македонский, и славяне, и аланы, и хазары. Коммуникации алан и хазар, как неоднократно отмечалось в литературе, являлись важными звеньями ВШП. Заметную роль в торговле на этом пути играл начальник каравана; он не только субсидировал купцов, но и сам шел с ними, возглавляя охрану. Поэтому главы фактически всех территорий, через которые проходили важные торговые магистрали, были заинтересованы в безопасной проводке караванов по контролируемой ими земле. В свою очередь, купцы всячески задабривали местных владык, помимо уплаты пошлин, вероятно, преподносили им «сувениры». Поэтому монголы стремились способствовать развитию торговли.

В Золотой Орде после «отпочкования» в 1260 г. от монгольской империи появились торговые агенты хана, различные объ-

единения и колонии. В последние «входили видные аристократы и члены дома джучидов». В этой связи ученые обратили внимание на термин *ортакчи*, одним из значений которого было — «купец», «член объединения» (**Греков, Якубовский** 1950, с. 155). Ортак и Берке занимались коммерцией в Иране, «владея в Тебризе большим имуществом». Они, вероятно, «обслуживали ханский двор и имели доступ к средствам ханской казны для своих весьма крупных торговых оборотов». В отдельных случаях, наоборот, купцы ссужали ханов деньгами (**Федоров-Давыдов** 2001, с. 203).

Вместе с монголами, кочевавшими с табунами, стадами и отарами, «всегда находятся купцы: одни различными путями привозят сюда товары, другие лишь проходят через орду с намерением идти в другие страны» (**Барбаро и Контарини** 1971, сс. 148, 149).

Существенной статьёй стала торговля конями. Через Дешт-и-Кипчак только в Иран в одном караване ввозилось до четырех тысяч коней.

Ханы Золотой Орды не только поощряли торговлю, но и следили за безопасностью дорог. Уже в XIII в. действовала общеимперская почта со станциями-ямами, обеспеченных охраной, продовольствием и сменными лошадьми. Флорентийский финансист Пеголотти [XIV в.], ссылаясь на показания купцов, писал: «Путь из Таны в Китай... вполне безопасен и днем и ночью» (**Федоров-Давыдов** 2001, сс. 203-204). Современник Пеголотти, венецианский купец Джованни Лоредан с грузом парадных стеклянных кубков, фландрских и итальянских тканей беспрепятственно проехал до Хаджи-Тархана и вверх по Волге. Первоначально он направлялся в Индию, но выгодно распродал весь товар в Поволжье. В 1374 г. купец из Генуи Лучино Ариго через Тану прошел вверх по Дону, затем сушей до Итиля, а по Волге до Каспия. Венецианский купец Пьетро Станелли в 1391-1392 гг. провез свой товар из Таны в Хаджи-Тархан (**там же**, сс. 205, 210).

О безопасном проходе товаров через контролируемую татаро-монголами территорию сообщает арабский историк XV в.

Ибн Араб-шах: караваны из Хорезма за 3 месяца совершенно спокойно, «без страха и опаски», проходили до самого Крыма. Не было надобности возить с собой ни фураж для лошадей, ни продовольствие для сопровождающих караван людей, не брали с собой даже проводников. Караванные пути пролегли по густонаселенным районам, в которых можно было купить все необходимое (*Греков, Якубовский* 1950, с. 460).

В ходе раскопок в 1987-1988 гг. Келийского могильника [высокогорная Ингушетия] выявлено около тысячи погребенных в каменных ящиках, грунтовых захоронениях и склепах. Из них в научный оборот введено лишь 5 полуподземных склепов, одно т.н. «скальное» погребение, 14 каменных ящиков и грунтовых могил. В сопровождающий материал входило большое количество монет (*Жилина* 2007, с. 97). Сразу же удалось определить принадлежность некоторых из них — это монеты Русудан и монета Менгу-каана [чекана Тбилиси]. В полуподземном склепе могильника близ средневекового с. Дошакле [современный Джейраховский район Ингушетии] найдена серебряная стертая монета, пробитая по краю. Перетертое отверстие указывает на длительное использование монеты в качестве подвески. Вторая серебряная монета происходит из склепа Эгикальского некрополя горной Ингушетии. Аналогию ей нумизматы находят в материалах Жинвальского клада монет XIII в. И. Л. Джалагания отмечала, что на монетах этого типа не указано имя сюзерена страны — Хулагу; до 1279-1280 гг. они печатались с почетным титулом «великий каан» (см.: *Нарожная* 2007. С. 95).

Адыги, аланы и дагестанцы вели меновую торговлю с генуэзскими колониями Причерноморья, городами Закавказья и Ирана. Основными статьями вывоза являлись рыба, икра, хлеб, меха, вино, воск, шерсть, шкуры, фрукты, а также рабы. В обмен на эти товары ввозились хлопчатобумажные, шелковые и бархатные ткани, ковры, соль и т.п.

В первые века II тысячелетия Византия способствовала развитию причерноморской торговли, покровительствуя итальянским купцам и западноевропейским рыцарям, находившимся на византийской службе. На Черном и Азовском морях курсиро-

вали парусные суда, принадлежавшие не только иностранцам, но и представителям местной знати.

Новые для своего времени сведения о рельефе Восточной Европы привел Ибн Са'ид. Почти все они относятся к Кавказу. Описывая Трапезунд, Ибн Са'ид упоминает гору *ал-Лакр*: «Атрабзунда — известный порт, на рынки которого стремятся все иноземные купцы из разных стран [курсив мой — Ф. Г.]» (*там же*, с. 233). По И. Г. Коноваловой, и этноним и ороним следует читать как *ал-Лакз*. Данный этноним некоторые авторы XIV в. использовали для обозначения лазов [жителей восточных территорий Трапезундской империи], и лезгин (*там же*).

Дж. Канале, говоря о значимости военно-торговой магистрали, пролежавшей «через Грузию в Персию», подчеркнул: этот путь «во многом способствовал [итальянцам] в осуществлении свободной и великой торговли с Персией... именно этот путь... сыграл определяющую роль в деле *обогащения и усиления городов*» [курсив мой — Ф. Г.] Северной Италии, в первую очередь — Венеции и Генуи (*Ватейшвили* 2003, сс. 35-36). Последние играли ключевую роль в международной торговле той эпохи (*Зевакин, Пенчко* 1938).

В Причерноморье и на Кавказе изначально доминировали генуэзцы. В 1238 г. они заключили перемирие с венецианцами и почти четверть века осуществляли «торговую экспансию» в Крыму. После Нимфейского договора генуэзцы, получившие значительные льготы, приобрели квартал в Кафе. В конце XIII в. итальянские купцы уже прочно осели в Капаре [Копе на нижней Кубани], Матреге [Тамани], Севастополесе [Сухуми]. По данным Джироламо Сера, генуэзцы из Кафы в 1266 г. достигли западного побережья Каспия. Таким образом итальянские купцы открыли новый рынок сбыта для своих товаров, взамен закупая продукцию дагестанских и восточных ремесленников.

Причиной интереса и проникновения итальянцев на рынки Северного Кавказа в XII-XV вв. принято считать «начало интенсивного развития торговли и накопления торгового капитала в некоторых странах Европы».

Как бы то ни было, рассматриваемый период отмечен настойчивым стремлением купцов «проникнуть в Индию и Китай, откуда в Европу шли... ценные товары». Но прежде, чем добиться хотя бы малого результата, необходимо было утвердиться на кавказских и восточноевропейских трассах великого шелкового пути. С реализацией этой задачи связана активность купеческих союзов итальянских городов, устремившихся к берегам Северного Причерноморья и Азовского моря, где основали множество факторий. В XIII-XV вв. Венеция и Генуя использовали важные трассы, сумев эффективно воспользоваться торговой политикой монголов, аккуратно уплачивая пошлины и «добровольные подарки» (*Лазарова* 2007, с. 11).

О стремлении итальянских купцов проникнуть в различные, в том числе горные, районы Кавказа, свидетельствуют археологические материалы. В частности, Т. Лапинский в 60-х гг. XIX в. писал: «Еще в настоящее время находят многочисленные надгробные памятники с латинскими надписями... В гробницах находят оружие с латинскими надписями и гербом Генуэзской Республики и значительное количество золотых, серебряных и медных монет генуэзской чеканки; сабли встречаются так часто, что почти в каждой... можно найти десять и более сабель генуэзского происхождения» (цит. по: *Зевакин, Пенчко* 2007, с. 385).

В описании графини П. С. Уваровой указаны руины генуэзской крепости, заложенной, по мнению специалистов, еще в XIII в. К началу XX в. сохранились лишь остатки «стен и двух круглых башен, сложенных из глыб на извести». Их кладка — «весьма крепкая», а толщина — «весьма значительная» (*Уварова* 1900, сс. 8, 10).

Е. Спенсер, описывая развалины Суджук-Кале, предположил, что некогда здесь располагалась крепость, построенная генуэзцами в эпоху своего господства на Черном море. Еще одно итальянское укрепление находилось на месте современной Анапы. Дж. Белл оставил описание «генуэзской крепости», находившейся в Черкесии. Ее построили на вершине высокого холма, очевидно, для контроля над проходившей здесь дорогой от равнин Кубани до Геленджика. По словам местных жителей,

в этом месте часто находили длинные шпаги и золотые медали. Дж. Белл застал [в 1837-1839 гг.] остатки стен, ворот и элементы внутренней части укрепления. В то же время на месте Новороссийска «были найдены хорошо сохранившиеся остатки генуэзских укреплений. Рядом, на горе Нелят [«злодей»], в 1865 г. отмечены развалины «цитадели, называющейся в преданиях горцев Дженуез-кале, то есть генуэзская крепость» (**Зевакин, Пенчко** 2007, с. 386).

Некоторые укрепленные пункты в горах в стойкой народной традиции связываются с генуэзцами. Так, на р. Шебжу близ Тхаматинской возвышенности один из курганов назывался генуэзским. В могильниках Северной Осетии найдены фрагменты итальянских тканей, что «явно указывает на торговые связи с Центральным Кавказом» (**там же**, с. 388).

Археологи обратили внимание на храм Сатайи-Обау, расположенный на обширном «городе мертвых» между селениями Лезгор и Донифарс Дигорского района западной Осетии. Погребальный комплекс, несомненно, являлся мавзолеем «какой-то местной влиятельной особы»¹⁴. Среди сопровождающего инвентаря интересны осколки венецианского стеклянного широкогорлого кувшина с цветным эмалевым орнаментом и позолотой. Близкие ему аналогии происходят из Махческа в Дигории и Белореченских курганов около Майкопа. «Они считаются предметами венецианского производства 2-й пол. XV в.». На Северный Кавказ такие предметы попали «через итальянские торговые фактории в Северо-Восточном Причерноморье» (**Белецкий** 2008, с. 47).

Наглядной иллюстрацией торговой активности итальянских купцов на Северном Кавказе, Каспийском море и Поволжье является захват Тохтамышем в 1307 г. в Сарая товаров, принадлежавших генуэзцам. Население Сарая в тот период состояло «из монголов, алан, кипчаков, черкесов, греков и др.» Из Каталанского атласа 1375 г. и карты братьев Пицигани видно, что итальянские купцы были хорошо осведомлены о Каспийском море. Согласно Фануччи, «генуэзцы выстроили и заселили поселение Кубачи в Дагестане» (**Зевакин, Пенчко** 2007, с. 390). Конечно, это

неправдоподобное сообщение. Но само упоминание аула Кубачи говорит о степени знакомства итальянцев с географией горных районов Северо-Восточного Кавказа.

Правда не всегда и не везде отношения итальянских купцов с местной знатью были безобидными. Важной чертой образа жизни знати горских народов являлись набеги. Известны случаи нападений западных адыгов на итальянские суда и даже морских сражений между ними. Жалобы итальянских купцов¹⁵ в отдельных случаях можно трактовать как проявление профессионального менталитета¹⁶.

В описании княжества Кремух И. Барбаро отметил: «Знатнейшие жители страны живут хищничеством и грабежом караванов [курсив мой — Ф. Г.], время от времени здесь проходящими» (**АБКИЕА**, с. 42).

Купцы могли пострадать и от других грабителей. В частности — от участников т.н. «исламских» набегов. В 1487 г. отряды шейха Хайдара, правителя Ардебильского округа Персии, пройдя Дербент, сосредоточились в Тюменском княжестве в низовьях Терека. Отсюда «в огромном числе двинулись к потоку, называемому Терх, ... вошли в Каспийские [Кавказские — Я. А.] горы». Исламский набег докатился до черноморского побережья, но здесь персов разгромили «люди из Тетракоussy и Кремух». В Персию вернулась лишь половина газиев (**Ахмадов** 1984, с. 45).

При некоторых кочевых ставках ханов и аристократов имелись небольшие базары. В степи не было столь интенсивного товарообмена, розничного ежедневного торгога, имевшего место в золотоордынских городах. Отдельные исследователи считают такой «торг характерным явлением золотоордынской цивилизации» (**Федоров-Давыдов** 2001, с. 222).

Русские купцы, судя по свидетельствам летописей и трудам восточных авторов XIII-XIV вв., вели практически постоянную торговлю с Золотой Ордой. Маршруты купцов проходили, преимущественно, по Волге. Летописи сохранили сюжеты о пребывании русских купцов в Маджарах. Возможно, они же сопровождали ханов, когда последние двигались по Северному Кавказу, как это было в 1319 г. Можно предположить, что в торговые опе-

рации втягивалась и какая-то часть горцев. Здесь же отметим, что «в руках русских, а не ордынских купцов, была волжская торговля и торговое судоходство» (*Греков, Якубовский* 1950, с. 326). Интересную деталь подметили советские историки. Польшские пути «являлись одновременно и торговыми дорогами, и что дипломатия и внешняя торговля — это две формы связи с иностранными государствами, в ту эпоху фактически неотделимы друг о друга» (*Голованова* 1987, с. 73).

О ценах на товары мало что известно. В 30-х гг. XIII в. по свидетельству Ибн-Батутты лошадь в Сарайчике можно было купить за 4 динара [примерно 37 г серебра], «что было очень дешево». В другом месте тот же автор называет другую цену за коня — 50-60 дирхемов [около 10 динаров или 93 г серебра], что «тоже дешево». В середине XIV в. 100 ратлей [примерно 46 кг] — ноша пшеницы — в Сарае и Хорезме стоили 2,5 динара [около 23 г серебра], столько же стоила ноша чечевицы. Ноша ячменя — 2 динара [около 18,7 г серебра], 3 ратля [1,4 кг] баранины стоили 1 дирхем [примерно 1,68 кг серебра]. В середине XIV в. в Азаке бочка «латинского вина» стоила 1,5 сума [около 300 г серебра]. В 1391 г. в Тане 1700 осетров были проданы за 482 базанта, примерно по 2,5 г серебра за штуку. По сведениям Йезди и Самарканди, после разгрома Тимуром Хаджи-Тархана в суровую зиму 1396-1397 гг. цены на продовольствие резко подскочили. 1 ман [20 кг] зерна стоил 70 динаров кепеки [0,59 кг серебра], т.е. почти в 50 раз (!) дороже, чем во времена Ибн-Батутты; баран — 100, а корова — 200 динаров кепеки [0,84 кг и 1,68 кг серебра соответственно] (*Федоров-Давыдов* 2001, с. 223).

II. 8. «Деньги» Золотой Орды, России, западноевропейских стран. У некоторых народов в качестве «денег» в привычном для европейцев смысле использовались не золотые, серебряные либо медные монеты, а их бумажные эквиваленты, или какие то предметы. По информации Рубрука, у славян ходячей монетой «служат шкурки пушных зверей, горностаев и белок». Как удивительный факт Рубрук отметил наличие в Китае [северный Китай] бумажных денег. «Ходячей монетой в Китае служит бумажка из хлопка [Carta de Wambasio] шириною и длиную

в ладонь, на которой изображают линии как на печати Мангу» (**Фишман** 2003, с. 38). Бумажные деньги в разных районах Китая видел и Марко Поло. Так, в Гуйчжоу вместо монет «бумажки великого хана. Теперь мы в странах, где ходят бумажки великого хана... В городе 'Чингуи' [Суцянь] живут подданные великого хана... деньги у них бумажные... В городе 'Каию' [Гаою] живут 'подданные великого хана... деньги у них бумажные'» (**там же**, сс. 40-41).

О состоянии торговли можно судить и по монетнымкладам, найденным в культурных слоях золотоордынского периода. Так, в ходе раскопок 1843-1849 гг. на Царевском городище обнаружено 25766 монет, главным образом медных (**Федоров-Давыдов** 2001, с. 222).

Городище Нижний Джулат [г. Майский]. Коллекция пополнилась после раскопок И. М. Чеченова в 1967 г. На посадской части городища археологи обнаружили несколько образцов. Одна монета чеканена в Крыму, другая в Сарае, третья в Джедаде. Датируются в пределах 80-90-х гг. XIV в. Место чеканки еще 5-ти монет не читается. Установлено, что две из них также относятся к 80-90-м гг. XIV в., еще две являются джучидскими. Кроме того, в 1977 г. здесь же найдена серебряная монета эпохи Золотой Орды. В 1958 г. у одной из жительниц Верхнего Чегема приобретено монисто из 18 древних монет. Из них к интересующим нас хронологическим границам [XIII-XV вв.] относятся: одна, чеканенная в Сарае ханом Джанибеком и шесть джучидских XIV в. (**Виноградов, Денуева** 1987, сс. 78-79).

В Ставропольском крае на рубеже XIX-XX вв. выявлены клады монет XIV-XV вв., среди которых преобладают золотоордынские дирхемы. Картографирование и предварительный анализ связей с другими золотоордынскими памятниками провел В. А. Бабенко. Монеты обнаружены в Маджарах, с. Новогригорьевском [территория Прикумья], в окрестностях с. Рагули [Прикалауские высоты] и с. Сандатовского в нижнем течении р. Большой Егорлык. Значительную часть нумизматических находок составляют дирхемы ханов Узбека и Джанибека [XIV в.]. Бабенко вслед за Федоровым-Давыдовым все клады датировал 60-70 гг. XIV в.

Среди 54 монет, найденных у с. Сандатовского, наряду с дирхемами ханов Золотой Орды, выявлены крымские дирхемы и 1 кафский аспр. Из других находок вспомним монету Менгли-Геррея 1484 г. и дирхем Кафы 1403 г. из Маджар. Как считают археологи, данные находки фиксируют прохождение торгового пути от Кафы до Тамани, затем — вдоль Кубани и Кумы до Маджар. Таким образом, приведенный нумизматический материал маркирует маршрут связи Маджар с генуэзскими колониями. Здесь же отметим мнение Бабенко о том, что аспр не являлся средством международной торговли и в итальянских колониях использовался в качестве внутреннего обращения (**Бабенко** 2001, сс. 105-106).

И. В. Волков проанализировал динары, найденные в Маджарах. Большая их часть происходит с одного участка поля и, вероятно, является остатками клада. Интерес к данным нумизматическим памятникам усиливает то обстоятельство, что они чеканены в Делийском султанате. Поступление золотых динаров султана на территорию юга России «Федоров-Давыдов объяснял разницей денежного курса золота и серебра в Индии и Золотой Орде»¹⁷. Волков безоговорочно присоединился к этому мнению: «Это наверняка соответствует действительности». Правда, решающих аргументов в пользу данной версии он не привел. Вместе с тем Волков считает *также возможной* альтернативную гипотезу: «при больших оборотах и товарах высокой стоимости [традиционные ссылки на одни и те же упоминания о развитой торговле лошадьми] золотая монета может оказаться более удобной» (**Волков** 2001, с. 113).

В последние годы растет количество обнаруженных кладов и отдельных монет. С территории средневекового Маджара происходит серебряная «Псковская деньга» XV в. [правда, чуть ниже сказано: «наиболее вероятная датировка — последняя четверть XIV в.»]. По мнению А. В. Пачкалова, монета «не имеет отношения к продукции Пскова» и на Северный Кавказ попала с территории южных княжеств Руси. В районе Маджар найдены: поздневизантийская монета, 16 монет Хулагидов, Джелаиридов и закавказского чекана Джучидов (**Пачкалов** 2008, сс. 83-284).

Из Маджар же происходит большое количество [«в изобилии» — по оценке Е.И. Нарожного] монет с надчеканкой. Ртвеладзе склонялся к выводу о том, что в Маджарах такие монеты имели хождение во второй половине XIV в. и, «по-видимому, выпускались кем-то из представителей местной феодальной знати, захватившей власть в городе, т.к. в других городах такие монеты не встречаются» (*Ртвеладзе* 1975, с. 14). Е.И. Нарожный, согласившись с этой трактовкой, осторожно предположил связь аналогичной монеты, найденной в Алхан-Кале, с Маджарами. В таком случае вероятной становится и другая гипотеза археологов — о системе «локальной торговли и взаимоотношений между небольшими владениями золотоордынских феодалов, осуществлявшихся в период 'великой замятни' внутри Золотой Орды» (*Нарожный* 2005, с. 70).

Несколько средневековых монет, найденных на Таманском полуострове, археологи связывают с посреднической ролью местных центров в торговле между Западом и Востоком. Из этой группы обратим внимание на венгерскую медную монету Белла III [1172-1196 гг.]. На аверсе изображена сидящая на троне дева Мария с крестом в правой руке. По кругу легенда: «SANTA MARIA». На реверсе — король и королева, сидящие на троне, в руках — по скипетру. Этот тип чеканился в виде чашечки [аналогично византийским монетам того же периода]. Рассматриваемый экземпляр полностью выпрямлен, слева — пробито отверстие. Сторона с изображением девы Марии сильно истерта. Очевидно, монета была нашита на какую-то твердую материю или кожу, чем и объясняется истертость. Известен сохранившийся до позднего средневековья обычай после возвращения из удачного походашивать дешевые монеты на щит или сбрую коня. Не исключено, что какой-то воин использовал ее в качестве талисмана¹⁸.

На Таманский полуостров эта монета могла попасть в период продвижения венгерских королей на восток в первой трети XIII в.: «провозглашение в 1226 г. своей власти над Куманией и создание в 1228 г. Половецкой епископии». Возможно монета на Нижнюю Кубань попала в начале XIII в. с полов-

цем или с одним из монгольских воинов (**Гончаров, Чхаидзе** 2005, с. 344).

Отметим трапезундскую медную трахею. На аверсе изображен крупный крест на полумесяце. На реверсе — две стоящие в рост фигуры: слева — святой Евгений [покровитель Трапезунда], справа — глава Трапезунда. Здесь же отметим, что помимо этой монеты на Тамани известна лишь одна трапезундская монета — аспр Иоанна II [1280-1297 гг.] (**там же**, сс. 344-345).

Здесь же отметим денье ордена госпитальеров св. Иоанна Иерусалимского на Родосе. Монета анонимного городского выпуска второй четверти XIV в. На аверсе в линейном ободке — трехглавая башня [«генуэзский портал»], снаружи легенда «CIVIS RODI». На реверсе в таком же ободке — крест, снаружи — легенда «MAGR OSPITAL». На полуостров, убеждены археологи, монета, безусловно, попала в результате итальянской колонизации Северного Причерноморья, а также возросшей активности «ордена госпитальеров в середине XIV в., выразившейся в захвате части Малой Азии» (**там же**, с. 345).

В 2001 г. вблизи ст. Старотитаровской Темрюкского района Краснодарского края обнаружен клад европейских монет XV-XVI вв. К 2004 г. в трех частных собраниях выявлено 119, в основном серебряных, монет Венгрии, Польши, Пруссии; единично представлены Литва и Данциг. Из-за плохой сохранности отдельные монеты еще не определены. Клады мелкого европейского серебра позднего средневековья в Белоруссии, Украине и на Кавказе — не редкость. Большая часть кладов и единичных находок происходит с территории Закавказья. Причем, они представлены, в основном, талерами, т.е. крупным серебром. «На Северном Кавказе такие находки известны в значительно меньшем количестве» (**Завьялов, Пьянков** 2004, с. 339).

Знаменитый нумизмат, Х. М. Френ, еще в 1832 г. опубликовал каталог основных монетных штемпелей джучидов. Среди золотоордынских городов, чеканивших свои монеты, названы и несколько северокавказских центров:

1. Джулад [«Джллад»]. По мнению Френа, данный монетный

двор следует искать «в Малой Кабарде, на правом берегу реки Терек, от коего остались еще незначительные развалины».

2. Маджар находился «при слиянии рек Бювалы и Кумы в развалинах».

3. Маджар эль Джедид, т.е. «Новый Маджар».

4. «Шигунь [?] — при казацкой станице Щедрин, неподалеку от реки Терек, против озера Карчега, ныне одни развалины».

5. «Серир — был столицей Серира или царства Владетеля Золотого Престола, ... которое издревле лежит при Койсу на северо-запад от Дербента и на юго-восток от Тарки» (**Нарожный, Нарожная** 2004, с. 322).

Среди советских специалистов выделяется составленный Г. А. Федоровым-Давыдовым список монетных дворов Северного Кавказа. Из списка Френа он оставил лишь Серир и Маджары. В последующее время нумизматы увеличили [по мнению Е. И. Нарожного и Ф. Б. Нарожной — неоправданно] количество таких «городов».

Вообще, вопрос о монетных дворах Северного Кавказа продолжает оставаться крайне дискуссионным. Ц. М. Гваберидзе высказала гипотезу, согласно которой встречающиеся на хулагидских монетах название монетного двора «Алагир» [1340-1358 гг.] можно отождествлять с одноименным городом современной Осетии. Грузинская исследовательница полагала, что чеканка монет в Алагире в 1338-1339 гг. была продолжена в 1348-1350 гг. в Карджине. С грузинской исследовательницей согласился Кузнецов. «Мы не знаем, — пишет российский археолог, — где находились города или крупные поселения Алагир и Карджин в эпоху Золотой Орды. Сейчас населенные пункты с такими названиями в Северной Осетии существуют, но они не обязательно должны совпадать со средневековыми Алагиром и Карджином. Однако, судя по местоположению последних, речь может идти о территории предгорной Осетинской равнины» (**Кузнецов** 2003, сс. 17-18).

Данную точку зрения резко оспорили Е. И. и Ф. Б. Нарожные: «Несмотря на то, что в *специальной литературе уже не раз указывалось на ошибочность* локализации на территории совре-

менной Северной Осетии монетных центров, в которых чеканились ильханские монеты 'Алагира' и 'Карджина', *ошибка* [курсив мой — Ф. Г.] эта повторяется вновь» (**Нарожный, Нарожная** 2004, с. 322).

II. 9. Социальный статус купцов в структуре средневековых обществ. Вспомним слова Л. Февра: купец той поры — «открыватель» товаров, «изобретатель» в мире торговли, человек стремительных решений, исключительной физической и духовной энергии. «Купец по сути своей — воин» (**Февр** 2000, сс. 37-39).

В Дербенте в случае необходимости торговцы и ремесленники выступали «в роли воинов», составляя «часть военной дружины города. *Торговец и ремесленник* становились одновременно и *воинами* [курсив мой — Ф. Г.]» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 277).

Об аланских купцах упоминают разные средневековые источники. Интересные сведения приводит о них грузинский «Хронограф» XIV в. «И вот отправились овсы в город торговать, а возвращаясь, повстречался им нищий. И подали ему милостыню овсы, из коих первого звали Сатхис, а второго Узурабег, и сказали: 'Бедняга, моли бога, чтобы сошлись наши мечи с мечами бега Сурамели'. Пройдя немного [далее] повстречался им *безоружный* [курсив мой — Ф. Г.] Рати с малочисленными приближенными, находившимися [с ним] на охоте. Стремглав напали [овсы] на него; тот выставил щит и стал в узкой теснине речки и первым обрушил свой меч на шлем [овсу], раскрыл и свалил намертво. Затем Узурабег вступил, [но Рати] вонзил ему в бок кольчугу, распорол бок, свалил, и слуги Рати добились его; увидели это прочие овсы и бежали» (**Цулая** 1980, с. 202). Комментируя данный сюжет, Г.В. Цулая подчеркнул: хронист «дает любопытные сведения о типе торгового сословия овсов, которые для достижения своих целей пользовались не только подкупами, но одновременно представляли военные отряды, так как осуществление торговых операций зачастую было сопряжено с вооруженными стычками» (**там же**, сс. 207-208 примеч. 56).

Приведенный фрагмент анонимного автора «Хронографа» XIV в. дан в переводе Цулая. По непонятным причинам в этом переводе опущены важные купюры, имеющие большое значение для характеристики алано-грузинских отношений в золотоордынский период. Данная версия оставляет немало вопросов. Так, непонятно каким образом «безоружный Рати» оказался в *кольчуге, с щитом и мечом?* И это — «находясь на охоте». В переводе Ю. С. Гаглойти интересующий нас сюжет выглядит так: «Отправились как-то овсы торговать в Калаки [Тбилиси] и когда возвращались обратно, им повстречался нищий. Подали нищему милостыню овсы, одного из которых звали Сатхиз, а второго — Узурабег, и сказали: 'Моли Бога, бедняга, чтобы сегодня скрестились мечи наши с мечом сына Сурамели Бега'. Пройдя небольшое расстояние, они действительно повстречали находившегося на охоте Рати вместе с немногочисленными людьми без доспехов. Сразу же напали на него овсы, но он взял щит и встал против них в самом узком месте речной переправы. Первым он нанес удар по шлему Сатхиза, раскроил ему голову и свалил за смертью. Затем вступил в схватку Узурабег, нанес ему удар [Рати] в прикрытый кольчугой бок, проткнул его и свалил с коня, дав добить его своим слугам. Увидев случившееся, остальные овсы сбежали» (**Гаглойти** 2007, с. 55).

Отметим, что в приведенном фрагменте аланы представлены как купцы. Вполне вероятной представляется связь Сатхиза и Узурабега с военной аристократией. Первый антропоним никем не этимологизировался. В ономастиконе А. Алеманя, собравшего едва ли не все источники по истории алан, имя *Сатхиз* приводится без каких-либо комментариев. Второй антропоним — Узурабег — барселонский ученый сопоставляет с именем героя осетинского нартовского эпоса *Wyryzmag/Uruzmag* (**Алемань** 2003, с. 428), восходящего к *ava-rasmaka* «господин» (**Габараев** 1986, с. 68).

В качестве аналогии приведем пункт договора 944 г. между императором Византии и киевским князем, согласно которому купцы, приезжавшие в Константинополь с согласия киевского

князя, должны были иметь при себе княжеские «печати» и «граммоты» (*Мельникова* 2003, с. 66 примеч. 67).

В 1167 г.¹⁹ в Луках, согласно сообщению Новгородской I летописи, состоялся *поряд* между новгородцами и киевским князем Ростиславом: «приде Ростислав ис Киева на Луку, и позва новгородьце на порядъ: огнищане, гридь, купьце вячьшее...». Как видно, от имени новгородцев договор с князем заключили «огнищане, гридь, купьце вячьшее». Последние традиционно рассматриваются как «самые зажиточные представители новгородского торгового класса» (*Лукин* 2006, сс. 169-170).

Под 1215 г. НЛ сообщает о составе двух вечевых собраний в Новгороде, собранных в связи с уходом из города князя Мстислава и приглашении владимирского князя Ярослава. Интересно, что посольство, пригласившее Ярослава, состояло из посадника, тысяцкого и 10 «купцов старейших». Очевидно, правы исследователи, рассматривающие это обстоятельство как показатель принадлежности верхушки новгородских «купцов» к властной элите еще в начале XIII в. «и тем более об их существенной роли в вечевых собраниях» (*там же*, с. 177).

Здесь же напомним практику Ярослава [978-1054, князь новгородский с 1015 г., с 1019 — великий князь киевский] налаживать контакты с «варягами». Важным инструментом в этом процессе являлось предоставление «преимуществ в торговле, вплоть до основания своих торговых подворий в русских городах» (*Глазырина* 2008, сс. 103-104).

II. 10. Города и торговые центры. Судя по археологическим и письменным памятникам, XIV в. предстает как период «больших городов»: Сарай, Сарай ал-джадид, Булгар, Биляк, Хаджи-тархан — на Волге; Кафа — в Крыму; Маджары — на Центральном Кавказе; Ургенч, Самарканд, Бухара и др. — в Средней Азии. «Тесный союз степи и городов» развитие ремесла и торговли — «все это лежало в основе создания сильного экономического потенциала». Очевиден также экономический подъем Северо-Восточного Кавказа в рассматриваемый период. «Появившиеся на западном берегу [Каспия — Ф. Г.] поселения говорят о росте значения земледелия» (*История Дагестана* 2004, с. 237).

Мы уже приводили обзор мнений и свое отношение к проблеме роли городов в жизни древних и средневековых социумов Северного Кавказа (**Гутнов** 2007, сс. 224-253). Поэтому кратко остановимся на отдельных сторонах их генезиса и региональных особенностях.

Прежде всего отметим собственно монгольские «города» — «ставки», или «походные лагеря» [орды], поразившие воображение европейских наблюдателей. Красочное описание не самой крупной орды монгольского феодала Скатая оставил Г. Рубрук. Он еще издали увидел удивительную картину: «Повозки, нагруженные домами, и мне казалось, что навстречу мне *движется большой город* [курсив мой — Ф. Г.]. Причем, «каждый такой дом тянули за собой до двадцати двух быков, а всякий *богатый и знатный* [курсив мой — Ф. Г.] монгол имел в своем лагере до сотни таких 'домов на колесах'; у Бату-хана было 26 жен, у каждой из них — по большому дому, не считая двух сотен кибиток для служанок ханши...» Еще большее впечатление произвела орда Бату: «Когда я увидел двор Бату, я оробел, потому что собственно дома его казались как бы большим городом, протянувшимся в длину и отовсюду окруженным народами на расстоянии трех или четырех лье» (см.: **Полюдь** 2009, сс. 297-298).

В 1332-1333 гг. в Золотой Орде побывал Ибн Баттута, также описавший «город» монголов: «Подошла ставка, которую они называют *урду*... и мы увидели большой город, движущийся со своими жителями; в нем мечети и базары, дым от кухонь взвивался по воздуху: они варят [пищу] во время езды своей, и лошади [в это время] везут арбы с ними» (**там же**, с. 298).

И. Барбаро описал свои впечатления от увиденного им прибытия к Тане орды Кучук-Мухаммеда в 1438 г. «Сначала шли табуны лошадей по шестьдесят, сто, двести и более голов в табуне; Потом появились верблюды и волы, а позади них стада мелкого скота. Это длилось в течение шести дней, когда в продолжение целого дня — насколько мог видеть глаз — со всех сторон степь была полна людьми и животными... У этого народа в употреблении бесчисленные повозки на двух колесах, вроде наших... На некоторых повозках помещаются дома... За исключением того, что их

станы не окружены стенами, они представляются *огромнейшими и красивейшими городами* [курсив мой — Ф. Г.]» (*там же*).

Если исходить не из этимологического значения термина *город* [«огороженное место»] ²⁰, то не всякое даже крупное поселение можно считать городом (*Новосельцев* 1991, с. 11). Напомним, что, по мнению археологов, города, как таковые, в степном Предкавказье возникали, преимущественно, из административных, идеологических и торгово-ремесленных центров (*Афанасьев* 1987, сс. 135, 139-140; *его же* 1993, сс. 118-122). На транзитных магистралях, связывавших «Средиземноморье со странами Средней Азии, Индией и далеким Китаем» (*Меликишвили* 1959, с. 324), получили развитие старые города и выросли новые. Интересен быстрый взлет «города» Ангелинский Ерик.

Со стороны степи данное поселение прикрывалось рекой, а «открытая часть излучины обращена в сторону дельты и плавней Кубани». Начало жизни на данном поселении приблизительно совпадает со временем подчинения плавневых адыгов, «которые в момент монгольского нашествия ушли в болотистую местность и долгое время сопротивлялись завоевателям». Периоду сопротивления адыгов соответствует другое поселение — Прорвенский-1, локализованное в глубине дельты. Жизнь здесь прекращается в середине-конце XIII в. «Напрашивается предположение, что как раз с его исчезновением и связано начало жизни на поселении Ангелинский Ерик» (*Волков* 2005, с. 348).

Общая площадь памятника точно не устанавливается; по приблизительным подсчетам она колеблется в пределах от 80 до 140 га. Для сравнения: Халеб и Дамаск в середине XIII столетия занимали площадь около 110 га, а Фустат конца XIV в. — 200 га. Но эти города защищали укрепления. Численность населения при отсутствии прямых данных определяется условно по плотности застройки. Волков в качестве маркера для этой цели использовал показатели сельской/усадебной планировки и свободной городской застройки: соответственно 15-25 человек/га и около 50 человек/га. «При плотной городской застройке эта характеристика резко возрастает до 260-636 человек/га».

Конечно, столь большие «ножницы» приведенной статистики не исключают возможность ошибки. «В любом случае, площадь близка к этому показателю у эмирских городов Золотой Орды» (*там же*, сс. 348, 367).

В целом, как отмечают специалисты, появление и развитие городов Золотой Орды в XIII-XIV вв. «диктовалось вполне определенными политическими и экономическими аспектами развития государства» (**Егоров** 1985, с. 75). В период пребывания Северного Кавказа в составе Золотой Орды наиболее крупными городами региона являлись: Дербент, Тарки, Нижний и Верхний Джулаты²¹, Хамадиевское и Булунгуевское городища, Маджары, Матрега и Копа (*там же*, сс. 120-123).

Крупнейшим золотоордынским центром на Северном Кавказе являлись Маджары. Установить время его основания сложно ввиду того, что золотоордынский город, а затем и современный Буденовск последовательно уничтожали все более древнее. Датировку основания собственно *города* Маджары усложняет бытование на данной территории различных поселений.

В. А. Городцов (1911, с. 165) установил наличие небольшого поселения и могильника II-III вв. н.э. Сарматские памятники той поры обнаружены в Буденовске. **Ртвеладзе** (1972, сс. 152, 154) удреверяет датировку городища до IV-I вв. до н.э. Он же упоминает находку монет боспорского царя Котиса II (124-133 гг.). Среди археологических находок — аланские чернолощенные кувшины, что подтверждает гипотезу **Н. Г. Волковой** (1972, с. 50) о возможном существовании *города* Маджары еще в хазарское время, т.е. не позднее X в. (**Кузнецов** 1993, сс. 43-44). По мнению **Ртвеладзе** (2008, с. 78), этот город основан в середине XIII в. Его расцвет, напомним, приходится на XIV в.; в середине этого столетия при Джанибек-хане велись восстановительные работы на обветшалых оборонительных сооружениях. К тому времени Маджары занимали площадь 8 кв. км. В XV-XVI вв. город приходит в упадок. В другом крупном центре Золотой Орды — Сарае Берке, — по описанию Ибн-Баттуты, «монголы, асы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы населяли отдельные кварталы, в которых имелись базары». Н.Г. Волкова полагает, что подобный

состав населения имел место и в Маджарах (**Волкова** 1972, сс. 53-55). Среди разноплеменного населения значительную долю составляли христиане. В ходе раскопок обнаружено пряслице конца XIII — начала XIV вв. с осетинской надписью, выдержанной в рамках дигорского диалекта.

Ибн-Баттута Маджары назвал «большим, одним из лучших тюркских городов на большой реке, с садами и обильными плодами», с малыми квартальными и соборной мечетями. На базаре он встретил еврея из земли Андалусской — Испании, прибывшего сюда не морем, а сушей через Константинополь, Римские земли [Византию] и страну черкесов [т.е. через Северный Кавказ]. Это обстоятельство, а также присутствие у шейха Мухаммеда Эльбатахи из Ирака, чьим гостем в Маджарах был Ибн-Баттута, 70 факиров «арабских, персидских, тюркских и румских», свидетельствует о торговой роли города, стоявшего на скрещении больших путей, благодаря чему сюда попадали купцы и путешественники с запада, востока, и юга. Бывали в Маджарах и люди с севера. В 1319 г. тело убитого в ставке хана Узбека за Терекком князя Михаила Тверского везли на Русь через Маджары. Об экономическом значении города свидетельствует чеканка собственной монеты. По карте, реконструированной **Ртвеладзе** (1972), Маджары стояли на важнейших торговых магистралях, включая трассы ВШП. Об этом свидетельствуют находки около 1000 монет. Некоторое время в Маджарах чеканили собственную монету (**Ртвеладзе** 2008а, с. 163).

Крупными городами средневекового Северного Кавказа являлись Верхний и Нижний Джулаты. Первый локализуется в Северной Осетии, а второй — близ города Майского Кабардино-Балкарии. К числу наиболее важных факторов, способствовавших развитию Нижнего Джулата, относятся *«чрезвычайно выгодное географическое положение близ места скрещения важнейших военно-торговых путей [курсив мой — Ф. Г.] с запада на восток [от Причерноморья до Дербентского прохода] и с севера на юг [с Юго-Восточной Европы через Дарьял в Закавказье]* (**Чеченов** 2008, с. 163).

В конце XIII-XIV вв. Нижний Джулат являлся центром богато-

го одноименного района. Некоторые археологи отождествляют его с «областью Джулат», в которой армия Тимура «запаслась провизией из тамошних зерновых продуктов» (*там же*, с. 164).

Проблема урбанизации стала объектом пристального внимания дагестанских ученых (*Кудрявцев* 1976, 994, 2003; *Гаджиев* 1997, 2002).

В 1977 г. на «Крупновских чтениях» с докладами о древнем и средневековом Дербенте выступили В. Г. Котович и А. А. Кудрявцев. Первый археолог говорил о древних городах Дагестана «как особой исторической категории, сложившейся в ходе социально-экономического развития местного общества, основанного на земледелии». Им выделено четыре этапа урбанизации в Дагестане: от поселений протогородского типа начала I тыс. до н.э.» до развитых средневековых городов. Причем, для раннесредневекового периода характерна интенсификация процесса урбанизации; «местами возникают новые крупные города [Верхний Чирюрт]». Города этого периода «сохраняют прежнюю структуру и типологию». В экономике важное место сохраняло «земледелие, наряду с различными ремеслами и торговлей» (*Котович* 2008, с. 165).

В раннем средневековье поселения горного Дагестана стали обносить оборонительными сооружениями в виде рвов, валов и каменных стен. В ту эпоху здесь появляются новые поселения, наблюдается существенный рост плотности населения. Их количество с учетом современных аулов, в которых выявлены средневековые материалы, достигает 15-ти. Все они возведены на естественно укрепленных местах — мысах, высоких скальных плато, холмах, как правило, вблизи рек и на небольшом расстоянии друг от друга [не более 4-5 км]. Это были довольно крупные городища [площадь некоторых из них достигала 6 га]. Каждое из них имело свою автономную систему обороны, что указывает на значительную самостоятельность данных поселений. Археологи отмечают сложную систему городищ: деление на две части — укрепленную и неукрепленную, а на Кулецминском городище имелась еще и цитадель. Наличие последней связано с далеко зашедшим процессом

социальной стратификации. В конце I-го тысячелетия жизнь на большинстве из рассматриваемых поселений постепенно замирает, а в *предмонгольский* период рассматриваемые аулы и вовсе приходят в запустение. Одно лишь Нижнее-Чуглинское поселение перестает функционировать в *послемонгольское* время (**Абакаров** 2008, с. 167).

На тех же «Крупновских чтениях» 1977 г. Кузнецов высказал мнение о несовпадении механизма формирования городов на Кавказе и в Европе. Хотя данный процесс в обоих регионах протекал в одном русле, на Кавказе он имел свою специфику. На Северном Кавказе в отличие, например, от античных городов, они, пишет Кузнецов, выросли из родовых поселков. Длительное время сохранялся их аграрный характер. Возражая на замечания коллег, Котович вновь подчеркнул: «этот процесс [формирование городов — Ф. Г.] протекал в разных частях Северного Кавказа далеко не одинаково». Это обусловлено различием хозяйственных укладов. «На северо-западном Кавказе памятники свидетельствуют об оседло-земледельческом характере населения. На северо-востоке открыты памятники с зачатками укреплений городского типа. В центральной части Кавказа сложение городов шло более медленными темпами» и здесь они оформились позднее, чем в других местах региона (см.: **Козенкова** 2008, с. 157).

Нет нужды подробно останавливаться на характеристике Дербента. Его детально исследовали дагестанские ученые (см., например: **Кудрявцев** 1976; **он же** 1994; **он же** 2003). Согласно Шихсаидову, с начала XII и до конца XIII в. Дербент оставался одним из крупнейших городов Кавказа, важным политическим, торгово-ремесленным, культурным и религиозным центром. В рассматриваемых хронологических рамках Дербент существовал «как проводившее самостоятельную политику феодальное владение — эмират. Здесь чеканилась собственная монета» (**История Дагестана** 2004, 194).

Развитие ремесел и быстрый рост численности ремесленников стимулировали создание профессиональных объединений. Письменные источники упоминают глав «ремесленных корпораций» и «городских гильдий» (**там же**, с. 212).

В истории Дербента отмечена практика [особенно в случае внешней угрозы] «найма» какого-либо князя. Так, эмиром Дербента в конце XI в. был некий Абдалмалик. После его свержения он нашел убежище в Хайдаке. В 1070 г. «народ ал-Баба снова призвал эмира Абдалмалика из Хайдака; его привезли в город [балад], вручили ему власть, и он стал сражаться [курсив мой — Ф. Г.] с ширванцами». Но в 1075 г. горожане вновь изгнали эмира Абдалмалика (*там же*, сс. 197-198).

В XIII-XV вв. Дербент неоднократно входил в состав Золотой Орды. Так было, например, с 1385-1386 г. до похода Тимура в 1395 г. Здесь печатались дирхемы Тохтамыша, а в 1406-1410 гг. — монеты с именем золотоордынского шаха Джанибека (*там же*, с. 240).

В ходе археологических исследований выяснилось, что «плотность застройки города IX-XII вв. была весьма велика, особенно в верхней части. В шахристане Дербента вскрыты дома двух категорий [возможно, их было больше] — это внушительные дома представителей феодальной верхушки города [площадью 200-400 м²] и жилища рядовых горожан [площадью 60-140 м²]. Если исходить из плотности населения города 264 человека на 1 га территории [т.е. судить о плотности населения по показателям позднесредневекового Дербента], то количество жителей города могло достигать 40000 человек. Однако А. А. Кудрявцев полагает, что плотность населения средневекового Дербента была еще выше. Согласно его системе подсчета, плотность населения колебалась в пределах 350-375 человек, а численность горожан в целом — 53-57 тысяч жителей. С учетом гвардии и администрации эмира города, учащихся медресе и различных бойцов за веру численность всего населения доходила до 60-65 тысяч. Сопоставление приведенных данных с численностью населения наиболее крупных развитых средневековых городов Средней Азии, Ближнего Востока и Западной Европы показало, что Дербент не уступал по численности жителей большинству из них и реально являлся крупным феодальным городом с высокоразвитой экономикой (Кудрявцев 2008а, с. 213).

Вопрос о внутренней структуре и планировке средневекового Дербента все еще остается дискуссионным. С одной стороны, некоторые исследователи указывают на его трехчастную структуру. С другой — археологические раскопки, проведенные в самом городе, позволили четко выделить две части раннесредневекового Дербента — цитадель [кухендиз] и собственно город [шахристан]. Такую структуру Дербент сохранил и в период своего наивысшего расцвета в VIII-XIII вв. Авторы XIII-XIV в. говорят о разрушении сельскохозяйственной округи города и переориентации земледелия на скотоводство. К концу XV в. роль Дербента как главной гавани на западном побережье Каспия перешла к Баку. Анализ свидетельств XV-XVII вв. привел Г.Г. Гамзатова к выводу о существенном сокращении жилой части города. Продолжали функционировать лишь цитадель и квартал на склоне холма. Судя по позднесредневековым данным, Дербент делился на кварталы, в местных хрониках именуемых *магалами* [название, употребляемое для верхней части Дербента и в наши дни]. Вся общественная, торговая и культурная жизнь проходила, как и в восточных городах, вокруг религиозного центра Дербента — Джума-мечети. Выше нее «находилась торговая площадь, куда выходили три караван-сарая» (*Гамзатов* 2008, сс. 266-267).

Поиски археологов подтвердили отсутствие рабада за стенами города. Со второй половины XIII в. началась застройка территории на склоне холма под цитаделью. Наиболее застроенной частью Дербента была цитадель. Здесь располагались большая ханская баня, огромное водохранилище и ханские дворцы, существовавшие в XII-XVIII вв. В цитадели находились ставка наместника, жильё городской знати и военный гарнизон. Здесь же находилась мечеть с минаретом (*там же*, с. 267).

Структуру города на протяжении длительного периода уточнил Кудрявцев. «Социальная стратиграфия дербентского феодального общества нашла отражение в исторической топографии города VI — середины XIII вв., имевшего двухчастную структуру [кухендиз — шахристан] в раннесредневековый пе-

риод и трехчастную [кухендиз — шахристан — рабад] — в средневековый» (*Кудрявцев* 2008б, с. 301).

В раннее средневековье цитадель являлась резиденцией сасанидского правителя [*марзпана*] и его двора, административно-чиновничьего аппарата, воинов, служителей культа. В ходе раскопок выявлен монументальный дворцовый комплекс с помещениями жилого, административного и общественно-бытового назначения общей площадью свыше 3 тыс. м². Крупные размеры дворца, монументальность его стен, массивность колонн, богатство строительных материалов и внутреннего оформления не сопоставимы ни с одним другим гражданским объектом цитадели «и могут свидетельствовать о самом высоком положении его обитателей в социальной структуре города» (*там же*).

Дворцовый «комплекс правителя Дербента... мало в чем уступал сасанидскому». Подобно последнему, своей парадной частью он примыкал к восточной стене цитадели, а фасадом был обращен в сторону города. В X-XIII вв. цитадель оставалась резиденцией эмиров. В тоже время существенные перемены произошли в исторической топографии, что некоторыми исследователями связывается «с обострением социальных противоречий в феодальном обществе... Эмирам пришлось бороться за власть с крупной городской знатью — раисами». В топографии цитадели это отразилось в перемещении дворцовых комплексов из восточной ее части в северо-западную. Восточная стена примерно с X в. стала самым уязвимым местом цитадели, тогда как ее северо-западная часть «после разгрома Хазарии приобрела в этом плане значительные преимущества». Свидетельством обострения социальных противоречий служат три мощных полукруглых башни, укрепивших фланги и центр восточной стены цитадели. К татаро-монгольскому нашествию «цитадель превратилась в самостоятельную часть фортификации города, в своего рода феодальный замок» (*там же*).

Изменились функции шахристана. Если в раннем средневековье он был средоточием всей жизни города, то в средние века изменил свой статус, превратившись в привилегированную часть

города. В эпоху сасанидов территория Дербента достигала 26-27 га. Стала прослеживаться определенная квартальная концентрация различных социальных групп населения. Ремесленное производство [керамическое, стекольное, металлургическое и др.] и жилища рядовых горожан концентрировались в восточной и юго-восточной частях Дербента. Более богатые дома строились в западной его части, примыкая к цитадели. В средневековый период шахристан отделился от остальной территории города поперечной стеной. Здесь сосредоточились базары, мечети [в т.ч. соборная], водохранилища, амбары, караван-сарай, бани, фонтаны и богатые дома площадью 200-300 м², по строительным материалам и внутреннему убранству не уступавшие дворцам эмиров. «Обитатели этих жилищ стояли на очень высоких ступенях феодальной иерархии города и были главными противниками эмиров в борьбе за власть, соперничая с ними не только политически, но и экономически» (*там же*).

Рабат составляли жители нижних районов города, отделенных от верхних [привилегированных] поперечной стеной. Как собственно жилище [небольшие одно- или двухкамерные дома из бутового камня], так и его обстановка, не оставляют сомнений, что здесь проживал торгово-ремесленный люд. Нижние кварталы занимали площадь около 125-130 га (*там же*, сс. 301-302).

На протяжении средневековья экономика Дербента знала периоды спада и взлета. В последних случаях прослеживается стремительный рост численности горожан. В качестве местного населения источники называют хазар, алан, русов, а с XII в. тюрков-сельджуков. Нашествие монголов, затем и Тимура, завоевания Дербента сефевидами, турками-османами, нашествие Надир-шаха «внесли свои коррективы в этническое развитие города, но не смогли ассимилировать местный этнический элемент и ликвидировать его доминирующее положение» (*Кудрявцев* 2008в, с. 369).

Монгольское нашествие подорвало морскую торговлю Дербента. Новый подъем наметился к концу XIII в. [появление на Каспии генуэзских купцов, торговля шелком, портоланы

1320 г. и 1351 г., «Каталонский атлас» 1375 г., строительство А. Реканной в конце XIV в.]. С середины XV в. возрастает роль порта как важного пункта транзитной торговли [по сообщению И. Барбаро, венецианцы вели строительство в Дербенте фуст]. Через Астрахань начинают восстанавливаться связи с Русью [А. Контарини; А. Никитин]. В слоях города этого времени археологами в *большом количестве* найдены иранский фаянс с росписью кобальтом, китайский фарфор, слоновая кость, импортные украшения. Таким образом, в свете новых археологических находок Дербент предстает как важный центр торговых [возможно, и иных] связей Кавказа, Восточной Европы и Передней Азии (**Гусев** 2008, с. 385).

Письменные источники неоднократно указывают на контролируемые монголами города и поселения Северного Кавказа. Так, на территории от Дербента до Терека средневековые авторы локализуют многочисленные владения Тама-Тогда, потомка хана Шабая (**Тизенгаузен** 1941, с. 65). Тама-Тогда, влиятельный представитель ханского рода, долгое время возглавлял пограничный округ, созданный в последней трети XIII в. на равнине и предгорьях Дагестана и Чечни. Названный хан владел обширными пастбищами вплоть до Терека (**Магомедов, Криштопа** 1978, с. 10). Согласно свидетельству Вассафа, рассматриваемый регион всегда был местом зимовок и сборным пунктом войск джучидов. Летописец сообщает о походе эмира ильханов Чупана против золотоордынских владельцев поселений Северного Кавказа, в ходе которого было уничтожено множество «городов, деревень и кочевников» (**Тизенгаузен** 1941, с. 143).

Группа архаических бытовых памятников на территории современной Балкарии, Карачая и Черкесии трактуется по-разному (**Чеченов** 1961, сс. 19, 43, 48, 60-61). Если Федоров-Давыдов и Егоров относят их к собственно золотоордынским, то Мизиев и Батчаев склонны считать их балкарскими и карачаевскими (**Мизиев** 1981, сс. 7-31; **Батчаев** 1986, сс. 89-91). При этом балкарские исследователи выделяют наличие на ряде объектов канов с суфами, детали интерьера, характерные для домостро-

ительства золотоордынского Поволжья. Их появление в горной Кабардино-Балкарии археологи связывают с инфильтрацией «тюркоязычных насельников из предгорно-плоскостной зоны... в конце XIV — начале XV вв.» Сами жилища датируются «скорее даже началом XV в.» (**Батчаев** 1986, с. 89).

Рассматриваемые источники содержат определенную информацию об этнической и демографической ситуации социумов Северного Кавказа. В этом отношении показательны остатки юртообразных сооружений на городищах Нижний Джулат и Алхан-кала. Батчаев сопоставляет их с жилищем половцев XIII-XIV вв. Аналогичные юртообразные сооружения известны и на Сигитминском поселении в Дагестане (**Нарожный** 1987, сс. 61-62).

Егоров на материале центральных районов Золотой Орды подобные находки рассматривал в качестве показателя «переплетения кочевых и оседлых черт в жизни и культуре Золотой Орды». Причем, они маркируют тот этап, когда «кочевая аристократия, заняв крупные государственные посты, осев в столице и выстроив себе дома, еще долгое время использовали юрты в качестве летних жилищ» (**Егоров** 1985, сс. 27-47, 75-176).

Совместными усилиями ученых разработана иерархия мест обитания этносов степей юга России. У хазар в нее входили: становища [сезонные стойбища]; зимовища [постоянные кочевья]; городища — поселения, нередко окруженные земляными валами; крепости небольших размеров [типа замков], стены которых были сложены из кирпича или камня; города — большие населенные пункты, выросшие на месте античных поселений Крыма и Северного Причерноморья или средневековых поселков Восточно-Европейской равнины (**Попов** 2005, с. 181).

На Северном Кавказе существовали поселения разных типов. В Дагестане на смену мелким поселкам постепенно приходили крупные, более приспособленные для обороны. В Дагестане, и частично в горах Центрального Кавказа, поселения плотно располагались на горных склонах. Подступы к аулам укрепляли боевыми башнями, или замками, а иногда — каменными стена-

ми. Так, балкарское поселение Эль-Журт в XIV-XVII вв. площадью около 8 га состояло примерно из 50 расположенных террасами усадеб. Усадебный тип неукрепленных поселений был характерен для горной полосы Северо-Западного Кавказа. У феодалов нередко отмечались специальные дома для гостей (**Лавров** 1981, сс. 3-4).

Арабская надпись 1356 г. в дагестанском селении Курах упоминает «горы Кураха: от *мельницы* Хибитара до *загона* для скота, [принадлежащего] Ругуну... до *Хараджского моста* и до Друцдкульского *тока*... и до *М-гун-кура*, [где] кончается *конюшня* [курсив мой — Ф. Г.]...» (**Лавров** 1966, с. 118). Как видно, ток для молотбы, водяная мельница, конюшня и загон для скота локализованы за пределами села. Интересно и упоминание моста, названного «Хараджским»; возможно какое-то время мостовой сбор²² шел на уплату дани.

Плано Карпини в 1246-1247 гг., пройдя Золотую Орду с запада на восток и обратно, в степи не встретил ни одного города или поселения. Спустя 6 лет путевые заметки Рубрука говорят об оживлении градостроительной деятельности монголов в степной зоне. Осенью 1254 г. Рубрук посетил основанную Батыем столицу Золотой Орды — город Сарай. Сообщение посла Папы римского является первым свидетельством существования этого города. Рассказали Рубруку и о строительстве старшим сыном Батыя, Сартахом, на правом берегу Волги нового поселка с большой церковью. По всей видимости, данный поселок должен был играть роль административного центра улуса Сартаха. Особого расцвета градостроительство и архитектура достигли при хане Узбеке и его наследнике — Джанибеке. Период их правления отмечен возникновением большого числа новых населенных пунктов. Самым крупным из них был заложенный Узбеком в начале 30-х гг. XIV в. Сарай ал-Джедид [Новый], впоследствии ставший столицей (**там же**, сс. 76-77).

Интересным памятником рассматриваемого периода является Голубицкое городище. Одноименная станица локализована в Темрюкском районе Краснодарского края. Она находится в 8 км западнее Темрюка, в 1 км от берега Азовского моря и

расположена на трех плоских холмах, вытянутых вдоль берега по линии запад-восток. Площадь городища — 7 га. В 90-х гг. минувшего века здесь проведены раскопки, которые позволяют утверждать, что «восточный» холм являлся детинцем довольно крупного города.

Ю. М. Десятчиков, поддержанный В. А. Захаровым, высказал гипотезу, согласно которой верхние слои «восточного» холма являются посадом упоминаемого в латинских, византийских и арабских источниках острова с городом Русия, Русийа. В начале XIII в. город разграбили татаро-монголы, а позднее — и воины Тимура (**Чхаидзе** 2004, сс. 234-240).

Некоторые дагестанские исследователи полагают, что образование новых крупных поселений происходило, как правило, через слияние нескольких соседних сел. «Образуется не новое селение, а укрупняется территориально старое. В свою очередь, механизм перехода на новое место также имел несколько вариантов». В большинстве случаев каждое поселение, входившее в объединение, в рамках последнего сохраняло «свое лицо, структуру и, возможно, свой социальный статус». Причем, первоначально «количество кварталов и тухумов... было равным» (**История Дагестана** 2004, с. 212).

Поселения алан/осетин складывались в течение многих столетий. В горной полосе от эпохи средневековья сохранились развалины крепостей [в сел. Нузал²³, Урсдон, Дзвгис, Едыс], заградительные стены [Касарский оборонительный комплекс, Хилакская стена], христианские церкви [сел. Дзвгис, Нузал, Зруг] и «развалины аланских поселений в самых различных районах горной Осетии» (**Калоев** 2009, с. 229).

По мнению этнографов, «формирование поселений в горной Осетии более четко прослеживается после монгольского завоевания и оттеснения алан-осетин с равнинной полосы в горы Центрального Кавказа» (**там же**, с. 230). Источниками по этому периоду служат историко-архитектурные комплексы (**Тменов** 1984; **его же** 1996), генеалогические и исторические предания (**Гутнов** 1987; **его же** 1989), топонимическая номенклатура (**Цагаева** 1971, 1975; **Лавров** 1980), письменные

источники (**АВПР**, ф. Осетинские дела). Из последних особую значимость имеет «Опись» осетинских «уездов», «деревень» и «как оные называются, сколько в каждой деревне дворов и крещеных обоюга пола душ и каждой уезд и деревня от деревни разстоянии». Опись датирована 18 июля 1780 г. (*там же*, оп. 128/II, д. 1, лл. 1396-1400).

Судя по перечисленным документам, в золотоордынский период, особенно после походов Тимура, аланы окончательно потеряли равнинные территории. В ущельях Центрального Кавказа они освоили «самые высокогорные и труднодоступные места [верховья рек Фиагдон, Ардон, Ксани, Арагви, Большая и Малая Лиахви], где имелась хоть малейшая возможность к существованию» (**Калоев** 2009, с. 230).

Примечания

¹ Скорее всего, речь идет о переселении воинов не только с их семьями, но и с прислугой, ремесленниками и т.д. Если приготовить еду могла жена, то подковать коня, после боя привести в порядок оружие, защитный доспех и т.д. могли только ремесленники. Мунтанер [о нем см. ниже] сообщает о переселении такого рода многочисленной группы алан во главе с Джиргоном [возможно восходит к *Vrkana*, уменьшительное от *vrka* «волк», имя, «бывшее очень популярным в Кавказском регионе»]. В нее входили около трех тысяч конных и шести тысяч пеших воинов с женами и детьми, Пахимер приводит другие цифры: «приблизительно шестнадцать тысяч человек, из которых больше половины воинов» (**Алемань** 2003, сс. 398-399, 402). Разница в статистике, возможно, объясняется тем, что Мунтанер приводит число мужчин боеспособного возраста, тогда как Пахимер указывает их общее количество. О том, что лишь часть сопровождавших Джиргона алан была его дружиной, а в целом они представляли собой некую этно-социальную группу, говорит следующий факт: после проигранного аланами боя, их враги пленили их «женщин и детей и захватили все, что было с ними: и лошадей, и скот, и их палатки». Все это позволило Мунтанеру утверждать, что «аланы поступают подобно татарам, которые все время передвигаются со всем своим имуществом, и никогда не оседают в большом или маленьком городе или в селении» (*там же*,

сс. 400-401).

²Характерно для политики чингизидов. Татарские ханы постоянно посылали отряды из жителей покоренных ими народов на войну. Если хан вынудил русских князей идти на Кавказ для штурма Дедякова, то среди туменов Мамаю в 1380 г. находились и представители горских народов — «черкесы» (*Очерки* 1953, с. 740).

³Возможно, и жителей города Маджары.

⁴Арабский ученый, родившийся в Испании в 1214 г. Дата смерти точно не установлена; по одним данным, он умер в Дамаске в 1274 г., по другим — в Тунисе в 1286 г.

⁵Хулагу — монгольский «князь», внук Чингис-хана, завоеватель Ирана и Закавказья, основатель и первый правитель монгольской державы в Иране, ильхан [1258-1265].

⁶Берке — монгольский «князь», внук Чингис-хана, третий сын Джучи, хан Золотой Орды [1256-1266].

⁷Кровопролитная война между джучидами и хулагидами, продолжавшаяся с перерывами около сотни лет, велась за контроль над территорией современного Азербайджана. Здесь образовался своеобразный пучок из транзитных торговых магистралей, связывавших Западную Европу с Востоком.

Сражение между двумя внуками Чингисхана, о котором упоминает Ибн-Са'ид, произошло в 1263 г. в междуречье Терека и Кумы. В этой битве Берке нанес Хулагу сокрушительное поражение. При отходе остатков войска ильхана через замерший Терек «лед проломился и множество воинов утонуло в реке» (*Коновалова* 2004, с. 228).

⁸В ходе этнографической экспедиции в Дагестане [в 1950 г.] Лавров обратил внимание на горный аул Хури. Согласно устной традиции, аул возник еще до арабских походов. Все жители считают себя потомками свободных крестьян. Над Хури возвышается «высокая гора Ваццилла. В день летнего солнцестояния, а также во время засухи на нее поднимались для молитвы и проводили там весь день. Название горы удивительно напоминает имя осетинского божества грозы — Вацциллы [курсив мой — Ф. Г.]» (*Лавров* 1982, сс. 122-123). Во время другой экспедиции [1951 г.], со слов лакцев, этнограф записал в дневнике: «примирение взаимно враждовавших джамаатов раньше происходило на священной горе Ваццилла (*там же*, с. 134).

Wacilla — в традиционном осетинском обществе название грозного божества; «считался также покровителем урожая; в этой последней функции назывался *Xjry Wacilla* 'Хлебный Уаццилла'». Наряду с Уастырджи, Фалвара, Тутыр, Аларды был одним из популярных «дзуа-

ров» [духов-покровителей] «и имел несколько посвященных ему святилищ». До сих пор праздник *Wasilla* отмечается в июне и сопровождается жертвоприношениями (**Абаев** 1989, с. 31).

В приведенном выше сюжете из работы Лаврова отметим также, что название аула, *Хури*, сопоставимо с осетин. *Хур* «солнце».

⁹ Городок Астрахань известен еще в период арабо-хазарских войн; в ту пору он назывался Ас-тархан; где *ас* — этноним «алан», а термин *тархан*, еще со скифской поры обозначал «лицо, свободное от налогов». Ас-тарханом называлась ставка алан, находившихся на службе у главы хазар.

¹⁰ Недавно, как уже выше отмечалось, издан перевод работы монгольского автора [**Чойжилжавын Чойсамба**. Завоевательные походы Бату-хана пер. с монг. М., 2006.], посвященной представителю блестящей плеяды «героического периода» монгольской истории — Батыю.

¹¹ Итальянские купцы начиная с 1266 г. монополизировали торговлю зихским хлебом, вытеснив с рынка «греческих коммерсантов». Зихи входили в число основных поставщиков зерна в Византию. Особенно заметным это стало с 1071 г., когда армия империи потерпела поражение у Манцикерта. Константинополь лишился основных сельскохозяйственных районов Анатолии, перешедших к сельджукам. Трапезунд [1204-1461 гг.], отрезанный от своих традиционных аграрных житниц, Херианы и Пайперта, также переориентировался на Зихию (**Самир Хотко**. 1999, с. 168). В XIV-XV вв. зихи оставались основным поставщиком зерновых как для итальянских городов-государств, так и для Византии и Трапезунда.

О масштабах торговли зерном можно судить по документам генуэзского нотариуса Ламберта де Самбучето, работавшего в Каффе в 1289-1290 гг. Так, по 16 актам за осень 1289 — весну 1290 г. из Кафы в Трапезунд доставили 1303,6 тонн хлеба. Доля потребляемого Генуей хлеба, привезенного из Зихии, доходила до 15%. «Характерно, что в XIV в. европейцы считали, что именно северо-восточное Причерноморье, и особенно Зихия, может в полной мере и устойчиво снабжать хлебом и продовольствием участников готовящегося крестового похода». Итальянцы «в большом количестве покупали хлеб в Алании» и у татаро-монголов (**там же**).

¹² Торговля, очевидно, была меновой, ибо монеты, найденные в погребальных комплексах, как правило, использовались в качестве украшений (**Мизиев** 1971, с. 70).

¹³ «Солдат удачи, а в зрелые годы — создатель одной из четырех Флора в Сицилии, а позднее — главным квартирмейстером [*mestre*

racional]. Каталанрекс Великих средневековых каталанских хроник, был главным уполномоченным Роджерской Великой компании. Так как Мунтанер сопровождал экспедицию в Византию в период между 1303 и 1307 гг., то подробный отчет, который он дает по событиям, пережитыми им самим, снабжает нас источником из первых рук для изучения этого периода» (**Алемань** 2003, сс. 393-394).

¹⁴ Погребальный обряд в Сатайи-Обау отражает местный религиозный синкретизм. «Вместе с тем, явная христианская ориентация закатчиков постройки очевидна, и ее прямым аналогом [и предшественником], несомненно является так называемая 'Нузальская часовня'». Скорее всего, погребение в Сатайи-Обау относится ко второй половине XV в. (**Белецкий** 2008, сс. 47-48).

По существующему преданию, рассматриваемый памятник возвел житель Лезгора Сат. Согласно устной традиции, мастер сделал это «для нападения на его брата Гагу, основателя Донифарса, причем, оба они стали родоначальниками привилегированных семейств» (**там же**, с. 48).

¹⁵ В Европе такие черты поведения купцов прочно сидели в детях негоциантов, даже если они становились далекими от торговли сановниками. Примером могут служить судьбы двух флорентийцев: Николо Аччайуоли [1310-1365] и Филиппо Сколари [ум. 1426]. Первый «сделал блестящую, просто потрясшую воображение современников карьеру» при дворе неаполитанского короля, получив от него «феоды с замками и крепостями, пост великого сенешаля... сохраняя до конца жизни роль первого советника королевской четы». Второй достиг высших чинов при дворе короля Венгрии Сигизмунда, в 1411-1437 гг. бывшим императором Германии. Николо, воспитанный во Флоренции, был не чужд чисто купеческих «добродетелей». «В его переписке практически нет и речи о доходах, которые он получал со своих земельных владений». Эта черта характерна «для всех купцов и деловых людей Флоренции, как и вечная тема о том, как уменьшить, скостить, вообще не платить налоги и займы в коммунальную казну...» (**Краснов** 2008, сс. 372-373).

¹⁶ Братья Николо и Марко Поло, попав в ставку Хубилая, были удивлены [«они увидели там много странного и удивительного»]: «Золото и серебро здесь были дешевы» (**Фишман** 2003, с. 39).

¹⁷ В раннем средневековье на Северном Кавказе монеты использовались не столько как торгово-денежный эквивалент, сколько как украшение (**Маслова** 2005, с. 55).

¹⁸ 6674 г. в НІЛ — мартовский. В Луки Ростислав пришел «на зиму»;

здесь он разболелся и на обратном пути умер. В Ипатьевской летописи его смерть датируется 14 марта. Следовательно, заключает И. В. Лукин, «поряд в Луках, по всей видимости, состоялся в конце 6674 г., т. е. в 1167 г. от Р. Х.» (Лукин 2006, с. 169 примеч. 21)

¹⁹ Рассматривая древний Киев, П. П. Толочко считает, что восходящий к слову *городить*, термин «город» изначально «обозначал только центральную детиничную часть Киева. По мере появления в нем новых укрепленных частей он распространялся и на них». Из буквального прочтения сюжета Ипатьевской летописи [«Тогда же погоре Подолье все... вь утреи же день погоре Гора и монастыреве вси, что их на Горе в городе, и Жидове»] следует, что крупный район Киева не отнесен к городу из-за отсутствия на нем укреплений. Собственно *город* составляла лишь Гора, обнесенная валами (Толочко 2006, сс. 190-191).

²⁰ Верхний Джулат предположительно связан с аланским городом Дедаковым.

²¹ Не только на Кавказе, но и в других регионах содержание мостов было затруднительным, но прибыльным делом. Так, в средневековой Европе на всех реках «не было постоянных мостов или их было очень мало;... нужно было платить... 'мостовые деньги'; мосты часто сносились паводками» (Февр 2000, с. 34)

²² Существует несколько версий этимологии данного топонима. А. Дз. Цагаева название аула *Нузал* выводила из монгольского как «место расположения эмира со свитой» (Цагаева 1971, сс. 21, 147). Другое решение — «форма повинности крестьян монгольским ханам» (Цагаева 1975, с. 188). Лавров предпочел иной перевод: «налог для проезжающих государственных чиновников», «остановка на станции или в гостинице», «стоянка лагерем», «сошествие», «спуск» (Лавров 1980, с. 214).

III. Общества Северного Кавказа в золотоордынский период: основные проблемы социальной структуры

Предварительные замечания. Проблема общественного строя этносов Северного Кавказа остается дискуссионной. Различные оценки и версии событий XIII-XV вв. на Северном Кавказе в советской историографии «со всей очевидностью» показали «необходимость дальнейшего изучения... динамики золотоордынского 'освоения' региона». Напомним слова Е.И. Нарожного: особую остроту данной проблеме придает то обстоятельство, что золотоордынская тематика является «своего рода 'ключевой' в процессе объективного осмысления ситуаций и процессов не только XIII-XV вв., но и последующего времени». В этом смысле неверное толкование [или игнорирование] событий той поры, «влечет за собой опасность появления различных разработок... сомнительного характера» (**Нарожный** 1987, с. 55).

В золотоордынский период горские общества находились на разных ступенях развития, отразивших широкий спектр социального устройства: от потестарных и раннеклассовых до раннефеодальных. В этой связи все еще актуальными остаются слова М.М. Ковалевского «обратить внимание... на некоторые стороны общественного строя кавказских горцев, *способные видоизменить ходячие представления о так называемом феодальном быте* [курсив мой — Ф. Г.]» (**Ковалевский** 1883, с. 138).

Российский исследователь, напомним, критиковал германских медиевистов, по убеждению которых феодальные порядки были свойственны только их предкам. Отметив, что на Западе намечается «некоторый протест против теории германистов насчет исключительной принадлежности германцам феодального строя», Ковалевский писал: «Но этот протест уже потому *бессилен* подкосить в самом корне упомянутую теорию, что за недостатком других источников должен ограничиваться толкованием лишь *крайне скудных, темных и отрывочных* свидетельств. Совершенно иного характера те данные, которыми располагает исследователь обычного права кавказских горцев. *На*

Кавказе перед нами воочию выступает тот сложный процесс, благодаря которому архаический порядок родовых и общинных отношений заменяется отношениями феодальными [курсив мой — Ф. Г.]» (там же).

В советском кавказоведении доминировала точка зрения о феодальном или раннефеодальном характере общественного строя у народов Северного Кавказа. Так, по мнению В.К. Гарданова в социумах Северного Кавказа к XIII в. «царила уже феодальная раздробленность». Однако «последующее развитие шло настолько медленно, что не дало возможности феодальным отношениям достаточно вызреть и освободиться от прикрывавшей их патриархальной оболочки» (Гарданов 2004, с. 192). Сущность феодального способа производства ученый видел в том, что «установившиеся формы и нормы эксплуатации обеспечивают повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании на протяжении многих веков» (там же, с. 194).

Ниже, в специальной главе, мы изложим свою версию особенностей феодальных обществ Северного Кавказа. Здесь же попытаемся в самых общих чертах реконструировать: функции общины в традиционных горских обществах; факторы и механизмы идеологического обоснования претензий на власть со стороны «князей» [при всей условности данного термина применительно к знати горцев]; соотношение власти военной аристократии и институтов управления прежних эпох; истоки привилегий феодалов; и др.

Начнем с анализа структуры управления в традиционных обществах народов Северного Кавказа. Во втором томе «Горского феодализма» мы вкратце коснулись этой темы (Гутнов 2008, сс. 201-205). Теперь рассмотрим ее подробнее.

III. 1. Место проведения и критерии участия в народных собраниях. Существенную роль в повседневной жизни населения Кавказа играла сельская или квартальная площадь (Карпов 1999, с. 61). У аварцев и даргинцев она называлась годехъан, у лезгин — гимга/ким, у чеченцев — пхъогъа, у осетин — ныхас, у кабардинцев и черкесов — хаса, хэсэ и тэхэс, у балкарцев, ка-

рачаевцев и ногойцев— ныгъыш, западных адыгов — хъэс, у рачинских грузин — санахшо, у хевсуров — сапехно. Причем, термины хаса у адыгов, ныгъыш у балкарцев и карачаевцев обозначали место, где собирались мужчины. Как правило, площадь располагалась в центре аула или квартала; нередко она была обустроена каменными скамейками и даже своего рода креслами.

Согласно З.Н. Ванееву, ныхас у осетин — это специальная площадка в центре аула (**Ванеев** 1990, сс. 151-152). В нартовском эпосе ныхас располагался «посреди аула» (**НК** 2004, ф. 761). Вторую группу составляли ныхасы, располагавшиеся за пределами населенных пунктов.

Г.Д. Чиковани ныхасы с обработанными камнями-сиденьями связал с туалъской группой средневековых осетин. К такому ученому отнес ныхасы селений Лац, Калак, Цоцолта, Сиони, Дартло. Рассматриваемая группа ныхасов состояла не только из памятников Туалгома и осетин Ахметского района Грузии, но и из ныхасов осетинских аулов Тырсыгома, Куртатинского ущелья и др. Правда, список памятников этого типа далеко не полон.

Знаменитый ныхас в Лаце [Куртатинское ущелье] представлял собой «окруженный оградой, выложенной в два-три камня, овал из плоских плит — ‘сидений’». На площадке, размером 6×15 м расположены три ряда «сидений»: в первом ряду — 3, во втором — 11, в третьем — 20. В устной традиции осетин данный ныхас связывается с нартами. Центральное место занимает «кресло Урызмага» [главы нартов]. Ближайшие к нему «сиденья» также хорошо обработаны и также имеют вид кресел. «Кресло Сослана», одного из главных персонажей эпоса, расколото пополам, как гласит сказание, мечом героя. Особые «кресла» приписываются нартам Хамицу, Батрадзу, Сырдо-ну. По устной традиции, ныхас сложен самими нартами, а аул раньше назывался «Нарты кау» *селение нартов* (**Скаков** 2006, сс. 286-293).

В цикле сказаний о нарте Сослане упоминается «ныхас посреди аула» (**НК** 2004, ф. 761).

На территории Западной Осетии группа ныхасов с каменными «сиденьями» представлена памятниками в аулах Мацута, Лесгор, Кумбулта, Ахсау (**Скаков** 2006, сс. 282-312) и в Стыр-Дигории к югу от Кусу (**Магомедов** 1968, сс. 411, 412). Примерно до середины XX в. ныхасы существовали в Галиате, центре общества Уаллагком.

По справедливому замечанию А. Ю. Скакова, «ни один ныхас Дигории до сих пор не становился предметом исследования. Единственным исключением в какой-то степени является ныхас у селения Лесгор», рассмотренный в тезисах **Л. Д. Мазура** и **А. П. Мошинского** (2008, с. 756). В какой-то мере этот пробел компенсировал сам Скаков, достаточно подробно описавший внешние признаки и функции ныхасов традиционного Дигорского общества (**Скаков** 2006, сс. 282-312). К наиболее показательным относится ныхас у поселка и урочища Мацута. Здесь вплоть до 30-х гг. XX в. «находился главный ныхас общества тапан-дигорцев». По другим данным, здесь собирались представители всех обществ Дигории (**Ган** 1898, с. 23). К. Ф. Ган топоним Мацута трактовал как «встреча», т.е. «место собраний», что вроде бы соответствует назначению ныхаса. А. Дз. Цагаева оспорила данную версию, предложив свой вариант: у Мацуты «сливаются kloчущие потоки рек Айгомуги дон и Стур-Дигори дон, образуя Ираф». Видимо, полагала исследовательница, название Мацута восходит к сванскому муцъве, манцъвива в значении «кипучий» (**Цагаева** 1975, с. 386).

На наш взгляд, эта версия менее правдоподобна, чем предложенная Ганом. Если две реки [пусть и «кипящие»], сливаются в одну, то почему название последней не Мацута, а Ираф? Каким образом сванский термин попал в Западную Осетию? И почему он закрепился не за «кипящей» рекой, а за аулом и урочищем?

Над аулом Кадат находится своеобразный памятник, похожий на ныхас. В огороженный каменной оградой круг диаметром около 12 м вписаны т.н. «кресла судей». В. А. Цагараев данный археологический памятник рассматривает как «зал заседаний» осетинского народного суда (**Цагараев** 2000, сс. 96-97).

Возле аула Калак [Мамисонское ущелье] рядом с башней на горе «находятся каменные скамьи ныхаса, на которых нанесены тамгообразные знаки и схематичное изображение человеческой фигуры». Ныхасы известны едва ли не во всех ущельях Северной и Южной Осетии: в аулах Дагом и Тамиск [Алагирское ущелье], Потифаз и Тиб [Наро-Мамисонская котловина], Верхний Дес и у церкви Таранджелос [Тырсыгом], в Джимаре, местности Зилахар [«кружение», т.е. ритуальный танец] и др. (**Скаков** 2006, с. 297).

Скаков обратил внимание «на название площадки для общеосетинских ныхасов — ‘Мадизан’ [это слово делится на две части — иранское ‘mad’ и тюркское ‘izaen’, каждое из которых переводится как ‘мать’] (**Абаев** 1973, сс. 63, 64)] или «Мадизад» [означает ‘ангел матери’ (**Ковалевский** 1886, с. 217)]. **Цагаева** (1975, с. 157) это название переводит как «мать-матушка». Наличие в одном термине иранского и тюркского слогов Абаев объяснял тем, что на ныхасе «Мадизан» решались дела как Осетии, так и тюркоязычной Балкарии. Под именем Матери почиталась богиня правопорядка и правосудия. На картинах М. Туганова, блестящего знатока этнографии осетин, среди старцев-судей на народном суде сидят шесть матрон, одна из которых является старшей (**Цагараев** 2000, с. 96, рис. 104).

Интересно, что «в некоторых даргинских селениях девушки ночью собирались на недоступном для них днем ‘годехъане’ — аналоге ныхаса». У хевсуров одна из пожилых женщин называлась диасахлысе — «хозяйка святилища». Изложенное дало повод для вероятной, но не бесспорной, гипотезы о первоначальной связи ныхаса не с мужским, а с женским божеством. В дальнейшем роль ныхаса трансформировалась, он стал исключительно мужским местом, вход на него женщинам был запрещен (**Скаков** 2006, сс. 301-302). Такая картина типична для всего Кавказа. Территория годекана, ныхаса и т.д. [как правило, ничем не огороженная, открытая для глаз окружающих] для женщин, девушек и девочек была запретной (**Карпов** 1999, с. 62).

По мнению Чиковани, в Осетии на собрании общинников могли присутствовать «все совершеннолетние мужчины неза-

висимо от происхождения и религиозной принадлежности». Однако тут же автор замечает: в Тагаурии и Дигории право участия в работе ныхаса не имели рабы и кумаяги (**Чиковани** 1979, сс. 51-52). Такое ограничение, на наш взгляд, следует распространить на всю Осетию. Так как кавдасарды [кумаяги] не являлись полноправными членами общества, то они не принимали активного участия в собраниях общины, не избирались в тархонлаги [судьи] и т.д. В соседних горских обществах категории населения, аналогичные осетинским кавдасардам и рабам, также не принимали участия в народных собраниях (**Магомедов** 1978, с. 51; **Невская В. П., Невская Т. А.** 1978, с. 29).

В нартовском эпосе участвовать в заседаниях ныхасов могли не все. Очевидно, преимущество имели старшие по возрасту. Хотя немощные старцы могли попасть в группу возрастных нартов, которые просто физически уже не могли исполнять свои функции (**НК** 2004, ф. 485). С другой стороны, присутствовать, а иногда и участвовать в работе совета, могли и молодые нарты. Во всяком случае, сын Гаппаг-алдара решил отправиться на ныхас нартов, для того, чтобы выяснить, так ли сильна их молодежь (**там же**, ф. 127).

Рассматриваемый «общественный центр по сути был мужским и по причине обладания правом активного участия в его жизнедеятельности лишь лицами зрелого возраста». Юноши вводились в состав его членов по достижении совершеннолетия. В традиционном обществе осетин таким переломным моментом в статусе молодого человека считалась женитьба. Право на создание своей семьи мужчина получал по достижении 17 лет. В праздник в честь покровителя мужчин [Стыр Тутыр] на ныхасе устраивался кувд [пир], на который впервые допускалась женатая молодежь. «Каждый приносил с собой араку [крепкий алкогольный напиток — Ф. Г.], три больших пирога, курицу, кусок вареного мяса. «Все раскладывалось перед мужчинами ныхаса». Завершение пира означало вступление молодого человека в мужское сообщество. С этой поры он становился «полноправным участником военного предприятия [балц] и т.д.» (**Чочиев** 1985, сс. 68-69; **Карпов** 1999, с. 62).

В.Х. Кажаров, анализируя этнографические материалы адыгских народов в повести А.-Г. Кешева «На холме», отметил: у читателя может сложиться впечатление, что в ней «описывается типично крестьянская община, самостоятельно решающая все жизненно важные для села вопросы». Однако, по утверждению Кажарова, привлечение «других источников показывает, что крестьяне совместно решали преимущественно хозяйственные вопросы, да и то под строгим присмотром и контролем со стороны феодалов». В конечном итоге сам «Холм» рассматривается как «место досуга, где удовлетворялась потребность в общении, своеобразный мужицкий клуб, выступающий как антиструктура, противопоставленная официальной иерархии» (**Кажаров** 1993, сс. 41-42).

Участие в работе ныхаса с определенного времени стало обязательным для глав семей. Поэтому нередко [например, в периоды сельскохозяйственных работ] право посещения собраний становилось обременительной нагрузкой. Обращает на себя внимание обязанность крестьян Дагестана [Табасарана] и Кабарды непременно присутствовать на собраниях, проводимых по инициативе знати. По сути, право участия общинников в народных собраниях превращалось в своего рода повинность (**Гаджиев** 1971, с. 212). На это обстоятельство обратил внимание М.О. Косвен. Обязательную явку представителей всех дворов на собрание он отнес к разряду повинностей (**Косвен** 1961, с. 18). В нормах обычного права появилась специальная статья: «Если сельские исполнители не соберут старейшин или целое селение, с них взыскивается одна овца» (**Казиев, Карпеев** 2003, с. 136). В научно-популярной книге о повседневной жизни горцев Северного Кавказа «народное собрание» названо высшим органом власти сельской общины.

III. 2. Функции общины. «Здесь, — продолжают И.В. Карпеев и Ш.М. Казиев, — решались важнейшие вопросы жизни общества: войны и мира, заключение соглашений с соседними обществами или феодальными владениями, утверждения адатных норм или внесение в них изменений и дополнений, выбора должностных лиц» (**там же** с. 135).

Однако такая практика характерна не для всех средневековых обществ региона. В словаре «Этнография и мифология осетин» *ныхас* трактуется как «форум осетинского аула», собрание взрослых мужчин селения. В традиционном осетинском обществе, подчеркнули составители словаря, *ныхас* выполнял три функции: «регулирующая общественную жизнь селения, организации совместных форм проведения свободного времени, воспитания молодежи и усвоения ими» национальных традиций и обычаев (**Дзадзиев, Дзуцев, Караев** 1994, с. 110). Юридические функции общины в «аристократических обществах позднесредневековой Осетии перешли в руки феодалов. Даже в третейский суд избирались авторитетные лица непременно из алдарского сословия (**Лиухвели** 1886. № 292, с. 202). Иными словами, алдары и баделята, осуществляя верховную власть в своих владениях, подчинили себе и уголовные дела, которые первоначально по обычному праву разрешались с помощью посредников. Феодалы «осуществляли свое право верховной юрисдикции путем взимания с уголовных преступников штрафов в свою пользу» (**Ковалевский** 1886, т. 1, сс. 45-46). По мнению Н. С. Мансурова, суд тархонлагов «представлял собой учреждение более позднейших времен, когда частная собственность и сословная дифференциация среди горцев Северного Кавказа уже приняли присущие им формы феодальной эпохи...» (**Мансуров** 1894, сс. 48, 58).

Вне компетенции общины находился и вопрос о приеме новых членов — разрешение на поселение исходило от феодала; последний мог прогнать крестьянина, если фарсаглаг не выполнял своих обязанностей перед ним (**Леонтович** 1883, вып. II, с. 14). Хозяйственные функции общины в Осетии были довольно значительными: время посева, жатвы, покоса кормов для скота и т.д. определялись на *ныхасе* (**Чиковани** 1979, с. 56). Но это, по-видимому, вообще характерно для периода феодализма (**Сказкин** 1973, с. 55).

В нартском эпосе осетин, отразившем, главным образом, дофеодальный, «демократический» этап состояния общества, функции *ныхаса* разнообразны. Часто рассматриваемый институт фигурирует как место проведения досуга. Здесь в танце-

вальном «поединке» сошлись нарт Сослан и Челахсартон. Собранных было очень много, «ныхас нартов заполнился полностью» (НК 2004, ф. 105). В другом сюжете собравшиеся на ныхасе вели веселый разговор и танцевали под гармошку (НК 2005, ф. 364). Здесь же отметим, что Сослан, наряду с качествами воина-рыцаря, обладал еще одним достоинством — он прекрасно играл на фандыре [осетинской гармошке]. «По утрам он приходил на Ныхас со своим фандыром и играл для нартов удивительно прекрасные мелодии» (НК 2004, ф. 509).

Вместе с тем, на ныхасе обсуждались вопросы организации походов [«решили поехать в чистое поле попытать счастье — поискать добычи»] (*там же* фф. 761-762), о набегах за скотом [«захотели нарты совершить набег за скотом»] (НК 2005, фф. 10-11), иногда определялся состав охотников и время выхода на охоту (НК 2004, ф. 645). Здесь же решались спорные вопросы (*там же*, ф. 440).

Был период, когда нарты не знали своих лучших и худших представителей. В один из таких дней Сослан решил созвать всех жителей на Большой Совет нартов [«Нарты Стыр Ныхас»] (*там же*, фф. 243, 595). Показательно, что в этом случае Совет назван Большим. Аналогичное название встречается в эпосе неоднократно. «Стыр Ныхас» упоминается в сказании о поединке Батрадза с семиголовым уаигом, в сюжете о выяснении лучшего среди нартов (НК 2005, фф. 118); в сказании о походе трех братьев (НК 2004, ф. 439).

В реальной практике на ныхасе обычно проводили досуг, обсуждая деловые вопросы по мере надобности. Собрание не было организованным, не имело исполнительного органа, не соблюдалась даже формальная процедура (Чиковани 1979, сс. 52-53; Гаглоева 1981, с. 129; Дзадзиев 1982, сс. 115-119; Ванеев 1990, с. 152).

Не оспаривая в принципе эту точку зрения и присоединяясь к ней, вместе с тем, отметим и другую. На осетинском материале ее поддержала Е. И. Кобахидзе: «в дореформенной осетинской сельской общине сложились самобытные формы политической самоорганизации с выраженной спецификой доминировав-

ших властных отношений. В патриархальных институтах самоуправления реализовывались основные аспекты общественной власти — законодательный [точнее, нормотворческий], исполнительный и судебный — осуществлялись ее руководящие и контролирующие функции. Важнейшими проводниками властно-управленческих отношений являлись народное собрание [ныхас], институт старейшин и посреднический суд [тархон]» (**Кобахидзе** 2006, с. 72).

Некоторые утверждения Кобахидзе представляются спорными: «Наличие институтов общественной власти делало осетинскую сельскую общину самоуправляемой единицей социума». Ведущая роль в организации «всех сторон жизнедеятельности осетинской сельской общины отводилась народному собранию — ныхасу» (*там же*). Здесь речь идет о первой половине XIX в. и согласиться с такой оценкой роли ныхасов во властных структурах осетин трудно. По меньшей мере, в тех случаях, когда община и вотчина территориально [в границах аула] совпадали, ныхас ведал лишь хозяйственными делами. Более принципиальные исследователи, например, Карпов, считают, что фактически «сельская или квартальная площадь выполняли функции мужского общественного центра, клуба» (**Карпов** 1999, с. 62). «Проезжая аулом — отмечала графиня П. С. Уварова, — замечаем плетеный навес, покоящийся на столбах... это местный осетинский клуб или ныхас» (**Уварова** 1887, сс. 30-31). Аналогичную оценку дал Ванеев: ныхас служил местом «развлечения частной беседой. Это своего рода клуб под открытым небом [курсив мой — Ф. Г.]». В то же время Ванеев подчеркнул: в ряде случаев ныхас решал «вопросы, касающиеся общих интересов общины». При этом ученый счел необходимым еще раз подчеркнуть: «На самом деле, об организованной и систематически-регулярной работе 'ныхаса' не приходится говорить... на 'ныхасе' обычно проводят свой досуг и большую часть времени посвящают беседе для развлечения» (**Ванеев** 1990, сс. 151, 153).

Чиковани ныхас определял как традиционный орган, непосредственно связанный с управлением села, регулированием всех сторон его жизни. Сословный характер горной Осетии, по

мнению грузинского исследователя, наложил отпечаток на социальный характер ныхаса (**Чиковани** 1979, с. 34).

Калоев ныхас сравнивал с михман-ханой [дом для гостей] горных таджиков, а в историческом плане связывал с социокультурным наследием скифо-сармато-аланского мира. При этом значительная роль ныхаса признавалась в прошлом; в дальнейшем институт теряет свою первоначальную роль (**Калоев** 1971, с. 200). По мнению этнографа, у алан «совет родовых старейшин был важнейшим органом управления... Сохранение древних ныхасов» в горном ауле Лац Северной Осетии и в селении Бизинги Кабардино-Балкарии «также свидетельствует о том, что ныхасы существовали еще у алан». Об этом косвенно говорят археологические материалы, указывающие на основание Лаца еще в раннем средневековье. Видимо, тогда же возник и ныхас, являвшийся неотъемлемой частью «любого аланского села». Ныхас в виде небольшой площади в центре аула, сохранился до наших дней; на одной его стороне полукругом расположены большие камни в форме кресел. По преданию, на них сидели знатные нарты: Урызмаг, Сослан и Батрадз (**Калоев** 2009, сс. 299-300).

По мнению Калоева, на «общественном совете» осетин распределяли общинные земли, определяли время начала полевых работ, решали вопросы о найме пастуха, о строительстве или ремонте дорог, мостов и т.д. Однако тут же исследователь добавляет: «до присоединения к России, когда Осетия распадалась на несколько самостоятельных обществ, на ныхасе решали важнейшие общественные дела, вопросы войны и мира, обсуждали поступки отдельных членов общества, а иногда и целого аула. Здесь созревали планы походов, или, как они назывались» в нартовском эпосе, «балц». Помимо перечисленных функций, по утверждению Калоева, «на ныхасе проводились упражнения в стрельбе, в рубке, в красноречии;... Позднее на ныхасе распределяли подворные земские повинности, расходы на общественные постройки. По решению сельского общества, за кражи, оскорбления, драки и т.д. выносили приговор, называемый *хъоды*, по которому нарушитель или изгонялся из села, или

оказывался изолированным от общества». Ему запрещалось присутствовать на каких-либо мероприятиях, проводимых его односельчанами, равно как и жителям села запрещалось появляться в его доме и в будни, и в праздничные дни, и во время проведении траурных мероприятий (**Калоев** 2009, сс. 299-300).

На хасе у кабардинцев, ныгыше у карачаевцев и балкарцев мирили поссорившихся, решали различные хозяйственные вопросы; здесь же устраивали спортивные состязания, танцы, пели песни, играли на музыкальных инструментах. Дела решались, главным образом, старшими. В их присутствии младшие никогда не садились. Молодежь не имела право голоса, а женщины не могли даже пройти рядом с ныгышем (**Калоев** 1999, с. 86).

По мнению некоторых дореволюционных исследователей, в т.н. «демократических племенах» западных адыгов, общины, «в большинстве случаев были вполне самостоятельными единицами, управлявшимися сельским сходом под председательством старшины. Дела, касавшиеся всего общества [хабль], решались народным собранием...» (**Дьячков-Тарасов** 1902, с. 7).

У западных адыгов к функциям общины относились вопросы управления и суда. Так, у шапсугов и натухайцев не было «определенного закона для наказания изменников. Собрание народных старшин решает их участь». В целом, «неограниченная власть, — подчеркнул Я. Люлье, — признается за общиной, которая имеет право жизни и смерти в отношении каждого своего члена» (**Люлье** 1991, с. 350).

«Для разбора тяжёбных дел, — писал Н. Ф. Дубровин, — решения общественных нужд и вопросов существовало народное собрание. Эти собрания, составлявшиеся из представителей всего народа, имели чисто демократический характер. Законодательная и распорядительная власти находились в руках народа, а отсутствие главы в общественном управлении делало его республиканским» (**Дубровин** 1991, с. 196).

«В случаях важных, — продолжал Дубровин, — все единоплеменники сходились на совещание и слушали приговор старцев — этих живых книг опытности и благоразумия. Возраст и опыт являлись решающими факторами для претензий на управ-

ление. Эти качества пользовались особым уважением у черкесов. А уважение, в свою очередь, предопределяло «преимущество давать советы почти по каждому делу». Издавна у черкесов выработалось правило: «не начинать никакого дела, не собрав для совета всех в нем участвующих». Со временем, «собрания или съезды происходили чаще, и мало-помалу в них сосредоточился род народного управления, в котором каждое предложение передавалось на рассмотрение старших. Все сословия принимали участие в совещаниях, кроме крестьян, не имевших право голоса. В обществах, где существовало сословие князей, они занимали первое место и нередко имели решительное влияние на приговор собрания» (*там же*, с. 219).

В то же время собрание черкесов сохранило некоторые архаические черты. Они проходили «под открытым небом, на местах, освященных каким-нибудь важным событием или прахом знаменитого праотца... Конно-вооруженные ехали они [черкесы] на собрания». Прибыв на место, они разделялись по сословиям. «Всякое предложение выходило от владельцев, князей, старшин и других представителей народа. Условясь между собою относительно решения, они предлагали на обсуждение узденей как обстоятельства дела, так и самое решение». Уздени «почти всегда» соглашались с мнением своих владельцев и «передавали его на решение народа». Формально «голос и решение» рядового населения «имели законодательную силу». Так было в прежние времена, «но мало-помалу порядок собрания изменился во многом». Население того или иного общества выбирало своих представителей [«депутатов»], «для собрания которых существовало два способа». В первом случае члены общества на своем сборе выбирали своих представителей — «доверенных лиц». Во втором, более распространенном, «выбор делался: у магометан от Джамаата, а у жителей морского побережья от Тгахапха, которые составляли нечто вроде церковных приходов». Когда избранные и уполномоченные делегаты [старшины] разбирали тот или иной вопрос, старший по возрасту и почету оглашал решение народу, «собравшемуся у подножья какого-нибудь кургана». Если собравшиеся были довольны,

то каждый присягал на коране свято чтить это решение. Затем эфенди составлял дефтер [«акт»], а присутствовавшие прикладывали печати [мухари] или, за неимением таковых, «пальцы омоченные в чернила». После этого «дефтер имел обязательную силу» (*там же*, сс. 220-221).

У западных черкесов на т.н. «большое сборище», проходившее «аккуратно» два раза в год [весной и осенью], собиралось от грех до четырех тысяч человек. Собирались довольно долго — иногда до трех недель. «Недостаток продовольствия заставлял партии скоро расходиться, но бывали случаи, что скопище оставалось в сборе до шести недель» (*там же*, сс. 202-203).

А. Фонвиль стал случайным участником народного собрания у западных адыгов. Вместе с Измаил-беем, у которого Фонвиль нашел пищу и ночлег, они отправились на народное собрание [«большой митинг»]. После часа езды в горы, они достигли довольно большого плато, на котором уже собралось от 500 до 600 черкесов. «Со всех сторон подходили другие, и в самом непродолжительном времени всех собравшихся уже было около 4 тысяч человек. Горцы были в полном вооружении и верхами; затем, сойдя с лошадей и привязав их к деревьям, они образовали круг, в середине которого поместились начальники, сидя на соломенных связках. Водворилась тишина и заседание открылось». Первым выступил Измаил-Бей, один «из значительных убыхских князей», чьим гостем был Фонвиль. Измаил-Бей долгое время служил в турецкой армии; «пользовался большим авторитетом у горцев». Вероятно поэтому он и открыл собрание; «речь его была довольно длинна; по окончании ее, ответив на несколько сделанных ему возражений, Измаил-Бей передал слово другому». По мере выступлений обстановка накалялась, возникли споры. Эта «дискуссия» произвела впечатления на Фонвиля: «в продолжение двух часов мы были свидетелями, так сказать, натурального парламентаризма». Затем один из участников собрания взобрался на дерево и оттуда огласил принятые решения. Как объяснили Фонвилю, без этого ритуала решения не имели силу закона. Покончив с общими делами, черкесы разобрали и несколько частных вопросов. — «Эти митинги, —

подытожил наш автор, — представляют собой единственную власть [курсив мой — Ф. Г.], потому что начальники, хотя вообще и очень уважаемые, не имеют, однако, никаких прав. Все свободные черкесы, богатые и бедные, равноправны и одинаково подчиняются постановлениям и решениям народных собраний» (**Фонвиль** 1991, сс. 368-369).

В Дагестане «народное собрание [*руккел*, этимология не ясна] созывалось в наиболее важных случаях и являлось верховным органом правления». Женщины и дети до 15 лет на собрание не допускались. Голосование было открытым. Народные собрания созывались крайне редко, лишь по особо важным вопросам (**Агларов** 1988, сс. 172-173).

Функции народного собрания в промежутках между его заседаниями исполнял совет старейшин. Его члены назывались «джамаатчи» [авар.]; причем возрастной минимум для возможного участия в работе совета составлял 40 лет. «Отбор в совет старейшин был направленным». В их число не допускались *лаги*; люди, опороченные каким-либо проступком; некоммуникабельные и не способные к общественной деятельности, чужаки и, как правило, бедняки. С учетом названных и иных ограничений, совет, по сути, представлял собой собрание господствующих сословий. Совет на год назначал группу правителей [ч1ух1б], судей [диванчи] и казначея. Самостоятельно выдвигался *цевехъан*, ведавший военными делами (**там же**, с. 174).

Некоторые исследователи народное собрание в традиционном горском обществе считают высшим органом власти сельской общины. «Здесь решались важнейшие вопросы жизни общества: войны и мира, заключения союза с соседними обществами или феодальными владениями, утверждения адатных норм или внесения в них изменений и дополнений, выбора должностных лиц». На собрания «должны были являться все взрослые мужчины общины [курсив мой — Ф. Г.]» (**Казиев, Карпеев** 2003, с. 135).

По свидетельству дагестанских памятников, общинные традиции в Рутуле и Цахуре во второй половине XIII в. оставались

довольно прочными. Один из редких случаев употребления глагола «приказал» связан с надписью 1284 г. из Рутула. Первая часть надписи почти дословно совпадает с надписью 1228 г. Но в ней речь идет о поручении общины [буквально: «община поручила» (*Лавров* 1966, с. 79, надпись 69)]. Тогда как в надписи 1284 г. говорится: «по приказу Х-р-кар сына С-г-м» (*Криштопа* 2007, с. 82).

О сохранении элементов общинного управления свидетельствуют эпиграфические памятники. В надписях из Рутула в качестве влиятельной силы иногда фигурирует «джамаат».

В Табасаране наиболее важные дела обсуждались на сходе, именуемом *дриганы* или *дигор*. Сход собирался 2 или 3 раза в год, «в нем *непременно* [курсив мой — Ф. Г.] должен был участвовать один человек от каждого семейства». Показателен порядок обсуждения вопросов на собраниях. Формально любой участник мог «вносить предложения или выступать против них... все же 'сильные тухумы' имели большое влияние, так что дела чаще решались в их пользу». Помимо этого, *кевхи* селений Хив и Ругуч на собраниях «первые подают советы, и все дела решаются хотя с общего согласия, но почти по их определению» (*Гаджиев* 1979, с. 212).

III. 3. Выборы органов власти. По наблюдениям Фонвиля, у западных черкесов старшин «выбирали одного из своей среды, обыкновенно самого старого, для обсуждения значительных споров, которых не стоило доводить до обсуждения на народных собраниях. Старшина этот в военное время заведовал контингентом небольших конфедерации [курсив мой — Ф. Г.] и нередко случалось, что простой старшина подобного рода имел гораздо большее влияние в стране, чем какой-нибудь князь». Обязанности такого старшины обуславливались «количеством соединенных аулов и зависели еще от личной храбрости и, особенно от набожности должностного лица». Правда тот же автор заметил: «когда в долине был такой аул, в котором проживал князь, то обыкновенно он избирался постоянно для управления делами, и в этом случае избирательная должность делалась почти наследственной» (*Фонвиль* 1991, сс. 380-381).

Аналогичное мнение о выборах и функциях старшин у черкесов высказал Тавернье, поддержанный Н. Витсенем: «они живут свободно... и управляются особыми вождями. Старейший рода в данной деревне считается старшиной» (**Северный Кавказ...** 2006, с. 83).

В данной версии выборов и функций старшин у черкесов бросается в глаза явное противоречие: с одной стороны — на эту должность выбирали «обыкновенно, самого старого». Вместе с тем, в военное время «самый старей» возглавлял войско, что маловероятно.

О выборности старшин в некоторых социумах региона свидетельствуют термины, которыми они обозначались: у аварцев — *иргадулав* «очередной», у андийцев — *гылатав* «допущенный к верховодству» и др. По данным наблюдателей, в позднем средневековье горцы в каждом уезде имели «своих старшин, которых сами между собой выбирают, и как оные им не полюбятся, сами опять отставляют, притом кадиев из духовных, которые их ссоры судят». Миссионер Хрисанф отметил: «Чиркей управляется стариками своими, тяжбы решаются кадиями». В Салтавском обществе «избранные старшины 'более одного года не остаются'...» (**Казиев, Карнеев** 2003, с. 134).

Своеобразные «собрания» зафиксированы в средневековой Кабарде. Устная традиция свидетельствует об избрании Инала [генеалогического предка знати] верховным князем на хасе. Под последним понимается «политический институт, являвшийся высшим органом власти в рамках того общества, где он функционировал». Хотя общественная жизнь адыгов в период феодализма крутилась вокруг хасы, она была отделена «от основной массы народа». Состав хасы не избирался. По внешним признакам то же самое можно сказать и о феодальных советах, в которых «князья и знатные дворяне участвовали в силу своего наследственного статуса и положения вотчинника». Деятельностью таких советов «руководил пожизненно избираемый председатель»; в феодальной хасе — *пцы-тхьэмада* (**Кажаров** 1992, сс. 16-17).

Ф. Л. де Сегюр отметил, что в Кабарде князья разрешили «во время больших народных собраний появление там избранных

народом старейшин». Это было сделано «для успокоения народа» (*Северный Кавказ...* 2006, с. 279).

Я.Я. Штелин в описании Кабарды обратил внимание на высокий статус муллы, который «состоит в отменной знатности у народа и во всех судебных делах бывает судьей вместе со старшинами. Князь, получая десятину, отдает мулле сотую часть своих доходов». Кроме того, за исправление различных обрядов «мулла получает от народа доход..., следовательно, живет богато» (*там же*, сс. 202-203).

Относительно судопроизводства у кабардинцев Штелин уточнил: «Каждый уезд подсуден князю или своему владельцу, который с приглашением старшин и муллы 1-2 раза в неделю производит суд...» (*там же*, с. 203).

О. де ла Мотрэ писал о горных черкесах: они «являются чем-то вроде друидов, поклоняющихся старым дубам и другим деревьям...». Интересно и другое наблюдение дипломата: «их маги или жрецы, избранные из числа старейшин», не умели ни писать, ни читать (*там же*, с. 133). Очевидно, грамотность не относилась к числу качеств, необходимых для избрания жрецом.

Согласно Л. Люлье, у натухайцев и шапсугов «общественное управление, как не имеющее главы, республиканское». Тот же автор подчеркнул: «На время военных действий и набегов, Черкесы следуют за одним или несколькими вождями. Тут с одной стороны является власть, а с другой подчиненность. Они отправляются охотно, без принуждения, и от доброй воли каждого зависит участвовать в походе или от него отказаться». Что касается управления в мирное время, то «гражданская часть управления не сосредоточена ни в чьих руках. В каждом племени возникающие споры и тяжбы судятся старшинами, *тамата*. Старшин *выбирают* [курсив мой — Ф. Г.] из среды людей, пользующихся добрым именем и известных по бескорыстью и мудрости... Старшины эти, люди почетные по делам своим, не имеют никакой определенной власти; обязанность их состоит более в преимуществе давать советы и наставления; но они не повелевают» (*Люлье* 1991, с. 324).

У черкесов каждое «псухо управлялось своею мирскою сходкою — *зауча* или *джеме* [народное собрание], где обсуждались и решались все вопросы, касавшиеся общины. Община, — отметил Дубровин, — есть первая ступень политического устройства каждого народа. Она является и первою самобытною единицею, в которой семейства или роды все одного происхождения и имеют одинаковые интересы» (Дубровин 1991, с. 196).

«В последний период независимого существования Кабарды главными представителями власти у народов» были *валий* и *мегкеме*.

Важная роль народного собрания и ограничение им власти правителей в жизни средневекового Дагестана — «наиболее характерная черта общественного строя, сложившегося на основе античной формы земельной собственности: ни один из собственников и совладельцев не хотел быть в стороне, в силу вступал феномен 'власти-собственности'» (Агларов 1988, сс. 173-174), как его образно определил Л. С. Васильев (1982).

На Северо-Восточном Кавказе функции народных собраний постепенно перешли к совету старейшин. Его члены носили звание *досамаатчи* [человек джамаата]; все они были мужчинами старше 40 лет. В своем роду каждый из них пользовался авторитетом, считался зажиточным. Совет ежегодно назначал группу старшин-правителей [чухби у аварцев], судей [диванчи], предводителя воинов и казначея. В Кубачи самое лучшее и красивое из общественных зданий — *Халахъулбо* принадлежало старейшинам, правителям и особым организациям мужчин [Чинне, Батирте, «Союз неженатых»]. Круг разбираемых советом дел был довольно широким: принятие законов и постановлений, распоряжение земельными и водными ресурсами, заключение договоров, рассмотрение военных вопросов и др. (Казиев, Карпеев 2003, сс. 136-137).

Старшины из своей среды выбирали правителя, у тюркских народов региона именуемого *бегавул*. У народов Дагестана употреблялись и другие термины: у аварцев *росдал бетлер* [голова села], а в небольших аулах — *нусил бетлер* [голова сотни]. Опасаясь узурпации власти в руках одного рода, адаты запрещали

«назначать на одно место правителем отца и сына или двух родных братьев» (*там же*, с. 138). Со временем эта практика стала нарушаться. Хроника Анди, например, сообщает о ежегодном избрании в каждом населенном пункте общества управителя. В Гергебиле правителя всегда избирали из тухума Гумарчилал, причем, соблюдалась очередь. Попытка одного из членов тухума узурпировать власть в обход традиции закончилась его убийством. В Салтавии выбранный старшина оставался во главе социума до тех пор, «пока пожелает сам или общество само заменит его другим». Исключение составляли два аула, Чиркей и Чир-Юрт, в которых старшины избирались ежегодно, по одному из каждого тухума. И хотя большая часть из них оставалась на этой должности «в продолжении нескольких лет сряду, но не иначе как по ежегодным выборам должности» (*там же*).

Порядок выборности важных в жизни того или иного аула должностей в феодальный период изменился. «В общинах, попавших под контроль феодалов, должности сельского самоуправления теряли свой выборный характер. Руководители [бегаул, кади, предводитель ополчения] и старшины назначались феодалом либо его представителем из числа приближенных или угодных ему общинников. Совет старейшин имел чисто совещательные функции». Народное собрание из высшего органа власти постепенно трансформировалось «в сход для оповещения общинников о воле или решении феодала» (*там же*, с. 140).

Административной властью обладали кадии, возглавлявшие каждый из 5 союзов сельских общин, входивших в Акуша-Дарго. Власть трех из них — акушинского, цудахарского и сюргинского — была наследственной. Формально все они «выбирались» на сходе в местечке у Акуша: здесь «народ собирался, когда приходило время избрать нового кадия. Присутствующие выделяли... стариков для совещания — кого избрать». Как правило, это было своеобразным ритуалом, ибо имя нового кадия было известно еще до самих выборов. Власть главного кадия распространялась на весь союз общин. Вместе с советом старейшин он решал важнейшие общественные дела, руководил политической и экономической жизнью, управляя «духовной властью»,

«разбирал тяжбы» и т.д. Наряду с этим, акушинский кадий в случае необходимости брал на себя и функции военного предводителя. Он определял сколько воинов должен был выставить каждый дом, назначал «сотенных командиров» (**Гаджиев** 1979, сс. 142-143).

Вопрос о характере власти акушинского кадия до сих пор дискутируется. Наиболее распространенной является точка зрения Р.М. Магомедова, по ко торой власть кадия «была обширна в военное время и ограничивалась... в мирное время деятельностью народных собраний» (**Магомедов** 1957, с. 117).

Табасаран, как известно, фактически состоял из двух самостоятельных владений. Первое контролировал майсум, а второе — кадий. Титул майсума, по свидетельству И. Гербера [первая треть XVIII в.], передавался по наследству. Тем не менее, хотя и формально, «по старинке», но все же требовалось «согласие всего табасаранского народа». Аналогичная процедура сопровождала «назначение» кадия. Она проходила в определенных местах «на сходе представителей всех магалов [узденских и райятских]». «Избрание» майсума совершалось на сходе близ села Туруфа в северном Табасаране.

Источники сохранили также описание процедуры «избрания» кадия. В Табасаране претендент на этот пост извещал ругужского старшину, тот, в свою очередь, сообщал об этом старшинам Храха и Хивы. После чего «они призывали народ на сход в местечко Харба-Кур, ниже Татия, близ сел. Хучни». Там к будущему кадию «подходил старшина сел. Хурик, *изильдин-агляр* [курсив мой — Ф. Г.], снимал с него шапку и надевал на него свою». При этом старшина призывал претендента, чтобы тот «был к народу справедлив и милостив». Затем следовало обильное застолье, устраиваемое для всех участников схода. Старшины получали подарки: ругужский старшина — лошадь, храхский и хивский — по одной голове рогатого скота, менее значительные — по 1 бурмену (**Гаджиев** 1979, сс. 212-213). Кадий, как и майсум, «производил суд, расправу, собирал народ на войну, предводительствовал им, был полновластным хозяином... пользовался неограниченной властью». По зову майсума

или кадия беки являлись к ним «со своими нукерами и райятами. Идти в ополчение были обязаны и уздени» (*там же*, с. 213).

Обратим внимание на небольшую социальную группу, в дидойском обществе известную под названием *нуцал-бетеру*. Носители данного титула по социальному статусу стояли выше своих односельчан, в том числе — «почетных жителей». Скорее всего, нуцал-бетеру произошел от аварского *нусго* «сто» и *бетер* — «голова», т.е. «голова сотни» или «сотник», «старшина» (*там же*, с. 182).

Фольклорная традиция сохранила рассказ об освобождении казикумухцев от власти шамхала и появлении у них избираемого правителя с титулом *хахлавчи* «глава народа». Круг его основных обязанностей состоял из сбора ополчения и «начальствования», причем, «как при защите от нападения соседей, так и для внешних предприятий; но в ближайшее управление народом он не вмешивался; каждое селение управлялось особо, своими выборными... бывали примеры, что старшины, не видевшие надобности в войне, отказывались выставлять по требованию хахлавчи вооруженных людей, отговариваясь или необходимостью окончить полевые работы, или холодным временем года» (А. К. 1868, сс. 5-6).

«Особого содержания. — писал анонимный автор, — хахлавчи не получал... но... пользовался доходами с некоторых гор и пашен, собственно для этого назначенных, получал часть подати, взыскивавшейся баранами и хлебом, с Варкун-Даргуа и Арчей и определенную часть военной добычи» (*там же*, с. 6).

Власть в «вольных» обществах Дагестана была тесно связана с функциями военного руководства. «Лезгинское селение Ахты, — писал Ковалевский, — несло обязательство *военной защиты* [курсив мой — Ф. Г.] одиннадцати сельских обществ, составляющих с ним один союз». Эти общества во время войны подчинялись «руководству ахтынских начальников в лице сорока аксакалов. В мирное же время эти аксакалы наблюдали за своевременным взносом 'зюката' и следили за тем, чтобы в гражданских и уголовных спорах окончательные решения постановляемы были *исключительно* [курсив мой — Ф. Г.] ахтынскими

посредниками». Правда, наиболее важные вопросы [войны и мира, взаимоотношений с соседними аулами и др.] решались на общеаульском сходе. Но даже при этом последнее слово оставалось за аксакалами. По их рекомендации «избирались» чауши (**Ковалевский** 1886, с. 195). Последние проводили в жизнь решения аксакалов. За это чауши ежегодно получали по одному быку. В праздничные и траурные дни они имели право заходить в любой дом за маслом, мясом, крупой и дровами. При разбирательстве дел о кровной мести, помимо аксакалов, вознаграждались и чауши. Им полагалось по три 3 барана и 3 рубля. Это отнюдь не мало. Если учесть, что в остальных 11 селениях Ахтыпары не было ни аксакалов, ни чаушей, а ссоры по кровной мести возникали постоянно, то станет понятно, что «судьи» получали достаточное вознаграждение (**там же**).

В отличие от других союзов сельских общин, Рутул управлялся т.н. «диваном» [советом, судом]. Он состоял из аксакалов и одного из потомков беков. Порядок выборов и вознаграждения членов дивана был таким же, что и в сел. Ахты (**там же**, сс. 195-196).

Особый интерес вызывают перемены структуры власти в средневековом Гумике. В X в. по меньшей мере часть его территории входила в Серир, позднее — в шамхальство, а селение Кумух в течение веков было его столицей. В начале XVII в. после изгнания шамхалов из Казикумуха власть в лакском обществе перешла к собранию феодальной знати, известной как *klat*. Тогда же решили в качестве предводителя избирать *хахлавчи* (**Гаджиев** 1979, с. 153).

Следы былой практики выбора исполнителей важных управленческих функций сохранились в «аристократических» обществах Северного Кавказа позднего средневековья. Так, *власть уцмиев* Кайтага была «наследственной и переходила к старшему в роде, но при этом *утверждалась торжественным всенародным собранием* [курсив мой — Ф. Г.], происходившим в сел. Башлы». Наследник уцмия, *гаттын*, избирался одновременно с ним (**там же**, с. 123).

Во время ежегодного объезда всех узденских селений, уцмий «производил суд, но не иначе, как с помощью и в присут-

ствии местных картов». Последним термином обозначались знатоки норм обычного права. Интересно, что в кумыкском он имеет значение «старик», «почтенный». У аварцев карты назывались *адиль-заби*, что в переводе значит «справедливые люди» (**Комаров** 1868, с. 75). Они избирались из «богатеев», или «знатных людей». Право «быть избранным в карты... принадлежало только некоторым известным фамилиям» (**Гаджиев** 1979, с. 124).

Вплоть до революции управление в джамаатах [кварталах] Кумуха осуществлял *вакиль* «старшина», избираемый на три года. В выборах, проходивших в квартальной мечети или в очаре, участвовали все взрослые мужчины. Вакиль руководил джамаатом, защищал его интересы в отношениях с другими кварталами, выступал в качестве арбитра в спорах между другими джамаатами. «Во времена ханов народные собрания [*кьамт*] устраивались перед ханским домом. Избранные на них три почетных мужа [*хьуначу*] ведали вопросами общественной экономики, войны и мира. Даже хан вынужден был считаться с их решениями. Почетных мужей выбирали только из трех фамилий: Абулбугдановых, Качашахуновых и Казиевых» (**Лавров** 1982, с. 104).

Согласно Герберу, «уезды» Самурской долины по существу никому не подчинялись. «Хотя в каждой деревне есть старшина, обыватели оным мало послушны бывают, ибо всяк сам собою господин» (**Гаджиев** 1979, сс. 193-194). В грузинских источниках говорится, что во всех деревнях есть старшины, «но никто их не слушает, разве кто сам хочет» (**Джанашвили** 1890 с. 101).

Гаджиев полагал, что источники дают право говорить о нескольких старшинах в каждом из «уездов». В сел. Ахты, как уже отмечалось, было 40 старшин, именуемых аксакалами [«белобородыми»]. В Хнове и Гдыме число старшин соотносилось с количеством тухумов. В некоторых селениях один старшина приходился на 20 хозяйств. В других, например в Мискинджи, каждый из 6 магалов⁹ имел своего старшину (**Гаджиев** 1979, с. 194).

Проблема статуса самурских старшин все еще дискутируется. Их власть, как считают одни исследователи, была выборной, а другие называют ее наследственной. Так, Ковалевский писал

о том, что старшина селения Ахты избирался на собрании всех членов общины. Мнение старшины всегда поддерживалось членами тухума (**Ковалевский** 1890, т. I, сс. 152-155). К его мнению присоединился Гаджиев, охарактеризовав власть ахтынского старшины «достаточно авторитетной и прочной». По материалам позднего средневековья старшины [аксакалы] в ряде населенных пунктов Дагестана, включая Ахты, Рутул, Хнов и др., «были наследственными». В одном из документов они прямо названы «наследними [наследственными — Ф. Г.] начальниками» (**Гаджиев** 1979, с. 194). Х.М. Хашаев писал по этому поводу: «Ахты-пара управлялась 'аксакалами', имевшими на эту должность наследственное право по прямой восходящей линии» (**Хашаев** 1961, с. 187). В целом в тех местах, где аксакалы избирались, их, как правило, «выдвигали из числа богатых и влиятельных лиц данной сельской общины... избрание превращалось в простую формальность» (**Гаджиев** 1979, с. 194).

В Кубачах правили ежегодно избираемые 12 старшин. В течение года они «все ссоры судят», а кубачинцы «во всем им послушны бывают; и понеже оные все равны, то очередь до каждого доходит между ними правительственными быть» (**там же**, с. 132).

В «Особом мнении члена Южно-Дагестанской сословно-поземельной комиссии» майора Симонова говорится о всякого рода подношениях «главе народа, или владельцу, если только можно именовать так лицо, избираемое самим народом [курсив мой — Ф. Г.]...» (**Фод** с. 153).

Судя по «Записке о сословно-поземельном строе в Кайтаге», властные функции в этом обществе переходили «к старшему по летам, но [это] *всегда* сопровождалось *народным избранием* и *провозглашением на общем сходе представителей всех свободных общин* [курсив мой — Ф. Г.] с соблюдением некоторых обрядов» (**там же**, с. 182). При жизни уцмия, его наследник назывался *гаттым*. После смерти уцмия в селении Башлы «собирался народ из всех свободных обществ, и на него [гаттыма] возлагали шапку, которая хранилась в тухуме арабского происхождения в магале Ирчамуль» (**там же**, сс. 182-183).

Своего рода выбором властных структур можно считать «призвание» князей извне. В январе 1784 г. шамхал Тарковский Муртазали подал «прошение на Высочайшее имя о принятии его в подданство России, причем просил оставить в подчинении его ингушский народ на прежнем основании, утверждая, что на этом народе остались еще его подати» (*Грабовский* 1872, с. 5).

III. 4. Соотношение новой власти с институтами управления прежних эпох. Одной из важных нерешенных проблем, доставшихся российским кавказоведам «по наследству» от советских историков, является проблема происхождения и изменения функций институтов власти в средневековых горских обществах. Ее решение, в свою очередь, помогло бы выявить общее и особенное в генезисе и структуре «горского феодализма». Средневековые горские общества находились на разных ступенях развития, отразивших широкий спектр социального устройства: от потестарных и раннеклассовых до феодальных.

По историографической традиции, средневековые общества горцев Северного Кавказа принято делить на «демократические» [дофеодальные] и «аристократические» [феодальные]. Причем, первым, будто бы, присущ «выборный» характер власти, тогда как для вторых — «наследственный». Соответственно различались и функции «управленцев». Выяснению того, насколько этот тезис соответствует реальной практике той эпохи, и посвящен данный раздел.

Как полагал А.Х. Магомедов, собрание общинников на Кавказе являлось верховным органом, решавшим хозяйственные, судебные и общественные дела сельской общины. По его мнению, еще в первой половине XIX в. на нем решались военные вопросы — о набегах, мире и пр. (*Магомедов* 1978, сс. 51-52). Тот же автор писал: «наиболее древние ныхасы в Осетии известны... под названием 'нартовских ныхасов'» (*Магомедов* 1974, с. 221).

В некоторых «демократических» социумах Северного Кавказа община называлась тухум «семья», «деревенская община. У аварцев наряду с тухумом употреблялся термин *кыбил* [буквально «корень»], у даргинцев — *джинс*, у лакцев *сака*, у лезгин

сихал, миресар. Каждая такая группа возглавлялась, как правило, одним старшиной. По мнению этнографов, он вел текущие дела общины, выполнял и судебные функции. Должность старшины была выборной, о чем свидетельствуют термины, которыми они назывались в народе: *иргадулав* [«очередной»] у аварцев, *гъилатав* [«допущенный к руководству»] у андийцев и др. (**Казиев, Карнеев** 2003, с. 134).

В дореволюционной историографии община [псухо] абадзехов нередко трактовалась как главная политическая единица, «состоявшая, в большинстве случаев из разросшегося рода, распадавшегося на семьи... Каждое псухо управлялось своею мирскою сходкою — *зауса* на которой обсуждались и решались все вопросы общины. На мирской сходке прямым образом участвовали все дворяне общины, особенно большим влиянием пользовались голоса почетных старшин [томата] из знатных уорков [дворян — Ф. Г.]. Крестьяне присутствовали на *зауса*, но права голоса не имели. У абадзехов самые знатные уорки [тляхотлежи] с течением времени утратили авторитет даже на этих частных собраниях» (**Дьячков-Тарасов** 1902, с. 40).

Я. Люлье в пространном описании западных адыгов выделил характерные черты «административного устройства» их социумов. Напомним некоторые из них: «Общественное управление, как не имеющее главы, республиканское.

Законодательная и распорядительная власти имеют начало свое в народе; следовательно и управление должно считаться демократическим.

Способов созывать депутатов или представителей народных два: первым из них от каждого племени назначается определенное число доверенных лиц, для выбора которых каждое племя должно предварительно собраться; вторым же выбор делается: у магометан от Джемагата, а у жителей побережья морского, где еще не водворился закон Магомета, от Тгахапха, которые можно сравнить с нашими церковными приходами...

На время военных действий и набегов, Черкесы следуют за одним или несколькими вождями. Тут с одной стороны является

власть, а с другой — подчиненность. Они отправляются охотно, без принуждения, и от доброй воли каждого зависит участвовать в походе или от него отказаться. В этом отношении нет никаких принудительных мер... Бывают однако же случаи, когда требуется поголовное вооружение, и от него не может отказаться никто, кто только в состоянии носить оружие.

Гражданская часть управления не сосредоточена ни в чьих руках. В каждом племени возникающие споры и тяжбы судятся старшинами, тамата. *Старшин выбирают* [курсив мой — Ф. Г.] из среды... людей, пользующихся добрым именем и известных по бескорыстью и мудрости. Они дают присягу в том, что будут разбирать дело по совести и крайнему разумению, что не будут принимать подарков и проч. Старшины эти, люди почетные по делам своим, не имеют никакой определенной власти; обязанность их состоит более в преимуществе давать советы и наставления; но они не повелевают», и др. (*Люлье* 1991, с. 324).

Черкесы, обитавшие «около Каспийского моря, — со ссылкой на Тавернье писал Н. Витсен, — живут свободно... и управляются особыми вождями. Старейший рода в данной деревне считается старшиной» (*Северный Кавказ...* 2006, с. 83). Судопроизводство контролировалось старейшинами. «Если муж поссорится с женой и докажет ее неправоту вождь деревни продает ее». «Если соседи враждуют и ссорятся, спор улаживается вождем деревни или князем, которых там собирается несколько, если это важное дело» (*там же*, с. 85). Тот же автор писал, что черкесы, жившие у «Меотийского моря и по течению Борисфена... истребили у себя крупную и мелкую знать и теперь управляются начальниками или вождями, которые живут в полном согласии с общиной» (*там же*, с. 87).

Средневековые черкесы, по свидетельству современников, не признавали «над собою верховных владетелей, считая высочайшим благом дикую и необузданную свободу». Тем не менее, они «строго подчинялись старшим в роде» (*Дубровин* 1991, сс. 218-219).

В «вольных обществах» Дагестана вопросы войны и мира, а также важные дела, затрагивающие интересы всего социума,

решались на общем сборе представителей от «всех союзных обществ». Собрание проходило в местности *X1ярбука диркла*. Такие сборы созывались, как правило, ежегодно. При необходимости собирались и чаще, «иногда 3-4 раза в год». Бывали «времена, когда 2-3 года сборов не было» вообще. Менее значимые дела и жалобы рассматривались на сходе, в местности Ханц Кала» рядом с селом Усиша. В этом случае в работе схода не участвовали те общества, «к которым дела не касались» (*Гаджиев* 1979, сс. 142-144).

В Акуша-Дарго «каждая деревня имеет старшину». Эта часть Дагестана состояла из 5 союзов сельских общин. Одним из их названий было *x1уреба* [«войско»]. На наш взгляд, это указывает на совпадение в прошлом административных единиц и «военных округов». Число старшин в них также было различным. В некоторых селениях Акуша-Дарго имелось по одному старшине, в других — по несколько. Согласно «Реестру горским владельцам», составленном Д. Ф. Еропкиным в 1723 г., в каждом селении имелось по несколько старшин, и все они носили разные названия. В Акуша их именовали *шила-халати*, Цудахаре — *хулалти* [буквально — «большие»], Муги — *къатлмани* [«квартальные»] и т.д. Помимо них, в Акуша-Дарго имелись и другие административные лица, например — *джамаатла-халати* «старшины джамаата». Они контролировали действия сельских старшин. Как сельские, так и джамаатские старшины «избирались». В позднем средневековье вышеназванные административные «чиновники» выбирались, как правило, из определенных, наиболее влиятельных тухумов. На должность старшин, подчеркнул в этой связи Ковалевский, «попадали исключительно в силу избрания; но при этом во многих местах сохранилось и правило, что кандидатом может быть только член двух, трех или более выдающихся тухумов» (*Ковалевский* 1890, т. II, с. 160).

Между сходами постоянно действующим органом управления в Акуша Дарго являлся т.н. «высший совет» из 12-15 человек. Он состоял из кадиев всех обществ и наиболее влиятельных старшин. Данный орган рассматривал вопросы, требовавшие

принятия согласованного решения. Возможно, что 13 делегатов, прибывших в крепость Св. Креста для переговоров о подданстве России, являлись членами такого высшего совета (**Гаджиев** 1979, с. 144).

В разделе о Таулистане Гербер, опираясь на непроверенные данные, писал: жители «уездов» равны между собой, но для управления выбирают старшин в разных местах [«в каждом уезде»]. Если они им «не полюбятся, то сами опять отстраняют», или даже «убивают до смерти» (**там же**, с. 180). Перед нами, несомненно, практика, характерная для раннеклассовых обществ, в которых глава социума со временем превращался в сакрализованного «царька». От его магической потенции зависело благополучие социума. В случаях военных неудач, засухе, или «повальной, заразной болезни» и т.д. главу социума убивали либо «убивали до смерти». Свидетельства источников о наличии в Таулистане нескольких старшин могут указывать на бытование у дидойцев потестарных традиций.

Необоснованным выглядит признание некоторыми исследователями андо-дидойских обществ [Таулистана] «патриархально-феодальными». Данная версия держится на нормах различных списков адатов. «Правда, — признал Гаджиев, — эти адаты записаны в основном во второй половине XIX в.». Возможно, в этих записях отражены, помимо прочего, и произошедшие изменения в социальном устройстве (**там же**, с. 181, сл.).

Кумух, центр средневековых лакцев, состоял из семи кварталов [джамаатов], каждый из которых «раньше пользовался некоторыми правами самоуправления, имел... и *очар* — постоянное место, где собирались мужчины, особенно старики, для обсуждения разных дел и обмена новостями» (**Лавров** 1982, с. 100).

Кумухский шамхал, судя по письменным источникам и памятникам устной традиции, в феодальной войне во Внешнем Дагестане начала XIV в. активно вмешался на стороне племянника Султан-Алибека. «Хроника Махмуда Хиналугского» начало феодальной войны связывает с кончиной уцмия Султан-Махаммеда. Буквально «в день смерти уцмия началась ссора из-за пре-

стола двух его сыновей, сводных братьев Ильча-Ахмеда и Султан-Алибека». К этому конфликту, возможно, относятся строки из «Тарих- Дагестан»: «[В это время] между правителями Аварии и амирами Гумука начались страшные войны и сатанинские распри» (*Криштопа* 2007, сс. 111-112).

В ходе феодальной войны Кумух подвергся разгрому [в 1318 г.]. Как сказано в источнике, «Гумик был взят руками недостойных по происхождению». Вероятно, речь идет о старшинах, которые, в отличие от шамхалов, не происходили от «дядей пророка», а относились к выделившейся из среды общинников верхушке (*там же*, с. 150).

Роль общинных институтов управления в феодальных обществах Северного Кавказа практически свелась к минимуму. На кабардинском материале это наглядно продемонстрировал В. Х. Кажаров. Ему «не удалось обнаружить каких-либо сведений, даже самых косвенных [курсив мой — Ф. Г.], о существовании органов крестьянского самоуправления» в вотчине [къяуже]. По этой причине, подчеркнул ученый, главная задача «состоит не в доказательстве их отсутствия, [которое очевидно], а в выяснении причин и обстоятельств, исключавших их возникновение» (*Кажаров* 1993, с. 38).

Очевидно, сама структура организации вотчины-деревни препятствовала объединению крестьян в некий союз. И дело здесь не только в существовании в къяужэ различных крестьянских категорий. «В Кабарде, — писал Кажаров, — ни дополнялись непреодолимыми барьерами, создававшимися принадлежностью крестьян в пределах къяужэ разным хозяевам, а также наличием у крестьян собственных крепостных» (*там же*). Судя по архивным материалам первой четверти XIX в., вотчина-община делилась на сегменты [кварталы], состоявшие из дворянских усадеб. Внутри них «располагались крестьянские дворы, которые, в свою очередь, состояли из дворов их крепостных». Ведущей тенденцией в жизни всех категорий крестьян Кажаров считал «стремление эксплуатировать себе подобных, а не объединяться с ними на сословно-корпоративной основе. Широкий размер эксплуатации одних групп крестьян другими стал одним

из главных препятствий для их объединения в сельскую общину и выработки собственных органов самоуправления» (*там же*).

В соответствии с иерархической структурой вотчины-деревни, наличием в ней усадеб феодалов и дворов зажиточных крестьян, часть полномочий управления передавалась определенным звеньям. «Крепкие» дворы крестьян служили низовыми органами вотчинного управления в кѳуажѳ. Именно последнее обстоятельство не оставляло, якобы, «места для функционирования органов общинного самоуправления крестьян» (*там же*, сс. 39-40).

В вотчине кабардинцев военно-управленческие и производственные функции разделялись. Первые были присущи феодалам, на долю крестьян приходились производственные. Особенно выпукло это проявлялось в периоды сельскохозяйственных работ. В позднее средневековье, как можно судить из «Описания кабардинского народа 1748 г.», «владельцы их весною и в осень, во время сева и собирания хлеба выезжают на поле и прикрывают работу своих подданных» (*КРО* 1957, т. II, с. 160; *Кажаров* 1993, с. 39). Вероятно, об этой же практике кабардинские князья сообщали П.С. Потемкину в письме конца августа 1787 г. В нем содержалась просьба князей об отсрочке сбора войска, ибо «ныне узденья... каждой находятся у своих хлебов и стараются оные поскорее собрать» (*Кажаров* 1993, сс. 30-31). В данном случае слово *собрать* не следует понимать прямолинейно и связывать его с феодалами. Очевидно, они «у своих хлебов» находились для охраны крестьян.

По источникам XVIII в., «владельцы... весною и в осень во время сева и собирания хлеба выезжают в поле и прикрывают работы своих подданных» (*Гаджиев* 1979, с. 52).

В завершенной в 1812 г. книге С.М. Броневский писал: «Во время жатвы и сенокоса князья разъезжают по полям вооруженные, как для надзирания за сельскими работами, так и для прикрытия работников и живут месяца по два в лагерях [кошах] со всею воинскою осторожностью» (*Броневский* 1999, с. 192).

И. Бларамберг в 1834 г. отметил ту же особенность у черкесов: «Во время уборки урожая и сенокоса князья и дворяне,

вооруженные до зубов, объезжают верхом свои поля как для того, чтобы проследить за работами, так и для того, чтобы защитить своих крестьян; в течение месяца или двух они остаются в полях, принимая всевозможные военные предосторожности» (**Бларамберг** 2005, сс. 140-141).

В связи с рассматриваемым вопросом напомним, что накануне походов монголов Алания находилась на стадии феодальной раздробленности. По наблюдениям венгерских миссионеров, у алан «сколько [там] селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянная идет война вождя против вождя, села против села. Во время пахоты все люди одного селения при оружии вместе идут на поле, вместе также и жнут, и так делают по всему пространству той земли; и если есть у них какая-либо надобность вне селения, добыча ли леса или другая работа, то они равным образом идут все при оружии» (**АБКИЕА**, с. 31). Практически то же самое повторил доминиканец Юлиан: «Здесь постоянная война князя с князем, местечка с местечком: во время пахания все люди одного местечка вооруженные вместе отправляются на поле, вместе косят, и то на смежном пространстве, и вообще выходя за пределы своего местечка, для рубки дров, или для какой бы то ни было работы, идут все вместе и вооруженные, а в малом числе не могут никак выйти безопасно из своих местечек...» (**там же**, с. 33).

О разделении военно-управленческих и хозяйственных функций в некоторых средневековых горских обществах свидетельствуют наблюдения очевидцев. Д. Интериано во второй половине XV в. писал относительно черкесов: «Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами..., говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом [курсив мой — Ф. Г.]» (**там же**, с. 49).

Данные этнографии кабардинцев указывают на контроль феодалов над производственными процессами. Так, начало пахоты санкционировалось владельцем аула. В случае нарушения этого правила даже всеми крестьянами общины следовало строгое наказание. Отражение этой практики сохрани-

лось в фольклоре кабардинцев. Так, в историческом предании «Прерванная пахота» говорится о том, как пши [кабардинский князь] Шабатуко отправился в набег и долго не возвращался. Жители его селения, вышли «на пахоту, не дождавшись дозволения пши». Князь неожиданно вернулся и пришел в ярость от самовольного поступка крестьян. Погнав их в селение, Шабатуко запретил им начинать пахоту, пока они не построят ему «сарай с двойной дверью». В поисках защиты крестьяне отправили двух выбранных ходоков к соседнему князю с просьбой повлиять на Шабатуку и попросить его отсрочить на неделю постройку сарая, тем самым предоставить общинникам возможность завершить пахотные работы. Однако владелец села в резкой форме отверг посредничество соседа, назвав его «собачьим отродьем». Позднее оскорбленный сосед убил в поединке Шабатуку. В чем же причина столь резкой реакции князя на поступок крестьян? Кажаров ответ на этот вопрос ищет в условиях жизнедеятельности кабардинской вотчины-общины в XVI-XVIII вв. В средние века в обстановке постоянных феодальных междоусобиц самовольный выход в поле без военного прикрытия, являлся рискованным предприятием из-за реальной опасности стать добычей противников (**Кажаров** 1993, сс. 34-35).

Зависимая от алдаров Дзантиевых часть жителей с. Каккадур Тагаурского общества «без дозволения Жантиевых» не могла «приступать к уборке земли, хлебов и сена» (**ЦГА РСО-А**, ф. 291, оп. 1, д. 9, л. 390).

Известны случаи «призвания» князей в т.н. «демократических племенах». По преданиям, записанным в начале XIX в., «Чечня заселилась три века тому назад выходцами из Дагестана и Ичкерии, которые нашли местность эту до того дикой и пустынной, что «зайцы и олени сходились посмотреть на невиданного ими дотол в лесах человека». Первые обыватели нынешней Чечни... долгое время жили спокойно, но скоро кабардинцы и кумыки начали их теснить, грабить и убивать, что и вынудило чеченцев признать над собою власть князей кабардинских и кумыкских и платить им дань; но вследствие жадности и насилия

сих последних они решились призвать себе из Гумбета князей с многочисленной дружиной, которым поручили свою защиту и водворение у себя порядка и некоторого общественного устройства. Скоро турловцы сделали чеченцев воинственными, и толпы их храбрецов, в свою очередь, делали набеги на кабардинцев и кумыков; но пришла, наконец, и та пора, что чеченцы, забыв все услуги Турловых, перестали им повиноваться и даже вынудили их переселиться в надтеречные деревни» (**Сб. док.** 2003, сс. 129-130).

А. Абрамович писал о вайнахах: «так как чеченцы не имели у себя людей, необходимых для сношения с русским начальством, а равно и таких, распоряжениям которых все повиновались бы охотно, то они вызвали одновременно князей Бековичей-Черкасских и Ахловых из Кизляра [земля кумыков], Турловых из Гумбета [в Западном Дагестане] и Эльдаровых из Аксяя [в Кумыкском округе]. Для большего удобства сохранения земли от набегов партий чеченцы разделили все земли на участки между князьями, а за труды их по управлению положили им известную плату» (**Абрамович** 2003, сс. 50-51)

Без защиты «князей» или «дворян» крестьяне не могли обеспечить безопасность своего хозяйства. Например, без поддержки феодалов печально закончилась попытка небольшой группы крестьян Куртатинского общества основать аул на равнине. В письме от 20 апреля 1784 г. генералу П.С. Потемкину жители осетинского села Карца [Арчуд Кукков, Хадар Хабалов, Або Караев и Даго Кулиев] сообщали: «Слышно было нам в прошедшую зиму, что на месте, называемом Хетаг, имеет [право] поселиться российски4й народ, чему мы, желая совершиться подлинно, пожелали и сами в сожительство и подданство России по близости того места переселиться. Но как только мы приехали нынешнею весною пахать землю к посеянию хлеба», как вооруженные соседи, «собравшись великою толпою, рабочей наш скот 25 быков и 14 лошадей угнали и 6 ружьев, плуги, топоры и всю у нас одежду отняв, увезли, а одного изрубили на части, а двоих — одного смертельно, а другого легко ранили» (**РОО** 1984, с. 408).

Возможно отголоском рассматриваемой практики служит информация источника о том, что «при отправлении бека с людьми узденского происхождения в поле... раяты должны содержать и продовольствовать как бека, так и его спутников» (**ФОД** с. 209).

Остается дискуссионным вопрос о функциях собраний, общих для всего ущелья или общества. Ныхасы, отметил Чиковани, «не играли особой роли» в системе управления ущельями, «имея лишь местное, сельское значение» (**Чиковани** 1988, с. 79). Скаков, напротив, считает, что «на одном из крупнейших ныхасов с камнями-сиденьями в селении Мацута Дигорского ущелья собиралось общество тапан-дигорцев» [средневековое феодальное общество в Западной Осетии]. По другой версии, здесь проходили заседания представителей всей Дигории (**Скаков** 2006, с. 283).

По мнению большинства ученых, у народов Северного Кавказа важнейшие дела решались не рядовым населением, а верхушкой обществ (**Хашаев** 1961, сс. 36-37; **Невская В. П., Невская Т. А.** 1978, с. 29; **Исаева, Исаев** 1982, сс. 51-52). По определению Ковалевского, община на средневековом Кавказе продолжала существовать, «изменив своему свободному характеру и став под высокую руку феодалов» (**Ковалевский** 1883, сс. 45-46).

В средневековой Кабарде наиболее важные вопросы решались на *захуэсе* — сходах, собраниях пши [князей] и уорков [дворян]. Как правило, сход собирался после того как «старший летами из владельцев [о]повещает узденям и старшинам народных селений собраться в назначенное место; как скоро оные соберутся, *разделяются* оные *по степеням*, а именно: владельцы, уздени и народные старшины, *каждый род особенно* [курсив мой — Ф. Г.]. Владельцы, условясь о каком бы то деле ни было, предлагают намерение узденям, сеи разбирают пользу или вред его, но однако же почти всегда соглашаются со мнением владельцев». Затем принятое решение передавалось «на мнение народа... При этом ведущую роль играли 'избираемые' общинами [*хьаблэ*] старшины [*нахъыш* или *тхъэмадэ*]» (**Гаджиев** 1979, с. 52).

В Кабарде ни одно крупное собрание не обходилось без участия старейшин, представлявших интересы рядового населения. Причем, «старейшины древних фамилий этого народа имеют такое высокое уважение, что на упомянутых ассамблеях народа их мнение часто бывает более весомым, чем мнение князей» (*Северный Кавказ...* 2006, с. 280).

В описании Кабарды Штелин подчеркнул: «Всеобщие земские дела обеих Кабард решаются в *публичном собрании или на совете* у одного или другого князя [курсив мой — Ф. Г.]» (*там же*, с. 203).

И. Бларамберг отметил по этому поводу: «Кавказские дворяне... составляют двор и княжеский совет... власть кавказских князей ограничена: они самостоятельно не могут предпринять ничего важного без того, чтобы сначала посоветоваться со своими вассалами и людьми, преданными их особе» (*Бларамберг* 2005, сс. 32-33).

Во второй половине XVIII в. в отдельных случаях собирались представители разных социумов и народов. В рапорте майора Петра Татарова говорится, что в декабре 1766 г. он находился в «кашкатавской партии при владельце Хамурзе Расланбекове;» Татаров сообщал «о собрании как Большой Кабарды, так и Малой владельцами и узденями и прочими горскими народами яко то карачай, чегем, балкар, *дугор*, *Каражау*, *Кубатием* находятя на общем собрании и согласии из горских народов: старшины при владельцах состоят и точно, злое намерение имеют... *владельцы собираются советоватья*, а уздени и *подлый народ* [курсив мой — Ф. Г.] все по домам разошлись до времени и до какого числа... не знает» (*ЦГА РД*, ф. 379, оп 1, д. 638, л. 70).

Это уникальное известие демонстрирует живучесть архаических институтов — собраний разных сословий народов Центрального Кавказа. Примечательно, что не решив проблем, из-за которых они собрались, представители знати остались для выработки решения. Тогда как представители узденей и «подлый народ все по домам разошлись до времени», очевидно до выработки решения владельцами.

В социальной структуре кубачинцев начала XVIII в. обратим

внимание на специфический институт управления, который состоял из 12 ежегодно «выбираемых» старшин. Они «в тот год все ссоры судят, и во всем им послушны бывают; и понеже оные все равны, то очередь до каждого доходит между ними правительственными быть». Этот сюжет перекликается со свидетельством А. Лопухина: «Кубеша... никого не слушают, живут сами собой, а управителей из своей братьи имеют погодно». Насколько известно, еще задолго до этого среди свободных, равных между собой жителей выделялись т.н. «родовитые», «богатые», «влиятельные» люди, в том числе небольшая группа местного мусульманского духовенства (*Гаджиев* 1979, с. 132).

В Табасаране, как и в верхнем Кайтаге, имелись уздени «старшины» или «наследственные старшины», «богатеи». На этом зыбком основании Гаджиев считал ошибочным взгляд на горный Табасаран позднего средневековья как на «вольный» край, «где господствует равенство и народовластие». С определенными оговорками можно присоединиться к этой точке зрения. Однако, с не меньшим основанием следует признать отсутствие в данной части Дагестана собственно феодальных методов эксплуатации. В узденской части Табасарана имелись влиятельные тухумы, которые «издревле отличались богатством и силой. Из их числа обычно [курсив мой — Ф. Г.] выдвигались старшины и другие должностные лица сельской администрации». К последним относились «надсмотрщики» [в верхнем Табасаране — *кизиль*, в нижнем — *курухчи*]. *Кевха* «старшина», *бакавули* «чауш» считаются наследственными, а *кизляры* — выборными. В некоторых поселениях *кевхи* назывались *ахи-сакал* «отличавшиеся даром слова». Во главе ряда аулов стояли *ахи-кевхи* «главные старшины». «До Рустем-кади... Табасаранью управляли одни кадии». Они опирались на военную силу — нукеров из всех деревень. После того как Рустем разделил «раятскую Табасарань» между четырьмя своими братьями, роль кадиев стала заметно падать. Для поддержания своего влияния в «вольной» части социума кадии задабривали «лучших» людей подарками и угощением. Особенно много «подарков» получали «старшины ругуджский и ханагский, имевшие большое влияние на народ» (*там же*, сс. 210-211).

Общинные традиции в Рутуле и Цахуре оказались «гораздо сильнее, чем в верховьях реки Чирагчай [хотя к концу XIII в. и здесь заметно некоторое усиление феодализации]». Во всей эпиграфике Рутула по XIII в. включительно глагол «приказал» встречен лишь дважды. Первый раз «он употреблен в надписи 1150 г., касающейся постройки ханака — очевидно, приказывавший был не светским феодалом, а духовным лицом». Второй раз глагол «приказал» встречен в надписи 1284 г. из Рутула. Она почти дословно повторяет надпись 1228 г. Но там, где раньше говорилось о «поручении джамаата», в 1284 г. значится: «по приказу X-р-кар сына C-г-м». Возможно это связано с усилением к концу XIII в. «тенденций к феодализации в Рутуле, хотя 'приказывающий' не имеет какого-либо титула». В эпиграфических памятниках рассматриваемого социума социальный термин эмир не встречен ни разу, а титул бек — лишь один раз. В остальных населенных пунктах Рутула «никаких свидетельств о сословном расслоении для этого времени нет» (*Криштопа* 2007, с. 282).

Аналогичную картину дает эпиграфический материал Цахура. В памятниках до XIII в. включительно лишь один раз [1239 г.] упоминается «владелец минарета». Гораздо «солиднее» выглядит надпись 1247 г. из с. Мишлеш: местную мечеть «приказал построить амир величайший, амир Бадал б. Малих» [в надпись внесена и его жена].

В источниках, касающихся с. Рича, довольно часто встречаются упоминания титулатуры «приказывающих» лиц. В документе 1241 г. говорится: «построить эту крепость приказал Сабадж [Басадж] б. Сулейман». В записи 1242 г. — «приказал построить эту крепость эмир прославленный, великий шейх И-г-р-л-з б. Бек». В 1250 г. «эмир прославленный, великий, поддерживающим, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии Адам б. Абд ал-Малик б. Мухаммад... приказал построить эту мечеть». В 1280 г. «построил эту мечеть М-р-х-д-л б. Басадж, а приказала ему... дочь Хусам» (*там же*, сс. 80-81).

Криштопа обратил внимание на одновременное существование 3-4-х титулованных и «приказывающих» лиц; косвенно

их право «приказывать» будто бы подтверждается постройкой капитальных сооружений: крепостей и мечетей. Согласно гипотезе дагестанского ученого, в Риче имела место олигархическая форма правления. Осуществлявшая ее верхушка, «уже оформилась в высшее сословие, но еще не успела сделать свою власть наследственной и сложиться в стройную иерархическую группу» (*там же*, с. 81).

Верхнесамурским обществам знакомы имущественное расслоение и социальная дифференциация. Однако, в отличие от Рича, в источниках нет свидетельств о закреплении за местной верхушкой социальных преимуществ. Единственное исключение упоминание «амира» в одной из надписей Мишлеша. В то же время в качестве «влиятельной силы» в эпиграфических памятниках упоминается «джамаат» Рутул. Кавказоведы обращали внимание на свидетельство Казвини о положении в «главном городе страны лакзов» — Цахуре: «И нет главы у них, а есть хатиб, который молится с ними, и кадий, который разбирает тяжбы между ними...» (*там же*, с. 83).

Интересен сюжет о Шамсуддине Джувейни, который в 1278 г. «направился в Дербент, к горе Эльбруз и Лекзистан, и добрыми мероприятиями привел в повиновение те народы, которые никогда, да никому не подчинялись» (*там же*, с. 84).

В отнесенных Криштопой к рубежу XIII-XIV вв. сообщениях местных источников, фигурирует сестра шамхала Кумуха [одна из жен уцмия Султан-Мухаммада и мать уцмия Султам-Алибека]. В надписи 1305 г. из с. Худуц фигурирует шамхал. Эпиграфические данные за 1318 г. из с. Худуц показывают, что «власть шамхала была серьезно ограничена 'старшинами' и знатными 'домами'. Последние фактически распорядились владениями Гумика [вплоть до передачи доходов с зависимого аула Худуц общине Андж.б.к. — видимо, зирихгеранского с. Анчибачи]. Олигархическое правление в Гумике, имевшее весьма давние традиции, сохранялось, таким образом, и в XIV в.» (*там же*, с. 86).

Земельные угодья средневекового Кураха [около 500 кв. км] не были «личным феодальным владением»; владельцем ее названо селение Курах, т.е. курахская община. В XIV в. Курах

«выступает как крупный, оформленный и сплоченный союз сельских общин, что заметно отличает его от политической структуры верхнесамурских земель XIII в., где каждое сельское общество выглядело совершенно самостоятельным» (*там же*, сс. 118-119).

Как полагают отдельные ученые, в золотоордынский период произошло «перемещение рубежей политической самостоятельности лезгинских обществ с линии Главного Кавказского хребта [XIII в.] на линию южных скатов Самурского хребта [XIV в.], игравшую... роль 'второго эшелона' в обороне от вторжений извне» (*там же*, с. 119).

По терекемейским адатам, «Когда бек едет в деревню узденей для заседания в сборище их на продолжительное время [это было в прежние времена], тогда все нужное на стол его присылается из раятских деревень на все время нахождения его в том сборище» (*ФОД*, с. 33).

Большое собрание было созвано «для прекращения в шамхальской фамилии междоусобия. Здесь Мехти обратился ко всему сборищу шамхальцев и представителей союзных земель с предложением, чтобы они рассудили, кому принадлежит право на достоинство шамхала: ему ли, как старшему и ближайшему двоюродному брату Хасбулат-шамхала, давно уже носившему звание преемника его — *крым-шамхала*, или Тишнек-Баммату, который происходил от младшей линии шамхалов и имел свой особый удел. Собрание решило, что по издревле принятому в шамхальском доме порядку наследования достоинства шамхалов оно должно перейти к нему, Мехти, и поэтому все собрание признает его законным шамхалом». После того как собрание столь единогласно признало Мехти главой общества, он, уже тогда находившийся «в преклонных летах» и страдавший болезнью глаз, обратился к собранию с заявлением, что «он уже стар, имеет слабое зрение и с этими недостатками едва ли может быть полезен своему народу настолько, насколько требует того возложенное на него звание, поэтому он просил собрание сложить с него достоинство шамхала и дозволить ему передать оное старшему сыну своему Муртузалию, как человеку, имею-

щему все качества, чтобы носить титул шамхала с достоинством и быть полезным народу. Собрание одобрило это заявление и тут же провозгласило Муртузалия шамхалом» (**там же**, с. 62).

III. 5. «Призвание князей». В истории средневекового Северного Кавказа отмечены случаи поиска защиты от внешней угрозы при помощи «призвания князей». В Дагестане, например, по заявлению жителей магала Уцури, их социум был слаб, подвергался частым нападениям феодалов Сюрги и Кайтага. Желая обезопасить свои границы, уцурийцы прибегали к помощи уцмия. За это последний получал от населения покровительствуемых аулов дань. Постоянным местопребыванием уцмия являлся аул Башлы. Бывало, что башлинцы, недовольные деятельностью и поведением уцмия, «изгоняли его из своего селения».

Башлинцы смотрели на уцмия, как на своего «предводителя и защитника как от внешних врагов, так и внутренних». По их понятиям, «поддерживание внутреннего порядка и преследование злонамеренных людей лежало на обязанности уцмия... общество отдавало в его распоряжение всех своих *тулганов*» [земскую стражу]. По словам самих башлинцев, за то, что уцмий «держал наше знамя, защищал нас от внешних врагов и поддерживал внутренний порядок, пользовался правом на некоторых общественных землях в известное время года пасти свои стада или отдавать их под пастьбу посторонним лицам за плату в свою пользу... Кроме сего в пользу уцмия поступала половина штрафа, взывавшегося с жителей за убийство, воровство, увоз женщин» (**ФОД** сс. 220-221).

Некоторые селения Самурского округа, стремясь обезопасить себя от вражеских набегов, «добровольно поступили под защиту казикумухских ханов с обязательством платить им за покровительство определенную дань хлебом» (**там же**, с. 251).

Практика «призвания князей» имела место как в «демократических», так и «аристократических» обществах. Еще в 1065 г. свергнутый с престола Дербента эмир Абдалмалик нашел убежище в Хайдаке. В 1070 г. «народ ал-Баба снова признал эмира Абдалмалика из Хайдака; его привезли в город [баллад], вру-

чили ему власть, и он стал сражаться с ширванцами». Но через 5 лет его вновь изгнали (*История Дагестана* 2004, сс. 197-198).

Другой пример: появление беков в Цахуре устная традиция связывает с событиями давней истории. Некогда Цахур был центром «вольной» общины. При каждых выборах старейшины-предводителя межтухумные отношения накалялись. Пытаясь урегулировать обстановку, общинники пригласили в правители беков из несуществующего ныне селения Хоца. «Приглашенные», однако, «стали важничать и производить разные бесчинства». В конечном итоге выведенный из терпения народ решил покончить с беками и убить их всех, включая женщин и детей. Восемнадцать цахурцев перебили мужчин, молившихся в мечети, а затем в домах беков убили всех стариков, женщин и детей (*там же*, с. 365).

Некоторые селения Самурского округа, стремясь обезопасить себя от вражеских набегов, «добровольно поступили под защиту казикумухских ханов с обязательством платить им за покровительство определенную дань хлебом» (*ФОД* с. 251).

Свидетельства о «призвании князей» сохранили материалы средневековой Аварии. Ценная информация по этому вопросу содержится в «Письме Дугри-нуцалу Аварскому от жителей одной из подвластных ему общин». Письмо это датируется не ранее 1646 г. и не позднее 1668 г. Члены общины напомнили нуцалу о заключенном ранее договоре: «Ты дал нам обещание [быть вместе с нами] и написал [об этом] известный документ [китаб]». Причем, он был заключен при свидетелях. «Ты написал тот документ в присутствии нашего имама» [настоятель соборной мечети] и имамов еще трех населенных пунктов. Согласно договору, нуцал обязывался защищать общинников от внешних врагов и внутренних смут: «Ты направил нам — сколько был в силах — оружие и мужей, чтобы они нас охраняли». Со своей стороны, крестьяне должны были оказывать нуцалу военную поддержку и содержать его родственников, присылаемых, будто бы, для обеспечения безопасности (*Айтберов* 1983, сс. 148-150).

Рассматриваемая практика, по мнению некоторых дагестанских ученых, определила одно из двух направлений развития

феодалных отношений. С одной стороны, главы обществ наделяли землей определенные категории лиц «за службу» на различных условиях [временное или постоянное условное держание, безусловная передача и т.д.] С другой стороны, отдельные крестьяне, общины и союзы общин искали «покровительства» со стороны мощного в военном отношении феодала. Институт покровительства со временем сменялся, как правило, отношениями зависимости и подчинения. Это сыграло важную роль в расширении феодальных владений, причем, за счет не просто пустых земель, а угодий с работавшими на них крестьянами (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 280).

По адатам западных адыгов, «Князь... почитается владельцем покровительствуемых им аулов и земель им принадлежащих, обязан оные защищать и оберегать» (**Леонтович** 1882, т. I, с. 120).

Народные предания рисуют картину «призвания» кабардинских князей Мисостовых, Джембулатовых и Атажукиных. Причем их призвали «для охранения... от насилия». Каждая из названных фамилий на три года выделяла «по одному князю, которые кроме такового охранения обязаны были провожать ездящих по своим надобностям в разные места и отыскивать у них кем-либо только похищенное или явно отнятое, за какое трехлетнее охранение от всяких насилий и обид платили поименованным трем князьям 1500 баранов и 100 штук рогатого скота; и сверх того, кто из них умел лучше их охранять, тому по просьбе его давалось особое уважение, да сверх того давали старшему князю всей Кабарды, которой бы он фамилии ни был, с каждого дома по одному барану» (**Кожев** 2005, с. 134).

У адыгов князья «издревле назывались покровителями и защитниками народа [курсив С. А.]» (**Айларова** 2003, с. 72). Аналогичная картина наблюдалась и в других регионах Северного Кавказа. Родоначальник части балкарских таубиев, Мысака, первоначально поселился отдельно от своих соплеменников. «Предание говорит, что балкарцы изъявили согласие признать его своим таубием, если он покорит туземцев. Ему с дружиной удалось это сделать, и он стал пользоваться среди балкарцев

значительным влиянием. Затем Мысака снова отправился к маджарам и привел оттуда с собою своего ленного властителя Басиата, при котором Мысака в Маджарии состоял узденем» (*Миллер и Ковалевский* 1884, с. 554).

В своих ущельях балкарские таубии «обладали большими политическими правами. Члены этих фамилий стояли во главе соседских общин, были их покровителями и фактически руководителями». В условиях бесконечных столкновений соседних социумов на первом плане стояла способность претендента на «призвание» обеспечить безопасность населения. От умения таубиев «организовать отпор неприятелю, оградить жителей от набегов зависели спокойствие и благополучие общества». Это способствовало росту авторитета балкарской знати (*Битова* 2005, сс. 142-143).

Интересно указание «Памятника эриставов» на причины возвышения Бибилури [аланских князей] — осуществление ими военного руководства: «если куда предпринимались походы, [они] становились предводителями сражавшихся и не находилось никого, кто [мог бы сразиться] в единоборстве с Ростомом [родоначальником аланской ветви ксанских эриставов — Ф. Г.], и возлюбил его весь народ цхразмисхевский». Устная традиция осетин возвышение привилегированных слоев также связывает с исполнением общественных функций — охраной общества от внешней опасности и организацией грабительских походов (*ЦГА РСО-А*, ф. 262, оп. 1, д. 9, св. 2, л. 36-36 об.; *Красницкий*, 1865, № 31; *Миллер* 1881, с. 139). Утвердившись во главе военной организации цхразмийского хеви [буквально: «ущелье»], Бибилури завладели «селами и областями».

III. 6. Формирование имиджа власти. Важными маркерами любой политической культуры являются факторы и механизмы становления авторитета лидера, власти, обусловленности этого процесса рядом специфических условий. В потестарном, раннеклассовом, в феодальном и т.д. обществах становление структуры управления сопровождается пропагандой существующей власти, созданием ее привлекательного образа. Конструирование имиджа власти включает в себя

создание мифологемы по заказу самих носителей власти (**Эльфонд** 2008, с. 423).

В этом отношении интересна хроника «Памятник эриставов» [ПЭ], созданная в промежутке между 1405/6-1410 гг. в Ларгвисском монастыре Григолом Бандас-дзе (**Какабадзе** 1970, с. 106; **Памятник** 1979, сс. 11-13). Причем создана она по заказу самих ксанских эриставов [см. ниже].

Проблема репрезентации носителей власти и их окружения восходит к глубокой древности. Чаще всего ее решение связывалось с использованием тезиса о сакральности светской власти, санкционированной Богом. «Отсюда и проблема культа правителя» (**Эльфонд** 2008, с. 423).

В сложившихся королевствах Западной Европы на первый план выдвигался образ конкретного монарха как воплощение «идеала правителя и в то же время исключительной личности благодаря своим индивидуальным качествам». Во Франции второй половины XVI в. важным маркером высшей власти являлся двор. С одной стороны он повышал статус монарха, способствуя росту имиджа власти. С другой — позволял контролировать оппозицию. При Франциске I [1515-1547 гг.] двор «стал подлинным центром притяжения всех культурных и художественных сил Франции». Благодаря этому обстоятельству он приобрел «блестящий антураж, подчеркивающий исключительность и могущество королевской власти». Медиевисты заслугой Франциска I считают то, что «он полностью оценил потенциал культуры как опоры власти». В период его правления «прославление короля ведется многочисленными поэтами и художниками...» (**там же**, с. 427).

В средневековой Западной Европе главным средством поддержания имиджа короны считались роскошь и великолепие. Столь же значимым приемом являлись изображения короля. Образ власти конструировался и путем напоминания «о величии и вечности рода французских королей» (**там же**, с. 436).

Очевидно с позднепотестарной традицией связано создание образа идеального короля. Во-первых, «король должен владеть *искусством войны* [курсив мой — Ф. Г.], охранять города,

руководить и готовить план военных действий». Во-вторых — «он мудрый судья» (*там же*, с. 438).

Абхазо-адыгские этносоциальные организмы в античный и средневековый периоды существовали в условиях войн и набегов. Формирование властных структур определяли личные качества и авторитет военных лидеров, вождей. Своеобразный имидж власти формировался за счет нескольких факторов, связанных с военными функциями. Тут не было мелочей. Поэтому к числу важных характеристик представителей новой власти относилось и такое, казалось бы, далекое от войны качество, как ораторское искусство (*Панеш* 1995, с. 15).

Утверждение новой власти сопровождалось становлением взаимоотношений лидеров с реальной [официальной] властью, форм поддержания авторитета лидера, представлений об идеальной власти и ее атрибутики, степень религиозной приверженности лидера и т.д.

В различных [особенно кочевых] обществах получил распространение образ физически совершенного лидера. Вспомним в этой связи поступок Хозроя, изуродовавшего внешний вид своего сына — Анасоза. Последний предпринял неудачную попытку «государственного переворота». «Отец изуродовал глаза своего сына; он не отнял у него зрения, но снизу и сверху ужасным образом вывернул ему веки. Закрыв глаза сыну и проведя по наружной стороне их раскаленной иглою он таким образом изувечил всю красоту век. Хозрой сделал это единственно с той целью, чтобы у сына пропала всякая надежда на царскую власть: человеку, имеющему какое-либо уродство, закон персов не позволяет делаться царем, как я говорил уже в прежних книгах» (*Проконий из Кесарии* 1950, с. 405).

Защита населения от внешних угроз, организация походов [или набегов] с целью угона скота, захвата пленных для получения за них выкупа, либо для продажи в качестве рабов — являлись основными функциями и в то же время важной чертой образа жизни военной знати. У средневековых черкесов по меньшей мере «шесть месяцев в году рыцарское сословие во главе с

князем или дворянином первой степени устраивало стан в лесу или в горах, совершая набеги». Как неоднократно отмечено в литературе, верховное военное руководство у западных адыгов осуществлял князь. Формально все князья были равны между собой. Но они различались по размерам имущества, своего авторитета, прежде всего и главным образом — славой смелого и удачливого в военных акциях вождя. Причем, захват добычи служил не столько для обогащения князей, сколько для увеличения их авторитета и, соответственно, «укрепления власти над народом». Таковой, в кратком изложении, «была модель идеального образа жизни мужчины-рыцаря» (*Панеш* 1995, с. 20).

В одном из прошении крестьян селений Коркак, Задан и Марага Кайтаго-Табасаранского округа говорится: «Раньше мы платили беку за его службу обществу, за управление [курсив мой — Ф. Г.]» (*Далгат* 1983, с. 138).

III. 7. Роль пиров. Важными маркерами любой политической культуры являются факторы и механизмы становления авторитета лидера, власти. В потестарном, раннеклассовом, в феодальном и т.д. обществах становление структуры управления сопровождалось пропагандой существующей власти, созданием ее привлекательного образа (*Эльфонд* 2008, с. 423). Этносоциальные организмы Северного Кавказа в античный и средневековый периоды существовали в условиях постоянных войн и набегов. В такой ситуации формирование властных структур определяли личные качества и авторитет военных лидеров, вождей. Тут не было мелочей (*Панеш* 1995, с.15). Важным фактором формирования имиджа власти являлись пиры. Торжественная совместная трапеза — пир — на протяжении едва ли не всей истории человечества была праздником со многими функциями. Совместное потребление пищи еще в древних обществах приобрело характер объединяющего акта: «совместное преломление хлеба насущного» воспринималось как «приобщение сотрапезников к некоему единому социуму, 'братству'» (*Уарзуати* 1995, с. 242) У осетин совместная трапеза представляла собой «сложный институт с различными поло-возрастными, социальными и религиозными функциями» (*там же*, с. 107).

Под влиянием разных факторов совместное потребление пищи еще в древних обществах приобрело характер объединяющего акта: «совместное преломление хлеба насущного» воспринималось как «приобщение сотрапезников к некоему единому социуму, 'братству'» (**Сванидзе** 2008, с. 242).

Обильным пиршеством завершался, как правило, съезд князей Древней Руси. Совместная трапеза сопровождалось взаимными подарками. Обычно дарили меха, драгоценные ткани, лошадей, дорогие воинские аксессуары, редкие предметы и т.д. (**Щавелев** 2006, сс. 276-277).

Интересно описание совместной трапезы при «дворе» великого хана монголов. «Ради важности» он держал «около себя охрану из двенадцати тысяч всадников; зовут этих всадников *quesitam*, что по-французски означает 'всадник, верный государю'». Всадники составляли 4 отряда по три тысячи воинов в каждом. В течение трех дней «каждые три тысячи всадников живут во дворце великого хана; там они едят и пьют; а через трое суток они уходят; приходят другие и сторожат три дня и три ночи; и так меняются... во весь год» (**Книга Марко Пола** 2005, с. 392).

На пиру у великого хана решались некоторые вопросы: «тут и такие, у кого есть владения, да хотят побольше; приходят они в те дни, когда у великого хана большой выход и пир [курсив мой — Ф. Г.]... С большими приносами приходят сюда и те, кому желательно, чтобы великий хан дал им земли в управление. А великий хан выбрал двенадцать князей; они раздают земли по заслугам». После завершения застолья «приходит тут... многое множество скоморохов и плясунов, представляют и потешают великого хана, и все веселятся и смеются» (**там же**, с. 393).

Массовый праздник Алавердоба, на который собирался народ едва ли не со всего Кавказа, отмечался в Восточной Грузии. Ежегодно 14 сентября у стен Алавердинского храма в Кахетии собирались люди разной веры и национальности: грузины, армяне, азербайджанцы, дагестанцы, чеченцы, осетины и др. «Здесь устраивали традиционные игры, джигитовку». Завершался праздник совместной трапезой (**Калоев** 1989, с. 202). По описанию А. Зиссермана, «праздничная толпа..., пирующая под

чистым сводом южного неба... Пьют, поют целые сутки без перерыва» (**Зиссерман** 1879, ч. I, сс. 23-24).

У осетин «обрядово пляшут, стреляют, потешаются разными фокусниками, борцами... и все это пиршество с жертвоприношением обозначается словом *куывд*. Этот религиозно-культурный термин означает такое важное понятие духовной жизни как молитва». Такое сочетание не является случайным, как не является случайным отсутствие в ритуальном застолье ссор, ругани, вызывающего поведения и громкого смеха. Молитва и пиршество не совместимы с позами, жестами, непрерывной болтовней и прочими антинормами. Напомним, что «в основе слова «куывд» лежит древнеиндийское слово со значением «выполнять общественный ритуал»» (**Абаев** 1958, с. 603; **Уарзуати** 1995, с. 138).

Пир в традиционном обществе относился к важнейшим учреждениям общественной жизни, главным средствам влияния на природу и реальную жизнь. «Благосклонность богов к человеку определялась через пир, поэтому и форма застольной обрядности устойчиво сохраняется во времени» (**Уарзуати** 1995, с. 138).

Функции совместных трапез нашли отражение в фольклорных памятниках,, в том числе — в нартовском эпосе. Для виднейших нартов устраивать щедрые и обильные пирушки было делом чести. Как правило, такие застолья устраивали военные предводители Урызмаг, Сослан и Батрадз. Нарты и по прошествии нескольких лет благодарили Сослана за «большой пир». В голодный год Урызмаг с помощью запасов Шатаны 5 дней угощал нартов (**Шифнер** 1868, сс. 171-173). По одному из вариантов цикла, Урызмаг усомнился в целесообразности организации большого застолья для всех нартов. Чрезвычайно интересен ответ Шатаны: «С одной стороны хочет создать себе имя, а с другой — боится расходов; этого делать нельзя: должен или вертел сгореть, или шашлык» (Памятники 1928, с. 4).

В ответе Шатаны выражена социальная роль престижной экономики. Выбор лидера в ранних структурах типа общины зависел от личных качеств, компетенции, связанных с ними пре-

стижа и авторитета, размера поддерживавшей его группы. Поэтому вербовка многочисленных сторонников путем престижных раздач была одним из главных путей к лидерству (*Васильев* 1982, сс. 68-69; *ИПОЭПРО*, сс. 398-399).

В заключение отметим связь между молитвой и пиршеством. Не случайно и то и другое в осетинском языке обозначается одним термином куывд. В.С. Уарзиати писал по этому поводу: «С точки зрения современного человека это трудно представить, но это факт. В архаической древности молитва сопровождалась жертвоприношением». Знакомство с текстами осетинских молитв, продолжал ученый, «не оставляет сомнений в их ценности. Все они несут в себе заряд высокохудожественного произведения» (*Уарзиати* 1995, сс. 161-162). Культурно-генетическая и формально-логическая связь между молитвословием и поэтическим произведением не является случайной. «Они составляют структурный элемент трапезы». Одной из важнейших черт последней является социальная функция — укрепление связей по полу и возрасту. Совместное застолье символизировало «единство всего коллектива организовавших, обслуживающих и пирующих людей». Трапеза была также формой передачи культурной информации между поколениями. Старшие повторяли правила поведения, полученные от своих дедов и отцов, а младшие обучались правилам включения в ритуальное пиршество (*там же*, сс. 162-163).

III. 8. Роль бардов. Проблема роли поэтов, сказителей и певцов в средневековых обществах Северного Кавказа остается слабо изученной. Между тем, в утверждении престижа «управленцев» и поддержании авторитета власти роль бардов была заметной. Одним из самых действенных методов увеличения авторитета военного лидерства, а в раннефеодальном обществе — подтверждением высокого социального статуса феодала — «была деятельность дружинного певца». Это в полной мере относится и к социумам Северного Кавказа» (*Панеш* 1995, с. 23).

Участниками пиров не только у горцев, но едва ли не у всех народов мира, начиная с периода т.н. «героической эпохи» были

барды. На Северном Кавказе они известны с давних времен. «В прежние времена, — отмечал Хан-Гирей, — было в Черкесии особое сословие, так называемые *декоако* [*джегуако*], которые исключительно занимались стихотворством, воспевали кровавые события, народные и славные деяния отличившихся воинов, составляли жизнеописания знаменитых мужей... таким образом эти певцы подвиги предков передавали потомкам... Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, имел при себе таких певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами» (*Хан-Гирей* 1978, с. 111; *его же* 2008, сс. 147-148). Наиболее четко данный институт прослеживается у кабардинцев (*Налоев* 1980; *его же* 2011). Своими произведениями джегуако прославляли деяния князей, удачливых всадников. «Стремясь создать наиболее благоприятную идеологическую обстановку для грабительских набегов, — писал Б.А. Гарданов, — адыгская знать содержала специальных менестрелей и бардов, прославлявших удачливых наездников, возвращавшихся домой с огромной добычей. Как правило, героями этих песен были предводители-князья, отправлявшиеся в окружении своих верных уорков [дворян] в поход за чужим добром и проявлявшие при этом исключительную храбрость и изобретательность». У средневековых адыгов так создавался образ «героя» (*Гарданов* 1967, с. 172; *Бгажноков* 1980, с. 82).

Еще П.-С. Паллас в конце XVIII в. обратил внимание на бардов, обозначенных местным термином «кикоакао» [*джегуако*], «которые в высоком уважении у всех партий, даже у разбойников; инструмент, под звуки которого они поют свои песни, — гитара с двумя или тремя струнами; им стоит только показать ее, чтобы иметь беспрепятственный проход повсюду; песни без рифм, и обыкновенный предмет их — старинные сказания и исторические воспоминания» (*Паллас* 2006, сс. 362-363).

«В прежние времена, — отмечал Хан-Гирей, — было в Черкесии особое сословие, так называемые *декоако*, которые исключительно занимались стихотворством, воспевали кровавые события, народные и славные деяния отличившихся воинов, составляли жизнеописания знаменитых мужей... таким образом

эти певцы подвиги предков передавали потомкам... Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, имел при себе таких певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами» (*Хан-Гурей* 1978, с. 111; *там же*, 2008, сс. 147-148).

По наблюдениям очевидцев, «как прежде, так и теперь [во второй половине XIX в. — Ф. Г.], само появление на каком-либо празднике поэта-импровизатора «составляло истинное удовольствие народа» (*Дубровин* 1991, с. 127).

На «заметку» барда любой ценой, даже ценой жизни, стремились попасть молодые джигиты. «Черкес знал, что прославленный поэтом импровизатором он не умрет в потомстве, что слава его имени и дел переживет и самый гробовой гранит. Его гробница, — говорит народная песня, — разрушится, а песня до разрушения мира не исчезнет» (*там же*, с. 18).

К таким героям относились касожский князь Редедя [XI в.]; некий зихский князь, правитель Матрики, который «содержал около 100 жен». К этой же группе З.М. Налоев относит князя Инала, родоначальника кабардинских, бесленеевских и темиргоевских князей (*Налоев* 1980, сс. 122-123).

Аналогичная установка без труда просматривается в героических и исторических песнях осетин. Так, например, песня «Таймураз Козырев» сложена о погибшем воине, но «содержание ее не воспринимается трагически, так как герой погиб за правое дело и *никогда не будет забыт своим народом* [курсив мой — Ф. Г.]». Главное в этой песне — воспеть мужество и подвиг героя, вступившего в бой с двенадцатью противниками. «Воспеть дерзновенную смелость человека, решившего убить... князя» (*Хамицаева* 1973, с. 113, 117).

В устной традиции горцев Северного Кавказа сохранилась установка о пользе на первый взгляд бесполезных поступков. Так, Андемиркан, один из героев «Песни о Бахчисарайском фонтане», сказал о своем поступке: «Пусть пользы никакой, но к мечети белой пробьюсь!» (*Налоев* 1980, с. 133).

Присутствие какого-либо «барда во время битвы — лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость». Ценное свидетельство на эту тему оставил Т. Лапинский, кото-

рый «весною 1857 г.» лично видел, как во время боя некий «бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по имени боязливых». Последнее обстоятельство было очень важным: проявить трусость значило «погибнуть» в глазах своих земляков; «ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране» (*там же*, с. 121).

Джегуако, по словам Ш.-Б. Ногмова, сочинял «стихи или речи для воодушевления воинов перед сражением. Становясь перед войском, они пели или читали свои стихи, в которых упоминали о неустрашимости предков и приводили для примера их доблестные подвиги» (*Ногмов* 1958, с. 84).

Однако этими функциями не ограничивалась «должность» джегуако, «включающего в себя целый ряд специальностей — от шута до поэта» (*Налоев* 1980, с. 122). Насколько известно, до недавнего времени рассматриваемой теме была посвящена лишь одна специальная статья Налоева — «О придворном джегуако». Лишь в 2011 г. вышла фундаментальная монография (*Налоев З. М.* Институт джегуако. Нальчик). Но изданная малым тиражом она уже стала библиографической редкостью. Поэтому кратко остановимся на ее узловых сюжетах.

«Придворному джегуако исторически предшествует дружинный». Возглавлявший ее князь нуждался в таком джегуако, который являлся бы не столько скоморохом, развлекавшим гостей князя, сколько поэтом, вдохновлявшим воинов перед боем, а после боя — воспевавшим подвиги князя и дружины. В переходный период от героической эпохи к феодальной джегуако, возможно, сочетал в себе поэта и мага, способного разгадать сны и знамения, обеспечить победу в столкновениях с врагами. В этом смысле такой человек для князя значил больше, чем воин-дружинник.

Трансформация дружинного джегуако в придворного связано, по мнению Налоева, «с наступлением феодальной раздробленности и обострением княжеских междоусобий...». Джегуако, продолжает Налоев, не только сохранил свои функции предшествовавшего периода, но и увеличил их «за счет дальнейшего

падения скоморошьего элемента». В значительной мере возрос политический мотив его творчества. Кровопролитные войны между князьями, в которые были втянуты их союзники из горских народов, Крыма, России т.д., становятся содержанием его песен. В этой связи преобразуется поэтика и жанровая система джегуако: «вместо эпической поэмы на первый план выходит разножанровая историко-героическая песня» (**Налоев** 1980, сс. 124-125).

Институт дружинного барда у адыгов сложился, «по-видимому, значительно раньше. Назвать сколько-нибудь точную дату, — пишет Налоев, — здесь невозможно, но есть основание предположить, что это произошло не позднее IV в. [курсив мой — Ф. Г.], к которому историки относят зарождение феодальных отношений на северо-западном Кавказе» (*там же*, с. 123)

Мы уже имели возможность высказать свое мнение о времени становления раннефеодальных отношений у кабардинцев, западных адыгов и в целом у народов Северного Кавказа. Речь может идти о рубеже I-II тысячелетий, но никак не о IV в. (**Гутнов** 2008, сс. 110-153, 187-231). Поэтому гипотеза Налоева о времени сложения института дружинного барда у кабардинцев нуждается в корректировке. Вместе с тем отметим заслуживающий внимания анализ положения джегуако «в социальной системе феодализма» Кабарды. Данный институт «играл важную роль в сфере идеологической жизни общества. Он оказывал громадное влияние на общественное мнение... его уважали и боялись вассалы и даже сами сеньоры» (**Налоев** 1980, с. 141).

Функции джегуако сопоставимы с функциями скандинавских скальдов, украинских кобзарей и др. В средневековой Скандинавии на пирах важное место «отводилось поэтам — скальдам, которые подчас служили в дружинах королей. Нередко конунги сажали их за стол рядом с собой: 'Поэзия — брага пира' — считали тогда люди... В своих висах поэты славили королей, поминали усопших героев...» (**Сванидзе** 2008, с. 246).

Королевский пир в средневековой Скандинавии сопровождался представлениями артистов [шутов], которых по-

сле завершения торжественных трапез вознаграждали. Так, в описании свадьбы короля Биргера Вальдемарссона, состоявшейся в Стокгольме, шутам в качестве платы за выступление «пожаловали драгоценную одежду новобрачных». Не менее торжественно была проведена коронация Биргера. «И снова [что всегда подчеркивает хронист] не забыли одарить шутов: им дали 'дорогие вещи, флейты, коней, серебро, одежду и много прочего', так что 'шуты уезжали, довольные очень'» (*там же*, сс. 248-250).

III. 9. Роль генеалогии. Одним из феноменов, в котором нашли отражение события прошлого, является историческая память. Под ней в обобщенном виде **Е. А. Мельникова** (2003. сс. 3-8) понимает совокупность относительно устойчиво сохраняемых на протяжении двух или более поколений знаний и представлений о прошлом определенного социума. В его консолидации и самоидентификации историческая память занимала особое место. Ее социальную ценность осознавали сами носители, что выражалось в уважении, оказываемом обществом знатокам традиции. Как правило, в древних и средневековых обществах сказители либо занимали привилегированное положение, либо получали богатые дары.

Особую разновидность исторической памяти составляют различные предания, в том числе — генеалогические. Под генеалогией «понимается специальная или вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся изучением и составлением родословных, выяснением происхождения отдельных родов, семей и лиц, выявлением их родственных связей в тесном единстве с установлением основных биографических фактов и данных о деятельности и социальном статусе» (см.: **Пшемурзов** 2000, с. 28).

Вместе с тем родословные служили «свидетельством происхождения, социального положения, прав и обязанностей». Одновременно формировалась и ментальность, «ориентировавшая на то, что происхождение, данное богом, — определяющий критерий в общественном положении человека» (**Мусукаев** 2000, сс. 20-21).

Генеалогия тесно связана и с этикой. Как подметил Д. Гранин, родословная дает право «гордиться своими предками или стыдиться их поступков. Она заставляет вспомнить о традициях фамильной чести, трудолюбия, храбрости» (*Гранин* 1992, с. 52).

Одной из особенностей родословных является отражение исторических событий в связи с определенной мировоззренческой моделью (*Бурде-Шнейдевинд* 1969, сс. 341-145). Родословные появились не на первом этапе становления классового общества и представляли собой продукт его развития. С течением времени генеалогические предания пополнялись новыми сюжетами и к моменту их письменной фиксации [у народов Северного Кавказа — преимущественно во второй половине XVIII-XIX вв.] представляли собой своеобразную фольклорную версию истории того или иного социума.

Однако, еще совсем недавно А. Мусукаев с сожалением отмечал: «К генеалогическим материалам нередко относятся снисходительно, и даже некоторые историки обывательски считают, что сама генеалогическая наука способна вызывать лишь познавательный интерес» (*Мусукаев* 1999, с. 80).

Автор данной работы четверть века назад опубликовал книгу «Генеалогические предания осетин как исторический источник» (*Гутнов* 1989). С той поры генеалогия шагнула далеко вперед; и у современных исследователей не вызывает сомнений возможность [а у т.н. «бесписьменных» народов — и необходимость] использования родословных в качестве исторического источника.

Интерес к данным вопросам в стране в целом за последние годы возрос многократно. На Северном Кавказе на стыке тысячелетий отмечен аналогичный процесс. В 1999 г. создана Российская генеалогическая федерация; в Нальчике не один год успешно действует Кабардино-Балкарское историко-родословное общество. В России проведено два международных генеалогических коллоквиума. Показательны проблемы, поднимаемые на коллоквиум, в 2000 г. проведенном в Нальчике:

— Роль и место генеалогии в исторических исследованиях.

— Роль генеалогических исследований в воспитании подрастающих поколений.

— Исторические аспекты формирования генеалогических преданий в России и у народов Кавказа.

— Семейные и генеалогические связи народов Кавказа и России.

— Легенды и историческая действительность в генеалогических преданиях народов Северного Кавказа.

Показателем развития генеалогии служит функционирование компьютерной системы «Русская генеалогия». Система разработана совместными усилиями программистов и ученых [историков]. К 2000 г. база данных системы объединяла информацию о более 300000 персонах, принадлежавших к примерно 10000 дворянских фамилий (**Смирнов** 2000, с. 25).

Усилиями И. Т. Марзоева во Владикавказе открыто Северо-Осетинское историко-родословное общество. На его базе в 2009 г. проведена международная конференция по генеалогии народов Кавказа. Изданы тематические сборники (см., например: **Генеалогия** 2009, 2011, 2012).

На Северном Кавказе, родословные, как правило, сохранялись в устной традиции. Записываться они стали относительно поздно. Но при этом каждый горец [преимущественно из знатных сословий] свою родословную должен был знать до седьмого колена.

III. 9. 1. Генеалогии кабардинских феодалов. В работах конца XVIII-XIX вв. неоднократно приводилось предание о происхождении адыгских, в первую очередь — кабардинских, князей. Различные фольклорные версии зафиксированы П.-С. Палласом, Я. Потоцким, Г. Ю. Клапротом, С. М. Броневским, И. Ф. Бламбергом, П. Г. Бутковым, К. Ф. Сталем и др.

Так, российский академик П.-С. Паллас в ходе экспедиции на Северный Кавказ в 1793-1794 гг. записал генеалогическую таблицу и родословную кабардинских князей (**АБКИЕА** сс. 217-218). Потоцкий в 1798 г. «потратил три или четыре часа для записи 'ценного документа' — генеалогического древа кабардинских князей». При этом, по словам самого Потоцкого, он «добился большой точности и достоверности» (**там же**,

с. 227). Здесь же Я. Потоцкий привел версию родословной кабардинских князей, сопроводив ее комментариями. Начало фольклорного памятника содержит мифические сведения о далеком пращуре князей — Ное, его сыновьях и внуках. «Подлинная генеалогия, — отметил в этой связи Потоцкий, — начинается только за двенадцать поколений» до князей Докшука [Dokchukha] и Спшимаха [Spchimaha]. По некоторым вариантам родословной, предки основателя династии кабардинских князей, Инала, в степях юга России появились при Абдунхане. Его сын Кесс оставил владения Адухану, который, в свою очередь, передал власть своему сыну — Хруфатайе. Затем наследство перешло к Иналу. Мужественный и щедрый представитель военной аристократии подчинил многие народы. За долгие годы правления Инал стал известен по всему Кавказу и за его пределами, «был удачлив в войнах. До сих пор, — продолжал Потоцкий, — жители Кабарды говорят о нем; хранится его золотой крест» (*там же*, сс. 28-30).

Интересные материалы по генеалогии адыгских князей собрал академик Ю. Клапрот. Информацию «относительно происхождения их нации, или, лучше сказать, *генеалогии их князей* [курсив мой — Ф. Г.]», ученый черпал «из уст черкесских старейшин». Ранние звенья генеалогической таблицы князей Большой и Малой Кабарды, зафиксированные Клапротом, не совпадают с версией Потоцкого. Один из вариантов непосредственным предком высшего слоя адыгской знати считает Инала. Пятеро его сыновей — Таусултан, Ахлау, Мудар, Безлен и Комуква — после смерти отца «расстались и поделили между собой народ... Такова единственная генеалогия этих князей; с уверенностью ее можно проследить не далее XVI в.» (*там же*, с. 231 примеч.).

Старший из наследников Инала, Таусултан, положил начало фамилии, владевшей западной частью Малой Кабарды. Восточную часть контролировали княжеские фамилии, происходившие от Ахлау и Мудара. Беслан и Комуква отделились от братьев и положили начало князьям Большой Кабарды (*там же* с. 59).

В завершенной в 1812 г. работе Броневский привел фольклорные данные о происхождении кабардинских князей. «По собственным преданиям жителей, Кабарда в древние времена находилась под управлением одного князя по имени Инал, который вел свой род от Кеса, а сей вышел из Аравии... и покорил черкесов». В событиях этого периода арабо-хазарских войн, как полагал Броневский, «предание сие получает некоторую основательность. Инал разделил Кабарду между пятью своими сыновьями. С того времени начались у них междоусобные распри по причине коих многие знатнейшие князья искали убежища в России, в их числе были князья рода Сунчалеевых и рода Келеметевых, известные в России под именем князей Черкасских, выехавшие в конце 16 столетия. Оставшиеся на месте разделились на три части: первые по-прежнему на Баксане и назывались Большая Кабарда; другие перешли к Татар-Тупу и назвались Малая Кабарда; третьи переселились за Кубань и назвались по имени Иналова сына Беслене — бесленейцами» (**Броневский** 1999, сс. 147-149).

В 1834 г. практически то же самое повторил Бларамберг, опираясь на народные предания «самих кабардинцев»: «древние времена Кабарда зависела от князя по имени Инал, который выдавал себя за потомка Кеса — выходца из Аравии, правившего черкесами». Инал, якобы, поделил Кабарду между пятью сыновьями. В XVI в. часть кабардинских князей переехала в Москву, где они стали известны под фамилией князей Черкасских. «Те, кто остался в Кабарде, разделились на три группы: земли... на Баксане стали называться Большой Кабардой; переселившиеся в район Татартупа стали называть свой край Малой Кабардой и, наконец, та часть, что перешла Кубань, стала называться бесленеевцами, по имени одного из сыновей Иналя» (**Бларамберг** 1992, сс. 117-118).

В другом сюжете Бларамберг пишет: «В Малой Кабарде господствуют два княжеских семейства, ведущих свой род от Иналя — основателя родословной кабардинских князей. Это семейство Тау-Султана и Галеслана или Гелеслана. Все жители края, от крестьянина до узденя, подчиняются либо тому, либо другому семейству» (**Бларамберг** 2005, сс. 200-201).

Хан-Гирей одним из первых не только привел версии исторических преданий, но и попытался проанализировать их. «Народные предания, — отметил он, — несмотря на баснословие, их помрачающее, нередко содержат важные истины, почему эти предания всегда любопытны для наблюдательного ума, и мы поместили здесь предания и самих кабардинцев о происхождении их поколения» (*Хан-Гирей* 2008, с. 184).

Ранний, т.н. «арабский», период генеалогии князей завершается появлением их предков на Северном Кавказе «Уже здесь появился на свет Кес». После смерти отца он «с успехом предводительствовал кабардинцами. Адед-хан, сын Кеса, наследовал отцу и имел наследником Хурфелая; сын и наследник этого последнего есть тот знаменитый Инал, от которого начинается неясный, обыкновенно как все предания, но любопытный ряд исторических народных преданий о кабардинцах и других черкесских поколениях» (*там же*, сс. 184-185).

Рассматривая историю адыгских народов через призму преданий, главным образом — родословную князей, Хан-Гирей иногда без должной критики подходил к их содержанию. Так, целиком следуя за текстом родословной, период правления Инала он считал едва ли не «золотым веком» истории Кабарды. «Победы над врагами, благоденствие подвластных и счастливые успехи во всех предприятиях знаменитого этого предводителя кабардинцев и родоначальника их князей были причиною, что современники почитали его человеком сверхъестественным, причастным святости, и потомство долгое время с благоговением призывало на помощь 'бога счастья Инала' в твердой уверенности, что счастье и святость великого предка могут благоприятствовать предприятиям потомков» (*там же*, с. 186).

Историческую основу родословной кабардинских князей выявил А. В. Гадло. Из многочисленных версий генеалогических преданий кабардинских аристократов российский ученый выбрал версию Ногмова (*Ногмов* 1958, сс. 109-112). По убеждению Гадло, она «наиболее развитая». Зафиксированный в 40-х гг. XIX в., данный вариант по содержанию близок к версиям По-

тоцкого и Клапрота. Гадло в родословной кабардинских князей выделяет три части.

Первая содержит мифические сведения о происхождении адыгских аристократов от пророка Ноэ, его сына Сема [библейские Ной и Сем] и их легендарных потомков — древних властителей Аравии и Египта. Искусственное происхождение этой части родословной и «явный классово-религиозный подтекст не вызывают никакого сомнения» (*Гадло* 2005, с. 415).

Вторая часть открывается рассказом «о Кесе [варианты: Пши-Кесш, Кесс], называет двух его преемников и повествует о его правнуче [варианты: внуче или сыне] по имени Инал».

Третья часть посвящена потомкам Инала, «среди которых упоминаются [в разных вариациях] и эпонимы основных исторических адыгских племен, и реальные исторические предки основных аристократических [княжеских] фамилий Адыгеи и Кабарды» (*там же*).

Гадло обратил внимание на одну из московских версий родословной кабардинских князей, в которой Инал назван именем Акабгу. Сопоставляя данный антропоним с распространенным у турков титулом ак-ягбу, в коем атрибуту ак [«белый»] может быть придано социальное значение «свободный, независимый, благородный», Гадло имя Акабгу предложил толковать как «белый» ак «правитель» ягбу. Такая трактовка антропонима косвенно подтверждается и этимологией имени Инал. В форме Инэль оно обозначает «лицо, имеющее знатное происхождение, знатный потомок, высокородный человек. Это может быть так же и сын женщины из ханского рода и простолюдина» (*там же*, сс. 420-421).

В средневековый период в условиях постоянных войн как внутри Кабарды, так и за ее пределами, «генеалогическое предание выполняло функцию действенного социально-политического и идеологического фактора. Происхождение от Инала ставило высший слой адыгской аристократии над племенем и над законом. Личность кабардинского князя потомка Инала — по существу, была табуирована» (*там же*).

Помимо княжеских фамилий Большой и Малой Кабарды от Инала выводили свои родословные и некоторые «первостепен-

ные уздени» [тлекотлеши, деженуго]. Так, его потомками считали себя феодалы Тохтамышевы. В 1858 г. в письме Жанхота Тохтамышева начальнику Кабардинского округа В.В. Орбелиани приведена родословная этой фамилии. «Род наш, — отмечал Жанхот, — происходит от родоначальника князей кабардинских князя Инала. Место жительства князя Тохтамыша с подвластными было на сей стороне реки Кубань, где ныне обитают ногайские аулы. Впоследствии потомки князя Тохтамыша Иналова, сделавшись жестокими и самовластными», князьями Атажукиными, Мисостовыми, Бекмурзиными и Кайтукиными были «многие побиты силою оружия, а остальные добровольно согласились оставить достоинство и права князя и именоваться первостепенными узденями». В конечном итоге Тохтамышевы стали первостепенными узденями князей Атажукиных, от которых «получили в дань земли, чтобы только таковая дань переходила по наследству тем только, кои будут признавать князей Атажукиных своими владельцами. Продать или заложить сказанную долю не представлено было роду» (**Бейтуганов** 1998, с. 278).

Элементы генеалогии тлекотлешей [дворян высшего ранга, следующего после пши «князей» из рода Инала] содержатся в предании о «Кабарде Тамбиеве». Его сюзереном, согласно фольклорным источникам, являлись князья Болотоковы, владевшие землями восточной части *Страны адыгов*, т.е. территорией касогов [Касахии Константина Багрянородного]. С середины II-го тысячелетия здесь, в междуречье Кубани и ее притока Лабы, жили представители племени кемгуй [кергоевцев // темиргоевцев]. По устной традиции, Болотоковы из поколения в поколение передавали титул князь князей, тем самым, по мысли сказителей, сохраняя старшинство среди потомков Инала.

Тамбиев, согласно преданиям, ушел из владений Болотоковых, чтобы избежать столкновения с князем. Во главе «небольшой группы преданных ему людей [очевидно, его вассалов, так как *тлекотлеши* имели зависимых от них воинов-дворян и общинников] перешел в низовья реки Малки». Здесь, якобы, переселенцы «натолкнулись на кочевье хана 'тургутов', которому принадлежали земли современной Кабарды». Хан обменял эти

земли на жену Тамбиева, вследствие чего за ним закрепилась нелестная слава «женопродавца». На новые земли к Тамбиеву постепенно «стали стягиваться беглецы, недовольные насилиями князя Болотокова». С ними, как следует из преданий, сам Тамбиев не порвал «своих отношений [вассальных связей]», как и с «другими прикубанскими князьями, ведшими свой род от Инала». Поэтому в дальнейшем, когда «князья, потомки Инала, стали переселяться с Кубани в Центральное Предкавказье, род Тамбиева в сословной иерархии кабардинцев занял второе после князей место. Третье место» заняли Куденетовым происходившие, будто бы, от брака дочери Тамбиева и пришельца, «еврея-кожевника Куденета». Причем, значение привилегий Куденетовы «со временем стало выше, чем у рода самого Кабарды»²⁶ (*Гадло* 2006, сс. 564-565).

III. 9. 2. Родословные дагестанских феодалов. Начальные сюжеты генеалогических преданий шамхалов происхождения местной знати связывают с приходом в Дагестан арабов. До появления последних в данном регионе, «в половине VIII века, у них не было никакого царя, а народ управлялся старшинами. Лаки, и собственно жители главного селения их Гумука, были одни из первых дагестанских племен, принявших магометанство;... Жители Гумука *сами* [курсив мой — Ф. Г.] прислали выборных к арабскому полководцу Абу-Муслиму просить о посылке к ним наставников в новой вере». Отправившись в Кумух, Абу-Муслим «построил там мечеть, в 777 году по Р. Х., как гласит надпись на этой мечети, назначил кадиев, а для управления народом поставил Шах-Баала: имя это впоследствии обратилось в титул шамхала» (**А. К.** 1869, с. 5).

По мнению анонимного автора, «Казикумух служил местопребыванием шамхалов до конца XVI века; около этого времени шамхалы начали жить зимою в Тарках, или Бойнаке, а только на лето переезжали в Казикумух» (*там же*).

Согласно одному из вариантов родословной, вскоре после 1640 г. казикумухцы «отложились совершенно» от шамхала «и выбрали себе особого правителя под названием Хакхлавчи, из фамилии, ведшей свой род от Шах-Баала» (*там же*, сс. 5-6).

В одной из версий «Дербенд-наме» в сюжете о походе против «кумуков» повествуется о назначении «Шахбаала, сына Абдуллы, сына Аббаса, правителем и начальником страны». Здесь же говорится о назначении тем же арабским полководцем своего родственника «под именем Эмир-Хемзе... начальником над Каракайтаками, и от него происходят нынешние Усми [так называются государи] Каракайтагов» (*Шамхалы* 1868, с. 53, примеч.1).

В редакции Румянцевского списка «Дербенд-наме», отредактированного Г. М.-Р. Оразаевым, имя назначенного арабами правителя «города Кумука» пропущено: им стал «сепаксарар Абу-Муслима — внук Абдаллаха, сына Абдулмутталиба из племени курайш. [Абу Муслим] назначил его старшим властителем всего Дагестана» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразаев* 1993, с. 33). Генеалогические предания средневекового Дагестана происхождения не только шамхалов, но и многих других правителей [например, уцмиев Кайтага, майсумов и кадиев Табасарана] возводили к ближайшим родственникам пророка Мухаммада.

«Отпочкование» Засулакской Кумыки от шамхальства по версии Гаджиева протекало следующим образом. Этот процесс начался в начале XVII в. и связан с борьбой сына шамхала Султан-Махмуда [Султан-Мута] за наследство. Затем от шамхальства отделилась территория, на которой позднее образовалось Мехтулинское ханство. Особенно ожесточенный характер борьба в шамхальстве приняла после смерти Сурхай-шамхала. Лишь в 1633 г. под влиянием «черных людей... убоясь от них убийства», феодалы на специальном съезде приняли решение прекратить войну. Но вскоре перемирие было нарушено, а в середине XVII в. шамхалов окончательно изгнали из Кумуха. Не последнюю роль в том сыграли двоюродные братья владетеля, претендовавшие на власть в Казикумухе. «И не случайно первым хахлавчи в Кумухе был 'избран' Алибек из побочной ветви шамхальского дома» (*Гаджиев* 1983, сс. 16-17).

Родословная шамхалов Тарковских неоднократно становилась объектом изучения. Одними из последних примеров являются исследования К. М. Алиева (*Алиев* 2008; *его же* 2009, сс. 11-16). Интересен его анализ считающейся наиболее ранней

и достоверной «Родословной росписи Шевкалова, т.е. владельцев Кумыцких и Тарковских, сочиненная в Санкт-Петербурге в сентябре 1758 года в бытность тамо костековского воеводы Алиша» (**Алиев** 2008, с. 179). Данная версия родословной шамхалов восходит к XVI в. Живший в то время основатель династии, Чупан, был женат на племяннице кабардинского князя Хотова Анзорова. Их сын, Султан-Мут, стал родоначальником князей засулакских кумыков. Сын Султан-Мута, Айдемир-шамхал, женился на сестре кабардинского князя Мудара Алкасова. Династические узы связывали шамхалов и с Бековичами-Черкасскими. В частности, в середине XVII в. Эльдар-шамхал был женат на Желегошей, вдове князя Сунчалая Черкасского. Таким образом, Эльдар стал отчимом Григория Черкасского, будущего воеводы московского и астраханского (**Алиев** 2009, с. 11).

Основателем широко известной карачаевской фамилии Крымшамхаловых считается «кумыкский князь из рода шаухалов Тарковских, бежавший в Карачай из Кумыкии'» (**там же; Батчаев** 2006, сс. 27-28; **Барзбиев** 2000, сс. 38-40).

Значимость и авторитет шамхалов подчеркивали их родственные узы с феодальной знатью народов как Северного Кавказа, так и Закавказья, Крыма и России (подробнее см.: **Алиев** 2008, сс. 11-15).

III. 9. 3. Родословные аланских князей Закавказья. Генеалогические предания одной из ветвей элиты аланской аристократии — рода Сидамонта [царского, по сохранившейся устной традиции] легли в основу «Хроники» ксанских эриставов. На новом месте Сидамонта оказались после татаро-монгольского нашествия. История их возвышения отражена в хронике «Памятник эриставов», созданной в промежутке между 1405/6-1410 гг. в Ларгвисском монастыре Григолом Бандас-дзе (**Какабадзе** 1970, с. 106; **ЛЭ**, сс. 11-13). Хроника, наряду с личными наблюдениями ее создателя, базировалась и на других источниках, в том числе — генеалогическом предании эриставов Сидамоновых. Основу родословной составили реальные события предшествующего времени, включая XIII-XIV вв. (**Бедошвили** 1970, сс. 133-134; **Гутнов** 1989, сс. 50-56).

Хроника и генеалогические предания описывают события, охватывающие примерно 70 лет после татаро-монгольских походов, и являются наиболее интересными и информативными из источников по аланской истории того периода.

Как хроника, так и генеалогическое предание рассказывают о трех царевичах «из Сидамоновой фамилии: Ростоме, Бибиле и Цитлосане». Основной же текст обоих памятников связан только с Ростомом, а ксанских эриставов нередко называют Бибилурами. По одной из версий родословной эриставов, туалыцы уступили пришедшим царевичам «страну Баблети, от которой они стали называться Бибилурами». По грузинской ономастике, антропонимы с суффиксом -ур, который указывает на принадлежность человека к какому-либо племени, роду и т.п., были особенно распространены в горных районах Восточной Грузии. Здесь фамилии, на первых этапах формирования, состояли из двух компонентов: личное имя + профессия, место происхождения и т.д. В этом смысле сочетание Ростом Бибилури означает «Ростом из местности [или рода] Бибила». Что касается Цитлосана, то в данном случае это скорее не антропоним, а показатель сословной принадлежности Ростом, ибо в переводе с грузинского обозначает «багрянородный», т.е. «в красном одеянии». Красное — цвет воинов-аристократов. В итоге формула хроники и родословной «Ростом Бибилури Цитлосан» может означать рыцарь Ростом из местности [рода] Бибила.

По некоторым источникам, аланские корни имели и арагвские эриставы. Эта версия подтверждается фамильной родословной. Например, надворный советник Бежан Эристов ссылался на версию генеалогического предания в пересказе его деда Нугзара Эристова. Согласно родословной, Сидамон, переселившийся с Северного Кавказа, получил от царя Симеона Ванатскую крепость. Нугзар, в свою очередь, «завладел с помощью Давида Эристова Ксанского деревню Базалетиею», затем — «Мтиулетом и всеми арагвскими деревнями». Точно так же протоирей Захарий Сидамонов просил «причислить его к потомству Сидамонова», поскольку князья Эристовы «суть и [есть] Сидамоновы» (*Алано-Георгика* 1995. № 2, сс. 167-168)

III. 9. 4. Генеалогические предания феодалов Восточной Осетии. Свыше двух столетий внимание представителей гуманитарных наук [историков, филологов, лингвистов и др.] привлекают происхождение и изменение содержания социальных терминов, которыми обозначались феодалы средневековой Восточной Осетии — алдары/тагиата.

В документах и литературе первой половины XIX в., исторических преданиях и родословных *алдаров*, последних очень часто называли *тагиатами* или *тагаурцами* — производное от имени генеалогического предка местных феодалов Тага.

Вполне вероятно, но не бесспорно, титул «тагиата» аланами заимствован у армян. На протяжении многих веков аланы были прочно связаны с Арменией. В конце I-го тысячелетия эти связи стали особенно интенсивными. В 890 г. Ашот I в борьбе за контроль над Картли заключил военно-политический союз с Аланией и Абхазией. В начале X в. Смбат I, сын обозначавших царский титул, являлся термин *таговор таг* «венец», «корона». Существует гипотеза, согласно которой таговор «венценосец», Ашота I, неоднократно призывал на помощь «северное ополчение [алан]. Его этимология прозрачна: таговор восходит которое более всего надеялся». В тот период непременно деталью в наборе инсигний армянских царей была корона, называемая словом *таг*. А одним из основных терминов, «царь» — «довольно обычное наименование у мусульманских авторов восточных христианских государей вплоть до византийских императоров включительно» (*Миклухо-Маклай* 1954, с. 204, примеч. 10). Царю Армении Смбату I Багратуни этот титул пожаловал византийский император.

Учитывая длительные, оживленные армяно-аланские связи, можно предположить возможность заимствования князьями Восточной [Дарьяльской] Алании социального термина тагиата [«венценосцы»] именно из Армении. Интересно, что грузинская форма топонима — Тагаури — в буквальном переводе означает «область Тага», т.е. «область князя».

III. 9. 5. Генеалогические предания феодалов Западной Осетии. По некоторым редакциям родословных, родоначаль-

ник стырдыгорских владельцев Царгас появился в горах «в феодальное время» (**ЦГА РСО-А**, ф. 262. оп. 1, д. 10, св. 2, л. 4), когда здесь «алдарствовал Астанов Дзамболат» (**Предание** 1948, с. 93). А.К. Джанаев этот сюжет считал отражением реальных исторических событий, относившихся к генезису феодализма в Дигории, когда немалую роль еще играли вожди и родовые старейшины вроде Астанова (**Джанаев** 1948, с. 10).

В связи с рассматриваемым вопросом представляет интерес социальный термин «царгасата». Специалисты справедливо выводят его из осетинского «царгас» [«орел»]. По редакции предания, опубликованного Пфафом, Царгас, попав в Дигорию, долго скитался по Стырдыгорскому ущелью. «Мучимый голодом, Царгас однажды, в отчаянии, лег отдохнуть. В это время пролетел над ним черный орел с горною индейкою [джумар] в когтях и как-то уронил свою добычу к ногам умирающего Царгаса». Поблагодарив бога, он устроился на этом месте и заселил Стур-Дигорию выходцами из других аулов (**Пфаф** 1871, сс. 83-84). В данном случае фольклорная традиция наделила орла функциями посланника бога, спасителя Царгаса и патрона общества.

В 1808 г. Клапрот к западу от Донифарса осмотрел пещеру св. Николая. По наблюдению ученого, многие жители часто приносили здесь жертвы; «они полагают, — писал он, — что святой является им в виде орла. Естественно, что орлы часто появляются в пещере, расположенной среди высоких гор, где они находят убитых животных. Когда жители Донифарса замечают орла, они рассматривают это явление как верный признак выигранного сражения» (**Клапрот** 1948, с. 220). И в данном случае орел предстает в роли патрона, которому поклоняются и задабривают жертвами.

Другой ученый — Паллас — оставил описание священной рощи царгасатов на горе «в верховьях Уруха, где он выходит из снежных гор». Каждое семейство занимало определенное место, на котором под деревом сооружался шалаш. «Здесь они раз в году празднуют в течение восьми дней праздник» (**Вейденбаум** 1901, сс. 80-81). В почитании орла этнографы видят отзвуки тотемического пласта верований (**Чибиров** 1984, сс. 130, 198).

Приведенный материал позволяет происхождение термина «царгасата» связать с религиозными представлениями алан-овсов, в частности, с верой в покровительство орла. Орел в индоевропейской традиции всегда находился на вершине «Мирового дерева» и часто выступал в качестве посланника богов (*Гамкрелидзе, Иванов* 1984, с. 359).

Довольно сложно определить точное время появления прототипа Царгаса в Осетии. В родословных Царгас предстает братом Шарваша — родоначальника абхазских князей Шервашидзе из рода Чачба. Впервые они упоминаются в «Истории и восхвалении венценосцев», написанной в 20-е годы XIII и По народным преданиям, представители этого рода становятся правителями Абхазии во время Давида Строителя [рубеж XI-XII вв.]. Однако в «Летописи Грузии» сообщается об осаде Анакопии весной 1046 г. грузинскими и абхазскими войсками. Во главе последних стоял эристав Куабулел Отаго Чачасдзе, по мнению Ш.Д. Инал-ипа, грузинская форма абхазского фамильного имени Чачба. И.А. Бердзенашвили также связывал фамилию Шервашидзе с военачальником Отаго (Дотагод) Чачасдзе (*Инал-ипа* 1976, сс. 407-408). В любом случае возникновение княжеского клана Шервашидзе относится предмонгольскому периоду. Коль скоро фольклорное наследие Царгаса и Шарваша считает братьями, то появление первого в горной Осетии предположительно можно отнести ко времени, предшествовавшему татаро-монгольскому нашествию. Косвенное подтверждение этому находим в генеалогических преданиях дигорских феодалов. По многим редакциям, Царгас обосновался в Дигории раньше Бадела. Данное указание устной традиции дало Пфафу повод для интересного предположения: «До пришествия бадилатов Дигория, вероятно, состояла в зависимости от другой владетельной фамилии из сословия царгасатов» (*Пфаф* 1871, сс. 82-83). Анализ статейного списка Н. Толочанова и А. Иевлева привел Скитского к заключению о «господствующей роли царгасатов в Дигории до усиления власти баделятов» (*Скитский* 1949, с. 127, примеч. 1).

Для реконструкции процесса становления привилегий феодалов Стыр-Дигории немаловажное значение имеет инфор-

мация, синтезированная в художественно-историческом образе Бадела. Около двух столетий продолжается дискуссия о его прародине и времени прихода в Дигорию. На вопрос, откуда он пришел, устная традиция дает два ответа. Некоторые баделята утверждали, что их родоначальник пришел из Венгрии. Об этом сообщается в ряде вариантов предания балкарцев о происхождении таубиев. В одном из них рассказывается, как в далеком прошлом пришли из-за моря, из Маджарии два брата царской крови: Бадел и Басиат (**Д. А.** 1901. № 986). Прародиной Бадела Венгрию считали Броневский, Красницкий, Дубровин и др. Сторонники этой точки зрения под «Маджарами» понимали страну мадьяр, т.е. венгров. Однако Миллер и Ковалевский более убедительно связали топоним с городом Маджары, развалины которого они отметили у ст. Просковья Ново-Григорьевского уезда Ставропольской губернии [современный Буденовск] (**Миллер** 1881, с. 139; **Миллер, Ковалевский** 1884, сс. 553-554).

Маджары — крупный золотоордынский центр на Северном Кавказе, занимавший площадь 8 кв. км, город с разноплеменным населением, значительную долю которого составляли христиане (**Полубояринова** 1978, с. 125). В крупнейшем городе Золотой Орды — Сарае Берке — по описанию Ибн-Баттуты, «монголы, асы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы населяли отдельные кварталы, в которых имелись базары». Н.Г. Волкова полагает, что подобный характер населения имел место и в Маджарах (**Волкова** 1972, сс. 53-54). При раскопках города обнаружено пряслице конца XIII — начала XIV в. с осетинской надписью, выдержанной в нормах дигорского диалекта (**Турчанинов** 1971, с. 8).

Причиной ухода Бадела и Бассиата из Маджар могло стать поражение золотоордынцев в битве 1395 г. с Тимуром. После разгрома Тохтамыша маджарские аланы отступили в горы к своим соплеменникам. Появление эмигрантов привело к столкновению двух групп социальных верхов. Это событие нашло отражение в «песне об Айдаруке», возникновение которой фольклористы относят к рубежу XV-XVI вв. (**Хамицаева** 1973, сс. 66-156).

Основная сюжетная линия данного памятника — узурпация власти Баделом, оттеснившим на второй план Айдарука Кабанова. Подчеркивая местное происхождение Айдарука, многие «демократические» версии предания о баделятах именуют его Дигор-Кабан, а от Дигора, по тем же версиям, произошло все коренное население (**ЦГА РСО-А**, ф. 262, д. 10, св. 2, лл. 64-64 об).

Обратим внимание на брак родоначальника дигорских феодалов, Бадела, с представительницей знатного северокавказского рода Крымшамхаловых. Этим словом обозначались карачаевские князья из одноименной фамилии; из нее избирались верховные правители Карачая — вали [оли]. С другой стороны, термин «крымшамхал» носил правитель Буйнака. Из двух возможных решений относительно принадлежности жены Бадела исследователи все больше склоняются к первой точке зрения (см., например: **Пфаф** 1871. Т. V, с. 85; **Ковалевский** 1890, т. I, с. 249; **Алиев** 2009, сс. 8-9).

В исторических преданиях Северо-Западного Кавказа родоначальники всех трех княжеских фамилий: Крым-Шамхаловых, Дудовых и Карабашевых, своим происхождением связаны с фольклорным предводителем карачаевцев — Карчой. В разных версиях он предстает выходцем либо из Крыма, либо — из Турции. Согласно устной традиции, Крым-Шамхал появился на Северном Кавказе «в тот момент, когда карачаевцы еще проживали в Баксанском ущелье. У карачаевцев в этот период были серьезные осложнения с известным кабардинским князем Кази [погиб в 1615 г. — М. Б.]. Крым-Шамхал вмешался в кабардино-карачаевскую распрю и способствовал примирению сторон» (**Баразбиев** 2009. сс. 38-39). Затем Карча выдал свою дочь Кюнсулю замуж за Крым-Шамхала. Еще при жизни Карча, проигнорировав наследственные права собственных сыновей, власть завещал Крым-Шамхалу. Такое развитие событий М. И. Баразбиев связал с личными качествами фольклорного героя. Крым-Шамхал происходил из знатного рода. Его высокий статус проявлялся в личных качествах, присущих члену военной элиты (**там же** с. 39).

Выбор Карча своим наследником пришельца, а не кого

либо из своих сыновей, в т.н. «героическую эпоху» закономерен. «Крым-Шамхал не только происходил из знатного рода, но он и его потомки всегда отличались важнейшими качествами правителя... быть первым как на войне, так и в мирное время» (*там же*).

III. 9. 6. Генеалогии балкарской знати. Как уже отмечалось, предки феодалов Дигории и Балкарии считались родными братьями. Родословные балкарских таубиев восходят к событиям рубежа XIV-XV вв. В этой связи интересен фрагмент предания дигорских феодалов в редакции Штедера (1781 г.): «Баделяты были двумя братьями [Бадел и Басиат], потомками маджарского хана, после рассеивания Маджар они натолкнулись на жителей спокойных Дигорских долин,... младший совершал набеги на равнину, познакомился с черкесами, женился на дочери их князя и прогнал свою первую жену с ее детьми» (*Steder* 1797, ss. 125-126).

В данном фрагменте родословной привлекают внимание два сюжета. Во-первых, братьев было двое: Бадел и Басиат. Во-вторых, после знакомства с черкесами Бадел «женился на дочери их князя». Вспомним также указание фольклорного памятника на место, где поселился Басиат — ущелье р. Черек — Басиани грузинских источников. Самое раннее упоминание последнего топонима содержит эпиграфический памятник Спасской церкви в с. Цховати Ксанского ущелья. Перевод надписи на золотом кресте гласит: «Спас цховатский я, Квенипневели эристав Ризия, пожертвовал Цховатской Пречистой Богоматери имение двух дымов в Зенубаре с его горами и равнинами. Попал в плен в Басиане и выкупился твоими вещами. Пусть никакой владетель не изменит». По мнению **Е. С. Такайшвили** (1915, сс. 105-106), надпись выполнена на «мхедрули XIV-XV вв.» Его поддержал Лавров, указавший на связь «Басиани» цховатской надписи с Балкарией, и выводивший топоним от термина «Басиат», коим обозначались балкарские таубии (*Лавров* 1969, сс. 77-79).

Однако указанная датировка надписи вызывает сомнения. В «Памятнике эриставов», созданном между 1405/6-1410 гг.,

среди ксанских владельцев XIV- начала XV вв. имя Ризия отсутствует (*Памятник* 1979; см. также: *Тогошвили, Цховребов* 1962, сс. 100-101). Следовательно цховатская надпись никак не древнее XV в.

Батчаев, напомним, отметил еще одно обстоятельство — «наличие в Балкарии феодальных резиденций типа Усхура, Зылги, Болат-кала, Малкар-кала, датируемых по обнаруженной в них керамике периодом не позднее XIV-XV вв., и связанных именно с социальной дифференциацией общества» (*Батчаев* 2006, с. 77).

Наряду с родословными басаит Батчаев использовал фольклорные тексты, отразившие ранние этапы освоения горных районов Центрального Кавказа. Согласно Верхне-Чегемскому тексту, ко времени появления в Чегемском ущелье предков балкарской знати [братьев Баймурза и Джанмурза], там существовало лишь одно поселение, в наши дни в археологии известно как «городище Лыгыт». В нем жило какое-то неведомое для братьев племя, предположительно — осетины. «Братья были радушно приняты местным князем Берды-бием, жившим в своей башне в верхней части села». По другому варианту, братьев приняли непосредственно жители села. В последствии Баймурза и Джанмурза наладили надежную оборону ущелья, что позволило «перенести село в более удобное место у слияния Джилгысу с Чегемом». После смерти князя Берды-бия и обоих братьев между их потомками стал назревать конфликт. Пользуясь малолетством [по другому варианту — неспособностью] наследников князя Берды-бия [Рачикаовых], «энергичные и предприимчивые потомки пришельцев [Балкаруковы] сумели узурпировать их княжеские prerogatives [по другому варианту не меньшим влиянием пользовались и братья-родоначальники, сумевшие защитить село от набегов соседей]. Достигнув совершеннолетия, девять [по другому варианту — двенадцать] братьев Рачикаовых стали всячески притеснять народ, чем не преминул воспользоваться Келемет Балкаруков. Заручившись поддержкой своих сторонников, — он в одну ночь истребляет братьев Рачикаовых». Став таким образом полновластным пра-

вителем всего Чегема, Келемет соучастникам убийства раздал земли Рачикаовых (*там же*, сс. 128-129).

Верхне-Балкарский текст содержит рассказ о том, как охотник по имени Малкар с равнины пришел в Верхне-Балкарскую котловину и обосновался вместе с семьей рядом с аулом местных жителей — *таулу* [варианты: «осетин-дигорцев», «выходцев из Сванетии»]. Как то у Малкаровых нашел приют и стал жить на правах гостя некто Мисака. Он, как и Малкар, являлся выходцем из Маджар. В то время семья Малкаровых состояла из 10 человек: девятерых братьев и одной сестры. «Девушка и гость полюбили друг-друга, но братья не хотели выдавать сестру за человека неизвестного происхождения. Тогда ко дню сенокоса сестра приготовила для братьев крепкое пиво, и когда те, опьяненные, уснули, влюбленные истребили их». Затем, опять-таки с равнины, «из тех же Маджар сюда прибывает еще один человек — князь Басиат со своей дружиной. При помощи огнестрельного оружия, о котором горцы тогда не имели понятия, Басиат производит такой эффект, что население ущелья добровольно признает его своим князем». По другим вариантам, «Басиат приводит из Маджар уже покоривший горцев Мисака, или же Басиат покоряет их сам» (*там же*, с. 129).

Здесь же отметим, что до относительно недавнего времени горцы Северного Кавказа Маджарами называли «не только собственно Маджары на р. Куме, но и почти любое заброшенное городище в предгорьях, в том числе и такие крупные центры Алании, как Верхний и Нижний Джулат» (*там же*, с. 127).

От Бассиата свое происхождение вели княжеские фамилии Балкарии — Абаевы, Айдебуловы, Шахановы и др. «Княжеской же была признана и фамилия Мисаковых» (*там же*).

В интерпретации обоих приведенных текстов Батчаев «целиком и полностью» присоединился к трактовке Миллера и Ковалевского. Дореволюционные ученые предания о Бассиате и Анфако считали отражением реальных событий, связанных с борьбой феодальных династий и становлением в

Балкарии новых, значительно более развитых форм социальных отношений» (**Миллер, Ковалевский** 1884, сс. 568-571).

Тем не менее, Иван Грозный в 1560 г. послал отряд воеводы И. Черемисинова против шамхала. Воевода сжег столицу шамхальства, Тарки, а его главу вынудил отступить в горы (**там же**, сс. 8, 11).

В родословной кабардинских князей, в передаче Белокурова, говорится, что после смерти «Инала, родоначальника всех Кабардинских князей», среди прочих бед названы и «вторжения одного из главных врагов ея [Кабарды — Ф. Г.] — дагестанцев» (**Белокуров** 1889, сс. XLIII-XLIV).

IV. Северо-Восточный Кавказ в XIII-XV вв.

Предварительные замечания. Проблемы социальных отношений у этносов Северного Кавказа XIII-XV вв. все еще остаются дискуссионными. По мнению одних исследователей, наиболее полно изложенному В.К. Гардановым, у большинства народов Северного Кавказа к XIII в. «царила уже феодальная раздробленность». Однако «последующее развитие шло настолько медленно, что не дало возможности феодальным отношениям достаточно вызреть и освободиться от прикрывавшей их патриархальной оболочки» (*Гарданов* 2004, с. 192). Сущность феодального способа производства ученый видел в том, что «установившиеся формы и нормы эксплуатации обеспечивают повторение процесса производства в прежних размерах, на прежнем основании на протяжении многих веков» (*там же*, с. 194).

В дореволюционной историографии бытование в феодальных горских обществах барщины и оброка часто объясняли только личной зависимостью крестьян от феодалов. Гарданов возразил по этому поводу: признавая определенную роль внеэкономического принуждения в «горском феодализме», никак нельзя «свести существо феодальных отношений у народов Северного Кавказа лишь к голому насилию». Напротив, «следует подчеркнуть, что на Северном Кавказе, как и в других странах, феодальная зависимость и эксплуатация крестьян являлись следствием возникновения феодальной собственности на землю» (*там же*, с. 196).

Однако бытование на Северном Кавказе монополевой земельной собственности документально не подтверждается. Например, в традиционном осетинском обществе в пределах одного аула могли сосуществовать феодальная, крестьянская и общинная формы землевладения (*Гутнов* 1993, сс. 129-163). Спорными являются и другие актуальные вопросы генезиса и структуры феодального общества. Ниже на примере горских обществ Золотоордынского периода мы попытаемся в рамках возможного предложить свою версию т.н. «горского феодализма».

IV. 1. Дагестанские общества

XIII-XV вв. в литературе не раз называли «темным» периодом в истории народов Северного Кавказа. Из-за недостатка источников он освещен очень слабо. Некоторое исключение составляет Дагестан; благодаря стараниям местных ученых этот период изучен относительно полно.

Впервые топоним «Дагестан» в датированном тексте упоминается в «Завещании Андуника» 1485 г. Намного раньше сформировалось представление об историко-географическом целом территории, заключенной между западным побережьем Каспия и восточной частью Главного Кавказского хребта, с горным ядром по обе стороны Дербента. Насколько известно, впервые данное историко-географическое целое в письменном источнике встречается в рассказе о событиях 1264 г. (**Криштопа** 2007, с. 6). В документе упомянута разведывательная миссия некоего шейха Шарифа Тебрези, посланного хулагидами в «горы Лекзистана за Дербент». В его обязанности входило наблюдение за передвижением золотоордынских войск. «Отсюда следует, что в отличие от прежнего ал-Лакза, в представлении образованных иноземцев XIII в. название «Лекзистан» охватывало теперь не только земли к югу от бассейна Гюльгерычая, но и горное пространство к северу от Дербента, входившее в «ордынскую» сферу влияния, то есть весь Нагорный Дагестан» (**там же**, с. 21, примеч. 7).

В рассматриваемый период социумы региона находились на разных ступенях общественного развития. Особой пестротой отличалась политическая карта Южного Дагестана. В предмонгольский период местные общества претерпели существенные перемены. Вполне определенно выражен процесс децентрализации власти. Если в XI в. источники говорят о *малике* Лакза, то в XIII в. — о *маликах*. Селения Ахты, Тпиг, Рича, Рутул, Хнов, Цахур, Курах, Мишлеш в XIII-XV вв. «предстают как отдельные, независимые друг от друга владения». При этом социальная структура обществ не всегда четко определяется. «В селениях Рича, Цахур, Мишлеш управляли эмиры, в Цахуре упрочилась власть беков, а

Ахты и Курах стали столицами крупных союзов сельских общин» (*История Дагестана* 2004, с. 245).

В последней трети XIII в. Орда создала на равнине и в предгорьях Дагестана и Чечни пограничный округ. Его довольно долго возглавлял влиятельный представитель ханского рода Тома-Тугдай, наделенный широкими правами. В степном Предкавказье он владел пастбищными участками. К этому времени сравнительно крупные политические образования [Серир, Филан, Табасаран, ал-Лакз] уже распались. На их месте формировались новые владения: в центральной части прежнего Серира — Аварское, на землях Хайдака [«Джидана»] — Кайтагское, на территории бывших Гумика и Тумака — Кумухское и т.д. Феодалные правители Аварии назывались нуцалами, Кайтага — уцмиями, Кумуха — шаухалами [позднее — «шамхалами»]¹. Р.М. Магомедов и А.Е. Криштопа, характеризуя власть в Аварии, отметили: «О порядке престолонаследия у шаухалов почти ничего не известно». Генеалогические предания выводят шамхалов то от Хамзы, то от Аббаса [дядей пророка Магомета]. Некоторые авторы допускают существование в Кумухе двух родственных группировок, правивших в разное время. Сторонники альтернативной точки зрения полагают, что правившие группировки Кумуха в XIII в. еще не выделились из общей среды (*Магомедов, Криштопа* 1978, с. 11).

В XIII-XV вв. усиливаются Кайтаг, Авария, Газикумух, Дербент. Ко второй половине XV в. восстанавливается былая мощь Табасарана². Одновременно теряют свою самостоятельность Зирехгеран, Шандан, Филан, Карах и появляются новые союзы сельских обществ. Противоположные процессы развития дагестанских социумов считаются «следствием углубления централизации политической власти, роста феодальной собственности в одних случаях, политической децентрализации — в других». Выделяется и параллельный процесс — «рост земельной собственности крестьянского типа, за счет общинного и, отчасти, феодального землевладения. Результатом этого было *невиданное ранее* [курсив мой — Ф. Г.] усиление сельской общины и союзов сельских обществ». Последнее обстоятельство наложило

отпечаток на последующую историю общественного строя социумов региона, стало фактором «своеобразного и сравнительно медленного развития и специфики феодальных отношений» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, сс. 319-320).

В социальной структуре Дагестана золотоордынского периода большую роль играла военная аристократия. Об этом можно судить по надгробным надписям нескольких могил всадников в с. Хнов. В одной из них упомянут «юноша красивый, прекрасный, разумный, предусмотрительный,... удачный, искусный всадник». Надпись на надгробной плите 1383 г. гласит: «это могила эмира Абакара, сына Чакука... Он был юноша красивый, сильный, щедрый, сострадательный, краса благородных, *глава всадников*, звезда войск, разумный, предусмотрительный, любящий бедных и низких [по происхождению], украшение мечети и джамаата, добывающийся благосклонности Аллаха и милости его...». Терминология эпиграфических памятников Дагестана той поры богата: *эмир, всадник, глава всадников*, и др. Сопоставление надписей позволяет предположить, что *эмир* является носителем высшей власти в ауле, причем власти гражданской. Но также очевидно, что эмиры принимали участие в походах в составе конной дружины. Всадники составляли влиятельную группу и представляли собой привилегированную категорию общества (**Шихсаидов** 1984, сс. 379-380, 386-389).

Более тридцати лет назад В.М. Котович в докладе на VII «Крупновских чтениях», интерпретируя изображения всадников «на древних писаницах горного Дагестана», высказала гипотезу о разных хронологических пластах «этих изображений». По словам Котович, «всаднический» цикл, «встречен почти во всех [курсив мой — Ф. Г.] известных ныне местонахождениях древних писаниц и составляет более 80% от общего числа изображения людей. Рисунки всадников свидетельствуют... о той роли, которую играли сами всадники в жизни общества». Чаще всего всадники изображены в батальных или охотничьих сценах. Вместе с тем, «выступают устойчиво повторяющиеся канонизированные образы всадника с большим копьем в руках... Выделяются не менее 10 вариантов таких изображений» (**Котович** 2008, с. 148).

В ходе обсуждения доклада были высказаны пожелания [В.Б. Ковалевская, В.И. Марковин, В.И. Козенкова], чтобы докладчик, продолжая исследование, выявил специфику каждой группы наскальных изображений всадников. По мнению Ковалевской, «имело бы смысл более углубленно изучить экстерьерные типы лошадей и посадку всадников на изображениях, т.к. разновременным всадническим изображениям Евразии свойственна разная манера изображения посадки всадника» (см.: **Козенкова** 2008, сс. 138-139).

Интересна каменная стела в лезгинском ауле Курах. Ее поверхность покрыта рисунками и арабской надписью 1356 г. Рисунки изображают зверя, преследующего фантастическое чудовище. Ниже помещен всадник с соколом на руке. На спине зверя написан восточный термин *аслан* «лев», а в пасти чудовища — *са'бан* «большая змея». Л.И. Лавров всю сценку интерпретировал как фольклорный сюжет (**Лавров** 1979, с. 33).

В письменных источниках встречается информация о некоторых дагестанских социумах. Относительно новую [для своего времени] информацию о населении Северо-Восточного Кавказа привел Ибн Са'ид: «Атрабзунда — известный порт, на рынки которого стремятся купцы из [разных] стран. Большинство из его жителей — [из народа] ал-лакр. К югу от него простирается на восток большая гора ал-Лакр. Ее называют Горой языков из-за множества наречий, распространенных там. Эта гора соединяется с горой ал-Баб ва-л-Абваб» (**Коновалова** 2004, с. 233).

И.Г. Коновалова полагает, что и «этноним, и ороним следует читать как *ал-Лакз*». Восточные авторы XIII-XIV вв. этнический термин *ал-Лакз* использовали для обозначения *лазов* [жителей восточных территорий Трапезундской империи], а также лезгин. Хроника Махмуда Хиналугского 1456/7 г., а также составленные в XIV-XVI вв. «Дербент-наме» и хроника Мухаммеда Рафи зафиксировали генеалогические предания шамхалов Казикумуха, уцмиев Кайтага и майсумов Табасарана³. В этих династических памятниках сохранились указания на арабские корни части дагестанской знати. Арабская надпись из даргинского села Кала-Корейш, составленная не позже XIV в., свидетельствует,

что уже тогда бытовала легенда об основании аула выходцами из арабского племени курейшитов (**Лаеров** 1979, сс. 33-34).

В фольклоре народов Дагестана до наших дней сохранились предания об Абу-Муслиме, о происхождении некоторых правящих династий, о населении некоторых районов Северо-Восточного Кавказа. По мнению ряда ученых, такие памятники устного народного творчества «могли возникнуть немногим раньше XIV в., т.е. тогда, когда действительные события арабского завоевания Дагестана уже были окутаны туманом забвения» (**там же**, с. 34).

В документах XIII в. владельцы Лакза упоминаются во множественном числе — *малики*. Это обстоятельство дагестанскими учеными понимается как свидетельство отсутствия центральной власти в названном социуме. Интересные свидетельства об общественном устройстве горцев содержит «Книга познания мира» И. Галонифонтибуса. В частности дана оценка лезгин, жизнь которых «регулируется кажется всеми существующими законами. Некоторые из них следуют за сарацинами, другие — за грузинами, а некоторые — за христианами» (**Галонифонтибус** 1980, с. 26).

В XIII-XV вв. селения Тпиг, Рича, Рутул, Хнов, Цахур, Мишлеш предстают как отдельные, независимые друг от друга владения. Уровень социальной стратификации определяется не всегда четко. Рича, Цахур, Мишлеш в золотоордынский период контролировались эмирами, а Цахуре утвердилась власть беков. Эта картина подтверждается эпиграфическими памятниками. «В надписи из селения Рича упоминается Бассадж, сын Сулеймана, приказавший построить в 1241 г. крепость после ухода монголов из селений». В следующем году «эмир прославленный, великий Иг.р.л.з.» продолжил строительство крепости. Еще один эмир, Адам, сын Абдалмалика, летом 1250 г. приказал восстановить соборную мечеть в селении, разрушенном монголами; «причем эмир этот наделен титулатурой: 'Эмир прославленный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии'». Как видно, титулатура эмира со временем становится более пышной. «Рича

представлял собой, очевидно, маленькое владение, княжество, сумевшее после ухода монголов восстановить свою независимость» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 329).

Эпиграфические памятники фиксируют формы землевладения в горских обществах. В частности, надпись 1356 г. из селения Курах сохранила «точные границы» земельных владений общины в целом (*Лавров* 2009, с. 336).

Надписи XIII-XIX вв. неоднократно сообщают о социальной структуре и характере землевладения в разных уголках Дагестана. Утраченная надпись из селения Ахты сообщала «о праве жителей старейшего квартала на получение дани с жителей других, позже образовавшихся кварталов того же селения». В том же лезгинском населенном пункте в надписи не позже XIII в. говорится о феодальном правителе, а позже селение Ахты стало центром одного из т.н. «вольных обществ» (*там же*, сс. 336-337).

Эпиграфический памятник из Цахура «сообщает о Чакуне, сыне Кадир-бека, погибшего шахидом в борьбе за веру в селении Зиль в 1377 г.». Как крупное селение представлял Цахур Казвини [ум. в 1328 г.]: «Захур — большой город, густо населенный. Он главный город [касба] страны Лакзан... В городе имеется медресе, которое основал Низам ал-Мулк». Последний, являвшийся великим сельджукским визирем, скончался в 1092 г. Следовательно, Цахур, по меньшей мере, с конца XI в. представлял собой духовный центр Южного Дагестана. В 1432 г. жители Цахура успешно противостояли натиску коалиции Искандера Кара-Коюнлу и Рутула, «также ставшего самостоятельной политической единицей». С середины XIV в.в Цахуре прослеживается сословие беков (*История Дагестана* 2004, сс. 245, 247).

IV. 1. 1. Союзы сельских общин. Центром небольшого союза сельских обществ стал Курах. Его границы впервые зафиксированы в надписи 1356 г. на стене местной мечети: «Это горы Кураха: от мельницы Хибитара до загона для скота [принадлежавшего] Ругону, и до Хаджиева камня и до вершины Кул-Кула и до горы Архита до Хараджского моста и до Друштульского тока и до вершины горы, не занятой Хбуком. А это горный хребет со стороны юга: от [озера] Кулан-вир до [горы] Т.р.к.р.кил выше Ки-

михура и до речки под Титалем и до М. гункура [где] кончается конюшня и начинается Цилинги. В 757 году» (*там же*, с. 247). Отметим, что приведенное описание границ социума является первым известным на сегодняшний день документом о границах союзов сельских обществ.

В источниках XIII-XV вв. Ахты и Курах предстают центрами «сильных союзов сельских общин» (*Гаджиев, Давудов, Шихсидов* 1996, с. 329).

Интересно наблюдение Закария Казвини, в описании долины р. Самур высокогорного Дагестана отметившего: «И нет главаря [у них], но есть у них хатиб [проповедник], который молится с ними, и кадий, который разбирает тяжбы между ними по учению имама ал-Шафе'и... Жители этого города все шафеиты» (*Генко* 1941, с. 96).

По фольклорной версии, древнее население Ахты составляли евреи и армяне. Тех и других изгнал, будто бы, арабский полководец Абу Муслим. По другому преданию, недалеко от современного каменного моста на правом берегу р. Ахтычай «в старину жил могучий атлет [*пехлеван*] по имени Шарвели». Перед смертью он сказал односельчанам: «Если нападут враги и вам станет трудно, то пусть кто-либо из вас взойдет на гору, что между Самуром и Ахтычаем, и прокричит: 'Шарвели! Шарвели' и я явлюсь на помощь». Названная гора называется Келесхев; на ее склонах видны следы древней каменной крепостной стены. Рассказывают, что от стены к реке вел подземный ход. Местное население считает, что крепость была построена еще до арабского завоевания царем Хосровом Ануширваном, которого здесь называли Адыл [араб. «благородный»] Ануширваном (*Лавров* 1982, сс. 79-80).

Дискуссии по поводу основания сел. Курах положила конец находка Лаврова врезной надписи 1356 г. [757 г. хиджры] на стене у входа в бывшую соборную мечеть. Часть ее, расположенная слева в середине, гласит:

- [1] О служащий телу, сколько стараешься
- [2] ему служить, в то время как ты не телом,
а душой человек!

[3] Это горы Кураха: от мельницы Хибитара до
[4] загона для скота, [принадлежащего] Ругунну,
и до Хаджиева камня и до вершины
[5] Кул-Кула и до горы Архита и до
[6] Хараджского моста и до Друшдульского тока
[7] и до вершины горы, не занятой Хбуком.
А это горный хребет со стороны
[8] юга: от [озера] Кулан-вир до [горы] Т —
р-к-р-кил выше Кимихура
[9] и до речки под Титалем и до М-гун —
кура, [где] кончается
[10] конюшня [и] начинается Зилинки.
В 757 году» (**Лавров** 1966, с. 118).

Как видно, эпиграфический памятник указывает на существование Кураха уже в 1356 г. и приводит точное описание его границ. Надпись, напомним, сопровождалась изображением всадника [охотника] с соколом и льва, преследующего «дракона». Лавров видел в этом иллюстрацию «фольклорного сюжета XIV в.», но какого именно — не указал.

Верхнесамурским обществам рассматриваемого периода уже известно имущественное расслоение и социальная стратификация. Но в отличие от Рича, в источниках нет данных о юридическом закреплении за местной верхушкой социальных привилегий.

В золотоордынский период прослеживается подъем Кураха. «Эта земля не была личным владением: владельцем ее названо селение Курах, т.е. курахская община. На этой территории [площадью около 500 кв. км] до последнего времени было не менее 16 селений, не считая Кураха, — по видимому, и в XIV в. здесь располагалось несколько селений». Тогда же Курах выступает как крупный, оформленный и сплоченный союз сельских общин. Это заметно отличает его от социально-политической структуры верхнесамурских земель XIII столетия, когда «каждое сельское общество выглядело совершенно самостоятельным» (**Криштона** 2007, с. 119).

Эпиграфические надписи конца XIV — начала XV вв. обнаружены в Ихреке, Цахуре и Мишлеше. Знакомство с ними привело

Криштопу к выводу о сходстве устройства цахурских сел с расположением поселений на той же территории до конца XIII в.: «1) отсутствие [как и в письменных источниках] каких-либо свидетельств о зависимости здешних сельских общин от более могущественных соседей; 2) отсутствие указаний на отношение союза или подчинения между союзами; 3) наличие здесь достаточного количества грамотных [по-арабски и по-персидски] людей, то есть довольно высокий уровень 'книжной культуры'; и 4) наличие строителей-профессионалов [в т.ч. потомственных], а также связей в этой сфере между различными сельскими общинами — последнее эпиграфика отражает довольно детально» (*там же*, сс. 142-143).

В позднем средневековье на среднем течении Каракойсу располагался Андалал — мощный общинный союз. Местные предания, однако, получение этого названия союзом общин связывают с принятием ислама. А прежде он назывался Ай-Вицху и объединял 12 довольно крупных селений (*там же*, с. 161). Одна из памятных записей гласит: «при воцарении первого шамхала каждое из 12-и селений Ай-Вицху подарило ему по быку, причем по некоторым вариантам этой записи такой 'дар' давался каждому шамхалу Кумуха при восхождении на престол» (*там же*, с. 197, примеч. 596).

В XIII-XV вв. селения Ахты, Тпиг, Рича, Рутул, Хнов, Цахур, Курах, Мишлеш предстают как отдельные, независимые друг от друга владения. Уровень социальной стратификации данных обществ не всегда четко определяется. «Рича, Цахур, Мишлеш находились в руках эмиров, в Цахуре упрочилась власти беков», а Курах и Ахты «стали столицами сильных союзов сельских общин» (*История Дагестана* 1996, с. 329). Границы Кураха зафиксированы в арабской надписи 1356 г. на стене местной мечети⁴.

Судя по эпиграфическим памятникам той поры, в верхнее течение Самура монголы не проникли. В год наиболее активных боевых действий против монголов — 1239, когда было разрушено с. Рича, в с. Цахур завершилось строительство [либо ремонт] минарета. Вообще XIII в., с одной стороны, не оставил ни одной строительной надписи в таком признанном центре каменного

зодчества как Дербент, а с другой — в верхнем течении Самура известно множество такого рода эпитафических памятников. Если говорить только о надежно датированных [с 1239 г.] крупных строительных объектах, то их на сегодняшний день известно 8 [в Рутуле, Ихреке, Мишлеше, Цахуре]. В поисках объяснения этого факта наиболее логичным представляется признание его связи с миграцией населения равнин и предгорий в ущелья верхнего Самура (**Криштопа** 2007, сс. 81-82).

Сведения о политических процессах в Рутуле и Цахуре указывают на прочность общинных традиций. Во всей эпитафике Рутула до XIII в. включительно глагол «приказал» встречен лишь дважды. Первый раз он употреблен в надписи 1150 г., касающейся постройки ханака (**Лавров** 1966, с. 63-64). Второй раз — в надписи 1284 г. из Рутула (**Шихсаидов** 1984, сс. 48-51). Причем, первая часть надписи из Рутула почти дословно повторяет надпись 1228 г. о постройке стены мечети (**Лавров** 1966, с. 79; **Шихсаидов** 1984, сс. 51-55). Но там, где раньше говорилось о «поручении джамаата», в 1284 г. появляется: «по приказу Х.р.кар сына С.г.м» (**Шихсаидов** 1984, с. 53). При этом «приказывающий» не имеет титула. Криштопа, комментируя последнюю надпись, отметил: «Это допускает предположение об усилении к концу XIII в. тенденции к феодализации в Рутуле, хотя 'приказывающий'... возможно, является духовным или даже частным лицом» (**Криштопа** 2007, с. 82). В остальных же рутульских селениях, судя по данным З. Казвини, «никаких свидетельств о сословном расслоении для этого времени нет» (*там же*).

Аналогичную картину дает эпитафика другого крупного центра верхнесамурских земель — Цахура. Лишь один раз, в надписи 1239 г., упомянут «владелец минарета» по имени «Али» (**Лавров** 1966, с. 80; **Шихсаидов** 1984, сс. 40-41).

В с. Мишлеш, напротив, надпись 1247 г. четко указывает, что мечеть «*приказал* построить *амир величайший, амир* [курсив мой — Ф. Г.] Бадал б. Малах [в надпись внесена и его жена]» (**Криштопа** 2007, с. 82-83).

Как видно, верхнесамурские общества были знакомы с имущественной дифференциацией и социальной стратификацией.

Однако, в отличие от Рича⁵, в источниках нет свидетельств о юридическом закреплении за местной верхушкой социальных преимуществ. Единственное исключение — упоминание «амира» в упомянутой мишлешской надписи. «Зато в качестве влиятельной силы в эпиграфике иногда фигурирует 'джамаат' [Рутул]» (*там же*, с. 83).

Хновские надписи XIV-XV вв. (*Шихсаидов* 1984, с. 211-224) содержат богатую терминологию: эмир, всадник, глава всадников, звезда войск, украшение всадников, факих, любящий бедных и низких. Анализ Шихсаидова показал, что эмир трижды зафиксирован как титул, который, хотя и редко, встречается также в надписях из Рича [1250 г.], Мишлеша [1247 г.], Рукела [1305 г.] и Ахты. Всадники составляли влиятельную силу и привилегированную группу хновского общества (*там же*, с. 225).

По утверждению анонимного автора, в XV в. «Самурский округ входил в число подвластных областей Ширваншахов». Об этом же свидетельствует эпиграфический материал (*Лавров* 1966, сс. 141, 206). В Ахты в стене бывшей мечети найдена следующая надпись: «Владелец этой крепости ширваншах Халилуллах» (*Гаджиев* 1979, с. 192). По убеждению Ковалевского, в с. Ахты главой тухума считался старший, избираемый на собрании всех его членов. Последние обязаны были обращаться к нему за советом. Если кто-либо поступал вопреки мнению главы тухума, то старший объявлял «выговор виновнику». Если же отклонение от совета приносило какой-нибудь вред, старшина наказывал «виновного выговором и побоями» (*Ковалевский* 1890, т. I, сс. 152-155). Как видно, власть старшины в тухуме была довольно авторитетной и прочной. В позднем средневековье в селениях Ахты, Рутуле и Хнове «старшины [аксакалы] были наследственными». В одном источнике они названы «наследними начальниками» (*Гаджиев* 1979, с. 194). «Ахты-пара, — уточнил Х. М. Хашаев, — управлялась 'аксакалами', имевшими на эту должность наследственное право по прямой восходящей линии» (*Хашаев* 1961, с. 187). «Выборность» аксакалов к этому времени уже давно превратилась в формальность, ибо их, как правило, «выдвигали из числа богатых и влиятельных

лиц» Иными словами, само избрание превратилось в простую формальность.

Интересна оценка управления ахтыпаринского союза сельских общин, данная **Ковалевским** (1890, т. I, с. 164): «Лезгинское сел. Ахты несло обязательство военной защиты одиннадцати сельских обществ, составляющих с ним один союз. Эти общества были обязаны во время войны подчиняться руководству ахтынских начальников в лице сорока аксакалов. В мирное же время эти аксакалы наблюдали за своевременным взносом 'закята' и следили за тем, чтобы в гражданских и уголовных спорах окончательные решения поставляемы были исключительно ахтынскими посредниками».

Жители с. Ахты «имели право на пахту [вроде русских 'кормлений'] от 11 остальных селений общества с тем ограничением, что число ахтынских 'гостей' не должно было превышать 50 человек в одном селении» (**Хашаев** 1961, с. 187).

Обратим внимание на найденную Лавровым в с. Ахты надпись: «владелец крепости Д-й-р-б, с-й-б» (**Лавров** 1966, с. 91). Дагестанские историки в Д-й-р-б данной надписи видят феодала. «В сел. Ахты обнаружены также остатки надписи, которая гласила о праве жителей одного квартала взимать дань с жителей других кварталов» (**Гаджиев** 1979, с. 196).

В отличие от других союзов сельских общин в Рутуле примерно с 1574 г. имелись переселившиеся сюда беки, а управление осуществлял *диван* [совет, суд]. По Хашаеву, этот диван в дальнейшем состоял из аксакалов и одного из потомков беков. Порядок выборов и вознаграждения членов дивана здесь были аналогичными ахтынским (**Хашаев** 1961, с. 188).

Исследования социально-политической ситуации на территории даргинцев показали, что «здесь в X-XII вв. находилось множество независимых и полузависимых раннеклассовых образований и союзов сельских общин». В усилении последних заключалась основная тенденция развития данного региона. К XII-XIII вв. дагестанские ученые относят возникновение *союза* верхнедаргинских сельских общин. Между Табасараном и Сериром располагалось владение, имевшее свой язык, и представ-

лявшее собой федерацию союзов сельских обществ, известных под названием Акуша-Дарго [его наиболее крупные поселения: Акуша, Цудахар, Усиша, Мекеги, Муги]. Очень скудны источники об этом союзе сельских общин. Все еще остаются нерешенными многие вопросы. Так, до сих пор не выяснена этимология первой части названия, Акуша; в наши дни бытуют три версии. Одни полагают, что Акуша означает «главное высокое место». Другие связывают его с упоминаемым в источниках «народом Ашкуджан»⁶. Сами жители этого союза называли свой «уезд» Акуша. Под этим названием он известен и соседним народам.

Сведения источников о социальном и административно-политическом устройстве Акуша — Дарго скудны. И. Гербер [1725 г.] утверждал, что данное общество в прежние времена населяли «вольные люди». В другом источнике говорится: этот «народ был совсем вольный и никому не подвластен». Анализ приведенных и иных данных привел Гаджиева к выводу о том, что в XIV-XVI вв. Акуша-Дарго входил в состав шамхальства. И «именно с распадом шамхальства и образовалось Акуша-Дарго» (*Гаджиев* 1979, сс. 138-139). Судя по письменным свидетельствам, продолжал ученый, «Акуша-Дарго имело очень тесные экономические и политические связи с уцмийством и шамхальством Тарковским. Это бесспорно». Не в последнюю очередь это связано с тем, что «основную массу населения уцмийства и Акуша-Дарго составляли даргинцы». Акушинцы нередко участвовали «в военных походах уцмия». Как правило, «уцмий привлекал их на свою сторону посредством подарков». Гербер писал по этому поводу: уцмий «через подарки акушинцев к себе звал». Такие же отношения сложились между акушинцами и шамхалом тарковским. Во время «великой опасности» и в других необходимых случаях, «когда понадобится ему [шамхалу — Ф. Г.] вооруженное войско, то просит их по доброй воле, а иногда и с заплатой, а принудить их не может». Интересен сюжет, характеризующий взаимоотношения между соседними социумами. Во время утверждения «нового преемника шамхальского достоинства акушинцы посылают несколько чиновников в Тарки, и по окончании сей церемонии шамхал, вставши, дарит их по его

рассмотрению, и в то время уже признан будет от всех народов шамхалом» (*там же*, с. 140).

Отметим противоречие Гербера при характеристике взаимоотношений акушинцев со своими соседями. В одном сюжете наш автор говорит о зависимости [подданстве] Акуша-Дарго от уцмий или шамхала. Вместе с тем утверждается, что акушинцы «податей никаких... усмею не платят», и что уцмий с акушинцами «вежливо поступать принужден, ибо себе подданными числить не дают» (*там же*, сс. 140-141).

Согласно Герберу, «каждая деревня имеет старшину...». Напомним, что Акуша-Дарго состояло из 5 союзов сельских общин, именуемых «табун» или «хлуреба» [войско]. По Р.М. Магомедову, «название хлуреба по всем данным можно отнести ко времени военной демократии, когда даргинцы жили разделенными на племена и когда вооруженный народ составлял войско» (см.: *Магомедов* 1957, сс. 119-140).

В каждом населенном пункте Акуша-Дарго было по несколько старшин, называемых по-разному: в Акуша — «шила-халате», Цудахаре — «хулалте» [большие], Муги — «къатлани» [квартальные] и т.д. В администрацию Акуша-Дарго входили также «джамаатла-халати» [старшины джамаата], контролирующие действия сельских старшин (*Гаджиев* 1979, сс. 141-142).

Принято считать, что и сельские и джамаатские старшины «избирались», причем церемония и срок, на который их выбирали, во всех обществах отличались. Хотя между ними было и немало общего. Самое главное — они «выбирались», преимущественно, «из определенных и наиболее влиятельных сельских тухумов [фамилий]». На поздних материалах Ковалевский пришел к убеждению, что на должность старшин «попадали исключительно в силу избрания; но при этом во многих местах сохранилось и правило, что кандидатом может быть только член двух, трех или более выдающихся тухумов» (*Ковалевский* 1890, т. II, с. 160).

Кроме старшин, в сельском управлении значительную роль играли кадии. Их вознаграждение, как и оплата старшин, не регламентировались. Кадии получали большую часть от взимае-

мых с сельчан штрафов, часть закята, имели доходы от раздела имущества, при заключении браков и т.д. Старшины получали в «исключительное пользование специальные участки земли».

Перечисленные и другие должностные лица составляли сельскую администрацию. Сельские общины объединялись в союзы общин, которых в Акуша-Дарго было пять. Каждый из них возглавлял кадий. При этом власть акушинских, цудахарских и сюргинских кадиев была наследственной. Но формально они, как и прежде, «выбирались» на сходе. Когда приходило время выборов нового кадия, на въезде в Акуша собирался народ. «Присутствующие выделяли из себя стариков для совещания — кого избрать». Чаще всего этот вопрос предварительно решался накануне в небольших кружках и старики знали уже кого «следовало избрать» кадием. После «выборов» народу объявлялось имя нового главы социума. Каждый из кадиев обладал не только духовной, но и светской властью; причем власть главного кадия распространялась на все Акуша-Дарго. С т.н. «высшим советом» старшин он решал важнейшие вопросы. Для реального управления союзом в распоряжении кадия находилось сорок «тургаков» с их «командиром» (**Гаджиев** 1979, с. 143-144).

Как видно, «джамаатские собрания всего Акуша-Дарго собирались *только по инициативе и решению акушинского кадия* [курсив мой — Ф. Г.]». В решении того или иного вопроса «мнение кади и его окружения, как правило, имело решающее значение». Часть исследователей полагает, что джамааты не являлись органами народоуправления. Так, например, Ковалевский писал: «В Дагестане деятельное участие в вечевых собраниях отнюдь не было предоставлено народу» (**Ковалевский** 1890, т. II, с. 76). В. Г. Гаджиев присоединился к мнению И. П. Петрушевского, который, «глубоко изучив социальную жизнь Джаро-Белаканского союза, ... доказал, что джамаат фактически принимал решение, предложенное и угодное сельской знати. Оказывается, и в Акуша-Дарго джамаат играл роль весьма удобного инструмента в руках социальных верхов». Что «касается высшего совета, то здесь дело обстояло еще проще», т.к. его возглавлял сам акушинский кадий. Выходит, что он «обладал властью, очень

схожей с властью других феодальных владетелей Дагестана» (**Гаджиев** 1979, с. 146). Обратив на это внимание, А. В. Комаров писал: «В Дагестане существует два вида кадиев: кадии владельцы, избираемые бессрочно, и кадии в селениях». К владельцем относился кадий северного Табасарана, который издавна избирался из числа старших одного и того же рода. «Вероятно, подобного же происхождения и наследственные кадии сюргинский, акушинский и цудахарский. Со званием этих кадиев соединялась всегда светская власть» (**Комаров** 1868, с. 74).

Представляется логичным вывод Гаджиева: «Акушинский кадий, хотя и был обязан считаться с общинными институтами управления, все же сам осуществлял управление в Акуша-Дарго. В военное время власть его еще более усиливалась». При этом в руках «кади, в отличие от других феодальных владетелей, была сосредоточена и духовная и светская власть» (**Гаджиев** 1979, с. 147).

В золотоордынский период появились новые союзы сельских обществ. За счет общинного и отчасти феодального землевладения выросла крестьянская земельная собственность. В результате XIII-XV столетия отмечены невиданным ранее усилением сельской общины и союзов сельских обществ.

Согласно сведениям Абу Хамид ал-Гарнати, некогда единое государство «Табарсалан» распалось на 24 рустака, «в каждом из которых находится *серхенг* наподобие эмира». Йакут писал уже не о «малике», а о «маликах» Лакза. Как видно, политическая децентрализация в XII-XIII вв. завершилась «формированием ряда союзов сельских общин, просуществовавших многие столетия» (**История Дагестана** 2004, сс. 201-204, 207).

IV. 1. 2. Кайтаг. Довольно крупным феодальным владением в рассматриваемый период предстает уцмийство Кайтагское (**Шихсаидов** 1975, с. 11). Здесь и далее под Кайтагом имеется ввиду территория верхнего или нагорного Кайтага. Кара-Кайтаг, или нижний Кайтаг, — равнинная часть [Убах-Хайдак]. Самоназвание населения данного региона — *Хайдак*. Под этим названием они известны и у других народов Дагестана. «Возможно, — писал в этой связи В. Ф. Минорский, — что хайдаки получили

свое название от своего высшего класса», состоявшего из пришельцев [как это случилось с кавказскими аvaraми]. Но «в противоположность мнению В.В. Бартольда это произошло не во время монгольского нашествия, а на несколько веков раньше, т.к. название Хайдак засвидетельствовано [с различными ошибками в написании] уже у арабских авторов IX-X вв. н.э.» (**Минорский** 1963, с. 127). Утверждая это, Минорский, очевидно, имел в виду упоминание арабского источника о правителе Кайтага, в котором сказано, что он «араб из [племени] Кахтана» (**там же**, с. 202). Однако имеются и другие версии этимологии рассматриваемого термина. Так, по народной традиции *хайдак* означает «гоняй скот» (**Гаджиев** 1979, с. 118).

Не решен окончательно и вопрос о происхождении и значении другого термина — *Кара-Кайтаг*. Разброс мнений и здесь достаточно широк. От тюркского *кара* «черный», связанного с внешним видом «гор, ими обитаемых» (**Комаров** 1873, с. 18), до качественной характеристики занимаемой земли, которая «очень скудна, а сами жители бедны» (**Гаджиев** 1979, с. 118). Между тем, Кайтаг занимал довольно большую по масштабам Дагестана территорию.

На рубеже XIV-XV вв. уцмии подчинили своему влиянию Зирихгеран, а в середине XV столетия в состав Кайтага входили некоторые крепости и поселения Табасарана и Докузпаре. Помимо территории собственно Кайтага, уцмийство включало в себя часть земель даргинцев, кумыков и лезгин. В середине XVI в. уцмий «Адильбек, князь Кайтаческий», шурин ширваншаха, контролировал территорию вплоть до Тарков. Столицей владения являлся аул Калакорейш, расположенный на неприступной горе на правом берегу р. Боган. Значение Калакорейша подчеркивало то обстоятельство, что «кади именно этого селения» записывал и скреплял своей подписью акты материалы (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 326).

Отметим, что пока нет точных данных о *первой столице* Кайтага. В стойкой народной традиции таковой называется Жалаги, «крупное городище в Кайтагском районе». Здесь, на средневековых поселениях «найденны куфические надписи XII-XV вв.

Однако еще в предмонгольский период функции столицы перешли к Калакорейшу. В хронике «Тарих Дагестан», в основном сложившейся в XIV в., данный процесс связан с деятельностью арабских завоевателей. Они «покорили много земель, в том числе и Хайдак, убив его правителя Газанфара. Престол Газанфара с гордостью и достоинством занял Амир Чуфан [Амир Чупан], потомок пророка, он был первым, кто занял престол в вилайате; он построил в Хайдаке большое число многолюдных селений и избрал своей резиденцией город Кал'а Курайш, расположенный на скале, над ущельем, при реке'» (*История Дагестана* 2004, с. 198).

В конце XIV или в начале XV в. под влияние Кайтага попал Зерехгеран, а в середине XV в. — селения и крепости Южного Дагестана, точнее: Табасарана и Докузпаре.

О мощи Кайтагских владельцев свидетельствует случай с купцом А. Никитиным во время его путешествия 1466-1472 гг. Маршрут проходил по каспийскому морю, вдоль побережья Дагестана. «И пошли мы к Дербенту, — писал русский купец, — в двух суднах: посол [ширваншаха — Ф. Г.] Хасан-бек с иранцами, да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей, да 6 тверичей. На море нас захватила буря. Малое судно разбило о берег, людей же с него поймали *койтаки*». Последние разграбили и русских купцов. Уже в Дербенте Афанасий «бил челом Василию Панину [посол Московского государства к Ширван-шаху] и ширваншахову послу Хасан-беку, с которым пришли, чтобы они просили о людях, пойманных кайтаками под Тарки. И Хасан-бек хлопотал: он ездил на гору к Булат-беку, который послал скорохода к Ширваншах-беку с известием, что русское судно разбилось под Тарки и что кайтаки поймали людей с него и разграбили их товар. И Ширваншах-бек тотчас отправил посла к своему шурину Халиль-беку князю Кайтакскому; что судно, дескать, мое разбило под Тарки и твои люди, придя, людей поймали, а товар их пограбили; и ты бы, ради меня, людей ко мне прислал и товар их собрал, потому что те люди посланы ко мне; а что тебе нужно будет от меня, и ты ко мне пришли, и я тебе, своему брату, за то не постою, только бы ты отпустил их

ради меня свободно. И Халиль-бек тотчас отослал всех людей свободно в Дербент, а оттуда послали их к ширван-шаху и орду его...» (*Дагестан* 1992, сс. 44-45).

Как известно, Кайтаг в истории Дагестана всегда играл заметную роль. Видимо, в этом смысле надо понимать слова Гербера о том, что «усмей после шамхала всегда знатнейший у здешних народов был и ныне в великом почтении» (*Гаджиев* 1979, с. 121).

Стремясь укрепить свой статус, уцмии [со времен Рустем-хана] родословную выводили от потомков дяди пророка Мухаммеда, курейшита Хамзы. Согласно другой версии родословной уцмиев, они происходили «по отцу... от дяди пророка... Аббаса, а по матери — от дяди пророка... Хамзы». Но эти надуманные версии легко опровергаются, как подчеркивал Гаджиев; гораздо труднее разобраться в происхождении титула *уцмий*. Как правило, его выводят от арабского слова *усми* «именитый». Но предлагались и иные версии, например, некоторые историки данный титул связывали с арабским *оцум* «сильный, мощный». Заманчива гипотеза Р.М. Магомедова, считавшего термин производным от древнего местного слова: «Эмир, назначенный арабами в Кайтаге мог быть просто одним из потомков местных представителей из рода уцмиевых» (*Магомедов* 1968, с. 84). В позднем средневековье численность населения уцмийства составляла 75 тыс. человек. Собственно «хайдаков» насчитывалось 1680 дворов, 7050 душ (*Комаров* 1873, с. 18).

Как на интересный факт, обратим внимание на то, что сам уцмий и «знатнейшие люди» в обыденной жизни использовали «турецкой с татарским помешанный язык», т.е. кумыкский. Получилась довольно интересная картина: «большая часть населения уцмийства говорила на кайтагском диалекте даргинского языка, а правящая верхушка уже тогда говорила на кумыкском языке» (*Гаджиев* 1979, с. 119).

Тот же источник *равнинную* часть Кайтага описал как экономически благоприятный район: «земля хлебобобовая», «довольно пашен и, садов... добрые луга». Буквально одной фразой дана характеристика экономики *горного* Кайтага: «их земля не столь хороша... чего ради они и не столь богаты» (*там же*,

с. 120). Топографическому делению Кайтага [на равнинный и горный] «соответствовало деление населения в отношении его социального устройства [в тексте — ‘уцмийства’]. В нижнем Кайтаге феодальные отношения были более развиты, чем в верхнем» (*там же*, с. 121).

В XIII-XV вв. уцмии предстают как крупные землевладельцы. Дагестанские исследователи считают, что правители Кайтага распоряжались большими земельными участками и даже «сосредоточили в своих руках *верховную собственность* [курсив мой — Ф. Г.] на землю. Однако, никаких аргументов в пользу такого утверждения не приведено. Беки, члены дома уцмия — наиболее влиятельная после уцмия сила — также располагали значительными земельными массивами. Сын уцмия Султана Ахмедхана, Ахмед-бек, в источниках предстает как владелец «имущества, мульков, земель... слуг [хадама] и рабов [абид]». Земельный фонд беков нередко формировался за счет *дарений* и «непосредственной *покупки*»⁷. Сын уцмия Эльчи в конце XIV в. получил от ширваншаха «на содержание махалл Акдаш вилайата Ширван, исключая только селения Вардан, Йакублу и Сукутлу, которые и раньше... были в его распоряжении. Эмир... поселился в селении Салар-арди... Он купил еще раньше его земли и строения от его владельцев... Все это он купил законным путем [курсив мой — Ф. Г.]» (*История Дагестана*, 2004, с. 248). В конце XIV — начале XV в. сын уцмия Мухаммед-бек получил от ширваншаха в управление Ахты, Докузпара, Мискинджи, Микрах, Кура и другие земли. Земли-дарения находились в наследственном владении беков, а приобретенные актом купли-продажи — на правах частной собственности с правом *налогового и судебного иммунитета*» (*там же*, сс. 248-249).

Господствующую социальную группу составляли: беки трех родов — самих уцмиев, беков Карачи и аула Гимри (*Кобищанов* 1987, с. 197), а также чанка-беки⁸ и чанки⁹ (*Гутнов* 1987а, с. 74-79).

Принято считать, что «верховным правителем Кайтага был уцмий». Е.И. Козубский, например, подчеркивая роль арабов в

формировании «феодалной власти» уцмий, название титула выводил из арабского *исм* «имя», а сам термин переводил как «именитый». Альтернативное мнение основой титула считает «иудейское слово 'оцум'» в значении *сильный, мощный*. В категоричной форме оба мнения отвергли М.Г. Гаджиев, О.М. Давудов, А.Р. Шихсаидов. Ни в памятниках арабской литературы, ни в местных исторических сочинениях X — середины XIV вв. этот титул не встречается. Впервые, подчеркивают дагестанские ученые, он упоминается в хронике Махмуда Хиналугского, датированной 861 годом хиджры [1456/7 г.]. В описании событий конца XIV в., связанных с походами Тимура, назван правитель Кайтага Султан Мухаммедхан-уцмий (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 326).

Однако, «История Каракайтага», в состав которой вошло повествование о жизни данного общества в X-XIV вв., содержит указание на то, что Султанмухаммад-уцмий «был современником ширваншаха начала XIII в.¹⁰ Гершаспа» (**Шихсаидов, Айтберов, Оразаев** 1993, с. 153). В историческом сочинении о борьбе дагестанцев против иранских завоевателей в XVI-XVII вв. говорится о крепости [кал'а] Курайши в области Хайдак, «которая принадлежала к числу земель Дагестана, [подвластных] Хамза-уцуми, правителю [малик] Дагестана, по [праву] господства...» (**там же**, сс. 190-191).

Решающих аргументов в пользу признания одной из приведенных дат первым упоминанием титула уцмий пока не видно.

Высказывалось предположение, что «предшественник, и, возможно, предок уцмиев» обозначен на надгробной плите рубежа XIII-XIV вв. на могиле внутри мечети в Калакорейше. Судя по надписи — это могила «владельца [сахиб] Кала Курайша Ах. с.б.р., сына Хиздана». Как видно, «владелец» Калакорейша еще не носил титул «уцмий» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 326). На наш взгляд, в данном случае возможны различные решения. Так, если буквально понимать текст эпитафического памятника, то могила в мечети принадлежит владельцу Калакорейша, т.е. аула, но не всего Кайтага.

Не ясны и функции уцмий. Даже в позднем средневековье его статус носил черты переходной эпохи, ибо он был не столь-

ко монархом, сколько главой социума. Хотя его избирали из членов одного рода¹¹, но «возводили на престол» на собрании представителей всех общин Кайтага. Новый глава щедро одаривал знать оружием, скотом, деньгами, а для простолюдинов устраивал обильный пир. Власть уцмия была далеко не абсолютной, ритуально поддерживалась некоторыми весьма архаичными обрядами. Важные вопросы решались народным собранием. «Конкурентом» уцмия являлся избираемый одновременно с ним «наместник» — *гаттин*, возглавлявший дружину из 300 воинов. В сопровождении дружины гаттин собирал подати с общин (**Кобищанов** 1987, сс. 197-198).

Таким образом, социальное устройство Кайтага XIII-XV вв. сочетало в себе институты позднепотестарного и раннефеодального обществ.

Беки Кайтага, «имевшие в управлении своем деревни, при уцмиях имели полное право распоряжаться [жителями сел — Ф. Г.], как своими подданными, с тою только разницею», что ни один бек не имел права продавать ни одного человека из своей деревни, «поселяне же обязаны во всем повиноваться своему беку и исполнять все его приказания и платить наложенную на них подать» (**ФОД**, с. 245).

Махмуд Хиналугский [XV в.] в рассказе о Кайтаге поведал о внуке Султан-Магомеда уцмия Кайтагского Мухаммед-беке. Последний получил от правителя Ширвана Ибрахима I Дербенди грамоту, по которой ему передавались «в управление» селения Ахты, Докузпара, Мискинджи, Микрах, Кюре, крепость Хакуль-Маха, Хиналук, ал-Фий, ал-Маза «вместе с управлением кр. Ахир, находящейся в этом владении» (**Алиев** 1980, сс. 44-45). Управление этими селениями было наследственным: «я дарю управление над этим магалом ему и потомкам от утробы до утробы, от рода в род», — говорилось в грамоте правителя Ширвана (**Гаджиев** 1979, с. 192).

Зависимость жителей Ахты от ширваншаха подтверждается и эпиграфическими памятниками. Так, на стене одной мечети в Ахтах в 1850 г. обнаружена надпись: «Владелец этой крепости Ширбан-шах Халилаллах» (**Лавров** 1966, с. 141). Современные

исследователи согласны с мнением Н.В. Ханькова, «который правильно усмотрел в этой надписи свидетельство о вхождении долины р. Самура в состав владений ширваншаха Халилаллаха» [1417-1462 гг.]. Упоминаемую в эпитафии крепость не позже XIII в. построил *Ш-л-раха* (*там же*, с. 206, примеч. 357). В другом эпитафическом памятнике на массивном блоке, вделанном в стену жилого дома в Ахтах, сохранился фрагмент надписи: «Крепость сделали *Ш-л-рха...*» Здесь же обнаружена еще одна важная надпись: «Владелец крепости *Д-й-р б. С.-й-б*». В этом же селе обнаружены следы «умышленно сбитой врезной куфической надписи». По показаниям старцев, «надпись гласила о правах старейшего в Ахтах квартала взимать дань с жителей других кварталов того же селения» (*там же*, сс. 95-96).

По сведениям того же Махмуда Хиналугского, впоследствии потомки Мухаммед-бека, вассала Ширвана, продолжали контролировать указанную выше территорию. В селе Ахты «с согласия своего отца» поселился Хасан-бек, один из внуков Мухаммед-бека. Другой внук Махмуд-бек владел аулом Хнов. Третий внук, Аббас, «пошел в дер. Хиналук», сын его Эльчав-Ахмед-бек стал владельцем крепости Ахир, после которого управление перешло к его сыну Байджукум-беку и т.д. Следующее поколение рассматриваемого клана знати обосновалось в Курахе, Кюре, Табасаране. «Это обстоятельство, — писал Б.Г. Алиев, — еще раз говорит о наследственном характере полученных Муахмед-беком от Ширван-шаха Ибрахима I Дербенди лезгинских земель, что особо подчеркивалось и в самой грамоте, данной Мухаммед-беку» (*Алиев* 1980, с. 45). Как видно, правители средневекового Кайтага в источниках предстают не только в качестве исполнителей административных функций, но и феодалов в полном значении данного термина.

В третьей четверти XIX в. А. В. Комаров опубликовал ряд списков норм обычного права народов Дагестана. Особый интерес представляют «Постановления Кайтахского уцмия Рустем-хана, — написанные, по словам издателя, — в XII веке по Р.Х. и отданные на хранение кадию магала Гапш». Определение даты фиксации списка Рустем-хана не соответствует истине. Правда,

Ф.И. Леонтович (1882, вып. I, с. 43) присоединился к мнению Комарова. Но данная трактовка «вызвала резкое возражение Ковалевского», отметившего, что рассматриваемый памятник «совершенно произвольно отнесен Комаровым [а за ним и профессором Леонтовичем] к XII в., тогда как в действительности он был составлен уцмием Рустем-ханом в первой четверти XVII в. [в тексте ошибочно: XVIII в.]. К данной датировке Ковалевский прибег «на основе хранящейся в Дербенте рукописи», согласно которой Рустем-хан правил с 1601 по 1631 г. (*Гарданов* 2004, сс. 203-204).

Сами статьи «Постановлений...» отражают нормы как позд-непотестарного общества, так и уже сложившихся феодальных отношений. Остановимся в самом кратком виде на нескольких статьях из данного списка:

«Этими постановлениями должен руководствоваться бек и все Кайтахской общество.

Если бек выедет на тревогу, то должны все ехать; с не выехавшего же на тревогу вместе с беком — тысячу кари хабцалдику.

Бек должен всякий год собирать суд, в противном случае его сменяют.

С не явившихся по призыву бека на суд брать по сто кари хабцалдику.

В государстве — без правителя, в обществе — без суда, в стаде — без пастуха, в войске — без разумного, в селе без головы — добра не будет.

Кто имеет ум, тот пусть поразмыслит об этом.

Если бек будет притеснять какое-либо селение, то остальные селения должны вступить за него и остановить бека.

Все должны говорить единогласно; кто же будет противоречить обществу, того дом разрушать, а самого изгонять.

Бек должен наказывать поступающих противозаконно. В противном же случае бека удалять.

Бек должен ежегодно собирать умных людей и по этим постановлениям разбирать тяжущихся и не оставлять без наказания ни вора, ни грабителя.

Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или

чанки. Кто сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонять из селения...

Если бек или чанка приедет в какое-нибудь селение, то никто без позыва не должен приходить к нему. Если же кто пойдет к беку, будучи не позван им, с того брать сто кари хабцалдику.

Бек не должен предпринимать поход, предварительно не посоветовавшись о том с благоразумными. В противном случае брать с него штраф (триста руб.) в пользу общества.

Если поход будет предпринят беком после обсуждения о том с благоразумными, то с того, кто не выедет в такой поход, брать сто кари хабцалдику.

Бек, раб, чанка, уздень должны руководствоваться этими постановлениями.

...Смотри, бек, говори правду: муж правды прославляется и власть его остается на веки.

...Смотрите кайтахцы, принимайте правду: *правдивое государство прославляется и никогда ни в чем не расклевывается* [во всех случаях курсив мой — Ф. Г.] (**Комаров** 1868, сс. 87-88).

«Постановления» Рустем-хана содержат материал для реконструкции общественного строя в Кайтаге. В данном сборнике адатов переплелись элементы раннеклассового и феодального обществ.

Особое положение общин по обоим берегам среднего течения Самура привлекло внимание уцмия Кайтага, вассала Ширваншаха. С конца XIV в. здесь установилось правление дома уцмия.

По мнению дагестанских ученых, среди местных исторических сочинений сведения, связанные с событиями XIII-XIV вв., «бесспорно содержатся лишь в 'Кайтахских рукописях' I и II, в 'Сказании об Аргвани' и 'Тарих Дагестан'». В них приводятся описания деяний Амир-Чупана, генеалогия уцмиев, сведения по феодальной войне в Дагестане, кайтаго-ширванским связям, истории потомков Ильча-Ахмеда и т.д.

В свое время Лавров на основе анализа сюжетов «Тарих Дагестан», эпиграфических и фольклорных памятников восстановил историю многолетней войны¹³ между двумя группировками

кайтагской знати, одна из которых, возглавляемая Ильча-Ахмедом, вынуждена была бежать. Следует учесть, что победившая группировка использовала помощь Хунзаха. Эти события произошли в хронологических границах между второй половиной [либо концом] XIII в. — двадцатыми гг. XIV вв. (**Криштопа** 2007, сс. 47-48).

Принято считать, что на рубеже XIII-XIV вв. Кайтаг был одним «из наиболее влиятельных княжеств Внешнего Дагестана». Бывший в ту пору «уцмием Султан-Мухаммед, возводивший свою династию к Хамзе — дяде пророка, был женат на сестре кумухского шамхала, а другая его жена была сестрой 'султана Кершасиба, владельца Ширвана'. Дом ширваншахов в то же время был связан такими же узами с семьей ильханского сахиб-дивана, что может указывать как на довольно высокий престиж уцмиев Кайтага среди феодальных владельцев Восточного Кавказа, так и на их политическую ориентацию» (**там же**, с. 109).

Отметим также указания о связях Кайтага с колониями генуэзцев. Родословная рода Чолокашвили восходит к «генуэзским переселенцам», обитавших на Северном Причерноморье. «Один из их предводителей» поселился «со множеством народа» в местечке Герми в Дагестане — «их и теперь называют геноэлами и копачами». На новом месте этот предводитель получил прозвище Чолага. «Однако за потравы пастбищ местные жители изгнали его — вместе с родными он ушел 'по Дербендской дороге' и прибыл в 1320 г. в Грузию», к царю которой он поступил на службу (**там же**, с. 111).

В 20-е годы XIV в. во Внешнем Дагестане вспыхнула феодальная война, начавшаяся в Кайтаге. Интересные материалы об этом событии содержит «Кайтахская рукопись II» [«Хроника Махмуда Хиналугского»]. «В день смерти уцмия [Султан-Мухаммеда — Ф. Г.] началась ссора из-за престола двух его сыновей, сводных братьев Ильча-Ахмеда и Султан-Алибека [по прозвищу Беккиши-хан]». В результате множество представителей знати погибли, а некоторые вынуждены были бежать за пределы страны. Такая участь постигла, например, одного из сыновей уцмия — Султан-Алибека. Войско последнего было разбито, а Иль-

ча-Ахмед стал хозяином Кала-Курайша. Однако Алибек не смирился с поражением и «прибег к заступничеству своего дяди по матери — Кумухскому шамхалу». Тот вмешался в войну на стороне своего племянника и «с ним пришло много людей из владения шамхальского». В свою очередь, Ильча-Ахмед, уступивший превосходящим силам противников, «со своими прислугами и невольниками» бежал в Ширван, «где у него были наследственные имения и где он мог рассчитывать на покровительство своего дяди — ширваншаха Гершаспа». В конечном итоге, как отмечено в «Тарих-Дагестан», «... между амирами Гумика и султанами Хайдака разбилось зеркало согласия». Высшая знать Кайтага, Мухаммад-хан, Амир-хан, Амир-хамза и др., «бежали, жалуюсь и умоляя о помощи, к *правителям Аварии* [курсив мой — Ф. Г.] и заключили с ними союз делить добро и зло при всех обстоятельствах». Союзники захватили Кумух «и крепость над ним... В ней погибли 70 кумухских добровольцев-смертников». Уцелевшие члены кумухской верхушки [«амиры Гумика, что из потомков Хамзы и Аббаса»] бежали. Кайтагские князья, участвовавшие в коалиции, смогли вернуться в свои владения [т.е. в Кайтаг] (**там же**, с. 111-113).

К числу *достоверных* фактов «Кайтахской рукописи I» Криштопа относит описание событий последней трети XIV в. Согласно этому источнику, Амир-Чупан, обеспечив лояльность Табасарана и Кумуха, затем «двинулся в южные части гор и покорил эту страну; взял силою город Маза, сражался против многих деревень неверных, овладел их землями» (**там же**, с. 132).

Примерно в это же время уцмий Кайтага контролировал внешние акции Зирихгерана, но «во внутренних делах он был достаточно независим» (**там же**, с. 149).

IV. 1. 3. Аварское нукальство. На юго-востоке от Кумуха локализовались домены *уцмия* Кара-Кайтага, *майсума* Табасарана и Кюринского хана. На юго-западе от Кумуха находилась «страна *Аваров*».

В источниках указывается, что «над аварами имеется усмей, которого называют авар-усмей... имя его Умухан [Usmey Awar Uhma Chan]». Только не все авары «под его властью стоят, ибо

аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждый уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея не стоят, но и ему подчинены». В другом источнике эта же мысль приведена в следующей форме: «Авары подвластны различным князьям, из которых никто другому ниже чужой власти не подвержен. Знатнейший из оных усмей Авар», имя которого Ума-хан. В приведенных текстах источника территория Аварии в одном случае разделена на уезды, в другом — на княжества. Интересна и следующая деталь: в первом тексте уезды «под послушанием [владельца — В. Г.] не стоят, но и ему подчинены»; тогда как во втором тексте владелец Аварии представлен знатнейшим среди других князей (**Гаджиев** 1979, с. 165).

Аварское нуцальство, как уже отмечалось в литературе, в своем развитии прошло несколько этапов. Считается, что на рубеже XI-XII вв. раннефеодальный Серир распался на мелкие владения, впоследствии лишь частично воссоединившиеся в Аварском нуцальстве. В «Тарих Дагестане», в основном завершенном в начале XIV в., Серир как единое целое не упоминается вовсе, а на его территории помещены союзы сельских общин. В течение продолжительного времени они успешно противостояли притязаниям правителей Аварии, и лишь к началу XIX в. частично подчинились аварскому хану.

В источниках «владыка области Авар... получал доходы с [зависимых] владык, владений [вилайат], земель [имарат]¹⁵, и ему принадлежали харадж, джизйа и ушры (*ал-аш'ар*) с жителей всего Дагестана, от вилайата Чаркас до города Шамах». Он же владел «различного рода имуществом — наличными деньгами, зерном, баранами, крупным рогатым скотом, тканями, плодами и другими [продуктами], даже куриными яйцами» (**Шихсаидов, Айтберов, Оразаев** 1993, с. 98). Перечислив далее «источники доходов [нусала]», автор «Тарих-Дагестана» подчеркнул: «Этому владыке подчинялись все жители Дагестана, самые высокие [по положению], волей и неволей; весь народ его, дальний и ближний, без споров и пререканий» (**там же**, сс. 98-99).

В золотоордынский период среди политических единиц Северо-Восточного Кавказа все больше и больше возвышался

Хунзах, расположенный на одноименном плато. На подступах к нему, на древних дорогах засвидетельствованы средневековые поселения: Гаганида, Игишулатли, Болъохъ, Акаро, Хаоачул Гох, Амитель, Хини, Гала и др. Внимание специалистов привлекли остатки «интересной каменной архитектуры» и подъемный археологический материал — «фрагменты местной и импортной керамики, а в некоторых из них — кровельной черепицы, в Хини же — и глазурованной» (*Гамбашидзе* 1985, с. 112).

На горе Акаро, возвышающейся над Хунзахским плато [2500 м над уровнем моря], археологи исследовали остатки подземного [!] христианского храма X-XIV вв. В ходе раскопок здесь было выявлено большое количество поломанных каменных крестов разнообразных форм и орнаментации. На части из них имеются надписи мемориального содержания, выполненные грузинскими шрифтами *асомтаврული* и *нусахауцури*. Палеографически данные надписи относятся к первым векам II-го тысячелетия н.э. Разрушение церкви специалисты по обломкам крестов и следам пожара [в алтаре и на строительных камнях] связывают с периодом трагических событий в Хунзахе — либо с нашествием татаро-монголов, либо с походами Тимура. На правой стороне ущелья р. Тобот, около с. Амитель, у древней дороги на Хунзахское плато выявлена христианская церковь предмонгольского периода. В целом, обе культовые постройки свидетельствуют о проникновении «христианской религии в глубь, в среду местного населения» (*там же*, с. 113).

Если вспомнить об исследованных ранее в селах Датуна, Гаганида и Хини христианских памятниках, то резонно можно «утверждать о целой системе христианских культовых сооружений в 'среднефеодальную', — по определению Г.Г. Гамбашидзе, — эпоху на Хунзахском плато и в селах, расположенных на его склонах» (*там же*, сс. 113-114).

Распространение христианства в Аварии в X-XIV вв. иллюстрируется и письменными источниками. Ибн-Рустэ в начале X в. в сюжете о царе Серира писал: к христианам относятся «все обитатели крепости [царя], а все остальные жители страны — язычники». По приписке 1310 г. к принадлежащему Л.А. Мага-

лашвили Евангелию, на территории Дагестана в период царствования Георгия V Блистательного существовало несколько епархий — Анцухское, Цахурское и Хунзахское. И, наконец, вспомним упоминание «хундзского католикоса Окропири» в синодике XV в. одного из грузинских монастырей на Синае. Он отождествляется «с примасом митрополии, в чем и заключается существование в Дагестане митрополии грузинской православной церкви» (*там же*, с. 119).

Следует отметить и находки крестов на камнях с изображениями всадников, животных, «вавилонов»¹⁶, сцен охоты (*там же*, с. 115).

В северо-восточной части Хунзаха, над каньоном, дагестано-грузинской археологической экспедицией [1976-1980 гг.] выявлен большой средневековый могильник. Под культурным слоем «среднефеодальной» эпохи выявлены «расположенные системно, правильными рядами, частично потревоженные 'кладоискателями' 11 погребений». Все они высечены в скалистом материке. Шесть могил были индивидуальными, остальные — коллективными, семейными. Из последних выделим погребение № 3, в коем засвидетельствованы останки мужчины 40-45 лет, женщины 20-25 лет и подростка 13-14; в погребении № 10 останки взрослого и двух подростков. Инвентарь во всех погребениях отсутствовал. Преобладание индивидуальных могил свидетельствует о распаде большой патриархальной семьи (*там же*, с. 118).

Бытует мнение, согласно которому монгольские походы лишь упрочили положение аварских феодалов. В ходе нашествия Тимура Хунзах избежал печальной участи многих социумов, оказавшихся на пути завоевателя. Более того, аварские феодалы упрочили свое положение, ибо Тимур поддержал их, «утвердив за ними область и дав им ярлыки». Как видно, и внутреннее и внешнеполитические условия способствовали усилению нуцальства (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 321-322).

XV в. отмечен устойчивыми попытками правителей Аварии зафиксировать свои границы. Это четко отразилось в «Завещании Андуник-нуцала» [в тексте — *нусала*], датированном

890 г. хиджры, т.е. 1485 г. Данный документ давно находится в поле зрения историков, неоднократно издавался его перевод на русский язык. Учитывая его значимость, приведем полную версию одного из последних переводов: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного. Это завещание и аргумент [бурхан] Андуник-нусала, эмира вилаята Авар, высокочтимого, великого, обладателя мощи и [власти] в бою — сыну своего брата Булач-нусалу.

О сын моего брата! Возьми ключи от семи ворот в [область] Авар: первые — [Али] хиличилал, вторые — эмиры Джангуты, третьи — эмиры Баклулала [Гумбета], четвертые — Андала [Анди], пятый — Кириссел [каратинцы], шестые — Хучадасал [хуштадинцы], седьмые — баклал [Батлух].

Если ты возьмешь эти ключи, то ты будешь получать соль, мед, виноград, железо, рыбу и все, чем нуждается человек. Если же нет, то ты и твоё войско [Аскар] лишится всего этого.

Затем имей ввиду [прими во внимание] четыре границы, которыми владели наши разумные и сильные предки: первая на западе — Кайсукули [остальные варианты: Майсугьатлан, возможно, часовня Миарсу Ботлихского района], на востоке — по середине селения Хуцал [Гоцатль; в тексте Хусахи], на юге — от Хучадо до моста Хулака [Голотля] Саламеэр [Салатау] до Таргу [Тарки].

Затем прими во внимание слова наших высокочтимых предков: «В вилайте Дагестан двести десять тысяч мужей [в том числе] шестьдесят тысяч в Тафсаране [Табасаране], тридцать тысяч у Хайдака, сто тысяч мужей в войске [Аскар] нусала ал-Авари, а это [т.е. 'войско' нуцала Аварии] преобладающее из [всех] войск крепостью своих укреплений из-за отсутствия надобности в выездах [?].

О сын моего брата! Если ты станешь эмиром, будь старателен в превышении этих границ [вариант перевода: старайся переступить эти границы] и не оставляй у другого даже пяди [своей земли] подобно [твоим] храбрым предкам.

Составитель этой записи [Тарих] кади войска во время [правления] Андуник-нусала Алимирза из Анди [ал-Анди]. Год 890» (*там же*, с. 322).

Все обращавшиеся к «Завещанию Андуник-нусала», подчеркивали, что он отразил претензии [«возьми ключи»] аварского нуцала на соседние земли. В настоящее время историки все больше склоняются к мнению, что под фразой «прими ключи от семи ворот вилаята Авар» завещатель имел ввиду не столько завоевание, сколько заключение военно-политического союза с семью социумами. Такой альянс усилил бы ханство настолько, что позволил бы верхам Аварии приступить к завоеванию земель на востоке и на юге, откуда бы в Аварию стали поступать блага, «все, в чем нуждается человек» (*там же*, с. 324).

В «Завещании» внимание исследователей привлекли два термина: *мужи* [риджал, ед.ч. раджул] и *войско* [асакир, ед.ч. аскер]. Считается, что оба термина идентичны, т.е. в данном случае под термином *аскар* [войско] следует понимать не только воинские силы в полном смысле слова, но и мужское население, способное составить ополчение. Представляется, что составитель «Завещания» Алимурза из Анди имел ввиду аварское слово «бо», несущее широкую смысловую нагрузку [народ, общество, состоящее из нескольких селений; ополчение, войско]. Только при такой интерпретации, отмечают в этой связи авторы обобщающего труда по истории Дагестана, «можно понять цифру 210 тысяч 'мужей' Табасарана, Хайдака, Гумика, 'вилаята Авар'» (*там же*).

Согласно «Завещанию», титул *нуцал*, носил и племянник Андуник-нуцала [«Булач-нусал»]. Можно предположить, что в XV в. в Дагестане *нуцалами*, как и *эмирами* обозначался не только сам правитель, но и его наследник. На этом основании некоторые кавказоведы утверждали, что до середины XVII в. титул *нуцал*, видимо, «переходил от старейшего в одной ветви к старейшине в другой». Недавно это мнение было подкорректировано: «речь идет не об обязательном переходе власти от одной ветви к другой, т.е. не о некоей 'очередности' в престолонаследии, а о довольно широко распространенном обычае перехода власти к старейшему в роду правителю» (*там же*).

На современном этапе изучения истории Аварии трудно определить время появления термина «*нуцал*». В арабской лите-

ратуре конца I-го тысячелетия, дагестанских сочинениях «Дербенд-наме», «История Ширвана и Дербенда» он не встречается. Местные правители чаще всего обозначались общим термином — *малик* [царь, владыка]. Впервые титул нуцал упоминается в хронике XIV в. «Тарих Дагестан»; в описании событий X в. говорится: «Владыкой [малик] в городе [области] Авар, называемом Танус, — а он сильнейший из городов Дагестана своей мощью, источник неверия — был неверующий сильный тиран, негодный носитель зла, насилия и несчастья по имени Сурака; с титулом *нуцал* — это их обычай давать такое прозвище и обозначать этим именем своего владыку [курсив мой — Ф. Г.]» (**Шихсаидов, Айтберов, Орозаев** 1993, с. 98; **Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 325; **История Дагестана** 2004, сс. 242-243).

Относительно происхождения термина «нуцал» высказывались различные версии. По одной из них, нуцал [нуци] — это «иудейский термин 'нуси', 'носи' [предводитель колена, вельможа, старейшина, князь], занесенный в горы... при владычестве хазар на плоскости». По другому мнению, рассматриваемый титул «происходит, скорее всего, от грузинского слова нацвал 'наместник, староста'». Как полагают дагестанские исследователи, общность «происхождения терминов *нуцал* и *нуцвал* очевидна, но нельзя исключить именно его местное, аварское происхождение» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 325).

Обратим внимание на самоназвание аварцев *маарулал* [«горцы»]. Возможно, изначально данный термин использовался как этноним. Хотя в X в. Ибн-Рустэ писал, что *аваром* называли правителя Серира. В 1404 г. архиепископ Иоанн де Галонифонтибус¹⁷ среди «многочисленных народов» и «провинций» «страны Кавказ» назвал кумыков и аварцев. В другом сюжете приводится более полный список народов региона: «греки, разные армяне, зики, готы, таты, воляки, русские, черкесы, леки, йассы, аланы, авары, казикумухи...» (**Галонифонтибус** 1980, сс. 13, 15).

В ряде фольклорных памятников сохранились свидетельства военной активности аварских нуцалов во второй половине XIII в. В «Сказании об Аргвани» и «Тарих Дагестан» уцелели фрагменты предания о длительной экспансии нуцала Сураки в гум-

бетовских землях. «Тарих Дагестан» указывает также на наличие *райятов* Сураки в Тушетии.

Вышеназванные источники позволяют реконструировать примерный ход развития событий. Однажды [называются даты от 1256 до 1494 гг.] войско газиев во главе с шейхами Ахмадом, Абдуллой, Абу-Муслимом и Абд ал-Муслимом [Абдулла либо Абд ал-Муслим в некоторых списках опускаются] направилось [иногда указывается: из Кара-Хайдака], в Аварию, где правил «неверный» нуцал Сурака [иногда добавляется его брат Кахру]. Сначала они одолели Кахру в Чирьюрте [иногда сюда относят гибель Ахмада и Абдуллы], затем был захвачен Хунзах [иногда при этом гибнет Абд ал-Муслим]. «Сурака погиб [исчез], а его сын Байар [Байар-Аббас, Йар-Аббас, Байрам-пас] бежал в Туш. В Хунзахе устанавливается теократическое правление газиев» (*Криштопа* 2007, с. 87).

Затем верховная власть, согласно «Тарих Дагестан», перешла к Маасум [Мавсум]-беку, а религиозная и административная [«имам, хаким и вали их»] — шейху Абу-Муслиму — «фиктивность этой части сочинения несомненна» (*там же*, с. 88).

Тот же источник сообщает, что «мусульмане подчинили все области жителей гор, т.е. Дагестан, частью силой, сражением, разрушением, частью — исламом и хорошим обращением. Затем они обосновались во всех частях страны. У них был обычай назначать в каждое селение или город, которым овладели, своего амира и правителя [вали] и поселять часть мусульман среди них, чтобы превзойти [числом?] местных жителей...». «Сказание об Аргвани» лаконично сообщает о захвате газиями крепости и поселений Кахру и Сураката, убили обоих, и Абу Муслим стал имамом Аваристана» (*там же*). Согласимся с Криштопой: «Крайне трудно судить о степени аутентичности всех этих сведений, особенно деталей». Рассказ о вторжении газиев и притоке мусульманского населения [возможно, беженцев с разоренных монголами равнинных и предгорных территорий] согласуется с данными более ранних свидетельств. В них сообщается о традиции «газийских походов», их базах и центрах, дружинах, постоянно пополнявшихся пришлыми и местными исламски-

ми элементами. Вместе с тем, резкое сокращение населения в равнинной и предгорной полосе Дагестана в середине XIII в. «предполагает не только его гибель, но и частичный отток [беженцы]». Впрочем, основная масса беженцев осела, скорее всего, во Внешнем Дагестане: «И нет в Аварии ни одного коренного мусульманина. В других дагестанских вилайатах... население представляет смесь коренных мусульман и тех, среди которых распространен ислам» (*там же*, сс. 88-89).

После насильственного лишения власти Сураки¹⁸ сын последнего, Байар, жил в изгнании. Лишь Амир-Султан б. Байар сверг власть газиев в Хунзахе. Данные события заняли время, примерно равное жизни одного поколения. Это близко к сообщению «Сказания об Аргвани», определившему время правления газиев в Аварии «примерно 30 лет». Здесь же отметим, что предания о владельце Хунзаха — «неверном» амире Сураке [«из князей рода нуцалов»] — базируются на реальных исторических событиях, начиная с середины XIII в. Они повествуют о резиденции нуцалов в с. Танус, о подворных натуральных повинностях и денежном налоге, о *неподатном* сословии Аварии — жителях Акаро и т.п. (*там же*, с. 89).

Кавказоведы подчеркнули силовой метод исламизации Зирихгерана; завершение данного процесса в 1305 г. считается синхронным с гибелью шейха-газиев Хасана Ширинского [в 706/1306 г. согласно эпитафии на могиле в с. Шири]. Столица Зирихгерана была главной базой доисламских традиций и новую религию приняла последней. Эпиграфические памятники, в частности из с. Ашты, указывают на то, что аштынцы мусульманами стали раньше зирихгеранцев. Во всяком случае, жители с. Ашты успели построить у себя мечеть, тогда как жители столицы Зирихгерана оставались «неверными». Правда, те же эпиграфические памятники дают основание предполагать, что зирихгеранцы «приняли ислам по договору и к тому же на льготных условиях [без уплаты хараджа шамхалу, т.е. фактически с сохранением политической самостоятельности]» (*там же*, сс. 107-109).

20-е гг. XIV в. — это время т.н. «феодальной войны», начавшейся в Кайтаге и вызвавшей бегство в разные районы Кавказа

многих местных феодалов, в том числе и сына уцмия. Эти события отражены во II-ой «Кайтахской рукописи» [«Хроника Махмуда Хиналугского»]. В начале XIV в. умер уцмий Султан-Мухаммед. Уже в день его смерти началась борьба за трон между двумя наследниками, сводными братьями Ильча-Ахмедом и Султан-Алибеком. Старшему «быстрее удалось собрать своих сторонников, однако некоторые общины поддержали Султан-Алибека». Вскоре «началась между ними распря и несколько раз происходили войны». В итоге Султан-Алибек был разбит, а Ильча-Ахмед стал главой Кала-Курайша. До сих пор конфликт не выходил за рамки обычной для феодальных обществ междоусобицы и протекал внутри Кайтага (*там же*, сс. 111-112).

Но Султан-Алибек запросил помощь у своего дяди по матери — шамхала Кумуха. Тот вмешался в конфликт и «с ним пришло много людей из владения шамхальского». Разбитый Ильча-Ахмед «со своими прислугами и невольниками» бежал в Ширван, где у него были наследственные имения и где он мог рассчитывать на покровительство своего дяди — ширваншаха Гершаспа (*там же*, с. 112).

Альчи-Ахмед обратился в Ширван за помощью, преследуя лишь узколичные цели, а не для борьбы с братом в интересах своих соратников. Неудивительно, что его сторонникам среди кайтагских феодалов было «не по дороге» с их бывшим лидером: «в отличие от него, они не имели никаких альтернатив вне Кайтага и в случае поражения теряли все» — это послужило для них действенным стимулом для продолжения войны. К такому можно отнести Мухаммад-хана, Амир-хана и Амир-хамзу «из числа султанов Хайдака», которые «бежали, жалуясь и умоляя о помощи, к правителям Аварии и заключили с ними союз делить добро и зло при всех обстоятельствах. [В это время] между правителями Аварии и амирами Гумука начались страшные войны и сатанинские распри». Войска коалиции [Сартана, сына нуцала, кайтагских князей-эмигрантов и, возможно, их союзников за пределами Дагестана] напали «[вероятно, в 1318 г.] на Кумух [скорее всего, с востока и запада одновременно], захватив как селение, так и крепость над ним, построенную незадолго до это-

го [возможно, в мае 1315 г.] неким Кавтаром б. М-к-ч. В ней погибли 70 кумухских добровольцев-смертников». Союзники разорили Кумух, уцелевшие владельцы которого [«амиры Гумика, что из потомков Хамзы и Аббаса»] бежали (*там же*, сс. 112-113).

Как видно, конфликт, начавшийся в Кайтаге как обычная междоусобица, после вовлечения в него кумухского шамхала и аварского нуцала перерос в «феодальную войну»¹⁹, охватившую все основные княжества Внутреннего и Внешнего Дагестана. В конечном итоге Кумух был разгромлен, Авария истощена. Кайтаг же, вышедший из войны еще до наступления ее пика, пострадал меньше других, что и предопределило «его дальнейшую политику и выдающееся положение в системе дагестанских политических единиц XIV в.» (*там же*, с. 113).

Прекращение 24-летней войны [«вражды», «распрей»] между Аварией и соседними мусульманскими районами в «Тарих Дагестан» мотивируется экономической необходимостью: «Вражда и распри продолжались 24 года. [Наконец] исчерпались их средства к существованию, жизнь их стала трудной, они устали воевать, войны им опротивели. Тогда они уверовали, приняли ислам. И стала невозможной война и столкновения между мусульманами, и они заключили между собой мир на основе ислама» (*там же*, сс. 107-108). В начале XIV в. в Аварии [и в Зирихгеране] ислам стал господствующей религией.

Во второй половине XIV в. Аварское княжество с центром в Хунзахе «оставалось самой значительной во Внутреннем Дагестане политической единицей, хотя власть нуцалов была далеко не абсолютной». На это косвенно указывает эпитафия Сафилава б. Алигилиджа, ум. 791/1389 г. [найдена рядом с надгробием Дургри-нуцала на кладбище Лъархъал]. Комментаторы надписи сопоставили имя отца покойного с *алигиличилал*, упоминаемыми в «Завещании Андуника» владельцами «первых ворот Аварии». При этом было высказано предположение о возможной родственной связи между отцом Сафилава и *владельцев*, упомянутых в «Завещании». Даже в конце XV в. [1485 г.] нуцал Андуник одной из важнейших государственных задач считал обуздание «алигиличилал» (*там же*, с. 156).

К этому же периоду можно отнести и «письмо укрепительное», выданное неким «татарским князем Бахти». Письмо это утверждало владельческие права нуцалов. Данный документ упоминал И.-Г. Гербер, видевший его в 1727 г. у посланцев аварского хана. С этим письмом связано историческое предание об изгнании нуцала из Аварии восставшим населением. Нуцал отправился в Орду, где получил не только «войско в помощь», но и упомянутый документ. Опираясь на монгольский отряд, нуцал вернул себе власть (*там же*, сс. 156-157).

Персидские историографы Тимура говорят о войсках Газикумуха и Аухара [Аварии] как о двух автономных силах. Нуцала они не называют, хотя шамхал [шаухал] ими упомянут. Слабость власти нуцалов во второй половине XIV в. позволяет предположить, что территория Аварского княжества была в то время меньше, чем на момент первой фиксации в «Завещании Андунника»²¹ (*там же*, с. 159).

В источниках указывается, что «над аварами имеется усмей, которого называют авар-усмей... имя его Умухан [Usmey Awar Uhma Chan]». Только не все авары «под его властью стоят, ибо аварская земля на несколько уездов разделена, из которых каждый уезд своего владельца имеет, а под послушанием усмея не стоят, но и ему подчинены». В другом источнике эта же мысль приведена в следующей форме: «Авары подвластны различным князьям, из которых никто другому ниже чужой власти не подвержен. Знатнейший из оных усмей Авар», имя которого Ума-хан. В приведенных текстах источника территория Аварии в одном случае разделена на уезды, в другом — на княжества. Интересна и следующая деталь: в первом тексте уезды «под послушанием [владельца — В. Г.] не стоят, но и ему подчинены»; тогда как во втором тексте владелец Аварии представлен знатнейшим среди других князей (*Гаджиев* 1979, с. 165).

Аварское нуцальство, как уже отмечалось в литературе, в своем развитии прошло несколько этапов. Считается, что на рубеже XI-XII вв. раннефеодальный Серир распался на мелкие владения, впоследствии лишь частично воссоединившиеся в Авар-

ском нуцальстве. В «Тарих Дагестане», в основном завершенном в начале XIV в., Серир как единое целое не упоминается вовсе, а на его территории помещены союзы сельских общин. В течение продолжительного времени они успешно противостояли притязаниям правителей Аварии²², и лишь к началу XIX в. частично подчинились аварскому хану.

Материалы средневековой Аварии сохранили свидетельства о «призвании» князей. Ценное свидетельство по этому вопросу содержится в «Письме Дугри-нуцалу Аварскому от жителей одной из подвластных ему общин». Письмо датируется приблизительно временем не ранее 1646 г. и не позднее 1668 г. (**Айтберов** 1983, сс. 148-149).

Едва ли не треть документа составляют перечисления «добродетелей» нуцала: письмо отправлено от «райатов умному, совершенному, прощающему малого [человека] и уважающему большого», «прибежищу слабым», «сокровищнице для бедных», «самому справедливому владыке [малик] этого времени», «красноречивому господину владык Дагестана» и т.д. В то же время правитель Аварии назван общинниками «нашим господином султаном Дугри-ханом». В аппарате нуцала упомянуты «визирь» [это важное сообщение требует подтверждения] и «эмиры» [возможно, «удельные князья», находившиеся «в Хунзахе, при дворе Дугри-нуцала»] (**там же**, сс. 149-150).

Члены общины напомнили нуцалу о заключенному ранее договоре. «Ты дал нам обещание [быть вместе с нами] и написал [об этом] известный документ [китаб]». Причем, он был заключен при свидетелях. «Ты написал тот документ в присутствии нашего имама» [настоятель соборной мечети] и имамах еще трех населенных пунктов. Согласно договору, нуцал обязывался защищать общинников от внешних врагов и внутренних смут: «Ты направил нам — сколько был в силах — оружие и мужей, чтобы они нас охраняли» (**там же**, с. 150).

Со своей стороны, крестьяне должны были оказывать нуцалу военную поддержку и содержать его родственников, присылаемых, будто бы, для обеспечения безопасности. Однако реальная практика показала, что действительность не совпадала

с пунктами договора. Во-первых, соседние села, заключив мирное соглашение с главой аварцев, стали требовать с джамаата, к которому относились авторы письма, компенсации за прежние обиды нуцала. «Заплатите возмещение [гарамат] за овец, которых взял у нас ал-'А-б-ди, за лошадей, которых взял Амир-хан б. Абдал и за мужей, которых он убил. Если же нет, то мы будем сражаться с вами и не оставим вас [в покое]... О султан! Сейчас мы покорны тебе. Раньше мы были покорны словам твоего отца. Мы никогда не бунтовали против вас. Поэтому не оставляйте нас [одних], не отходите от нас...» (*там же*, с. 150).

Обращаясь к Дугри-нуцалу, податели письма напомнили: «Ты пообещал нам [при этом следующее]: Каждый из вас, кто проживет в нашей области [билад] будет под нашей справедливой властью [хукм] в случае совершения добрых и злых дел, убийства и нанесения [кому-либо] раны. *Каждый же [из нас], кто проживает в вашей области и вокруг вас, будет под властью ваших [курсив мой — Ф. Г.] сел [карийат] в [случае совершения] добрых и злых дел, убийства и нанесения [кому-либо] раны...*» (*там же*, сс. 150-151).

В этом же письме содержится информация об одной традиции — высылать из столицы Аварии Хунзаха родственников правителя, чтобы они не устраивали в Хунзахе смут. В письме говорится: «Сейчас... в нашем селении [находятся] отпрыски Абдала, которые не оставляют [в покое] скот [мал] в наших хлевах...» (*там же*, с. 151).

И, наконец, еще один небольшой но весьма значимый фрагмент письма: «Громадный привет... и большая [просьба о] милости [посылаются] от нас лучшему из улемов, благочестивейшему из благочестивых, самому умному, учителю разумных и передаваемых [наук], погрузившемуся в арабский и аджамский языки, знатоку обычного [расми] и шариатского права, кадию кадиев Дагестана, тому, кто возле султана как звезда возле луны — султанскому кадию Кади-Шабану» (*там же*, сс. 149-150). В связи с этим сюжетом, Айтберов напомнил, что в 1730 г. «войско хунзахцев [хунз] и их эмир поручили» Мухаммаду б. Малла-Мухаммаду, внуку Шабана Ободинского должность хунзахского кадия.

«Следовательно, в начале XVIII в. назначение хунзахского кадия было в руках джамаата и нуцала одновременно». Однако, в XVII в., судя по содержанию письма, влияние правителя Аварии на выборы кадия Хунзаха было преобладающим (*там же*, с. 152 примеч. 7).

IV. 1. 4. Казикумухское шамхальство считается крупнейшим владением средневекового Дагестана. Согласно источникам конца XVI в., «лутчие угодья, пашни и сенокосы и рыбные ловли... на Койсе на устье моря» принадлежали шамхалу. В документах той поры упоминаются «Шевкаловы земли», «Шевкаловы лутчие места» в «Казы-Кумыках». Вблизи Тарков у шамхалов было 300 дворов «пашенных людей» (**Белокуров** 1889, сс. 275, 288, 301, 404). **Алиев** (1988, с. 167) резонно предположил, что большое количество «пашенных людей» связано с большими площадями пашенных угодий шамхала.

В домен шамхала входили также летние и зимние пастбища, земли вокруг Хунзаха и в селениях Цалкита, Местерух, Куаниб, Мусшул, Текита, Тлайлух, Ках, Амишта. В нескольких селах ему принадлежали сады и пастбища (*там же*). В статье анонимного автора назван Мичикич, «который был собственным уделом шамхала» (**Шамхалы** 1868, с. 55).

Татаро-монгольское нашествие внесло коррективы в структуру хозяйства дагестанцев. В результате монгольского погрома значительная часть жителей равнины искала спасения в горных теснинах. Переселенцы принесли с собой традиции земледелия. Вместе с тем, массовый поток беженцев серьезно усложнил демографическую ситуацию в регионе. «Эти обстоятельства сыграли немаловажную роль в изменении социальной и этнической структуры аула, в возникновении новых населенных пунктов, оформившихся по чисто территориальному принципу, в некотором изменении форм земельной собственности» (**Шухсаидов** 1984, с. 367-368).

Граница от Самура до Сулака шириной от 40 до 60 км «нарушалась» только в одном случае: в районе Дербента она вплотную подходила к морю, чтобы севернее вновь отступить на десятки км. Дербент после походов татаро-монголов значительно

изменил структуру хозяйства в сторону увеличения доли скотоводства, но традиционные «связи с сельским хозяйством полностью не потерял». Во второй половине XIV в. земледельческое освоение Тарков также было уже «свершившимся фактом» — во время походов Тимура это уже сравнительно большой населенный пункт. Дербент и «залив Терхи» известны купцам Генуи [на что указывают «Коталанский атлас» 1375 г. и карты братьев Пигиани] (*там же*).

По свидетельству А. Олеария, «Главный правитель этого города Тарку и всей той местности был Сурхов-хан, господин лет 38-ми... Рядом с ним живут еще и другие мурзы, его двоюродные братья. Младший из них, сын его брата, Имам-Мирза, управлял также частью города» Тарки (*Дагестан* 1992, сс. 118-119).

В зарубежной историографии к наиболее влиятельной знати Дагестана XVI в. относили *шамхала/шевкала* из Тарков. За период правления он расширил подконтрольную ему территорию от старой столицы Кумук, располагавшейся на горной долине к северо-востоку от пика Djulti-dagh, в направлении к каспийскому побережью. В зимний период отары овец паслись на равнине вокруг Буйнака, а летом возвращались на альпийские пастбища (*Allen* 1970. PP. 36-37).

Отношения шамхала с населением, отбывавшим ему повинности, обуславливались следующими факторами:

- а) в одних селениях правом землевладельца;
- б) в других правом правителя;
- в) в-третьих, тем и другим правом вместе» (*там же*, P. 78).

Повинности крестьян не имели существенных различий, за исключением одного: «население, жившее на владельческих землях, в случае перехода от оных, должно было оставлять усадебные места свои и другие земли в распоряжении владельца, и ему же доставались земли, оставшиеся после умерших без наследников мужского пола». К ежегодным обязанностям каждого двора относились: «1) Кент-ясак [подать с имеющих баранов], *арба-агач* [доставка дров], 3) *бильха* [выставка плугов, жнецов, косцов]». Данные повинности не уплачивались «сельскими должностными лицами», нукерами, емчиками [молочны-

ми братьями] «и бедными». В итоге «только $\frac{3}{4}$ каждого селения отбывали обычные повинности; размер же их простирался вообще от 2 до 4-х рабочих дней в году от дыма, за исключением халим-бек-аульцев, ногайцев и чагаров, кои отбывали большее число дней; сверх сего, шамхал получал особый доход от обычных штрафов, налагаемых на провинившихся в преступлениях и проступках». Среди источников дохода выделим сбор, взимаемый «с провозимых через шамхальское владение товаров» (*там же*, Р. 78-79).

Согласно А. Каяеву, в 634 г. хиджры [1239-1240 гг.] «монголо-татары, сломив сопротивление, заняли Кумух, отстранили правящую династию, а правителем назначили своего ставленника, вновь с титулом шамхал» (*Гаджиев* 1989, с. 28). Каяев свои аргументы искал в неизвестном списке «Тарих-Дагестан». В опубликованных версиях этого средневекового памятника названный фрагмент отсутствует. Тем не менее, Гаджиев считал что источник, которым пользовался Каяев, заслуживает доверия, и присоединился к мнению этого автора в вопросе о смене правящей династии в Кумухе. «Новый» шамхал происходил, будто бы, из рода Чингис-хана; с этого времени в Кумухе «установилась власть татар-шамхалов». Исследователи считают возможной связь между сменой правящей династии и тем большим доверием, которым она пользовалась у монголов. Здесь же напомним рассказ летописца о походе на Тверь в 1326/7 г. «начальника шевкала» во главе большого отряда монголов. Шамхал «прогнал князя великого со двора его». Однако, горожане, крайне недовольные «насильством, граблением, и биением, и поруганием... начали избивать татар, где кого застронив, доидеже и самого шевкала убита и всех порядку». Монголы, напомним, часто использовали покоренных владельцев в своих целях, в том числе — в военных акциях против других феодалов. Как полагал Гаджиев, «такое мероприятие, какое выполнил в данном случае 'шевкал', могло быть поручено только весьма доверенному лицу» (*там же*). Кавказовед не нашел причин «не верить» сообщению «местных источников». В результате он согласился с тем, «что монголо-татары заменили своими ставленниками

правлящую в Кумухе династию. Если же признать, что этот ставленник по счету был третьим, то сами собой устраняются противоречия, казавшиеся непреодолимыми, «и прекращаются все споры, продолжавшиеся довольно продолжительное время», о дате возникновения шамхальства (**там же**, сс. 28-29).

Позднее Гаджиев подкорректировал свою трактовку летописного сообщения и высказал «два интересных предположения: в Кумухе ‘установилась власть татар-шамхалов’, причем ‘новый’ шамхал происходил из рода Чингис-хана; или же в период господства монголо-татар в равнинных районах Дагестана, ‘правитель кумыков’ мог быть возведен ими в сан шамхала» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 328; **История Дагестана** 2004, с. 245).

Бытуют и другие версии происхождения рассматриваемого социального термина. Некоторые историки полагают, что еще в период арабского господства шамхалы из рода Шахбала контролировали значительную часть Дагестана и от имени арабов собирали дань со многих сопредельных обществ. Дань, как правило, состояла из мелкого и крупного рогатого скота. В 1240 г. монголы разгромили Кумух, разрушили его столицу и уничтожили род шамхала, заменив его своим вассалом; этот род правил до XIX в. (**Шихсаидов** 1975, сс. 12, 174-175).

Первое исторически достоверное упоминание титула — в надписи на камне из сел. Худуц Дахадаевского района — относится к 1318/9 г. В данном эпиграфическом памятнике назван шамхал из Кумуха [Гумик] по имени Ах.сбар [Ахсибар]. В надписи из села Ашты того же района так же упомянут титул *шамхал*. Но имя его носителя точно не установлено: «Б.з.р.» или «Б.з.ц. шамхал» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 328).

Западноевропейские и русские авторы нередко называли данный титул. Интересное свидетельство по этому поводу в 1636 г. оставил А. Олеарий, советник голштинского посольства Крузе и Бругельмана. «В этой стране, — писал он о Дагестане, — имеются различные князья; почти в каждом городе имеется особый, а *главный* из них именуется *шемхал* [у нас звали его *шавкалом*; курсив мой — Ф. Г.]; это как бы царь между ними,

правда, — тут же добавляет Олеарий, — он... пользуется почетом и уважением, но другие князья не особенно ему повинуются и доверяют...» (*Дагестан* 1992, с. 115).

Гаджиев полагал, что шамхалы возглавляли «законодательные и совещательные органы власти, чинили суд и расправу, руководили внешней политикой, были главнокомандующими военными силами... При шамхале постоянно находилась дружина». По преувеличенным, скорее всего, данным Витсена, она состояла из «500 телохранителей» (*Гаджиев* 1989, сс. 35-36). По свидетельству Олеария, шамхал «с двумя своими братьями» встретил послов «в сопровождении 50 вооруженных всадников». *Главный шемхал* был одет в шелковый кафтан зеленого цвета «с броней, над которой... надет мохнатый черный войлочный плащ; у него были сабля, лук, стрелы как и у всех других» (*Дагестан* 1992, с. 128).

Кавказоведы обратили внимание на институт «крым-шамхалов» в Дагестане. Данным термином обозначался наследник шамхала, утверждаемый одновременно с избранием главы социума. Хронологические рамки, как и единая форма его написания, точно не установлены. С XIX в. существует версия, согласно которой основой термина является кумыкское слово *ярым* [«половина шамхала»]. Иной точки зрения придерживается большинство ученых [Б. Г. Малачиханов, Х.-М. О. Хашаев, Р. Г. Маршаев, А. Р. Шихсаидов и др.], которые в основе термина видят лакское слово *хириб* [«следующий»]. Во многих списках «Тарихи Дагестан» зафиксирована форма *grim-чирим*; в варианте, которым пользовался А. К. Бакиханов — *хириб-шамхал*; аналогичная форма указана в списке «Тарихи», найденного в с. Согода. В любом случае крымшамхалы являлись наследниками власти [главы социума] и играли важную роль в жизни общества. До «вступления в должность» крымшамхал правил в своем уделе — Бойнаке, где нередко проводил независимую от центральной власти внешнюю политику» (*Гаджиев* 1989, с. 37).

Сам шамхал назначал везира, который хотя и прислуживал «ему стоя», но в то же время возглавлял крупный, по тем вре-

менам, отряд в «3 тыс. воинов». По предположению Гаджиева, везир «мог ведать делами по внутреннему управлению, финансами и фискальством». Источник, по мнению ученого, «значительно преувеличил численность воинов, находящихся под властью везира». При этом Гаджиев признал: «Наличие у везира определенного числа войск, не говоря уже ни о чем, означало, что он в состоянии был проводить в жизнь решения шамхала и свои указания [курсив мой — Ф. Г.]» (*там же*). Если учесть другое допущение Гаджиева — о возникновении «должности везира» практически одновременно в период формирования шамхальства (*там же*, с. 38) — то, на наш взгляд, можно поставить еще один вопрос: не является ли связка шамхал — везир отражением практики бытования в раннеклассовом обществе сакральных царей и реальных глав социумов, возглавлявших армии?

Летописцы Тимура, Низам-ад-дин Шами и Шараф-ад-дин Иезди, отмечают различную титулатуру высших слоев шамхальства. Здесь «эмиры Гази-Кумуха», «хаджи и вельможи», кадии и «старшины [калантары] казикумухские и аухарские» (*Тизенгаузен* 1884, с. 186). Как полагал Гаджиев, «эмиры — это представители мусульманского духовенства. Вельможи — очевидно это — ‘лучшие люди’ русских, ‘цимирдал’ у лаков и, быть может, ‘сала уздени’ в кумыкских источниках; старшины [калантары] — местные правители» (*Гаджиев* 1989, с. 38).

Уникальное известие о Дагестане середины XIII в. сохранил историк и географ Абул-Фида. «К востоку от М.т.р.х. расположена река овец [Нахр ал-ганам], на которой стоит страна Серир... Это река большая, она замерзает зимой, и по ней переходят тогда животные. Река впадает в хазарское море». Под «рекой овец», по мнению Шихсаидова, понимается Сулак. Само название «река овец» и сообщение о переходе через нее «животных», в том числе овец, свидетельствуют о контактах горцев с жителями равнины (*Шихсаидов* 1975, с. 42; *История Дагестана* 2004, сс. 235-236).

В местных источниках в описаниях золотоордынского периода содержится рассказ о сестре Кумухского шамхала [одна

из жен уцмия Султан-Мухаммада и мать уцмия Султан-Алибека]. Термин *шамхал* фигурирует в надписи из с. Ашты, датированной приблизительно: «вскоре после перехода Зирихгерана в ислам [т.е. около 1405 г.]». Эта надпись указывает на наличие шамхала в Кумухе не позднее конца XIII в. Но прочность позиций шамхала в данном социуме в указанное время не следует преувеличивать. Так, надпись 1318 г. из с. Худуц показывает: власть шамхала была серьезно ограничена «старшинами» и «знатными домами». По сути, «они распоряжались владениями Гумика [вплоть до передачи доходов с зависимого аула Худуц общине Ан.дж.б.к. — видимо, зирихгеранского с. Анчибачи]». Таким образом, олигархическое правление в Гумике, имевшее весьма давние традиции²³, сохранилось и в XIV в. (*Криштопа* 2007, с. 86).

В ходе уже упоминавшейся феодальной войны начала XIV в. были захвачены Кумух и крепость над ним. При обороне последней погибли 70 добровольцев-смертников²⁴. Войска коалиции разгромили Кумух, уцелевшие члены местной знати [«амиры Гумика, что из потомков Хамзы и Аббаса»] бежали. Конфликт, начавшийся как типичная междоусобица, после вовлечения в него шамхала Кумуха и нуцала Аварии перерос в феодальную войну. В ней участвовали «все основные княжества Внутреннего и Внешнего Дагестана». В конечном итоге Кумух был разгромлен, Авария истощена. Кайтаг же, не участвовавший в войне в наиболее ожесточенный ее период, пострадал меньше всех, «что и определило его дальнейшую политику и выдающееся положение в системе дагестанских политических единиц XIV в.» (*там же*, с. 113).

Что касается Кумуха, то в нем какое-то время отсутствовал шамхал. Об этом сообщается в пользующейся «славой» недоверенного источника начальной части «Кайтахской рукописи I». Не содержит никаких следов шамхала историческая песня «Бурхай — Изажа». Получателями выкупа в ней названы «старейшины» и «кумухские магалы», хотя сделка с ордынцами имела далеко не внутрисельский характер. Согласно анализу Криштопа события, послужившие основой этой песни, «с наибольшей вероятностью могут быть отнесены к периоду отно-

сительного благополучия Орды, то есть от времени усиления Узбек-хана на Кавказе [20-е годы XIV в.] до 1360 г.». Это позволило несколько иначе трактовать слова в заключительном сюжете «Тарих-Дагестан»: когда после разгрома Кумуха «амиры Гумика, что из потомков Хамзы и Аббаса, рассеялись по частям света, по окраинам вилайатов... Гумик был взят руками недостойных по происхождению» — допустимо прочтение последней фразы как «Гумик попал в руки [буквально: «задержался руками»] недостойных по происхождению». Вполне вероятно, что речь идет о старшинах, которые [в отличие от шамхалов] не происходили от «дядей пророка», а были лишь выделившейся верхушкой общинников. В конечном итоге Криштопа пришел к выводу о том, что источники указывают «либо на крайнюю слабость, либо просто-напросто на отсутствие шамхальской власти, о которой до самой весны 1396 г. нет никаких достоверных упоминаний» (*там же*, сс. 150-151). Не менее интересно и другое утверждение историка: «явные признаки упадка Кумуха после его разгрома в 1318 г.» и переход контроля над южным отрезком «великого пути через горы» от шамхалов к уцмиям — указывают на новый расклад сил в данном регионе (*там же*, с. 151).

Однако вскоре [в том же XIV в.] владельцы Кумуха смогли восстановить былое могущество. Многие земли «вносили харадж шамхалу и его наследнику [крым-шамхалу]». В XIV-XV вв. Кумухское [или Газикумухское] шамхальство представляло собой «сильнейшее в Дагестане политэтническое государство. В его состав входили как собственно лакские, так и часть лезгинских, агульских, даргинских, аварских и кумыкских земель. Местная хроника в сюжете о событиях конца XV в. шамхала называет «вали Дагестана» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 326-327; *История Дагестана...* 2004, сс. 243-245).

Во время вторжения в горные районы [1396 г.] Тимур столкнулся с шамхалом, возглавившим войска Газикумука и Аухара. После гибели шамхала знать изменила тактику, «поддержала завоевателя, получив за это в качестве поощрения подарки и земельные участки» (*История Дагестана...* 2004, с. 244).

Особый интерес вызывает сообщение русской летописи о гибели ханского посла «Шевкала» во время восстания в Твери в 1327 г. По этому поводу высказано два вероятных, но не бесспорных, предположения: 1) в Кумухе «установилась власть татар-шамхалов, причем, 'новый' шамхал происходил из рода Чингис-хана; 2) в период господства монголо-татар в равнинных районах Дагестана 'правитель кумыков' мог быть возведен ими в сан шамхала» (*там же*, с. 245).

На сегодняшний день первым исторически достоверным сообщением об этом титуле считается арабская надпись 1318/1319 г. на камне из с. Худуц с упоминанием шамхала из Кумуха [Гумик] по имени «Ах. сбар [Ахсибар?]». Из с. Ашты этого же района происходит не датированная надпись, *возможно*, содержащая интересующий нас термин. Уверенно она не читается: это либо Б.з.р, либо Б.з.ц.-шамхал. По палеографическим особенностям надпись датируется XIV в. Административным, торгово-экономическим и культурным центром Газикумухского шамхальства было с. Кумух [Газикумух]. Имеющиеся материалы позволяют предположить одновременное [по меньшей мере — со второй половины XIV в.] бытование названий *Газикумик* [Газикумук] и *Гумик* [Кумух] (*там же*, с. 245; *Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 328-329).

В «золотоордынский» период Казикумухский шамхал являлся одним из крупных земельных собственников. Огромную роль в укреплении власти «дома» шамхалов играла военно-служилая знать. Скорее всего, именно к ним относятся слова авторов того периода об «эмирах газикумухов». Так, историограф Тимура, Низамаддин Шами, сообщает о появлении в ставке Тимура *эмиров газикумухов*; с ними же пришли *ходжи и вельможи*. Другой историограф, Шафараддин Йезди, уточнил: «В это время пришли старшины [калантары] казикумухские и аухарские вместе с тамошними кадиями и вельможами [акабир]» (*История Дагестана...* 2004, с. 248).

Эпиграфические данные из сел. Худуц, особенно знаменитая надпись на крупном речном камне, вставленном в стену минарета, дают очень важный материал о состоянии одного из

социумов Северо-Восточного Кавказа. По справедливому замечанию дагестанских историков, надпись из села Худуц — «один из самых ценных эпиграфических памятников, открытых за последнее время». Она «поднимает завесу над рядом вопросов социально-экономической жизни... территорий, расположенных севернее верховий Улучая». К таковым относятся: формы земельной собственности; роль сельской общины [«как верховного собственника»? — Ф. Г.] в перераспределении земельного фонда; характер власти; роль отдельных тухумов в социально-экономической жизни села или крупных сельских общин; социальная терминология; и др. (**Шихсаидов** 1984, сс. 82-83). Учитывая важное значение названного памятника, приведем его полностью»:

<p>«1) Во имя Аллаха, милостивого, милосердного. Аллах един, не призывайте с Аллахом никого [Коран, XXII, 18]. Этот камень написан по случаю отдачи жителями ал-Гумика селения, называемого</p>	<p>5) Мусса, Лукман, К.ба; из жителей Риджа-Халифа, Будалай и С.р.т. (вар.: Х.б.р.т.). Записал Аййуб, сын Мазиды. [После этого не ос — тается] ни тягбы, ни претензий. Дийа жителей Ан.дж.б.к. — дийа Гумика [чтобы] были</p>
<p>2) Худиц. Пришел некий житель Ан. дж.б.к. [по имени] К.б.с. (Къу — бас) и [вместе с ним] Мусса, К.ба и Лукман в Гумик. После этого призвали [они] Аййуба и кади ар Риджа (ричинский кади) Халифа, И пришли они [все вместе]</p>	<p>6) радости и несчастья общими, как у братьев (в тексте: подобно бра — ту). И отдал [и] селение Худиц, достояние [хозяйство — марафик] их (т.е. жителей Худица), пашни их, горы их, пастбища их, и все, что связано с пределами селения Худица. Было отдано [все указанное]</p>
<p>3) в Гумик. Жители Гумика собрались на месте сбора и [решили] все они отдать селение Худиц с согласия жителей Гумика. Этот текст [был] написан в присутствии</p>	<p>7) жителям Андж.б.к. [Всем остальным], кроме его жителей, нет [ничего] из этого, [иначе как] с разрешения жителей Ан.дж.б.к. В году семьсот восемнадцатом хиджры пророка — да благословит его Аллах и приветствует. Написал этот камень К.б.с. — да помилует Аллах его,</p>

<p>4) шамхала Ах.сбара и старшин (кубара) их (т.е. жителей Гуми — ка). Эту запись засвидетельство — вали своими подписями (расм — знак): дом (байт) Малиджа, дом Б.г.тара (Багъутар), дом Али Чупана, дом Б.з.хуса; из жите — лей [селения] Ан.дж.б.к. — К.б.с. (Къубас),</p>	<p>8) его родителей и всех мусульман» (Шихсаидов 1984, сс. 85-86).</p>
---	--

Данный эпиграфический памятник приводит топонимическую номенклатуру, представляющую несомненный интерес. Названия местностей и аулов зафиксированы в момент завершения работы над вышеприведенной надписью — «Из сел той эпохи упоминаются Гумик, Худиц, Ан.дж.б.к., Риджа. Из них Ан.дж.б.к.» — заброшенное поселение Анчибачи близ Кубачи. Последнее, по словам старожилов, «образовалось в процессе слияния 7 пунктов, среди которых называют и Анчибачила». В тексте встречаются имена, как местные [не мусульманские], так и мусульманские. Историки обратили внимание на название домов [возможно, тухумов] — дом [байт] Малиджа, дом Багъатара, дом Али Чупана, дом Б. с. хуса. Из титулов встречены три: «кубара [ед. ч. — кабир], что можно понимать в смысле сельских старшин; кади — в данном случае кади сел. Рича; шамхал — это самое раннее датированное упоминание гумикского правителя, шамхала, причем, термин дан не в 'традиционной' форме, т.е. с намеком на Шам [Сирию]». Шамхал по имени Ах. с. бар до недавних пор не был известен (*там же*, с. 87). В хронологии кумухских шамхалов рассматриваемое имя вроде бы должно стоять вторым после выявленного Лавровым.

Хроника из Худуца, датированная 718/1318-1319 г., представляет ценный материал по истории политических и аграрных отношений Центрального Дагестана. В ней прослеживается становление зависимых отношений в группе селений Кумуха. Община предстает как внушительная политическая сила. С согласия шамхала и старшин [кабиры] они «отдают... само селение, их пахотные и пастбищные участки. Предоставление земельных участков или пастбищ в условное владение или же в аренду, оказание покровительства более слабым селам становится од-

ним из путей дальнейшего укрепления феодальных отношений в районах Дагестана» (*там же*, с. 88).

О взаимоотношениях власти и членов джамаата можно судить по более позднему документу — «Соглашению жителей казикумухского села Унчукатль», принятого не позднее XVII в. (*Айтберов* 1983, сс. 156-159). Ряд его положений указывает на продолжавшуюся борьбу крестьян за сохранение некоторых черт былой свободы. Приведем несколько пунктов из названного документа:

«Это — то, о чем договорился джамаат Унчукатля.

— Если кто-либо из наших эмиров загубит или захватит скот [мал] кого-либо из жителей [ахл] селения [карйат], то жители селения *обязаны силой взять у эмира* [здесь и далее курсив мой —Ф. Г.] стоимость скота...

— Они договорились также не продавать эмирам свою недвижимость [акар], свои поля [зар] и свои дома [байт]; если же кто-либо продаст, то на него [будет наложен] штраф [фидйат] один бык, а [проданное возвращено].

— Если между эмирами и жителями селения Унчукатль произойдет бой и кто-либо [из унчукатлинцев] не побежит на зов о помощи, то на него — кровь быка.

— Если кто-либо убьет или ранит кого-либо из эмиров или их рабов [абд], то откуп [даман] и дийат [ложится] на жителей селения.

— Если эмир убьет кого-либо из жителей селения, то те не будут разговаривать с убийцей и давать ему ссуды [нарат] пока его не простят.

— Если кто-либо нарушит этот договор, то его мулк и усадьба [перейдут] жителям селения.

— Если кто-либо скажет хотя бы полслова в пользу эмиров, то на него [будет наложен] штраф — один бык.

— Если кто-либо донесет эмирам на старейшин [акбар] или на [других] жителей селения, то на него — штраф — один бык»; и т.д. (*Айтберов* 1983, с. 156-157).

IV. 1. 5. Мехтулинское ханство. «По преданию, свежо сохранившемся в народе», ханство образовалось примерно в

последней трети XVII в. Основателю общества Мехти «народ добровольно [курсив мой — Ф. Г.] отдался под управление»²⁵ (*Мехтулинские* 1869, с. 1).

Мехти происходил из правящего дома Казикумуха. По какому-то «неудовольствиям с тамошним ханом, удалившись из Кумуха», Мехти стал попеременно проживать в разных аулах. Причем, все они находились вблизи поселений, составивших «впоследствии Мехтулинское ханство». Не последнюю роль в возвышении Мехти сыграла его репутация человека, способного «удерживать принятое им под свое *покровительство* [курсив мой — Ф. Г.] население от внутренних неурядиц и ограждать от набегов соседей. На этой молве Кара-Мехти *приглашен* был сперва аймакинцами, а потом оглинцами, чтобы он принял их под свое *покровительство* [курсив мой — Ф. Г.]. Примеру названных поселений последовали жители еще 11 аулов. За короткое время Кара-Мехти «приобрел над всем отдавшимся ему народом *власть правителя и военачальника* [курсив мой — Ф. Г.]» (*там же*, с. 2).

В первые годы правления «призванного хана» Мехти «все потребное на продовольствие его и *находившихся при нем людей* [курсив мой — Ф. Г.] жители доставляли, по мере надобности, разновременными добровольными сборами между собой». А когда «годовые потребности на содержание правителя... сделались известны, тогда часть селений распределила между собой удовлетворение нужд правителя в виде определенных повинностей, а другие селения, менее достаточные, остались при одной обязанности выставлять по приказанию правителя вооруженных людей» (*там же*). Вместе с тем население социума предоставило Мехти в *пользование* «участки общественных земель и пастбищных гор».

Призвание тем или иным социумом какого-либо могущественного лица «для защиты» считается одним из вариантов формирования земельной собственности феодалов Дагестана. Некоторые кавказоведы полагают, что такая «защита» приводила к потере общинниками земли, т.к. она «переходила к 'покровителю'». Крестьяне, якобы, даже теряли «право ух-

дить из своих аулов», т.к. «были прикреплены к земле» (**Гаджиев** 1988, с. 160).

В устной традиции сохранился рассказ о *приглашении* курахцами казикумухского хана Сурхая в качестве главы социума. Сурхай явился в аул, но большинство жителей отказались подчиниться ему, посчитав «его *нехрабрым* и поэтому *неспособным защитить* [курсив мой — Ф. Г.] подданных». Тогда Сурхай вместе с 200 воинами вторично явился в Курах и при помощи своей дружины «утвердил свое господство над здешними жителями». На местном кладбище сохранились могилы потомков Сурхая I (**Лавров** 1982, сс. 157, 159).

На наш взгляд, данная схема формирования крупного землевладения [вотчины] упрощена. Само по себе призвание князя с дружиной не делает его феодалом²⁶. Напомним, как в 1065 г. дербентцы изгнали эмира Абдалмалика. В 1070 г. «народ ал-Баба *снова* призвал эмира Абдалмалика из Хайдака; его привезли в город [баллад], *вручили ему власть*, и он *стал сражаться* [курсив мой — Ф. Г.] с ширванцами». Но спустя 5 лет, когда внешняя угроза перестала быть актуальной, жители вновь «изгнали Абдалмалика». Как отмечают дагестанские историки, «народ ал-Баба, вместе с *раисами* [главы торгово-ремесленных гильдий, носители реальной политической и экономической власти] Дербента «неоднократно изгоняли одного эмира и приглашали другого, демонстрируя тем самым свою независимость» (**История Дагестана** 2004, сс. 197-198, 217, 365).

Словно-поземельная комиссия отмечала, что Мехтулинские ханы «для обеспечения своих родственников — беков в материальном отношении давали им свободные земельные участки, кутаны и ятаги и населенные земли, с которых беки могли получать следовавшие прежде в пользу владельцев доходы и повинности» (**Алиев** 1980, с. 33).

III. 1. 6. Табасаран. С начала XIII в. и вплоть до второй половины XV в. в источниках нет сведений о Табасаране. Принято считать, что в данных временных приделах названный социум не был самостоятельным обществом. Но к середине XV в. Табасаран восстановил былую мощь. Согласно «Завещанию Анду-

ника», данное владение могло выставить 60-тысячное войско. В XV в. в источниках появляются важные сведения о Табасаране. Так, в «Джахан наме» о нем говорится, как об укрепленном замке, «в районе которого живет 40000 семейств» (**Шихсаидов** 1984, сс. 247-248).

В XIV-XV вв. прибрежная полоса, судя по источникам, оказалась под властью казикумухских и кайтагских феодалов. Основное ядро проживавших здесь кумыков сложилось к XIII в., а в XIV-XV вв. «устанавливается экономическая, политическая и языковая общность на территории Кумыкской равнины». Хотя, по мнению ряда авторов, в золотоордынский период своего государства у кумыков не сложилось (**там же**, с. 248).

Некоторые дагестанские ученые генезис феодальных отношений рассматривают исходя из признания двух возможных путей их становления. В одном случае, процесс феодализации «полностью опирается на внутреннее развитие общества; в другом внешние факторы, в частности, политика стран, уже ставших на путь феодального развития, оказали огромное влияние на ход социального развития. В Дагестане имели место оба фактора, но в обоих случаях переход дагестанского общества²⁷ к феодальному способу производства был, в определяющем, следствием внутреннего развития общественного строя» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 269).

По мнению чиновников сословно-поземельного комитета, *самая главная причина*, «вредившая промышленному развитию кумыкского населения, крылась в существовавшем у кумыков порядке землевладения». «В старое время» они пользовались землей «на праве общинного владения». Обширные просторы «Кумыкской плоскости», относительно малая численность населения равнины оставляли невостребованной значительную часть угодий. Следствием этого стало «отсутствие ценности на землю». Поэтому никто не помышлял «искать личного владения землей, как собственностью». Со временем, отмечал П. А. Гаврилов, большинство удобной для сельскохозяйственных занятий земли, стало собственностью «владельцев» и базой сословного разделения общества. Крестьяне сохраняли личную свободу,

выражавшуюся в праве перехода «от одного владельца к другому, но, однако не иначе, как *оставляя* свою *усадебную оседлость* [курсив мой — Ф. Г.], по установившемуся обычаю, в собственность владельцу» (**Гаврилов** 1869, с. 39).

Диаметрально противоположного взгляда на время возникновения *частной* собственности на землю придерживались советские историки. В раннем становлении *частной собственности на пахотные участки* «нужно искать своеобразие путей развития собственности [курсив мой — Ф. Г.] в горных районах Аварии и здесь же заключено различие путей генезиса феодализма в горах и на равнине. И, наконец, раннее становление частной собственности рядовых общинников на пахотные земли, по сути, является основной причиной незрелости феодальных отношений в горах, ибо этот факт, — с точки зрения М. А. Агларова, — оказал... огромное противодействие утверждению классических форм феодализма в горах» (**Агларов** 1964, с. 189).

Аналогичную идею высказал Шихсаидов. По его мнению, еще в период арабо-хазарских войн большая часть земель «не расплылась и становилась государственной собственностью. Часть же земель поступала или же оставалась в собственности отдельных лиц. Эти земли назывались мульками». Позднее появилась новая форма — *икт* — условное держание за службу. К характерным особенностям «усиливающегося процесса феодального развития Дагестана в XI-XV вв.» относились: рост феодальной собственности, централизация политической и экономической власти феодалов в одних владениях, и альтернативный «процесс феодальной раздробленности и политической децентрализации — в других». К первым относились Казикумух, Авария, Кайтаг, Дербент (**Шихсаидов** 1969, сс. 111-112, 124, 132).

Судя по письменным источникам, в земельные владения [вотчины?] райсов Дербента входили пахотные и пастбищные участки за пределами города; «их поместья находились близ Дербента к югу о Самура». В результате похода 1064 г. «в земли лазов» райсы Дербента на какое-то время «захватили все поместья Маската и междуречья». В середине XI в. самым богатым

жителем Дербента являлся *раис раисов* Муфарридж ибн-Музаффар, «владевший на правах собственности несколькими селениями» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 273-274; *История Дагестана* 2004, с. 217).

В целом, А. С. Гаджиев указывает следующие варианты возникновения вотчин в Дагестане:

«раздача земель родственникам феодального правителя в качестве феода;

раздача земель в качестве феода не родственникам, представителям военного сословия;

поселение в новой местности на основе исполнения феодальных повинностей к отдельным феодалам».

К «формам феодализации» отнесены также приглашение обществом правителя-защитника со стороны, феодализация сельской верхушки и высших духовных лиц (*Гаджиев А. С.* 1988, с. 165).

Здесь же напомним, что общественные земли не делились между беками. «Населенные раятами земли всегда оставались за ними». Земельный передел проводился из расчета не количества дворов, а из степени обеспеченности рабочим скотом. Последний фактор не был постоянной величиной, соответственно менялся и размер надела, «которым пользовались поселяне, отбывавшие повинности известному беку». Причем, беки крестьян рассматривали не как арендаторов, а как подвластных, с которых взимались подати (*Алиев* 1980, с. 32).

Итак, в «аристократических» обществах горцев Северо-Восточного Кавказа первоначально сформировался княжеский домен. И лишь затем возникла вотчина, вероятно, не без влияния самого государства. Утверждение господской вотчины стало показателем победы собственно феодальных методов эксплуатации.

Выше мы уже отмечали, что, по мнению ряда ученых Дагестана, к числу наиболее значимых факторов развития феодализма в регионе являлись изменения в сфере земельной собственности еще в предмонгольский период²⁸. Согласно этой точке зрения, к середине XIII в. основными формами землевладения стали: земли феодалов, государственные, вакуфные

и общественные земли, мульки. Отмечается противоречивая тенденция роста владений не только знати, но и крестьян. «Прослеживается усиление и увеличение мульков крестьянского типа, зачастую за счет феодальной собственности. Это, — подчеркивают дагестанские исследователи, — отражение процесса децентрализации, иногда дефеодализации, усиления сельских общин и союзов сельских общин» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 271).

Относительно мульков бытует версия об их одновременном существовании, как у феодалов, так и крестьян. В раннем средневековье в Дагестане данным термином «назывались все частнособственнические земли независимо от их величины и статуса». Следует учитывать еще одно обстоятельство: при характеристике форм землевладения нередко употребляют термин *дийа* [ед. ч. «дайа»²⁹]. Его смысловая нагрузка обширна; в самом широком значении — это мульк (**там же**). Термин *дийа* часто встречается в арабских источниках в сюжетах о Дагестане предмонгольского периода. Еще Ибн-Рустэ, рассказывая о Северо-Восточном Кавказе, писал: в Серире жители «20 тысяч долин... имеют там свои *дийа* [курсив мой — Ф. Г.] и селения [кура]» (**Минорский** 1963, с. 219). Это сообщение относится к рубежу IX-X вв. Два века позже Йакут отметил, что «у жителей Лакза, многочисленного народа, имеются возделываемые *дийа* [дийа амира]» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 271). Поместья социальной элиты Дербента, как и пахотные участки рядовых горожан и жителей городских предместий также обозначались общим термином *дийа* (**Минорский** 1963, сс. 47, 53, 57, 62, 64, 126, 157-158).

Его функции достаточно широки; им обозначались и земельные владения знати, и участки рядовых жителей Дагестана X-XIII вв. «Поэтому применительно к истории земельных отношений термин *дийа* нельзя передавать во всех случаях словом *поместье* [как это иногда делается в исторической литературе]»³⁰ (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 271).

Один из каналов возникновения новых вотчин в Дагестане связан с инициативой феодалов. П. А. Гаврилов, со ссылкой

на «народные предания», основание многих кумыкских сел на равнине связал с инициативой сына шамхала Тарковского, Султан-Мута³¹. Во второй половине XVI в. он получил удел из владений шамхалов и поселился на равнине. Управляя кумыками, он, якобы, «руководил заселением пришельцами остававшихся пустопорожними земель Кумыкской плоскости». Наследники Султан-Мута, разделившись со временем «на несколько отдельных княжеских родов», также управляли населением равнины (*Гаврилов* 1869, с. 38).

На примере из более поздних времен прослеживается еще одна форма земельных владений феодалов Северо-Восточного Кавказа. В конце XVII в. шамхал Тарковский Мехти основал Шамхалянгиурт. Поселение возникло на правом берегу Сулака, вдоль которого проходила «главная дорога из Дагестана на Кавказскую линию», совершенно безлюдная и поэтому небезопасная для проезжавших. Шамхал «приказал своему рабу Танаю основать на правом берегу Сулака новую деревню из бедных и нуждающихся в земле жителей соседних деревень». Поселившиеся на новом месте крестьяне, по сути, стали феодально зависимыми и выплачивали продуктовую ренту, а также отработывали на земле бека два дня: в период пахоты и жатвы [либо в сенокос] (*Гаджиев* 1988, с. 162).

Некоторые кавказоведы, следуя буквально за текстом источника, считают возможным возникновение вотчины или домена путем физического захвата чужих территорий. Так, примерно в середине II-го тысячелетия, воспользовавшись ослаблением Грузии, воины внутреннего Дагестана во главе с «князем» Амир-Чупаном завоевали западную часть современного Дагестана. В походе приняли участие братья Султан-Амад и Али-бек, а также потомок шамхалов Мирза-бек. Первые в качестве уделов получили поселения Айул и Дамалда, а Мирза-бек — Кидиб. Покоренное население было обложено джизьей и хараджем. Ежегодно каждый двор уплачивал:

1. По три кайла зерна, 2 кайла ржи, 1 кайлу ячменя в аварских кайлах, а сверх того по 3 дня работы.

2. С каждых 20 овец — одну.
3. С каждых 10 дворов — одну яловую корову.
4. При выдаче дочери замуж — овцу и ягненка.
5. За разрешение поселиться в ауле — корову с приплодом.
6. С каждого селения — 6 лисиц.
7. Мульк каждого умершего крестьянина, не имевшего отца,

братьев, сыновей, переходил в руки владельца аула. Без его разрешения никто не имел права продавать свою недвижимость [акар]. В его же пользу взимались различные штрафы; и т.д.

Харадж взимался в течение 7 лет, с восьмого года выплаты прекращались (**Айтберов** 1978, сс. 66-67).

Ко второму из вышеупомянутых братьев, Али-беку, в качестве мулька отошли «три горы».

Недовольные развитием событий, восстали жители Дамалды. В ходе столкновений погиб Султан-Ахмад. Али-бек жестоко подавил выступление, убив «шестьдесят именитых людей» (**там же**, сс. 65-66).

Опираясь на рассмотренные сюжеты анонима из Урады, некоторые исследователи пришли к выводу о том, что «князь» *на правах завоевателя* считался *верховным собственником всей земли*. Однако, реально его собственностью являлись три горных пастбища и, возможно, несколько покосов и пашенных участков. Остальная земля находилась в наследственном подымном держании крестьян, обладавших большими правами на них. Сословная неполноправность и «повинности [частично?], видимо, существовали еще до... завоевания» (**там же**, с. 67).

В рассматриваемый период на Северо-Восточном Кавказе оформились различные виды собственности феодальных образований Дагестана, как и в других аналогичных средневековых обществах, собственность и власть находились в прямо пропорциональной зависимости.

В Дагестане одной из форм феодальной собственности стало частнофеодальное [бекское] землевладение. Длительное время оно являлось основным видом феодального землевладения в регионе. Ее генезис и параллельное становление сословия беков³² отдельные историки сравнивают с процессом формиро-

вания собственности и статуса славянских дружинников. На дагестанском материале эти проблемы анализировал Ковалевский: «Временное и личное отличие, вызываемое службой, со временем... приобретает характер постоянной сословной привилегии... ханы и султаны наделяют их [дружинников — Ф. Г.] правом обращать в свою пользу все натуральные и денежные поступления с крестьян известного округа. На первых порах это право всецело связано со службой [и] прекращается вместе с ней». Однако со временем, когда служба становится пожизненной, и наследственной, то и право на крестьянские повинности и сборы приобретает характер «наследственного пользования и, по сути, ничем не отличается от собственности» (**Ковалевский** 1890, т. I, с. 230).

В рассматриваемом регионе только чистокровные дети владельцев, *беки*, пользовались «преимущественными правами на занятие различных административных должностей и, в том числе, по управлению теми или другими районами данного владения или отдельными селениями» (**Линден** 1916, с. 286).

Таким образом, основная масса беков формировалась из членов семей правителей, от которых они получали наследство, тем самым превращаясь в феодальных землевладельцев, находившихся «в вассальных отношениях к своему сюзерену [хану]. Все дети феодальных правителей, рожденные от равного брака, считались беками» (**Алиев** 1980, с. 29).

Со временем, беки стали самой многочисленной сословной группой среди знати Дагестана. Такое положение сохранялось в Аварии, Казикумухе, Табасаране, и ряде других населенных пунктов. Так, земли Терекеме после заселения «обратились в собственность уцмий и стали затем делиться между его наследниками беками». Беки Табасарана также получали земельные угодья, заселенные раятами. Изучив собранные материалы, чиновники сословно-поземельных комитетов констатировали: в прошлом «шамхалы и ханы Мехтулинские для обеспечения своих родственников — беков в материальном отношении давали им свободные земельные участки, кутаны и ятаги и населенные земли, с которых беки могли получать следовавшие прежде в

пользу владельцев доходы и повинности» (*там же*, с. 33). В архивных источниках приводятся примеры передачи земель бекам по *назру*³³.

Наделенные феодальными владельцами определенной территорией, беки вместе с тем получали право не только на *управление*, но и на взимание с населения, жившего на этой территории, податей и повинностей, ранее взимаемых феодалами, сюзеренами беков. В данном случае имела место своего рода передача или пожалование бекам «права сбора кормлений и податей». Алиев считает, что такая практика представляла собой перенос «с государства в лице феодального правителя, как *верховного собственника земли* [курсив мой Ф. Г.], на бека, как феодала, сеньориальной ренты». Причем, доходы, как и управление населенным пунктом, бекам передавались наследственно, пожизненно или на определенный срок. В первом случае в контроле над населенными пунктами и доходами «беки были также неограниченны, как уцмий, майсум и кадий» и другие феодалы (*там же*, с. 46).

В более ранний период «пожалование для *управления* бекам земель и доходов с них являлось основным видом пожалований». В этом случае «*подати и повинности вытекали не из ренты на землю*», ибо передавалась не сама земля, а управление ею, исполнение «*беками административных функций* [курсив мой — Ф. Г.]» (*там же*, с. 47).

Получив по *наследству* или *дару* земли, беки фактически становились собственниками угодий. Вместе с землей передавались и феодальные права. Беки владели полученными угодьями на правах частных собственников, и поэтому могли завещать, продавать и поступать со своей собственностью как угодно (*там же*, с. 36). Некоторые беки владели несколькими населенными пунктами. Например, один из них, судя по документам, «имел под владением 16 деревень» (*там же*, с. 40).

«К XV-XVI вв., — писал о горном Дагестане Хашаев, — существовали ханы, беки и другие владельцы, имевшие большие участки горных пастбищ, приносивших им доходы в виде продуктов животноводства. Они имели также пахотные зем-

ли, а для их обработки — крепостных крестьян — бывших наделенных землями» (*Хашаев* 1961, сс. 126-127). Выявлены свидетельства существования в различных обществах Аварии феодальных фамилий, которым принадлежали «лучшие земли, притом больших размеров». На продолжении длительного времени жители этих сел «отбывали трехдневную барщину и платили своим феодалам подати» (*Алиев* 1980, сс. 40-41).

Крупные земельные владения имели и беки Казикумуха. Лакские беки также как и аварские, «являлись детьми, братьями, племянниками правителей, и как последние, они» владели пастбищами, раятами и лагами (*там же*, с. 43).

Подведем предварительные итоги. В социальной структуре ряда дагестанских социумов в XIII-XV вв. достаточно четко прослеживаются основные классы феодального общества. К высшим сословиям относились «правители», их близкие потомки [беки], чанки, военно-служилая знать, представители духовенства и некоторых сельских общин. Крупные феодалы [шамхалы Казикумуха, нуцалы Аварии, уцмии Кайтага, майсумы и кадии Табасарана, эмиры и султаны Дербента, беки и султаны Цахура] владели пахотными и пастбищными угодьями. «Тарих Дагестан» перечисляет подати [харадж], поступавшие казикумухскому шамхалу от многочисленных сел и обществ, в том числе от ряда аварских, даргинских и лезгинских. Регламентированный налог [преимущественно с пастбищ] взимался ежегодно. Вслед за шамхалом на сословной лестнице Казикумуха располагался его наследник, «крым-шамхал». Весомую роль в становлении власти шамхала играла военно-служилая знать. По всей видимости, к ним относятся слова средневекового автора об «эмирах казикумухов». Один из летописцев Тимура, Низам ад-дин Шами, сообщает о приходе к грозному завоевателю «эмиров казикумухов, ходжей и вельмож». Другой историограф Тимура, Шараф ад-дин Йезди, уточнил: «в это время пришли старшины [калантары] казикумухские и аухарские вместе с тамошними кадиями и вельможами [акабир]» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, сс. 330-331).

В данном случае *эмирами* названы представители шамхальского дома, возглавлявшие отдельные отряды воинов. После шамхала и крым-шамхала это наиболее влиятельная и самостоятельная часть знати. Представители духовенства названы «казиями» или «ходжи», а «вельможи» — это, скорее всего, представители богатой сельской верхушки. К старшинам или старостам обычно применялось слово «калантар». Но в данном конкретном случае такой перевод — не самая точная передача значения термина. У Йезди *калантар* соответствует *эмирам* [«предводителям отдельных отрядов»] у Шами всего социума. Поэтому под калантарами резоннее понимать представителей военно-служилой знати (**там же**, с. 331).

Крупными земельными участками распоряжались уцмии, правители Кайтага. По мнению некоторых исследователей, уцмии, будто бы, «сосредоточили в своих руках *верховную* [курсив мой — Ф. Г.] *собственность на землю*». Однако этот тезис документально не подтверждается. Как не подтверждается и признание наследственной власти уцмия, передававшего свои функции старшему в роде; последнее не всегда соблюдалось. Беки, члены уцмийского дома, «также располагали значительными земельными массивами». Например, сын уцмия Ахмедхана, Ахмед-бек, был обладателем «имущества, мульков, земель», имел «слуг [хадама] и рабов [абид]». Земельный фонд беков нередко формировался за счет покупки и дарений. Сын уцмия Альча в конце XIV в. получил от ширваншаха «на содержание махалл Акдаш вилайата Ширван, исключая только селения Вардан, Йакублу и Сукутлу, которые и раньше... были в его распоряжении. Эмир... поселился в селении Салар-арди... Он купил еще раньше его земли и строения от его владельцев... Все это он купил законным путем» (**там же**, с. 331). На рубеже XIV-XV вв. сын уцмия Мухаммед-бек получил «в управление... Ахты, Докузпара, Мискинджи, Микрах, Кура» и др. земли ширваншаха. Данный случай не может считаться примером владения частной собственностью, ибо в документе прямо говорится: *получил в управление*.

Примечания

¹ Значения некоторых титулов знати пытались выяснить чиновники сословно-поземельных комитетов. Так, социальный термин *нуцал* — это «древний титул владетелей Аварии. Нуцалами назывались также и все члены фамилии». В период арабо-хазарских войн «только в Аварии были наследственные владетели, называвшиеся нуцалами; им подчинялась большая часть... Дагестана». Основателем династии правителей Кайтага, согласно версии членов сословных комитетов, являлся *Эмир Хамзу*, происходивший из курейшитов; «он основал в бывшем кайтахском селении Ургмудза крепость, названную *Кала-Корейш*, и принял титул *Исмей* [что значит по арабски *именитый*], превратившийся впоследствии в *Уцми*, *Уцмий*». Правителем *Казикумуха* «поставлен *Шах-Бааль*, от имени которого, как полагают, выработался титул *шамхал*»; ему подчинялась значительная часть северного Дагестана, почему он пользовался званием *Вали* [наместник]. Позднее «званием шамхала пользовались одновременно по несколько человек, происходящих из этой фамилии. Из *Казикумуха* последний шамхал *Сурхай-Мирза* в 1640 году перешел в Бойнак. До нашего времени (XIX в. — Ф.Г.) звание шамхала сохранилось только за бывшим владетелем тарковским, возведенном в княжеское достоинство» (**Комаров** 1868, с. 77).

² О былом значении Табасарана свидетельствует то обстоятельство, что среди традиционных арабских названий Каспийского моря бытовало и «Табаристанское».

³ Каспийское море Ибн Са'иду известно под названиями: «Хазарское», «Дербентское» и «Табаристанское». Как и многим предшественникам, нашему информатору известно четыре острова, расположенных на Каспии. К востоку от города *ал-Баб* «в море Табаристана [выступает] полуостров ал-Баб. Там множество лугов, где пасут скот жители [города] ал-Баб. К востоку от него находится остров ал-Буркан. На [этом] острове есть гора, на которой не угасает огонь, горящий ночью и днем... К северу... лежит остров Шийа Кух — тот, на который, спасаясь от татар, бежал хорезмшах 'Ала ад-дин'. Он умер на корабле, прежде чем прибыл туда, и был погребен на острове» (**Коновалова** 2004, сс. 221-222).

⁴ Данная надпись представляет собой первый в истории Дагестана письменный документ о границах союзов сельских общин. Приведем его перевод. «Это горы Кураха: от мельницы Хибитара до загона для скота, [принадлежавшего] Ругуну, и до Хаджиева камня и до вершины

Кул-Кула и до Архита до Хараджского моста и до Друштульского тока и до вершины горы, не занятой Хабуком. А это горный хребет со стороны юга: от [озера] Кулан-вир до [горы] Т.р.к.рил выше Кимихура и до речки под Титалем и до М.гункура, [где] кончается конюшня и начинается Цилинги. В 757 году» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, сс. 329-330).

⁵ В надписи из с. Рича 1241 г. говорится буквально: «построить эту крепость *приказал* [курсив мой — Ф. Г.] Сабадж.б. Сулайман» (**Шихсаидов** 1984, с. 43). Монголы [«татарское войско»] в ходе похода 1239 г. разрушили в с. Рича «соборную мечеть». В 1450 г. «эмир преславный, великий, поддерживающий, победоносный, борец за правое дело, стоящий на страже, венец мира и религии Адам б. Абд ал-Малик б. Мухаммад... *приказал* [курсив мой — Ф. Г.] построить эту мечеть».

⁶ В сюжете о походе 1396 г. Тимура в Дагестан Низам ад-дин Шами называет народ Ашкуджан. «Географически, — писал В. Ф. Минорский, — этот народ, безусловно, соответствует нынешнему Акуша» (**Минорский** 1963, с. 141).

⁷ Как в таком случае можно вести речь о *верховой собственности* уцмиев, когда стоявшие на сословной лестнице ниже беки могли свободно отчуждать земельные участки [покупать, дарить и т.д.].

⁸ Дети уцмиев и женщин из других знатных родов.

⁹ Дети беков и простолюдинок. По мнению ряда дагестанских ученых, наряду с чанка-беками, к «классу феодалов» относились и «чанки, дети беков от неравного брака, имевшие, однако, земли на правах наследования. В дошедших... источниках термин чанка известен на территории Кайтага в XVI., он имел, разумеется, место и в предыдущее время, причем институт чанка был характерен для всего Дагестана в целом» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 332). Первоначально он обозначал отдаленного родственника правителя какого-либо дагестанского княжества. Другие же значения — «ограниченный в правах потомок шамхала, уцмия и т. п. от брака с женщиной из низшего сословия», «незаконнорожденный» — возникли не ранее XVI в. Как выяснили Н. С. Джидалаев и Т. М. Айтберов, понятие «чанка» впервые документально фиксируется на территории распространения даргинских и лакских языков и лишь затем оно проникает к аварцам и кумыкам. В стойкой устной традиции аварцев термин «чанка» употреблялся в значении «высокородный, знатный». А в языке аварцев он имеет еще одно значение — «представитель высшего сословия» (**Джидалаев, Айтберов** 1985, сс. 67-68).

Согласно «Своду заповедных законов Кайтаг-Дарго», составленно-

го в период правления Рустам-хана (1616-1645 гг.) в иерархии Кайтага чанки занимали второе после уцмий место. В указанном «Своде» ничего не говорится о происхождении чанка от неравного брака. В кумыцком языке чанка — «член правящего рода, представитель высшего сословия, высокородный, знатный человек» (*там же*, сс. 68-71).

¹⁰ Датировка времени жизни первого носителя титула уцмий все еще дискутируется. В «Родословной Рустам-хана, уцмий Кайтага» во фрагменте, «где излагаются события XVI в.», упоминается Ханмухаммад-уцуми, сын Султанахмада-уцуми. Правда, в этом же документе те же главы «вилаята Хайдак» носят иной титул — «эмир», а Гаданфар назван султаном «вилаята Хайдак» (*Шихсаидов, Айтберов, Оразев* 1993, с. 154). Здесь же отмечено, что ширваншах Гершасп упомянут в надписи 1204 г. Из чего следует, что уцмий Султанмухаммад правил примерно на рубеже XII-XIII вв. (*там же*, с. 160 примеч. 5).

¹¹ Еще в XVII в. уцмийми избирались поочередно старшие и наиболее способные.

¹² Отголосок престижной экономики? Как бы то ни было, еще во времена И. Гербера «уцмий своих старшин и знатных людей одаривает». Следом вновь то же правило: уцмий «повинен своих старшин и знатных людей, как духовных, так и других каждый год одаривать».

Своеобразным видом полюдья можно считать ежегодный объезд наследника уцмийа всех узденских селений и проведения в них судебных разбирательств, причем — «с помощью и в присутствии местных *картов*». Последним термином обозначались *старейшины*, *судьи*, избираемые из «богатеев» [разбогатевших узденей] (*Гаджиев* 1979, сс. 124-125). Комаров кумыцкое слово *карт* понимал как «старик», «почтенный». У аварцев «карты называются — *чукби* и *адиль-заби*; последнее название арабское и значит *справедливые* [люди];... В Табасаране обязанности *картов* исполняют старшины селений, называемые *кеуха* [слово персидское и по-русски обыкновенно переводится *староста*]... В Кюринском и Самурском округах *карты* называются *акъ-саккал* [слово тюркское и значит *белая борода*]» (*Комаров* 1868, с. 75).

¹³ Под этим термином, согласно Криштопа, в отечественной историографии понимается *война*, «чаще всего ради политических целей, между принадлежащими к одной стране феодальными домами-династиями [примером может служить **феодалная война** на Руси 1425-1453 гг.]. Что касается термина «феодализм», то он исследователем использовался для обозначения общества «с аграрной хозяйственной основой, с поземельной рентой, взимаемой привилегиро-

ванными рентополучателями с неполноправных рентоплательщиков, с сословно-иерархической структурой» (**Криштопа** 2007, с. 47).

¹⁴ Для XIII-XIV вв. термин *Авария* [Аварское княжество, нуцальство] применим лишь к Хунзахскому нагорью и в какой то мере к территории к северу и западу от него. «Распространение этого названия на весь Внутренний Дагестан относится к гораздо более позднему времени» (**Криштопа** 2007, с. 92, примеч. 195).

¹⁵ Напомним, что согласно Ибн-Рустэ, царю Серира принадлежало «20 тысяч долин, населенных людьми разного рода, которые имеют там свои поместья и деревни» (**Минорский** 1963, с. 213).

¹⁶ Изображения «вавилонов» [вписанных друг в друга квадратов с пересекающимися линиями] на кирпичках, черепицах, камнях часто встречаются среди археологических памятников Европы и Азии. Бытует предположение о том, что они служили средневековым мастерам логарифмическими линейками и связаны со строительным делом.

¹⁷ Галонифонтибус — широко известная в свое время личность; епископ Нахичевана [1377 г.], архиепископ Султанйи [с 1398 г.] — в обоих владениях полностью либо частично подчиненных Тимур-ленгу. Показательна роль Иоанна де Галонифонтибуса в переговорах по формированию коалиции против султана Баязида I. Иоанн III проявил себя как опытный дипломат. В числе послов, представлявших интересы Тимура на переговорах с королями Западной Европы, Галонифонтибус содействовал заключению антитурецкого союза. После разгрома султана 28 июля 1402 г. Иоанн по поручению Тимура продолжал дипломатическую деятельность. В мае 1403 г. после посещения Генуи и Венеции Галонифонтибус появился в Париже. Он доставил письма [и латинский перевод] Тимура и его сына Миран-шаха, адресованные королю Франции Карлу VI и другим европейским правителям. Иоанн посетил двор короля Англии Генриха IV. В течение ряда лет Галонифонтибус побывал практически во всех крупных странах и городах-государствах Западной и Центральной Европы.

¹⁸ По отношению к нему имя *Суракат* можно применять лишь условно. Со ссылкой на Б. Г. Малачиханова, на это же указал **Криштопа** (2007, с. 92, примеч. 194). Данный нуцал [отец Байара, дед Амир-Султана] «не мог носить это чисто арабское имя», каковым его «наделили» позднейшие авторы местных исторических сочинений.

¹⁹ Изменение содержания понятия «феодалная война» в отечественной историографии XX в. недавно рассмотрела С. В. Алексеева (**Алексеева** 2006, сс. 24-30).

²⁰ Имеются прямые указания источников о том, что Анди, Карата,

Гидатль и Аркас определенно не входили в нуцальство до конца XIV в. (*Криштопа* 2007, с. 159).

²¹ Некоторые историки на примере Серира восстанавливают механизм образования централизованного раннефеодального государства, его распада на отдельные княжества, в последствии в большинстве случаев «переродившиеся» в союзы независимых сельских общин, «которые, в свою очередь, постепенно втягивались в сферу влияния все усиливавшегося Хунзахского нуцальства. Этот механизм был свойственен, возможно, если не всем, то многим владениям Дагестана [в частности Табасарану, также распавшемуся на отдельные владения, ставшие впоследствии союзами сельских общин]» (*Гаджиев, Давудов, Шихсаидов* 1996, с. 324).

²² Показательно, что письмо ширваншаха Ферибурза [рубеж XI-XII вв.] обращено к «обществу жителей Гумика» и не упоминает никакого владельца (*Криштопа* 2007, с. 100 примеч. 339).

²³ Интересно предположение Айтберова о принадлежности погибших 70 воинов к т.н. *мужскому союзу*, «нечто подобное кубачинскому институту *батирте*». Эту идею поддержал и Криштопа (*там же*, с. 128, примеч. 416).

²⁴ В документе, очевидно, речь идет о прощении князя родственниками убитого крестьянина. По адатам некоторых социумов Дагестана члены общины не имели права кровной мести в отношении князей, совершивших убийство (*Фод*, с. 88). Примечательно, однако, что в Казикумухе XVII в. свободные крестьяне могли, как это видно из предыдущей статьи «Соглашения», в случае убийства князя «отделаться уплатой дийата, не подвергаясь обязательной кровной мести... в ее наиболее тяжелых формах» (*Айтберов* 1983, сс. 157, 158 примеч. 16).

²⁵ Наряду с практикой «призвания князей», бытовала, правда крайне редко, и обратная процедура: отказ феодалов от власти и налогов. Так, гвардеец, полковник Рашид-хан в конце 1866 г. заявил о своем желании «отказаться за себя и за свое потомство [если оно будет у него] от всех прав [курсив мой — Ф. Г.] на те обязательные отношения, какие имели к нему мехтулинцы, и просившим о сложении с него обязанностей правителя ханства». В представлении «Его Императорского Высочества Главнокомандующего Кавказской Армией, удостоившееся в мае 1867 года Высочайшего Государя Императора утверждения на сложение с Рашид-хана, согласно заявленному им желанию, обязанностей по управлению ханством, на оставлении за ним лично титула хана, на отмену всех повинностей и налогов, которые отбывали жители ханства как самому хану, так и членам мехтулинского (хота) хан-

ского дома и на вознаграждение мехтулинского за отошедшие от него права и доходы единовременную выдачу ему 10 т.р. и увеличением получаемого им, в виде пожизненной пенсии, содержания в 3 тыс. рублей еще на 1 тысячу р. независимо от жалования по чину» (**Мехтулинские**... 1869, с. 1 примеч.).

²⁶ В советской историографии на примере Древней Руси наиболее последовательно эту идею отстаивает И.Я. Фроянов. Обратившись к летописям, он детально разобрал «механизм» призвания князей. Такая практика была широко распространена у славян той поры. Источники «свидетельствуют об *острой* потребности в князьях... в (них) волостные общины *нуждались*, прежде всего, как в *военных специалистах* [курсив мой — Ф. Г.], призванных обеспечить внешнюю безопасность. Князь вооруженной рукой должен был оберегать землю, где княжил». Даже в XI-XII вв. в нем еще сохранялись черты «военного вождя и предводителя старых времен». Это проявлялось в необходимости принимать участие в битвах «в качестве передового бойца, увлекающего своим мужеством дружину» (**Фроянов** 1980, сс. 34-35).

²⁷ Учитывая время генезиса феодализма на Северо-Восточном Кавказе, точнее говорить о *дагестанских обществах*, а не об *одном из них*.

²⁸ Напомним, что среди советских кавказоведов бытовала точка зрения, согласно которой «поляризация социальных слоев дагестанского общества привела к тому, что в IV-VI вв. на политической карте Северо-Восточного Кавказа появился *целый ряд раннефеодальных государств* [курсив мой — Ф. Г.] с царями во главе. Частые вторжения кочевников... ускорили процесс формирования государственности у дагестанских народов. В различных частях Дагестана этот процесс протекал по-разному. В наиболее развитом восточном Дагестане формирование государственности происходило на основе синтеза местных форм общественных отношений и разлагающихся рабовладельческих отношений Кавказской Албании, в состав которой входила эта часть Дагестана». В горных районах «разложение патриархально-родовых отношений и становление классового общества произошло на чисто местной основе, без заметного влияния извне». Правда тут же утверждается: «Дальнейшему укреплению государственности и стабилизации власти царствующих родов способствовала политика Сасанидов в Дагестане» (**Ахмедов** 1975, сс. 89-90).

Мы уже отмечали ошибочность такого решения проблемы формирования классового общества и генезиса раннефеодальных отношений (**Гутнов** 2007; 2008).

Смешение «царства гуннов» с населением центральных горных районов Дагестана допускал Шихсаидов. По его мнению, еще в IV в. родовая община уступила территориальной (**Шихсаидов** 1969, сс. 43, 55). К характерным особенностям «процесса феодального развития Дагестана в XI-XV вв.» ученый отнес централизацию «политической и экономической власти феодалов и рост феодальной собственности в одних владениях и процесс феодальной раздробленности и политической децентрализации — в других». К первым, будто бы, относились Казикумухское шамхальство, Аварское ханство, Кайтагское уцмийство, Дербент (**там же**, с. 132).

²⁹ Разбор значений этого термина в свое время провели дагестанские ученые (**Алиев, Ахмедов, Умаханов** 1970, сс. 19-24). А.П. Новосельцев *дийа* отличал от обычных селений; первые он рассматривал в качестве объектов собственности. Вместе с тем, подчеркнул ученый, «вопрос о социально-экономической сущности этих 'дийа'... окончательно не решен» (**Новосельцев, Пашуто, Черепнин** 1972, сс. 120-121).

³⁰ Источники ничего не сообщают о Табасаране XIII — первой половины XV в. Согласно одной из гипотез, это связано с отсутствием на политической карте Дагестана в указанных хронологических границах Табасарана как самостоятельного владения. Вероятно, примерно с XIV в. он попал под политическое влияние усилившегося Кайтага. К середине XV в. Табасаран восстанавливает свои силы, а к концу столетия — это уже крупное владение, способное выставить 60-тысячное войско. В сочинении «Джайхан наме» о нем говорится: это «укрепленный замок, в районе которого живет 40000 семейств» (**Гаджиев, Давудов, Шихсаидов** 1996, с. 330).

³¹ От Султан-Мута «ведут свою родословную все... княжеские фамилии Кумыкского округа» (**Гаврилов** 1869, с. 38).

³² Комаров *Бек-Бий* считал монгольским именем и переводил как *повелевающий*. «В Дагестане, — продолжил Комаров, — званием и правами беков пользуются только наследственно. Все беки принадлежат к потомству бывших владетелей; некоторым из них придается общая фамилия, по званию владетеля, к роду которого они принадлежат». После присоединения к России получение титула *бек* помимо наследственного канала, получило и т.н. «официальный»: «в народе, званием беков пользуются лица, достигшие в нашей службе офицерских чинов» (**Комаров** 1868, с. 74).

Современные авторы уточнили этимологию антропонимов *бек*, *бий*. Первый из них при разных обстоятельствах или в разных сочетаниях

ниях имеет достаточно большой разброс значений: «князь», «владыка», «господь», «честный», «храбрый». В некоторых сочетаниях становился «феодално-административным титулом» [*атабек*]. Ядро армии султанов дополняли «племенные контингенты во главе со своими предводителями — беками». В период распада империи Сельджуков реальная власть сосредоточилась в руках тех, кто контролировал войска. Не случайно элемент «бек» входил в составные слова военно-административных титулов, а в мамелюкском Египте использовался в качестве высшего воинского звания; на русский эти титулы можно перевести как «князь войск» или «повелитель войск» (**Гафуров** 1987, сс. 31, 41-43, 82-85).

³³ По мусульманскому праву *назру* — это своего рода *обет*, который давался всевышнему и сопровождался благотворительным даром своего имения «на полном праве собственности» (**Алиев** 1980, с. 33, примеч. 26).

V. Центральный Кавказ в XIII-XV вв.

V. 1. Алания

Предварительные замечания. После вхождения народов Кавказа в состав России едва ли не сразу обозначилась проблема взаимодействия традиционных форм власти.

В условиях государственно-административного управления империи «присоединение» территории у горцев еще не означало ее «обретение» (*Дегоев* 2003, сс. 225-245). Отсюда — длительный поиск методов «ненасильственной интеграции», стремление найти механизм соединения «разнородных элементов во имя достижения стабильности и управляемости» (*там же*, с. 227. См. также: *Кавказ* 2007) Решение этой задачи предполагает знание институтов управления в традиционных горских обществах, в том числе — аланских [осетинских].

С точки зрения социальной структуры средневековые осетины, как и другие народы Северного Кавказа, подразделялись на т.н. *аристократические* и *демократические* общества. В «аристократических» обществах феодальные порядки были более развиты. В других феодальный уклад либо сосуществовал с раннеклассовыми порядками и сильным влиянием позднепестарных традиций, либо отсутствовал вовсе.

Походы чингисидов нанесли сильный удар по народам Кавказа. Но особенно тяжелыми их последствия оказались для алан¹. Они потеряли равнинные земли — мощную производственную базу. Большая часть этноса переселилась в Европу, Византию, на Дальний Восток. Аланы потеряли равнинные земли — мощную производственную базу. Значительная доля равнинных алан ушла в ущелья Центрального Кавказа. Население, сконцентрированное в горах, не могло обеспечить себя хотя бы скудными средствами жизни и часть его двинулась на юг, к своим соплеменникам. Во второй половине XIII в. в нагорной полосе Шида-Картли существовало компактное поселение овсов, в среду которых просачивались с севера все новые и новые группы эмигрантов. Эти процессы вызвали продвижение овсов в различные районы Картли.

V. 1. 1. Аланы в социально-политической жизни Грузии в эпоху Хулагидов.

Существование феодальных порядков в некоторых средневековых горских социумах последовательно отстаивал М. М. Ковалевский. В частности, ксанских и арагвских эриставов, происходивших от аланского [осетинского] рода Сидамонта, ученый считал феодалами. Не смотря на его четкое осознание этимологии социального термина *эристави* [*эри* «народ» + *тави* «глава» или «наставник»], восходящего к т.н. «героической» эпохе. Феодалами, по убеждению Ковалевского, эриставов делали то, что, во-первых, главами социума «были назначаемы члены одних и тех же семей и родов, и это обстоятельство в такой же мере содействовало переходу из назначаемых правительством чиновников в феодальных сеньоров, в какой наследственное исправление графской должности в пределах Карловингской империи содействовало обращению ее носителей в ленных владельцев. Осуществляя из поколения в поколение права верховных судей, полицейских агентов и налоговых сборщиков, Эриставы воспользовались широтой предоставленных им функций для установления системы чисто личной зависимости поселенных в их округах крестьян от членов своего семейства». Как и в Западной Европе, в Грузии упрочнению позиций эриставов содействовала практика наделения эриставов «царями, в награду за их службу, значительными участками... Эта 'terra comitales', употребляя выражение карловингских дипломов, сделались тем ядром, из которого развились обширные поместья... поместья эти приобрели постепенно характер феодальных ленов» (**Ковалевский** 1886, т. 1, сс. 22-24).

Многие военные аристократы алан влились в феодальную элиту Грузии и составили ее значительный слой. В этом плане интересна история возвышения аланской знати Бибилури из рода Сидамонта, члены которого в Закавказье стали *эристами* Ксани и Арагви. На новом месте Сидамонта оказались после татаро-монгольского нашествия. История их возвышения отражена в хронике «Памятник эриставов» [далее: ПЭ], созданной в промежутке между 1405/6-1410 гг. в Ларгвисском

монастыре Григолом Бандас-дзе (**Какабадзе** 1970, с. 106; **ПЭ**, сс. 11-13).

ПЭ наряду с личными наблюдениями его создателя, базировался и на других источниках, в том числе — генеалогическом предании эриставов Сидамоновых. На наш взгляд, основу родословной составили реальные события предшествующего времени, включая XIII-XIV вв. (**Гутнов** 1989, сс. 50-56). К высказанным ранее гипотезам и решениям обратим внимание на одно обстоятельство, ускользавшее от внимания исследователей. В самом начале хроники и фольклорного памятника речь идет о трех царевичах «из Сидамоновой фамилии: Ростоме, Бибиле и Цитлосане». Основной же текст обоих источников связан только с Ростомом, а ксанских эриставов нередко называют Бибилурами. По одной из версий родословной эриставов, туалыцы уступили пришедшим царевичам «страну Баблети, от которой они стали называться Бибилурами». По грузинской ономастике, антропонимы с суффиксом *-ур*, который указывает на принадлежность человека к какому-либо племени, роду и т.п., были особенно распространены в горных районах Восточной Грузии. Здесь фамилии, на первых этапах формирования, состояли из двух компонентов: личное имя + профессия, место происхождения и т.д. (**Бедошвили** 1970, сс. 133-134).

В этом смысле сочетание Ростом Бибилури означает «Ростом из местности [или рода] Бибила». Что касается *Цитлосана*, то в данном случае это скорее не антропоним, а показатель словесной принадлежности Ростоме, ибо в переводе с грузинского обозначает «багрянородный», т.е. «в красном одеянии». Красное — цвет воинов-аристократов. В итоге формула хроники и родословной «Ростом Бибилури Цитлосан» может означать *рыцарь Ростом из местности [рода] Бибила*.

Интересно указание хроники на причины возвышения Бибилури — осуществление ими военного руководства: «если куда предпринимались походы, [они] становились предводителями сражавшихся и не находилось никого, кто [мог бы сразиться] в единоборстве с Ростомом [первым аланским князем, оказавшемся в Ксани — Ф. Г.]. И возлюбил его весь народ цхраз-

мис-хевский». В этой связи необходимо отметить, что устная традиция северных осетин возвышение привилегированных слоев также связывает с исполнением общественных функций — охраной общества от внешней опасности и организации грабительских походов (**ЦГА РСО-А**, ф. 262, оп. 1, д. 9, св. 2, л. 36-36 об.; ф. 291, оп. 1, д. 29, л. 40; **Красницкий** 1865. № 31; **Миллер** 1881, т. 1, с. 139).

Итак, согласно ПЭ, истоки возвышения Бибилури следует искать в исполнении ими важной общественной функции — военного руководства [они — «предводители бойцов»]. Оказавшись во главе военной организации Цхразмийского хевы [букв. «ущелье»; но этим термином в средневековой Грузии обозначали также территориальную единицу], Бибилури затем завладели «селами и областями». С усилившейся фамилией вынуждена считаться и центральная власть, что в конце концов выразилось в назначении Ростом из аланского клана Сидамонта цхразмийским эриставом. При этом главная функция — командование военным ополчением, естественно, оставалась в силе.

При Ларгвели, наследнике Ростом, увеличилась дружина эристава. Как повествует ПЭ, азнауры, «сидевшие» между реками Арагви и Лиахви, находились в подчинении Ларгвели и выступали в походы под его знаменами. Таким образом, первоначальный состав *эри* [«народа-войска»] распался и военная служба становится привилегией определенных родов. В бою рядом с эриставом мы видим его «свиту» [*моахлени*], «родичей-копьеносцев», азнауров и рабов [*монани*] (**Анчабадзе** 1990, сс. 167-169). Начальная часть ПЭ содержит еще один сюжет, несущий определенную социальную нагрузку. После того, как Ростом помог цхразмисхевцам одержать победу над соседями, благодарные жители решили: «исполним все, что он пожелает». По версии М. Джанашвили, Ростом внял совету старшины Ларгвиси [в переводе Какабадзе — главы монастыря]: «Если желаешь утвердиться в этой стране, испроси себе усыпальницу в этом [Ларгвисском] монастыре, так как она служит местом погребения всех знатных и дворян».

Данный сюжет, видимо, основан на реальной практике. Во всяком случае, на Северном Кавказе обособление социальной верхушки от остальной массы населения наблюдалось и после смерти — с XIV-XV вв. всевозможных владельцев стали хоронить в просторных склепах [Балкария], внутри и близ христианских часовен или языческих культов [Осетия], в индивидуальных мавзолеях [Балкария] и т.д. В таких усыпальницах нередко находят дорогостоящие защитные доспехи, например, в Нузальской часовне в горной полосе Северной Осетии хранились доспехи легендарного Ос-Багатара. Появление дорогих доспехов в элитных погребениях горцев специалисты связывают с социальной стратификацией горских обществ.

Фрагмент хроники о пребывании Бибилури в Туалгоме [в высокогорном районе Осетии] стал объектом специального изучения Е. Г. Пчелиной, обоснованно увидевшей в нем неудачную попытку «закрепления феодальных отношений». С этим процессом Пчелина связывала недостроенную крепость «Зылды машиг» в Урстуалта — области, расположенной на обоих склонах Главного Кавказского хребта. Крепость, относимая специалистами к т.н. «циклопическим сооружениям», находится в истоках р. Б. Лиахвы на сравнительно ровном плато. Это место в географическом отношении представляло собой точку узла тропинок, «наикратчайшими переходами [1-1,5 дня]» связывавших Тагаурское, Куртатинское, Алагирское, Дигорское общества, Трусовское, Дарьяльское, Арагвское, Джамурское, Ксанское, Белотское, Лиахвское и Кударское ущелья. «Зильде машиг» не могла выдержать длительную осаду. Это связано с отсутствием даже тропинок, по которым скот можно было загнать сюда; к тому же внутри крепости не было воды и растительности. Тем не менее, по какой-то причине приступили к возведению внушительного укрепления. Высота стен даже в наши дни достигает 3-х м, толщина стен у входа — 2,8 м. Стены не имеют следов позднейших перестроек или переделок, но в двух местах видны «следы искусственного разрушения». С юго-восточной стороны заграждение на протяжении нескольких метров разворочено «и имеет вид обвала, сброса камней вниз, что можно было сделать толь-

ко при помощи рычагов». В северо-западной части стена в двух местах «совершенно разобрана», а между ними «стоит кусок ее совершенно целый». По предположению Пчелиной, крепость начали строить «по какой-то внезапно появившейся нужде в укреплении в совершенно недоступном месте. Причина этой внезапности исчезла, Зильде Машиг брошено недостроенным и, утратив свое прямое назначение, перестала существовать для двалетцев» (*Пчелина* 1934, сс. 81-107).

Судя по фольклорным памятникам и хронике ксанских эриставов, в Туалгоме в XIII в. феодальные отношения еще не утвердились. Попытка Бибилури добиться господствующего положения не увенчалась успехом, и они были изгнаны из Двалетии. Но в XIV в. источники отмечают здесь владельцев Сунгу и Амсаджана. Так, ПЭ описывает поход Виршела III в аул Мна Трусовского ущелья: «И была битва жестокая, ибо люди те были ловкими воинами, храбрыми и богатырями, и полностью в доспехах. И было [пущено] множество стрел, подобно дождю частому, и [брошено] множество камней, подобно граду, и скатываемых (каменей) в неисчислимом множестве. Тогда были убиты от большого числа стрел *главы* и богатыри страны их: Сунгу, Параджан, Амсаджан, Багатар и многие другие» (*ПЭ*, сс. 27, 34).

Приведенное сообщение ПЭ относит к концу XIV в. Однако «овский царевич» Фареджан умер в конце XIII в., а его брат Багатар в 1304 [6] г. Возможно, создатель хроники объединил несколько разновременных событий. Следует отметить, что ПЭ жестко связывает Фареджана и Багатара с территорией Туалгома. Интересен и сюжет «о храбрых воинах», одетых «полностью в доспехи». Речь идет, по всей вероятности, о княжеской дружине — военной аристократии. За именами Амсаджан и Сунгу скрываются какие-то туальские владельцы; хроника ставит их в один ряд с «овскими царевичами» Фареджаном и Багатаром. Сунгу и Амсаджан, вероятно, генетически связаны с аристократией равнинных план, оттесненных в горы татаро-монголами.

В начале XIV в. царь Вахтанг пожаловал эриставу Шалве «Трусу, Гуда [владение] Гагас-дзе, Млете, Арахвети, Хаидо, Канчаети, владения Абазас-дзе, Дагнакорпу, Дигвами, Гавази, Ацерис-хе-

ви, Бехуше и [среди] дидебулов своих лучшим считал». Западная граница владений Шалвы отодвинулась до верховьев Арагви. Причиной укрепления позиций Шалвы явилась поддержка эриставом Вахтанга в его борьбе за престол с Давидом VI. «Шалва привел в жены дочь царя осов, по имени Ширд, которая увеличила достоинство монастыря» Ларгвисского. Брак эристава с дочерью «царя осов» закономерен, ибо аланы со своим правителем Багатаром являлись наиболее активной силой, выступавших против Давида VI.

В конце XIII в. В Грузии разгорелась острая борьба за престол между Давидом VI и Вахтангом IV. Грузинский «Хронограф» XIV в. в связи с этим «царевича овского» Фареджана причисляет к активным сторонникам Давида. Во многом благодаря его поддержке — по хронике: «Фареджан также *весьма* содействовал Давиду» — последний утвердился на престоле. Преемник Фареджана — Багатар — стал поддерживать Вахтанга. Причиной этого стала гибель Фареджана. По сведениям А. Головина, монголы вынудили Давида VI пойти с ними в поход на город Тонгузала. После месячной осады город был взят; т.к. в нем находился Фареджан, «сын царя осетинского», то «Осетины ожесточились, начали грабить Карталинию и убивать жителей, взяли город Гори и укрепились в нем». Багатар «разорил Картли, Триалети, сгонял с вотчин азнауров и были беды великие среди жителей Картлийских». Он же захватил крепость Дзами в ущелье внутренней Грузии. В начале XIV в. овсы, по словам летописца, стали наиболее активной силой, вступающей против Давида. В целом, отмечает Г.В. Цулая, источники свидетельствуют «о больших возможностях овско-аланского элемента в Грузии как в политической, так и в экономической сфере» (Цулая 1980, сс. 202-203, 208 примеч. 58).

Вахтанг щедро награждал Багатара и его князей за помощь. Именно в этот момент, вероятно, оформился союз Багатара с ксанским эриставом Шалвой, скрепленный браком последнего «с дочерью царя осов». ПЭ в описании событий начала XIV в. помещает еще одно сообщение, связанное с именем эристава Шалвы: царь Грузии «отправил... сына эристава Шалвы, кото-

рого звали Пина», за ключами иерусалимскими. Сохранилась приписка начала XVIII в., которой нет не в одном издании, но которая включена в список «Картлис цховреба». Согласно приписке, это событие имело место в 1329 г. [хотя по ПЭ, Шалва умер в 1313 г.]. Пина, его отец и мать упомянуты в синодике грузинского монастыря Креста в Иерусалиме (*ПЭ*, сс. 114, 123 примеч. 51).

Однако вскоре «тройственный» союз [царя Грузии, алан Багатара и алан эристава] распался. С ослаблением позиций монголов в Грузии, усилением царской власти, непокорность и своеволие овсов в Картли [по летописи: «весьма возвеличился мтавар Багатар овский»] превратилось в серьезную преграду для экономического развития и стабилизации политической обстановки. Феодалная знать Грузии стремилась положить конец своеволию аланской аристократии. Тавады осадили крепость Дзами в Шида-Картли. «И как ожесточилась [осада], просили овсы милостью божьей пощады и обещали не вредить; с тем и явился Бакатар пред Бека и затем помер» (*Цулая* 1980, с. 203). В начале XIV в. Георгий V Блистательный [1314-1346 гг.], возглавив феодалов, обложил Гори и после трехмесячной осады взял город. Против сторонников Багатара выступил сын его зятя — ксанский эристав Виршел, родом из алан. Вот как описывает это событие грузинская хроника: «Тогда окружил [Георгий] осов, находившихся в Гори, и воевал [с ними] три года. Виршел же и войско его воевали лучше всех [других] войск, и хвалили их хвалой великой» (*ПЭ*, с. 27).

Последующие эриставы также воевали со своими соплеменниками. В хронике ПЭ часто встречаются сообщения о братоубийственных столкновениях между соседними обществами, интенсивность которых, видимо, возросла в эпоху монгольского владычества из-за ослабления центральной власти. В своде законов Георгия V специально отмечалось, как «много зла и насилия свершилось между ними [горцами — Ф. Г.]; пролитие крови считалось пустячным делом, и с легкостью нападали друг на друга и разрушали укрепления» (*Анчабадзе* 1990, с. 174).

Основная часть хроники *ПЭ* посвящена истории Ксанского эриставства XIV — начала XV вв. [до 1405 г.]. Хроника особо вы-

деляет попытки эриставов подчинить своему влиянию Туалгом. Борьба шла с переменным успехом и особенно острый характер приобрела в последней трети XIV в. Туальцы совершали дерзкие набеги, угоняли скот ксанцев. Во время одного из набегов рурки «убили царя Георгия и всех картвельских князей и вельмож. Там же умер и эристав Квенипневели в короникон б1 [1373 г.]. Иоанн же, благодаря своему мужеству и доблести, яростно сражавшийся, спасся, возвратился назад и стал эриставом». Этот период характеризуется нестабильностью в Ксани. «В эриставстве была смута и двалы, воспользовавшись этим, угнали коров из Гуда... По прошествии некоторого времени нижние двалы угнали скот из Атцерисхеви. Услышав об этом, эристав Иоанн двинулся в поход. Отрок же этот Виршел [сын Иоанна], хотя и был в юношеском возрасте, предводительствовал отрядом» (*Алано-Георгика* 1995. № 1, сс. 174-175).

Вскоре Иоанн умер и эриставом стал его сын. Опасаясь, что двалы когда-нибудь, воспользовавшись «смутой» или «занятостью» эриставов, «отомстят нам и полонят нашу окраину», Виршел решил покорить туальцев. Собрав своих подданных, он обратился ко «всем старшим и всему войску... Мы уделим им время [и] либо опустошим страну их, либо превратим их в слуг и податников наших». Виршелу удалось покорить нижних туальцев: кошкцев, иосебуров, тлецов, мугис-вельцев, згуберцев и рокцев. Они прислали заложников и обязались платить дань. Виршел расширил границы владений до Коби — аула в верховьях Терека, недалеко от Крестового перевала.

V. 1. 2. Формирование средневековых обществ Центральной Осетии. Оседание в Уалладжире и Туалгоме части феодальной знати равнинных алан привело к взаимодействию разных укладов — общинных и феодальных структур. Взаимодействие целостных социально-экономических систем привело не к уничтожению одной из них под влиянием другой, а к трансформации каждой из них, которая положила начало новой ступени исторического развития. Иными словами, результатом синтеза в Уалладжире и Туалгоме стала не победа общинного строя, и не «экспорт» социальной структуры равнинных алан, а

становление новых отношений в специфических условиях Туалгома и Наро-Мамисона, при которых темпы политогенеза ускорились, но сам процесс развивался иначе, чем с свое время на равнине.

Для остальных районов Осетии характерен второй тип синтеза — взаимодействие раннеклассовых и феодальных структур. В Дигории появление эмигрантов [равнинных алан] привело к столкновению двух социальных группировок: местной знати и пришлых феодалов. Это событие нашло отражение в «Песне об Айдаруке», возникшей на рубеже XV-XVI вв. Основная сюжетная линия фольклорного памятника — узурпация власти пришельцем Баделом [персонификация феодалов равнинных алан], оттеснением на второй план представителя местной знати Айдарука Кабанова. Подчеркивая автохтонное происхождение Айдарука, многие варианты предания о баделятах именуют его Дигор-Кабан, а от Дигора, по тем же вариантам, произошло все коренное население (*Гутнов* 1987, сс. 50-70).

Утратив свои равнинные владения, аланские феодалы на новом месте добивались привилегий в яростной борьбе как между собой, так и с горскими старшинами. Противоборство завершилось полным истреблением одних аристократических кланов, лишением привилегий других, изгнанием из общества третьих.

В XV-XVI вв. формирование основного слоя феодалов в горных осетинских обществах, вероятно, завершилось, т.к. именно к этому времени относится оформление родословных алдаров и баделятов.

Примерно в это же время оформляются границы средневековых обществ. Фольклорное отражение этого процесса среди причин возникновения границ между социумами особенно выделяет утверждение высокого социального статуса «предводителей» или «глав» того или иного сообщества. Достигалось это путем узурпации военно-управленческих либо жреческих функций. Иногда обе функции закреплялись за одним кланом.

Так, по фамильным преданиям нарских феодалов Хетагуровых, «нет никакого намека на то, чтобы Хетаг отличался военными доблестями или участвовал в походах или сражениях».

Все редакции генеалогических и исторических преданий связывают Хетага со священной рощей (**Хетагуров** 1960, т. IV. сс. 316-318; **Шанаев** 1870, вып. III, сс. 31-32; **Пфаф** 1871, вып. V. сс. 76-78). В 1850 г. Н. Берзенов опубликовал вариант предания, записанный им в Алагирском ущелье. Информатор уверял этнографа в том, что Хетаг «чудный святой», мог считать звезды, знал их все наперечет, предвещал бедствия, предугадывал смерть не только людей, но и животных. «Одним словом, знал причину и конец вещей» (**Берзенов** 1850. № 5). Все вместе взятое склоняет нас к мысли, что в формировании привилегий этого рода существенную роль сыграли культовые обязанности.

В связи с формированием границ социумов Центральной Осетии, в первую очередь *Алагирского ущелья*, большой интерес представляет указание фольклорной традиции алагирцев на «нузальскую резиденцию царя алан». Возможность наличия таковой в Нузале нельзя отрицать с абсолютной уверенностью. Арабские географы X в. сообщают о многих аланских крепостях, «куда царь время от времени переезжает» (**Каралов** 1902, вып. III, с. 53). Однако, нузальские историко-архитектурные памятники имели чисто военное назначение и не приспособлены для постоянного проживания в них больших коллективов. Скорее всего, рассматриваемый фрагмент произведения народного творчества возник как фольклорное отражение действительного пребывания в Нузале какого-то представителя царского дома Алании, возможно, Багатара, жившего на рубеже XIII-XIV вв. Во всяком случае, по устной традиции, вся «местность Нузальского и Касарского ущелий» связана с ним (**Пчелина** 1946, с. 2). Ему, очевидно, посвящена эпитафия в широко известной Нузальской часовне. Хотя историки, археологи, филологи и искусствоведы вот уже свыше полутора столетий занимаются данным памятником, его источниковедческое значение до конца не выяснено и многие загадки остаются нерешенными.

В 30-х гг. XIX в. М. Броссе дважды опубликовал на французском языке текст Нузальской надписи. Вторая публикация (1838 г.) отличается от первой (1830 г.) примечаниями Броссе

и некоторыми уточнениями, поэтому мы приводим второй перевод: «Нас было девять братьев из семьи Чарджонидзе-Дчархилан: Ос-Багатар, Давид-Сослан, Сокур и Георгий, которые бросали на врага взгляд гнева. Трое из наших братьев — Исак, Романоз и Василий — были монахами, верными служителями Христа. Мы были хозяевами узких дорог, которые вели в четыре стороны. У нас в Касаре крепость и таможня, и мы занимаем переднюю часть моста. Надеемся на доброе отношение на той стороне, если вы повели себя хорошо на этой стороне. У нас столько же золота и серебра, сколько и воды. Я завоевал Кавказ и покорил четыре царства. Верный своим привычкам, я похитил сестру принца Картли. Он, настроенный против меня и обманувший в клятве, взял на себя мои грехи. Багатара бросили в воду и истребили армию Оссов. Вы, читающие эти строки, помолитесь за меня» (*Салагаева* 1984, сс. 104-105).

Одним из первых русский перевод надписи привел А. Головин [1852 г.]. «Мы были 9 братьев Чараджонови и Сахиловы: Ос-Багатар, Давид-Сослан, с 4 царствами боровавшиеся, Фидарос, Жадарос, Сокур и Георгий, для врагов страшный. Наши братья: Исаак, Роман и Василий сделались верными рабами Христу [монахами]. Мы имеем с 4 сторон пути охранные: в Кассарском ущельи замок [где брали плату с прохожих], постовые ворота; я в ожидании будущего века жил здесь. Золотой и серебряной руды имеем столько же довольно, как воды. Кавказ покорил, с 4 царствами боролся, у Грузинского царя [Вахтанга] сестру отнял, не теряя своего достоинства и обычаев, но он настиг, нарушил клятву и взял на себя мой грех. Багатара утопили и истребилось войско Оса. Кто эти стихи будет читать, пусть помянет меня» (*Головин* 1852, с. 450).

В делах «Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и терской областей» сохранился документ, датированный августом 1860 г. и содержащий «надпись на Нузальской Царазонской церкви». Надпись представляет собой 9 четверостиший на грузинском языке с синхронным переводом на русский. Так как данный вариант отличается от всех опубликованных версий, то мы приведем перевод эпитафии:

- «1) Нас было 9 братьев
Царазоновы-Цахиловы: —
Ос-Багатар, Давид и
Сослан с 4-мя царствами
борющиеся
2) Фидарос, Доладороз,
Сокур-Георгий, с презрением
на врагов взирающие
3) Братья наши Исаак, Романоз
и Басил сделались
добрыми рабами Христа
4) Мы содержали в 4-х
углах узкие проходы дорог
5) В Касаре имели укрепление
и сабаж (заставу), здесь
содержу двери моста, о будущем
обнадежен, в настоящем благополучен
6) Руды золота и серебра имею
в таком изобилии, как вода
7) Покорил Кавказцев, противостоял
4-м царствам
(народам)
8) У грузинского Батони
князя похитил сестру,
не оставил своего рода;
постиг меня, клятвою
обманул, наложил на
себя вину мою (грех)
9) Багатар утонул в воде
войско осетин истреблено»

(**НА СОИГСИ**, ф. 16, д. 26, лл. 48-48 об).

Данный вариант отличается от всех известных тем, что и грузинский текст и русский перевод представляют собой девять куплетов, а не простое повествование. В делопроизводстве комиссии стихотворение препровождено следующей записью: «Копия с надписи сохранившейся и поныне на стене Нузальской

Царазонской церкви, при сем прилагается для дальнейшего исследования, как достопримечательный памятник». Сейчас трудно судить, с чего снималась «копия», т.к. по свидетельству современников, надписи в церкви Нузала к 1860 г. уже не было. Местные жители уверяли, будто ее уничтожил священник Николай Самарганов, бывший в Осетии в начале 20-х гг. XIX в. Эпитафия обросла многочисленными легендами и в прошлом столетии пользовалась «громкою, можно сказать европейскою известностью» (**Пфаф** 1871, вып. V, с. 61). Такая популярность только мешала поиску истины и давала богатую пищу для возникновения многочисленных вымыслов. Вопрос о подложности или подлинности Нузальской надписи остается предметом дискуссии и в настоящее время. Исследования К. Кекелидзе, К. Сихарулидзе, Ш. Ониани и И. Лолашвили привели их к заключению о позднем происхождении эпитафии — на рубеже XVII-XIX вв. (**Кузнецов** 1978, сс. 134-150).

Помимо надписей внимание исследователей привлекли остатки древней фресковой живописи. По предположению Кузнецова, на стенах церкви изображены четыре портрета священнослужителей из местного осетинского населения. Имена трех из них установлены по надписям — Романоз, Басили и Сокур. На левой стене расположены пять фигур без нимбов, в типичной кавказской одежде и головных уборах. Полностью достоверными являются имена Сослан и Елиа.

Еще два имени — вероятнее всего Антон и Фидарос. Восстановление же имени Давид [по единственной букве «д»] вызывает споры. Особый интерес представляет фигура всадника, охотящегося на оленей. Уварова видела в нем царя Грузии Фарнаваза. Однако последующие исследователи не разделили это предположение, как позже не согласились с мнением искусствоведа К. А. Берладиной, что данный сюжет изображает «чудо» Евстафия Плакидия. Пчелина склонна видеть во всаднике Давида-Сослана, а Лолашвили — Ос-Багатара. Решающих аргументов, справедливо отметил в 1974 г. Кузнецов, никто не привел, и значение этой фигуры остается неясным. Правда, сам Кузнецов вскоре пересмотрел свои взгляды по данному во-

просу и присоединился к мнению Берладиной (**Кузнецов** 1980, с. 119).

Большие расхождения сохраняются относительно времени постройки Нузальской часовни. Г. Баев надпись о девяти братьях относил к 1320 г. (**Песня** 1922, с. 10). Г. А. Кокиев и Л. П. Семенов время строительства часовни определяли XII-XIII вв. (**Кокиев** 1928, с. 66; **Семенов** 1948, т. XII, с. 82); Ф. Мельников-Разведенков — 1224 г. (**Мельников-Разведенков** 1901, сс. 155-182); А. Ф. Гольдштейн — XIII в. (**Гольдштейн** 1975, с. 63); З. М. Салагаева и Кузнецов — рубежом XIII-XIV вв. (**Салагаева** 1976, с. 45), анализ раствора часовни дал дату 1273 г. (**Наглер** 1986, с. 28). Не утихающие споры вызывает открытое в 1945 г. Е. Г. Пчелиной погребение под полом Нузальской часовни. Одни исследователи считают погребенного Давидом-Сосланом, другие — отрицают это.

В настоящее время из трех вопросов — когда была построена часовня, кто в ней похоронен, когда появилась эпитафия — разрешенным можно считать лишь один — коль скоро анализ раствора здания дает 1273 г., то эта дата, очевидно, является ориентировочной датой постройки здания. Для решения других вопросов очень важным было бы определение времени захоронения в часовне, но, к сожалению, предлагаемые варианты слишком полярны, и задача эта все еще остается трудно выполнимой. Сказанное не исключает гипотезу, по которой эпитафия создана вскоре после смерти Багатара в 1304 [6] г. и отражает реальные события той эпохи.

Генезис феодализма в Центральной Осетии связан с синтезом, взаимодействием общинных и феодальных структур. Результатом синтеза в Уалладжире² и Туалгоме стала не победа общинного строя и не «экспорт» социальной структуры равнинных алан, а становление новых отношений в специфических условиях Туалгома и Наро-Мамисона, при которых темпы феодализации ускорялись, но сам процесс развивался иначе, чем в свое время на равнине.

В общих чертах реконструируется *история формирования Куртатинского общества*. В течение VI-VII вв. в условиях по-

стоянной опасности и борьбы за расширение своей этнической территории в горах, в том числе в Куртатинском ущелье, межплеменные различия внутри восточного алано-овского объединения отходили на задний план и уступали место основной линии их этносоциального развития — консолидации. Свидетельством этого являются мощные заградительные системы, которым аланы пытались прикрыть освоенные ими в предгорной зоне территории. Так, в Куртатинском ущелье находился Хилакский оборонительный комплекс — стена [общей протяженностью 235 м], укрепленная массивными башнями. Толщина стены в отдельных местах доходила до 3-х м, высота — до 5 м (**Тменов** 1984). Анализ раствора стены и башен комплекса дал дату 638 г. (**Наглер** 1986, сс. 213-214).

После татаро-монгольского нашествия масса равнинных алан укрылась в ущельях как к югу, так и к северу от Главного Кавказского хребта. Какая-то часть осов осела в Куртатыком. Вместе с аланами других социумов, они, вероятно, продолжали тревожить врага, захватившего степное Предкавказье.

Информация о борьбе северокавказских горцев с татаро-монголами еще в сер. XIII в. дошла до Англии. Р. Бэкон в «Великом сочинении» [60-е гг. XIII в.] писал: «Затем далее к востоку находятся *горы аланов и асов* [курсив мой — Ф. Г.]. Они — христиане и принимают всех христиан, равно как латинских, так и греческих... И они борются против татар». Помимо этого, Р. Бэкон отметил «*какие-то племена в горах* [курсив мой — Ф. Г.] и наиболее защищенных местах, которые, хотя они [татары — В. М.] и соседствуют с ними, они не могут одолеть, ибо они непобедимы» (**Матузова** 1979, сс. 213-214).

Позднее сведения об аланах зафиксировали летописцы Тимура. Интересны данные Низам-ад-дина и Шереф-ад-дина об аланских князьях Кулу и Таусе. Их владения находились в зоне Центрального Кавказа. Пфаф и М. Джанашвили, обратили внимание на связь княжеств Кулу и Тауса с «областью Иркувун» (**Пфаф** 1871, сс. 65-66; **Джанашвили** История... с. 88). Турецкий путешественник Э. Челеби отметил область Иритав на Центральном Кавказе. «Кавказские горы называются Иритав... В окрестностях

горы Эльбрус живут падишахи одиннадцати мелких земель. Они говорят на семидесяти разных наречиях» (**Челеби** 1979, с. 93). «Область Иритав» Гадло связывал с территорией, заселенной предками осетин (**Гадло** 1984а, с. 127). Э.В. Ртвеладзе, разбивая этнический термин Иркувун на составные части, выводит его из самоназвания осетин «ир» и осетинского слова «хъау» селение. В конечном итоге этноним переводится как Иронские селения или в переносном смысле — область Иров. Таким образом, Иркувун персидских авторов — «область осетин». Следовательно, владения Кулу и Тауса находились в горной Осетии. Затрудняюсь ответить, где точно, Ртвеладзе допускает вероятность их локализации в Куртатинском ущелье. В нем обнаружены следы многих средневековых укреплений, в том числе у селения Гули, название которого созвучно с крепостью Кулу персидских источников. Исследователь не сомневается, что бытующие в Осетии предания о Тимуре являются отражением действительного пребывания здесь его воинов (**Ртвеладзе** 1976, сс. 114-115).

Если Гули — владение Кулу, то крепость Тауса должна находиться где-то рядом. Это может быть Дзвгисское наскальное укрепление, находящееся в 2-3 км от Гули. В древности Дзвгис представлял собой важный стратегический пункт, защита которого была заботой всего населения ущелья (**Кокиев** 1935, вып. II, с. 234). Описание укреплений племени Иркувун, особенно крепости Тауса, находившейся «на третьем уступе горы», напоминают оборонительный комплекс «Дзвгисы фидар». В него входили основное крепостное сооружение, закрывавшее вход в пещеру, и шесть наскальных башен. Каждая из них представляла собой самостоятельный очаг обороны. Но все они были связаны друг с другом высеченными в скалах тропками, навесными лестницами, которые в случае необходимости могли убираться (**Тменов** 1996, с. 67).

Раскопки, проведенные здесь в 1982 г. Кузнецовым и Тменовым, дали богатый материал XIV-XV вв. Археологи обследовали храм, кладбище, культовые памятники и пришли к выводу, что в Дзвгисе обитали аланы-овсы, укрывшиеся здесь в середине XIII в. от татаро-монгольских завоевателей. Рядом с

аулом находилась хозяйственная база — поляна Фаскау [11 га]. Поляна закрыта в глубине гор, защищена от ветров. Хорошо сохранились следы оросительного канала длиной около 200 м. В склеповом могильнике XIV-XV вв. обнаружено рекордное количество погребенных — 235 человек, преимущественно женщин и детей (**Кузнецов** 1984; **Тменов** 1986). Возможно, это массовое захоронение связано с походами Тимура, ведь ворвавшись в крепость Тауса, его воины «умертвили множество людей из племени Иркувун». Как бы то ни было, Дзвгис вместе с наскальной крепостью и храмом предстает как центр феодального владения.

Устная традиция сохранила косвенные данные о формировании Куртатинского общества. Информация по этой теме осталась в родословных феодалов соседней Тагаурии. Сыновья Тагаура Камбий и Сана пользовались уважением у куртатинцев. После их смерти, сыновья Камбия, желая быть во главе куртатинцев, затеяли интриги против сыновей Сана. Камбиевы убили всех сыновей Сана, кроме одного грудного ребенка по имени Тотик, спасенного кормилицей». Потомки Камбия не остались безнаказанными. Вскоре «куртатинцы ворвались в их замок, разгромили его и убили двух сыновей Камбия» (**Осетины** 1870, сс.19-20). Согласно другим фольклорным сюжетам, основателем общества являлся некий Курта.

Ценные сведения сохранились в т.н. «списках» российских посольств на Кавказ и летописях. Так, в «Никоновской» летописи привлекает сюжет о пребывании на Северном Кавказе осенью 1565 г. отряда [500 стрельцов и 500 казаков] Григория Плещеева. При помощи русских войск Темрюк «воевал Шепшуковы улусы да воевал Татцкие земли близ Скиньских городков и взяли три городки: Мохань, город Енгирь, Каван и мирзу Телишку убили и людей многих побили» (**Кушева** 1950 с. 276).

Долгое время выяснить местонахождения «Татцких земель» и «Скиньских городков» не удавалось. Правда, Е.Н. Кушева в названии городка «Каван» видела осетинский аул Кобан в Тагаурии, а в «Сонских кабаках» — сванов (**там же**). Однако, как заметил Лавров, русские источники «сонами» называли то сва-

нов, то осетин (**Лавров** 1981, с. 5). В термине «татцкие земли», по предложению Виноградова и Магомадовой, отразилось не совсем четкое понимание русскими источниками языкового отличия ее населения от адыгов и принадлежности к иранскому пласу на Кавказе (**Виноградов, Магомадова** 1981, с. 58). Более вероятной представляется гипотеза Л.И. Лаврова, усмотревшего в «Татских землях» искаженное название Куртатинского ущелья (**Лавров** 1982 с. 206). Скиньские городки» расположены рядом с «Татцкой землей». Первое наименование Виноградову и Магомадовой представляется производным от названия «Лескенские». Действительно, на р. Лескен существует несколько одноименных аулов, а само слово имеет ираноязычную основу. Следовательно, «Скиньские городки» могли локализоваться в Дигорском обществе. Термин «Каван» исследователи связывают с осетинским «Каван», означающим стоящий в воротах, т.е. в горном проходе. Но скорее всего это аул Кабановых — Кабантикау на р. Лескен недалеко от входа в Дигорское ущелье. Название «Мохань» Виноградов и Магомадова считают искаженным осетинским «махон» — наш. Возможно, это наименование аула на границе с кабардинцами. «Енгирь» может происходить от дигорского «янгеран» — угроза. Такое «пугающее» название логично для населенного пункта в пограничной зоне (**Виноградов, Магомадова** 1981, с. 48).

В дореволюционной литературе внутри Куртатии выделяли «Цимитинское» общество, «цимитинских» старшин. В этой связи возможно станут понятными противоположные друг другу суждения историков, как и противоречивые данные русских офицеров о социально-политическом строе Куртатинского общества. Когда Д. Буцковский в 1812 г. доносил, что куртатинцы «старшинами же управляются коих власть однако же весьма ограничена» (**ЦГВИА** ф. 414, д. 300, л. 71 об), то он, вероятно, описывал поселения «Белых» гор. И. Бларамберг в докладе генеральному штабу в 1826 г. характеризовал, на наш взгляд, часть Куртатии, расположенную в менее благоприятных географических условиях: «по не состоянию у них старшин управление народное, основанное на совершенном равенстве» (**Там же** д. 302, л. 82).

Современные историки-кавказоведы общественное развитие куртатинцев определяют как феодальное. Но развитие феодальных отношений в различных районах «вольных» обществ было неодинаковым.

Старшины аулов, расположенных в полосе «Белых» гор, являлись собственниками относительно больших участков пашни, пастбищных и сенокосных земель. В прошении Есиевых и Тезиевых в комитет Кундухова говорится, что эти две фамилии «вместе с другими фамилиями куртатинскими владели землями» в горах и отдельно в долине Карца, где каждая из двух фамилий имела по аулу. Крестьяне называли их «своими алдарами, платили... подать со всего, что имели». Если кому-нибудь из феодалов приходилось платить за кровь, то крестьяне вносили в уплату «кто вола, кто корову, кто ружье, кто медный котел и т.п.». В стычках с феодалами из соседних аулов подвластные Есиевых и Тезиевых выступали на стороне своих узданлагов. Справедливость сообщения Есиевых и Тезиевых подтвердили жители Карца и кабардинские князья (*ЦГА РСО-А* ф. 291, д. 34, лл. 14-15 об.).

У. 1. 3. Возникновение обществ Западной Осетии. Второй тип синтеза — взаимодействие феодализирующихся [горных аланских] и феодальных [равнинных аланских] этносоциальных организмов, наиболее отчетливо прослеживается на примере Дигории. Определенную информацию об этом процессе несут генеалогические предания. По некоторым редакциям, родоначальник стырдыгорских владельцев Царгас появился в горах «в феодальное время» (*там же* ф. 262, оп. 1, д. 10. св. 2. л. 4), когда здесь «алдарствовал Астанов Дзамболат» (*Предание* 1948, с. 93). А. К. Джанаев в этом сюжете склонен видеть отражение реальных исторических событий, относящихся к генезису феодализма в Дигории, когда немалую роль еще играли вожди и родовые старейшины вроде Астанова (*Джанаев* 1948, с. 10).

В связи с рассматриваемым вопросом представляет интерес социальный термин «царгасата»; специалисты справедливо выводят его из осетинского «царгас» [орел]. По редакции предания, опубликованного Пфафом, Царгас, попав в Дигорию, долго

скитался по Стырдигорскому ущелью. «Мучимый голодом, Царгас однажды, в отчаянии, лег отдохнуть. В это время пролетел над ним черный орел с горною индейкою [джумар] в когтях и как-то уронил свою добычу к ногам умирающего Царгаса... Поблагодарив бога, он устроился на этом месте и населил Стур-Дигорию выходцами из других аулов» (**Пфаф** 1871, сс. 83-84). В данном случае фольклорная традиция наделяет орла функциями посланника бога, спасителя Царгаса и патрона общества. В 1808 г. Клапрот к западу от Донифарса осмотрел пещеру св. Николая. По наблюдению путешественника, многие жители часто приносили здесь жертвы; «они полагают, — писал он, — что святой является им в виде орла. Естественно, что орлы часто появляются в пещере, расположенной среди высоких гор, где они находят убитых животных. Когда жители Донифарса замечают орла, они рассматривают это явление как верный признак выигранного сражения» (**Клапрот** 1948, с. 220). И в данном случае орел предстает в роли патрона, которому поклоняются и которого задабривают жертвами.

Другой путешественник — Паллас — оставил описание священной рощи царгасатов на горе «в верховьях Уруха», где он «выходит из снежных гор». В праздники каждое семейство занимало определенное место, на котором под деревом сооружался шалаш. «Здесь они раз в году празднуют в течение восьми дней праздник» (**Вейденбаум** 1901, сс. 80-81). В почитании орла этнографы видят отзвуки тотемического пласта верований (**Чибиров** 1984, сс. 130, 198). Приведенный материал позволяет предположить связь происхождения социального термина «царгасата» с религиозными представлениями алан-овсов, в частности, с верой в покровительство орла. Орел в индоевропейской традиции всегда находился на вершине «Мирового дерева» и часто выступал в качестве посланника богов (**Гамкрелидзе, Иванов** 1984, с. 359).

Довольно сложно определить точное время появления прототипа Царгаса в Осетии. В родословных Царгас предстает братом Шарваша — родоначальника абхазских князей Шервашидзе из рода Чачба. Впервые Шервашидзе упоминается

в «Истории и восхвалении венценосцев», написанной в 20-е годы XIII в. По народным преданиям, представители этого рода становятся правителями Абхазии во время Давида Строителя [рубеж XI-XII вв.]. Однако в «Летописи Грузии» сообщается об осаде Анакопии весной 1046 г. грузинскими и абхазскими войсками; во главе последних стоял эристав Куабулел Отаго Чачасдзе — по мнению Ш.Д. Инал-ипа, грузинская форма абхазского фамильного имени Чачба. Н.А. Бердзенишвили также связывал фамилию Шервашидзе с военачальником Отаго [Дотагод] Чачасдзе (*Инал-ипа* 1976, сс. 407-408). В любом случае возникновение княжеского клана Шервашидзе относится к предмонгольскому периоду. Коль скоро фольклорное наследие Царгаса и Шарваша считает братьями, то появление первого в горной Осетии предположительно можно отнести ко времени, предшествовавшему татаро-монгольскому нашествию. Косвенное подтверждение этому находим в генеалогических преданиях дигорских феодалов. По многим редакциям, Царгас обосновался в Дигории раньше Бадела. Данное указание устной традиции дало Пфафу право для интересного предположения: «До пришествия бадилатов Дигория, вероятно, состояла в зависимости от другой владетельной фамилии из сословия царгасатов» (*Пфаф* 1871, сс. 82-83). Анализ статейного списка Н. Толочанова и А. Иевлева привел Скитского к заключению о «господствующей роли царгасатов в Дигории до усиления власти баделятов» (*Скитский* 1949, с. 127, примеч. 1).

Для реконструкции процесса становления привилегий феодалов Стыр-Дигории немаловажное значение имеет информация, синтезированная в художественно-историческом образе Бадела. Около двух столетий продолжается дискуссия о его родине и времени прихода в Дигорию. Как известно, на вопрос откуда он пришел устная традиция дает два ответа. Часть баделят утверждала, что их родоначальник пришел из Венгрии. Об этом сообщается в некоторых вариантах предания балкарцев о происхождении таубиев. В одном из них рассказывается, как в далеком прошлом пришли из-за моря, из Маджарии два брата царской крови: Бадел и Бассиат (*Д. А.* 1901. № 986). Венгрию считали пра-

родиной Бадела С. Броневский, К. Красницкий, Н.Ф. Дубровин (**Броневский** 1823, т. 1, с. 74; **Красницкий** 1865. № 31; **Дубровин** 1871, т. I, кн. 1, с. 374). Странники этой точки зрения под «Маджарами» понимали страну мадьяр, т.е. венгров. Однако, Миллер и Ковалевский более убедительно связали топоним с городом Маджары, развалины которого они отметили у ст. Просковеев Ново-Григорьевского уезда Ставропольской губернии [современный Буденовск] (**Миллер** 1881, с. 139; **Миллер и Ковалевский** 1884, сс. 533-534). Маджары — крупный золотоордынский центр на Северном Кавказе, занимавший площадь 8 кв.км., город с разнплеменным населением, значительную долю которого составляли христиане (**Полубояринова** 1978, с. 125). В крупнейшем городе Золотой Орды — Сарае Берке — по описанию Ибн-Баттуты, «монголы, асы, кипчаки, черкесы, русские, византийцы населяли отдельные кварталы, в которых имелись базары». Н.Г. Волкова полагает, что подобный характер населения имел место и в Маджарах (**Волкова** 1972, сс. 53-54). При раскопках города обнаружено пряслице конца XIII-начала XIV в. с осетинской надписью, выдержанной в нормах дигорского диалекта (**Турчанинов** 1971, с. 81).

В балкарских преданиях о происхождении таубиев говорится, что отец Бассиата и Бадела жил при Джанибек-хане маджарском. Джанибек — золотоордынский хан, правил до 1357 г. Причиной ухода Бадела и Бассиата из Маджар могло стать поражение золотоордынцев в битве 1395 г. с Тимуром; после разгрома Тохтамыша маджарские аланы³ ушли в горы к своим соплеменникам. Появление эмигрантов привело к столкновению двух групп социальных верхов. Это событие нашло отражение в «Песне об Айдаруке», возникновение которой фольклористы относят к рубежу XV-XVI вв. (**Хамицаева** 1973, сс. 66-156). Основная сюжетная линия данного памятника — узурпация власти Баделом, оттеснившим на второй план Айдарука Кабанова. Подчеркивая местное происхождение Айдарука, многие «демократические» версии предания о баделятах именуют его Дигор-Кабан, а от Дигора, по тем же версиям, произошло все коренное население (**ЦГА РСО-А**, ф. 262, д.10, св.2, л. 64-64 об).

V. 1. 4. Тагаурское общество. Название трех средневековых обществ Осетии — Дигорское, Алагирское и Куртатинское — связано с одноименным названием ущелий. В то время как название социума восточных осетин — Тагаурское, связано с социальным термином, обозначающим сословие феодалов — *тагиата*. Восточное общество осетин состояло из населенных пунктов, находившихся в Дарьяльском, Кобанском и Даргавском ущелье.

Существование самостоятельного социума восточных алан источники фиксируют с середины I-го тысячелетия. Район Дарьяла вошел в состав аланского этносоциального организма, в археологии представленного катакомбными могильниками и терско-сунженской группой городищ. Данный ЭСО в «Дербенд-наме» назван «страной Ихран» («Ирхан»). Согласно анализу А. В. Гадло, владельцы Ихрана в VII-VIII вв. возглавили борьбу горцев Центрального Кавказа с арабской агрессией (**Гадло** 1984а, сс. 129-130). В 722-723 гг. ал-Джаррах, пройдя через Дарьял, совершил поход вглубь территории восточной Алании, где он «захватил большую добычу». В 727-728 гг. Маслама совершил «поход против турок, захватил у них ворота Алан и столкнулся с каганом» (Ал-Якуби). По данным Ибн-ал-Асира, сражение с каганом продолжалось месяц и только осенние холода и дожди заставили арабов отступить. В 736-737 гг. Мерван проник в землю хазар «со стороны Аланских гор». Поход арабов через густо населенные территории восточной Алании привел к разрушению «городов и замков» страны (**Гадло** 1979, сс. 168-169). Но жизнь вдоль Терека не прекращалась; в этом районе в VIII-IX вв. сохраняются старые аланские поселения и возникают новые. К западу от Аргуна наблюдается даже усиление алано-овской общности. В VIII в. катакомбные могильники появляются у слияния рек Шар-Аргуна и Чанты-Аргуна, в Ассинском и Джераховском ущельях, в северной части Дарьяла, в верховьях рек Гизельдон, Ардон и Урух (**Гадло** 1985, с. 169).

У входа в Дарьяльское ущелье археологи исследовали несколько поселений, принадлежавших аланам. Так, на южной окраине г. Владикавказа исследовано крупное городище, рас-

полагавшееся на правом берегу Терека на мысу, образованном слиянием балки с поймой реки, в районе школы № 13, студии телевидения, и завода «Бином» на Осетинской слободке. Судя по находкам керамики, обжитая территория тянулась по правому, высокому и обрывистому берегу Терека на расстоянии около 800 м при ширине 250-300 м. Довольно значительное для своего времени поселение и его могильник стали известны еще до первой мировой войны. Согласно сведениям Л. П. Семенова, из этого городища или могильника происходят случайные находки бронзовых, золотых и стеклянных изделий, разбитые глиняные сосуды черного, серого и красного цвета, орнаментированные мелкие железные изделия и т.п. Некоторые предметы, например стеклянный кубок хорошей сохранности, поступили в краеведческий музей (**Семенов** 1948, с. 116).

По мнению Е. И. Крупнова, данный памятник «городищем» назван по недоразумению, ибо это — «огромное поселение с мощным культурным слоем». По аналогии с археологическим материалом из катакомб сел. Чми и Балта, поселение, «давшее лощенную керамику, жернова и другие предметы», может быть отнесено к VI-X вв. Ту же дату дали Л. П. Семенов и В. А. Кузнецов. По убеждению последнего, «наличие хорошо прослеживаемой и в настоящее время мысовой цитадели, укрепленной рвом», позволяет считать данный памятник «большим укрепленным городищем» (**Кузнецов** 1980, сс. 50-68).

С рассматриваемым вопросом связан, на наш взгляд, еще один интересный сюжет. Речь идет о драгоценном перстне с алемандиновой вставкой, на которой вырезано имя армянского царя «Ашота сына Снбата» (886-891 гг.). Перстень обнаружен в богатейшем женском погребении под полом Зеленчукского храма, кафедрала Аланской епархии. Тщательно сложенный каменный ящик содержал уникальный сопровождающий инвентарь из 242 предметов, 170 из которых — золотые или позолоченные украшения. Между временем изготовления перстня Ашота и временем погребения его владелицы, аланской аристократки, специалисты допускают хронологический промежуток в несколько десятилетий. При каких обстоятельствах перстень царя

Армении мог попасть к представителям высшего слоя аланской аристократии?

Ашот Багратуни в историю вошел как первый царь, при котором Армения восстановила свой суверенитет, ибо до 80-х гг. IX в. страна управлялась чиновниками арабского халифата. В 890 г. Ашот I в борьбе за контроль над Картли заключил военно-политический союз с Аланией и Абхазией. В начале X в. Смбат I [сын Ашота I] неоднократно призывал на помощь «северное ополчение [алан], на которое более всего надеялся». В такой ситуации перстень Ашота мог в качестве подарка союзника оказаться у представителя аланской аристократии. Отметим еще одно важное обстоятельство. Непременным предметом в наборе инсигний армянских царей была корона, называемая словом *таг*. А одним из основных терминов, обозначающих царский титул, являлось слово *таговор*. Этимология последнего термина прозрачна: *таговор* восходит к *таг* «венец», «корона». Существует гипотеза, согласно которой *таговор* [«венценосец», «царь»] — «довольно обычное наименование у мусульманских авторов восточных христианских государей вплоть до византийских императоров включительно» (*Миклухо-Маклай* 1954, с. 204 примеч. 10). Царю Армении Смбату I Багратуни этот титул пожаловал византийский император.

Учитывая длительные, оживленные армяно-аланские связи, можно предположить возможность заимствования князьями Восточной [Дарьяльской] Алании социального термина *тагата* [«венценосцы»] именно из Армении. Интересно, что грузинская форма топонима — Тагаури — в буквальном переводе означает «область Тага», т.е. «область князя».

Исходя из изложенного, формирование высшего сословия Восточной Осетии, *тагатов*, следует, скорее всего, отнести к периоду до татаро-монгольского нашествия. Более узко — к рубежу I-II тысячелетий.

Хорошо осведомленный о социальной структуре Алании начала X в. Константин Багрянородный особо говорит об «эксусиократоре Алании» и «архонте Асси [на чьей земле расположены Каспийские ворота]». «Каспийские ворота» В. Ф. Ми-

норским отождествлялись с Дарьяльским проходом, т.е. с территорией «страны Ирхан». Специалисты в «эксусиократоре» единодушно видят царя Алании. В определении же социального статуса «архонта» Ирхана и его отношениях с царем имеются расхождения. Византийские источники X в. отмечают «архонтов», «архонтов высшего ранга» и «архонта архонтов» (**Кучма** 1982, сс. 101-102). По мнению М. В. Бибикова, у Константина Багрянородного «архонт» обозначает местного властителя (**Бибиков** 1981, с. 143). Отношения «эксусиократора» Алании и «архонта» Ирхана напоминали, очевидно, отношения великого князя и местных князей Киевской Руси X в. Причем, «эксусиократор» Алании и великий князь киевский — это еще не самодержавные монархи, а государи, правившие в согласии с формирующейся знатью.

Примечания

¹ Довершил разгром алан Тимур, после походов которого равнинная Алания стала «пустыней без владельцев» (**Меховский** 1936, с. 72).

² Необходимо, правда, отметить, что равнинные аланы в XIII-XIV вв. оседали главным образом не в Туалгоме и Алагире, а в других ущельях Осетии (**Калоев** 1971, с. 42). Иными словами, синтез не отличался здесь той степенью интенсивности, как в соседних обществах.

³ Под ними не следует понимать только алан, проживающих в Маджарах. Скорее всего, «маджарскими» горные осетины называли своих соплеменников, в XIII-XIV вв. проживающих на равнине и сотрудничавших с татаро-монголами.

V.2. Кабарда

Предварительные замечания. Как уже отмечалось, после присоединения народов Кавказа к России сразу же возникла проблема взаимодействия традиционных форм власти у горцев и государственно-административного управления империи. Отсюда — длительный поиск методов «ненасильственной интеграции» (**Дегоев** 2003, с. 227). Особой чертой таких поисков в первой половине XIX в. стала «специализация» по выполнению одной из социальных функций исторического познания, в новейшей историографии обозначаемого понятием «открытие Другого» (**Савельева, Полетаев** 2008, сс. 375-381). В условиях Кавказской войны установка на «открытие Другого» воспринималась как «элемент военного планирования», нацеленного на выявление слабых и сильных мест противника. Типичным для кавказоведения того периода определение задач исследования является установка С. М. Броневского, считавшего знания о Кавказе «*наипаче нужными для Русских Офицеров в том краю служащих*» (**Броневский** 1823, т. I, с. IX).

V. 2. 1. История Кабарды в адыгском фольклоре. Исторические и генеалогические предания адыгов сохранили фольклорное отражение формирования средневековых обществ, обособившихся «в результате феодальных междоусобиц в конце XV в.» (**Гарданов** 2004, с. 323). «Народные предания, — писал Хан-Гирей, — несмотря на баснословие, их помрачающее, нередко содержат важные истины, почему эти предания всегда любопытны для наблюдательного ума, и мы поместили здесь предания самих кабардинцев о происхождении их поколения» (**Хан-Гирей** 2008, с. 184).

Одно из таких преданий привел Ш. Б. Ногмов, «относя деление кабардинцев на две части... ко временам Тмутараканской Руси X-XI вв. и связывая это деление с именами двух потомков родоначальника всех адыгских князей» Инала: «Идара, оставшегося князем кабардинцев, и Каноко, возглавившего отделившихся бесленеевцев» (**Ногмов** 1861, сс. 77-87).

Аналогичное предание записал Хан-Гирей, согласно которому после смерти Инала его наследники разделились на две

части: «одну из них составили кабардинцы, переселившиеся с Кубани в окрестности Пятигорья, а другую — бесленеевцы, оставшиеся на Кубани» (*Хан-Гирей* 2008, сс. 186-189).

На протяжении всего средневековья в социальной структуре адыгов доминирующее положение занимал «класс профессиональных воинов-рыцарей — уорк. В некоторых областях Черкесии... он составлял едва ли не треть всего населения». Уорки несли службу у князей *пщи* и у первостепенных дворян *тлекотлешей*. Князья и первостепенные дворяне, принимая рыцаря на службу, одаривали его «боевым конем, оружием, земельным участком», зависимыми категориями населения. «Этот дар, или бенефиций — подчеркивает Б.Х. Бгажноков, — так и назывался: *уорк тын* — ‘дарение рыцарю’». Отношения между феодальными сословиями определялись правом. Но наряду с ним, сложились и имели реальную практику такие институты, как *уэркъыгъэ* — рыцарский моральный кодекс, и *уэркъ хабзэ* — дворянский этикет (*Бгажноков* 1999, сс. 20-21).

Один из вариантов этносоциальных процессов, протекавших у адыгов в предмонгольский период, предложил А.В. Гадло. Он обратил внимание на образ князя Инала адыго-кабардинских родословных, коему предания приписывают объединение племен Северо-Западного Кавказа, проведение административной и судебной реформ, удачные войны с соседями. Инал, предок «наиболее крупных княжеских династий и аристократических родов» известен и под другим именем — Акабку, которое является искаженным тюркским титулом *ак-ябгу* «западный правитель» (*Гадло* 1978, сс. 25-33; *его же* 1979, с. 195). Имя Инал в ту эпоху использовалось и как социальный термин — «правитель», «владелец» (*Гафуров* 1987, с. 152), распространенный в Тюркском и в Хазарском каганатах. Успехи Инала, кабардинского князя, *Гадло* (1979; *его же*, 1994) объяснял неординарными личными качествами самого князя и поддержкой Хазарии.

Большинство генеалогических и исторических преданий адыгов предков князей выводят от Инала. По одной из родословных он, якобы, принадлежал «к пятому или шестому поколению... аристократической семейной группы» мифических

правителей Аравии (*Гадло* 2005, с. 448). Интересно второе имя Инала — *Акабгу*. Оно, впрочем, может быть и титулом *ак-ябгу*, буквально: «западный [в географической номенклатуре тюрок *ак* — «белый» используется для обозначения запада] правитель» или «наместник». Учитывая время правления Инала, в устной традиции связываемое с эпохой хазарского господства на Северном Кавказе, Гадло предположил, что Акабгу-Инал был адыгским правителем, признавшим свою зависимость от каганата. Судя по имени [титулу], «он родственными отношениями был связан с домом кагана». Социальная структура хазар не предусматривала ликвидации традиционных форм управления в вассальных обществах. Местная знать обычно включалась в верхи хазарской сословной иерархии (*там же*, сс. 448-449).

Анализ фольклорных текстов показал, что после смерти Инала резко обострились отношения адыгов с хазарами. Из последних попыток найти могилу генеалогического предка кабардинских князей остановимся на версии В. А. Фоменко. Он обратился к одной из фотографий известного дореволюционного краеведа Е. Д. Фелицына. На ней сохранилась надпись: «Могила князя Инала, родоначальника кабардинских князей, находится в 5 верстах к югу от станицы Передовой Баталпашинского уезда Кубанской области» (*Фоменко* 2013, С. 108). В научный оборот данную фотографию ввел М. Н. Ложкин, сопроводив ее краткими комментариями: «Вокруг деревьев и далее на восток — завал из камней, предположительно остатки стен разрушенного прямоугольного здания. Справа, в некотором отдалении от деревьев — поросшее кустарником возвышение». Название урочища — Грушка — сохранилось до наших дней. Деревьев давно уже нет, но старшие станичники еще помнили о них. Насколько верно данное предположение — судить трудно. Источник сведений Фелицына о могиле Инала неизвестен. В конце XX столетия «старожилы станицы Передовой об этом ничего не знали» (*Ложкин* 1996, сс. 133-134).

В историографии утвердилось мнение, по которому могила Инала [Инал-куба] находилась в горах Абхазии. Однако «сведения об Инале происходят в основном из фольклорных источ-

ников и настолько противоречивы, что даже время правления князя одни исследователи относят к хазарской эпохе, а другие — к позднему средневековью» (**Фоменко** 2013, с. 109). В обобщающем академическом издании по истории народов Северного Кавказа Инал, живший «в начале XV в.», предстает реальным предком кабардинских бесленеевских и темиргоевских князей. Ему, будто бы, «удалось сломить сепаратистские тенденции ряда феодалов и объединить значительную часть населения под своей властью» (**История народов...** 1988, с. 237).

Чиновники одного из сословных комитетов обратили внимание на «предание кабардинцев», согласно которому «родоначальником сословия *пши* считается Инал, сын или внук Хру-Фажетлея, правившего Египтом, и после поражения, нанесенного ему турецким султаном [Магометом II или его преемником], ушедшего с дружиной своей в пределы Крымского ханства. Каким образом Инал» стал владельцем Кабарды, «то есть покорил ее силой или приглашен был народом в качестве правителя — предание умалчивает, но достоверно известно, что со смерти Инала Большая Кабарда разделена была на уделы между его сыновьями Атажуко, Мисостом и Кайтуко; впоследствии в роде Кайтуко образован был еще удел четвертый — Бек-Мурзина. С того времени Большая Кабарда разделяется на четыре части...» (**О правах...** т. I, 2003, с. 80).

По отдельным сюжетам исторического фольклора, «до бытия князей вся власть над народом принадлежала» Тамбиевым, Куденетовым и Анзоровым. На сословной лестнице они стояли на второй [после князей] ступени и именовались *тлекотлешами*. Они владели обширными угодьями «и имели подвластных себе уорков [дворян]». После водворения «в Кабарде князей роль своего сословия и свою независимость при Инале они вполне сохранили, жили на своих землях, имели собственные аулы», зависимых уорков, со своими подвластными беспрепятственно переходили с места на место и вместе с князьями, «посредством выбранного из среды своей *кодза* [олигарх] управляя внешними и внутренними делами своего Отечества» (**там же** 2003, сс. 84-85).

Следующее по значимости сословие в Кабарде называлось *дижинуго*. Непременное условие принадлежности к данной социальной группе «состояло в имени в зависимости от себя нескольких уорк-шаутлугусов». По традиции, уорк «не имевший зависимых от себя других уорков, не мог принадлежать ни к сословию тлякотлеш, ни к сословию дижинуго» (*там же*, с. 86).

В памяти потомков родоначальник кабардинских князей остался не только как правитель-воин, но и как реформатор адыгского общества, как мудрый законодатель. «Ему приписывалось создание института 'сорока судей', вероятно, игравшего роль совета страны — периодически собиравшегося административно-политического органа» (*Гадло* 2005, с. 450).

Интересны топонимы, название которых происходит, скорее всего, от имени Инал. Например, название горы, расположенной между верховьями рек Баксан и Малка, рядом с горой Канжал, принято выводить от генеалогического предка кабардинских князей Инала. Он, якобы, правил до 1427 г. Другой топоним — *Иналхабла маз* «лес села Инала». Отметим и название *Иналуко имакупа*, закрепившегося за сенокосным участком (*Кочков* 2000, с. 58).

Вместе с тем, по археологическим материалам «адыгские могильники ранее XIV в. на Центральном Кавказе, включая и Пятигорье, не фиксируются» (*Схатум* 2009, с. 101). По мнению отдельных исследователей, самое «раннее... достоверное упоминание адыгов на Центральном Кавказе относится к рубежу XV-XVI вв. Русский посол в Крыму Иван Кубенский в сообщении от 1500 г. назвал местность «в Пяти горах под Черкассы» (*там же*, с. 105).

В стойкой устной традиции сохранились свидетельства тесных связей некоторых князей с элитой татаро-монголов. Знать кабардинцев приняла «самое активное участие в узурпации власти» Узбеком. Разумеется, это отразилось на служебной карьере кабардинских князей, представители которой заняли ряд постов в военной структуре и администрации татаро-монголов. В период «великой замятни» [с 1359 г.] на какое-то время [1367/8 г.] они даже заняли трон великого хана [Хаджи-Черкес].

Напомним большую роль кабардинцев [адыгов] в управлении Египтом мамелюкской династии. За 135 лет, с 1382 по 1517 г., здесь правили 23 султана из «черкесов» (*Керефов Б. М., Керефов Т. Б.* 2005, сс. 36-38).

V. 2. 2. Социальная структура кабардинских обществ.

Знать. Сложная иерархическая структура кабардинских обществ сложилась в Золотоордынский период. По письменным источникам таковая фиксируется лишь со второй половины XV в. Во главе обществ того периода уже «находились, как считают Б. М. и Т. Б. Керефовы, князья — пщы [пши] (выделено авторами статьи), являвшиеся верховными владельцами всей земли» (*там же*, с. 38). Князья Идаровы, Шогеновы, Казиевы, Мисостовы, Джамбулатовы, Хатохшоковы [Атажукины], Гиляхстановы и др. родственными узами были связаны с феодальной знатью России, Грузии, Крыма, Ногайской орды, Дагестана и т.д.

Время формирования сословия *пши*¹ точно не определено. На основе генеалогических и исторических преданий, материалах сословных комитетов и комиссий, в дореволюционной историографии считалось установленным, что «в древности все время князья составляли в Кабарде закон». Изначально в управлении Кабардой участвовал и «народ посредством выборных из себя представителей... В последнее время независимого существования Кабарды главными факторами действовавшей там власти были *валий*² и *мехкем*³ (*Абрамович* 2003, с. 24).

По версии Хан-Гирея, «князь-аравитянин, именем Арап-Хан, принужденный обстоятельствами оставить свое отечество, прибежал к покровительству константинопольского императора», с позволения которого, Арап-Хан «со своими подвластными» поселился в Крыму, «на берегах речки Кабарта, от названия которой эти поселенцы получили и свое наименование... По смерти Арап-Хана сын его Абдан наследовал ему и спустя некоторое время с подвластными своими из Крыма переселился к Кавказским горам. Во время этого переселения у Абдана родился сын... Кес. По смерти Абдана Кес наследовал ему и с успехом предводительствовал кабардинцами. Адед-Хан, сын Кеса, наследовал отцу и

имел наследником Хурфелая; сын и наследник этого последнего есть тот знаменитый Инал» (*там же*, сс. 184-185).

М. Броневский писал о кабардинцах конца XVI в.: «это — совершенно свободный народ, имеет многочисленных и храбрых князей, которым подчиняются отдельные племена и роды» (**АБ-КИЕА**, с. 54).

В августе 1604 г. Дарьяльским путем в Грузию воспользовалось посольство М. И. Татищева (**Белокуров** 1889, сс. 454, 457). 3 августа 1604 г. он писал русскому царю: за Ларсом «приходили, государь, на нас на первом стану в ночи горские люди с вогненным боем». Прибыв в Грузию, послы уточнили: «архиепископ и царевы [Геоργия — Ф. Г.] ближние люди говорили..., что меж Черкасские и Юрьевы царевы есть горские люди, словут Осинцы, всего человек з 200, и те люди Карталинским людем чинят тесноту, тайно приходя, побивают и грабят, и на тех людей с Терки государевы воеводы рать послали и Черкасам на них идти велели... А те Осинцы бывали за Айтек-мурзою Черкасским, да от него отложились [курсив мой — Ф. Г.]...» (*там же*, сс. 456-457, 508).

Поздней осенью 1650 г. по пути в Грузию послы России Толочанов и Иевлев остановились в *Анзоровой Кабарде* (**Полиевктов** 1926, сс. 120, 126).

Пространную характеристику адыгам дал Э. Челеби. Он обратил внимание на несколько крупных поселений общинного типа, которые к его приезду уже 25 лет находились на одном и том же месте, в отличие от других, эпизодически менявших свое месторасположение. «А всего у них имеется двадцать благоустроенных и удобных селений в труднодоступных местах. [Их беи] распоряжаются в общей сложности десятью тысячами джигитов — богатырей прославленных и отважных». Верховным правителем у них являлся старший бей. «Однако вся власть и все управление» находились в руках у младшего бея — Мисоста (**Эвлия Челеби** 1979, сс. 86-90).

Формально адыгские князья, которые вели свой род от одного предка — легендарного Инала, считались равными между собой. Однако значимость и влияние каждого из них в средние

века определялись размером хозяйства, количеством урков и зависимых крестьян. Некоторые князья имели сотни и даже тысячи подвластных, огромные стада скота и табуны лошадей (**Гарданов** 1967, с. 166). Другие — едва сводили концы с концами. Так, в «Рескрипте ген.-аншефу Гудовичу» от 8 мая 1792 г. упомянут «Большой Кабарды фамилии Джембулатовой *старший владелец* [здесь и далее курсив мой — Ф. Г.] кн. Атажуко Хамурзин, Российской службы премьер-майор, *сильнейший в своем краю владелец*. По прибытии в Кабарду бригадира Горича, он [князь] с сыном, братьями, *узденями* и *войском* своим... тотчас представил себя на службу и, будучи на оной, убеждал своих единоземцев и других народов к хранению тишины и спокойствия, в чем успев совершенно, отобрал от них многих российских пленных. В 1788 году, во время экспедиции ген. Текелия на Анапу, находился он с своими узденями при сем генерале и был в сражении; потом с ген.-м. Горичем в походе с мая по декабрь месяц на открытых горах, и везде старался доказывать свое усердие. В 1791 году отличился в сражениях за Дунаем; пожалован подполковником с пенсионом по чину. Той же Кабарды фамилии Мисостовой владелец кн. Ислам Сидаков с *своими узденями и войском*» находился при генерале Гориче; «пожалован в премьер-майоры с жалованием по чину». В этом же списке упомянуты князь Магомед Татарханов «с своими узденями»; «Мисостовой фамилии владелец Дохшуко Наврузов с своими узденями... Средней Кабарды Таусултановой фамилии *первый владелец* кн. Тавсаруко Таусултанов, Российской службы секунд-майор, *сильный в своем краю владелец*,... приехав с *своими узденями* и *200 отобранных людей своего войска*» находился при генерале Гориче. Лично отличился в одном из боев: «взял 8 человек панцырников в плен... произведен в подполковники с жалованьем по чину. Малой Кабарды *старшего владельца* кн. Келемета Ахлова сын кн. Каншал Ахлов в зимнее и холодное время *привел* к нему *800 чел.*». Другой представитель князей Ахловых, Камбулат, «взят с его узденями гнен.-м. Горичем для службы». Князь Камбулат «*привел для службы 200 чел. Осетинцев... Из Осетинских князей первый владелец* Кубатийский, Кирман Кубатиев, нареченный

во святом крещении Александр, имев счастье при святом крещении быть воспринят от купели Ея И. В., находился с *своими узденями* во все время при ген.-м. Гориче... Из тех же князей [осетинских] Таусултанова владения владелец *Айтек Туганов* [дигорский баделяты]... произведен в капитаны с жалованьем по чину». Малокабардинец Таусултан Инарукин, «племянник его Мадар, имея *собственное владение* и будучи в своем краю *довольно силен*, приехал добровольно с братом своим Мамадаром Инаруковым и *узденями* для оказания услуг своих ген.-м. Горичу;... Из Осетинских старшинских фамилий старшина Кайтуко Бай-Гиреев употребляем был как от ген.-м. Горича, так и прочих генералитетов в *разные секретные комиссии* и исполнял порученное с усердием» (*Из документальной...* 2000, сс. 54-56).

Как видно из материалов позднего средневековья, в коалицию кабардинских князей нередко входили феодалы соседних обществ. Такие смешанные отряды совершали набеги на владения других аналогичных группировок. Совместные походы господствующих слоев Северного Кавказа не были редкостью. И. Кануков вспоминал, как его отец возвращался с балца «в сопровождении целой кавалькады: тут были и кабардинские и кумыкские князья, и все они гостили более или менее продолжительное время» (*Кануков* 1876, с. 105-106). Набеги составляли характерную черту жизни горской знати. А страдало от них все трудовое население независимо от национальной принадлежности; «плоды дружбы горских феодалов, — писал по этому поводу В. К. Гарданов, — были весьма горьки для их подчиненных» (*Гарданов* 1964, с. 54).

Иногда несколько группировок объединялись в один феодальный блок. Так, в декабре 1766 г. майор Татаров доносил полковнику Копыловскому «о собрании как Большой Кабарды, так и Малой владельцами и узденями и прочими горскими народами, яко то Карачай, Чегем, Балкар, *Дугор*, *Каражау*, *Кубатием*, находится на общем собрании и согласии» (*ЦГА РД*, ф. 379, д. 638, л. 70). Состав феодальных блоков не отличался постоянством. Даже при жизни одного поколения он мог радикально перемениться, как могла измениться его внешнеполитическая

ориентация. Например, по свидетельству М. Татищева (1604 г.), тагаурцы «бывали за Айтек-мурзою Черкесским, да от него отложились» (**Белокуров** 1889, с. 508). В XVIII в. часть осетинских владельцев входила в группировки малокабардинских феодалов, а другая часть ориентировалась на князей Большой Кабарды. Во второй половине XVIII в. часть баделятов изменила прежнему сюзерену Таусултанову. Причину этого со слов «старшин Кантемирских» в 1802 г. выяснил А. Е. Соколов: «владельцы Большой Кабарды, приметя ослабление потомков Тав-Султана, от разделения между ними происшедшего, употребили случай тот в свою пользу, начав господствовать не только над самими Тав-Султанами, но и над всеми прочими селениями, на их земле находящимися: Кубатиевым, Тугановым, Каражаевым, Шегемовым и Кабановым,... преклонив к себе старшин сих селений, так и всех Дигорских, избыточными подарками; и таким образом владельцы Большой Кабарды распростерли власть свою до самых подошв Снеговых гор» (**Библиографическая заметка** 1875, сс. 21-22). Причина переориентации баделятов коренится в ослаблении позиций князей Малой Кабарды. В 1752 г. умер наиболее могущественный из них — Адильгирей Гиляксанов. Его наследники Батай и Али-Арсланбек Таусултановы не пользовались тем политическим весом, каковой имел дядя; чем незамедлительно воспользовались их противники: «некоторые Большой Кабарды владельцы призывают их осетинцов под свою власть обнадеживая при этом их защищенем» (**ЦГА РД**, ф. 379, д. 500, л. 47 об. — 48 об.). В конце концов часть осетинских феодалов заключила союз с князьями Большой Кабарды. Отношения с новыми сюзеренами закреплялись «избыточными подарками» — практика, характерная для средневекового Кавказа. Каждый владелец, вступая в связь с князем, получал от него т.н. «урок-тын», в русских источниках известный под названием «узденской дани». По обычному праву получение урок-тына было единственным, что связывало феодала с сюзереном, которому служили по своему выбору и добровольному соглашению. Отношения между партнерами по феодальному блоку тогда считались закрепленными, когда

«узденская дань» выплачивалась сполна (**Гарданов** 1967, сс. 182-183).

Высшее сословие, *пши* Г. А. Кокиев, опираясь на генеалогические предания, выводил от некоего «Шамбока, бывшего якобы выходцем из Крыма» (**Кокиев** 2005, сс. 132-133). Между тем, как уже выше говорилось, в подавляющем большинстве версий *пши* выводили свои родословные от легендарного *Инала*.

Сословие князей составляли «всего лишь четыре фамилии⁴: Бекмурзина, Кайтукина, Мисостова и Атажукина... На две части между потомками *Инала* делилась Малая Кабарда» (**Гарданов** 2004, с. 315).

По представлениям средневековых кабардинцев, князья их являлись «естественными и прямыми покровителями народа;... с весьма давнего времени вся Большая Кабарда разделена на четыре части между четырьмя княжескими фамилиями: Кайтукины, Бек-Мурзины, Мисостовы и Атажукины, а Малая Кабарда, иначе называемая Гелестаном — по имени родоначальника кабардинских князей, на две: Мударовы и Таусултановы [к последним двум фамилиям причисляют себя горские князья Бековичи-Черкасские и Ахловы. Но происходят ли они из сословия кабардинских *пши* и только переменили свои фамилии или же они происходят от кабардинских тума, или даже суть другого происхождения — положительных сведений не имеется]; фамилии Мударовых [Мулдаровых] и Таусултановых в мужском колене прекратились» (**Абрамович** 2003, сс. 24-25).

Пши всю кабардинскую землю считали своей собственностью (**там же**, с. 26).

О степени влияния *пши* на всем Северном Кавказе можно судить по материалам Комиссии для разбора сословных прав горцев Кубанской и Терской областей, созданной 30 декабря 1869 г. В справке «Исследования комиссии о сословном строе в Терской области» говорится: «шамхалы Тарковские, род которых Всемилостивейше возведен в княжеское достоинство Российской империи, князья Шервашидзе, пользующиеся титулом Светлейших, и другие им подобные владельцы не далее как в начале текущего [XIX — Ф. Г.] столетия были не только равными

кабардинским пши, но нередко заискивали дружбу сих последних; дружеские отношения к кабардинцам всегда сохраняли и цари грузинские» (**О правах...** 2003, с. 77).

«В числе атрибутов власти» кабардинских князей «находилось принадлежавшее им право давать своим беслен-пшитлям [княжеским холопам] звание уорк-шаотлигуса и некоторым из них последних, а равно и из сословия беслен-уорков, облагораживать пред прочими особенным к себе приближением» (**там же**, с. 81).

В другой справке утверждалось, что среди высших сословий «первенствующую роль играло сословие *пши* [соответствует словам «господин», «владелец»], к которому принадлежали все старейшины, управлявшие разными частями Кабарды. Пши занимали первое место в народных собраниях, были военачальниками, имели право объявлять войну и заключать мир» (**там же**, с. 200).

На вторую после князей ступень сословной лестницы кабардинской знати Кокиев ставил *тумов*⁵ — детей пши от неравных браков (**Кокиев** 2005, с. 134). В «Очерке сословного строя в горских обществах Терской и Кубанской областей», составленном чиновниками одноименного комитета, тумы также поставлены на второе место. Правда, с существенной оговоркой: тумы «хотя и выше *тлекотлешей*, но полных княжеских прав не имеют». Для приобретения таких привилегий тумам необходимо было либо признание «настоящими князьями своей фамилии за равных себе», либо «совершением каких-либо подвигов приобрести народное уважение». Практикой получения тумами сословного титула *пши* объяснялись поведение первых в бою, отвага в набегах, щедрость, «ловкость в воровстве», и др. Причем, тумы «каждое мгновение права свои подкрепляли силой оружия» (**Абрамович** 2003, с. 27).

Большинство кавказоведов следующие за княжескими места на сословной лестнице кабардинских обществ отдавали *тлекотлешам*⁶ [«рожденные от могущественного»] и *деженуго* [«позолоченное серебро»]. Оба благородных рода были настолько сильными, что оскорблять их «боялись князья, у кого

они [пши — Ф. Г.] нередко искали себе покровительства и мнение которых в народе бывало действительнее и сильнее голоса князей» (**Абрамович** 2003, с. 27).

Эти сословия «всегда жили особенными от князей аулами [при этом тлекотлеши жили на землях своего наименования, входившего в общее деление Кабарды на княжеские части] и имели право по своему усмотрению со всем своим аулом переселяться с одного места на другое, с тем, однако же, условием, что такое переселение совершено в пределах участка, называющегося именем природного их князя» (**там же**, сс. 27-28).

По мнению Кокиева, к *тлекотлешам* относились Тамбиевы, жившие в уделе Мисостовых, Куденетовы, подчинявшиеся Атажукиным, и Анзоровы, считавшиеся дворянами Кайтукиных. «Тлекотлеши признавали власть *пше*, но сохранили за собою некоторую независимость: жили на своих землях, имели свои аулы, своих крестьян и пользовались правом свободного переселения со своими холопами из одного места в другое» (**Кокиев** 2005, сс. 134-135).

Непременным условием принадлежности к *дижинуго* являлось владение хотя бы несколькими *урк-шаутлугусами* [дворянами]. Обычно в сословие *дижинуго* попадали богатые дворяне, «выделявшиеся среди других своими боевыми качествами». К ним принадлежали Багирсовы, Пшеуковы, Боровы, Мангушевы и Кандуровы (**Кокиев** 2005, с.135).

Вассалами князей считались *урки* «дворяне», существенно различавшиеся по своему социально-экономическому и политическому положению. Некоторые исследователи средневековой Кабарды высшим, наиболее привилегированным сословием *дворян* считали *тлекотлешей* [«сильный», «могущественный род»], ограничивавших княжескую власть. Кабардинские адаты для фамилий тлекотлешей Анзоровых, Куденетовых и Тамбиевых устанавливали особые права. Следом за ними находились члены сословия *дижинуго*. Затем на сословной лестнице шли *беслан-урки* [«княжеские урки»] и *урк-шаутлугусы* [«рыцари, сопровождавшие урка»]. Причем, первые из них считались вассалами непосредственно князей, а вторые — тлекотлешей и ди-

жинуго. Уорки [дворяне] являлись маркером силы, определявшим власть и авторитет кабардинских князей (**Керефов Б. М., Керефов Т. Б.** 2005, сс. 38-39).

Дворяне средневековой Кабарды состояли из нескольких сословий. Титул *беслан-уорк* [княжеский дворянин] «без особого затруднения» приобретался уорками-шаутлугусами. «Приобретение этого звания совершенно зависело от желания уорка и всегда» связывалось с получением т.н. *уорк-тына* «княжеской дани». Иными словами, князь обязывался дать уорку, желавшему стать его беслан-уорком, «какой-нибудь ценный подарок, в большинстве случаев» состоявший из дорогого оружия и серебряных изделий: чаш, кубков и т.д.; «кроме того, беслан-уорки имели свою часть из получаемого князьями калыма и вообще много других выгод в материальном отношении». В свою очередь, в обязанности самого беслан-уорка входило: непременно жить в ауле своего князя, либо, «по крайней мере, на земле его имени, сопутствовать ему во всех его походах [если князь этого пожелает] и во всех обстоятельствах служить ему словом и делом. В случае ссоры князя с беслан-уорком сей последний возвращал князю полученную от него дань, имел право переселиться к другому князю или тлекотлешу и таким образом прекращал взятые на себя обязательства, не утрачивая при этом своего звания». Но такие случаи, если и бывали, то «чрезвычайно редко». Как правило, ссоры между князем и его уорком завершались примирением. Необходимость примирения обуславливалась тем обстоятельством, что, «по понятиям кабардинцев, оставление беслан-уорком своего князя составляло неизгладимый позор как для того, так и для другого» (**Абрамович** 2003, сс. 28-29).

Чиновники сословно-поземельных комитетов и комиссий долгое время не могли определить происхождение *уорк-шаутлугусов* [«выкупающий голову»]. Возможно, предположили чиновники, рассматриваемое сословие составляло автохтонное население. С момента оформления сословной структуры в кабардинских обществах уорк-шаутлугусами становились только *беслан-пшитли* [«княжеские холопы»]. Переход в новое сословие происходил либо посредством выкупа, либо «посредством де-

ловой уступки их тлекотлешем и джинуго». Все беслан-пшитли «есть без исключения не природные кабардинцы, а выходцы из других мест, покинувшие свою родину вследствие кровомщения. Сначала они были совершенно вольными людьми и находились только под покровительством князей, у которых нередко исполняли обязанности домашней прислуги...» (*там же*, с. 29).

В 1862 г. при разборе личных прав населения Кабарды, выкупившихся на волю беслан-пшитли депутаты причислили не к шаутлугусам, а к сословию *азат*. Многие уорк-шаутлугусы «ради подарков и других материальных выгод добровольно поступали в подданство тлекотлешей и джинуго, принимая на себя такие же обязательства, исполнение которых в отношении князей составляло долг беслан-уорков». Принципиальное отличие *уорк-шаутлугуса* от *беслан-уорка* «состояло в том, что для первого не считалось стыдом лично заниматься черной работой, например: пахать, косить, возить дрова и пр., а для второго подобные занятия были совершенно неприличны» (*Абрамович* 2003, с. 30).

В трудах адыгских просветителей XIX в. немало места занимали проблемы общественного строя Кабарды. По словам И. Атажукина, социальная структура кабардинцев являла собой своеобразную феодальную лестницу. «Первую ступень власти имеют князья, в зависимости коих суть дворяне, делящиеся на три степени и знаменующиеся неограниченною приверженностью к своим князьям. Народ находится в совершенном узничестве дворян и князей» (см.: *Айларова* 2003, с. 72).

Ш. Б. Ногмов обстоятельно охарактеризовал каждое сословие: дворянство [тлякотлеш, джинуго, кодзь, пщи-уорк, или беслан-уорк, уорк-шаутлугус], крестьянство [*пшикеу* «княжеский»; *окго* «крепостной»; *лагунопыт* или *тфокотль* «крестьянин»; *унаут* «дворовой человек»]. На вершине этой пирамиды располагался князь. «Князья издревле назывались покровителями, защитниками народа, каждый из них имел более или менее зависящих от него подвластных» (*Ногмов* 1994, с. 74).

Первостепенные дворяне, согласно Хан-Гирею, «подчинены князьям в виде великих вассалов. Права этого разряда дворян

весьма важны, у некоторых из них равняются в иных случаях с правами, присвоенными княжескому достоинству». Таких фамилий всего несколько. Второй разряд дворян [«пшьчеу» или «княжеская ограда»] — опора князей. Третьестепенные дворяне выполняли различные поручения князей, в том числе — «взыскивали штрафы, а также все потребное от поселян сельского их произведения» (*Хан-Гирей* 1992, с. 120).

На протяжении всего средневековья в социальной структуре адыгов доминирующее положение занимал «класс профессиональных воинов-рыцарей — уорк. В некоторых областях Черкесии... он составлял едва ли не треть всего населения». Уорки несли службу у князей *пщи* и у первостепенных дворян *тлектлешей*. Князья и первостепенные дворяне, принимая рыцаря на службу, одаривали его «боевым конем, оружием, земельным участком», зависимыми категориями населения. «Этот дар, или бенефиций — подчеркивает Б.Х. Бгажноков, — так и назывался: *уорк тын* — ‘дарение рыцарю’». Отношения между феодальными сословиями определялись правом. Но наряду с ним, сложились и имели реальную практику такие институты, как *уэркъыгъэ* — рыцарский моральный кодекс, и *уэркъ хабзэ* — дворянский этикет (*Бгажноков* 1999, сс. 20-21).

V. 2. 3. Крестьяне и рабы. Основными производителями материальных благ являлись крестьяне, общее название которых *мэкъумэшыццэ* — буквально: «возделыватель сена и проса»; по мере их закрепощения трансформировались в *пшитлей* [*пщыл*] — «княжеский мужчина». По обычному праву кабардинцев пшитли делились на *огов* [уэгу «оброчные»], *лагунопытов* [«дворовые»], *унаутов* [домашние рабы или «безобрядные» холопы] и позднее — *азатов* [«вольнотпущенники»] (*Керефов Б. М., Керефов Т. Б.* 2005, с. 39).

Ценным источником по рассматриваемому вопросу является «Очерк сословного строя Кабардинского округа», составленный по материалам сословной Комиссии Терской области, а также материалы из «дел Кавказского горского управления и из статей, помещенных в вышедших до сих пор выпусках ‘Сборника сведений о кавказских горцах’» (*Абрамович* 2003, с. 21). В

«Очерке» к зависимому населению Кабардинского округа отнесены: «а) *пшикеу*, б) *азат*, в) *лагунапыт*, г) *ог* и д) *унаут* (**там же**, с. 23). Ретроспективно эти сведения можно отнести и к более ранним периодам.

Сословие *пшикеу* [«княжеская ограда»] образовано из *азатов* [«вольноотпущенников»]. Они исполняли волю князей, полностью им подчиняясь, «за что со стороны князей пользовались... их покровительством, простиравшимся до того, что в случае убийства кем-нибудь *пшикеу* кровомщение... брал на себя тот князь, у которого состоял на службе убитый. Звание *пшикеу* наследственно» и в *прежние времена* «было весьма выгодно, потому что лица этого сословия, всегда проводившие в исполнение волю князей, имели влияние среди простолюдинов и нередко были ими щедро одаряемы. В настоящее время сословие *пшикеу*, хотя и смешивается с *азатами*, но в народе не имеет ни малейшего значения».

Азаты «произошли из крепостного состояния посредством выкупа или через добровольное дарование свободы рабам... Особенность сословия *азат* состояла до недавнего времени в том, что выпускаемые на волю крепостные люди не вовсе прекращали обязательные отношения с бывшим своим владельцем... *азаты* были обязаны: во-первых, жить при своих владельцах, причем удерживали за собой название вольноотпущенников; во-вторых, под страхом величайшего стыда не могли отказаться от исполнения некоторых их требований, например: отдачу владельцу под выезд верховой лошади, прислуживания в кунацкой владельца, если в ней находились гости, выдачи провизии на их угощение, сопутствования владельцу в его походах, если он того требовал, и поездки в разные места» (**там же**, сс. 30-31).

«Все виды зависимых сословий, низших разрядов в Кабарде, подводились... под три категории», носившие названия: «*оги*, *лагунапиты* и *унауты*». В первую категорию входили «лица, известные в официальной переписке под именем *холопов безобрядных* или *безадатных* [*унауты*], то есть таких, для которых адат [обычай] не устанавливал никаких определенных, отра-

жающих их личность, отношений, а предоставлял их полной власти владельцев. За унаутами не признавалось никаких семейных и общественных прав. Они были рабы в полном смысле этого слова... Обычай давал владельцу *в прежние время* право на жизнь и смерть их. Ко второй категории принадлежали» т.н. *обрядовые холопы*, коими в Кабарде назывались *лагунапыты*. «Члены этого сословия, оставаясь в личной зависимости от владельцев, несли им службу в известных, обычаям установленных, размерах...». За ними в некоторой степени признавались личные, семейные и имущественные права. В Кабарде это сословие «было довольно многочисленно». Наконец, к третьей категории принадлежали *оги* [всего 15 дворов]. Члены этого сословия «при личной зависимости значительно слабее», чем у лагунапытов, «несли повинности, размер которых не зависел от произвола владельцев, а по обычаю ограничен был положительно или числом дней работы, или мерой, отдаваемой землевладельцу сельских произведений» (*там же*, сс. 31-32).

V. 2. 4. Общественное устройство Кабарды. Как полагают некоторые исследователи, общество кабардинцев отличалось сбалансированным взаимодействием трех институтов: власти верховного князя [*пщышхуэ*], сословно-представительного собрания [*хасэ*] и высшего судебного органа [*хей*]» (*Керэфов Б. М., Керэфов Т. Б.* 2005, с. 39; выделено авторами статьи). Верховный князь Кабарды осуществлял высшую политическую власть, выполнял функции военного руководства [дзэпц], возглавлял *совет всей кабардинской земли* [*хасэ*] и *верховный суд*. К середине XVI в. источники фиксируют в Кабарде 4 независимых княжества, возглавляемых Идаровыми, Кайтукиными, Таусултановыми и Гиляхсановыми (*там же*, сс. 39-40).

«О происхождении кабардинцев, — отметил в «Записках о Черкесии» Хан-Гирей, — кроме народных преданий, имеем и историческое сведение, в достоверности которого не... [имеем] никакого сомнения». Хан-Гирей опирался на данные С. Сестренцевича: «Три колена [казарские, или хозарские], из коих главное называлось кабарами, сделали заговор противу его [хакана, или Когана, т.е. хана козарского] особы и против мо-

нархического правления; вскоре разгорелась междоусобная война. Вступили в бой; он [каган] был победителем. Но владычество его померкло в земле, которую он имел в Европе, поелику множество колен, населявших ее, удалились: одни — в Азию, на долины, а другие — на равнины Кавказа, занимаемые и поныне их потомками, известными под именем кабардинцев, что значит *горских хабар*, или *живущих поблизости гор*» (*Хан-Гирей*, 2008, с. 184).

В историографии кабардинского феодализма бытовала [и бытует до сих пор] точка зрения о «*сильных пережитках патриархально-родового строя*» и «незавершенности процесса феодализации в Кабарде к концу XVII века» (см., например: *Нагоев* 2000, сс. 180-193). Возражая, Б.М. Керефов писал: «Подобный подход обусловлен имевшим место в историографии 40-80-х гг. методом исследования кабардинского феодального общества, когда всякие явления в общественной жизни, не вписывавшиеся в стандарты европейского феодализма, объявлялись пережитками патриархально-родового строя» (*там же*, сс. 180-181 прим. ред.).

В. 2. 5. Генезис и специфика феодализма в Кабарде. После окончания Кавказской войны «для каждого из горцев стало главным жизненным интересом определение своих прав на владение и пользование сельскими угодьями». Особую значимость «в горском населении» приобрело «стремление к точному определению сословно-поземельных прав и отношений». Выявление точной картины в данных вопросах стало целью многочисленных комитетов и комиссий, а также аналитических очерков. В печати появились «особые записки» различных сословно-поземельных комитетов, материалы Кавказского горского управления, статьи в «Сборнике сведений о кавказских горцах».

Специфические черты феодального кодекса *адыгэ хабза* проявляются в подсистеме права и значительно отличавшейся от нее подсистеме этикета. Адыгский дворянин служил своему сюзеру — князю на четко оговоренных условиях: «бенефиций [уорк тын], право покинуть господина, если тот нарушит ка-

кие-либо закрепленные в обычном праве обязательства и т.д. С другой стороны, его отношение к князю подчинялось принципу дворянской чести... в котором первостепенное значение приобретало мужество и беззаветная верность вассал сюзерену» (**Бгажноков** 1999, с. 25).

В феодальной Кабарде сохранился институт, восходящий к т.н. «героической эпохе». Речь идет о джегуако⁷ — бардах, своими произведениями прославлявших деяния князей и отличившихся воинов. Каждый князь, пользовавшийся уважением своих подвластных, «имел при себе... певцов, содержал их в довольстве и обогащал дарами» (**Хан-Гурей** 1978, с. 111). З.М. Налоев привел свидетельство очевидца роли таких поэтов во время боя. «Я видел весною 1857 года во время перестрелки на реке Атакуме, как один... бард влез на дерево, откуда он далеко раздающимся голосом воспевал храбрых и называл по имени боязливых». Последнее обстоятельство было очень важным: проявить трусость значило «погибнуть» в глазах своих земляков; «ни одна девушка не захочет быть его женой, ни один друг не подаст ему руки, он становится посмешищем в стране». Поэтому даже само присутствие поэта на поле битвы — «лучшее побуждение для молодых людей показать свою храбрость» (**Налоев** 1980, с. 121).

Возглавлявший дружину князь нуждался в таком джегуако, который бы являлся не столько скоморохом, развлекавшим гостей князей, сколько поэтом, вдохновлявшим воинов перед боем, а после боя — воспевавшим подвиги князя и дружины. В переходный период от героической эпохи к феодальной джегуако, возможно, сочетал в себе поэта и мага, способного разгадать сны и знамения, обеспечить победу в столкновениях с врагами. В этом смысле такой человек для князя значил больше, чем воин-дружинник.

Трансформация дружинного джегуако в придворного связано, по мнению Налоева, «с наступлением феодальной раздробленности и обострением княжеских междоусобий». Джегуако не только сохранил свои функции предшествовавшего периода, но и увеличил их «за счет дальнейшего падения скоморошьего элемента». В значительной мере возрос политический мотив

его творчества. Кровопролитные войны между князьями, в которые были втянуты их союзники из горских народов, из Крыма, из России и т.д., становятся содержанием его песен. В этой связи преобразуется поэтика и жанровая система джегуако: «вместо эпической поэмы на первый план выходит разножанровая историко-героическая песня» (*там же*, сс. 124-125).

V. 2. 6. Формы земельной собственности. Мы уже определяли свое отношение к различным вопросам данной дискуссионной темы. Поэтому здесь мы лишь в краткой форме напомним нашу позицию по наиболее острым вопросам. К числу нерешенных проблем средневековой истории Кабарды относится соотношение различных форм землевладения и землепользования. Обуславливая ряд особенностей кабардинского феодального общества, они определили «характерные черты и такого его составного элемента, как сельская община». По мнению Кажарова, это объяснялось «неразрывной взаимосвязью» феодальной собственности и общинного землепользования. Поэтому для выяснения специфики феодализма и сельской организации у кабардинцев, необходимо учитывать «единство двух аспектов исследования земельных отношений» (*Кажаров* 1980, сс. 28-29).

В дофеодальный период бытовала практика охраны крестьян во время сельскохозяйственных работ. Сохранилась она и в феодальном обществе. Как выяснили чиновники Терско-Кубанской сословно-поземельной комиссии, летними пастбищами в горной Кабарде мог пользоваться каждый крестьянин, «но не безусловно [курсив В. К.], а с платою за каждую сотню овец по одному барану тем лицам, которые до сих пор назначались для караула летних пастбищ» (*там же*, с. 51).

Путем опроса депутатов, специально выбранных для работы с чиновниками, входившими в состав «комитета, учрежденного в Военно-Осетинском округе для разбора личных и поземельных прав туземцев», удалось установить следующее. «Земли в Малой Кабарде искони считались принадлежащими князьям Таусултановым, Мударовым и Ахловым на тех самых правах, как и земля Большой Кабарды принадлежала Атажукиным, Мисосто-

вым, Бекмурзовым и Кайтукиным. **Она не принадлежала народу** [выделено Х. Д.], а народ, т.е. узденя и их холопы, населяли ее по приглашению князей, искавших усиления своих военных, политических, наезднических средств умножением подвластных узденей. Однако между узденьями были и такие, которые издревле приобрели право поземельной собственности в границах одного или нескольких княжеских владений» (Думанов 1980, сс. 217-218).

По свидетельству депутатов, князя и уздени, «владевшие собственными землями, хотя и имели право продавать и дарить их по своему усмотрению, но этому мало примеров потому собственно, что, во-первых, продавать свои земли они не имели никакой надобности, а, во-вторых, если земля и оставалась пусто-порожнею, то они берегли ее для пришельцев» (*там же*, с. 218).

Адыгский просветитель — Я. Шарданов, в 1839 г. по просьбе военного руководства Кавказской линии составил детальный список форм землевладения в Кабарде. В «Записке» на примере 174 владений показана сложная система феодального землевладения, где наряду с крупными участками знати располагались уголья «всего народа». Выделена группа особых «неразделенных общенародных земель» (Айларова 2003, с. 80).

Абрамович, хорошо знавший материалы сословно-поземельных комитетов и комиссий, писал: «Кабардинские пши до последнего времени считали всю кабардинскую землю своею собственностью, и только в последние годы... они согласились... с мнением депутатов от народа, что вся кабардинская территория есть собственность общественная и что они, князья, преимущественных прав перед народом в этом отношении не имеют» (Абрамович 2003, с. 26).

Думанов последовательно отстаивает бытование верховной собственности князей на все земли Кабарды. Это обстоятельство, подчеркивает он, «нашло яркое отражение в земельном праве». Письменно нормы адатов зафиксированы в XIX в., поэтому их ретроспективное использование хотя и возможно, но с известной долей осторожности. Как полагает Думанов, в позднем средневековье вся территория Кабарды была поделена на

шесть частей между шестью княжескими фамилиями. Большая Кабарда принадлежала Атажукиным, Мисостовым, Кайтуковым и Бекмурзиным; а Малая Кабарда — Гиляхстановым и Таусултановым. «Эти княжеские фамилии считались верховными собственниками всей земли Кабарды» (**Думанов** 1990, с. 184).

Вопрос о «социальной принадлежности сословий народов Северного Кавказа» неоднократно рассматривался в различных кругах руководства России, включая — самые высшие. Так, в марте 1890 г. он рассматривался в Министерстве юстиции. Для этой цели была специально составлена «Справка по делу о правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях». В ней приводились разного рода документы и аналитические заметки, в числе которых — «Извлечения из всеподданнейшего отчета Главнокомандующего Кавказской армией Его Императорского Высочества государя великого князя Михаила Николаевича по военно-народному управлению за 1863-1869 годы». В разделе о земельных отношениях в Кабарде отмечено следующее.

«Несмотря на аристократический уклад общественного устройства и влияние, которым пользовались в народе высшие сословия, частной земельной собственности, говоря в строгом смысле, в Кабарде, как оказалось по произведенному разбору прав, вовсе не было. Земли искони считались *достоянием всего кабардинского народа* [курсив мой — Ф. Г.] и при обилии их и свойствах местного хозяйства частные лица не имели в прежнее время интереса добиваться присвоения земель в исключительное свое владение» (**Справка** 1890, с. 261). С давних пор князья и «уздени старейших разрядов» пользовались некоторыми преимуществами при эпизодически проводимом распределении общинных земель. Остававшиеся нераспределенными участки попадали в полное распоряжение князей. Последние, «имея собственное большое хозяйство, часто отдавали внаем свободным обществам либо уступали бесплатно тем, в услугах которых они могли нуждаться» (**там же**).

Земля «давалась подвластным не в частную собственность, а как *плата за службу, преимущественно военную*» (**Бейтуга-**

нов 1988, сс. 279-280). Напомним в этой связи сюжет из родословной пши, по которому они «до последнего времени считали кабардинскую землю своею собственностью» (**Абрамович** 2003, с. 26).

В статье 56 адатов, записанных капитаном Ольшевским, говорится: «Князья и старшины владеемой ими землею могут распоряжаться по своему произволу, т.е. дарить оную, продавать, селить на ней не только крестьян и простой свободный народ, но и узденей» (**Леонтович** 1883, с. 240).

Традиционную точку зрения об отражении социального строя в формах земельной собственности оспорил Лавров, выдвинувший, по оценке Е. Дж. Налоевой, «новую 'теорию' генезиса феодализма, экономической основой которого он считает военные трофеи, торговые пошлины и дань. Для этого типа феодализма, по Лаврову, земельная рента необязательна, так как 'эксплуатация... принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением'» (**Лавров** 1978, с. 27).

Среди исследователей средневековой Кабарды было немало сторонников теории «безземельного феодализма»; в этом смысле она не была «новой». В рамках данного направления отрицалось само наличие земельной собственности у кабардинских князей, но вместе с тем признавалось наличие «феодализма и феодальной раздробленности» (К. Ф. Сталь, В. П. Пожидаев, С. М. Месяц, И. Ф. Мужев, С. К. Бушуев и др.).

Понимая стремление Лаврова «найти типологические особенности горского феодализма», Е. Дж. Налоева принципиально выступала против «лавровского» определения «специфики кабардинского феодализма», полагая, что оно «противоречит марксистскому положению, с чем трудно согласиться» (**Налоева** 1980, сс. 11-12).

Получается, что определение того или иного социума как феодального зависит от его совпадения с марксистским «эталоном». В этой связи исследовательница напомнила: «ни военные трофеи, ни торговые пошлины, хотя они служили доходной статьей бюджета феодалов, не создают какого бы то ни было способа производства и не являются классовобразующими факторами,

а тем более формационными признаками. Они существовали до феодализма, как и успешно пережили его» (*там же*, с. 12).

Гарданов, опираясь на адаты кабардинцев, князей считал «верховными собственниками земли». Аналогичная картина, по мнению ученого, наблюдалась у осетин, балкарцев, абазинцев, «старшины [феодалы] которых являлись «главными владельцами земель в пределах своих племен, реализуя свою собственность на землю сбором феодальной ренты со своих соплеменников». Причем, формально владельцами угодий считались не отдельные феодалы, а род, фамилия феодалов (*Гарданов* 2004, сс. 196-197).

Однако фактический материал не подтверждает данную точку зрения на характер земельной собственности. Косвенно, это признавал и сам Гарданов. «Феодалы, — писал он, — присваивая в собственность лучшие земельные угодья [курсив мой — Ф. Г.], не отказывались в то же время и от пользования общинной землей». В некоторых районах Северного Кавказа местная знать не выходила из общины и «при земельных переделах требовала себе повышенный пай» (*там же*, с. 197). Если земля являлась «монопольной собственностью» знати, то зачем ей еще «захватывать лучшие угодья»? И тем более непонятно, зачем верховному собственнику искать способ получить дополнительный пай общинных угодий?

Оспаривая наличие в Кабарде феодальной собственности на землю, А.В. Сивер в качестве аргумента привел архивный документ: «при переселении пше или даже тлокотлеша с одного места на другое... обязаны были переселяться вместе с ним и все подвластные его» (*Сивер* 2003, с. 17). Отметив, что «такое действительно встречалось нередко», автор продолжил: «Земля же в этом случае, судя по всему, интересовала владельцев меньше всего». Вывод следовал безоговорочный: «Таким образом, земельная собственность не составляла основу власти 'феодала', а крестьяне были 'прикреплены' к владельцам, а не к земле [курсив мой — Ф. Г.]». Но даже это касалось не всех крестьян, ибо «большинство их составляли тфокотли», имевшие право менять, по своему усмотрению, место проживания и владельца. Правда, по признанию Сивера, на тфокотлей «все равно рас-

пространялась административная и военная власть нобилей». Здесь следует еще один принципиальный вывод: «объектом 'феодалного' владения для адыгского нобилитета была не земля и не крестьяне как таковые, а особая априорная единица, обозначающаяся собственно как 'удел' или 'владение'. Причем это была не территория, а именно совокупность поселений [общин] и родственных групп, которые могли существовать компактно или на расстоянии друг от друга» (*там же*).

Сивер усомнился в правомерности самого подхода к роли земельной собственности при определении социального статуса того или иного лица: «а в праве ли мы применять термины и методы исследования европейского феодализма к социальной системе адыгов? Европейский феодализм предполагает наличие у господствующего сословия 'феодов', т.е. наследственного владения землей с прикрепленными к ней крестьянами; эта собственность одновременно является источником власти — административной, судебной и военной». Отвечая на поставленный вопрос, Сивер обратил внимание на отличие земельного права адыгов от европейского. «Знать владела своей долей общинной земли на общих основаниях, по крайней мере до XIX в.» (*там же*, сс. 16-17).

Примечания

¹ В адатах Ф.И. Леонтовича *пши* трактуется как «вождь, глава племени, рода». У черкесов «каждый князь мог свободно переходить из его общества в другое, чего не могли делать лица остальных сословий» (*Леонтович* 1882, сс. 324-325).

² *Валий* — «Должность валия принадлежала старшему по летам князю, который, при содействии своего помощника, называемого *кодз*, управлял всеми внешними и внутренними делами своей родины» (*Дубровин* 1991, с. 197). По версии Леонтовича, термином *валий* обозначался «главный старшина [обыкновенно князь] в общине, заведовавший ее делами и участвовавший в народном суде [*мегкеме*]» (*Леонтович* 1882, с. 303).

³ *Мегкеме* или «суд, составленный из духовенства и почетных вую-

рков и при участии в нем валя и кодза, творил суд и расправу» (**Дубровин** 1991, с. 197). По другой версии этим термином обозначался «народный суд черкесов. Это сравнительно новое [для XIX в. — Ф. Г.] учреждение состоит из нескольких членов, избираемых из князей и узденей, и, кроме чисто судебного разбирательства дел, также вообще занимается народными делами, т.е. имеет влияние на общее управление общин» (**Леонтович** 1882, с. 314).

⁴ По данным за 1825 г. в Большой Кабарде насчитывалось 63 княжеские семьи, в Малой — 11; узденей первой степени в Большой Кабарде — 123 семьи, в Малой — 66; второй степени — соответственно 149 и 32; третьей, в целом по Кабарде — 2472 семьи (**Думанов, Мусукаев, Максидов** 2003, с. 9).

⁵ У Леонтовича «черкесский тумак соответствует монгольскому 'табангоуту' — 'владельцу [нойону, князю], рожденному от матери простого состояния'. Табангоуты составляли особый класс, средний между князьями и зайсангами [черк. узденями]» (**Леонтович** 1882, с. 336, примеч. 1).

⁶ В комментариях к адатам кабардинцев говорится, что *тлекотлеш* «по различию дружинно-служебных отношений», составляли высший слой уорков [дворян] (**там же**, с. 335).

⁷ Строго говоря, термин *джегуако* включал в себя разнообразные функции его носителя: от шута до поэта. Для нас важен портрет придворного барда; ему предшествовал «дружинный поэт». В позднепотестарный период и позднее он вместе с дружинниками сопровождает князя в походах, по сути находится на его содержании.

Отметим поразительную скрупулезность, с которой данный институт проанализировал **З. М. Налоев** в своей монографии «Институт джегуако» (Нальчик, 2011. — 408 с.). Это тем более актуально, что тема «Значимость фигуры сказителя в традиционной культуре народов Северного Кавказа» все еще остается слабо изученной. Это относится как к отдельным вопросам, так и к проблеме в целом (см., например: **Мамиева И. В.** 2012; **ее же** 2013).

V. 3. БАЛКАРИЯ

Предварительные замечания. Изучение истории Балкарии золотоордынского периода затрудняется из-за крайне слабой источниковой базы. Конечно, эти слова применимы к истории многих горских социумов. Но даже в этом ряду балкарцы оказались в конце списка. Более полувека назад Г.А. Кокиев с сожалением отмечал: балкарцы «относятся к числу тех горских народов Северного Кавказа, о происхождении которых сохранилось наименьшее количество достоверных исторических известий» (**Кокиев** 2005, с. 217).

Балкарские ученые (**Батчаев** 2006, сс. 11-34; **Муратова** 2007, сс. 31-62) уже рассматривали историографию [включая концептуальные итоги изучения] истории средневековой Балкарии в дореволюционной, советской и постсоветской науке, что освобождает нас от необходимости анализа литературы по интересующей теме.

V. 3. 1. Географические границы средневековой Балкарии определяются с трудом и различаются в разные периоды. Но в целом, они оставались в пределах горной территории. Не случайно, по мнению большинства кавказоведов, самоназвание балкарцев и карачаевцев — *таулу*¹ «горцы» (**Муратова** 2007, с. 82). Так, например, Кокиев писал: «Балкарцы, называющие себя 'таулу', что значит 'горцы'» (**Кокиев** 2005, с. 217).

Территория проживания балкарцев издавна делилась на пять обществ: Хуламское, Безенгиевское, Чегемское, Урусбиевское [по р. Баксан] и собственно Балкарское² [по Черекскому ущелью]. На севере по Скалистому хребту проходила граница с Большой Кабардой, на юге, по Главному Кавказскому хребту — со Сванетией, на востоке — с Осетией, и на западе — по отрогам Эльбруса — с Карачаем (**Гузов** 1999, с. 46).

В начале 1941 г. Кокиев в газетной публикации положил начало пересмотру точки зрения о времени появления балкарцев на Северном Кавказе. «Существующую точку зрения, приурочившую появление балкаро-карачаевцев на Северном Кавказе к половине XVI в., следует считать несостоятельной, так как

более раннее известия говорят, напротив, о расселении балкаро-карачаевцев на ныне занимаемой территории еще задолго до XVI в. и во всяком случае не позднее X в.» (**Кокиев** 2005, с. 222).

В кавказской историографии утвердилось мнение, согласно которому «обретение балкарцами своей этнической идентичности, как тюрков по языку и как жителей высокогорной части Центрального Кавказа в границах современной территории Кабардино-Балкарии, произошло на рубеже XIV-XV вв.». При этом, пять балкарских обществ представляли собой особые социумы. Каждый из них имел «свою собственную генетическую историю» и заметные «особенности в социальном устройстве, в социальном развитии» (**Муратова** 2007, сс. 83-84).

В стойкой устной традиции первоначальным местом обитания балкарцев считается *Балкарское [Черекское]* ущелье. Сначала здесь существовал только один аул, принадлежавший народу *таулу* [«горцам»]. Затем, согласно фольклорным источникам, в тех же местах поселился «охотник иного племени — Малкар». От его имени предания выводят «народ малкар», проживающий в этом ущелье. Позднее вероломный Мисака хитростью завладел имуществом Малкаровых, а местных жителей превратил в своих данников. И, «наконец, выходец из Венгрии или Крыма воин Басиат... со своим братом Бадилятом поселился сначала в Дигории, а затем переселился в Черекское ущелье и стал родоначальником балкарских таубиев» (**там же**, с. 84). Население расположенных здесь аулов, писал Лавров, самими балкарцами называется *Малкар*, у кабардинцев — *Балкар*, у грузин — *Басиани* (**Лавров** 1969, с. 77; **его же** 2009, с. 371).

Географические границы одного из самых крупных этносоциальных организмов средневековой Балкарии позволяет уточнить *Цховатская надпись*, сохранившаяся на золотом кресте Спасской церкви в Ксанском ущелье [Южная Осетия]. В переводе надпись гласит: «Спас цховатский я, Квенипневели эристав Ризия, пожертвовал цховатской пречистой богоматери имение двух дымов в Зенубани с его горами и равнинами. Попал в плен

в Басиане и выкупился твоими вещами. Пусть никакой владелец не изменит» (*Лавров* 2009, с. 383).

Опираясь на рассматриваемую надпись, Лавров считал, что в XIV-XV вв. «балкарцы жили вблизи нынешней Северной Осетии, через которую только и могли проходить военные и торговые сношения жителей Ксанского ущелья с баксанцами... подразделение собственно балкарцев [по-грузински басиани] образовалось не позже XIV-XV вв.» (*там же*, сс. 383-384, 386).

Летом 1936 г. в ходе поездки на Северный Кавказ Лавров в Верхнем Чегеме записал следующее предание.

По словам старожил, изначально «их ущелья занимал какой-то другой народ. Это были дикие скотоводы. Однажды случился мор³ и все они в одну ночь умерли, за исключением тех, которые бежали в горы и этим спаслись от смерти. Когда спасшиеся возвратились домой, то похоронили своих единоплеменников в одной огромной яме, которую потом забросали камнями. Эта братская могила находится недалеко от сел. Верхний Чегем, в ущелье р. Кардан» [правый приток р. Чегем]. Здесь сохранились каменные стены, являвшиеся, по заверениям местных жителей, «остатками домов этих скотоводов... Когда поселились в горах предки балкарцев и карачаевцев, то им пришлось выдержать большую борьбу с соседями».

Записанная Лавровым в ауле Башлым версия предания повествует о времени и обстоятельствах заселения ущелья предками балкарцев и карачаевцев. «Жил был на свете могучий силач по имени Карча. Жил он вблизи нынешнего сел. Гунделен, при слиянии рек Юрди и Тызыл. Однажды кабардинский князь Атажукин решил потребовать у него дани и с этой целью послал к нему сборщика. Но Карча не хотел быть зависимым от кого бы то ни было. Он убил двух собак, содрал с них кожу, и, положив в мешок, отдал сборщику. Тот отказался принять такую дань, но Карча, под угрозой смерти, заставил его отвезти ободранных собак Атажукину». Со временем «Карче надоела вражда с кабардинским князем и он переселился вглубь Баксанского ущелья — туда, где теперь находится сел. Эльджурт». Однако и здесь его нашел князь. Воспользовавшись случаем, когда Карча пошел на

охоту, Атажукин напал и разграбил его жилье. Узнав об этом, Карча привел из Сванетии мастеров и с их помощью возвел боевую башню, до сих пор сохранившуюся в сел. Эль-Джурт. А затем с теми же сванами пошел в поход на своего обидчика и разгромив его, взял двойную компенсацию. «Но через некоторое время надоело воевать с кабардинским князем и он переселился к верховьям Кубани, где до сих пор живет происшедший от него народ — карачаевцы⁴ [к̄ъарачайлы]» (*там же*, с. 11).

Устная традиция карачаевские поселения локализует и на Кубани и в Баксане. Упоминаются князья братья Камгут, Каншаубий, Эльбуздуко и Гилястан Крымшамхаловы — реальные исторические лица, жившие в первой половине XVII в. Первые двое со своими подданными проживали в селении Эль-Джурт. Эльбуздуко и Гилястан — на Кубани. Население вместе с феодалами переходило с места на место. В конце XVIII — начале XIX в. во владениях князей Урусбиевых в Баксане имел место такой случай. «Не ужившись с князем Исмаилом, вдова его брата и его племянники переселились вместе с подвластными людьми из Баксана в Тебердинское ущелье (*Бегулов* 2005, сс. 103-104).

Какая-то часть карачаевцев осталась в Баксане и приняла участие в формировании современного балкарского населения данного ущелья. Устная традиция этот процесс относит к середине XVIII в.

Иначе подходит к решению рассматриваемых вопросов Х.Х. Малкандуев. Основной источник по истории средневекового Карачая он черпает из фольклорных записей, главным образом, собственных. Учитывая то, что памятники устной традиции Малкандуев начал фиксировать в 70-х гг. минувшего столетия, следовало ожидать осторожного обращения с таким «хрупким» материалом. Однако, исследователя не смущает это обстоятельство и он смело интерпретирует сюжеты из разного рода фольклорных текстов. В результате Малкандуев восстановил «фольклорную» историю своих предков.

В период кавказских походов Тимура и позже, подчеркивает балкарский исследователь, никакие княжеские фамилии среди карачаевцев «не упоминаются, за исключением Басиятовых в

Большой Балкарии, Рачкауовых в Чегемском ущелье и враждовавших между собой феодалов в Баксанском ущелье, носящих антропонимы Холам и Безенги». Те же предания «говорят о том, что сельской общиной по всей вероятности управляли пользующиеся авторитетом отдельные представители сословной элиты или же старейшины фамильно-родственных объединений» (Малкандуев 2005, сс. 48-49).

Как выше отмечалось, географические границы балкарских социумов средневековья корректировали различного рода эпидемии. Одну из версий фольклорного отражения этого фактора привел Малкандуев.

«Однажды жители Хурзука [Хулама] и Карачай-Эль... заражаются чумой [ёлет], и страшная болезнь начинает их беспощадно косить. Узнав об этом, жители Лыгыта [Чегем-Эль] всей общиной сносят мосты, зажигают ритуальные огни, берутся за оружие, ограждая себя от зараженных соседей. Оставшиеся после чумы в живых люди» устремились вниз по течению Черека и в районе Ак-Топрака, богатого лесом, дичью, пастбищами и родниками, основали поселение. Его первые жители сразу же столкнулись с жителями аула Лыгыт. Соседи совершали взаимные набеги и угоняли скот (*там же*, с. 49). Живший в то же время высоко в горах «искусный воин и отважный феодал по имени Къарча», покинул свое поселение и перебрался в местность Ак-Топрак». Здесь он, якобы, стал «предводителем и вождем племени *Карачай*». Через 2-3 года община перебралась в Баксанское ущелье. Здесь в то время было «два маленьких враждующих аула, правителями которых были местные феодалы Холам и Безенги» (*там же*, сс. 49-50).

Восстанавливая этносоциальную историю карачаевцев, Малкандуев обращается к варианту «Предания о Карче, родоначальнике Карачая», записанного в 1899 г. (*там же*, сс. 52-58).

В конечном итоге исследователь приходит к заключению о локализации с XVI в. основных населенных пунктов карачаевцев в верховьях Кубани, а в Баксане осталась «значительно меньшее их число» (*там же*, сс. 72-73).

Географический фактор предопределил характер поселений и структуру экономики балкарцев. Так, дома и различные

хозяйственные строения возводились из камня. Причем, все они располагались на непригодных для земледелия и скотоводства горных каменистых склонах. Другой важной чертой балкарских поселений являлась строительство жилищ таким образом, что крыша нижестоящего здания служила двором для вышестоящего (**Асанов** 1976, с. 26). Среди особенностей архитектурного облика аулов этнографы называют «большую скученность жилищ», плотность «населения и количество дворов» (**Гугов** 1999, с. 47).

В. 3. 2. Органы управления. В средневековый период в Балкарии функционировал институт *Тёре* [тюрк. «святой совет»] — высший выборный орган управления. Выборы в Тёре, состоявшего из «5-7 наиболее достойных людей», проходили раз в семь лет на сельском сходе. Избранные общиной, в свою очередь, выбирали одного представителя в общеущельский совет *Гитче Тёре* [«Малый Тёре»]. И, наконец, избранные в Малый Тёре из своей среды выдвигали одного представителя в *Терегиухалкь Тёре* [«Общенародный Тёре»]. Помимо этих, существовали еще *Уллу Тёре* [«Большой/Верховный Тёре»], и «*Бий Кенгеш*» [Княжеский совет].

В отличие от Малых, Общенародный Тёре не являлся постоянно действующим органом, собирался раз в два-три месяца для решения проблем, касающихся всех входящих в союз общин. Верховный Тёре собирался крайне редко по исключительно важным вопросам. На его заседаниях присутствовали члены Общенародного и Малых Тёре. На собраниях княжеского совета решались лишь вопросы, касавшиеся интересов представителей высших сословий. Каждый балкарский аул и ущелье имели свои особые места собраний.

В Большой Балкарии заседания Балкарского Тёре проходили на специально выделенном участке. В состав данного Тёре входили представители других балкарских ущелий, Карачая и Осетии. (**Гугов** 1999, сс. 259-260).

В одном из документов начала XVIII в. сообщается о работе третейского суда всей Балкарии, в котором участвовали приглашенные представители соседних народов — сванский князь

Отар Дадешкелиани, кумыкский владелец Агалар-хан, кабардинский князь Арсланбек Кайтукин [глава могущественной «кашкатавской партии»], *дигорский баделят Караджаев, некий «осетин Битаров»* (*там же*, сс. 260-261). В 1715 г. Сафарали Карражаев и Арсланбек Кайтукин были свидетелями при определении границ владений узденя И. Урусбиева (*Лавров* 1968, ч. 2, с. 50).

Иногда, как пишет Гугов, в народный суд [Тёре] «обращались также жители Карачая и Дигории» (*Гугов* 1999, с. 261).

Заседания Тёре возглавлял старейший и самый достойный из таубиев, носивший титул *олий/валий*. По мнению некоторых кавказоведов, валию «принадлежала верховная власть над всеми таубиями и всем нардом. В его распоряжении имелась... дружина. По его зову все таубии должны были явиться к нему верхом в сопровождении своих узденей с отрядами». Как верховный правитель, валий «созывал народное собрание, в котором участвовали все таубии, уздени, а иногда и крестьяне» (*там же*).

Согласно другой точке зрения, в отличие от Народного Собрания, соответствие Тёре особенностям классового общества прослеживается более отчетливо: судьями избирались преимущественно из того сословия, к которому принадлежали тяжущиеся, «а потому и постоянные судьи избираются из разных классов». Среди кавказоведов Тёре понимается как «высший выборный общенациональный универсальный орган социально-политического, законодательного и распорядительного порядка, регулирующий политическую и общественную жизнь в средневековой Балкарии и Карачае. На Тёре была возложена ответственность за судьбу страны и народа... Как верховное собрание и трибунал Тёре обладал известной независимостью и... был вправе ограничивать даже власть *олия* — верховного князя Балкарии» (см.: *Батчаев* 2006, сс. 102-103).

Высшим органом самоуправления общины почти до середины XIX в. оставалось *Народное собрание*, сохранившееся, как считает Батчаев, еще со стадии «военной демократии». Понятие «народное», уточняет ученый, не распространяется на всю Бал-

карию. Сбор всех взрослых мужчин 5 балкарских обществ в одном месте был практически невозможен. Скорее всего, речь может идти о собрании членов нескольких аулов, объединенных в *сельскую общину* или *общество*. В данном случае эти два понятия «равнозначны по той причине, что в условиях Балкарии сельская община фактически представляла собой объединение нескольких аулов, замкнутых в одном ущелье» (*там же*, с. 96).

Местом проведения собраний обычно служила «либо площадь в центре аула, либо 'открытое, возвышенное место за аулом'». Вел собрания *олий*, «старейший и способнейший из таубиев», возглавлявший общество и «правивший всем народом». Право голоса имели все, но особенно весомым было 1) мнение опытных старших и 2) лиц, выделявшихся качествами, ценимыми в народе: компетентностью, знаниями по разнообразным вопросам жизни социума, опытом, взвешенностью суждений и др. Из-за отсутствия традиции письменного делопроизводства остался неизвестным полный перечень тем, обсуждаемых на собраниях. Судя по фольклорным памятникам таковыми являлись: проблемы, особо важные для всего общества; вопросы, связанные с обороной социума или организацией внешних походов; обсуждение мер, необходимых для ликвидации последствий стихийных бедствий и эпидемий; о строительстве и восстановлении дорог и мостов; и др. Существует мнение, по которому к компетенции собраний относились также функции законодательного органа — отмена устаревших и принятие новых законов [точнее — норм обычного права — Ф. Г.]» (*там же*, с. 97).

Крайне редко, но все-таки проводились собрания представителей нескольких горских народов. Интересен в этом плане случай, связанный с пленением имеретинского царя Арчила. В 1693 г., скрываясь от персов и турок, Арчил искал убежище на Северном Кавказе. Однако царя вероломно пленил «господарь черкезов Кильчик». Последний «тайно переправил Арчила со свитой в Верхнюю Балкарию, а его воинов — в Дигорию». Узнав об этом, шамхал Тарковский в ультимативной форме потребовал немедленно выдать царя. С аналогичным требованием к

балкарцам выступил и Кильчик. Трудно сказать как бы события развивались дальше, но в дело вмешались балкарские женщины. Они «сняли свои головные уборы и сказали мужьям: 'Или это наденьте вы и ваши шапки дайте нам, или Арчила не отдадим Кильчику'. Отпустили поэтому Арчила той же ночью со всей свитой. Дигорцы же отпустили всех пленных...» (*там же*, с. 98).

Наиболее приемлемой интерпретацией приведенного сюжета Батчаеву представляется версия о решении судьбы царя Арчила на собрании свободных *каракиши* [общинников] во главе с таубием-олием. Отметим согласованность действий жителей Малкарского и Дигорского обществ.

В цитированном выше донесении [декабрь 1766 г.] майора Татарова полковнику Копыловскому говорится «о собрании как Большой Кабарды, так и Малой владельцами и узденями и прочими горскими народами, яко то Карачай, Чегем, Балкар, *Дугор, Каражау, Кубатием* [курсив мой — Ф. Г.], находится на общем собрании и согласии» (*ЦГА РД*, ф. 379, д. 638, л. 70).

Еще один пример приведен в работе М. Абаева. «Для обсуждения особо важных вопросов, и в особенности в тех случаях, когда кто-нибудь из таубиев начинал выходить из повиновения, олий созывал на сход все население и предлагал народу решить вопрос, и решение народа моментально приводилось в исполнение» (*Абаев М.* 1992, с. 9).

По убеждению Е. Г. Битовой, «столь высокие полномочия Народного собрания были обусловлены верховной собственностью общины на всю занимаемую территорию» (*Битова* 1997, с. 117).

В целом в вопросе о роли различных собраний в жизни Балкарии XIII-XV вв. присоединимся к Батчаеву: «Хотя последние факты и не лишены определенного интереса, они, к сожалению, не соответствуют хронологическим рамкам данной работы. Что касается более раннего периода, то иллюстрировать тезис о роли Народных собраний конкретными примерами почти невозможно,... по логике вещей, значимость этого института в условиях средневековья достаточно очевидна и без примеров. В условиях почти полного информационного

вакуума не приходится пренебрегать и упоминаниями таких событий, которые в интересующем нас плане могут быть интерпретированы только гипотетически» (**Батчаев** 2006, с. 97).

V. 3.3. Социальная структура. Балкарские феодалы называли себя «людьми белой кости» *ак-сюек*, отделяя себя от «черного народа» *кара киши*. В адатах первые известны под социальными терминами *бассиат* или *секельт*. По результатам деятельности нескольких сословно-поземельных комитетов и комиссий кавказская администрация признала за балкарской знатью право называть себя «горскими князьями» *таубиями* (**Гугов** 1999, с. 173). К наиболее известным из них в «Адатах» Леонтовича отнесены: в Черекском ущелье — Абаевы, Айдебуловы, Джанхотовы и Мисаковы; в Хуламе — Шакмановы; у безенгиевцев — Суншевы; у чегемцев — Балкаруковы, Келеметовы, Битовы; в Баксанском ущелье — Урусбиевы (**Леонтович** 1882, сс. 273-274). Обратим внимание на брак родоначальника дигорских феодалов, Бадеда, с представительницей знатного северокавказского рода Крымшамхаловых — карачаевских князей; из них избирались верховные правители Карачая — *вали* [оли]. С другой стороны, термин *крымшамхал* носил правитель Буйнака. Из двух возможных решений относительно принадлежности жены Бадеда исследователи все больше склоняются к первой точке зрения (см., например: **Пфаф** 1871, в. V, с. 85; **Ковалевский** 1890, т. I, с. 249; **Алиев** 2009, с. 11).

В исторических и генеалогических преданиях княжеские фамилии Крым-Шамхаловых, Дудовых и Карабашевых своим происхождением связаны с фольклорным предводителем карачаевцев — *Карчой*. В разных версиях он предстает выходцем либо из Крыма, либо из Турции. Согласно устной традиции, Крым-Шамхал появился на Северном Кавказе «в тот момент, когда карачаевцы еще проживали в Баксанском ущелье. У карачаевцев в этот период были серьезные осложнения с известным кабардинским князем Кази [погиб в 1615 г. — М. Б.]. Крым-Шамхал вмешался в кабардино-карачаевскую распрю и способствовал примирению сторон» (**Баразбиев** 2009, сс. 38-39; **Каракетов** 2005, с. 153). Затем Карча

выдал свою дочь Кюнсулю замуж за Крым-Шамхала. Еще при жизни Карча, проигнорировав наследственные права собственных сыновей, власть завещал Крым-Шамхалу. Такое развитие событий М.И. Баразбиев связал с личными качествами фольклорного героя. Крым-Шамхал происходил из знатного рода. Его высокий статус проявлялся в личных качествах, присущих члену военной элиты (**Баразбиев** 2009, с. 39).

Выбор Карча своим наследником пришельца, а не кого либо из своих сыновей, в т.н. «героическую эпоху» закономерен. «Крым-Шамхал не только происходил из знатного рода, но он и его потомки всегда отличались важнейшими качествами правителя... быть *первым как на войне, так и в мирное время*» (**там же**).

Резюмируя свой анализ социальной структуры Балкарских обществ, сменивших «демократический» феодализм горцев в XV-XVI веках, Батчаев отмечает следующее:

1. Высшее сословие в Балкарии составляли *таубии*⁵ «горские князья» [от *тау* — гора и *бий* — князь].

2. Число таубиев «было крайне ограничено — всего 13 фамилий» [3,8% населения Балкарии]. Они, по неполным данным, владели 20% пахотных земель, 43% сенокосных, 30% пастбищных и 33% лесных годий.

3. В своих владениях таубий владел «почти всей полнотой административной, судебной и политической власти — за исключением случаев, предусмотренных институтом Тере» [см. ниже].

4. Исключительность статуса таубиев отражена в нормах обычного права.

В позднем средневековье ни о каких «выборах» или «перевыборах» таубиев не было и речи; «их статус был наследственным и не оспаривался никем» (**Батчаев** 2006, сс. 84-85).

Промежуточное положение между высшими слоями и рядовым населением балкарских социумов занимали сословия чанков, тума-чанков и тумов. В недавно вышедшей статье М.Д. Каракетов аргументировано показал специфику положения данных социальных групп (**Каракетов** 2005, сс. 145-170).

Эти категории населения имели несколько факторов образования. Если политические причины обуславливались «борьбой за власть и низведением бывших князей [владельцев] до уровня чанков, второго после князей сословия в социальной иерархии, то миграционный фактор приводил к понижению социального звания мигранта по сравнению с тем, какой он имел у себя на родине. Установление же семейно-брачных связей играло существенную роль в определении сословной принадлежности как пришельца, так и местного жителя». В случае женитьбы мигранта из высших сословий на женщине сыйлыузденке, либо женщине из чанков, то его причисляли или к тумачанкам или к сословию жены. Дети от внебрачных связей [незаконнорожденные] причислялись к тумам. К XIX в. тухумы тумачанков и тухумы карачаевцев и балкарцев влились в караузденское и азатское сословия (*там же*, сс. 160-161).

Споры вызвала трактовка Е. Г. Битовой сословного термина чанка (*Битова* 1997, с. 147; ср.: *Башиев* 2005, с. 172). *Муратова* (2007, сс. 106-107) в тезисной форме обозначила права и обязанности статуса чанков.

Из-за недостатка источников нелегкая задача стояла [да и сейчас стоит] перед кавказоведами, изучавшими структуру крестьян средневековой Балкарии. Тем не менее, отрывочные сведения, дошедшие до нас в источниках позднего средневековья, позволили ретроспективно выделить среди балкарских крестьян ряд групп: *каракиши* [уздени] или как их еще называли — *карауздени* [лично свободные общинники, имевшие собственное хозяйство], *ясакичи* [зависимая категория населения], *чагары* [кулы] (*Гузев* 1999, с. 187).

Каракиши — «основная часть феодально-зависимого крестьянского населения балкарских обществ». При переселении в другой аул, они могли оставить свою землю кому-либо из своих родственников, если те соглашались отбывать в пользу главы аула повинности, исполняемые переселявшимися. В случае смерти каракиша, не имевшего прямых потомков, его имущество переходило к таубию (*там же*, сс. 187-188). С другой стороны, каракиши мог выкупиться на волю, заплатив сумму, равную

денежному эквиваленту его годовых повинностей (**Кумыков** 1965, с. 156).

По нормам обычного права каждый крестьянин обязывался «кормить у себя зимой 'по одной скотине' феодала, ежегодно отдавать ему по одному барану [в Урусбиевском и Холамском обществах] и лучшую часть туши при убое скота». Примечательна статья балкарских адатов о доле феодала с добычи охотника, согласно которой лучшая часть убитого зверя предназначалась таубию. Любая попытка уклониться от исполнения неизбежно приводила к строгому наказанию. Так, у охотника, «скрывшего от князя убитого им тура, отбирался лучший бык или корова» (**Батчаев** 2006, с. 92).

В сельском хозяйстве не только таубии, но и все имущие хозяева использовали традиционные институты взаимопомощи. «Во время сенокоса каракиши с каждого двора» направляли к таубию одного человека со своим инвентарем. Для перевозки сена каждый двор выделял одного работника с парой быков. «Во время этих работ таубий дает все продовольствие». В период посевной каракиши выделяли по одному человеку со двора с парой быков и «земледельческими орудиями» на один день. «Для жатвы каракиши с каждого двора дают таубию на один день одного человека». Крестьяне помогали своим таубиям при перевозке урожая, при удобрении полей, вывозе леса для постройки, содержанию зимой скота (**Гугов** 1999, с. 188).

Следующая категория балкарских крестьян — *ясакчи* — податные, но лично свободные общинники. Пользуясь угодьями знати, они находились в земельной зависимости от таубиев. Размер заимствованного участка предопределял объем ежегодных повинностей, *ясакчи*: от 2 до 9 мешков [5 мер каждый] различных зерновых. За пользование пастбищами и покосными участками *ясакчи* отдавал таубию от 1 до 3 овец ежегодно в течение 4-х лет. На 5-й год — «платили полную подать, смотря по состоянию *ясакчи*, от 15 до 100 овец». Помимо этого, «начиная с весны и до зимы ежегодно» *ясакчи* выделяли своему владельцу корову «для доения или взамен ее двух баранов, или же 4 рубля серебром». *Ясакчи* несли и т.н. «случайные повинности», связан-

ные с различными сторонами жизни в том или ином ауле (*там же*, сс. 188-190).

Еще одно сословие Балкарии составляли *чагары*. Они не считались безобрядными т.к. обладали некоторыми имущественными и личными правами, которые, правда, были ограничены и условны. Чагары считались зависимыми в личной, экономической и поземельной сферах. К тому же они не имели права свободно перехода от одного владельца к другому. Хозяева чагар имели над ними практически неограниченную власть; могли продать как по одиночке, так и всей семьей. Степень эксплуатации чагар значительно превышала размеры повинностей крестьянских категорий [каракиши и ясакчи]. Труд чагар использовался во всем хозяйстве владельцев. В «Записке о сословных правах жителей Кабардинского округа» от 6 сентября 1866 г., поданной на имя помощника главнокомандующего Кавказского корпуса, говорилось: «Чагары исполняют все работы по приказанию владельца во всякое время... если у чагара есть бараны, он дает своему господину одного барана летом и одного барана зимою; при выдаче в замужество дочери из числа полученного калыма платит таубию одного быка и корову... Если у владельца чагар нет караваша, ни ясакчи, ни безобрядных холопов, то чагары, мужчины и женщины, обязаны по очереди исполнять в доме своего таубия все работы... Во время покоса чагары обязаны взять себе для продовольствия по одному барану, если имеют таковых» и т.д. (*там же*, сс. 190-191).

В особенно тяжелом положении находились зависимые категории, называвшиеся *казаками* [мужчины — рабы] и *каравашами* [женщины — домашние рабыни]. Находившиеся «вне адата», они считались *безобрядными*. «Обычное право не ущемляло норм, ограждающих их личность. Они не имели никакой личной собственности, ни семейных, ни иных прав» (*там же*, с. 191).

V. 3. 4. Формы земельной собственности в средневековой Балкарии остаются дискуссионными. Одни исследователи таубиев считают верховными собственниками не только земли, но и скота (см., например: *Гугов* 1999. с. 174), другие — отрицают это.

По сложившейся традиции вопрос о социальной структуре средневекового общества рассматривается в тесной связи с вопросом о формах собственности на землю. Актуальность данного вопроса оттеняет то обстоятельство, что «практически все население Балкарии было подвластно таубиям. Спросите у любого из них, — говорится в одном документе 1909 г., — и вам ответят, «что в горах нет общественной земли, вся она принадлежит им — владельческому классу» (**Батчаев** 2006, с. 91).

Внешне земельная собственность знати не была столь заметна, «чтобы о ней можно было говорить как о чем-то вполне очевидном и бесспорном. Отсюда, — пишет Батчаев, — отрицание феодальной собственности в документах досоветского времени, отсюда же — встречающееся в современной литературе четкое [и очень уверенное] деление горских земель на две категории: владения таубиев и владения отдельных общин». Причем, князья и таубии «владеемой ими землю могут распоряжаться по своему произволу... без позволения же никто не может селиться на их земле или в их ауле» (**там же**).

На балкарском материале против тезиса о монопольной собственности на землю феодалов выступал Лавров. Он, в частности, отмечал: «Факты показывают, что в Карачае и Балкарии до XIX в. существовала не столько феодальная, сколько подворная собственность на пахотные и сенокосные угодья, а что касается пастбищ и лесов, то они составляли собственность отдельных обществ. Из того, что во главе общества стояли феодалы, нельзя еще делать вывод, будто вся земля общества считалась их собственностью». Лавров обратил внимание на отсутствие в обычном праве карачаевцев и балкарцев статей, позволявших феодалам отчуждать и распоряжаться всей землей по своему усмотрению. Это тем более относится к собственности отдельных крестьянских дворов. Лично свободные крестьяне в Карачае и Балкарии составляли большинство населения, владели своими участками и могли ими распоряжаться по своему усмотрению (**Лавров** 2009, с. 388).

Кавказоведы особо отметили принципиальную позицию Лаврова в вопросе о соотношении землевладения и степени

развития феодальных отношений. «Кавказские материалы, — подчеркнул ученый, — склоняют к выводу, что существование или отсутствие частной собственности на землю зависело не только от уровня развития социальных отношений, но и от наличия свободного земельного фонда. Например, отчетливое представление о земельной собственности давно сложилось не только у большинства жителей Закавказья и не обеспеченных земель горцев Балкарии, но также и у населения 'вольных обществ' горной Чечни и Дагестана. Наряду с этим земельная собственность в XIX в. еще не успела окончательно оформиться у ногайцев и кабардинцев, обитавших на достаточно обширных степных просторах, а также в тех районах Адыгеи и Абхазии, где преобладало подсечное земледелие».

Признавая повсеместное распространение на средневековом Кавказе земельной собственности [феодальной, общинной и частнокрестьянской], «мы, — продолжал Лавров, — обычно находимся под воздействием европейского варианта феодализма, породивший представление, будто главное в феодализме — это феодальная собственность на землю. Экономическая мощь господствующего класса в средние века не всегда и не везде базировалась на земледелии. Немалую роль играли военные трофеи, торговые пошлины [на важных путях сообщения, в портах] и особенно дань, которую взимали не только с землевладельцев, но и с ремесленников, купцов и других слоев населения... предстоит разобраться: позволяют ли кавказские материалы считать, что земельная рента являлась неременной формой присвоения феодалами прибавочной стоимости, и не свидетельствуют ли они, что эксплуатация нередко принимала форму дани, не связанной с землепользованием и землевладением» (*там же*, 2009, сс. 436-437).

Альтернативную точку зрения отстаивает Батчаев. В результате анализа имеющегося материала, преимущественно фольклорного, он пришел к иному выводу. «Вопрос о земельных владениях Рачикаовых» в исторических и генеалогических преданиях упоминается лишь вскользь. С другой стороны, отмечает балкарский ученый, «в числе узурпированных их соперником

[Келеметом]» прерогатив было и то, что «Келемет распоряжается *всеми* [курсив мой — Ф. Г.] землями — пахотными и сенокосными. Земли эти распределялись им во временное пользование ежегодно». Речь здесь «идет о распоряжении *общественной* [курсив — В. Б.] собственностью — все население участвовало в равной мере во владении землею, которая была переделываема между дворами в определенные сроки» (**Батчаев** 2006, с. 81).

Конкретно «формулируются права таубиев относительно другой категории земель, — тех, 'на которые они [каракиши — В. Б.] водворены и которые они обрабатывают', т.е. пашен и сенокосов». Эти права предполагают «систему феодальных прерогатив» [хотя и не безраздельное господство] — своего рода «право вето на продажу земли каракишами; приоритетное право на ее приобретение; право присвоения 'спорных' участков; доля земли при ее разделе между братьями-каракишами; часть ее стоимости в случае продажи; ограничение круга покупателей своими подвластными и т.д.» (**Батчаев** 2006, с. 92).

Против этой точки зрения выступила Битова, по мнению которой «субъектом владения землей выступала соседская община. И она в лице своего покровителя из привилегированного сословия заботилась о сохранении своего земельного фонда, не допуская перехода земли в руки иноплеменников. А таубий, выступая скорее как лицо административное, получал за исполнение этих функций вознаграждение в виде спорного участка в случае отсутствия у каракиши родственников» (**Битова** 1997, с. 60).

Со своей стороны, возражая Битовой, Батчаев также последователен: «Такую трактовку, сводящую роль феодала в общине до уровня простого администратора, трудно считать убедительной». В этой связи он напоминает, что доля земли «отходила к таубию даже при разделе имущества, когда ни о каких иноплеменниках не могло быть речи. Ни община, ни отдельно взятый каракиши не могли быть 'субъектом владения землей'... так как все операции, связанные с ее куплей-продажей или наследованием, жестко контролировались таубием, и контролировались только в своих интересах» (**Батчаев** 2006, сс. 92-93).

Решающих аргументов в затянувшейся дискуссии о формах земельной собственности в балкарских обществах никто пока не привел, и вопрос этот остается открытым.

V. 3. 5. Феодализм в Балкарии. В последние годы дискуссия об особенностях «горского феодализма», особенно остро ведется на балкарском материале. Полярные точки зрения наиболее принципиально представлены в работах Батчаева, Муратовой и Битовой.

По убеждению Батчаева, «к началу XV столетия... зачаточные формы новой исторической формации уже успели утвердиться в горских обществах». Отраженная в родословных картина социальных процессов, приведших к утверждению власти потомков Басиата, не может быть достоверной и объективной. «Ясно, — отмечает Батчаев, — что эти процессы не могли сводиться лишь к физическому устранению местной знати; труднее было утвердить свое социальное господство над массой простого населения...» (*там же*, сс. 82-83).

В генеалогических и исторических преданиях возвышение пришедшей знати отображается просто: горцы, будто бы «добровольно» признают Басиата таубием после того как он с помощью ружья смог защитить местное население от врагов. В других источниках формирование собственно феодальных методов эксплуатации предстает более реально. Интересный материал по данной теме содержится в «Прошении Верхне-Балкарских крестьян начальнику Кабардинского округа» (*там же*, с. 83). В начале документа говорится о «приговоре» кабардинских князей Кайтукиных, обязавших местное население подчиниться басиатам Женоковым. Анализ «Прошения» привел Батчаева к следующему заключению:

— предки просителей относились к коренным, исконно свободным жителям Верхне-Балкарской долины, «следовательно, посягательство Женоковых на их свободу незаконно»;

— в конце XIV в. потомки Басиата не имели возможности «подчинить горцев», поэтому претендовать на власть они стали лишь «размножившись», т.е. «по прошествии многих десятилетий после появления... [их] предка в Верхней Балкарии [вероятно, где-то во второй половине или даже в конце XV столетия]»;

— в своих притязаниях басиата активно использовали поддержку «более могущественной кабардинской знати» (*там же*).

Свидетельством прямого влияния кабардинских князей на социальные процессы у горцев Центрального Кавказа является информация автора «Приложения» к рапорту начальника Терской области от 8 сентября 1866 г. В нем, в частности, говорилось: «В горах зависимое сословие образовалось от подаренных кабардинскими князьями своим аталыкам или воспитателям холопов, от продажи в горы кабардинцами холопов... от бежавших [из] соседних обществ людей, которые за покровительство горских таубиев по необходимости подчинили себя зависимости личной и поземельной» (*там же*, с. 84).

Другим каналом приобретения зависимого населения служила практика отправления «к горским таубиям новых поселенцев, прося о наделении их землею... под условием платежа известной ренты в пользу таубиев» (*Миллер и Ковалевский* 1884, с. 452).

Феодализм в Балкарии, отмечает Гугов, отличался «по географическим условиям обитания населения, характеру экономики, определяемой этими условиями, и уровню социально-экономического развития, имел свои отличительные черты. Сравнительно неблагоприятная естественно-природная среда наряду с некоторыми другими факторами... оказала... воздействие на развитие производительных сил и форму складывающихся общественных отношений» (*Гугов* 1999, с. 173).

Еще одно обстоятельство подчеркнул Батчаев — «наличие в Балкарии феодальных резиденций типа Усхура, Зылги, Болат-кала, Малкар-кала, датируемых по обнаруженной в них керамике периодом не позднее XIII-XV вв., и связанных именно с социальной дифференциацией общества» (*Батчаев* 2006, с. 77).

Алексеева и Гугов считают, что в Балкарии в XVI-XVII вв. «шел процесс разложения родовых устоев и укрепления новых, феодальных порядков» (*Алексеева* 1971, с. 225; *Гугов* 1999, с. 173).

Кушева полагала, что «источники XVII-XVIII вв. не оставляют сомнения в том, что в это время феодальные отношения в Балкарии и Карачае уже имели место» (*Кушева* 1963, с. 172).

К. Г. Азаматов, напротив, утверждал: «Незавершенность про-

цесса феодализации в Балкарии наложила свой отпечаток на сословную структуру балкарцев: у них не сложилась феодальная лестница, присущая обществам с развитыми феодальными отношениями» (**Азаматов** 1968, с. 45).

Авторы сводного труда по истории Балкарии утверждали, что в XVI-XVII вв. «общественный строй балкарцев можно характеризовать как переходный период от патриархально-родовых порядков к феодальным отношениям» (**Очерки** 1961, с. 33).

Лавров возразил по этому поводу: «Такая формулировка архаизирует общественный строй Балкарии в указанное время... Мы часто преувеличиваем значение пережитков этого [патриархально-родового — Ф. Г.] строя и забываем, что многие из них существуют при капитализме и доживают до социализма. Характер общественного строя *определяют... не пережитки, а реальные отношения в процессе производства* [курсив мой — Ф. Г.]. Говоря о феодализме, — продолжал Лавров, — часто смешивают две его стадии: раннюю, когда присвоение прибавочного продукта выражалось в виде дани, не связанной с землепользованием, и позднюю, когда основным источником эксплуатации становится земельная рента. Карачай и Балкария в XIII-XVII вв. находились на стадии раннего феодализма» (**Лавров** 2009, с. 388).

В этой связи Гугов призвал своих коллег не смешивать понятия «*незавершенность процесса феодализации*» и «*неразвитость феодальных отношений*». Первое из них, по замечанию ученого, применимо не только к Балкарии, но и к Кабарде. «Даже в России, которая еще в XII в. вступила в период развитого феодализма, процесс не был завершен к концу XV в.» (**Гугов** 1999, с. 173).

Батчаев отмечает «наличие каких-то форм феодальных отношений не позднее, чем в XIV-XV вв.». В другом месте ученый пишет: «к началу XV столетия... *зачаточные* [курсив мой — Ф. Г.] формы новой исторической формации уже успели утвердиться в горских обществах». Правда здесь же он уточняет: основная масса населения состояла из свободных общинников, в среде которых «*наметился процесс* [курсив мой — Ф. Г.] выделения феодализующейся знати» (**Батчаев** 2006, сс. 76, 82).

Противоречивые оценки характера общественного устройства балкарских обществ даже в одной работе одного исследователя, на наш взгляд, отчасти связаны с противоречивыми данными немногочисленных источников.

По убеждению Батчаева, отраженная в родословных картина социальных процессов, приведших к утверждению власти потомков Басиата, не может быть достоверной и объективной. «Ясно, — отмечает ученый, — что эти процессы не могли сводиться лишь к физическому устранению местной знати; труднее было утвердить свое социальное господство над массой простого населения» (*там же*, с. 83). В генеалогических и исторических преданиях возвышение пришлої знати отображается просто: горцы, будто бы «добровольно» признают Басиата таубием после того как он с помощью ружья смог защитить местное население от врагов (*там же*).

В других источниках формирование собственно феодальных методов эксплуатации предстает более реально. Интересный материал по данной теме содержится в «Прошении Верхне-Балкарских крестьян начальнику Кабардинского округа». В начале документа говорится о «приговоре» кабардинских князей Кайтукиных, обязавших местное население подчиниться басиатам Женоковым. Анализ «Прошения» привел Батчаева к следующему заключению:

— предки просителей относились к коренным, исконно свободным жителям Верхне-Балкарской долины, «следовательно, посягательство Женоковых на их свободу незаконно»;

— в конце XIV в. потомки Бассиата не имели возможности «подчинить горцев», поэтому претендовать на власть они стали лишь «размножившись», т.е. «по прошествии многих десятилетий после появления... [их] предка в Верхней Балкарии [вероятно, где-то во второй половине или даже в конце XV столетия]»;

— в своих притязаниях басиата активно использовали поддержку «более могущественной кабардинской знати» (*там же*).

Свидетельством прямого влияния кабардинских князей на социальные процессы у горцев Центрального Кавказа явля-

ется информация автора «Приложения к рапорту начальника Терской области от 8 сентября 1866 г.». В нем, в частности, говорилось: «В горах зависимое сословие образовалось от подаренных кабардинскими князьями своим аталыкам или воспитателям холопов, от продажи в горы кабардинцами холопов... от бежавших [из] соседних обществ людей, которые за покровительство горских таубиев по необходимости подчинили себя зависимости личной и поземельной» (*там же*, с. 84).

Другим каналом приобретения зависимого населения служила практика отправления «к горским таубиям новых поселенцев, прося о наделении их землею... под условием платежа известной ренты в пользу таубиев» (*Миллер и Ковалевский* 1884, с. 452).

После походов Тимура, как известно, прошла мощная миграция населения с равнинной и предгорной зон в ущелья Центрального Кавказа. Принято считать, что этими мигрантами были аланы. Батчаев ведет речь «не только об этнической неоднородности этого населения, но более того — о вероятности полной тюркизации [курсив мой — Ф. Г.] в XIII-XIV вв. той его части, которая проникла впоследствии в Балкарию, и которая часто фигурирует в устной традиции под названием маджарцев». Выделяя «социальный аспект этого явления», ученый отмечает «преобладание в среде пришельцев более развитых [по сравнению с местными] форм социальных отношений, т.е. хотя и ранних, но уже достаточно стабильных форм феодального строя» (*Батчаев* 2006, сс. 82-83).

В балкарском фольклоре [локальной версией которого является предание о Рачикаовых] сохранились сюжеты о борьбе «маджарской» знати с «местными феодалами [? Ф. Г.], о победе пришельцев во главе с Басиатом...» (*там же*, с. 83).

В генеалогических преданиях балкарских таубиев говорится об их далеком предке, Басиате, жившем в пределах конца XIV — начала XV в. К наиболее ранним письменным известиям о балкарцах относится и упоминавшаяся выше *Цховатская надпись*. Е. С. Такайшвили датировал ее XIV-XV вв. Время появления надписи уточнили исследования кавказоведов. Она была создана не ранее XV в. (*Гутнов* 1987, с. 57; *Батчаев* 2006, сс. 76-77). Как

видно из Цховатской надписи, «потомки Басиата утвердились сравнительно быстро, может быть, уже к концу XV столетия» (**Батчаев** 2006, с. 83)

В качестве своего рода индикатора развития социальных отношений в науке общепринято значение «всякого рода оборонно-жилых сооружений». Батчаев отмечает в этой связи: «Практика строительства башен и домов-крепостей зародилась здесь в далекой древности... в эпоху средневековья особенности их [архитектурных комплексов — Ф. Г.] эволюции были связаны уже с формированием раннеклассовых обществ». В фольклоре фиксируются первые признаки «феодализации» башен. «Так, один из персонажей нартского эпоса, — Ерюзмек [Урызмаг] — построил себе башню и стал главным над жителями нартского аула». В предании о Рачикаовых единственным обладателем башни, построенной в верхней части села, назван князь Бердыбий (*там же*, с. 79).

Археологический материал, полученный в ходе раскопок в границах архитектурных комплексов, позволяет датировать их XIII-XIV вв. Источники той поры о горной полосе Центрального Кавказа позволяют локализовать здесь резиденцию «правителя народа асов», а так же особую «Кавказскую» митрополию (**Кузнецов** 1978, с. 128; **Батчаев** 2006, с. 80). Согласимся с Батчаевым: «подобного рода обстоятельства не могли пройти бесследно для социального развития населения тогдашней Балкарии» (**Батчаев** 2006, с. 80).

Цитадели городищ той поры кавказоведы трактуют как «место обитания уже выделившейся из среды общины господствующей семьи будущего мелкого феодала». В Балкарии золотоордынского периода к таким феодалам относят Рачикаовых. Исторический фольклор сохранил сведения об одном из таких феодалов — Бердыбии — главы рода Рачикаовых. Причем назван он *таубием*. У него были свои уздени, рабы, своя башня — единственная в ауле. Односельчане ежегодно «в день покоса приносили ему по одному барану со двора; один из его потомков будто бы был женат на дочери осетинского *алдара* [точнее: *царгасата*] Карабугаева. В числе подношений называются «де-

вать стрел». Возможно, «намек на какие-то обязательства Рачикаовых по защите общины от внешней опасности» (*там же*).

Примечания

¹ Оригинальная, но слабо аргументированная точка зрения. Ряд ученых, термин *туала* связывает с одноименным фольклорным героем, легендарным военным вождем балкарцев и карачаевцев, в начале XV в. сумевшего спасти часть населения от губительного нашествия Тимура.

² В статейном списке посольства стольника Толочанова сохранилась запись от 17 мая 1650 г. В тот день послы вступили на землю «балкарских мурз», где Толочанова «приняли... с большими почестями», а 31 мая проводили до Сванского перевала. «А провожали до тех мест болхарские владельцы, Алибек да Чеполов с братьями и детьми; и из-под гор воротились к себе в Болхары» (*Кокиев* 2005, с. 218).

³ Ужасная болезнь, названная «Черной смертью», неоднократно отмечена в письменных источниках и фольклоре. Например, в исторических преданиях жителей Чегемского ущелья говорится, что его население, «жившее здесь до прихода балкарцев, поголовно вымерло от моровой болезни» (*Лавров* 1982, с. 41). В конце XIV в. чума поразила Азию и Европу, в том числе Кавказ. В одной из летописей под 1346 г. сказано: «бысть мор на бесермены, и на татары, и на ормены, и на обезы, и на жиды, и на фрязы, и на черкасы, и на всех тамо живущих, яко не бе кому их погребати». Очевидно, к Северному Кавказу имеет отношение еще один летописный сюжет, датированный 1364 г. «Бысть на люди мор велик... Приде же сиа казнь [курсив мой — Ф. Г.]... снизу... к Новугороду к Нижнему» (*Лавров* 1984, с. 66). В документе 1458 г. из итальянских колоний в Причерноморье сказано: «Огромное множество [курсив мой — Ф. Г.] народа уничтожено чумой» (*Зевакин, Пенчко* 2007, с. 433; *Лавров* 2009, с. 66). Страшная засуха 1755 г. отмечена в Осетии. Иеромонах Осетинской духовной комиссии Григорий в донесении от 31 июля 1755 г. коменданту Кизляра генерал-майору Фрауендорфу писал: «сего июля 20 числа получил я из Осетии от архимандрита Пахомия» известие о том, что «ныне тамошней стороне хлеба и протчего ничего не родилось... никакого запаса тамо достать ниоткуда не могли и претерпевают в том несносную нужду» (*ЦГА РД*, д. 309, л. 83). Подполковник Р. Шедяков в июле 1737 г. доносил в Петербург, что «имеется в Кабарде великое (курсив мой — Ф. Г.) моровое

поветрие». Тогда же капитан А. Лопухин не смог поднять кабардинцев в поход за р. Кубань, т.к. «до сего не допускает опасная болезнь в Кабарде, куда подъехать невозможно» (*там же*, л. 68).

В переписке чиновников разного уровня неоднократно упоминаются опасные эпидемии, распространившиеся по Северному Кавказу. В письме от 1 июня 1738 г. говорилось, «что в Большой Кабарде имеетца моровое поветрие в двенадцати кабаках» (*там же*, д. 19, л. 62 об.). 20 августа 1739 г. с грифом «секретно» комендант Кизляра получил из Астрахани известие со ссылкой на указ императрицы. В нем сообщалось о появившемся «вновь в Большой Кабарде морового поветрия... а сего августа 17 дня по указу ея Императорского Величества, присланной ис правительствующего сената велено, о предосторожности [неразборчиво] по сказанного появившегося в Большой Кабарде вновь морового поветрия» (*там же*, д. 30, л. 29). Буквально следом в другом документе вновь о том же: «подполковника Брылина доношение о получении из Малого Ногая... Сулемана Резянова пише что в Большой Кабарде... имеется моровое поветрие... и оттого Большой Кабарды владельцы из домов своих повыехали» (*там же*, л. 31). В Указе императрицы от 11 января 1740 г. говорится: «по письмам костяковского владельца князя Аляша Хамзина объявлено, что в Андреевской деревне имеется моровое поветрие чего де ради, вы сверх прежде учрежденных там застав еще несколько застав же учредили... ся опасная болезнь... чтоб та злая болезнь в здоровые места нанесена быть не могла, накрепко смотреть и предостерегать во всем, без малейшего упущения» (*там же*, д. 31, л. 58).

⁴ На наш взгляд, определенную актуальность сохраняют слова А. Н. Дьячкова-Тарасова, сказанные в завершенной в 1897 г. работе: «Решать вопрос о времени заселения карачаевцами бассейна верхней Кубани преждевременно; на предания, говорящие о пятивековом их пребывании здесь, полагаться рискованно» (*Дьячков-Тарасов* 2009, с. 475). Современные исследователи говорят буквально то же. Так, Р. М. Бегеулов с сожалением отмечает: «до сегодняшнего дня не сложилось единого мнения по вопросу о том, какую территорию занимали карачаевцы в XVII-XVIII вв.» Споры, преимущественно, идут по поводу времени и причин переселения карачаевского населения с верховьев р. Баксан в ущелье р. Кубань (*Бегеулов* 2005, сс. 102-103).

⁵ Кокиев обратил внимание на статейный список посольства Толочанова, в котором несколько раз упоминаются «балкарские мурзы» (*там же*, с. 218).

VI. Западные адыги

История западных адыгов т.н. «золотоордынского периода» [XIII-XV вв.] относительно хорошо освещена в документах итальянских городов-государств, в первую очередь и главным образом — Генуи и Венеции. Отраженная в этих письменных источниках информация не раз становилась объектом изучения медиевистов, в том числе и автора данной работы (**Гутнов** 2008, сс. 144-154). Поэтому мы лишь кратко остановимся на них.

VI. 1. Итальянские колонии Северного Причерноморья и Азовского побережья. Оживленная торговля населения Северо-Западного Кавказа с итальянцами велась через черноморские и азовские гавани. Ее основными статьями являлись рабы¹, хлеб² и рыба. Взамен адыги получали различные ткани и изделия из метала. На Северный Кавказ, как выяснил, опираясь на итальянские источники, Самир Хотко, «генуэзцы и венецианцы, а вкупе с ними, пизанцы, флорентийцы, тосканцы и прочие итальянские коммерсанты стали проникать еще в XII в.». В 1169 г. генуэзцы первыми добились от императора Мануила I Комнина право на «торговлю в Черном море». В 1204 г. крестоносцы захватили Константинополь и «разграбили все торговые заведения и склады итальянцев». До 1260 г., пока существовала т.н. «Латинская империя», государство крестоносцев со столицей в Константинополе, «итальянские коммерсанты из-за огромных пошлин не имели возможности вести дела в Черноморье» (**Самир Хотко** 1999, с. 158).

В 1260 г. Михаил Палеолог изгнал крестоносцев из Константинополя и восстановил Византийскую империю. Успешная война во многом стала возможной благодаря поддержке генуэзского флота. В благодарность за это в 1261 г. Византия заключила с Генуей договор, по которому Михаил Палеолог фактически подарил генуэзцам монопольное право на торговлю на Черноморском побережье. Правда, это соглашение, известное как Нимфейский трактат, оставило некоторые лазейки и для других городов-республик Италии. Этим воспользовались пизанцы, основавшие торговое поселение Porto Pisano на побережье

Азовского моря. В 1265 г., «опасаясь чрезмерного усиления Генуи, Михаил Палеолог допустил в Черное море и венецианцев» (*там же*, сс. 158-159).

По мнению большинства итальянских историков, главное торговое поселение генуэзцы основали в 1266 г. недалеко от античной Феодосии, в урочище под названием Каффа³ [Caffa]. Самир Хотко высказал гипотезу о черкесском [адыгском] происхождении топонима. Главным торговым партнером Кафы стала Зихия. Показательно в этом плане, что между Таной [Азов] и Себастополисом [Сухуми], заселенной в то время черкесами, в XIII-XV вв. насчитывалось 39 торговых поселений генуэзцев. Самир Хотко полагал, что генуэзцы «в Зихии поселялись *исключительно с согласия местных князей или вождей* [курсив мой — Ф. Г.]» и платили им дань (*там же*, с. 159).

Одним из наиболее значимых аспектов генуэзского присутствия в Зихии являлись работорговля и посредничество в переправке воинов в армию мамелюкского султана. Особый размах работорговля приобрела после того как султан Бибарс I [1261-1277 гг.] в 1262 г., а позднее — султан Калаун [1280-1290 гг.] заключили договора с императором Михаилом VIII Палеологом [1259-1282 гг.]. По этим соглашениям мамелюки получили свободный доступ в Черное море. В Кафе открылось специальное бюро агентов султана по закупке рабов — *Tuggar al-khass* (*там же*).

Черноморская торговля не была абсолютно безоблачной. Так, противниками морской торговли рабами выступили Папа Римский Климент V и король Кипра Генрих II де Лузиньян [1285-1324 гг.] заключили соглашение, направленное против ввоза черноморских рабов в Египет. Стратегическое партнерство Генуи и Черкесии регулярно омрачал морской разбой, учинявшийся никем не контролируемые вольными обществами западных адыгов. Многочисленные соглашения, которые заключали консулы Кафы с князьями Черкесии, «с обязательностью нарушались горцами. Горцы Западного Кавказа — зихи, керкеты, ахеи и гениохи — были знамениты своим пиратством уже в античную эпоху». Неспособность Кафы справиться с бес-

чинствами пиратов неоднократно приводило «к почти полному параличу торговли». Известен всего лишь один случай, когда администрации Кафы удалось вернуть награбленное пиратами. Среди бумаг некоего нотариуса из Кафы за апрель-май 1290 г. сохранился контракт Вивальдо Лаваджио, капитана одной из галер Аргун-хана, монгольского правителя Ирана. Владения последнего выходили к Черному морю. В силу этого, хан был заинтересован в охране своего участка побережья. В заливе Джубги капитану «Лаваджио удалось отнять у местных корсаров товары, ранее награбленные ими с кораблей армянских и греческих коммерсантов» (*там же*, сс. 162-164).

Важной статьёй внешней торговли был хлеб. Известно, что в голодный для Италии 1268 г. венецианский дож Лоренцо Тьеполо приказал закупить зерно в других странах. И оно было куплено у алан, *зихов*, русов, армян и греков (*Хизриев* 1982, с. 6). Во время похода 1395 г. на Северный Кавказ у «Тимурова войска осталось мало продовольствия... Тимур пошел вдоль реки [Терек] в область Джулат, чтобы воины запаслись провизией из тамошних зерновых продуктов» (*СМИЗО*, т. 2, с. 175). Плано Карпини, побывавший в этих краях в 1246 г., писал о жителях Дешт-и-Кипчака [куда входило Предкавказье]: «Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами, лошадьми» (*Путешествие* 1957, с. 28). Они производили крупных быков, которых «вполне хватало даже на итальянские боины» (*Барбаро* 1971, с. 149).

VI. 2. Социальная структура западных адыгов. Генуэзские документы проливают свет на социально-экономическое устройство *зихов*. Практически вся территория от Дона до Кубани с имевшимися там портами и поселениями — Иль Пеше, Копа, Санта Круче, Бакинахи, Сан-Джорджио и Лотар — «находилась во владении черкесских князей». Их имена приводятся в итальянских источниках: Белзевук, Парсабок, Биберд, Кертибей, Петрозок и др. На Таманском полуострове в середине XV в. правили *зихские* князья Костомах и Кадибелд. «Более того, черкесские [*зихские*] князья владели территориями в восточном Крыму». Среди них выделялись: правитель

Воспоро в 20-х гг. XIV в., «усердный приверженец» католической веры Верзахт, «состоявший в переписке с папой Иоанном XXII»; Миллен, правитель Воспоро в 1330-х гг., также принявший католичество. С 1379 по 1386 г. золотоордынским наместником в Крыму был князь зихов, «известный как Зихий-Геркесий, Джаркас [Jarkas], Черкес-бек [Cherkes-bek] или Жанкасиус-Зих [Jhancasius-Zich], чья резиденция находилась в Солгате [Solhat]». Являясь сторонником Мамаю, он в 1379 г. вынудил администрацию Кафы мобилизовать ополчение для поддержки татаро-монголов в грядущей битве на Куликовом поле. В следующем году он разграбил 18 поселений из округа Кафы в наказание за отказ провести мобилизацию. После смерти Мамаю он сохранил свой пост при Тохтамыше. Его подпись стоит под договором между Золотой Ордой и Каффой. По 6 пункту данного договора он обязывался возвратить захваченные ранее 18 селений. Известен еще один черкесский князь. Под 1358 г. упоминается некий Сихабей [Зихабей], наместник Золотой Орды в Тане (**Самир Хотко** 1999, сс. 160-161).

В золотоордынский период часть черкесской знати сотрудничала с татаро-монголами. В начале XIV в. один из потомков Чингис-хана, «царевич Кадир-Берди», был рожден от черкешенки. «Его современник, видный татарский военачальник, носил имя 'Черкес'. Около 1330 года» город Боспор возглавлял Миллен, черкес по происхождению. По сведениям арабского путешественника Ибн-Батутты, в столице Золотой Орды — городе Сарай Берке — часть населения составляли черкесы. Однако не следует, предупреждал Лавров, «думать, что враждебные отношения черкесов к татарам сменились к XIV веку прочным миром». Казвини писал, что «в конце 1320-х годов Узбек-хан послал Эмира Хасана на войну против черкесов». В одном из боев Хасан получил рану, от которой позднее умер (**Лавров** 2009, сс. 27-28).

Во всех генуэзских поселениях, в том числе и в Кафе, военные подразделения — т.н. «оргузии» [orgusii] формировались из черкесских наемников. Они составляли своего рода городскую конную полицию, получали солидное жалование, позволявшее вести торговые операции (**там же**, сс. 161-162).

Интересна этнографическая характеристика западных адыгов в интерпретации Д. Интериано. «Живут они деревнями и во всей стране нет [ни одного] города или укрепленного стенами места, а их самое большое и лучшее поселение — это небольшая долина в глубине страны, называемая Кромук, имеющая лучшее местоположение и более других населенная» (**АБКИЕА**, с. 47).

В Золотоордынский период западные адыги исповедовали христианство, и имели «священников по греческому обряду. Крещение же принимают лишь по достижении восьмилетнего возраста... знатные не входят в храм до шестидесятилетнего возраста, ибо, живя как и все они, грабежом, считают это недопустимым, дабы не осквернять церкви, по прошествии же этого срока... они оставляют грабеж и тогда начинают посещать богослужение, которое в молодости слушают не иначе, как у дверей церкви и не слезая с коня» (**там же**).

Тогда же у адыгских народов сложились две группы обществ — «аристократические» и «демократические». Архиепископ И. Галонифонтибус в 1404 г. в описании западных адыгов отмечал: «Страна, называемая Зикией или Черкесией, расположена у подножья гор, на побережье Черного моря. Они не имеют царя и у них есть только несколько мелких феодалов, многие их села никогда *никем* не управлялись, и они не имеют собственных глав» (**Галонифонтибус** 1980, с. 17).

В конце XV в. земли черкесов посетил Интериано. Интересны его оценки, касающиеся общественного устройства зихов. «Есть у них знатные и вассалы и сервы, или рабы. Знатные пользуются среди прочих особым почетом и значительную часть времени проводят на коне». Знатные, «как и все они», живут грабежом. «Между знатными есть много таких, которые имеют вассалов и все живут без какой-либо зависимости друг от друга и не желают признавать над собою никакого владыки, кроме господ бога, и нет у них ни судей, ни каких-либо писанных законов. Сила или смекалка, либо третейский суд разрешают споры между ними». Интересны элементы социальной психологии черкесов, подмеченные Интериано: «Они держатся того мнения, что никто не должен считаться благородным,

если о нем имеются слухи, что он когда-либо занимался недостойным делом... Они хотят, чтобы дворяне не занимались никакими торговыми делами, исключая продажи собственной добычи, говоря — благородному подобает лишь править своим народом и защищать его, да заниматься охотой и военным делом. И весьма восхваляют щедрость и дарят охотно все свое имущество, за исключением коня и оружия. А что касается их одежды, то тут они не только щедры, а [просто] расточительны, и по этой причине оказывается, что они по большей части хуже одеты, чем их подданные... Если же откажутся отдать или покажут свою неохоту, то это у них считается величайшим позором». Названные элементы социальной психологии знати и рядового населения скорее характерны для позднепотестарного или раннеклассового общества, чем раннефеодального. Итальянский путешественник отметил отсутствие замков или маленьких крепостей; «жилища все делаются из соломы, камыша и дерева» (**АБКИЕА** сс. 47-51).

Двумя веками позже Н. Витсен привел любопытную деталь из жизни адыгов. Во время набегов или при отражении таковых адыги всегда щадили вождей и знатных (**там же**, с. 88). Авторитет и уважение, которыми пользовались вожди архаических обществ, со временем трансформировались в социальные признаки знати. Убедительным аргументом в пользу этого является тот факт, что во время частых столкновений феодальных группировок князь мог убивать узденей своего противника, но те, «по древним их обычаям, и рук поднимать не могут...» (**Нагоев** 2000, с. 182).

Необходимо обратить внимание на распространение среди западных адыгов католичества. Особенно активным Ватикан стал с XIII в. Через генуэзские и венецианские фактории новая религия проникала и к местным племенам. В 1329 и 1333 гг. папа римский связывался с адыгским князем Милленом [или Верзахтом]. В 1346 г. в Матрегу был назначен католический епископ. Еще одна «епископская кафедра была основана в одном из Джулатов, где проживало много католиков, а тамошние священники принадлежали к ордену кармелитов». Служба в них проходила

на татарском языке. Из трех церквей XIII — начала XIV вв. Верхнего Джулата две были католическими. В 1349 г. римский папа посвятил в архиепископы адыга Жана де Зики.

VI. 3. Общества Северо-Западного Кавказа. В советской историографии бытовала точка зрения, согласно которой шапсуги, абадзехи, натухайцы и абхазы, «особенно горные, зачастую не признавали над собой власти владетельных правителей и управлялись 'старшиной', как правило, выборным» (*Сивер* 2003, сс. 15-16).

На этом фоне результат «демократизации» причерноморских адыгов не выглядит столь впечатляющим, как его изображали дореволюционные авторы. Так, не совсем ясно, что представляли собой крестьяне, участвовавшие в «перевороте»? Действительно ли это была социальная борьба или столкновение племен? Анапский паша Сеид-Мустафа данный конфликт описал так: «Народы из черкас и абазинцев именуемы первые шапсик, а последние бзедук имея между собою почти непрестанную ссору, и хотя от стороны моей был послан [человек] ради примирения их, но бзедуки... имея дружбу с черноморскими козаками видно прибегли к ним под защиту... и соединя козаки с бзедугами и напав на шапсиков учинили чрезвычайное поражение; где побито немало народу». Хан-Гирей в описании Бзюкской битвы, не смотря на стремление придать ей характер народного восстания, невольно отобразил нашествие шапсугов на земли бжедугов. С другой стороны, «установленное сословное деление в результате деление абадзехов, натухайцев и шапсугов почти полностью повторяет сословное деление 'аристократических племен', за исключением института князей [*пшы*, кабард. *пшы*]. Многие шапсугские и натухайские нобили», переходя за Кубань, на контролируемую русскими территорию, в документах проходили как «владельцы». Сохранились свидетельства о переселении шапсугских дворян вместе с крестьянами (*там же*, с. 16).

В предпринятых попытках определить сущность «демократии» западных адыгов, подчеркивает А.В. Сивер, термин «демократия» использовался «в буквальном, т.е. 'западном'

смысле». Турецкий просветитель адыгского происхождения Ю.-С. Нагуч полагал, что такая демократия — «специфический государственный строй» шапсугов, абадзехов, натухайцев и убыхов. Аналогичную позицию занимает Н. Н. Денисова. По ее мнению, главная особенность «демократии» западных адыгов заключалась «не в формах ее управления [органы народоправства, имевшие место у адыгов, встречались и у других народов], а в содержании, преобладании нравственного компонента... Жесткого доминирования общества [в лице рода, фамилии] над человеком не наблюдалось» (*там же*). При этом «оба автора подчеркивают уникальность, специфичность адыгской модели демократии». Оба стремятся отыскать черты непременно западной демократии — индивидуальную свободу, ограниченной лишь моралью, подчиненность исполнительной власти законодательству, исходящему от народа. Но *адыгэ хабзэ* [обычное право], *адыгэ нэмыс* [этикет] и нормы *адыгагъэ* [адыгство, морально-этические требования к человеку] практически в том же виде отмечены и в «аристократических племенах», причем, имели здесь, по меньшей мере, такое же значение (*там же; Сивер* 2013, сс. 172-184).

Интересен сюжет о шапсугах из работы Палласа: «У них нет князей, но они рассматривают своим начальником того, чья фамилия самая могущественная или наиболее прославлена грабежами» (*АБККЕА*, с. 216). Сивер подкорректировал данный фрагмент, справедливо заменив слово «грабежами» термином «набеги», участие в которых служило «показателем доблести и молодечества» (*Сивер* 2013, с. 176).

Сивер приводит и наблюдение Клапрота, в 1807-1808 гг. побывавшего с научными целями на Кавказе. Относительно шапсугов глава экспедиции, в частности, писал: «Если сделать попытку этому государственному строю дать название, то его можно было бы назвать республиканско-демократическим» (*АБККЕА*, с. 260). В завершённой несколькими годами позже работе С. М. Броневский одинаково охарактеризовал социальное устройство шапсугов, абадзехов и натухайцев: «Владельцев не имеют, управляются старшинами» (*Броневский* 1999, с.

180). И. Ф. Бларамберг те же племена характеризовал также: все они имеют «демократическую форму правления» (**Бларамберг** 1992, с. 103).

Дополнительные аргументы в пользу своей версии общественного строя западных адыгов Сивер ищет в их социальной терминологии. В частности, традиционный [смысловой] перевод адыгских слов *пцъы* и *гуашъа* — князь и княгиня. Между тем, их этимологическим значением являются «хозяин // господин», «хозяйка/госпожа». Они употребляются также «для обозначения свекра и свекрови, точнее главы семьи и его жены [*пшъыкъу* — деверь, букв. 'сын свекра']...» (**Сивер** 2003, с. 21).

По Сиверу, термины, коими характеризовались «аристократические» [имевшие феодальное правление] и «демократические племена» [имевшие «народное» правление] — «более подходят к описанию вариантов правления античной и средневековой Европы и имеют явно идеологическое происхождение» (**там же**, сс. 18-19). Хотя осталось неясным, почему термины *феодальное* и *народное правление* имеют «явно идеологическое происхождение»? И в чем это проявилось?

В выводах Сивер более осторожен. Дихотомия «демократические // аристократические племена», заключает он, «скорее всего, является идеологическим конструктом, созданным не без вмешательства европейских схем. Однако этот конструкт основывался все-таки на реалиях социальной организации [курсив мой — Ф. Г.] шапсугов и натухайцев, менее жесткой в сословном отношении, чем у остальных адыгов... При включении шапсугов в адыгскую общность 'демократичность' продолжала оставаться отличающим признаком, что выделяло их уже в рамках этой общности» (**там же**, с. 24).

В начале второй половины XVII в. в этих местах побывал Эвлия Челеби. Вслед за Галонифонтибусом он подчеркнул: «черкесы... весьма грубые... люди, но они известны как очень сильные и храбрые джигиты». У хатукаевцев путешественник выделил бея — имевшего собственную дружину — 8 тысяч «хорошо вооруженных воинов, отборных и богатых, то есть владеющих животными». У черкесов имелись крупные деревни, жители ко-

торых занимались не сельскохозяйственным производством, а исключительно ремеслом. Так, крупное поселение Субай состояло из 500 дворов. «Все население его ремесленники, но лавок нет. Все работают дома. Бей хатукаевцев Джан-Гирей также живет здесь». Челеби подчеркнул далее: все «села враждебны друг другу. Так что нет недостатка в постоянных междоусобных войнах и распрях». У черкесов не было «постоянных селений», «нет возможности жить в одном [и том же] селении... [хотя бы] в течении десяти лет». Темиргоевцами управляли 7 братьев, распорядившиеся «сотней благоустроенных стоянок и тысячей хорошо вооруженных отборных воинов. Из всего черкесского народа эти — самые отважные и сильные». Показателен описанный Челеби эпизод, когда черкесы захватили сына крымского хана: «Пусть он останется у нас, будет нашим господином. А придет время — он станет ханом и будет нами править». Правда, черкесы вскоре отпустили царевича (*Эвлия Челеби* 1979, сс. 52-68, 73-76).

В заключение остановимся на трактовке исторического процесса у западных адыгов XIII-XV вв., изложенной в публикациях Ф. А. Озовой. По ее мнению, в начале XIII в. в кавказских обществах, так или иначе связанных с Византией, произошли важные перемены. «В 1204-1205 гг. на территории Матархи, Зихии всей Хазарии, освободившейся от сюзеренитета византийского императора, воцарился [или продолжил царствование -? — Ф. О.] княжеский дом Шегакии/Хегакии [одно из субэтнических образований адыгов, от черк. *хы* море, океан], ставший впоследствии известным как династия Инала или Иналиды». Однако вскоре социумы юго-восточного побережья Таврики «были вынуждены признать верховную власть Алексея Комнина, основателя Трапезундской империи. Именно с этим, — утверждает Озова, — был связан переход шегакских князей из Таврики [‘вся Хазария’] на Тамань. Столицей объединившихся под властью шегакских князей земель стала Матарха». Инициатором создания нового объединения назван князь *Кес*. От его имени, якобы, образовалось новое название страны, по Ш. Б. Ногмову — *Пшир Кесшь* [Пшир «король», «государь»; Кесш — «Кес»]. В тюркской

транслитерации рассматриваемый топоним получил значение *Сер-Кес-ут*, а в европейской — *Чер-Кес-ия*. Насколько известно, новое название встречено в хронике «Монгольский обыденный сборник» 1240 г. Посланный Чингисханом Субатай-Багатур должен был «дойти до одиннадцати стран и народов», среди которых назван и *Серкесут*. Этноним *черкес* в европейскую литературу попал в 1245 г. из рассказа Плано Карпини о вторжении татаро-монголов в землю зихов. Примерно в то же время топоним *Серкэсу* стал известен в Китае, где на одной из карт 1331 г. рядом с *A-lan* и *A-sz* помещена страна *Sa-rh-ko-sz* [Черкесия]. Интериано, побывавший на Северном Кавказе в 70-х гг. XV в., позднее писал, что народ Черкесии «называл себя *адига/адыгэ*, на греческом, латинском и итальянском языках он звался *зихами*, а на татарском и турецком — *черкесами*» (Озова 2013, сс. 143-144).

По данным Озовой, правителями Воспоро в восточном Крыму являлись черкесские князья: Верзахт [в 20-х гг. XIV в.] и Миллен [в 30-х гг. XIV в.]. Наместником Крыма в 1379-1386 гг. был черкесский князь Жанкасиус-Зих или Черкес-бек. В 1453 г. Генуя передала город Кафу со всеми другими генуэзскими поселениями на Черноморском побережье в ведение банку Сан-Джорджо с правом: 1) сбора пошлин и налогов, 2) судить и казнить преступников. Специфика управления генуэзских колоний в Черкесии заключалась в том, что они находились под сюзеренитетом местных князей. Высказывалось мнение, что «фактории генуэзцев находились в зависимости от черкесских князей и вынуждены были им платить дань» (*там же*, сс. 147-148).

В период татаро-монгольского нашествия столицу Черкесии Матарха/Тамань захватили монгольские царевичи Менгу-Каан и Кадан [двоюродные братья хана Бату], «а ее государь Тукара, сын князя Кеса в ходе боев погиб. Тем не менее, Ибн-С'аид назвал правителя Матархи термином *малик* [араб. «царь», «король»] (Озова 2013, сс. 143-144).

Далеко не бесспорной выглядит развиваемая Озовой идея **Е. И. Нарожного** (2000, с. 19) о том, что «в период генуэзской торговли в Черкесии шло не только дальнейшее развитие фе-

одальных отношений, но и на основе складывавшихся зачатков капиталистического хозяйства, стали формироваться и протокапиталистические отношения... Этот процесс коснулся и черкесских населенных пунктов в глубине страны [курсив мой — Ф. Г.]. Несмотря на то, что в конце XV в. генуэзские фактории были уничтожены турками, — продолжает Озова, — процессы эволюции социальных отношений внутри Черкесии, характерные для Нового времени, которые стали зарождаться именно в период черкесо-генуэзского сотрудничества, продолжились в том же направлении, что и в странах Западной Европы» (Озова 2013, с. 159).

Как видно, дискуссия о социальном устройстве обществ западных адыгов далека от своего завершения.

Примечания

¹ В Золотоордынский период феодалы «тайными тропами пробивались к своим соседям, захватывали много пленных и продавали за морским купцам в рабство. Особенно много пленных попадало затем в Египет, где они шли на пополнение султанской гвардии [мамелюки]. Нищета и надежда на лучшую жизнь в чужих странах заставляли многих крестьян продавать и своих собственных детей» (Лавров 1981, с. 8).

² Арабский историк XIV в. Эломари писал по поводу состояния сельского хозяйства региона: «Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя, текут реки и добываются плоды» (СМИЗО, т. 2, с. 231).

³ Напомним, что полномочия консулов итальянских поселений Северного Причерноморья и Приазовья были различными. «Наиболее полная сфера юрисдикции была у консула Кафы, которому 'помогал' обширный чиновничий аппарат. Консул Салдайи, в основном следил за обороной крепости. Консулы Чембало и Копарио контролировали рыболовство. Немногочисленные постановления для консула Таны связаны, в основном, с откупам» (Волков 2003, сс. 18-19).

⁴ О масштабах потерь купцов от нападений черкесских корсаров можно судить по документу более позднего периода. В донесении венецианского посла в Персии от 25 июля 1572 г. сообщается, что «черкесы, прибыв на 24 кораблях, сожгли и разрушили за 300 миль отсюда

все поселения побережья, разорили турецкие виноградники и перебили множество народа, а женщин увели в плен, забрав все имущество и товары...» (**Самир Хотко** 1999, с. 164).

⁵ В переводе Зевакина: «Великий голод настал в Италии в лето от воплощения господа нашего Иисуса Христа 1268-ое. Сильно вздорожали в Венеции жизненные продукты... Но государь Лоренцо Тьеполо, дож Венеции, отправил свой корабль морем за 1500 миль от Венеции и повелел закупить хлеб и раздать его по всему государству... Что вам расскажу я? Татары, Аланы, Зихи, Русы, Турки, Армяне и Греки дали в ту пору хлеб венецианцам...» (**Зевакин** с. 50).

⁶ Юлиан сообщает «о черкесском князя на Тамани, который, будучи богат, содержал при себе 100 жен. Арабский географ Ибн-Са'ид также указывает на «особого 'царя' на Тамани» (**Лавров** 2009, с. 31).

⁷ К 1333 г. относится письмо Папы Римского Иоанна XXII к черкесскому князю Верзахту, обращенному в католичество падре Франческо ди Камероне, проповедником из Воспоро [Керчи]. Папа благодарил Верзахта «за усердие» в деле распространения среди соплеменников новой веры. Проповедь шла настолько успешно, что в начале XV в. черкесы имели католического архиепископа с резиденцией в Матреге и две епископские кафедры. Францисканец Иоанн, первый католический епископ Черкесии [1349 г.] происходил из черкесских аристократов. В 1346 г. во время пребывания Иоанна в Риме папа Климент VI возвел его в ранг епископа (**Самир Хотко** 1999, с. 161).

⁸ Керефов, комментируя данное сообщение, высказал предположение, что Интериано недвусмысленно причисляет бедных дворян к «знатным», не имевшим вассалов, когда говорит, что среди «знатных» есть много таких, которые имеют вассалов...» (**Нагоев** 2000, с. 183, примеч.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как уже отмечалось, среди медиевистов бытует мнение, по которому «трудно найти событие, сыгравшее столь же значительную роль в судьбе страны, как нашествие монгольских войск на Русь в XIII в. Вне зависимости от оценок этого события, большинство ученых считают его своего рода водоразделом в истории России» (*Диалог о книге* 2013, с. 3). Сказанное в полной мере относится и к истории народов Северного Кавказа. Расхождения в оценках и версиях событий XIII-XV вв. в регионе «со всей очевидностью» показали «необходимость дальнейшего изучения... динамики золотоордынского 'освоения' региона». Особую остроту данной проблеме придает то обстоятельство, что золотоордынская тематика является «своего рода 'ключевой' в процессе объективного осмысления ситуаций и процессов не только XIII-XV вв., но и последующего времени». Неверное толкование [или игнорирование] событий той поры, «влечет за собой опасность появления различных разработок... сомнительного характера» (*Нарожный* 1987, с. 55).

В 1964 г. на научной сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма у народов СССР» со специальным докладом на материалах горских народов выступила Е. Н. Кушева. Особенно актуальным ей представлялось изучение генезиса феодализма у осетин. Его формирование, начавшись еще в аланский период, прервало татаро-монгольское нашествие, а затем продолжилось в горах в новых условиях (*Кушева* 1969, сс. 184-185).

Оседание в Центральной Осетии [Уалладжире и Туалгоме] части феодальной знати равнинных алан привело к взаимодействию различных общинных и феодальных структур. Результатом синтеза стало становление новых отношений, при которых темпы политогенеза ускорились, но сам процесс развивался иначе, чем с свое время на равнине.

Для остальных районов Осетии характерен второй тип синтеза — взаимодействие раннеклассовых и феодальных структур. В Дигории появление эмигрантов [равнинных алан] привело к столкновению двух социальных группировок: местной

знати и пришлых феодалов (**Гутнов** 1987, сс. 50-70). Утратив свои равнинные владения, аланские феодалы на новом месте добивались привилегий в яростной борьбе как между собой, так и с горскими старшинами. Противоборство завершилось полным истреблением одних аристократических кланов, лишением привилегий других, изгнанием из общества третьих.

В отношении Центрального Кавказа, отмечает Батчаев, «правомернее было бы ставить вопрос не о некоем 'горском' феодализме вообще, а о феодализме двух конкретных ландшафтных зон — высокогорной и предгорно-плоскостной. При этом наиболее сложным всегда был [и остается — Ф. Г.] вопрос о феодальных отношениях в высокогорной районах края... Отсутствие сложной многоступенчатой феодальной иерархии» чаще всего связывается с уровнем феодализации горских обществ (**Батчаев** 2006, с. 95).

Существенный вклад в изучение балкарского средневековья внес Деген-Ковалевский. «Методологической удачей было уже то, что автор четко различал 'горский' феодализм в собственном смысле слова от феодализма предгорно-плоскостной зоны». Исторический процесс в двух выделенных зонах шел разными темпами. Причину отставания «горских обществ», к XIX в. сумевших «дойти лишь до ранних ступеней феодализма», автор видел «в узости производственной базы: высокогорные пастбища недостаточны... для расширенного воспроизводства как неперемного условия социально-экономического прогресса» (*там же*, 2006, сс. 14-15).

Принято считать, что развитие феодализма у народов Северного Кавказа дальше всего зашло в Дагестане и Кабарде, хотя и здесь «не приняло законченных форм». Сложение феодальных государств и владений в Дагестане — шамхальства у кумыков, нуцальства у аварцев, казикумухского владения у лакцев, уцмийства Кайтагского у даргинцев, майсумства у табасаранцев — «уходит вглубь веков, в период еще до татаро-монгольского нашествия». Вместе с тем подчеркнута, что источники XV-XVIII вв. «рисуют картину не завершившегося еще процесса феодализации» (**Кушева** 1969, сс. 184-185).

Характерной чертой средневекового Дагестана являлась пестрота социально-экономического развития. Юшков связал это с расположением того или иного социума относительно приморских и предгорных зон. В своей концепции он наметил 6 основных и ряд промежуточных ступеней развития феодализма. Чем дальше в горы, тем примитивнее социальное устройство. Ученый обратил внимание на податъ овцами с пастбищных гор. Это дало Юшкову основание говорить о «пастбищной» ренте как об одной из ее особенностей в Дагестане (**Юшков** 1938, с. 10).

Одновременно с выяснением специфики социальных процессов на Северном Кавказе шло выявление причин их асинхронности у различных народов региона. Основные причины замедленности классовообразования в ущельях Кавказа и «как бы консервации общественной жизни» ученые видели в особенностях хозяйственной жизни «в труднодоступных горных местах в условиях замкнутости и постоянной обороны от нападения извне», что вело к «устойчивости общины» (**Нарочницкий** 1979, сс. 15-16).

Виноградов среди причин замедленного развития социальных процессов у горских народов также назвал состояние экономики, обусловленное природными условиями, демографическими тенденциями и влиянием внешнего фактора. К X в. отнесено оформление «раннефеодального государственного образования — Алании». Следующий период [XIII-XVII вв.], по мнению исследователя, характеризуется распадом Алании, включением равнинных районов Северного Кавказа во владения Золотой Орды, почти полной изоляцией многих этнических групп в горах.

После походов Тимура, как известно, прошла еще одна мощная миграция населения с равнинной и предгорной зон в ущелья Центрального Кавказа. Принято считать, что этими мигрантами были, главным образом, аланы. Батчаев кардинально решает данный вопрос и ведет речь «не только об этнической неоднородности этого населения, но более того — о вероятности полной тюркизации [курсив мой — Ф. Г.] в XIII-XIV вв. той

его части, которая проникла впоследствии в Балкарию, и которая часто фигурирует в устной традиции под названием маджарцев». Выделяя «социальный аспект этого явления», ученый отмечает «преобладание в среде пришельцев более развитых [по сравнению с местными] форм социальных отношений, т.е. хотя и ранних, но уже достаточно стабильных форм феодального строя» (**Батчаев** 2006, сс. 82-83).

Дагестанский поход монголов в 1239-1240 гг. для населения Северо-Восточного Кавказа также имел тяжелые последствия. В равнинной части Дагестана завоеватели опустошали пашни и сады, а в горной зоне — угоняли крупный рогатый скот, овец и лошадей. Киракос Гандзакети отметил по этому поводу: «Там, где проходили монгольские завоеватели, посева, сады, огороды приходили в негодность, так как за монгольской армией всегда двигалось огромное кочевое хозяйство [мелкий и крупный рогатый скот, обоз, семьи и т.д.], которое уничтожало вокруг посева, сады и т.д.» (**Ичалов** 1980, с. 121).

Весной 1239 г. пал и был разрушен Дербент. По свидетельству **Г. Рубрика** (2005, сс. 186-187), башни и крепостные стены города были сравнены с землей. Затем монголы опустошили приморский Дагестан, большая часть жителей которого вынуждена была покинуть равнину и укрыться в горах. Однако и горный Дагестан подвергся разгрому. В частности, в селении Рича современного Агульского района сохранилась куфическая надпись, в которой говорилось о разрушении селения монголами осенью 1239 г. Аналогичная участь постигла и Кумух. Принято считать, что в 634 г. хиджры [1239/1240 г.] монголы, сломив сопротивление, заняли Кумух, «а правителем назначили своего ставленника вновь с титулом шамхал» (**Гаджиев** 1989, с. 28).

Экономика горцев серьезно пострадала от ударов татаро-монголов. Равнинная Алания, окончательно разгромленная Тимуром, по свидетельству очевидцев, стала «пустыней без владельцев». Но кое-где сельскохозяйственное производство все-таки устояло. Производство зерна восстановилось и стало одной из важнейших статей торговли с «причерноморскими

итальянскими колониями. Напомним, в этой связи сюжет «Венецианской хроники» Мартино Канале: в 1268 г. из-за наступившего голода «вздорожали продукты». Дож Венеции Лоренцо Тьеполо «и благородные венецианцы разослали корабли всюду... с повелением закупить хлеб и привезти в Венецию... Татары, *аланы*, *зихи*, русы, турки, армяне и греки дали в ту пору хлеб венецианцам» (**Зевакин, Пенчко** 2007, с. 395). В контрактах Кафы за 1289 и 1290 гг. постоянно идет речь о перевозках зерновых, направляемых в Трапезунд и Самсун. «Урожайи *алан* и *черкесов* также реализовывались в Крыму» (*там же*).

Таковыми видятся автору некоторые особенности социально-экономического устройства народов Северного Кавказа в золотоордынский период (XIII-XV вв.)

БИБЛИОГРАФИЯ

Архив КБНИИ — Архив Кабардино-Балкарского НИИ.

ЦГА РСО-А — Центральный государственный архив РСО-Алания.

ЦГВИА — Центральный государственный военно-исторический архив.

ЦГИА РФ — Центральный государственный исторический архив РФ

НА СОИГСИ — Научный архив Северо-Осетинского Института гуманитарных и Социальных Исследований.

А. К. 1869. Казикумухские и Кюринские ханы // ССКГ. Вып. II.

Абаев В. И. 1949. ОЯФ. I. М.-Л.

Абаев В. И. 1958. ИЭСОЯ. Т. I. М.-Л.; 1973. Т. II. Л.; 1979. Т. III. Л.; 1989. Т. IV. М.

Абаев В. И. 1965. Скифо-европейские изоглоссы. М.

Абаев В. И. 1968. Осетинский социальный термин *Алдар* // Изв. СОНИИ. Т. XXVII.

Абаев В. И. 1978. Нартовский эпос осетин // Сказания о нартах. Осетинский эпос. М.

Абаев В. И. 1982. Нартовский эпос осетин. Цхинвали.

Абаев В. И. 1990, 1995. Избранные труды. Т. I, II. Владикавказ.

Абаев В. И., Кулланда С. Историческое ядро сказаний о короле Артуре // НА СОИГСИ, ф. Абаева В. И., оп. 1, д. 9.

Абаев М. 1992. Балкария. Исторический очерк. Нальчик.

Абегян М. 1948. История древнеармянской литературы. Ереван.

Абетеков А. К. 1978. О погребении собаки в усуньском кургане в Чуйской долине // КСИА. Вып. 154.

Абрамович Г. В. 1981. К вопросу о критериях раннего феодализма на Руси и стадильности его перехода в развитой феодализм // ИСССР. № 2.

Агларов М. А. 1988. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVIII — начале XIX вв. М.

Агларов М. А. 1988а. Из истории земельных и общественных отношений в Аварии в период складывания феодальных от-

- ношений // РФОНСК. Махачкала.
- Агнаев А.** 1957. Неизвестный источник о древней Осетии // Социалистическая Осетия. № 174.
- АБКИЕА** — Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII-XIX вв./Сост. и комм. В. К. Гарданов. Нальчик, 1974.
- Азбелев С. Н.** 1982. Историзм былин и специфика фольклора. Л.
- АИСК.** 1990. — Античные источники о Северном Кавказе/Сост. В. М. Аталиков. Нальчик.
- Айларова С. А.** 2003. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке: культурно-исторические проблемы модернизации. Владикавказ.
- Айтберов Т. М.** 1978. Эпистолярные и документальные материалы о классовой борьбе в Аварии, Казикумухе и Табасаране в XVII в. // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала.
- Айтберов Т. М.** 1983. Общественная мысль народов Северного Кавказа в XIX веке. // Классовая борьба в дореволюционном Дагестане. Махачкала.
- АКАК** 1869. — Акты кавказской археографической комиссии. Т. III. Тифлис.
- Алкадари Г.** 1929. Асари-Дагестан/Пер. И примеч. А. Г. Гасанова. Махачкала.
- Ал-Куфи** 1981. Книга о завоеваниях/Пер. З. М. Буниятова. Баку.
- Алаев Л. Б.** 1968. Проблемы сельской общины в классовых обществах // ВИ, 1977. № 2.
- Алаев Л. Б.** 1987. Формационные черты феодализма на Востоке // НАА. № 3.
- Аланика** 1999, 2000. — Аланика. Сведения греко-латинских, византийских, древнерусских и восточных источников об аланах-ясах/Сост. и комм. Ю. С. Гаглойти. // Дарьял. № 1-4.
- Алано-Георгика.** 1992, 1993. — Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах/Сост., введ. и комм. Ю. С. Гаглойти. // Дарьял. № 1-4.

- Албегова З. Х.** 2000. Этапы развития аланской религии в V-IX вв. // XXI «Крупновские чтения». Кисловодск.
- Алексеев В. В.** 1983. Энергетический фактор в историческом процессе // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск.
- Алексеев Ю. Г.** 1966. Аграрная и социальная история Северо-Восточной Руси XV-XVI вв. М.-Л.
- Алексеева Е. П.** 1971. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.
- Алемань А.** 2003. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.
- Алиев Б. Г.** 1980. Частновладельческое (бекское) землевладение в Дагестане в XV-XVII вв. Махачкала.
- Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.** 1970. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала.
- Алиев К. М.** 2008. Шамхалы Тарковские. Махачкала.
- Алиев К. М.** 2009. Генеалогические и семейно-родственные связи шаухалов Тарковских с другими народами Кавказа, Крыма и России // Генеалогия народов Кавказа. Владикавказ.
- Алимова Б. М., Сефербеков Р. И.** 2001. Известия средневековых армянских и арабских авторов о табасаранцах // Северный Кавказ: Геополитика, история, культура. М. — Ставрополь.
- Алкадари Г.** 1929. Асари-Дагестан (Исторические сведения о Дагестане)/Пер. и примеч. А.-Г. Гасанова. Махачкала.
- Аннинский С. А.** 1940. Известие венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. М.-Л.
- Анчабадзе Г.** 1990. Источниковедческие проблемы военной истории Грузии. Тбилиси.
- Анчабадзе З. В., Робакидзе А. И.** 1973. К вопросу о природе кавказского горского феодализма // ИКЯ, т. XVIII. Тбилиси.
- Арапов Д.** 2013. Чингисиды — лишние люди в России // Российская история. № 3.
- Аржанцева И. А., Деоник Д. В.** 1990. Зильгинское городище в Северной Осетии. Исследования последних лет // XXV

«Крупновские чтения». Ставрополь.

Аржанцева и др. 2004. — Аржанцева И. А., Сычев А. А., Бронникова М. А., Турова И. В., Кац М. Я., Модин И. Н. Комплексные исследования аланской крепости Горное Эхо и ее окрестностей // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). М.

Армянские... 1985. — Армянские источники об аланах/Сост. и комм. Р. А. Габриелян. Вып. I, II. Ереван.

Артамонов М. И. 1962. История хазар. Л.

Атабиев Б. Х. 1996. Некоторые итоги раскопок Зарагигжского второго катакомбного могильника // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. (XIX «Крупновские чтения»). М.

Атаев М. М. 1989. «Царство» Сарир [из истории военной организации] // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала.

Афанасьев Г. Е. 1987. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII-X вв. М.

Афанасьев Г. Е. 1993. Донские аланы. М.

Афанасьев Г. Е. 1996. Маяцкий могильник в системе салтовской погребальной обрядности. К проблеме информативности параметрических характеристик // Компьютеры в археологии. М.

Афанасьев Г. Е., Рунич А. П. 2001. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М.

Ахведиани Г. С. 1960. Сборник избранных работ по осетинскому языку. Тбилиси. Т. 1.

Ахмадов Я. З. 1979. О характере движения в Чечне в 1758-1759 гг. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный.

Ахмадов Я. З. 1984. Европейские авторы XV-XVI вв. о горских народах Северного Кавказа // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. Грозный.

Ахмедов Ш. М. 1969. Земельные отношения в Дагестане в V-XI вв. // Уч. Зап. Даг. НИИ. Т. 19. Кн. II.

- Ахмедов Ш. М.** 1975. К вопросу о становлении феодальных отношений в Дагестане // Вопросы истории Дагестана. Вып. III. Махачкала.
- Ахундова Г. К.** 2000. Международные связи Азербайджана в античный период // Международная научная конференция «Археология и этнография Кавказа». Баку.
- Ашрафян К. З.** 1966. Проблемы общественного строя средневековой Индии // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М.
- Багратиони Д.** 1971. История Грузии/Изд. и примеч. А. А. Рогова. Тбилиси.
- Баденков Ю. П., Транин А. А.** 1996. Европейская горная политика. Аналитический обзор. М.
- Баденков Ю. П., Транин А. А.** 1997. Горные территории: социально-экономические, экологические и правовые проблемы (на примере Республики Северная Осетия-Алания) // Государство и право. № 12.
- Байрамкулов А. М.** 1996. Карачаево-балкарскому народу 2000 лет. Черкесск.
- Байрамкулов А. М.** 1998. И азиатские и европейские аланы были предками карачаевцев и балкарцев. Ставрополь.
- Байрамкулов А. М.** 1999. Правда об аланах. Ставрополь.
- Бакиханов А.-К.** 1926. Гюлистан-Ирам. Баку.
- Баладзори** 1927. Книга завоевания стран./Пер. П. К. Жузе. Баку.
- Балкаров Б. Х.** 1965. Адыгские элементы в осетинском языке. Нальчик.
- Барзбиев М. И.** 2000. Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII — начале XX века. Нальчик.
- Барзбиев М. И.** 2005. Сословие чанка в Балкарии и Карачае // Перспектива. Т. 2. Нальчик.
- Барзбиев М. И.** 2009. Генеалогические предания о происхождении фамилий высшего сословия Балкарии и Карачая // Генеалогия народов Кавказа. Вып. I. Владикавказ.
- Барбаро и Контарини** 1971. — Барбаро и Контарини о Рос-

сии. 1971.

Барз М. А. 1970. Учение об общественно-экономических формациях и конкретный анализ исторического процесса // Очерки методологии познания социальных явлений. М.

Бартольд В. В. 1963. Новое мусульманское известие о русских // Соч. Т. II. Ч. I.

Бартольд В. В. 1973. Извлечения из сочинения Гардизи *Зайн ал-ахбар* // Соч. Т. VIII.

Басиева С. М. 1973. Адыгско-осетинские фонетические параллели // САР. Орджоникидзе. В. II.

Басиева С. М. 1976. К вопросу осетинских заимствований в адыгских языках // ИКЯ. V. Тбилиси.

Басиева С. М. 1977. К истории изучения осетино-кавказских языковых взаимоотношений // Изв. СОНИИ. Т. XXXII.

Батчаев В. М. 2006. Балкария в XV — начале XIX века. М.

Бахрах Б. 1993. Аланы на Западе. М.

Бахтамов И. 1881. Главные горные проходы, служившие горцам для набегов // Кавказ. № 187.

Башиев А. М. 2005. Сословный вопрос в Балкарии во 2-й половине XIX — начале XX в. // ИВ. Вып. I. Нальчик.

Бажноков Б. Х. 1980. Образ жизни адыгской феодальной знати // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Бегеулов Р. М. 2005. К дискуссии о расселении карачаевцев в XVII-XVIII вв. // ЭО. № 2.

Бедошвили Г. В. 1970. О грузинских фамилиях // Антропони-мика. М.

Бейлис В. М. 1963. Из истории Дагестана // ИЗ. Т. 73.

Бейлис В. М. 1984. Ал-Идриси (XII в.) о восточном Причерноморье и юго-восточной окраине русских земель // ДГТ СССР. 1982. М.

Бейлис В. М. 1986. Арабские авторы IX — первой половины X в. о государственности и племенном строе народов Европы // ДГТ СССР. 1985. М.

Бейтуганов С. Н. 1998. Кабарда в фамилиях. Нальчик.

Беленицкий А. М. 1978. Конь в культах и идеологических

- представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем средневековье // КСИА. Вып. 154.
- Белецкий Д. В.** 2008. Сатайи-Обау и северокавказские родовые храмы // Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий [юбилейные XXV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа]. Владикавказ.
- Белков П. Л.** 1995. Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации. М.
- Белокуров С. А.** 1889. Сношения России с Кавказом. М. Вып. I. (1578-1613 гг.)
- Беляков А. В.** 2011. Чингисиды в России XV-XVII веков: топографическое исследование. Рязань.
- Берже Ад.** 1858. Краткий обзор горских племен Кавказа. Тифлис.
- Берже А.** 1875. Кавказ в археологическом отношении // Зап. обл. арх. ком. Тифлис. Кн. I.
- Берзенов Н.** 1850. Очерки Кавказа // Кавказ, № 5.
- Бетров Р.** 1991. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик.
- Бетров Р. Ж.** 1999. Этапы этнической истории адыгов // Эльбрус. № 2.
- Бибиков М. В.** 1981. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. 1980. М.
- Бибиков М. В.** 1982. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII-XIII вв.) // ДГТ СССР. 1980.
- Бибиков М. В.** 1999. Византийские источники по истории древней Руси и Кавказа. СПб.
- Бичурин Н. Я.** 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средневековой Азии в древние времена. Ч. II. М.-Л.
- Бичурин Н. Я.** 2005. История монголов. М.
- Бларамберг И.** 1992. Кавказская рукопись. Ставрополь.

- Бларамберг И.** 2005. Историческое, топографическое, статическое, этнографическое и военное описание Кавказа. М.
- Блиев М. М.** 1999. Осетия, Кавказ: история и современность. Владикавказ.
- Блок М.** 1998. Короли-чудотворцы. М.
- Блохин В. Г., Дьяченко А. С., Скрипкин А. С.** 2003. Средневековые рыцари Кубани // МИАК. Вып. 3. Краснодар.
- Богверадзе А. А.** 1969. Проблемы генезиса феодализма в Грузии // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.
- Бойко И. А.** 2001. Сравнительный анализ традиционной хозяйственной деятельности населения Карпат и гор Центральной Европы // IV Конгресс этнографов и антропологов России. М.
- Большаков О. Г.** 2000. Уточнения к переводу «Записки» Ибн Фадлана // ДГВЕ. 1998 г. М.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А.** 1983. От Скифии до Индии. 2-е изд. М.
- Боров А. Х.** 2012. Осмысление культурно-исторической специфики Северного Кавказа в отечественном кавказоведении: научная традиция и современные поиски // ИВ. Вып. X. Ч. I. Нальчик.
- Ботяков Ю. М.** 2001. К вопросу о статусе абреков на Кавказе // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. 1998-1999 гг. М.
- Ботяков М. В.** 2001а. Бурка как атрибут абрека // там же.
- Боцвадзе Д.** 1961. К вопросу о социальных отношениях в Кабарде первой половины XIX в. // Мацне, № 3.
- Бродель Ф.** 1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Т. III. М.
- Броневский С. М.** 1823. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1, 2. М.
- Броневский С.** 1999. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик.
- Броссе М.** 1861. Исторический обзор дипломатических сношений между Российскими государями и Грузинскими царя-

- ми и владельцами. СПб. — LXXV с.
- Бубенок О. Б.** 1997. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.). Киев.
- Бубенок О. Б.** 2000. Народ *аланы* в этнических терминах мусульманских авторов XIII-XV вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Пашутинские чтения. М.
- Бубенок О. Б.** 2002. Страна *Берсилия*: миф или реальность // Мнимые реальности в античной и средневековой историографии. XIV Пашутинские чтения. М.
- Бурде-Шнейдевинд Г.** 1969. Народные рассказы как исторический источник // Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. М. Т. VI.
- Бэдли Д. Ф.** 1940. Суровые горы Кавказа / Пер. с англ. А. Алаговой: НА. СОИГСИ, ф. 4, д. 143.
- Бязыров А.** 1979. Фольклорные и исторические истоки поэмы «Хетаг» // Литературная Осетия. № 53.
- Вавилов Н. И.** 1936. Мировой опыт земледельческого освоения высокогорий // Природа. № 2.
- Ванеев З.** 1935. Общество нартов // Изв. ЮОНИИК. Вып. II.
- Ванеев З. Н.** 1955. Из истории родового быта Юго-Осетии. Тбилиси;
- Ванеев З. Н.** 1956. Народное предание о происхождении осетин. Сталинир;
- Ванеев З. Н.** 1959. Средневековая Алания. Сталинир.
- Ванеев З. Н.** 1989, 1990. Избранные труды по истории осетинского народа. Т. I, II. Цхинвали.
- Васильев Л. С.** 1968. Социальная структура и динамика древнекитайского общества // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.
- Васильев Л. С.** 1982. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средневековье. М.
- Васильев Л. С.** 1983. Проблема генезиса китайского государства. М.
- Васильева Л. М.** 1975. Проблемы истории Осетии в русской науке XIX века. Орджоникидзе.

- Ватейшвили Д. Л.** 2003. Грузия и европейские страны. Т. I. Кн. 1: Грузия и Западная Европа в XIII-XVII веках. М.
- Вейденбаум Е. Г.** 1901. Кавказские этюды. Тифлис.
- Вернадский Г.** 1996. Древняя Русь. Тверь.
- Вернадский Г.** 1996а. Киевская Русь. Тверь-М.
- Вероисповедание**, суеверия, обряды, правление, обычаи и нравы осетин // Тифлиссские ведомости, 1830. № 28.
- Видаль-Накэ П.** 2001. Черные охотники. М.
- Викинги** 1996. — Викинги: набег с севера / Пер. с англ. Л. Флорентьева. М.
- Виноградов А.** 2013. «Золотой род» в международных комбинациях московского правительства // Российская история. № 3.
- Виноградов В. Б.** 1981. Генезис феодализма на Центральном Кавказе // ВИ. № 1.
- Виноградов В. Б., Магомадова Т. С.** 1981. Две заметки о ранних русско-северокавказских связях // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Война** 1994. — Война и мир в ранней истории человечества. Т. 1, 2. М.
- Волков И. В.** 2003. О месте чеканки генуэзско-татарских монет с большой «Т» на аверсе // Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар.
- Волкова Н. Г.** 1972. Маджары // КЭС. Т. V. М.
- Волкова Н. Г.** 1973. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М.
- Волкова Н. Г.** 1974. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М.
- Волкова Н. Г.** 1975. Лакцы // ВИ. 12.
- Волкова Н. Г.** 1976. Статейные списки русских посольств XVI-XVII вв. как этнографический источник // КЭС, М. Т. VI.
- Воронов Ю. Н.** 1998. Колхида на рубеже средневековья. Сухум.
- Габриелян Р. А.** 1989. Алано-армянские отношения (I-X вв.). Ереван.
- Габуев Т.** 1993. Погребение аланского воина // Эхо Кавказа. № 2.

- Гаврилов П. А.** 1869. Устройство поземельного быта горских племен Северного Кавказа // ССКГ. Вып. II.
- Гаглоева З. Д.** 1981. Захарий Николаевич Ванеев. Цхинвали.
- Гаглойти Ю. С.** 2007. Алано-Георгика. Сведения грузинских источников об Осетии и осетинах. Владикавказ.
- Гаджиев А. С.** 1988. О некоторых особенностях генезиса феодализма в Дагестане // РФОНСК. Махачкала.
- Гаджиев В. Г.** 1979. Сочинение И. Гербера... М.
- Гаджиев В. Г.** 1988. Изучение истории феодализма в Дагестане // РФОНСК. Махачкала.
- Гаджиев В. Г.** 1989. Шамхальство // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала.
- Гаджиев М. С.** 2002. Древний город Дагестана. М.
- Гаджиев М. С., Давудов О. М., Шихсаидов А. Р.** 1996. История Дагестана с древнейших времен до конца XV в. Махачкала.
- Гаджиев М. С., Магомедов А. Р.** 2001. Исследования в Дербенте // Археологические открытия 1999 года. М.
- Гадло А. В.** 1978. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Из истории феодальной России. Л.
- Гадло А. В.** 1979. Этническая история Северного Кавказа IV-X вв. Л.
- Гадло А. В.** 1984. Северный Кавказ в IV-X вв. М. Автореф. докт. дис.
- Гадло А. В.** 1984а. Страна Ихран [Ирхан] дагестанской хроники «Дербент-наме» // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Гадло А. В.** 1985. Этносоциальные процессы на Северном Кавказе в свете археологических источников VIII-X вв. // Историческая этнография. Л.
- Гадло А. В.** 1985а. Отражение социальной борьбы внутри хазарского племенного объединения в VII в. в памятниках «еврейско-хазарской переписки» // Генезис и развитие феодализма в России. Л.
- Гадло А. В.** 1994. Этническая история Северного Кавказа

X-XIII вв. Л.

Гадло А. В. 2005. Князь Инал адыго-кабардинских родословных // Исторический вестник. Вып. I. Нальчик.

Гадло А. В. 2006. Северный Кавказ в XII — начале XIII века // ИВ. Вып. IV. Нальчик.

Георги И. Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2.

Гакстгаузен А. 1857. Закавказский край. Ч. II. М.

Галонифонтибус И. 1980. Сведения о народах Кавказа [1404 г.]. Баку.

фон Галль Х. 1997. Сцена поединка всадников на серебряной вазе из Косики // ВДИ. № 2.

Гамбашидзе Г. 1985. Памятники грузинской культуры в Двалетии // Пер. с груз. С. М. Басиевой: Архив СОИГСИ, ф. 6, оп. 1, д. 130.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Кн. I. Тбилиси.

Ган К. 1884, 1890. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе // СМОМПК. Вып. IV; Вып. IX.

Ган Ф. 1909. Опыт объяснения кавказских географических названий // СМОМПК. Вып. 40. Тифлис.

Ганина Н. А. 2003. К интерпретации сообщений Иордана об Эрманарихе [Getica 116-130] // Восточная Европа в древности и средние века. Автор и его текст. XV Пашутинские чтения. М.

Гарданов В. К. 1967. Общественный строй адыгских народов [XVIII — вторая половина XIX в.]. М.

Гарданов В. К. 2004 — Гарданов В. К.: историк и этнограф. Нальчик.

Гасвиани Г. А. 1980. Социально-экономическая структура Сванетии в XI — ХУШ вв. Тбилиси.

Гафуров А. 1987. Имя и история. М.

Генеалогия 2009-2013. Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Вып. I-V. Владикавказ.

Гей О. А., Бажан И. А. 1997. Хронология эпохи «готских походов» [на территории Восточной Европы и Кавказа]. М.

Генезис, 1980. — Генезис: основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Махачкала.

Генко А. И. 1941. Арабский язык и кавказоведение // Труды второй сессии арабистов. М.-Л.

Георги И. Г. 1776. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. СПб.

Гильом де Рубрук. 2005. Путешествие в Восточные страны // История монгалов. М.

Глазырина Г. В. 2000. Формирование устной традиции: сюжет о походе русов на Берда'а в восточных памятниках и рассказ «саги об Ингваре» о гибели скандинавов на Востоке // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Пашутинские чтения. М.

Глебов А. А. 2008. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М.

Глоб Н. и Прицак О. 1997. Хазарско-еврейская переписка X века. М. — Иерусалим.

Голованова С. А. 1987. Некоторые аспекты русско-северокавказских связей в XIV — начале XVI в. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный.

Головин А. А. 1852. Топографические и статистические заметки об Осетии // Кавказский календарь на 1853 г. Тифлис.

Гольдштейн А. Ф. 1975. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М.

Городцов В. А. 1911. Результаты археологических исследований на месте развалин г. Маджар в 1907 г. // Труды XIV АС. М.

Горнчаровский В. А. 1993. Катафрактарии в истории военного дела Боспора // ПАВ. № 6.

Горский А. А. 1986. Феодализация на Руси: основное содержание процесса // ВИ. № 8.

Горский А. Д. 1979. К вопросу о сущности черного землевла-

дения на Руси в XIV-XV вв. // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М.

Горы 1999. — Горы мира: глобальный приоритет / Ред. Б. Мессерли, Дж. Д. Айвз. М.

Грабовский Н. Ф. 1870. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III.

Греков Б. Д. 1936. Феодальные отношения в Киевском государстве. М.-Л.

Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. 1950. Золотая Орда и ее падение. М.-Л.

Гугов Р. Х. 1999. Кабарда и Балкария в XVIII веке и их взаимоотношения с Россией. Нальчик.

Гуляев В. И. 1993. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация // РА. № 1.

Гуляев В. И. 1995. Погребальная обрядность: структура, семантика и социальная интерпретация // РА. № 2.

Гуляев В. И. 2000. Там, где жили амазонки // ДА. № 3-4. Ростов н/Д.

Гумилев Л. Н. 1993. Ритмы Евразии. М.

Гумилев Л. Н. 1997. Древняя Русь и Великая степь. Кн. 2. М.

Гумилев Л. 2002. Древняя Русь и Великая степь. М.

Гуревич А. Я. 1967. Свободное крестьянство феодальной Норвегии. М.

Гуревич А. Я. 1968. Индивид и общество в варварских государствах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.

Гуревич А. Я. 1970. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.

Гуревич А. Я. 2009. Избранные труды. Норвежское общество. М.

Гутнов Ф. Х. 1987. Бадел осетинских родословных // Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе.

Гутнов Ф. Х. 1987а. Тумы, чанки и кавдасарды в период феодализма // Изв. СКНЦВШ. № 1. Ростов н/Д.

Гутнов Ф. Х. 1988. Классообразование на Северном Кавказе // Молодые ученые Осетии 70-летию Октября. Орджоникидзе.

- Гутнов Ф. Х.** 1989. Генеалогические предания осетин как исторический источник. Орджоникидзе.
- Гутнов Ф. Х.** 1990. Структуры и характер раннесредневековых обществ Северного Кавказа // Изв. СКНЦВШ. № 3. Ростов н/Д.
- Гутнов Ф. Х.** 1992. Аланский царевич Баракад в древнеармянских фольклорных памятниках // Осетинская филология. Современность и традиции. Владикавказ.
- Гутнов Ф. Х.** 1993. Эволюция верховной власти у алан в период военной демократии // Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ.
- Гутнов Ф. Х.** 2000. Политогенез и генезис феодализма на Северном Кавказе // Вестник Института цивилизации. Вып. 3. Владикавказ.
- Гутнов Ф. Х.** 2001. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ.
- Гутнов Ф. Х.** 2001а. Воин-купец в истории Юго-Восточной Европы // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии. Ставрополь.
- Гутнов Ф. Х.** 2007, 2008. Горский феодализм. Ч. I, II. Владикавказ.
- Гутнова Е. В., Удальцова З. В.** 1975. К вопросу о типологии развитого феодализма в Западной Европе // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М.
- Гюльденштедт И. А.** 1967. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа // ОГРИП.
- Д. А.** 1901. К вопросу об узденстве в Осетии // Казбек, № 986.
- Давудов О. М.** 1986. К этнополитической карте северного Дагестана // XIV Крупновские чтения. Орджоникидзе.
- Давудов О. М.** 1991. Некоторые культовые места горного Дагестана // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала.
- Дагестан** 1992. — Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII-XVIII вв. / Сост. В. Г. Гаджиев. Махачкала.

- Далалян Т.** 2002. К вопросу о генеалогии образа армянской эпической царевны Сатеник // Историко-филологический журнал. № 2.
- Далгат Б. К.** 2008. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей. М.
- Данилова Л. В.** 1968. Дискуссионные проблемы теории докапиталистических обществ // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.
- Дегоев В. В.** 2003. Россия, Кавказ и постсоветский мир: прощание с иллюзиями. М.
- Демаков А. А., Фоменко Д. А.** 1997. К проблеме идентификации сенмурва // Культуры степей Евразии второй половины 1 тысячелетия н.э. Тез.док. Самара.
- Дербент-наме** 1993./введ., перев., коммент. Г. М.-Р. Оразаева // Шихсаидов А. Р., Айтберов А. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.
- Джанаев А. К.** 1948. Феодалное землепользование в Стыр-Дигории // Изв. СОНИИ, т. XV, вып. III.
- Джанашвили М.** 1897. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. Вып. XXII.
- Джанашвили** История... — Джанашвили. История Осетии // НА СОИГСИ, ф., оп. 1, д. 71.
- Джигунова Ф. К.** 2004. О половозрастной и социальной градации раннесредневекового общества по материалам погребений на территории Закубанья // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). М.
- Джигоев М. К.** 2001. К проблеме этнической принадлежности цанаров // Тезисы докл. IV международной конференции «Устойчивое развитие горных территорий». М.
- Джуаншер** 1986. Жизнь Вахтанга Горгасала/Пер., введ. и примеч. Г. В. Цулая. Тбилиси.
- Джыккайты Ш.** 2000. Нартон лаг ама нарты намыс // Проблемы осетинского нартовского эпоса. Владикавказ (на осетин. яз.).

- Дзадзиев А. Б.** 1982. Свободное время осетинского крестьянства в дореволюционный период // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе.
- Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М.** 1994. Этнография и мифология осетин. Словарь. Владикавказ.
- Дзамихов К. Ф.** К генеалогии западноадыгских черкесских княжеских родов в XVI-XVII веках // Изв. СКНЦВШ. Ростов н/Д, 1990. № 2.
- Дзамихов К. Ф.** 1994. Адыги: вехи истории. Нальчик.
- Дзамихов К. С.** 2000. Адыги и Россия. М.
- Дзамихов К. С.** 2001. Адыги в политике России на Кавказе. Нальчик.
- Дзаттиаты Р. Г.** 1992. Алано-сасанидские отношения по материалам археологических раскопок в Южной Осетии // Аланы и Кавказ. Владикавказ-Цхинвал.
- Дзаттиаты Р. Г.** 2001. Культура позднесредневековой Осетии по письменным и археологическим источникам. Владикавказ. Автореф. докт. дис.
- Дзаттиаты Р. Г.** 2002. Культура позднесредневековой Осетии. Владикавказ.
- Дзиццойты Ю. А.** 1992. Нарты и их соседи. Владикавказ.
- Диалого о книге.** 2013. Чингисиды в России: «золотой род» после падения Золотой Орды // Российская история. № 3, сс. 3-34.
- Дидебулидзе З. Ш.** 1981. К истории средневековой культуры народов Северного Кавказа // Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси.
- Дирр А. М.** 1912. В Тагаурской и Куртатинской Осетии // Изв. КОИРГО. Т. XXI.
- Диснер Г.-И.** 2002. Королевство вандалов. СПб.
- Дмитриев С. В.** 2001. Магические представления, представления, связанные с оружием (по «Минералогии» Бируни) // Среднеазиатско-кавказские гг. М.
- Дубровин Н. Ф.** 1871. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. I, кн. 1. СПб.
- Думанов Х. М.** 1980. Новые документы о земельных отноше-

ниях в Кабарде в дореформенный период // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Думанов Х. М. 1990. Социальная структура кабардинцев в нормах адата. Нальчик.

Дьячков-Тарасов А. Н. 2009. Заметки о Карачае и карачаевцах // ИВ. Вып. VIII. Нальчик.

Дюмезиль Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. М.

Дюмезиль Ж. 1986. Верховные боги индоевропейцев. М.

Дюмезиль Ж. 1990. Скифы и нарты. М.

Егоров В. Л. 1985. Историческая география Золотой Орды. М.

Егише 1971. О Вардане и войне армянской. Ереван.

Егише 1985. О Вардане и войне армянской // Армянские источники об аланах/Сост. Р. А. Габриелян. Ереван. Вып. 1.

Еремян С. Т. 1970. Расселение горских народов Кавказа по Птоlemeю и «Армянской географии» VII в. // Труды VII международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 8. М.

Есиев А. 1901. Обычное земельное право и право землевладения у горных осетин Терской области. Владикавказ.

Жантиева Д. Г. 1929. Мотивы исторического эпоса северокавказских горцев // Зап. Кавк. Краев. Горск. НИИ. Ростов н/Д. Т. II.

Жилина Е. В. 2007. Кашинные изделия из Келийского могильника XIII-XIV веков // Археологический журнал. № 1. Армавир.

Житие Сукиасянков // Архив СОИГСИ, ф. 1, д. 137 «а».

Жордания Г., Гамезардашвили З. 1994. Римско-католическая миссия и Грузия. Тбилиси.

Жуков Е. М. 1969. Вступительное слово // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Жуков Е. М. 1975. Некоторые вопросы теории социально-экономических формаций // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М.

Жуков Е. М. 1978. Методологические проблемы обществен-

но-экономических формаций // Общественно-экономические формации. Проблемы теории. М., 1978.

Жуков Е. М. 1987. Очерки методологии истории. 2-е изд. М.

Жуков Е. М., Барз М. А., Черняк Е. Б., Павлов В. И. 1979. Теоретические проблемы всемирно-исторического процесса. М.

Завьялов С. Л., Пьянков А. В. 2004. Старотитаровский клад европейских монет XV-XVI вв. // МИАСК. Вып. 4. Армавир.

Зак С. Д. 1975. Методологические проблемы развития сельской поземельной общины // Социальная организация народов Азии и Африки. М.

Загадочный мир народов Кавказа. Нальчик: Эль-Фа, 2000.

Записка 2000. — Записка к карте стран, расположенных между Черным и Каспийским морями, с перечислением кавказских народов и словарей их языков (1788) // Загадочный мир народов Кавказа. Нальчик.

Записка 1860. — Записка о сословных отношениях в Осетинском и Ингушевском округах. 1860 // Архив СОИГСИ, ф. 16, д. 26.

Заходер Б. Н. 1967. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М.

Зевакин Е. С. Северный Кавказ в известиях европейских путешественников и писателей XIII-XVIII вв. // НА СОИГСИ, ф. 4, оп. 1, д. 2.

Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. 1938. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // ИЗ. Т. II. М.

Зевакин Е. С., Пенчко Н. А. 2007. Очерки по истории генуэзских колоний на Западном Кавказе в XIII и XV веках // ИВ. Вып. V. Нальчик.

Зиссерман А. Л. 1879. Двадцать пять лет на Кавказе. СПб.

Ибн-Даста. 1869. Известия о хазарах, буртасах, мадьярах, славянах и русах/пер. Д. А. Хвольсона. СПб.

Иванов А. И. 1914. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах // Христианский Восток. Т. II. СПб.

Иерусалимская А. А. 1996. Византийский военачальник на

Северном Кавказе? // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа [XIX «Крупновские чтения»]. М.

Иерусалимская А. А. 2004. «Аланское золото» в собрании Эрмитажа: информация о начальном этапе работы над каталогом // Древний Кавказ: ретроспекция культур [XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа]. М.

Иессен А. А. 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии // МИА. № 3. М.-Л.

Илюшечкин В. П. 1990. Эксплуатация и собственность в сословно-классовых обществах. М.

Ильин Г. Ф. 1983. К анализу производительных сил докапиталистических классовых обществ // ФН. № 6.

Ильин Г. Ф. 1985. О так называемой налоговой эксплуатации // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М.

Инал-Ипа Ш. Д. 1965. Абхазы. Сухуми.

Инал-ипа Ш. Д. 1976. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми.

Ингуши. 1996. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа/Сост. А. Х. Танкиев. Саратов.

Интерьяно 1974. Быт и страна зихов // АБКИЕА.

Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. М., 1962. *пполитов А. П.* 1868. Этнографические очерки Аргунского округа // ССКГ. Вып. 1.

Исаева Т. А., Исаев С.-А. А. 1982. Вопросы истории сельской общины у чеченцев и ингушей (XVI-XVIII вв.) // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный.

История 1985. — История крестьянства в Европе/Отв. ред. З. В. Удальцова. Т. I. М.

История Дагестана. 1967. Т. 1. М.

История Дагестана. 2004. — История Дагестана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. А. И. Османов. Т. I, М.

История Европы 1992. Средневековая Европа. Т. 2. М.

История Ирхана 1993. Введ., перев., коммент. А. Р. Шихсаи-

дова // Шихсаидов А. Р., Айтберов А. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.

История народов... 1988. — История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.

История Кабардино-Балкарской АССР. Т. 1. М., 1967.

ИПОЭПРО. 1986. История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины М.

ИПОЭК. 1988. — История первобытного общества. Эпоха классовобразования. М.

Ичалов Г. Х. 1980. Влияние иноземных завоеваний в XIII-XIV вв. на экономику Дагестана // Развитие феодальных отношений в Дагестане. Махачкала.

КДПАА — Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост.: В. Ф. Патракова, В. В. Черноус. Ростов н/Д, 1991.

КРО 1957. — Кабардино-русские отношения. М.

Кавказ 2007 — Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. М.

Кадзаева З. П. 2004. Раннесредневековый катакомбный могильник близ села Верхний Садон // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). М.

Кажаров В. Х. 1992. Адыгская хаса. Нальчик.

Кажаров В. Х. 1993. Адыгская вотчина. Нальчик.

Кажаров В. Х. 1994. Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII — первой половине XIX в. Нальчик.

Казикумухские... 1868. — Казикумухские (лакские) народные сказания // ССКГ. Вып. I.

Какабадзе С. С. 1970. Хроника ксанских эриставов начала XV в. // Письменные памятники Востока. 1968. М., 1970.

Калинина Т. М. 1976. Сведения Ибн Хаукала о походах Руси времен Святослава // ДГТ СССР. 1975 г. М.

Калинина Т. М. 1988. Сведения ранних ученых арабского халифата. М.

Калиновская К. П. 1982. К проблеме возрастных систем //

СЭ. № 1.

Калиновская К. П., Марков Г. Е. 2000. Общественные отношения и социальная организация номадов // Ранние формы социальной организации. СПб.

Калмычкова Л. В. 2001. Образ волка в индоевропейской и северокавказской традиции // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. М. — Ставрополь.

Калоев Б. А. 1971. Осетины. 2-е изд. М.

Калоев Б. А. 1981. Земледелие народов Северного Кавказа. М.

Калоев Б. А. 1983. Происхождение некоторых осетинских фамилий по народным преданиям // Полевые исследования института этнографии. 1979 г. М.

Калоев Б. А. 1999. Осетинские историко-этнографические этюды. М.

Калоев Б. А. 2009. Осетины. 4-е изд. М.

Капица М. С. 1992. Новые подходы в теориях и методиках востоковедных исследований // Восток. № 2.

Каракетов М. Д. 2005. Сословия чанков, тумачанков и тумов в социальной структуре Карачаево-Балкарских обществ // ИВ. Вып. I. Нальчик.

Караулов Н. А. 1901, 1908. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып. XXIX; XXXVIII.

Кардини Ф. 1987. Истоки средневекового рыцарства. М.

Кардини Ф. 2000. Истоки средневекового рыцарства. М.

Карпов С. П. 1982. Венецианская работоторговля в Трапезунде (конец XIV — начало XV в.) // Византийские очерки. М.

Карпов Ю. Ю. 1985. Народные собрания в «вольных» обществах Северной Осетии в XVIII — первой половине XIX вв. // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе.

Карпов Ю. Ю. 1990. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 1. М.

- Карпов Ю. Ю.** 1996. Джигит и волк. СПб.
- Карпов Ю. Ю.** 1999. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа (XIX — начало XX в.). Автореф. докт. дис. СПб.
- Карпов Ю. Ю.** 1999а. Общественный быт народов Кавказа // Эльбрус. № 2.
- Карпов Ю. Ю.** 2000. Половозрастные структуры в традиционном горно-/авказском обществе // Ранние формы социальной организации. СПб.
- Карпов Ю. Ю.** 2000а. «Верхние» и «нижние»: к проблемам функционирования горских обществ Кавказа // Научная мысль Кавказа. № 4. Ростов н/Д.
- Карпов Ю. Ю.** 2001. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб.
- Карсанов А. Н.** 1988. Аланское слово на сосуде из Саркела // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе.
- Кварчия В. Е.** 1982. Об абхазских этнонимах «осетин» и «сван»// Вопросы кавказской философии и истории. Нальчик.
- Керефов Б. М.** 1986. Памятники сарматского времени Кабардино-Балкарии. Нальчик.
- Керефов Б. М., Керефов Т. Б.** 2005. Кабардинцы: краткий историко-этнологический очерк // ИВ. Вып. I. Нальчик.
- Кетов Ю. М.** 1998. Обычное право и суд в Кабарде во второй половине XVIII-XIX веке. Автореф. канд. дис. Ростов н/Д.
- Ким С. Г.** 2003. «Этнологическое измерение прошлого». Из опыта исторической антропологии ФРГ // ЭО. № 4.
- Кипиани М. З.** 1894. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ.
- Кирпичников А. Н.** 2002. Великий Волжский путь: государства, главные партнеры, торговые маршруты // Скандинавские чтения 2000 года. СПб.
- Клапрот Ю.** 1948. Путешествие по Кавказу и Грузии // Изв. СОНИИ, т. XII.
- Книга** 2005. — Книга Марко Пола // История монгалов. М.
- Кобахидзе Е. Н.** 2006. Политическая культура и принципы

- организации власти у осетин в первой половине XIX в. // Б. А. Алборов и проблемы кавказоведения. Владикавказ.
- Кобахидзе Е. Н.** 2010. «Не единою силою оружия...». Владикавказ.
- Кобахидзе Е. Н.** 2012. Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии). Владикавказ.
- Кобищанов Ю. М.** 1987. Полюдь и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.
- Кобищанов Ю. М.** 1995. Полюдь: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.
- Кобычев В. П.** 1980. Рец.: Лавров Л. И. Историко-этнографические... // СЭ. № 1.
- Кобычев В. П.** 1982. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX-XX вв. М.
- Ковалевская В. Б.** 1978. Изображение коня и всадника на средневековых амулетах Северного Кавказа // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М.
- Ковалевская В. Б.** 1983. Антропоморфные амулеты VI-IX вв. на Северном Кавказе // КСИА. Вып. 176. М.
- Ковалевская В. Б.** 1984. Аланы и Кавказ. М.
- Ковалевская В. Б.** 1992. Аланы в Западной Европе // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ.
- Ковалевская В. Б.** 1998. Конь в истории и языке осетин // *Studia Iranica et Alanica*. Rome.
- Ковалевская В. Б.** 2003. Историко-археологические свидетельства разработки серебро-свинцовых руд в горной Осетии в раннем средневековье // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VI «Минаевские чтения». Ставрополь.
- Ковалевская В. Б.** 2004. Историко-археологические свидетельства разработки серебро-свинцовых руд горной Осетии // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). М.
- Ковалевский М.** 1883. Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа // РМ. № 12.

- Ковалевский М. М.** 1886. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. Т. 1, 2. М.
- Ковалевский М. М.** 1888. Родовое устройство Дагестана // Юридический вестник. Кн. 1. Т. XXIX.
- Ковалевский М. М.** 1890. Закон и обычай на Кавказе. Т. 1, 2. М.
- Ковалевский М. М.** 1975. Моя жизнь // История и историки. 1973. М.
- Кодзаев А.** 1903. Древние осетины и Осетия. Владикавказ.
- Кожев З. А.** 2005. Иерархические связи кабардинцев с народами Северного Кавказа (XVI-XVIII вв.) // ИВ. Вып. I. Нальчик.
- Козенкова В. И.** 2008. VI Крупновские чтения // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М.
- Козырева Т. З.** 1976. Осетинская антропонимия древнего и средневекового периода // Ономастика Кавказа. Махачкала.
- Кокиев Г.** 1926. Очерки по истории Осетии. Ч. 1. Владикавказ.
- Кокиев Г. А.** 1928. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ.
- Кокиев Г. А.** 1929. К вопросу об аталычестве // Революция и горец. № 3.
- Кокиев Г. А.** 1933. Материалы по истории Осетии. Т. 1. Орджоникидзе.
- Кокиев Г. А.** 1938. Кабардино-осетинские отношения в XVIII в. // Исторические записки. Т. 2.
- Кокиев Г. А.** 1940. Крестьянская реформа в Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Кокиев Г. А.** 1948. Осетины в начале XIX века по наблюдениям путешественника Ю. Клапрота // Изв. СОНИИ. Т. XII.
- Кокиев Г. А.** 2005. — История Кабардино-Балкарии в трудах Г. А. Кокиева. Нальчик.
- Кокиев Г.** 2011. Очерки по истории Осетии. Ч. 1. Владикавказ.
- Коков Дж. Н.** 2000. Избранные труды. Адыгская топонимия. Т. 1. Нальчик.
- Коковцов П. К.** 1932. Еврейско-хазарская переписка в X

веке. Л.

Колесницкий Н. Ф. 1968. К вопросу о раннеклассовых общественных структурах // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.

Комаров А. В. 1868. Адагы и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып. I.

Комаров А. В. 1869. Казикумухские и кюринские ханы // ССКГ. Вып. II.

Коновалова И. Г. 1999. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М.

Коновалова И. Г. 2001. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X-XVI вв. // ДГВЕ. 1999 г. М.

Коновалова И. Г. 2004. Физическая география Восточной Европы в географическом сочинении Ибн Са'ида // ДГВЕ. 2002 год. М.

Константин Багрянородный. 1989. Об управлении империей/Под ред. Г. Г. Литаврина и А. П. Новосельцева. М.

Коптев А. В. 1998. Общество, политика и военная организация Древнего Рима // Античность и средневековые Европы. Пермь.

Коробов Д. С. 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV-IX вв. СПб.

Кортаев А. В. 1992. Рец.: Илюшечкин В. П. Эксплуатация и собственность... // Восток. № 2.

Кортаев А. В. 1996. От вожества к племени? Некоторые тенденции эволюции политических систем северо-восточного Йемена за последние две тысячи лет // ЭО. № 2.

Кортаев А. В. 1997. Сабейские этюды. М.

Корсунский А. Р. 1963. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М.

Корсунский А. Р. 1979. Об иерархической структуре феодальной собственности // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М.

Косвен М. О. 1955, 1959, 1962. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // КЭС. Т. I-III.

М.

Косвен М. О. 1961. Этнография и история Кавказа. М.

Косвен М. О. 1963. Семейная община и патронимия. М.

Костюков В. П. 2004. По страницам «Путешествия в восточные страны» // МИАК. Вып. 4. Краснодар.

Котляр Н. Ф. 2000. Мстислав Тмутороканский и Ярослав Мудрый // ДГВЕ. 1998 г. М.

Котляр Н. Ф. 2005. Тмутороканское княжество: реальность или историко-географический миф? // ДГВЕ 2003 год. М.

Котляр Н. Ф. 2006. Князь, бояре и вече в Галицко-волинской Руси // ДГВЕ. 2004 год. М.

Котович В. Г. 1980. О процессе урбанизации в древнем Дагестане // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.

Котович В. Г. 1982. Проблемы культурно-исторического и хозяйственного развития населения древнего Дагестана. М.

Котович В. Г. 2008. Образ всадника в древних писаницах горного Дагестана // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М.

Кочиев К. К. 1987. Тутыр — владыка волков // Изв. ЮОНИИ. Вып. XXXI.

Кошкарлы К. О. 2000. Погребальные памятники как показатель этнической ситуации в кавказской Албании // Археология и этнография Кавказа. Баку.

Крадин Н. Н. 1994. Кочевые общества в контексте стадийной эволюции // ЭО. № 1.

Крадин Н. Н. 1995. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации. М.

Крадин Н. Н. 2001. Общественный строй кочевников: дискуссии и проблемы // ВИ. № 1.

Красницкий К. 1865. Кое-что об Осетинском округе и правах туземцев его // Кавказ. № 31-33.

Криштопа А. Е. 1976. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.

- Криштопа А. Е.** 2007. Дагестан в XIII — начале XV вв. М.
- Крупнов Е. И.** 1948. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжа // Труды ГИМ. Вып. XVII.
- Крупнов Е. И.** 1961. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Куббель Л. Е.** 1980. Потестарно-политическая культура до-капиталистических обществ (к постановке проблемы) // СЭ. № 1.
- Куббель Л. Е.** 1988. Очерки потестарно-политической этнографии. М.
- Кудашев В.** 1913. Исторические известия о кабардинском народе. Киев.
- Кудрявцев А. А.** 2001. Северный Кавказ в истории мировых цивилизаций Евразии // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. М. — Ставрополь.
- Кудрявцев А. А.** 1994. Мусульманский город Дагестана. Махачкала.
- Кудрявцев А. А.** 2003. Пути развития северокавказского города [по материалам Дербента домонгольской поры]. Ставрополь.
- Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С.** 1991. Погребальные памятники Дербента позднеаланского времени // Горы и равнины Северо-Восточного Кавказа в древности и средние века. Махачкала, 1991.
- Кузнецов В. А.** 1962. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. № 106.
- Кузнецов В. А.** 1964. Северный Зеленчукский храм X века // СА. № 4.
- Кузнецов В. А.** 1970. Новое в археологии Северной Осетии // Архив СОИГСИ, ф. 6, д. 91.
- Кузнецов В. А.** 1971. Алания в X-XIII вв. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А.** 1974. Путешествие в древний Иристон. М.
- Кузнецов В. А.** 1975. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V-XIII вв. // МАДИСО. Т. III. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А.** 1978. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе.

- Кузнецов В. А.** 1980. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А.** 1980а. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А.** 1984. Очерки истории алан. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А.** 1984а. Катакомбный могильник у г. Алагир // Вопросы осетинской археологии и этнографии. Орджоникидзе. Вып. 1.
- Кузнецов В. А.** 1985. Алания и Византия // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Кузнецов В. А.** 1990. Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ.
- Кузнецов В. А.** 2000. Забытый Кремух // ИИА. Вып. 6. Армавир — М.
- Кузнецов В. А.** 2003. Эльхотовские ворота в X-XV вв. Владикавказ.
- Кузнецов В. А., Чеченов И. М.** 2000. История и национальное самосознание. Владикавказ.
- Кузьминов П. А.** 2009. Эпоха реформ 50-70-х XIX века у народов Северного Кавказа в дореволюционном кавказоведении. Нальчик.
- Кулаковский Ю.** 1898. Христианство у алан // ВВ. № 1.
- Кулаковский Ю.** 1899. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев.
- Кулаковский Ю.** 2000. Избранные труды по истории аланов и Сарматии/Сост., вступ. ст., коммент., карта: С. М. Перевалов. СПб.
- Кумыков Т. Х.** 1963. Из истории судебных учреждений в Кабардино-Балкарии (конец XVIII-XIX вв.) // Уч. Зап. КБНИИ. Т. XIX.
- Кумыков Т. Х.** 1965. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик.
- Кумыков Т. Х.** 1969. К вопросу о возникновении и развитии феодализма у адыгских народов // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.
- Кумыков Т. Х.** 1988. Основные этапы и некоторые особенно-

- сти феодализма у адыгских народов // РФОНСК.
- Кучма В. В.** 1982. Теория и практика военного дела византийской империи по данным трактатов X в. // Византийские очерки. М.
- Кушева Е. Н.** 1950. Политика Русского государства на Северном Кавказе в 1552-1572 гг. // ИЗ, т. 34.
- Кушева Е. Н.** 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией [вторая половина XVI- 30-е гг. XVII в.]. М.
- Кушева Е. Н.** 1969. О некоторых особенностях генезиса феодализма у народов Северного Кавказа // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.
- Кызласов И. Л.** 1995. Погребальный обряд и уровень развития общества // РА. № 2.
- Кызласов Л. Р.** 1999. Города гуннов // Евразийские древности. М.
- Лавров Л. И.** 1965. Нашествие монголов на Северный Кавказ // ИСССР. № 5.
- Лавров Л. И.** 1966, 1968, 1980. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М. Ч. 1-3.
- Лавров Л. И.** 1978. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.
- Лавров Л. И.** 1979.
- Лавров Л. И.** 1981. Загадочные «Татцкие земли» на Центральном Кавказе в XVI в. // Среднеазиатско-кавказские чтения. Л.
- Лавров Л. И.** 1982. Этнография Кавказа. Л.
- Лавров Л. И.** 1984. Стихийные бедствия на Северном Кавказе // КЭС. Т. VIII. М.
- Лавров Л. И.** 2009. Избр. труды по культуре абазин, адыгов, карачаевцев, балкарцев. Нальчик.
- Лазарова Э. Т.** 2007. Католичество на Северном Кавказ (XIII — нач. XX века). Автореф. канд. дис. Владикавказ.
- Лашук Л. П.** 1977. Введение в историческую социологию. Вып. 2. М.
- Левитский В. Ю.** 2007. Кавказ в творческом наследии М. М. Ковалевского: историко-правовые взгляды. Автореф. канд. дис. Владикавказ.

- Леонтович Ф. И.** 1882, 1883. Адаты кавказских горцев. Т. 1, 2. Одесса.
- Лиахвели Г.** 1886. Древний осетинский суд // Юридическое обозрение. № 292.
- Линден В.** 1916. Краткий очерк бывшего общественно-политического и поземельного строя народностей, населяющих мусульманские районы Кавказа // Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис.
- Ложкин М. Н.** 1984. Аланы на Урупе // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе.
- Лонгворт Дж.** 1974. Год среди черкесов // АБКИЕА.
- Лукиан Самосатский. 1948. Токсарис или дружба // ВДИ. № 1.
- Лынша В. А.** 1997. Рец.: Ранние формы политической организации. М., 1995 // Восток. № 5.
- Лысенко Н. Н.** 2000. Историческая прародина алан. СПб.
- Лысенко Н. Н.** 2002. Асы-аланы в Восточной Скифии. СПб.
- Лысенко Н. Н.** 2003. Саи царя Сайтафарна и сарматы царские // Древности Кубани. Вып. 19. Краснодар.
- Люлье Л.** 1991. Черкессия — историко-этнографические статьи // Черкесы (Адыге). Нальчик.
- Магомедов А. Р.** 1976. К вопросу изучения древней и средневековой истории народов Кавказа // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.
- Магомедов А. Р.** 1985. Хозяйственная жизнь и социальный строй Нагорного Дагестана в XV-XVII вв. Ростов н/Д.
- Магомедов М. Г.** 1988. Пути формирования Хазарского раннефеодального государства // РФОНСК.
- Магомедов Р. М.** 1957. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVII — начале XIX веков. Махачкала.
- Магомедов Р. М.** 1968. История Дагестана. Махачкала.
- Магомедов Р. М.** 1971. Дагестан: Исторические этюды. Махачкала.
- Магомедов Р. М.** 1988. О некоторых особенностях развития феодальных отношений у народов Дагестана // РФОНСК.
- Магомедов Р. М., Криштопа А. Е.** 1978. Борьба против та-

таро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды // Изв. СКНЦВШ. №3. Ростов н/Д.

Магомедов А. Х. 1968. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.

Магомедов А. Х. 1968а. Сельская община у осетин // Уч. Зап. СОГПИ. Т. 28. Вып. 2.

Магомедов А. Х. 1974. Общественный строй и быт осетин (XVII-XIX вв.). Орджоникидзе.

Магомедов А. Х. 1978. Политическое устройство у горских народов в первой половине XIX века // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Мазур Л. Д., Машинский А. П. 2008. Культурный комплекс у с. Лезгор // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. М.

Маковский М. М. 1996. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.

Максимов Е. 1892. Осетины // Туземцы Северного Кавказа. Вып. I.

Малахов С. Н. 1995. Алано-византийские заметки // Аланы: история и культура. Владикавказ.

Малахов С. Н. 1997. Алано-византийские заметки // ИАА. Вып. 3. М.-Армавир.

Малахов С. Н. 2003. Из алано-тюркского ономастикона // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии: VI Минаевские чтения. Ставрополь.

Малахов С. Н., Орфинская О. В. 2001. Византийские филактерии и аланские шелковые мешочки-реликварии // ИАА. Вып. 7. Армавир — М.

Мальбахов Б., Эльмесов А. 1994. Средневековая Кабарда. Нальчик.

Мальбахов Б. К., Дзамихов К. Ф. 1996. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством. Нальчик.

Мамбетов Г. 2003. Г.А. Кокиев и дискуссия 17 августа 1948 года о кабардинском феодализме // Вестник ИГИ, вып.

10. Нальчик.

Мамиева И. В. 2012. Институт эпического сказительства на Северном Кавказе: Универсалии и этноспецифика // Вестник СОИГСИ. Вып. 8.

Мамиева И. В. 2013. Сказитель и его функции: К вопросу об архаическом синкретизме // Вестник СОГУ. Общественные науки. № 2.

Мансуров Н. С. 1892. Кавдасарды Тагаурского общества // Новое обозрение. № 2910.

Мансуров Н. С. 1894. Обычный суд у осетин // Каспий. № 38, 48, 58.

Маньков А. Г. 1980. Уложение 1649 года — памятник феодального права России. Л.

Маретина С. А. 1987. Социальная стратификация и становление государства (на примере малых народов Индии) // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М. М.

Марзоев И. 1999. Кабарда — Осетия: родственная солидарность // Эльбрус. № 1.

Маретина С. А. 1995. К проблеме универсальности вождеств: о природе вождей нага (Индия) // Ранние формы политической организации.

Мариньи 2002. — Табу де Мариньи. Путешествие по Черкессии. Фредерик Дюбуа де Монпере. Путешествие вокруг Кавказа. Нальчик.

Марков Г. Е. 2001. Кочевое скотоводство и его перспективы // IV Конгресс этнографов и антропологов России. М.

Марков Е. 1913. Очерки Кавказа. 3-е изд. СПб.-М.

Марковин В. И. 1994. Современные проблемы в изучении истории Северного Кавказа // РА. № 1.

Марковин В. И. 1996. Северный Кавказ: историко — археологическое изучение и современность // РА. N 3. С. 90-105.

Марковин В. И. 1996а. Археология Северного Кавказа и современность // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа [IX «Крупновские чтения»]

Маркович В. В. 1906. В верховьях Ардона и Риона // Зап.

ИРГО. Вып. XXXVIII. № 3.

Март Н. Я. 1920. Племенной состав населения Северного Кавказа. Пгр.

Март Н. Я. 1933. К истории Кавказа по данным языка. Тифлис.

Март Н. Я. 1935. Избр. Раб. М.-Л. Т. V.

Маслов Е. П., Керэфов К. Н. 1964. Очерки экономической географии Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик.

Маслоковец К. 1862. Кавказские перевалы // Журнал главного управления путей сообщения. Т. 38. Кн. VI.

Массон В. М. 1996. Палеолитическое общество Восточной Европы (вопросы политэкономии, культурогенеза и социогенеза). СПб.

Материалы по хронологии и генеалогии [А. Р. Шихсаидов и др.] // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала, 1986.

Материалы для написания истории Осетии, собранные М. А. Полиевктовым // Архив СОИГСИ, ф. 1, д. 29.

Матузова В. И. 1979. Английские средневековые источники. IX-XIII вв. М.

Мафедзев С. Х. 1992. Статусы мальчиков и девочек, мужчин и женщин и их роль в нравственном воспитании // Актуальные проблемы феодальной Кабарды и Балкарии. Нальчик.

Мейман М. Н., Сказкин С. Д. 1960. К вопросу о непосредственном переходе к феодализму на основе разложения первобытнообщинного способа производства // ВИ. № 1.

Меликишвили Г. А. 1959. К истории древней Грузии. Тбилиси.

Меликишвили Г. А. 1975. К вопросу о характере древних закавказских и средневековых северокавказских классовых обществ // ИСССР. № 6.

Мельников-Разведенков С. Ф. 1901. Экскурсия на Цейский ледник // СМОМПК, вып. XXIX.

Мельникова Е. А. 2003. Предисловие // ДГВЕ: 2001 год М.

Меретуков К. Х. 1990. Адыгейский топонимический словарь. М.

- Меховский М.** 1936. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.
- Мехтулинские** 1869. — Мехтулинские ханы // ССКГ. Вып. II.
- Мизиев И. М.** 1986. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик.
- Мизиев И. М.** 1987. Об экономическом развитии Балкарии и Карачая по археологическим данным XIII-XVIII вв. // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный.
- Мизиев И. М.** 1990. История рядом. Нальчик: Эльбрус. — 246 с.
- Мизиев И. М.** 1991. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая. Нальчик.1
- Миклухо-Маклай Н. Д.** 1954. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке // Уч. Зап. Ин-та востоковедения. Т. IX. М.-Л.
- Миллер В. Ф.** 1881, 1882, 1887. Осетинские этюды. Вып. I-III.
- Миллер В. Ф.** 1998. В горах Осетии. Владикавказ.
- Миллер Вс. и Ковалевский М.** 1884. В горских обществах Кабарды // ВЕ. № 4.
- Минорский В. Ф.** 1963. История Ширвана и Дербента X-XI веков. М.
- Мирзамагомедов Г. М.** 1986. Характеристика арабоязычных дагестанских источников эпистолярного жанра XVIII — нач. XIX вв. // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала.
- Мирзаханова И. С.** 2001. Традиционные игры лакской молодежи // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. СПб.
- Мкртумян Г. Г.** 1983. Грузинское феодальное княжество Кахети в VIII-XI вв. и его взаимоотношения с Арменией. Ереван.
- Моисей Хоренский** 1858. История Армении/Пер. Н. Эмина. М.
- Моора Х. А., Лигу Х. М.** 1969. К вопросу о генезисе феодальных отношений у народов Прибалтики // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.
- Мровели Л.** 1979. Жизнь картлийских царей/Пер., предисл.

и комм. Г. В. Цулая. М.

Мужухоева З. Д. 1982. Организация управления Чечено-Ингушетии в 40-60 гг. XIX века // *Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом*. Грозный.

Муравьев С. Н. 1997. Новый труд по древней географии Кавказа и Закавказья // *ВДИ*. № 2.

Муратова Е. Т. 2007. Социально-политическая история Балкарии XVII — начала XX в. Нальчик.

Мусукаев А. И. 1982. О Балкарии и балкарцах. Нальчик.

Мусукаев А. И. 1997. Века родословий. Нальчик.

Мусукаев А. И. 1999. История, воспевающая память // *Эльбрус*. № 1.

Мусукаев А. И. 2000. Исторические корни и значимость генеалогической памяти // *Эльбрус*. № 1. Нальчик.

Налбандян Г. М. 1977. Армянские личные имена скифо-аланно-осетинского происхождения // *Вопросы иранской и общей филологии*. Тбилиси.

ННСИГ — Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова А. И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. Тексты, пер., комм. М., 1982.

Наглер А. О. 1986. Средневековое зодчество в трудах Л. П. Семенова // Л. П. Семенов — профессор-кавказовед, ученый-интернационалист. Тез. докл. Грозный, 1986.

Наглер А. О., Чипирова Л. А. 1985. К вопросу о развитии хозяйственных типов древних обществ // *Античность и варварский мир*. Орджоникидзе.

Нагоев А. Х. 2000. Средневековая Кабарда. Нальчик.

Налоев З. М. 1980. О придворном джегуако // *Из истории феодальной Кабарды и Балкарии*. Нальчик.

Налоев З. М. 2011. Институт джегуако. Нальчик.

Налоева Е. Дж. 1980. Об особенностях кабардинского феодализма // *Из истории феодальной Кабарды и Балкарии*. Нальчик.

Народы... 1960. Народы Кавказа. Т. 1. М.

Нарожная Ф. Б. 2007. Новые монетные находки золотоор-

дынской поры с территории Северного Кавказа // Археологический журнал. № 1. Армавир.

Нарожный Е. И. 1987. К изучению динамики золотоордынского присутствия на Центральном Кавказе // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный.

Нарожный Е. И. 2000. Северный Кавказ: этапы исторического развития. Армавир.

Нарожный Е. И. 2004. Новые случайные находки эпохи Золотой Орды с территории Северного Кавказа // МИАСК. Авт. 4. Армавир.

Нарожный Е. И. 2005. О датировке погребений № 1 и № 3 кургана № 1 у села Новоселицкое на Ставрополье // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: VII «Минаевские чтения» по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. Ставрополь.

Нарочницкий А. Л. 1976. Основные проблемы обобщающего труда по истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней // Изв. СКНЦВШ. № 4. Ростов н/Д.

Нарты 2004. — Нарты кадджыта: Ирон адамы эпос. Ч. 2. Дзауджикау (на осетин. яз.).

НК 2005. — Нарты кадджыта. Дзауджикау (на осетин. яз.).

Натаев С. А. 2013. Чеченские тайпы. Махачкала.

Невская В. П. 1980. Сельская община и феодализация горских обществ Северного Кавказа // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности феодализма на Северном Кавказе. Махачкала.

Невская В. П. 1988. Сельская община и феодализация горских обществ Северного Кавказа // РФОНСК.

Невская В. П., Невская Т. А. 1978. Сельская община у карачаевцев в XIX веке // Социальные отношения у народов Северного Кавказа. Орджоникидзе,

Неусыхин А. И. 1967. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // ВИ. № 1.

Неусыхин А. И. 1968. Дофеодальный период как переходная

стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Проблемы истории докапиталистических обществ. Кн. 1. М.

Никифор Вриенний. 1858. Исторические записки. СПб.

Никольский С. Л. 2001. Варяжская дружина и ее роль в становлении Древнейшей Правды // IV Конгресс этнографов и антропологов России. М.

Новосельцев А. П. 1969. К истории аланских городов // МАДИСО. Т. II. Орджоникидзе.

Новосельцев А. П. 1972. Страны закавказского и среднеазиатского регионов // Пути развития феодализма. М.

Новосельцев А. П. 1979. К проблеме генезиса феодальной земельной собственности в странах Закавказья // Проблемы развития феодальной собственности на землю. М.

Новосельцев А. П. 1980. Генезис феодализма в странах Закавказья. М.

Новосельцев А. П. 1985. Древнейшие государства на территории СССР. Некоторые итоги и задачи изучения // История СССР. № 6.

Новосельцев А. П. 1986. Некоторые черты древнерусской государственности в сравнительно-историческом аспекте // ДГТ СССР. 1985.

Новосельцев А. П. 1990. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М.

Новосельцев А. П. 1991. Образование древнерусского государства и первый его правитель // ВИ. № 2-3.

Новосельцев А. П. 2000. Древняя Русь, Кавказ и Закавказье в восточных источниках // ДГВЕ. 1998. М.

Ногмов Ш. Б. 1861. История адыгейского народа. Тифлис.

Ногмов Ш. Б. 1958. История адыгейского народа. Нальчик.

Ногмов Ш. Б. 1982. История адыгейского народа. Нальчик.

Ногмов Ш. Б. 1994. История адыгейского народа. Нальчик.

Ньоли Г. 2002. Название алан в сасанидских надписях. Владикавказ.

О правах 2003. — О правах высших горских сословий в Кубанской и Терской областях // Сборник документов по со-

- словному праву народов Северного Кавказа. Нальчик.
- Озова Ф. О.** 2013. Черкесо-итальянские исторические пересечения и параллели // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 2. Нальчик.
- ОГРИП** — Осетины глазами русских и иностранных путешественников/Сост. и коммент. Б.А. Калоева. Орджоникидзе, 1967.
- Ольховский В. С.** 1995. Погребальная обрядность и социологическая реконструкция // РА. № 2.
- Ольшевская М. И.** 1970. М.М. Ковалевский о некоторых вопросах истории осетинского народа // Изв. СОНИИ, 1970. Т. XXVIII.
- Осетинское...** 1961. — Осетинское народное творчество/Под ред. З.М. Салагаевой. Орджоникидзе. Т. I, II.
- Осетины** // 1870. Статьи из неофициальной части «Терских ведомостей». Владикавказ.
- Очерки** 1988. — Очерки по истории Грузии/Ред. М. Д. Лордкипанидзе. Т. II. Тбилиси.
- Очерки** 1989. — Очерки истории Грузии/Ред. Г. А. Меликишвили. Т. I. Тбилиси.
- ПРФ** — Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма. М. 1972.
- Павленко Ю. В.** 1989. Раннеклассовые общества. Киев.
- Павлов-Сильванский Н.** 1924. Феодализм в Древней Руси. Пгр.
- Павлов-Сильванский Н. П.** 1988. Феодализм в России. М.
- Паллас П.-С.** 2006. Заметки о путешествии в южные наместничества Российского государства в 1793-1794 годах // Северный Кавказ в европейской литературе XIII-XVII веков. Нальчик.
- Памятник эриставов** 1979./Пер., исслед. и примеч. С.С. Какбадзе. Тбилиси.
- Памятники** 1928. Памятники народного творчества осетин. Вып. 3. Владикавказ.
- Панеш Э. Х.** 1995. Традиции в политической культуре народов Северо-Западного Кавказа // Этнические аспекты вла-

сти. СПб.

Пахомов Е. А. 1938. 1940. Клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. II, III. Баку.

Пашуто В. Т. 1970. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

Перевалы 1852. — Перевалы, через которые проходят горные тропы на Кавказском хребте // Кавказский календарь на 1853 г. Тифлис, 1852.

Песня 1922. — Песня об Алгузе/Пер. М. Джанашвили, предисл. Г. Баева. Берлин.

Петрухин В. Я. 2001. «Русский каганат», скандинавы и Южная Русь: средневековая традиция и стереотипы современной историографии // ДГВЕ. 1999 г. М.

Петрухин В. Я., Раевский Д. С. 1998. Очерки истории народов России. М.

Петрушевский И. П. 1970. Иран и Азербайджан под властью Хулагидов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М.

Пигулевская Н. 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М.-Л.

Плано Карпини. 1997. История монголов/3-е изд. **Г. де Рубрук.** 1997. Путешествие в Восточные страны/3-е изд. **Книга Марко Поло** 1997./4-е изд. М.

Плано Карпини. 2005. История монголов // История монголов. М.

Плетнева С. А. 1967. От кочевий к городам // МИА. № 142.

Плетнева С. А. 1976. Хазары. М.

Плетнева С. А. 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.

Плетнева С. А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. М., 1989.

Плетнева С. А. 1993. Возможности выявления социально-экономических категорий по материалам погребальной обрядности // РА. № 4.

Плетнева С. А. 1996. Саркел и «шелковый путь». Воронеж, 1996.

ПВЛ 1950. — Повесть временных лет по Лаврентьевской ле-

тописи/Подготовка текста, статьи и комм. Д.С. Лихачева. Ч. I, II. М.-Л.

Погребова М. Н. 1990. О характере скифских походов через Кавказ // Вопросы иранистики и алановедения. Владикавказ.

Покровский М. В. 1923. Завоевание Кавказа // Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.

Покровский М. 1924. Предисловие // Павлов-Сильванский Н. Феодализм в Древней Руси. Пгр.

Полиевктов М. А. 1926. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию 1650-1652. Тифлис.

Полиевктов М. А. 1932. Экономические и политические разведки Московского государства в XVII в. на Кавказе. Тифлис.

Полиевктов М. А. 1935. Европейские путешественники XIII-XVIII вв. по Кавказу. Тифлис.

Полубояринова М. Д. 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Половинкина Т. В. 1999. Черкесия — боль моя. Майкоп.

Полубояринова М. Д. 1978. Русские люди в Золотой Орде. М.

Поршнев Б. Ф. 1964. Феодализм и народные массы. М.

Поршнев Б. Ф. 1966. Социальная психология и история. М.

Почекаев Р. Ю. 2006. Рец.: Чойжилжавын Чойсамба. Завоевательные походы Бату-хана / Пер. с монг. Чойжилжавын Чойсамба. М., 2006 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. СПб.

Предание 1948 — Предание о Царгасе, Азнауре и Хамите // Изв. СОНИИ, т. XV, вып. III.

Проблемы 1969. — Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Прокопий из Кесарии 1950. Война с готами / Пер. С. П. Кондратьева. Вступ. статья З. В. Удальцовой. М.

Пронштейн А. П. 1988. Некоторые проблемы возникновения и развития феодальных отношений на Северном Кавказе в новейшей советской историографии // РФОНСК.

Пропп В. Я. 1986. Исторические корни волшебной сказки. 2-е изд. Л.

- Путешествие...** 1939. — Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу/Перев. и комм. А. П. Ковалевского. М.-Л.
- Путешествие...** 1957. — Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.
- Пфаф В. Б.** Материалы для истории осетин//ССКГ, 1870, 1871. Вып. IV, сс. 1-95. Вып. V, сс. 1-100.
- Пфаф В. Б.** Народное право осетин // ССК, 1871, 1872. Вып. I, сс. 77-246. Вып. II. С. 284-325.
- Пфаф В. Б.** Путешествие по ущельям Северной Осетии// ССК, 1871. Вып. 1. С. 127-176.
- Пфаф В. Б.** Этнологические исследования в Осетии // Изв. КОИРГО, 1894. Т. 1. С. 6-10.
- Пчелина Е. Г.** 1934. Крепость «Зильде машиг» // СЭ, 1934. № 3. С. 81-107.
- Пчелина Е. Г.** 1940. Нузальская часовня в Северной Осетии // Архив СОИГИ, ф. 6, оп. 1, д. 20.
- Пчелина Е. Г.** 1946. Местность Уаллагир и шесть колен рода Особагата // Архив СОИГСИ, ф.6, д. 21.
- Пчелина Е. Г.** 1947. Урсдонское ущелье в Северной Осетии // Труды отдела истории культуры и искусства народов Востока. Т. IV. Л.
- Пчелина Е. Г.** 1966. Осетинская мельница «къада куырой» // Изв. СОНИИ. Т. XXV.
- Пчелинцева Н. Д., Соловьева Л. Т.** 2001. Половая дифференциация в процессе социализации детей у народов Северного Кавказа // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. 1998-1999 гг. М.
- Пчелов Е. В.** 2000. Летописный рассказ о призвании варягов как династическая легенда // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Пашутинские чтения. М.
- Пчелов Е. В.** 2008. Династическая история рода Рюриковичей // ДГВЕ. 2005 год. М.
- Пшемурзов В. Х.** 2000. Генеалогия, историческая память, ментальность // Эльбрус. № 1. Нальчик.
- Пшизова А. К.** 2001. К истории дворянства егерхайского

субэтноса // IV Конгресс этнографов и антропологов России. М.

Пьянков А. В. 2001. Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Северный Кавказ и кочевой мир Евразии: V «Ми-наевские чтения». Ставрополь.

Пьянков А. В. 2003. Клад византийских монет комниновско-го времени, найденные на Тамани в 1995 г. // МИАК. Вып. 3. Краснодар.

Пьянков А. В. 2004. Народ касоги и страна Каса // Древний Кавказ: ретроспекция культур (XXIV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа). М.

Пьянков А. П. 1969. Социальный строй восточных славян в VI-VII вв. // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Пьянков И. В. 2002. Рец.: *Marek J. Olbrycht. Parthia et ulteriores gentes: die politische Beziehungen zwischen dem arsakidieschen Iran und den Nomaden der eurasischen Steppen.* Munchen, 1998. // ВДИ. № 3.

ПСРЛ. 1928. Т. I. Вып. 3. Л.

Работа 1934. — Работа горских научно-исследовательских институтов Северного Кавказа в области истории // *Историк-марксист.* № 31

Равич И. Г., Флеров В. С. 2000. Высокоооловянные кованые восточные бронзы на территории Хазарии // РА. № 3.

Рагимова Б. Р. 2001. Особенности половозрастного разделения труда в традиционной дагестанской семье // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. 1998-1999 гг. М.

Раевский Д. С. 1974. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М.

Развитие 1988. — Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. Махачкала.

Раннефеодальные 1985. — Раннефеодальные государства на Балканах VI-XII вв./Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.

Ранние формы 1993. Ранние формы социальной стратификации. М.

- Ранние формы** 1995. — Ранние формы политической организации. М.
- Рахимов Р. Р.** 1995. Концепция лидерства в культуре таджиков // Этнические аспекты власти. М.
- Рашид ад-Дин.** 1946. Сборник летописей. Т. III. М.-Л.
- Рашид ад-Дин.** 1952. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. М.-Л.
- Рашид ад-Дин.** 1960. Сборник летописей. Т. II. М.-Л.
- Рерих Ж.** Аланские войска в монгольскую эпоху // Пер. с франц. Н. А. Джанаевой: Архив СОИГИ, ф. Литерат., д. 41, оп. 1, д. 52.
- Робакидзе А. И.** 1978. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // СЭ. № 2.
- Робакидзе А. И.** 1988. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // РФОНСК. Махачкала.
- Ртвеладзе Э. В.** 1972. К истории города Маджар // СА. № 3.
- Ртвеладзе Э. В.** 1976. О походе Тимура на Северный Кавказ // АЭС. Т. IV. Грозный.
- Ртвеладзе Э. В.** 2008. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев центральные районы Северного Кавказа // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М.
- Ртвеладзе Э. В.** 2008а. Культура городов Центрального Предкавказья в золотоордынское время // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения, 1971-2006. М.
- Рубрук Г.** 1957. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.
- Рудницкий Р. Р.** 2001. О зороастризме у алан в VII-IX вв. // ИАА. Вып. 7. Армавир-М.
- Рунич А. П.** 1976. Захоронения вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. № 3.
- Рунич А. П.** 1977. Два богатых раннесредневековых погребения из Кисловодской котловины // СА. № 1.
- РОО** 1984. — Русско-осетинские отношения. Т. 2.
- Савенко С. Н.** 1986. Этнокультурная характеристика богатых

погребений конца XI — первой половины XII вв. могильника Кольцо-Гора // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе.

Савенко С. Н. 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников узловой пункт Великого шелкового пути на Северном Кавказе // РА. № 1.

Салагаева З. М. 1976. Нузальская надпись «нас было девять братьев» // Проблемы литературы и эстетики. Орджоникидзе.

Салагаева З. М. 1984. От Нузальской надписи — к роману. Орджоникидзе.

Сальников А. В. 2008. Эволюция вооружения северокавказского воина XIII-XV веков под влиянием центральноазиатского и европейского военного дела. Рукопись канд. дис. Ставрополь.

Самир Хатко 1999. Генуэзцы в Черкесии (1266-1475) // Эльбрус. № 1. Нальчик.

Санакоев М. П. 1983. Дружба, скрепленная в веках. Цхинвали.

Сахаров А. М. 1979. Феодалная собственность на землю в российском государстве XVI-XVII вв. // Проблемы развития феодалной собственности на землю. М.

Сб. док. 2003. — Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897 гг. Т. I, II. Нальчик.

СМИЗО — Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 2. М.-Л., 1941.

Сванидзе А. А. 1986. О роли рабства в генезисе североазиатского феодализма // ДГТ СССР. 1985. М.

Сванидзе А. А. 2008. Королевский пир в средневековой Скандинавии. От саг до «Хроники Эрика» // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М.

Свод 1986. — Свод этнографических понятий и терминов. Социально-экономические отношения и соционормативная культура. М.

Северный Кавказ 2006. — Северный Кавказ в европейской

литературе XIII-XVIII веков. Нальчик.

Семенов Л. П. 1947. Из истории города Дзауджикау. Дзауджикау.

Семенов Л. П. 1948. Археологические разыскания в Северной Осетии // Изв. СОНИИ, т. XII.

Семенов Ю. И. 1993. Переход от первобытного общества к классовому: пути и варианты развития // ЭО. № 1, 2.

Сивер А. В. 2003. Социальное устройство как фактор этнической идентификации адыгов-шапсугов // ЭО. № 4.

Сивер А. В. 2013. Этико-правовые параллели адыгагэ и апсура: универсалии и специфика // Археология и этнология Северного Кавказа. Вып. 2. Нальчик.

Сигаури И. М. 1997. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. М.

Симоненко А. В. 2001. «Сарматская посадка» — историческая реальность или исторический миф? // Третья Кубанская археологическая конференция. Краснодар — Анапа.

Сказкин С. Д. 1973. Избранные труды по истории. М.

Скаков А. Ю. 2006. «Нартовские ныхасы» Кавказа // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. М.

Скитский Б. В. 1930. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды. 1739-1779 гг. Владикавказ, 1930.

Скитский Б. В. 1933. К вопросу о феодализме в Дигории. Орджоникидзе.

Скитский Б. В. 1947. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 г. // Изв. СОНИИ. Т. XI.

Скитский Б. В. 1949. Хрестоматия по истории Осетии. Ч. 1. Дзауджикау.

Скитский Б. В. 1972. Очерки истории горских народов. Орджоникидзе.

Сланов А. А. 2007. Военное дело алан I-XV вв. Владикавказ.

Сланов А. 2002. Военное искусство алан в IV-XV вв. // Дарьял. № 3.

Соловьев С. М. 1988. Кн. I. // Соч. в 18 кн. М.

Смирнов М. И. 2000. Компьютерные исследования род-

ственных связей с кавказскими титулованными родами // Эльбрус. № 1.

Страбон. 1964. География/Пер., статья и комм. Г.А. Стратановского. Л.

Студенецкая Е. Н. 1937. К вопросу о феодализме и рабстве в Кабарде XIX в. // СЭ. № 2-3.

Схатум Р. Б. 2003. Щит в комплексе вооружения оседлых племен Северо-Западного Кавказа в золотоордынский период // МИАК. Вып. 3. Краснодар.

Схатум Р. Б. 2005. Шлемы из Убинского могильника // МИАК. Вып. 5. Краснодар.

Такайшвили М. С. 1915. Археологические путешествия, разыскания и заметки // СМОМПК. Вып. 44.

Тарих-Дагестан 1993./Введ., перев., коммент. А. Р. Шихсаидова // Шихсаидов А. Р., Айтберов А. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.

Тарихи Эндирей 1993./Перев., введ., коммент. Г. М.-Р. Оразаева // Шихсаидов А. Р., Айтберов А. М., Оразаев Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М81.

Тацит Корнелий 1968. Соч. в 2-х томах. Л.

Тизенгаузен В. Г. 1884. СМИЗО. Т. I. СПб.

Тизенгаузен В. Г. 1941. СМИЗО. Т. II. М.

Тменов В. Х. Археологическое изучение склепа № 15 в сел. Дзвгис [Куртатинское ущелье] // НА СОИГСИ, ф. 6, д. 159.

Тменов В. Х. 1984. Средневековые историко-архитектурные памятники Северной Осетии. Орджоникидзе.

Тменов В. Х. 1996. Зодчество средневековой Осетии. Владикавказ.

Тменов В. Х., Бесолова Е. Б., Гोनобоблев Е. Н. 2000. Религиозные воззрения осетин. Владикавказ.

Тогошвили Г. Д. 1976. Грузино-осетинские взаимоотношения накануне и в период присоединения Северной Осетии к России // Изв. СОНИИ. Т. XXXI.

Тогошвили Г. Д. 1980. К вопросу о характере грузино-северокавказских взаимоотношений в XI-XIII вв. // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси

Тогошвили Г. Д. 1981. Вопросы истории народов Северного Кавказа и их взаимоотношений с Грузией в грузинской советской историографии // Грузино-северокавказские взаимоотношения. Тбилиси.

Тогошвили Г. Д. 1984. К вопросу о времени и условиях переселения осетин на территорию Грузии // Изв. ЮОНИИ. Вып. XXVIII.

Тогошвили Г. Д. 1988. Вопросы социального строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // РФОНСК.

Тогошвили Г. Д. 1988а. К вопросу о характере грузино-северокавказских взаимоотношений в XI-XIII вв. // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси.

Тогошвили Г. Д. 2012. Избранные труды по кавказоведению. Т. 1. Владикавказ.

Тогошвили Г. Д., Цховребов И. Н. 1962. История Осетии в документах и материалах. (С древнейших времен до XVIII в.) Цхинвали. Т. 1.

Толстова Л. С. 1984. Исторические предания Южного Приаралья. М.

Тотоев Ф. В. 2009. Общественный строй Чечни (вторая половина XVIII — 40-е годы XIX века). Нальчик.

Трепавлов В. 2013. Просопографическое исследование о Чингисидах // РИ. № 3.

Тульчинский Н. П. 1903. Пять горских обществ Кабарды // ТС. Вып. V. Владикавказ.

Турчанинов Г. Ф. 1971. Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.

Тэйлор Э. 1939. Первобытная культура. М.

Уарзиати В. С. 1989. Из истории осетинско-кабардинских взаимоотношений // Проблемы этнографии осетин. Орджоникидзе.

Уарзиати В. С. 1995. Праздничный мир осетин. Владикавказ.

Уварова П. С. 1900. Материалы по археологии Кавказа. Вып. VIII. Могильники Северного Кавказа. М.

- Удальцова З. В.** 1969. О работе секции Научного совета «Генезис и развитие феодализма» // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.
- Удальцова З. В.** 1975. Проблемы типологии феодализма в Византии // Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типологические исследования. М.
- Фасмер М.** 1987. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М.
- Февр Л.** 2000. Бои за историю. Сретенск.
- Федоров-Давыдов Г. А.** 1996. Рец.: Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха. М., 1994 // РА. № 1.
- Федоров-Давыдов Г. А.** 2001. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. М.
- ФОД** — Феодальные отношения в Дагестане (XIX-XX в.) Архивные материалы. М., 1969.
- Фишман О. Л.** 2003. Китай в Европе (XIII-XVII вв.). СПб.
- Флерова В. Е.** 2001. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. М.
- Флоря Б. Н.** 1991. Эволюция социальных отношений и общественно-политических структур и возникновение государства // Раннефеодальные государства и народности. М.
- Фонвиль А.** 1991. Последний год войны Черкесии за независимость. 1863-1864 // Черкесы (Адыге). Нальчик.
- Фрай Р.** 2002. Наследие Ирана. 2-е изд. М.
- Франк А. Г.** 1992. Формационные подходы и мифологемы способов производства // Восток. № 2.
- Фролов Э. Д.** 2001. Сообщество друзей в политической жизни античной Греции. Предварительные замечания // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. X. М. — Магнитогорск.
- Фроянов И. Я.** 1974. Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л.
- Фроянов И. Я.** 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.
- Фрэзер Д. Д.** 1985. Фольклор в Ветхом Завете. 2-е изд. М.

- Фрэзер Д. Д.** 1986. Золотая ветвь. 2-е изд. М.
- Хадикова А. Х.** 2003. Традиционный этикет осетин. СПб..
- Хазанов А. М.** 1971. Очерки военного дела сарматов. М.
- Хазанов А. М.** 1979. Классообразование: факторы и механизмы // Исследования по общей этнографии. М.
- Хамицаева Т. А.** 1973. Историко-песенный фольклор осетин. Орджоникидзе.
- Хамицаева Т. А.** 1999. Цикл народных произведений об Аликове Хазби // Осетинская филология. Вып. III. Владикавказ.
- Хан-Гирей** 1978. Записки о Черкесии/Вступ. статья В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик.
- Хан-Гирей** 2008. Записки о Черкесии/Вступ. статья В. К. Гарданова и Г. Х. Мамбетова. Нальчик.
- Харке Г., Савенко С. Н.** 2000. Проблемы исследования древних погребений в западноевропейской археологии // Р исследования древних погребений в американской археологии // РА. № 1. № 2.
- Харке Г., Савенко С. Н.** 2000а. Проблемы.
- Харузин Н. Н.** 1882. Записки о юридическом быте чеченцев и ингушей // СМАЭ, т. III.
- Харузин Н.** 1903. Этнография. Вып. III. Собственность и первобытное государство. СПб.
- Хатуев Р. Т.** 1998. О «культе вождя» в Карачае и Балкарии // Среднеазиатско-кавказские (Лавровские) чтения. СПб.
- Хаханов А. С.** 1898. Очерки по истории грузинской словесности. Вып. 3. М.
- Хашаев Х. М.** 1961. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.
- Херрман Й.** 1986. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона // Славяне и скандинавы. М.
- Хетагуров К.** 1960. Соч. в V томах. Т. IV. М.
- Хизриев Х. А.** 1979. Из истории освободительной борьбы народов Северного Кавказа против татаро-монгольских завоевателей // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. Грозный.
- Хизриев Х. А.** 1982. Борьба народов Северного Кавказа с экс-

пансией Тимура. Л. Автореф. канд. дис. — 15 с. В надзаг.: Ленинград. ун-т им. А. А. Жданова.

Хизриев Х. А. 1982а. К вопросу о социально-экономическом положении народов Северного Кавказа в XIII-XIV вв. // Общественные отношения у чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный.

Хизриев Х. А. 1982б. Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Тереке // ВИ. № 4.

Хизриев Х. А. 1986. Первые походы чингисидов на Северный Кавказ и их политические последствия // Вопросы политического и экономического развития Чечено-Ингушетии (XVIII — начало XX века). Грозный, 1986.

Хизриев Х. А. 1992. Кавказцы против Тимура. Грозный.

Хоренский М. 1858. История Армении/Пер. Н. Эмина. СПб.

Хрестоматия по истории осетинского народа. Цхинвал, 1993.

Цагаева А. Дз. 1975. Топонимия Северной Осетии. Ч. II. Орджоникидзе.

Цагараяев В. 2000. Золотая яблоня нартов. Владикавказ.

Ципинов А. А. 2000. Народная историческая проза адыгов. Нальчик.

Цулая Г. В. 1980. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа // КЭС. Т. VII. М.

Челеби Э. 1979. Книга путешествий. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.

Черепнин Л. В. 1972. Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности // Пути развития феодализма. М.

Черноус В. В. 2000. Культурно-цивилизационное взаимодействие на Северном Кавказе: история и некоторые современные тенденции // История: современные поиски и проблемы. Ростов н/Д.

Чеснов Я. В. 2001. Кавказский аристократизм: постановка проблемы // IV Конгресс этнографов и антропологов России. М.

Чеченцы: история и современность/Сост. и ред. Ю. А. Айдаев. М., 1996.

- Чибиров Л. А.** 1984. Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали.
- Чиковани Г. Д.** 1979. Осетинский нихас // КЭС. Т. V. Вып. 2. Тбилиси.
- Чичинадзе З.** 1993. История Осетии по грузинским источникам. 2-е изд. Цхинвал.
- Чойсамба Ч.** 2006. Завоевательные походы Бату-хана. М.
- Чочиев А. Р.** 1985. Очерки истории социальной культуры осетин. Цхинвали.
- Чочиев А. Р.** 1996. Нарты-арии и арийская идеология. Кн. 1. М.
- Чулков М.** 1776. Историческое описание российской коммерции. Т. 2. Кн. 2. СПб.
- Чурсин Г. Ф.** 1926. Этнография Кавказа // Новый Восток. Кн. XV.
- Шагиров А. К.** 1977. Этимологический словарь адыгского языка. Т. 1, 2. М.
- Шамхалы Тарковские** 1868. Историческая записка, составленная сословно-поземельной комиссией // ССКГ. Вып. I.
- Шанаев Д.** 1870. Осетинские народные сказания // ССКГ. Вып. III.
- Шаукат Муфти Х.** 1994. Герои и императоры в черкесской истории. Нальчик.
- Шафарик П. И.** 1837. Славянские древности. Т. I, кн. 2, 3.
- Шинаков Е. А.** 2000. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования древнерусского государства // Ранние формы социальной организации. СПб.
- Шифнер А.** 1868. Осетинские тексты. СПб.
- Шихсаидов А. Р.** 1969. Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала.
- Шихсаидов А. Р.** 1975. Дагестан в X-XIV вв. Махачкала.
- Шихсаидов А. Р.** 1980. Вопросы исторической географии Дагестана X-XIV вв. (Лакз, Гумик) // Восточные источники по истории Дагестана. Махачкала.
- Шихсаидов А. Р.** 1984. Эпиграфические памятники Дагестана X-XVII вв. как исторический источник. М.
- Шихсаидов А. Р.** 1986. Арабские источники IX-X вв. и вопро-

сы социально-экономического и военно-политического положения раннесредневекового Дагестана // Источниковедение средневекового Дагестана. Махачкала.

Шихсаидов А. Р., Айтберов А. М., Оразаев Г. М.-Р. 1993. Дагестанские исторические сочинения. М.

Шмидт С. О. 1997. Избранные труды по источниковедению и историографии. М.

Шнирельман В. А. 1985. Классообразование и дифференциация культуры // Этнографические исследования развития культуры. М.

Щавелев А. С. 2006. Съезд князей как политический институт // ДГВЕ. 2004 год. М.

Щапов Я. Н. 1969. Некоторые вопросы координации и деятельности секции научного совета // Проблемы возникновения феодализма у народов СССР. М.

Щегрен А. Извлечения... — Извлечения из рукописи Ногма «Предания черкесского народа» [Пер. со швед. Б. Д. Винер] // Архив КБНИИ, ф. 1, оп. V, д. 67.

Щегрен А. 1998. Осетинские исследования/Сост. и перев. Т. Т. Камболова. Владикавказ.

Эвлия Челеби. 1979. Книга путешествия. Вып. 2. М.

Эльфонд И. Я. 2008. Методы конструирования имиджа власти во Франции второй половины XVI в. // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М.

Эмин Н. 1881. Моисей Хоренский и древний армянский эпос. М.

Юзбашян К. Н. 1988. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI вв. М.

Юзбашян К. Н. 2001. Армянская эпопея V века. М.

Юшков С. В. 1938. К вопросу об особенностях феодализма в Дагестане. Свердловск.

Юшков С. В. 1946. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // ВИ. № 7.

Якуби 1927. История/Пер. П. К. Жузе. Баку.

Яценко С. А. 1994. Основные проблемы современных Сарматологии и Аланистики // Проблемы истории и культуры

сарматов. Волгоград.

Alemany A. 2002. The «Alanic» Title *Bayatar* // Nartamonga. Vol. I. № 1.

Allen W. E. D. 1970. Russian Embassies to the Georgian Kings 1589-1605. I. Cambridge.

Bailey H. W. 1980. Ossetic (Narta) // The modern Humanities Research Association. London.

Bailey H. W. 1980. Ossetic (Narta) // Nartamonga, 2003. Vol. II. №1-2.

Barber R. 1973. King Arthyr: In Legend and History. Ipswich.

Bielmeier R. 1993. Das alanische bei Tzetzes // Medioiranica. Leuven.

Bleichsteiner R. 1918. Das Volk der Alanen // Berichte des Forschungs-Institut für Osten und Orient. Wien. № 2.

Bretschneider E. 1876. Notices of Medieval Geography and History of Central and Western Asia. London.

Carneiro R. 2000. Process VS. Stages: A False in Tracing the Rise of the State // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Claessen H. J. 2000. Problems, Paradoxes and Prospects of Evolutionism // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Cornillat Fr. 2003. Du titre ossete aldar aux sources de L'Iran // Nartamonga, 2003. Vol. II. № 1-2.

Frye R. 1998. Ossete-Central Asian Connections // Studia Iranica et Alanica. Rome.

Frazer J. G. 1994. The Golden Bough. A new abridgment. London, New York.

Gerhardt D. 1939. Alanen und Osseten // ZDMG. Bd. 93.

Harmatta J. 1994. Nomadic and Sedentary Life in the Great Steppe-Belt of Eurasia// The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies. Napoli.

Koch K. 1851. Die Kaukasische Militärschtrase, der Kuban und die Halbinsel Taman. Leipzig.

Korotayev A. V. 2000. The Chieftdom: Precursor of the Tribe? // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.

Klaprot J. 1812, 1814. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808. Halle und Berlin. Th. 1, 2.

- Kradin N. N.** 2000. Nomadic Empires in evolutionary perspective // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.
- Liddell H. G., Scott R.** 1996. A Greek-English Lexicon. Oxford.
- Littleton S., Malcor A.** 2000. From Scythia to Camelot. New York-London.
- Mac Kenzie D. N.** 1971. A Concise Pahlavi Dictionary. Oxford.
- Mëason H. J.** 1974. Greek terms for Roman Institutions. A Lexicon and Analysis. Toronto.
- Meyers** 1883. — Meuers Hand-Lexikon des allgemeinen Wissens. Leipzig, Th. 1.
- Minorsky V.** 1958. A History of Sharvan and Darband in the 10th-11th centuries. Cambridge.
- Sikojew A.** 1985. Die Narten. Sohne der Sonne. Koln.
- Sjogren A. I.** 1848. Ossetische studien // Memories L'Academie imperiale des scens. St.-Ptb. Th. VII.
- Southal A.** 2000. On the Emergence of State // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.
- Spencer Ch. S.** 2000. The Political Economy of Pristine State Formation // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok. // Alternatives of Social Evolution. Vladivostok.
- Steder.** 1797. Tagebuch einer Reise, die im Jahre 1781 von der Gransfestung Mosdok nach inner Kaukasus unternommen worden. Leipzig.
- Stern L., Gericke H.** 1978. Deutschland in der Feudalepoche von der Mitte des 11 Jh. bis zur Mitte des 13 Jh. Berlin.
- Szimanski E.** 1988. Arabic Sources for the History of the Caucasus // Studia Caucaso logica, I. Oslo.
- Taubler E.** 1909. Zur Geschichte der Alanen // Klio. Leipzig. Bd. 91.
- Tosi M.** 1994. The Egalitarian Foundation of Steppe Empires // The Archaeology of the Steppes Methods and Strategies. Napoli.
- Zgusta L.** 1955. Die Personennamen griechischer Stadte der nordlichen Swarzmeer Kuste. Praha.
- Zuckerman C.** 2003. Les Alains et les As dans le Haut Moyen Age // Nartamonga, 2003. Vol. II. № 1-2.

Научное издание

ГУТНОВ ФЕЛИКС ХАЗМУРЗАЕВИЧ

ГОРСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ. ЧАСТЬ III.
СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В XIII-XV ВВ.

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 05.09.2012.

Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Гарнитура шрифта «Myriad».
Усл.п.л. 29,93. Тираж 100 экз. Заказ №???.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А

362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИПЦ СОИГСИ
362040, Владикавказ, пр. Мира, 10.